prose_su_classics

Вера
Казимировна
Кетлинская

Дни нашей жизни

Действие романа Веры Кетлинской происходит в послевоенные годы на одном из ленинградских машиностроительных заводов. Герои романа — передовые рабочие, инженеры, руководители заводского коллектива. В трудных послевоенных условиях восстанавливается на новой технической основе производство турбин, остро необходимых Родине. Налаживается жизнь героев, недавних фронтовиков и блокадников. В романе ставятся и решаются вопросы, сохраняющие свое значение и сегодня.

ru
ba

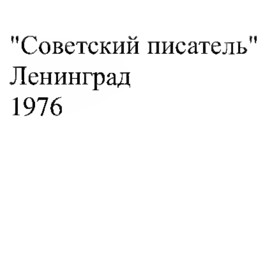
Алле-Оп

Your
Name

FictionBook Editor Release 2.6
18 March 2013
41D6DDBA-9504-4D65-9D94-0F547725DB4A
1.0

1.0 — создание файла

Дни нашей жизни

"Советский писатель"
Ленинград
1976

Часть первая

1

С утра падал легкий, пушистый снег. На аллеях, ве-дущих к Смольному, деревья стояли белые, будто при-наряженные, время от времени стряхивая на прохожих чистые, щекочущие хлопья.

Снегопад скрадывал очертания длинного светло-жел-того здания с белыми колоннами. В вышине над цент-ральным входом намокший темно-красный флаг медленно раскачивался в струях воздуха, как бы отма-хиваясь от роя снежинок. А внизу, вдоль стен, в оседаю-щих сугробах уже темнели желобки, пробитые капелью. Теплый воздух сулил весну.

В Смольном заканчивалось совещание директоров, и на стоянке машин тесными рядами выстроились солид-ные, но уже потускневшие автомобили довоенных выпу-сков, новенькие «победы», несколько щегольских «зисов» последнего образца и парочка малолитражных «москвичей», выглядевших тут подростками, некстати затесавшимися во взрослую компанию.

Шоферы стояли кучками, покуривая и переговари-ваясь. Потом эти летучие клубы мгновенно распались — шоферы устремились к своим машинам протирать мок-рые капоты и стекла, прогревать моторы...

По широким ступеням главного входа шумными группами спускались директора.

Обмениваясь впечатлениями и тут же, на ходу, дого-вариваясь о неотложных делах, они на минуту запол-нили всю лестницу, и энергичная фигура Ленина на заснеженном пьедестале оказалась как бы во главе их.

Так стремительно было запечатленное скульптором дви-жение, что снег соскальзывал с круто развернутых плеч Ильича и вся его фигура выглядела живой, участвую-щей в нынешнем дне.
Из гула голосов выделялись обрывки фраз:
— ...освоили три новых прибора...
— ...с тех пор, как я перевел цеха на хозрасчет...
— ...сушка токами высокой частоты...
В центре самой оживленной и многочисленной груп-пы шел директор крупнейшего машиностроительного завода Немиров, с усмешкой прислушиваясь к воркотне маленького и очень толстого директора металлургиче-ского завода Саганского, вперевалку шагавшего рядом с ним.
В легком пальто нараспашку, сдвинув набок котико-вую шапку, Немиров медленно спускался по ступеням, всей своей непринужденной осанкой подчеркивая, что вот он молод, спокоен и здоров, что он мог бы и сбежать по ступеням, презрев директорскую солидность, да при-держивает шаг из вежливости перед старым толстяком, которому только и остается ворчать и страдать одыш-кой. Конечно, покритиковали сегодня их обоих, каждый получил свое, но его, Немирова, критика не расстроила и не раздосадовала: он уверен в своих силах и сумеет наверстать упущенное, а вот соседу и досталось покреп-че, и трудно сказать, сумеет ли он справиться так же быстро и хорошо.
— Не по-товарищески, не по-товарищески, — ворчал Саганский, взглядом ища сочувствия у окружающих. — Ну, допустим, чуток сманеврировал на номенклатуре... Так можно подумать, что я один! А ты никогда за счет более легких изделий не выезжал, да? Ты свою новую турбину не осваиваешь шестой месяц, да?.. Ну, задер-жал я тебе отливки, не спорю, задержал. Так поругал-ся бы, предупредил бы... А зачем при всем народе, да еще с этакой ехидцей?
— А ты, Борис Иванович, отливки не задерживай, номенклатуру соблюдай, тогда и срамить не буду, — ответил Немиров и остановился. Молодое лицо его при-обрело выражение жестокое и даже беспощадное. — Сегодня я тебя пожалел... Следующий раз не пожалею. А товарищество тут ни при чем.
Саганский тоже остановился и снизу вверх, из-под нахмуренных бровей, оглядел собеседника. Да, этот и впрямь не из ласковых: если для дела нужно, он и голо-ву снимет, не пожалеет; с ним надо держать ухо востро…
Немиров понял его взгляд и сухо улыбнулся в ответ. Сманеврировал толстяк, пусть теперь выкручивается; он самолюбив, из кожи вон лезть будет, лишь бы не попасть на заметку.
— Сам должен понимать, как я верчусь, — плачущим голосом заговорил Саганский. — Или, думаешь, мне лег-че, чем тебе? Думаешь, меня никто не подводит?
— Вот ты и требуй с них, как я с тебя, — сказал Немиров и вдруг махнул рукой: — Э-эх, Борис Ивано-вич, не о том сейчас говорить.
Он поймал губами несколько холодных, сразу рас-таявших снежинок и с улыбкой расправил плечи, хотя глаза его, молодые и дерзкие, сохранили серьезность.
Взволновало его сегодняшнее совещание, взволнова-ло и разогрело в нем жажду деятельности и успеха.
Он любил, когда их изредка собирали вот так, всех вместе, директоров крупных предприятий. Были тут лю-ди старые и молодые, разных характеров и разного опы-та, но каждый из них привык чувствовать себя руково-дителем, большим начальником. Их и созывали как начальников, но здесь они чувствовали себя не началь-никами, а прежде всего коммунистами, членами своей партии, чье слово для них — закон. Ведь знаешь, кажет-ся, и сам все продумал, и других учишь, а тут слуша-ешь, как ученик, и все воспринимаешь по-новому. Самая суть твоего труда обнажается, вся повседневная твоя деятельность проверяется на ярком свету. Другим спус-ку не даешь и себе скидок не просишь. Впрочем, скидок тут и не дают. Много славы — так не зазнался ли ты, не утратил ли перспективу? Много трудностей — не рас-терялся ли ты перед ними, не привык ли к ним, как к затяжной болезни?
Слушаешь, приглядываешься, примериваешься, что у кого хорошо, где какая промашка, чего надо остеречься, чему поучиться. Есть, есть чему поучиться у любого. И неважно, что один говорит о кораблестроении так, будто только оно одно и существует, а другой влюблен в свой фарфор, а тебе самому порой кажется, что перед твоими турбинами все должны расступиться. А вот что ты делаешь, директор, чтоб твои изделия были самыми лучшими, чтоб их производство было наиболее прогрес-сивно, быстро и дешево?

В памяти звучали слова из заключительной, итоговой речи:
«Ни на одну минуту не должны вы забывать, това-рищи, что именно нам дано ответственное и почетное задание стать центром технического прогресса. Родина нам доверила...»
Родина доверила. Нам. И мне в частности... Простые, часто повторяемые слова «оправдать дове-рие» были полны для Немирова очень определенного, вещественного содержания. Что тут главное? Главное — новая турбина. С учеными усилить связь... График, ритмичность...
— Давай-ка скорей до дому, до хаты, Борис Ивано-вич! Дела-то не ждут.
Саганский свернул к своей машине, широким жестом пригласил Немирова:
— Хочешь, поедем сейчас ко мне, Григорий Петро-вич? На месте весь график по твоим отливкам проверим. Я секретов не делаю.
— Да нет уж, Борис Иванович, ты сам... — начал Немиров и смолк на полуслове, увидав, что Саганский распахивает дверцу роскошного «зиса», совсем нового, покрытого черным, сверкающим лаком, в белых «гама-шах».
— Ого! Это когда же ты успел разбогатеть?
— Премия-с, — громко сообщил Саганский, хвастли-во оглядывая окружавших его директоров.
— От мини-стерства, Григорий Петрович. За хорошую работу. Вот так!..
И спросил ласковым тенорком:
— А у тебя не предвидится, Григорий Петрович? Машина недурная. Предложат — не скромничай, бери.
Директора смеялись:
— Что ему ваши отливочки, Григорий Петрович! Ему и так премии дают.
Немиров сумел отшутиться:
— Так это ж на моих обоймах заработано. Недаром он меня завалил ими на год вперед. Мне на номенклату-ре отыгрываться труднее, а то я давно бы «зим» зара-ботал.
Чтобы замять неприятный разговор, Саганский дру-жески осведомился:
— Супруга поправляется? Тяжело мне без нее, пря-мо как без рук.
— Что ж поделаешь, после такой болезни надо хоро-шенько отдохнуть, — как всегда сдержанно, сказал Не-миров, но лицо его вдруг стало мягче, светлее и еще моложе. — А чувствует она себя совсем хорошо. И рент-ген последний хороший. Ты только не торопи ее, Борис Иванович.
— «Не торопи, не торопи»... — проворчал Саган-ский, забираясь в машину и тяжело дыша от усилий, каких это стоило ему. — Зачем же мне торопить ее? Мои работники будут гулять, работа будет стоять, а кое-кто будет нас критиковать...
Он улыбнулся невинной улыбочкой и крикнул на прощанье:
— Ладно, Григорий Петрович, цела будет твоя Клавдия Васильевна! Передавай привет ей!
Машина плавно тронулась и умчалась, взвихрив снежную пыль.
Григорий Петрович подошел к своей «победе», поша-рил по карманам, вздохнул и сел рядом с шофером Костей. Костя понятливо усмехнулся: опять, значит, директор обещал жене не курить. Уж сколько раз бро-сает, а всегда кончается тем, что стреляет папиросы у всех окружающих, а потом, устыдившись, просит оста-новиться у ларька, сразу покупает несколько коробок «Казбека» и рассовывает их по карманам.
— Домой заедем? — подсказал Костя и скосил глаза на часы. Была половина второго, а в два у директора назначено заседание.
Григорий Петрович тоже скосил глаза на часы: очень хотелось завернуть домой, поглядеть, как там Клава. Утром, когда уезжал, она еще сладко спала.
— А ну-ка, с ветерком!
Он опустил стекло, подставляя лицо теплому и све-жему ветру. Он представлял себе, как Клава распахнет дверь и воскликнет: «Вот молодец, что заехал!»
Открыла Елизавета Петровна, молча посторонилась, впуская зятя. По ее молчаливой сдержанности он сразу понял, что Елизавета Петровна чем-то недовольна: в таких случаях мать и дочь одинаково замыкались.
Немирову не всегда удавалось быстро разузнать причи-ну, но ему все же нравилось, что они так похожи, — это помогало ему ладить с тещей.
— Клава лежит?

— Клавы нет дома,— раздраженно ответила Елиза-вета Петровна, взглянула на растерянное лицо Немиро-ва, и, подобрев к нему, но еще больше сердясь, объяс-нила: — Вытребовал ее Саганский! Прямо из Смольного позвонил — чтоб немедленно на завод!

Немиров заглянул в комнату Клавы. На диванчике, где она обычно отдыхала, поджав ноги и пристроив книгу на подушке, валялся брошенный второпях хала-тик — длинный, отороченный пушистым мехом халатик, который так шел ей, придавая ей непривычно домашний, уютный вид. На ковре чинно стояли рядком ее комнат-ные туфли с таким же мехом — маленькие, с немного сбитыми каблучками.

— Какая температура была утром? — спросил Немиров. Не оборачиваясь, он чувствовал, что Елизаве-та Петровна где-то тут же, за спиной.

— Нормальная, — так же раздраженно ответила от двери Елизавета Петровна. — Но разве дело в темпера-туре? Вот увидите, она даже не подумает идти на ко-миссию, даже бюллетень не докончит... Раз уж попа-дет на завод — пиши пропало!

Чертыхнувшись про себя, Григорий Петрович бро-сился к телефону. Секретарша Саганского равнодушно ответила — нет еще, не приехал.

Да и приехал бы — разве теперь исправишь? Вот только отругать его следовало бы... «Передавай привет ей!..» Ишь, лиса!

Немиров уже направился к выходу, когда теща вспо-мнила:

— А завтракать? Погодите, подогрею кофе. Немиров только рукой махнул, вся прелесть домаш-него завтрака исчезла, потому что нет Клавы.

— На завод, да побыстрее! — бросил он шоферу и на этот раз, не удержавшись, попросил:— Дай-ка папи-росу, Костя.

Костя молча достал из-за теневого щитка пачку «Ра-кеты» и искоса поглядел на директора — что случилось? Директор хмуро закурил и отвернулся к окну, но лицо под ветер уже не подставлял.

— Сбежала наша Клавдия Васильевна, — помолчав, сказал он. — Саганский вызвал.

Костя легонько свистнул, потом сказал:

— Что ж, следовало ожидать... Ей там большое уважение, на металлургическом. Ихний шофер гово-рит: куда ей надо поехать, Саганский сразу — свою ма-шину. Другие и просят — не дает, а ей — пожалуйста, вот мой «зис».

Немиров улыбнулся, представляя себе, как высокая, тоненькая Клава, все еще похожая на комсомолку в сво-ем синем беретике, садится в черный с белыми гамаша-ми роскошный «зис». Ему польстили Костины слова, хотя его затаенной, никем не разделяемой мечтой было уговорить Клаву уйти с работы. За время ее болезни он впервые узнал и оценил счастье видеть ее, когда бы он ни забежал домой, слышать ее голос, когда бы ни взду-малось позвонить... Но Клава только усмехалась, а на попытку заговорить всерьез ответила насмешливо: «Я же тебя предупреждала, что из меня не выйдет на-стоящей директорской жены!» Елизавета Петровна хра-нила в этом вопросе нейтралитет, — в глубине души ей, наверно, хотелось того же со времени болезни дочери, но она гордилась служебными успехами Клавы на ме-таллургическом заводе, да и сама привыкла всю жизнь трудиться.

Мрачно обдумывая случившееся, Немиров признался самому себе, что из его мечты никогда ничего не выйдет и что. в общем, иного и нельзя было ждать — такова уж Клава... Но отдохнуть еще две недельки, поправиться — это же необходимо! А Саганский — лицемер, бездушный эгоист, и поступил совсем не по-товарищески, а еще смел сегодня лепетать о товариществе!..

Машина на полном ходу въехала в распахнувшиеся ворота и замерла у подъезда заводоуправления. Бессо-знательно подтянувшись и приняв тот строгий и сухова-тый вид, к которому все на заводе привыкли, Григорий Петрович неторопливо, сдерживая шаг, поднялся по лест-нице и прошел через приемную, где уже собрались участ-ники заседания.

— Через две минуты начнем, — мимоходом бросил он секретарше, плотно притворил массивную дверь ка-бинета и взялся за телефон.

Он ждал, что услышит родной и милый отклик — «Слушаю». Удивительно приветливо звучало у Клавы это обычное слово.

Откликнулся чужой, низкий голос:

— Клавдия Васильевна на совещании у директора.

Бросив трубку на рычаг, Григорий Петрович отстра-нил мысли о жене и минуту посидел неподвижно, гото-вясь к предстоящему разговору с руководящими работ-никами завода. Он

повторил себе самую суть критики, услышанной сегодня: на «Красном турбостроителе» очень медленно осваивают новый тип турбины, вяло воспитывают новые кадры, директор забывает о загото-вительных цехах, название существует — график, а ра-боты по графику нет…
Ох, сколько он мог бы найти оправданий! Но какой в них толк? Важнее найти выход из обступивших его трудностей.
Он достал свои записи к предстоящему заседанию, сделанные накануне. Порадовался. Те же самые вопро-сы: график новой турбины, заготовительные цехи, снаб-жение, инструментальное хозяйство... Разве ж он сам не знает, где у него слабо! А вот о кадрах ни слова. Почему он забыл об этом вчера? Случайно? Или в са-мом деле перестал думать о подготовке и воспитании новых кадров?..
Он снова перечитал записи — вопросы продуманы, решения намечены. Все правильно. И... недостаточно остро, недостаточно объемно, как будто сидел человек и заботился только о том, что требуется сегодня, забыв, что завтра с него спросится больше.
Однако более смелых решений, чем намеченные вче-ра, он не находил и сейчас. Но теперь он понимал, что их надо найти.
Палец его надавил кнопку звонка.
Он нетерпеливо следил за тем, как входили и рас-саживались люди. Начальник планового отдела Каширин, пожилой, неповоротливый мужчина в мешковатом костюме сел за отдельный столик и разложил перед собою папки и сводки. И снова промелькнула мысль о Клаве и Саганском. Ну, конечно, Саганский сейчас вот так же собрал своих работников, и Клава вот так же сидит в его кабинете, вооружившись сводками. Началь-ник планового отдела должен быть на месте, когда заводу трудно. Разве я не вытащил бы Каширина — жи-вого или мертвого, — раз дело требует?
И тотчас Немирова охватила досада, что сегодня не будет Любимова — человека, который ему теперь необ-ходим больше, чем все остальные вместе взятые. Очень-то нужно было отпускать его в Москву ради плана дале-кого будущего, когда сегодняшние дела в турбинном цехе весьма тревожны и уж кому-кому, а начальнику цеха следует быть на месте! И все этот добряк Алексе-ев — отпустите да отпустите, человек разработал, так пусть сам и защищает свой план и добивается утвержде-ния, пусть погуляет в Москве, себя покажет и других послушает.
Алексеев, главный инженер завода, как раз в эту минуту показался в дверях, оглядел всех, и дружелюбно заговорил о чем-то с начальником термического цеха. Немирова покоробило — ну для чего так беззлобно и даже ласково разговаривать с ним, когда термический отстает, когда только турбинному он задерживает восемь деталей! Тут бы отругать так, чтобы помнил...
Но главный инженер уже покинул термиста, грузно опустился в кресло рядом с Немировым и беззвучно, но выразительно спросил: ну как?
Григорий Петрович так же, одними глазами, ответил: ничего, попало, но не очень, сейчас все поймешь.
В это время в кабинет слишком быстро и весело во-шел молодой инженер Полозов. Он от двери поклонился директору, виновато улыбнувшись и жестом показывая, что был занят по горло и только потому опоздал (на заводе хорошо знали, что директор не допускает опо-зданий). Но тут же, словно забыв, что и так пришел слишком поздно, Полозов остановился посреди комнаты все с тем же начальником термического цеха. На этот раз термисту, видимо, доставалось — благодушное вы-ражение начисто исчезло с его лица. Но Григорию Пет-ровичу не понравилось, что Полозов — заместитель начальника турбинного цеха, приглашенный сюда толь-ко потому, что Любимов в Москве, — ведет себя так, будто он у себя в цехе, а не в кабинете директора.
— Любимов еще не вернулся? — нарочито громко спросил он.
Алексеев только что откинулся на спинку кресла в позе человека, дорвавшегося до короткого блаженного отдыха. Неохотно выпрямляясь, он тихо ответил:
— Нет, но Полозов вполне в курсе дел.
Немиров знал, что главный инженер покровительст-вует Полозову, и только хмыкнул в ответ. Полозов был слишком молод и, по отзыву Любимова, не в меру горяч, а Григорий Петрович сам иногда страдал из-за собственной молодости и горячности и потому предпочи-тал иметь дело с людьми зрелыми, основательными, на-копившими солидный опыт. Да и как может Полозов быть «вполне в курсе» дел, которые и начальнику цеха, должно быть, не до конца ясны?

В памяти ожило утреннее совещание в Смольном и одна фраза из заключительной речи, почему-то сперва скользнувшая мимо его сознания: «Товарищ Немиров, по-видимому, надеется, что ему опять помогут так же, как в прошлом году, в аварийном порядке, а ему стоило бы задуматься: не попросят ли его самого помочь в этом году другим, не потребуется ли, чтобы он дал новые турбины не только в срок, но и пораньше?»

Что значили эти слова? Нет ли за ними, кроме моби-лизующего смысла, еще другого, более прямого и точно-го смысла: «Не только в срок, но и пораньше...»

— Если Любимов будет звонить, скажите ему, что пора возвращаться, — сухо приказал Григорий Петрович.

Полозов понял, что директор предпочел бы видеть на его месте Любимова. Он подчеркнуто независимо прошел через кабинет к дивану, где устроились началь-ники цехов, втиснулся между двумя приятелями и весе-ло заговорил с ними.

— Прежде чем начать работу, прошу запомнить об-щую предпосылку, — без предупреждения, резко начал Немиров и с удовлетворением отметил, что молодой инже-нер замер и все собравшиеся мгновенно притихли. — Мы должны не только освоить и выпустить в этом году че-тыре турбины нового типа, мы должны так отработать все производство, чтобы подготовиться к значительно большему, пожалуй даже серийному их выпуску в буду-щем году. Таких мощных станций, как Краснознамен-ная, строится и проектируется не одна и не две.

По кабинету прошло движение, даже Алексеев при-поднялся, вглядываясь в лицо директора, видимо связывая эту предпосылку с тем, что директор узнал в Смоль-ном.

— Для вас, конечно, это не ново, — продолжал Не-миров, — но мне кажется, вы об этом часто забываете, решая повседневные дела. А от этого ваши решения по-лучаются мелкие, делянческие, без учета перспективы развития.

Он окинул взглядом заинтересованные, насторожен-ные лица.

— Хотите пример? Пожалуйста. За последнее время начальники цехов ставят и решают свои вопросы в от-рыве от задачи подготовки новых рабочих. Почему так происходит? Смотрят себе под ноги, не думая о возра-стающих завтрашних заданиях, не примериваясь к ним загодя, как полагается рачительному начальнику.

Он отодвинул в сторону приготовленные к заседанию заметки, так как чувствовал себя в собранном и ясном состоянии духа, когда ничего не упустишь и ни о чем не забудешь.

— Так вот, друзья, запомните это. И начнем с гра-фика первой турбины. Что сделано за истекшие сутки? Прошу говорить коротко. Товарищ Полозов, начинайте.

2

Заставляя себя быть спокойной, Аня Карцева втащи-ла тяжелый чемодан вверх по знакомой лестнице. На все той же старой облупившейся двери висел новый голу-бой почтовый ящик, и над ним табличка: «Любимо-вым — 2 звонка».

Аня вынула ключи, бережно и суеверно хранимые все эти годы, с трепетом просунула длинный ключ в замочную скважину.

Передняя показалась ей меньше и темнее, чем преж-де — так бывает, когда возвращаешься к местам своего детства. Оглядевшись, она сообразила, что переднюю загромоздил огромный платяной шкаф, которого раньше не было. Значит, появились новые жильцы?.. В темном коридоре она наткнулась на что-то. Чиркнула спичкой, увидела два сундука, поставленные один на другой, а на них — детский трехколесный велосипед. Отшатну-лась, будто ее ударило в грудь... Зачем, зачем возвращаться вот к этому?.. Спичкой она обожгла себе паль-цы. В жидком гаснущем свете успела заметить левую обломанную педаль...

— Ну ладно, — вслух сказала она, выпрямляясь, и вторым, плоским ключом нащупала скважину замка.

Замок долго не открывался. Стало жарко, толчками билось сердце. Скинув пальто, она тщетно крутила ключ и старалась отогнать навязчивое видение: она входит в комнату, Павлик-маленький сидит на полу с клещами в руке, рядом валяются куски обломанной педали, а он

испуганно смотрит на мать и бормочет: «Я только по-пробовал»... Мучительно вспоминать, что она тогда рассердилась.
Замок вдруг щелкнул и легко открылся. Аня увидела тусклые, давно не мытые оконные стекла, два фанерных квадрата на правом. Все стояло так, как она оставила в минуту своего поспешного бегства: застеленная кро-вать, на которую она так и не легла в ту ночь, стул, на котором просидела до утра. Тот самый конверт на столе. Черепки разбитой чашки на полу, — хотела на-питься и уронила. Только конверт пожелтел, вода вы-сохла и все покрыто плотным слоем пыли.
— Ну, во-первых, надо прибраться, — сказала Аня и, зажмурясь, повесила пальто на тот гвоздь у двери, где вешал свое пальто Павлик-большой. И опять стало больно оттого, что она тогда сердилась: «Зачем тащить пальто в комнату, когда есть вешалка в передней?» Ес-ли бы он сейчас вошел в комнату со своим рассеянным видом и, как всегда не сразу заметив ее, с облегчением воскликнул: «Ты уже дома!»... Ему вечно чудилось, что с нею что-нибудь случится вне дома. «Ты такая ша-лая», — говорил он и гладил ее волосы...
Две фотографии стояли рядом на столе, одна присло-нена к другой: Павлик-большой и Павлик-маленький. Она решительно стерла с фотографий пыль и поставила их на прежние места, отбросив малодушное желание спрятать их в стол вместе со страшным конвертом. Энергично закатала рукава, чтобы взяться за дело. Не расслабляться! Все уже пережито. Пережито. Не рас-слабляться!..
В кухне тоже все изменилось до неузнаваемости — нет уже на окне маминых кисейных занавесок, нет об-щего большого стола, за которым, бывало, дружно чаевничали всей квартирой. У одного из столиков, загро-мożденных посудой, пожилая женщина в синей рабочей спецовке чистила картошку. Увидав Аню, женщина удивленно привстала.
— Здравствуйте, — сказала Аня. — Не найдется ли у вас какого-нибудь ведра?..
Поняв, что так не знакомятся, она торопливо пред-ставилась.
— Господи! — воскликнула женщина. — Я уж не верила, что вы когда-нибудь приедете. Стоит себе ком-ната как нежилая. Сколько на нее зарились! Видно, уж очень у вас бронь серьезная была?
Аня узнала — женщину зовут Евдокией Павловной Степановой. Живет она рядом с Аней, в угловой комна-те. В сорок третьем переехала из разбомбленного дома. С тремя ребятами... Ане было трудно представить себе, как эта женщина хозяйничает в комнате, где когда-то жили мама и отец, откуда Аня с двумя заводскими друзьями отца вынесла его слишком легкое, отощавшее тело, чтобы на саночках отвезти на кладбище.
Взяв ведро и тряпку, она поспешно вернулась к себе. Решительно разорвав старую наволочку, начала проти-рать стекла. Студеный воздух обжигал Анины руки, горячил щеки. Она быстро управилась со стеклами, за-крыла окна и остановилась, отбрасывая со лба растре-павшиеся волосы. Комната посветлела, повеселела. Вы-метены черепки разбитой чашки. Но конверт все еще лежит на столе...
Стиснув зубы, Аня взяла конверт и засунула его в ящик стола, в самый дальний угол. Она так ясно помни-ла, как он лежал на полу под дверью, как она радост-но наклонилась, чтобы поднять его, и вдруг увидела чужой почерк рядом со знакомым номером воинской части... и не сразу сумела вскрыть конверт, и не сразу прочитала те несколько строк... «смертью храбрых»... «память о нашем товарище Павле Карцеве»...
Зачем, ну зачем она вернулась? Бередить уже подзатянувшиеся раны? Откуда взялась вздорная мысль, что нужно бросить как-то наладившуюся жизнь и мчать-ся сюда, в Ленинград, в свой родной дом, на родной завод, как будто именно тут она найдет тепло и сча-стье... За десять тысяч километров от дома, в необжи-тых местах, где все строилось и отлаживалось заново, у нее не возникало никаких сомнений. Как она рвалась в путь-дорогу! Ехала верхом, потом на грузовике, в авто-бусе, на пароходе, потом больше десяти суток поездом. «Домой, домой!» А что нашла? Пепелище...
Ну что ж. Значит, так и жить. Стиснуть зубы и жить.
Два часа она мыла, чистила, скребла, перетряхивала, перетирала. Вконец умаявшись, огляделась: комната сверкала чистотой и казалась новой, впервые увиденной оттого, что вся мебель переехала на новые места.
Она долго тщательно мылась в холодной ванной. Пе-реодевшись во все чистое, с улыбкой достала из шкафа довоенное любимое платье, встряхнула, недоверчиво осмотрела, надела.

Платье было свободнее, чем раньше. Затянула шелковый кушак, остановилась перед зерка-лом. Как давно она не разглядывала себя вот так, во весь рост! Оттого, что все эти годы много ходила и ра-ботала на свежем воздухе, ноги стали мускулистыми, все тело — крепким, гибким, выносливым. А лицо обвет-рилось и потемнело... Она подошла к зеркалу вплот-ную, разглядывая себя пристрастно и недоверчиво. По-худевшее лицо с энергично сошедшимися темными бро-вями и карими блестящими глазами сейчас показалось сухим и почти старым. Морщинки возле глаз и губ, желтоватые от прошлогоднего загара щеки, упрямые морщины на слишком высоком лбу под гладкими и, кажется, тоже потемневшими волосами. Как все жен-щины с живыми, подвижными лицами, Аня дурнела, изучая себя в зеркале, потому что зеркало отражало несвойственную ее лицу неподвижность. Стало грустно и страшно. Тридцать два года... Неужели молодость уже позади? Вот и кончилась моя женская незадавшаяся жизнь...
Со вздохом отойдя от зеркала, Аня сообразила, что очень голодна, и достала из чемодана остатки дорожных запасов. Немного печенья и конфет — вот и все, что осталось от солидного пакета, который Ельцов насильно вручил ей на прощанье. Ельцов... Ане вдруг до слез захотелось вернуться к нему, к его заботливой нежно-сти, почувствовать себя не такой одинокой.
— Соседушка, чаю не хотите ли?
Евдокия Павловна без стука вошла, с любопытством оглядела прибранную комнату, потянула за руку:
— Пойдем, пойдем, устали небось?
Стараясь ни о чем не вспоминать, Аня вошла в зна-комую комнату — и не узнала ее. Ни уюта, ни прежней обстановки, ни памятных с детства обоев... Да оно и лучше! Но как здесь, видимо, трудно живут!
— Трое у меня, — тихо сказала Евдокия Павловна, поняв немой вопрос гостьи. — Двое в школе, в первом и третьем классе. Старшенького пристроила было в ремес-ленное, так ведь не стал учиться — хоть бей, хоть плачь, помаялись с ним да и выгнали. Год болтался без дела, теперь в завод выпросила его у директора, недавно зачис-лили... Муж тут же, в заводе, работал. Тут и убило в сорок третьем. Снаряд в цех влетел. Даже проститься не пришлось... Рук-ног не нашли, хоронить нечего бы-ло... А ребятишки — мал мала меньше. Вот и тяну тро-их одна. Теперь, если старший зарабатывать начнет, полегче станет.
— Работаете?
— Заместо мужа пошла. В фасоннолитейный.
— В фасоннолитейный?
— А что? В войну все женщины работали, да и теперь немало. А я уж привыкла. Да и то сказать, не тот те-перь труд, что в войну был. Механизации много. А уж цех хороший, дружный. Бывали?
— Нет, не пришлось. Но я думаю, когда привык-нешь, всякий цех полюбится.
— Не знаю, — с сомнением сказала Евдокия Пав-ловна. — У нас ведь что хорошо? Люди.
Аня с наслаждением пила чай и все пододвигала Евдокии Павловне печенье и конфеты, но Евдокия Пав-ловна взяла только одно печеньице, размочила в чае, от конфет отказалась, и для сынишек не взяла.
— С получки я им покупаю, — с достоинством сказа-ла она. — А баловать их пока не приходится.
Аня расспросила, кто живет в квартире. Фамилия одинокого старика Ивана Ивановича Гусакова показа-лась ей знакомой, но отзыв Евдокии Павловны: «Ох, выпить любит!» — не внушал надежд на приятное со-седство. Впрочем, Евдокия Павловна говорила о нем с симпатией. Зато о Любимовых она и говорить не стала, только процедила: «Люди как люди, они сами по себе, и я сама по себе».
Прибежали домой младшие сынишки — оба грязные, мокрые; Евдокия Павловна заругалась, захлопотала, чтобы переодеть их и отмыть. Ане стало стыдно, что давеча приуныла.
Очутившись снова в своей одинокой комнате, она подбодрила себя мыслью, что завтра же с утра побежит в райком, а там и на завод, все войдет в колею.
Быстро разделась, с наслаждением вытянулась в чистой постели, почувствовала, что устала и очень хочет спать. Потушила свет.
На темном потолке покачивались отсветы уличных фонарей. Звуки жизни доносились из квартиры. Про-шаркал шлепанцами по коридору Гусаков. Аня уже ви-дела его — высокий

худой старик в фуфайке, оглядел Аню из-под насупленных бровей, буркнул невнятное приветствие и пошел дальше… Мелодично смеялась, болтая по телефону, Любимова Алла Глебовна, полная дама со следами былой красоты на холеном лице... Стукнула дверь, кто-то вошел, притопывая валенками, Евдокия Павловна ворчит: «Опять до ночи бродишь, гляди-ко, валенки наскрозь мокрые...» Значит, пришел старший сын.
Потом все стихло. Аня засыпала, когда что-то про-тяжно скрипнуло — то ли рассохшаяся мебель, то ли дверь. Она знала, что дверь заперта и некому прийти. И все же, казалось, слышала: на цыпочках, как всегда, когда возвращался поздно, вошел Павлик-большой и сразу же, как обычно, натолкнулся на стул, охнул, ти-хонько подошел, шепотом спросил: «Ты спишь?» — и ласково коснулся губами ее виска...
А у той стены — белая кроватка с сеткой, Павлик-маленький закинул на подушку обе ручонки с крепко стиснутыми кулачками, будто приготовился к драке. Слышно его сонное посапывание...
И сразу за этим видением — другое. То, что не забудется никогда: мороз-ный холод темной комнаты, свистящее дыхание малень-кого истаявшего человека, тонкие, исхудалые пальчики, которые она греет, греет в своих коченеющих ладонях, еще не понимая, что это — конец, пока вдруг ее не по-трясет полная ледяная тишина: свистящего дыхания больше не слышно, а пальчики недвижны в ее ладонях и все холодеют, холодеют, холодеют...
И сразу, только отогнала страшное видение, наплы-вает другое: конверт на полу... радостное движение, каким подняла его, чужой почерк... «смертью храбрых»... И долгая ночь, когда она сидела, окаменев, да-же слез не было. Под утро почувствовала, что окочене-ла, натянула ватник, закуталась в платок. Попробовала закурить — стало дурно. Налила воды — выронила чаш-ку. И тогда рванулась из дому, прибежала в райком, разбудила Пегова... «А теперь муж... Ребенок, а те-перь муж, — повторяла она, — мне нужно на фронт, я иначе не могу, я прошу вас...» Пегов тер седеющие виски и бормотал: «Да куда ж тебя, дочка? Разве что в саперную часть, так ведь не женское дело...» А под конец — «ну что ж, раз душа требует, иди...».
Измученная плохой ночью, неотдохнувшая, неуве-ренная, Аня пришла в приемную секретаря райкома. Приемная та же, но Пегова уже нет. Вместо него — Раскатов.
— А на «Красном турбостроителе» кто?
Технический секретарь равнодушно дал справку:
— На «Красном турбостроителе»? Директор — Неми-ров, парторг — Диденко.
Все новые. Да и как могло быть иначе после столь-ких лет? А она возвращается к исходной точке.
О какой, собственно, основной профессии она говори-ла там, на дальневосточном строительстве? Что она мо-жет предъявить здесь людям, которые ее не помнят, не знают, людям, которые ушли далеко вперед? Диплом турбостроителя, не подкрепленный последующей прак-тической работой? «Мой отец и мой муж выросли и ра-ботали на заводе», — этим можно поделиться с друзья-ми, а не хвастать перед незнакомыми. «Я хочу...» Но это уж совсем не довод!
Она мысленно внушала себе устами какого-то стро-гого и объективного человека: «Какой же вы турбинщик, товарищ Карцева? Всю войну были военным инженером, потом строителем. Мы вас пошлем на стройку домов или, скажем, в ремстройконтору».
— Товарищ! Товарищ! Ваша очередь. Что же вы? Она вскочила и растерянно, не успев подготовиться к предстоящему разговору, вошла в кабинет секретаря райкома.
Раскатов вежливо поднялся ей навстречу. Молодой. Чисто выбритое, свежее лицо. Очень яркие глаза, выра-жающие ум острый и, пожалуй, насмешливый. Вот это и есть тот строгий и объективный человек, который сей-час скажет ей беспощадно-правильные слова.
— Садитесь. Что у вас?
— Я приехала с Дальнего Востока,— с усилием на-чала Аня и, решив, что объяснения ничему не помогут, сразу выпалила: — Хочу на «Красный турбостроитель», в свой цех. Турбинный.
— Правильно хотите. — Раскатов протянул руку за ее партийным билетом, бегло просмотрел его. — Специ-альность есть?
— Есть, но у меня положение сложное, — краснея, быстро заговорила Аня. — Я кончила институт незадолго до войны, по существу только начала специализировать-ся по турбинам, попала на завод перед самой войной. Осень и зиму была на ремонте танков, в противовоздуш-ной охране завода. Потом в армии. Потом...
Теперь Раскатов просматривал ее документы. Вот он покачал головой:

— Однако после демобилизации вы не очень торопи-лись домой.
— Так пришлось, — сказала Аня.
Ей живо вспомнились дни перед демобилизацией, горячка нетерпения, торопливые сборы в долгий путь... И разговор в обкоме, где ей сказали с дружеской пря-мотой: «Все понимаем, товарищ Карцева, и все-таки просим — помогите. Останьтесь хоть на полгода. Вы же видите сами: нужно». Она видела: нужно. Сама себя обманывала: шесть месяцев пролетят быстро. В глубине души она уже тогда понимала, что месяцы обернутся годами, что в разгар стройки ей невозможно будет уйти, не довершив дела...
— Я не могла поступить иначе.
Раскатов поглядел на нее очень внимательно и вдруг спросил:
— Площадь у вас есть?
Она не сразу поняла вопрос.
— Ах, жилплощадь... Да, комната была заброниро-вана. В заводском доме.
— Семья?
— Нет. Я одна.
— Совсем одна?
Он был слишком молод, чтобы понять, как это боль-но — быть совсем одной. Сжав губы, она не ответила.
— Так... — пробормотал он, вглядываясь в ее посу-ровевшее лицо. — Значит, вся сложность в том, что под-забыли турбины...
Он взял телефонную трубку, заговорил негромко, голосом человека, уверенного в том, что его слушают внимательно:
— Григорий Петрович? Раскатов говорит. Как у вас сегодня с турбиной? Ну-ну! На следующем бюро послу-шаем вас. Подробно, по узлам. А теперь вот что. К вам зайдет инженер... Карцева, Анна Михайловна. Ваш быв-ший работник. Турбинщик, но боится, что все перезабы-ла... Само собою, я так и сказал. Нагрузите ее как следует, ладно?.. Значит, понял?..
— Идите к директору завода, товарищ Карцева. И принимайтесь за работу. Что не помните — не стес-няйтесь спрашивать. И помогите нам раскачать цех. Осваиваем новый тип турбины высокого давления. И ос-ваиваем нелегко. Вы, наверно, знаете: цех был разрушен почти полностью. Только восстановили, подсобрали кадры да возобновили довоенное производство, и сразу — на высшую техническую ступень...
Видно было, что трудная техническая задача увлека-ет его и возбуждает в нем гордость. Не спрашивая, Аня уже знала, что он инженер, выдвинутый партией на партийную работу, что на заводах он чувствует себя «дома». И она спросила его, как инженера, об особен-ностях новой трубины. Он живо перечислил основные данные — давление, температуру, мощность, — попутно приглядываясь к Ане.
— Но таких машин еще никогда не выпускали! — восхищенно и растерянно проговорила она.
— Парамет-ры небывалые!..
Он удовлетворенно улыбнулся:
— Так ведь и во всей промышленности после войны. Техника шагнула далеко вперед, а темпы стали намного выше довоенных. Следили?
По острому вниманию Раскатова она поняла, что он еще раз проверяет ее.
— Настолько, насколько удавалось.
— Основную задачу ленинградской промышленно-сти знаете?
— Технический прогресс? — быстро отозвалась Аня. — Конечно, читала. Мне это показалось естественным при наших кадрах и уровне технической культуры.
Раскатов поморщился.
— Только не думайте, что все это лежит готовень-ким, — предупредил он. — И насчет кадров... старых-то осталось дай бог одна четвертая часть. И они должны в кратчайший срок передать свой опыт и культуру но-вичкам. Учеба идет на ходу, потому что мы должны не только освоить выпуск технически передовых изделий, но выпускать их много и быстро, очень много и очень быстро, — народное-то хозяйство ждет, требует. Взять хотя бы турбины. Вы и на Дальнем Востоке насмо-трелись, наверно, на строительство новых электро-станций?
— Понимаю, — весело сказала Аня и встала. — Две большушие задачи сразу. Знаете, мне очень хочется ско-рее на завод.
Он тоже поднялся и дружески потряс ее руку:

— Новую турбину должны были закончить и испы-тать в этом месяце, но… В общем, вы попадете в самую горячку. На вас сразу навалятся. А вы не отбивайтесь, залезайте по уши.
Аня вышла из здания райкома и засмеялась. «Трусиха, — сама себе сказала она. — Навыдумыва-ла!..»
Завод открылся издалека — громадина, возвышаю-щаяся над всем районом кирпично-бурыми корпусами и закопченными трубами, Аня даже остановилась, таким он оказался милым сердцу. Она вспоминала завод всегда в подробностях: уча-сток сборки, где начала трудовую жизнь; полюбившихся ей людей, с которыми вместе работала и охраняла за-вод в часы воздушных налетов и обстрелов; цеховую столовую с голубыми стенами — там происходили все собрания и там однажды, в первые дни войны, она сле-дила за тем, как самый родной человек в быстро дви-жущейся очереди подходил к столику с растущим спи-ском народного ополчения, подошел, нагнулся и твердо написал: П. Карцев... Вспоминались ей черные фронто-вые осадные ночи, когда рабочие ремонтировали подби-тые в боях, опаленные танки; ночные дежурства на кры-ше, когда чужие самолеты завывали в небе над самым заводом и то тут, то там вздымались огненные столбы взрывов и вспыхивали пожары, и видно было, как на зловещем свету суетятся люди, усмиряя пламя... Целые цехи тогда надолго замирали, превращались в обуглен-ные коробки, обрушивались грудами камней и скрючен-ных металлических ферм. Эшелон за эшелоном уходили на восток, за Урал, увозя людей и станки. Казалось по-рою — конец заводу, конец. И только упрямая душа со-ветского человека вопреки всему упорствовала в своей вере, в своем знании — нет, не конец! Не быть концу, не допустим!..
И вот он перед нею — громадный, невредимый, как будто и не вынесший трехлетней битвы. Она узнавала каждый цех, каждый переулок между корпусами, каждый кран, выделяющийся на дымном небе. Только пристально вглядевшись, можно было обна-ружить следы пережитого, но то были не развалины, не обгорелые остовы, а следы возродившего их великого труда: новые здания на месте разрушенных, розоватые пятна недавней кирпичной кладки на старых, побурев-ших стенах, светло-серые бетонные колонны рядом с более темными, покрытыми многолетней копотью.
Аня заторопилась, спотыкаясь на выбоинах тротуара и все-таки не отрывая глаз от завода.
«Я же своя, своя!» — хотелось ей крикнуть в бюро пропусков, где ей равнодушно, как чужой, выписали разовый пропуск.
Она вышла из проходной и задержалась на скреще-нии многих протоптанных на снегу дорожек, пересекав-ших хорошо знакомый двор. Свернуть налево — и при-дешь к своему цеху. Завернуть за угол — в партком, дойти до второго подъезда — завком и редакция много-тиражки. Пойти прямо, мимо садика, где летом бьет фонтан, — заводоуправление. Все манило, всюду хоте-лось заглянуть, разыскивая знакомые лица или хотя бы знакомые комнаты, привычную обстановку деловой суе-ты, споров, телефонных звонков... Тут ей и жить.
И она пошла к директору.
Ей пришлось ждать. Девушка-секретарь, свирепо на-хмурив белесые бровки, названивала по телефону и од-нообразным голосом говорила в трубку:
— Товарищ Евстигнеев? Срочно для Григорий Пет-ровича график по обеспечению турбины. К восьми ноль-ноль. Товарищ Митрохин? Срочно для Григорий Петровича график по турбине. К восьми ноль-ноль.
Иногда сквозь однообразие слов и интонаций проры-валось живое, человеческое возмущение:
— То есть как это «завтра утром»? Вы что, товарищ Пакулин? Григорий Петрович требовал к шести ноль-ноль, я и так два часа выпросила!
Аня Карцева старалась угадать, в какой цех звонит секретарь и какие заготовки или детали этот цех по-ставляет. Завод лихорадило из-за новой турбины, это напряжение передалось и Ане.
Она вошла к директору, готовая к любой работе — чем труднее, тем лучше. И поэтому говорить с ним ей не было трудно, хотя директор принял ее неохотно, был суховат, то и дело отвечал на телефонные звонки власт-ным, а иногда и резким голосом.
— Откуда приехали? — спросил он Аню, без ин-тереса и невнимательно просматривая ее документы.
Аня ответила коротко и точно, не вдаваясь в подроб-ности.
Уловив воинскую сдержанность ответа, Немиров с любопытством пригляделся к новому работнику и спро-сил дружелюбнее:
— Давно не отдыхали?

— Давно. Но я не устала.
— И хотите приступить немедленно?
— Да.
Доброе выражение на миг осветило лицо Немирова, и Аня добавила:
— Знаете, когда начинаешь новую полосу жизни, ожидание утомительней любой работы.
— Да, да, — согласился Немиров, хотел было еще что-то добавить, но сдержался, сказал строже: — Так вот, идите в турбинный. Предрешать должность не буду, им виднее, но ручаюсь, что работы хватит. Обратитесь от моего имени к заместителю начальника цеха Поло-зову.
— Полозову?! — вскрикнула Аня.
Они проработали вместе всего несколько месяцев пе-ред его отъездом на Урал, но сейчас Аня обрадовалась ему как родному.
— Старые знакомые? — задумчиво спросил Неми-ров. — Что ж, это хорошо. Только не увлекайтесь, дорогой товарищ, вместе с ним. Не витайте в облаках, когда под ногами ухабы.
— Витать в облаках не по моему характеру, — от-кликнулась Аня. — А Полозова помню как хорошего ор-ганизатора и коммуниста. Если это тот самый Поло-зов.
Немиров с живым интересом смотрел на Карцеву, словно прикидывал: чего ждать от нее — помощи или помехи.
— Товарищ Раскатов рекомендовал вас, говорит: душа дела просит. Действуйте. А начальника цеха Лю-бимова вы знаете?
Она силилась вспомнить: Любимовы... Любимо-вы... ах да, новые соседи по квартире, табличка на входной двери: «Любимовым — 2 звонка». Значит, со-сед — начальник цеха?
— Любимова не знаю.
— Узнаете. Он в Москве, ждем его со дня на день. Помедлив, он резко добавил:
— Предупреждаю: в турбинном обстановка слож-ная и не очень дружная. Лебедь в облака, а щука в воду, или как это там в басне. Не торопитесь вставать на одну из сторон.
Вскинувшись, Аня ответила:
— В склоках никогда не участвую.
— А я и не допускаю склок, — спокойно сказал Не-миров. — Но бывает, что не склока, а разнобой. Поста-райтесь заняться делом и только делом.
Теперь Аню еще неудержимее потянуло в цех — уви-деть, разобраться, что-то (еще неведомое) исправить, в чем-то помочь. Но еще час ушел на неизбежные фор-мальности. Когда все было закончено, ей посоветовали:
— Подождите часок, начался обеденный перерыв.
— Еще подождать? — воскликнула Аня. — Ну нет, спасибо!
Цех был все такой же и в то же время совсем дру-гой: светлее и как будто просторней. Сейчас в нем было тихо и пусто, только в глубине цеха, возле продольно-строгального гиганта, прозванного «Нарвскими ворота-ми», группой собрались рабочие, закусывая и беседуя. Ане хотелось поклониться гиганту, как хорошему знако-мому, такими родными ей показались его солидные ко-лонны. Она направилась было туда, но ее внимание отвлекли громадные станки, каких не было раньше. Расточный станок пронизывал своим блестящим валом, более длинным, чем вал мощной турбины, крупнейшую отливку знакомых, но полузабытых очертаний.
«Выхлоп-ная часть? — неуверенно припомнила Аня. — Очевидно, она, но насколько она больше, чем те, какие я когда-либо видала!»
Две уникальные «карусели» распластали свои круг-лые металлические площадки-планшайбы на половину пролета. Эти круглые площадки были так велики, что рядом с ними выглядела бы игрушкой обычная базар-ная карусель, давшая название хитроумным станкам.
Ох и сила!
Аня чувствовала себя как в незнакомом лесу, откуда без посторонней помощи не выбраться. Но одно ей было ясно: станков стало меньше, чем до войны, а мощность их намного увеличилась, и новая турбина намного круп-нее тех, что изготовлялись когда-либо раньше. Вот и мостовые краны сошлись в вышине над махиной ци-линдра низкого давления, уже охваченного стропами и готового в путь — к стенду. Значит, одному крану и не поднять?..
Аня беспомощно огляделась и призналась самой се-бе: «Боюсь!..»
Чтобы закончить первый, беглый осмотр, она напра-вилась к стенду — металлическому строению с лесенка-ми и перилами, всегда напоминавшему ей палубу кораб-ля. На этом внутрицеховом корабле собирались в одно целое тысячи крупных, мелких и мельчайших

деталей, в сложных сочетаниях составляющих турбину — боль-шую, изящную машину, хранящую в своих пока еще не-подвижных механизмах огромную рабочую энергию.
Сейчас машины еще не было. Аня разглядела на стенде только нижнюю часть корпуса и мысленно дори-совала всю машину с ее изогнутыми трубами и фигур-ной крышкой. Воображение воспроизвело турбину исклю-чительной мощи, прекрасную по экономной целесо-образности форм.
На стенке, ограждающей стенд, как и прежде, пест-рели плакаты и объявления. Аня подошла к доске Поче-та, и оттуда на нее глянули из-под насупленных бровей зоркие, чуть улыбающиеся глаза, и сморщенные губы, полускрытые пышными усами, словно произнесли:
«А-а, вернулась! Весь свет объехала, а дома, видно, все лучше?» Мастер Клементьев, Ефим Кузьмич, строжай-ший из строгих, как хорошо, что вы здесь!
А вот еще одно лицо, будто бы и знакомое, только не вспомнить, кто же она, эта немолодая женщина с испу-ганным лицом и старательно вытаращенными глазами... Ох, ну и портрет! Аня ахнула и рассмеялась, прочитав, что это Екатерина Смолкина, стахановка-многостаноч-ница. Катя Смолкина, громкоголосая и отчаянная, бой-баба, как ее называли в цехе,— как же ты оробела перед фотоаппаратом, и как же ты тут не похожа на себя!
А вот и Коршунов, еще до войны считавшийся луч-шим специалистом на точнейших и ответственнейших токарных работах, старый коммунист Коршунов — воло-сы поседели, морщины углубились, а и сейчас, видно, крепок.
Больше знакомых Аня не нашла, но среди десятков молодых и старых лиц Аню привлекло одно, чем-то особо примечательное. Подпись сообщала, что это лучший то-карь завода Яков Андреевич Воробьев. Аня вниматель-но вглядывалась: прямой нос, крепко сжатые, будто в ка-кой-то строгой решимости, четко очерченные губы; свет-лые волосы зачесаны назад, но одна прядь так и норо-вит упасть на лоб. А свежие, умные глаза смотрят перед собой пристально и задумчиво, пожалуй даже ласково. Интересно, каков он в жизни, этот Яков Воробьев? Слу-чайное тут выражение или на этот раз фотоаппарат уло-вил характер?
Молодой паренек шел навстречу Ане, с увлечением подкидывая ногой виток металлической стружки.
— Товарищ Полозов в цехе? — спросила у него Аня.
— В столовую пошел, вы подождите, — по-хозяйски посоветовал паренек и прошел мимо, снова будто нена-роком подкинув стружку, как футбольный мяч.
Аня еще не дошла до стеклянной двери цеховой кон-торы, когда оттуда выскочил рослый плечистый человек в синей робе, с пятнами машинного масла на скуластом веселом лице.
— Анечка! — закричал он во весь голос, сжимая ее руки в своих широких ладонях. — Прекрасный сон или явь? Анечка Карцева!
— Витя Гаршин? Здесь? — тихо сказала Аня, не от-нимая рук и не глядя на него. Это был единственный человек из ее прошлой жизни, которого она не ожидала и не хотела встретить.

3

Выйдя из столовой на обширный заводской двор, Алексей Полозов остановился и зажмурился. Примятый колесами и присыпанный копотью выпавший вчера снег все-таки победно сверкал на солнце, а на его искри-стой поверхности вспыхивали темным, но тоже слепящим блеском черные крупинки кокса.
«К весне повернуло», — подумал Полозов, вдыхая холодный, уже по-весеннему влажный воздух.
По двору к столовой быстро шел человек без пальто, в надвинутой на лоб кепке и в теплом шарфе, дважды обмотанном вокруг шеи. Полозов узнал секретаря парт-кома Диденко и усмехнулся: до того быстр и подвижен человек, что и пальто ни к чему. Таким он был и десять лет назад, когда Алексей поступил на завод, — руково-дитель монтажников, агитатор, заводила во всяких об-щественных делах, человек кипучей энергии и широкой души. За эти годы он очень изменился, но перемена была внутренняя, облик и повадки остались те же. Никогда он,

видимо, не задумывался над тем, какое впечатление производит, достаточно ли солиден. Если надо побе-жать — побежит, если весело — веселится, а работает со страстью, с пылом, иногда с яростью; порою кажется: ничего-то он не замечает вокруг, а приглядишься — все приметил и лукаво посмеивается: «Что, не укроешься от меня? То-то».
— А-а, Полозов! — закричал Диденко, подходя, и протянул инженеру покрасневшую от холода руку. — Тебя-то мне и нужно! Слыхал новости? Прямо голова кругом!
И тут же, как бы опровергая собственное утвержде-ние, обстоятельно и здраво рассказал:
— Звонили из Москвы. Краснознаменские стройки идут ускоренным темпом. Технику туда подбросили са-мую мощную. В общем, пуск новых заводов всячески форсируется. Первая очередь металлургического вступит в июле, машиностроительный заработает к седьмому ноября. Алюминиевый завод обещают пустить вместо января в октябре... Все идет к тому, что Краснознаменка должна дать ток раньше, чем намечалось. Строи-тели станции, говорят, взяли социалистическое обяза-тельство досрочно закончить станцию под монтаж тур-бин, первую очередь — к июлю, вторую — к октябрю. К октябрю! Понимаешь, чем это пахнет? Немирову на-мекнули: со дня на день ждите вызова — так, мол, и так, товарищи турбинщики, дело за вами, не подводите. Мы досрочно, и вы досрочно. А?
— Мы — досрочно?
Диденко весь вскинулся:
— А как же без нас? Что ж они, вместо турбин ма-кеты поставят? — И задумчиво проговорил:
— Так оно и идет. Как в механизме хорошем: зубчик за зубчик цеп-ляется и всю махину тянет. Отчего ты молчишь? — неожиданно спросил он.
Полозов пожал плечами, глаза его были устремлены куда-то вверх, на искрящиеся крыши цехов.
— Видишь ли, Николай Гаврилович, — сказал он медленно, — сделать можно все... Все! — с силой вос-кликнул Полозов и добавил так же медленно: — Но тог-да не обойтись нам без ломки. И большой ломки.
— Ну так что же? — спокойно откликнулся Диденко и требовательно, в упор поставил вопрос:
— А что имен-но ломать?
— Многое. Начиная с организации и стиля руковод-ства.
Диденко слегка кивнул головой, помолчал, задумав-шись, а затем осведомился, приехал ли Любимов.
— Нет еще, — недовольно буркнул Полозов. Диденко чуть заметно улыбнулся, взял Полозова за рукав и дружески сказал:
— А ты не ершись. Тут не один человек и не два решать будут. Ведь если подойти с административной точки зрения, ответ может быть один: нет. Знаешь, что дают подсчеты и калькуляции: столько-то станков, столько-то человеко-дней, столько-то материалов, столь-ко того и другого... А тут мозг, душа и сердце. И тогда самые точные подсчеты вдруг оказываются неточными. А подсчеты, друг, все-таки очень-очень нужны. Именно сейчас. Чтоб потом неожиданностей не было... Ну, я пошел, — он повернул к столовой. — А ты подумай, По-лозов, хорошенько подумай. Прежде чем людей подни-мать, нужно себя самого до конца...
И он ушел не договорив.
Возбужденный новостью, которая должна была определить на ближайшие месяцы всю работу завода, Алексей заспешил в цех, к людям. Побыть с ними, уловить их настроение и мысли, набраться в общении с ними уверенности и спокойствия, чтобы потом, в одиночестве, продумать, что же следует делать и как подготовиться к новой, огромной задаче. Правда, не сегодня-завтра приедет Любимов и снимет с него ответственность руко-водителя... Нет, именно поэтому нужно все продумать, все решить самому.
Как назло, первый человек, попавшийся ему навстре-чу в цехе, был карусельщик Торжуев. Уже начинающий полнеть и лысеть, но еще статный и отменно здоровый — молодец молодцом, карусельщик стоял в проходе и курил короткую щегольскую трубочку, искусно выпуская дым и с интересом наблюдая, как плывут и медленно тают сизые кольца.
Алексей Полозов хотел пройти мимо, но Торжуев загородил ему дорогу и сказал, вытягивая из кармана спецовки голубой листок наряда:
— Вот, Алексей Алексеевич. Как вы сейчас замещае-те начальника цеха, я к вам. Где ж это видано, чтоб на такую работу четыре дня? Пять, Алексей Алексее-вич, — сами знаете, кроме меня с Белянкиным, вам и за пять никто не сделает.

Полозов взял голубой листок и прочитал задание, чтобы собраться с мыслями и подавить неуместную злобу.
— Я знаю и то, Семен Матвеевич, что вы сделаете за три дня, если захотите, — сказал он, возвращая на-ряд. — А сделать нужно, срок — предельный.
— Что я захочу, это в наряде не пишут, — ответил Торжуев и сунул в карман голубой листок. — Что пола-гается по норме, то и спрашивайте с нас, Алексей Алек-сеевич. А что сверх... сами понимаете...
— А что тут понимать, Семен Матвеевич? Работа сдельная, сколько заработаете — все ваше будет.
Он прекрасно знал, чего добивается Торжуев: на-чальник цеха не раз «подкидывал» кругленькую сумму за особо срочные и сложные работы на уникальных ка-руселях, поскольку выполняли их только два карусель-щика — Торжуев да его тесть Белянкин. Но аккордные оплаты были запрещены, и Полозов не собирался искать обходные пути.
Торжуев нагловато усмехнулся:
— Будет интерес — будет и старанье.
И, приподняв на прощанье кепку, вразвалочку пошел прочь.
«Вот жила! Попробуй-ка подними такого на досроч-ное!» — с гневом подумал Полозов, направляясь к боль-шой группе рабочих, собравшихся возле «Нарвских во-рот».
В гулкой тишине цеха отчетливо звучали увлечен-ные, перебивающие друг друга голоса. «Беседа прово-дится», — догадался Полозов и, еще не видя, кто ведет ее, почему-то представил себе, что увидит в центре не-принужденно расположившейся группы Якова Воробье-ва, нового партгрупорга четвертого участка.
Подойдя ближе, он не сразу увидел Воробьева — ра-бочие сидели где придется, некоторые стояли кучками, беседа катилась как бы сама собой, и не понять было, кто направляет ее. Может быть, просто читали газеты, да и заговорили о международных делах. Кое-кто и не участвует в беседе, завтракает или занят своими личными разговорами. Вот крановщица Валя Зимина, комсомольская активистка и умница Валя, артистка за-водской драмстудии. Около нее, конечно, ее приятели Коля Пакулин и Женя Никитин — эта троица неразлуч-на. Светлый курчавый хохолок Николая Пакулина дела-ет еще заметней здоровый юношеский румянец на ще-ках, с которых до сих пор не исчезли ребячьи ямочки, а рядом с Пакулиным кажется совсем взрослым и осо-бенно болезненным Женя Никитин, комсомольский сек-ретарь цеха и слесарь сборки, успевший повоевать два года танкистом и вернувшийся из армии с шестью на-градами и тремя знаками тяжелых ранений. Все трое перешептываются — видно, о чем-то своем. Но нет, оказывается, все о том же. Валя вдруг начинает гово-рить — звонко, не очень уверенно, но горячо. Она гово-рит об Уолл-стрите, произнося это слово брезгливо, слег-ка содрогаясь плечами, как будто прикоснулась к скользкому чудовищу. Ее слушают охотно — Валю любят, Валя — цеховая дочка.
Полозов подошел еще ближе и увидел рядом с собою мрачную фигуру со скрещенными на груди руками, тяжелым и отчаянным взглядом, устремленным на Валю. Аркадий Ступин? Да, Аркадий Ступин, непутевый красавец Аркашка, озорник и сердцеед, чьи проделки не раз приходилось разбирать и мастерам и Полозову. Эге, Аркаша, не все тебе разбивать девичьи сердца, — видно, и сам попался?..
— Ну, а почему же так происходит, как вы понимае-те? — раздался негромкий, задумчивый голос, и Поло-зов наконец увидел того, кого и ожидал увидеть. Яков Воробьев сидел на перевернутом ящике, держа в руке кружку с чаем, и посматривал кругом, ожидая ответа. Таким он и в цех пришел года два тому назад — не как новичок, а как свой человек, положил перед Алексе-ем Полозовым документы — после демобилизации, млад-ший лейтенант Воробьев — и сказал, как товарищ това-рищу: «К вам — работать».
И сейчас он направлял беседу как свой среди своих, не выделяясь и не пытаясь выделяться, но как-то неза-метно ведя ее по намеченному руслу. Полозову нрави-лось, как он это делает, и нравилось, что так много лю-дей собралось вокруг него.
В сторонке завтракал, старый мастер Иван Иванович Гусаков, про которого в цехе говорили, что среди людей с плохим характером он держит первенство уже третий десяток лет. Он и сейчас фыркал и ворчал себе под нос, но, видно, прислушивался с интересом. Около него ни-кто не садился: искали более приятного соседства. Толь-ко Груня Клементьева с уверенностью красивой женщи-ны, привыкшей, что с нею все хороши, свободно примо-стилась

рядом с Гусаковым, обсасывая конфету румя-ными губами и откинув назад голову, окруженную венцом тяжелых, пышных кос. Она слушала беседу и не мигая смотрела на Якова Воробьева.
Оглядевшись, Алексей увидел и старика Клементье-ва, Груниного свекра.
Старик сидел на корточках возле слесарей, разби-равших поврежденный станок, и что-то шепотом совето-вал им, поясняя слова движениями узловатых пальцев. Его седые усы энергично шевелились, темные с проседью брови сошлись на переносице. Одним ухом он нет-нет да и прислушивался к беседе, и Алексей понял: пришел Ефим Кузьмич — по долгу секретаря цехового партбюро — проверить, как ведет беседу новый парт-групорг, но, увидав неисправный станок не удержался и полез разбираться, что там случилось.
Сердитый голос Гусакова заставил насторожиться и Ефима Кузьмича, и Полозова, и стоявшую в сторонке молодежь.
— Немногого они стоят, эти рабочие! Мы-то небось оболванить себя не дали, а тряханули своих министров-капиталистов в семнадцатом году так, что у них и душа вон.
Беседа продолжалась, а Воробьев сидел нахмурен-ный и даже губами шевелил, как будто говорил про себя. Алексей понял, что Воробьев не может обойти молчанием выкрик Гусакова и подыскивает убедитель-ный ответ. Через минуту Воробьев действительно вернул беседу к словам Гусакова:
— Иван Иванович с презрением отозвался о рабочих капиталистических стран, которые дают себя оболва-нить. Давайте разберемся, товарищи.
Алексей тоже мысленно ответил Гусакову и теперь с удовлетворением слушал Воробьева. Вот и еще один про-пагандист вырос, думал он, говорит просто, а ничего не упрощает. Вот он заговорил о предательстве правых социалистов, — ух, какая у него слышится ненависть в голосе! И как он всем сердцем верит, что революцион-ная правда сильнее!
— Как же может быть иначе, товарищи? — говорил Воробьев. — Стоит только пролетариату любой капита-листической страны сравнить свое положение с положе-нием пролетариата в Советском Союзе, и он увидит...
Но тут Гусаков, обиженный тем, что его слова вы-звали возражения, запальчиво перебил:
— Как ты сказал? Повтори, повтори, Яков, как ты сказал?
Воробьев от неожиданности немного растерялся. По-лозов и Женя Никитин одновременно приблизились, го-товясь прийти на выручку Воробьеву. Ефим Кузьмич оторвался от разобранного станка, неодобрительно сле-дя за своим старинным приятелем Гусаковым, Груня перестала сосать конфету.
Большинство слушателей заранее улыбалось: ну, прорвало Гусака, теперь жди спектакля.
Гусаков поднялся во весь свой высокий рост, доволь-ный, что нашел-таки желанную зацепку.
— Подвернется же на язык такое слово: советский пролетариат! Конечно, молодые на своем хребте не ис-пытали, что такое пролетарий. А об этом еще Карл Маркс в своем «Коммунистическом манифесте» написал: пролетариям терять нечего, кроме своих цепей, а приоб-ретут они весь мир. Вот что такое пролетарий: кому терять нечего, кроме цепей. Какие же мы с вами проле-тарии? Мы господствующий рабочий класс. Как в «Ин-тернационале» поется: были ничем, а стали всем.
— Правильно, Иван Иванович, оговорился я, — до-бродушно признал Воробьев и глянул на часы. До конца перерыва оставалось несколько минут, а последнее сло-во он хотел оставить за собой.
Гусаков проговорил бы еще невесть сколько, — он любил, чтобы его слушали, — но Груня решительно по-тянула его за полу пиджака:
— Иван Иванович, садитесь. Дозавтракать не успе-ете...
Воробьев подмигнул слушателям и нарочито наивно спросил:
— А во всем мире, Иван Иванович, значит, пролета-рии такие же бедные, как были?
— За границей-то? — не понимая, куда клонит Яков, переспросил Гусаков и на всякий случай сел, чтобы не торчать у всех на виду. — Ясно, где, значит, социализма нету... А как же?
— Как будто ясно, — весело подхватил Воробьев. — Да только если разобраться, то и во всем мире сила пролетариата куда против прежнего выросла. Смотрите. Миллионные демонстрации, митинги, забастовки, осво-бодительные войны, движение за мир. Мы им такую надежную опору даем, что держать их в цепях капита-листам трудненько. А сколько народов уже пошло по нашему пути!

Он что-то припомнил и засмеялся:
Вот, честное слово, товарищи, живого капитали-ста видал. Конечно, по картинкам представлял себе, а тут — живой, с этаким пузом, как вылитый. В Будапеш-те это было, сразу после боев. Мы его из бомбоубежища на свет пригласили, из его собственного, частного бомбоубежища, с ванной, с кафельными стенами, с водо-проводом... Народ под бомбами гибни, а он в подземном дворце с семьей и прислугой прохлаждается. И вот вы-шел он, мы на него глаза пялим — интересно ведь! — а он на нас. И что, вы думаете, у него в глазах? Ну, не злоба и не удивление даже, а лютая, смертная тоска.
Гусаков, подобрев, крикнул с места:
— Сподобился, значит, с живым буржуем поздоров-каться?
Смеясь вместе со всеми, Воробьев не дал себе от-влечься и, переждав чуточку, продолжал:
— Два года я там прослужил на охране коммуника-ций. Языка не знал, а дух чувствовал — круто поверну-ли, хорошо. Да и в других странах, где, как говорит Иван Иванович, социализма нету, разве там все по-ста-рому? Народ силу почуял и воевать научился, есть у них новое богатство: опыт нашей революции, международ-ная солидарность да великий друг — СССР... Точно ли я слова понимаю, Иван Иванович?
Гусаков крякнул и не спеша ответил:
— В данном случае понимаешь.
Рабочие стали расходиться: обеденный перерыв кон-чался.
Молодежь окружила Полозова.
— Алексей Алексеич, это правда... насчет нового срока? Бабинков говорил...
Новость, очевидно, уже начала распространяться.
— Приказа такого не знаю, и мне Бабинков ничего не говорил, — с улыбкой уклонился от обсуждения По-лозов. — А что, ребята, испугались?
— Чего ж бояться? Мы-то свое выполним! — вос-кликнула Валя.
— То, что зависит от нас, мы сделаем, — обстоятель-но сказал Николай Пакулин. — Были бы заготовки да инструмент.
Иван Иванович Гусаков, собравшийся уходить на свой участок, задержался послушать, о чем толкуют комсомольцы с заместителем начальника цеха.
— В вас все дело, как же! — прикрикнул он на мо-лодежь. — Вам скажи: десять турбин, вы и за десять возьметесь, вам что. — И Полозову: — Алексей Алексе-ич, никак из огня да в полымя?
Яков Воробьев обнял за плечи Пакулина и Никити-на, даже подтолкнул их вперед, как бы подчеркивая, что отстранить их не даст, и внятно произнес:
— Порядку больше — отчего не выполнить?
— Порядок само собою, — недовольно отозвался Гу-саков. — На одном порядке ты месяц сбережешь. А еще два на чем? Еще два надо башкой заработать.
Воробьев, не смущаясь и не отступая, возразил:
— Где порядок лучше, там и мысли просторней.

4

Гудок возвестил о конце перерыва, и сразу громад-ное здание цеха откликнулось на его призыв всей гам-мой звуков, какие дают ожившие механизмы и соприкос-новение металла с металлом, когда один из них вгры-зается в другой и режет его, обтачивает, сверлит, рубит.
Вступили в строй «Нарвские ворота» басовитым скрежетом могучих резцов и ритмичным щелканьем переключателя. С мягким жужжанием закрутились огромные планшайбы каруселей, быстро и легко подстав-ляя под резцы тусклые плоскости отливок. Пулеметной очередью застучал пневматический молоток, обрубая металл. Завизжала механическая пила, распиливая по-полам толстое стальное кольцо... Сотни рук плавно регулировали движения механизмов, сотни глаз, не от-рываясь, следили за скольжением резцов, фрез и сверл, за летучими змейками желтых, синих, серебристых, вишневых стружек, за алым сиянием раскаленного тре-нием металла.

Клементьев и Полозов остались одни в середине про-лета.
— Вот ведь мельница, ей-богу! — с сердцем сказал Ефим Кузьмич. — Ежели, скажем, инструмента не хва-тает и поднажать надо, Бабинков без голоса; а ежели первым новость растрезвонить — куда как горласт! — И совсем тихо спросил: — Что, покрутимся, а?
— Д-да... задача...
Распахнулись ворота, пропуская в цех паровоз и две платформы, нагруженные крупными отливками. Иван Иванович Гусаков не по возрасту резво побежал к паровозу, его сердитый голос перекрыл шипение паровоза и все другие звуки:
— Осади! Куда разбежался? Осади немного!
Полозов поднял голову, стараясь определить, скоро ли освободятся необходимые для разгрузки краны. Он хорошо видел озабоченное лицо Вали Зиминой, управ-лявшей контроллерами. Два крана согласованно и осторожно подняли в воздух громадину цилиндра, пока-чивающуюся на охвативщих его стальных канатах, и медленно пронесли к стенду. Валя Зимина ударами ма-ленького колокола предупреждала: внимание, внимание, в воздухе многотонная тяжесть!
Клементьев и Полозов отошли в сторону от прохода, над которым проплывал цилиндр, и проводили его взгля-дом. Ефим Кузьмич вздохнул и сказал успокаивающе:
— Ничего, Алексей Алексеич. Не в первый раз, а?
Полозов молча кивнул.
Ему хотелось возразить, что такой трудной задачи еще, пожалуй, перед цехом не возникало, но говорить об этом Ефиму Кузьмичу не имело смысла: старик сам все понимал.
Он задумался, стоя посреди цеха. Его раздумье на-рушил зычный, возбужденный голос старшего техноло-га Гаршина:
— Алексей Алексеич, дорогой, идите-ка сюда скорее! Полозов заметил рядом с внушительной фигурой Гаршина небольшую женскую фигурку и с интересом приглядывался, что за гостья. Под меховой, надвинутой на одну бровь шапочкой он увидел карие блестящие гла-за и улыбку — такую открытую, жизнерадостную, что нельзя было не улыбнуться в ответ.
— А вот и товарищ Полозов! — воскликнула жен-щина.
Голос был звучный и выразительный, со своей ин-тонацией для каждого слова. И лицо выразительное: улыбка исчезла, губы энергично сомкнулись, а глаза смотрят выжидательно, будто говорят: не узнаешь? А ну-ка, постарайся, узнай!
И он узнал. Память разом воскресила давнюю тре-вожную ночь. Темный цех с редкими лампами, прикры-тыми синей бумагой, мечущиеся над стеклянной крышей лучи прожекторов, грохот выстрелов и разрывов, подра-гивание пола под ногами... и молодая женщина с расширенными от страха глазами, возле которой он очу-тился в укрытии. Отрывистые слова: «Страшно?» — «Ну вот еще. Бывало хуже». — «Нет, кажется, не бывало…» Ее смешок: «Смотрите, у вас пальцы прыгают». И его старание унять дрожь пальцев, достававших папиросу, и чувство удовлетворения, когда это удалось. В дни, когда цех снимался с места в нелегкий и дальний путь, деловитый молоденький инженер Карцева работала рас-торопно и толково, помогая упаковывать станки. Алек-сею было грустно и стыдно уезжать, когда она остается, он спросил: «Все-таки, Аня, почему вам не поехать?» А она ответила просто: «У меня муж на фронте — тут, возле Мясокомбината».
— Аня Карцева, — обрадованно вспомнил он. — Ка-кая вы стали!
— Неужто так изменилась? — с нескрываемым огор-чением спросила она и опять стала совсем иной — не такой, как прежде, и не такой, как минуту назад.
— Анечка, да вы красивей стали черт знает насколь-ко! — шумно вмешался Гаршин.
— Просто вы какая-то переменчивая, — сказал Алек-сей, — и одеты совсем по-другому... А вы к нам в гости или насовсем?
— К нам, работать, — чересчур громко, как всегда, когда был весел, объяснял Гаршин. — Понимаешь, при-ходит и спрашивает тебя, а я как выскочу! Мы ж прия-тели с каких пор. Учились вместе, вместе Кенигсберг штурмовали.
— Я-то, положим, не штурмовала, — насмешливо уточнила Аня, потом уже серьезно обратилась к Поло-зову: — Директор направил меня к вам, чтоб вы реши-ли. Я очень оторвалась от специальности, Алеш... Алексей Алексеич. Боюсь, что на первых порах могу оказаться невеждой.
— Ерунда, Анечка, научим, поможем, это вы не бес-покойтесь, — подхватил Гаршин с шумной готовно-стью. — Давай ее ко мне, Алеша. Сразу все вспомнит, как только начнет работать!

Но Полозов никак не собирался решать вдвоем с Гаршиным вопрос, который имел право решить сам.
— На ходу да с наскоку такие вещи не делаются, — строго прервал он и поглядел на часы: — Перерыв, ка-жется, кончился?
— Понимаю и ухожу, пока не гонят, ох-хо-хо, — загрохотал Гаршин и двумя руками потряс Анину ру-ку. — Ну, Анечка, очень, очень рад! Теперь уж вы от меня не убежите.
Аня чуть повела плечом, упрямо сжала губы. И по-шла за Полозовым в контору.
В кабинете начальника цеха Алексей усадил ее на диван, сел рядом.
— Ну, давайте обсуждать, что с вами делать. Рабо-ты у нас по горло, и, когда приходит свежий человек, да еще такой энергичный — я ведь помню вас, Аня, — хочется направить его сразу в десять мест. А надо вас использовать так, чтобы и вам польза была... — он за-пнулся и, помолчав, спросил: — А ну, давайте начистоту: пошли бы вы или вам почему-либо не хочется идти ра-ботать именно к Гаршину?
— Именно к Гаршину? Почему же! — весело ответи-ла Аня, и из этого ответа «начистоту» он понял только то, что ответа так и не получил. А она продолжала: — Понимаете, Алеша, я все эти годы страшно хотела вер-нуться в цех. И обязательно на участок, непосредствен-но на производство. Чем бы ни стать потом, начинать надо с производства, верно? А сразу засесть в техноло-гическое бюро... — Не договорив, она спросила: — Гар-шин хорошо работает? Его план реконструкции цеха интересный?
— А он уж успел похвастать? — усмехнулся Алек-сей. — План они с Любимовым составили интересный и очень для нас важный. Очень. Сегодня — еще более важный, чем вчера. А работает Гаршин... Ну, вы его, по-видимому, знаете? Напорист, энергичен. Я бы сказал, он сумел стать в цехе почти незаменимым.
Он помолчал и добавил:
— При наших нынешних методах.
Аня вскинула глаза, ожидая объяснения, но Полозов вдруг насторожился: из-за стеклянной стенки, выходив-шей в цех, доносились сквозь шум работ слишком гром-кие голоса и визгливый плач.
Аня первою выбежала в цех.
На токарном участке столпились рабочие. В середине группы покрасневший от гнева красавец Аркадий Сту-пин держал за ворот паренька с перемазанным, зали-тым слезами лицом.
Вот тебе и пополнение прислали! — кричал Арка-дий, встряхивая паренька одной рукой и размахивая другой, сжатою в кулак. — Учишь его, дьявола, а он у тебя же ворует да еще и врет, что там ничего не было!
— Я не хо-те-е-ел! — плача, выкрикивал паренек. — Я случай-но...
— Случайно! — воскликнул Аркадий и с силою трях-нул паренька. — Пока я на беседе был, случайно в мой шкафчик залез, случайно весь завтрак украл?!
Рабочие шумели вокруг — воровство в цехе! Никогда этого не было! Набрали мальцов прямо с улицы, а те-перь запирайся на ключ, как от воров!
— Отвести его в милицию — и все!
— Ну да, в милицию! Голодный он — неужто не видите?
— В первые же дни всю получку проедят на конфе-ты да на кино, а потом голодные ходят!
— Да какая у него получка? Он же первый лодырь в цехе, у него получки отродясь не было!
— Отнимать у них получку надо да в столовую тало-ны давать!
— Няньку приставить, что ли?
Со стенда сбежал Гаршин, уверенно раздвинул тол-пу:
— Что за шум?
Аркадий, выпустив паренька, возмущенно объяс-нил, что произошло. Навязали ученичка, пропади он пропадом! Толку от него никакого, а тут еще в шкаф-чик залез и целую булку с колбасой украл.
— Ай-ай-ай, целую булку, да еще с колбасой, — ска-зал Гаршин и взял паренька за плечо. — Как же ты, а?
— Случай-но, — со всхлипом сказал мальчишка, ис-подлобья глядя на Гаршина. — Я сперва отколупнул только... корочку... а потом еще...
— Не ел сегодня?
— Нее...

— Что ж тебе мамка — не дает завтрака?
— Не-е... Говорит — работай, зарабатывай...
— А ты не работаешь, не зарабатываешь, а потом воруешь, а потом ревешь? — добродушно сказал Гар-шин. — Сколько тебе лет?
— Шестнадцать.
— Так что же ты ревешь, как маленький?
Мальчишка снова всхлипнул и начал вытирать грязной рукой слезы, но Гаршин перехватил его руку:
— Не три, чище не будешь. Пойди в умывалку, умойся. И возвращайся сюда.
Когда паренек поплелся в умывалку, Гаршин сказал примирительно:
— Учить его надо, а не крик поднимать. Ну что ты целое представление устроил, Аркаша?
— А вы его слезам не верьте, — мрачно сказал Аркадий. — Самый главный озорник в цехе, только и смотришь, как бы не напакостил чего. Что хотите делайте, а мне его больше не надо. И близко не подпущу.
— Уж и не подпустишь? — сказал Гаршин и улыбнулся Ане. — У такого тихони такой озорной ученик, где тут справиться!
И он шагнул навстречу пареньку, возвращавшемуся с тщательно отмытым, покрасневшим от слез и от мытья лицом.
— Тебя как звать, беспутная душа?
— Кешка...
— Так-таки Кешка? А может, и настоящее имя есть?
— Степанов Иннокентий.
— Ну так вот, Иннокентий-Кешка, учитель твой от тебя отказывается, — видно, ты больно хорош. С этой минуты ты мой и без меня дышать не смей. Понял?
Кешка молчал, посапывая носом.
— Иди вон туда, к стенду, и жди меня возле лесен-ки. Понял?
Легонько щелкнув паренька по затылку, Гаршин подошел к Ане и взял ее за руку:
— Правильно, Анечка?
Она благодарно улыбнулась ему:
— Я не знала, что вы добрый. Очень довольный, он ответил:
— А я сам не знаю, добрый ли я. Может быть, это оттого, что вы тут были.
И он размашисто зашагал к стенду.
Проводив его взглядом, Аня обернулась и увидела Полозова. Она неодобрительно подумала, что не Гаршиу, а ему, заместителю начальника цеха, следовало вме-шаться и принять решение. Они же вместе выбежали в цех на шум скандала, а его голоса она и не слышала.
Полозов пристально смотрел на нее, будто изучал. Похоже было, что он даже не заметил только что разыгравшейся сцены и поглощен чем-то другим, своим. «Не витайте с ним в облаках, когда под ногами ухабы», — припомнила Аня слова директора и сухо спросила:
— Что же вы решаете относительно меня, Алексей Алексеич?
— Да, да, пойдемте, — спохватился Полозов.
— Садитесь, — рассеянно сказал он в кабинете и задумался, будто позабыв о ней.
Аня уже собралась как-нибудь половчее съязвить, чтобы вернуть его «на землю», когда он вдруг спросил:
— Скажите, Аня, можно вам поручить, даже в ушерб вашим интересам инженера, очень трудное и очень ответственное, нужное дело?
Она без запинки ответила:
—Да.
— Тогда… есть у нас такая должность — заведую-щий техническим кабинетом.
— Техническим кабинетом?
Он понял ее разочарование, и на миг ему стало жаль ее. Он заговорил как можно мягче:
— Аня, вы не смотрите на должность, как она назы-вается, а смотрите, в чем тут суть. При желании вы там узнаете производство более глубоко и всесторонне, чем на участке. Для внедрения всего нового, прогрессивного там можно сделать очень много, если взяться по-настоя-щему… И еще — воспитание молодых кадров. Видали этого паренька? А его так называемого учителя — Аркадия Ступина видали? Беда в том, что никто у нас по-вседневно не занимается ни учениками вроде Кешки, ни учителями вроде Ступина. Нет, техническая учеба,

конечно, идет, повышение квалификации идет — еще бы! Но дело должно идти гораздо быстрее. Учиться или учить должны все. Все! Сил и средств тут жалеть нель-зя... Каждое усилие и каждый рубль окупятся сторицей...
— Подождите, — прервала Аня, вставая: она снова вспомнила о «витании в облаках». — Все это звучит ув-лекательно. Но если говорить конкретно, то, наверное, окажется, что в этом году есть уже утвержденные небольшие средства на техническую учебу и на этот ваш кабинет. И что бы я ни задумала, все будет упираться в смету, и вы же мне скажете, что есть лимиты — и выше головы не прыгнешь.
— Аня! — радостно вскричал Полозов и поймал ее сопротивляющуюся руку. — Раз вы уже сердитесь, что будут лимиты и препоны, — значит, хотите взяться. Но, Аня, разве бывает, чтобы на нужное дело не нашлось поддержки? Была бы энергия доказать и потребовать!
Аня посмотрела на него и нехотя улыбнулась:
— Может быть. И все-таки я не возьмусь, я инже-нер, я хочу на производство…
— А решать все-таки буду я, — жестковато перебил Полозов. — В интересах цеха, товарищ инженер, не так ли?
Он тряхнул ее руку, потом поймал и тряхнул другую, сложил их вместе, сжал и отпустил.
— Взялись, Аня. Большое дело сделаете.
Аня пошла домой пешком, через Парк Победы.
После дневной оттепели к вечеру подморозило, мок-рые ветви молодых деревцов обледенели и поблескивали в свете качающихся на ветру фонарей. Дорожки стали скользкими, а тонкий ледок, затянувший лужи, с хру-стом оседал под ногой.
«Я дома. Я дома»,— всем существом ощущала Аня.
Она очень устала от множества впечатлений. Гулкие шумы еще звучали в ее ушах. Она еще чувствовала су-хой, кисловатый запах цеха. Один за другим возникали перед нею люди, которые отныне будут ее товарищами, рассказы и объяснения, которые спутывались в ее мозгу, как она ни старалась их понять и запомнить. Перед гла-зами проходили на лету схваченные и не всегда понят-ные Ане черточки цехового быта — обрывки споров, история с Кешкой, какая-то ожесточенная перебранка Виктора Гаршина с другим цехом, когда он кричал в телефонную трубку, одновременно подмигивая тем, кто находился поблизости: «Как вы сделаете, меня не ка-сается, хоть сами в печь полезайте, а чтоб завтра к утру все отгрузить!»
Каким чудом занесло на завод Виктора Гаршина? Снова — как тогда под Кенигсбергом — жизнь сталки-вает ее с ним... Для чего?
У выхода из парка накатанная детьми ледяная по-лоска по краю дорожки так и манила. Аня разбежа-лась и боком, по-мальчишески расставив ноги, прокатилась по ней, чуть не упала, рассмеялась и широким вольным шагом направилась к дому.
— Товарищ Карцева! Товарищ Карцева!..
Щуплая фигурка метнулась к ней навстречу из глу-бины парадной. Аня пригляделась и узнала Кешку.
— Товарищ Карцева... Вы мамке не говорите... Я вам честное слово даю... Вы только мамке не расска-зывайте... Я, честное слово…
— Да ты кто: Евдокии Павловны сын?
Кешка упорно загораживал ей дорогу.
— Не скажете? — настойчиво повторил он.
— Сегодня не скажу, а следующий раз обязательно скажу. Ты что ж, нарочно поджидал меня здесь?
Кешка кивнул и через две ступеньки, опережая Аню, побежал наверх.
Умываясь в ванной, Аня слышала, как Евдокия Пав-ловна ругала Кешку за то, что поздно пришел, созывала мальчишек обедать и затем бранила уже всех троих за то, что руки не отмыли как следует, и ногти грязные, и опять башмаки мокрые, прямо наказание с ними...
— Конечно, с детьми не покричишь — не совлада-ешь, — предупредила вчера Евдокия Павловна. — Вы уж не обижайтесь, если иной раз кричу. И сами ребятам внушайте, чтоб не озорничали. Чужого человека они скорее послушают.
Самый озорной из троих — Кешка.
Самый озорной из сорока семи — Кешка Степанов, ученик токаря, про которого Аркадий Ступин сказал: «Главный озорник в цехе». Сорок семь учеников в воз-расте от шестнадцати до восемнадцати лет.

Вернувшись в свою комнату, Аня постояла у порога, хмуро сдвинув брови. Надо было сию же минуту, не медля, занять себя делом, чтобы не растерять бодрого, чудесного настроения. В этой комнате жили воспомина-ния. Они словно подстерегали ее, теснясь за спиной: оглянешься, а они тут как тут.
Тряхнув головой, сжав губы, Аня решительно зажгла настольную лампу, выдвинула нижний ящик письмен-ного стола — потрепанные, пожелтевшие, стопками ле-жали там институтские учебники и конспекты, зачитан-ные перед экзаменами, испещренные пометками и под-черкиваниями.
Она раскрыла конспект по технологии, с которого решила начать, но читать не могла: так ясно припомни-лись студенческие дни, подруги Светлана и Люба, с которыми сидела ночи напролет, ожесточенная зубреж-ка и перекрестные опросы, короткие перерывы с хохо-том, возней и поздними торопливыми ужинами... Павлуша тогда уезжал на монтаж турбины. Он сказал на прощанье, улыбаясь: «Вы, девочки, не зубрите, а вни-кайте в самую суть. Поймете — само запомнится...» А потом, целуя Аню, шепнул: «Главное — не волнуйся, ты же прекрасно все знаешь...» Павлуша...
Она откинулась на спинку стула и прикрыла глаза. С этим ничего не поделаешь. Как ни притворяйся перед самой собою — все равно от этого не уйти. Одна. При-дешь — и некому сказать: «Знаешь, сегодня...» С тех пор как Павлуши нет, будто пружинка внутри прихлоп-нута, сжата, и никак ей не вырваться на вольную волю. Это Павлуша придумал: «Ты такая неугомонная, у тебя словно пружинка внутри — раз! — и выскочила!» То было от полноты жизни, от такой полноты, когда все интересно, все мило.
Аня раскрыла глаза — сухие, потемневшие. Не надо касаться этого даже мыслью. Надо забыть, что так бы-вало. Живут же люди и без этого! Делом надо занять-ся, делом! И не хвататься за все сразу, а продумать то, что нужно завтра и послезавтра.
В сумочке лежало все несложное богатство техниче-ского кабинета, врученное ей для ознакомления: планы, списки, инструкции. Аня разложила их перед собою. Морщась, представила себе большую и какую-то туск-лую комнату в пристройке цеха, ряды парт, старые пла-каты на стене. Сюда приходили на занятия — рассядутся по партам, отзанимаются и уйдут, ни на чем не за-держав внимания. Помещение было, а технического ка-бинета не было. И его-то надо создать в первую очередь.
Она читала: «Пропаганда новой техники и методов труда... обмен опытом... помощь рационализаторам и изобретателям...» — шутка сказать! Чтобы растолко-вать другим, увлечь других, как хорошо нужно понять самой!
Женя Никитин помогает слесарю инструментального цеха Воловику в каком-то изобретении — что-то в связи с наростами металла на лопатках. Откуда наросты? Почему? Женя говорит: сколько уже думали над этим, ничего не придумали, а у Воловика очень интересный замысел. Если он удастся, — отпадет одна из самых ка-нительных операций. Женя Никитин — превосходный парень, это сразу чувствуется. И с каким увлечением он рассказывал об этом изобретении!.. Вот первое дело, где реально нужна помощь.
А самые точные, тонкие работы на уникальных кару-селях выполняют в цехе всего два карусельщика: Торжуев и Белянкин. Если с программой туго, Торжуев и Белянкин начинают капризничать, чтобы перед ними «шапку ломали», чтоб начальник цеха пошел на неза-конную оплату... Чепуха какая! В передовом цехе два старых «туза», мастеровщина допотопная.
На уникальной карусели работа особая, точная, и об-рабатываются на ней детали очень дорогие. Но может ли быть, чтобы нельзя было подготовить еще несколь-ких карусельщиков высокой квалификации? Вот еще задача, схваченная на лету... Сколько их возникнет завтра?
Стук в дверь.
— Войдите.
Евдокия Павловна протянула письмо:
— Вам, Анна Михайловна. В передней лежало. Раз-ве не видали?
— Спасибо.
Аня недоверчиво оглядела конверт — какой странно знакомый адрес: почтовый ящик № 1405/2... 1405/2... И вдруг сообразила: это же мой, родной, дальневосточ-ный... И письмо, конечно, от Ельцова. Как странно: все это уже отошло далеко-далеко, а Ельцов помнит, пи-шет... Да ведь это написано на следующий день после моего отъезда, ведь я всего два дня здесь.

Мелко исписанные листки. Дружеские слова с зата-енной, между строк ощущаемой нежностью. Она пред-ставила себе Ельцова пишущим это письмо. Склоненное над бумагой строгое лицо, сухие губы, грустный вопро-сительный взгляд. Взгляд как бы спрашивал: «Ну что, Аня? Ты не захотела остаться со мной — ты не жале-ешь? Ты уверена, что найдешь другого, более нужного тебе человека?»

Не знаю. Ни в чем я не уверена. Но поступила пра-вильно. Любая женщина, полюбив, будет с ним счастлива, а вот я не полюбила, и мне жаль, что это так, но разве сердцу прикажешь? Было с ним спокойно и уют-но, а не было вот этой удивительной полноты ощуще-ний, когда дождь, и солнце, и узор на стекле — для тебя, тебе... А он, провожая, сказал: «Может быть, еще пере-думаешь?» Но тут нельзя передумать, тут можно только разувериться в том, что все еще будет, и соскучиться одной, и потянуться к ласковым рукам, к тому, чтобы прийти и хоть кому-то сказать: «Знаешь, сегодня...» Так ведь и это не всякому, а лишь одному на свете хо-чется говорить.

Она вздохнула, взяла листок бумаги, написала: «До-рогой друг», — но все, что приходило в голову, было не то, что нужно ему, и не то, о чем хотелось писать ей. Посидела над листком, вздохнула и сунула вместе с письмом в ящик, — потом, в другой раз...

Звонок — долгий и сильный. Так звонят люди, уве-ренные, что им обрадуются.

В передней шаги, звенит цепочка, щелкает ключ. Алла Глебовна Любимова вскрикивает:

— О-о, какой неожиданный гость!

— А вот и не к вам, Аллочка Глебовна, — отвечает громкий, веселый голос.

Аня торопливо вскочила, заглянула в зеркало, про-шлась гребнем по волосам, потянулась к пудре — нет, еще что за глупости! Заставила себя сесть, успокоиться, читать план работы технического кабинета.

Стук в дверь — громкий, решительный, как все, что он делает.

— Откуда вы взялись, Виктор?

Гаршин крепко пожал ее руку, как будто они и не виделись сегодня, уверенно выкатил из угла и подкатил поближе к столу кресло, уселся, с торжеством улыбнул-ся:

— Думали, не найду? Думали, помирюсь на том, что вы будете мелькать мимо меня в цехе?

— Постарайтесь представить себе, Виктор, что я сов-сем не думала о вас.

Да, так и есть. Не думала. И все-таки удивительно хорошо, что он оказался здесь, что он сидит в этом крес-ле и свет настольной лампы освещает его веселые, дерз-кие губы, а верхняя часть лица — в полумраке, и только глаза поблескивают.

— О чем же вы думали, можно узнать?

— Пожалуйста. О том, с чего и как начать работу.

Он присвистнул:

— Ну, там с чего ни начни — все канитель. И как это вы позволили Полозову запихнуть вас в такое не-благодарное место? Черт знает что! Зачем было согла-шаться? Говорил я вам: идите ко мне в технологическое бюро или на сборку, я теперь почти совсем перекочевал на сборку этой несчастной новой турбины. Вместе бы работали, вот было бы весело, а?

Аня упрямо покачала головой.

— Ну, тогда на любой участок. Что вам даст этот техкабинет, вся эта возня с учебой?

— Я как раз думала о том, что могу дать я.

— Так. Один — ноль в вашу пользу. Итак, что же можете дать вы?

Аня нахмурилась.

— Если вы не можете быть серьезным, уходите и не мешайте. А если хотите помочь...

— Ну зачем такие ультиматумы? Что я, никогда не помогал вам?

— Вы помогали мне?!

Она расхохоталась, вспомнив, как он когда-то во-рвался в комнату Любы и превесело мешал им целый вечер.

В тот давний день она возвращалась из дачного при-города, где провела воскресенье. Вагон был переполнен, ветер залетал в открытые окна и крутил над головами золотую в лучах солнца пыль. Нагнувшись, чтобы за-стегнуть пряжку на туфле, Аня заметила на полу шелко-вый голубой кущачок. Подняв его в вытянутой руке, Аня звучно крикнула:

— Товарищи, кто потерял голубой кушак?

— Я, — отозвался басовитый мужской голос, и Аня увидела веселое, загорелое, лоснящееся от пота лицо, светлые курчавые волосы, широченные плечи — он воз-вышался над всеми своей

мощной, дышащей здоровьем фигурой, этот незнакомый весельчак. Хорошенькая де-вушка в голубом платье стояла рядом с ним у окна. Он повязал ее кушачок на шею вместо галстука, его спутница хохотала и требовала свой кушак. Не отдавая, весельчак заговорщицки улыбнулся Ане и, выходя из вагона, помахал ей рукой, как знакомой... А в трамвае она увидела его снова. Откинувшись назад и держась за поручень одной рукой он висел на подножке и наслаж-дался ветром, обдувавшим его и трепавшим его светлые кудри. Аня стояла на площадке и невольно любовалась им. Их глаза встретились, он дружески крикнул ей:

— Хо-ро-шо!

А когда она шла к общежитию института, он нагнал ее и спросил, благодушно, шагая рядом с нею:

— Небось заниматься?

— Не всем же бездельничать! — ответила Аня, уско-ряя шаг.

Он обогнал ее и через плечо снисходительно бросил:

— Разве можно так заблуждаться в вашем почтен-ном возрасте? Я самый трудолюбивый человек во всем институте.

Ей понравилось, что он, оказывается, свой, институт-ский, но она ответила с гримаской:

— Не похоже.

Тогда он подвел ее к афише институтского научно-технического общества, объявлявшей о публичном до-кладе аспиранта Гаршина В. П.

— Вот это я и есть — В. П. Приходите, а? Мне будет веселее. Когда я начну тонуть, вы мне улыбнитесь этак подбадривающе: ничего, мол, не теряйся! — и я вы-плыву.

— А вы наденьте на счастье голубой кушачок, — по-советовала Аня и юркнула в парадное.

Через час в комнату Любы вошел как ни в чем не бывало Гаршин.

— Вот я и нашел вас, — сказал он Ане, по-приятель-ски здороваясь с Любой. — Положительно, судьба нас сводит.

Он осведомился, что они зубрят, и вызвался помочь. Толку от его помощи было не много, но стало так весело, что Аня никак не могла рассердиться. Она пошла на его доклад, и ей было приятно, что он не только не то-нул, а сделал доклад блестяще, проявив живость ума и чувство юмора. Своим оппонентам он отвечал наход-чиво, под рукоплескания студенток, которых набилось в зал до странности много. Соседки шепотом рассказы-вали нашумевшую историю Гаршина с профессором, выступавшим с особенно придирчивой критикой. Аня уловила, что Гаршин вздумал ухаживать за молодой же-ной профессора и пересылал ей записки, засовывая их в профессорские галоши. Однажды профессор обнаружил в галоше очередную записку, после чего с треском про-валил Гаршина на кандидатском экзамене. Подробности были забавные, студентки давились от смеха. Аня удив-лялась: как она не заметила раньше такую популярную личность, — должно быть, Гаршин не баловал институт своими посещениями? Она была польщена, когда после доклада он подошел к ней и поблагодарил за «мораль-ную поддержку».

И вот он снова рядом с нею, все такой же, и ей ве-село с ним, весело и немного тревожно, как тогда, в первые дни встречи под Кенигсбергом, когда они без устали ходили по опаленным войною пригородам.

Она разглядывала Гаршина, совсем забыв о том, что надо как-то объяснить свое молчание. Гаршин — снова тут, рядом?..

— Анечка, вы смотрите на меня, как кролик на удава.

Она нехотя улыбнулась.

— Я просто никак не могу понять, почему вы очути-лись на заводе.

— Я и сам не понимаю, Анечка. Попутный ветер занес.

— А все-таки?

— Любимов заманил, мой давний приятель. Устраи-вает вас такое объяснение?

— Нет.

— Ну, приехал я из Германии, силушка по жилушкам, а кругом — восстановление, трудовой подъем, азарт. А я что же, не человек? Вот и занесло в турбинку.

— А еще?

Он крякнул и подмигнул Ане:

— До корня добираетесь? Ну что ж, мне от вас скрывать нечего. Извольте, доложу все как есть. Амби-ция подтолкнула, Анечка. Помните вы моего руководи-теля по аспирантуре, профессора Карелина?
— Того, с галошами?
Он отмахнулся:
— Нет, Анечка, другого. От того я перебежал к Ми-хаилу Петровичу, чтобы не быть убитым самым мучительным способом — перепиливанием деревянной пилой поперек живота. Вы знаете этот способ уничтожения? Так пилят только злые жены или профессора. Да за-смейтесь же, Анечка, я же черт знает как стараюсь вас развеселить.
Ей совсем не было смешно. Ей очень хотелось услы-шать что-нибудь такое, что развеяло бы воспоминание о встрече под Кенигсбергом и о том, что там произошло в один теплый весенний вечер... Ведь вот он здесь, и не забыл ее, в первый же день прибежал к ней и смот-рит так ласково и радостно; зачем бы он прибежал, зачем бы он смотрел так, если бы не помнил, не радо-вался ей, не дорожил ею?
А Гаршин рассказывал, как профессор Карелин в первый же день сказал ему: «Предупреждаю: галош я не ношу, с женою мы однолетки, а требовать с вас я буду как беспощадный тиран. Впрочем, никаких надежд, красавец мой, я на вас не возлагаю. Наука требует всего человека целиком. Вы же, я полагаю, относитесь к ней между прочим». Как профессор «гонял» его, тре-буя работы и работы! Тогда Гаршин и сделал доклад в обществе. А потом война, армия...
— И надо же мне было в Восточной Пруссии, у этой злосчастной речонки Шешупы, повстречать его сына. Ох, жалко мальчишку! Хороший был парень, двадцать лет, курсы лейтенантов закончил и прибыл к нам в самую заваруху! Какие бои выдержал, а потом — на мине... Да... Написал я тогда Михаилу Петровичу, сердечно написал, жалко было до слез и Васю его, и самого старика...
Он грустно задумался, лицо у него стало очень хо-рошее. Как давеча в цехе, в истории с Кешкой, Аня почувствовала, что он человек отзывчивый и добрый. Ну, конечно, такой он и есть, а все остальное — нанос-ное молодечество, игра.
Гаршин уже встряхнулся и шутливо припоминал, как он вернулся из Германии и пришел к Карелиным, и как Михаил Петрович долго отводил разговор об аспиран-туре, а потом сказал: «Теперь, я думаю, вы еще меньше расположены к самоотверженному служению науке?» А Гаршин ответил: «Наоборот, мечтаю отдать ей всего себя с орденами и нашивками». Карелин покачал голо-вой и этак жалостливо сказал: «Не тем путем идете, дружок. И кто это вас надоумил в аспирантуру? Вы — практик, вояка, вам греметь и шуметь, а вы — в науку».
— Ну, я поупрямился, нагнал серьезности, даже о теме диссертации заговорил, а он: «До диссертации, дружок, с вас еще семь потов сойдет. Для начала могу вам предложить семинар на первом курсе и консульта-цию заочников». Ну, я себе как представил эту тощищу! А перед тем, надо сказать, я с Любимовыми и целой компанией три дня гулял на радостях, и Любимов меня здорово сманивал к себе старшим технологом. Вот я и решил: эх, была не была, чем с заочниками возиться, двину-ка я на производство, — может быть, мне и впрямь больше по нраву азартные дела, такие, чтоб дух захватывало! Спасибо, говорю, Михаил Петрович! Семи-нар и заочники меня подождут, хочу годика на два, на три уйти на завод, глотнуть практики. И тему для дис-сертации пусть жизнь подскажет. Хо-хо! И полюбил же меня профессор за это решение! Теперь, как приду, на-встречу бросается, Витей называет. А это у него вроде аттестата, если по имени. Меня до войны он иначе и не звал, как «товарищ аспирант» или «товарищ кандидат в кандидаты». А теперь — Витенька.
— Значит, не взял вас профессор в аспиранты? — задумчиво спросила Аня, приглядываясь к Гаршину и как бы не слыхав всего того, что он рассказал.
— То есть как это «не взял»? — обиженно вскинулся Гаршин. — Хотел бы я посмотреть, как он не взял бы! Я не захотел, Анечка, сам не захотел, и пока об этом не жалею. А захочу вернуться в институт — с диссерта-цией вернусь, на коне и с боевым забралом, или, как это там говорится...
— А как с темой для диссертации? Нашли?
— О-о-о! Еще какую нашел! Ведь теперь что акту-ально? Механизация, новая технология, рационализа-ция — так? Хватит ученых тем «К вопросу о некоторых особенностях» и так далее. Я вам говорил, мы с Люби-мовым разработали проект реконструкции цеха? Вернее, основы проекта, принципы. Любимов сейчас в Москве, добивается решения. Если утвердят, отпустят средства, проектная организация начнет работать, — я участвую, это обещано. И вот

— тема. Что — жизнь? Практика? То-то. Правда, это по кафедре технологии, и вообще ученым мужам может показаться, что это слишком просто, слишком практично... А я плевал. Пусть попробуют отвергнуть. Не такое сейчас время. Сейчас — содруже-ство, лицом к жизни, а мне как раз по характеру живое дело.
— Мне кажется, вы перегибаете, Витя. Содружество ведь не отменяет науку, а усиливает ее роль. Теория...
— Ну да, ну да, Анечка, все знаю. Но пошуметь-то мне можно, хотя бы здесь, перед вами? Я ж такой, мне без этого скучно.
И опять он показался ей доверчивым, простым, доб-рым — большой, шумный ребенок. Она припомнила от-зыв Полозова: «Почти незаменимый... при наших ны-нешних методах». Что имел в виду Алексей?
— Правильно я поняла, Витя, что в цехе многое делается авральными методами, штурмовщиной?
— А еще бы! — воскликнул Гаршин. — Разве иначе справиться? Задачи-то какие! Впрочем, по правде ска-зать, Анечка, я это люблю. Знаете, такой аврал: «сви-стать всех наверх».
— Это вам подходит, Витя, — сказала Аня, смеясь — Но вы же понимаете сами, что это безобразие, а не ме-тод работы, и чем скорее…
Гаршин перебил с азартом:
— А наш план реконструкции? Анечка, я не только понимаю — я сделал главное, что нужно для ликвида-ции этих методов.
И он стал рассказывать ей сущность плана рекон-струкции. План предполагал значительное увеличение выпуска турбин — однотипными сериями — и унифика-цию узлов турбин, с тем чтобы в новой серии вносить возможно меньше изменений. Производство разбивалось на замкнутые участки, изготовляющие определенные уз-лы, с применением поточного метода везде, где это воз-можно, с четкой диспетчерской службой, с сигнализа-цией у станков, по которой подаются новые заготовки или инструмент. Аню пленил и самый план, и искреннее увлечение рассказчика. Вот это он и есть — настоящий Гаршин, человек живого дела, человек горячей прак-тики.
— Однако, Анечка, какие же мы с вами умные раз-говоры ведем! — вдруг вскричал Гаршин. — Битый час толкуем о производстве, прямо как на производственном совещании.
Аня с досадой усмехнулась: ну вот, это тоже Виктор Гаршин. Подумать только, какое нарушение устоев — поговорил с женщиной всерьез!
— Как вам не стыдно, Виктор! Я же инженер, мне это гораздо интереснее, чем все другое, что вы можете мне сказать.
— Значит, плохи мои дела.
Он опять дурачился, но глаза были уже не ласковые, а упорные, тревожащие.
— У нас до жути много серьезных людей, Анечка. Они вас окружат со всех сторон, так что и смеяться забудете. Алеша Полозов — первый. Вот уж с ним вы наговоритесь о производстве, он, кроме турбин, ничего не видит. Котельников, главный конструктор турбин, — второй. Мужчина умный, строгий и до того сосредото-ченный, что у него в глазах вместо зрачков облопаченные диски. Вот вы увидите.
— Погодите, Виктор. Насколько я поняла, ваш план предусматривает изменения не только в техноло-гии, но и в конструкции. Унификация узлов, так? Ко-тельников, наверно, участвовал?
— А как же! Это даже его идея была — насчет унификации и прочего. Это, знаете ли, такой творческий конструктор! Талантище!
Переходы настроений у Гаршина были мгновенны.
— А вы говорите — диски в глазах, — с улыбкой упрекнула Аня. — Ваш номер второй меня уже заинтере-совал. Дальше.
— Дальше — Любимов, — не смущаясь, продолжал Гаршин. — Тот помягче, на ватных лапах, но зато вопло-щенный разум. Вам повезло с соседом: если не спится, поговорите с ним — действует лучше снотворного.
— Я слышу о нем весь день — и все по-разному. Что он за человек?
— Прекрасный человек! Разве я взял бы его иначе в соавторы? — не задумываясь, ответил Гаршин. — Ум-ный и опытный инженер, трезвый, ничем не увлекаю-щийся руководитель. Каждую практическую задачу умеет рассматривать как бо-ольшую проблему.
Не понять было, хвалит он или издевается.

— Почему же он скучен, если так умен?
— А вы любите читать Гегеля, а? — вместо ответа спросил Гаршин и придвинул кресло поближе. — Ну, Анечка, долго вы еще будете допрашивать меня по всем цеховым делам?
— Пока вы не уйдете, — сказала Аня и торопли-во встала, включила электрический чайник. — Сейчас мы выпьем чаю, Виктор, и вы отправитесь домой, а я буду готовиться к завтрашнему дню.
— Ох, как строго!
— Да...
Она склонилась над чайником, поправляя шнур, мед-ля оглянуться. Комната вдруг стала душной и тесной, а Гаршин так близко, что кажется — оглянись, и столк-нешься с ним лицом к лицу. Он не очень-то поверил ей, и хуже всего, что она сама не очень верит себе. Одино-чество горько — никуда от этого не денешься. А годы идут. И ей тридцать два. Тридцать два...
Она ухватилась за прерванный разговор, как за спа-сительный якорек:
— Вы говорите, Любимов ничем не увлекается?
Голос звучит совершенно спокойно. Все стало на место. Комната как комната. И Гаршин сидит себе в кресле, как сидел.
— И, очевидно, каждый ухаб — для него проблема, так?
Она вернулась как ни в чем не бывало и села, ожи-дая ответа.
— Ухаб? — со злостью вскричал Гаршин. — Если вы имеете в виду всякие прорехи — о да!
— А Полозов?
Гаршин только плечами пожал.
— Он увлекается? Витает в облаках? Не видит уха-бов совсем?
— Ну да! — с раздражением воскликнул Гаршин. — Как это вам пришло в голову? Ему нужно, чтобы все навалились и враз заделали все ухабы. Враз, понимае-те? Он может сутками торчать в цехе, и для него лич-ная жизнь — это турбины.
Он улыбался, но Аня видела: сердится.
— Не верите? — запальчиво продолжал Гаршин. — Ладно, не верьте. Когда он в вас влюбится — а он обя-зательно влюбится, потому что он, черт, мечтает о по-друге жизни, с которой можно день и ночь говорить о турбинах, — так он вас замучает производственной тема-тикой, можете не сомневаться. Он и в любви-то вам объяснится обязательно на фоне турбины. — Гаршин закатил глаза и прошептал — «Дорогая, ты так хороша, когда твои бархатистые щечки перемазаны мазутом...»
Аня смеялась, не возражая; она старалась понять, почему Гаршин разозлился.
— Буду справедлив, — продолжал Гаршин. — Але-ша — мой приятель и, если хотите, поэт в душе. Но если бы он писал стихи, он рифмовал бы что-нибудь вроде:
«Ах, я люблю так сладко турбинные лопатки».
— Почему вы сердитесь, Виктор?
— Почему? — Он вскочил и с какой-то яростью схватил Аню за плечи. — Почему? — повторил он. — А потому, что я вам сумасшедше обрадовался, побежал к вам как мальчишка, бросив все дела... а вы меня — о цехе, о реконструкции, о черте в ступе.
Аня на минуту притихла в его руках, потом рывком высвободилась:
— Разве так можно... набрасываться?..
— Можно. Я не понимаю... Вы одна, Аня... Вы свободны...
— Замолчите! Она отошла к окну.
— Я не хочу, чтобы вы говорили со мной вот так, — не оборачиваясь, сказала она. — Не хочу. Из-за этого я ушла от вас тогда. Под Кенигсбергом. Я даже не знаю, нравитесь ли вы мне. Иногда — да. А иногда, как сей-час…
И не глядя, она видела: он стоит посреди комнаты, растерянный, непонимающий.
— Ничего наполовинку я не хочу. Можете вы это понять?
— Так я... Анечка, честное слово, я...
Она обернулась к нему — так и есть, стоит посреди комнаты, растерянный, старающийся понять и непонима-ющий.
— Давайте чай пить, Витенька, — сказала она, вздохнув, и открыла шкафчик. — Вот, ставьте на стол сахарницу и печенье. Теперь чашки, только не разбей-те. А я заварю чай.

— Есть такие дрессированные собачки — стоят на задних лапках с куском сахару на носу, — сказал Гар-шин, подчиняясь и сердито, исподлобья следя за тем, как Аня возится с чайником. — А я ведь другой породы.
— Я еще не разобралась, Витя, какой вы породы, — серьезно ответила Аня, ласково дотрагиваясь до его сжатой в кулак напряженной руки. — Дайте мне разоб-раться и в вас, и в самой себе. Хорошо?
— Ладно уж. Разбирайтесь... — И, мгновенно пере-ходя к обычной шутливости: — Только побыстрее, а то ведь невольно приосаниваешься да прихорашиваешься, как у фотографа, — сами знаете, долго не выдержать.

5

В столовой заводоуправления была маленькая ком-ната, обставленная мягкой мебелью. Она называлась «директорской». Основные руководящие работники заво-да приходили сюда в любой час дня и ночи, чтобы на-скоро закусить, выпить крепкого чая или кофе, а иногда передохнуть полчасика в уютном кресле, послушать ра-дио и просмотреть газеты.
В этот утренний час Немиров столкнулся здесь с секретарем парткома. Диденко любил ходить на завод пешком и после хорошей прогулки забегал в столовую позавтракать. Григорий Петрович попросил черного ко-фе и с наслаждением закурил — курить в рабочем каби-нете он себе не позволял.
— Так, так, — повторял Диденко, глотая сметану с сахаром и шурша газетными листами. — «Октябрь» пол-ностью перешел на поток... Так, так... А на «Станко-строителе» уже три стахановских цеха. Молодцы! Что ж, Григорий Петрович, на досрочный выпуск придется соглашаться, да? — без всякого перехода спросил он, отложил газеты и закурил, с волнением ожидая ответа.
Немиров неторопливо отхлебнул кофе и ответил:
— Похоже на то.
Неизменная спокойная сдержанность директора всег-да удивляла и даже восхищала Диденко, хотя порою и мешала понять, что думает и чего хочет директор. Вот и сейчас. Сказал: «Похоже на то», — и сидит себе, попи-вает кофе. А как он относится к этому? Верит ли в воз-можность досрочного выпуска? Что собирается делать?
— К первому октября? — уточнил Диденко, чтобы вызвать Немирова на разговор.
— Вряд ли стоит фиксировать сроки и давать торжественные обещания, — недовольно сказал Немиров. — Лучше сделать, не пообещав, чем наобещать, да не сделать.
— Есть третий выход: пообещать и сделать! — быстро откликнулся Диденко.
Немиров вскинул глаза и внимательно поглядел на своего парторга. Полтора года они работали вместе, дружно работали, без столкновений, если не считать крупной стычки из-за увольнения бывшего начальника турбинного цеха Горелова, — но гореловская история, чуть не поссорившая их, произошла уже давно и научи-ла обоих избегать разногласий. Диденко тогда вынуж-ден был отступить, но Немиров запомнил его страстную настойчивость. Теперь они друзья. Немирову известно, что Диденко как-то сказал про него: «У талантливого директора и недостатки интересные»... Ишь ты, как определил! Немирову это польстило, но всегда хотелось узнать — что же парторг считает недостатками? Власт-ность? Несговорчивость? Ладно, пусть это и недостатки, я такой. Потому меня и держат директором завода. И Диденко это знает. И научился считаться с этим... Неужели же сейчас он попробует настаивать?..
— Пообещать и сделать, — проворчал Немиров и спросил жестко, в лоб: — А ты можешь обещать, Нико-лай Гаврилович?
— Пока еще нет, не могу, — просто сказал Диденко и не притушил докуренную папиросу, а от нее сразу прикурил вторую, сильно затянулся дымом и со вздо-хом признался:
— Все подсчитываю, прикидываю, себе не верю и людям не верю. Подсчеты говорят: как ни крути, мощ-ностей не хватит, рабочего времени не хватит. А опыт — производственный и партийный — говорит: можно. Как же их примирить и кому верить?

Немиров пропустил вопрос мимо ушей.
— А литье? Мы ж не только от себя зависим. Один Саганский сколько нервов вымотает!
Помолчав, он спросил как бы вскользь:
— А на генераторном что говорят, не слыхал?
Так же, как мощный вал турбины накрепко сцеплял-ся с валом генератора и только в этом сцеплении рабо-та двух сложных и самостоятельных машин приобретала смысл и ценность, потому что механическая энергия од-ной превращалась другою в энергию электрическую, так же и два завода, турбинный и генераторный, были на-крепко сцеплены между собою и общностью заказов, и конструкторским замыслом, и сроками. Каждая, новая турбина, выпушенная одним заводом, требовала одно-временно выпуска генератора с другого завода. Выпол-нять план досрочно нужно было вместе.
— Звонил им, — сказал Диденко. — Говорят: «Кол-дуем да прикидываем». И спрашивают: «А вы?»
— А ты что сказал?
Диденко хитро усмехнулся:
— И мы колдуем, говорю, авось вместе наколдуем досрочную электростанцию. Они говорят: «Все возмож-но». На том и простились.
Немиров облегченно перевел дух и уже сочувственно заметил, что генераторному, пожалуй, придется еще труднее.
— Обоим труднее, — мрачно пошутил Диденко. Некоторое время помолчали. Потом Диденко взгля-нул на директора повеселевшими глазами:
— Знаешь, Григорий Петрович, я сделал интересное наблюдение. Когда заводу дают новую задачу — и в войну так было, и теперь, — задача всегда несколько превышает возможности завода, требует большего, чем есть, так что кажется: ну, пропали, не вытянуть. А возь-мешься по-настоящему — и оказывается: новая задача вытягивает наружу нам самим еще неведомые силы, организует их, двигает в дело, и завод весь подтягивает-ся на более высокий уровень. Наблюдал?
— Это значит только, что даются умные задачи, — сказал Немиров — Но ведь сейчас правительственного постановления нет?
Да, постановления еще не было. Но ведь обоим ясно, какое значение имеет новый Краснознаменский промыш-ленный район и как все там зависит от пуска мощной электростанции. Сейчас и в ЦК, и в министерстве, на-верно, взвешивают, подсчитывают... и на чашу весов ставятся не только производственные мощности завода «Красный турбостроитель», но и творческая сила его коллектива...
Немиров глянул на часы и встал:
— Я все-таки еще поговорю с министром. Попробую отбиться.
— Попробуй, — согласился Диденко.
Они понимающе улыбнулись друг другу — два чело-века, которые отвечают больше всех и которым придется труднее всех.

Чемодан стоял у двери еще нераспакованным. Скинув пиджак и набросив на плечи халат, Любимов брился. Алла Глебовна держала наготове мохнатое полотенце и осторожно расспрашивала мужа, стараясь понять, чем он недоволен и взволнован. А то, что он приехал недовольным и взволнованным, было ей ясно, хотя, по рассказам мужа, командировка прошла удачно: вопрос о реконструкции цеха решен, министр был на редкость внимателен и дважды намекнул на поощрения.
— А другие поручения у тебя были? Все удалось сделать? — как бы мимоходом спрашивала она.
— Не могу же я бриться и говорить одновременно.
То, как он сказал это — брюзгливо и раздраженно, — подтвердило подозрения Аллы Глебовны: что-то в Моск-ве произошло неприятное для него, и это неприятное он скрывает.
Любимов заметил настороженный взгляд жены.
— Ну, а здесь какие новости? — беспечным голосом спросил он, и нарочитая его беспечность еще раз под-твердила догадку Аллы Глебовны.
Вздохнув, она начала рассказывать:

— У нас новая жиличка. Приехала хозяйка этой таинственной забронированной комнаты и, представь себе, начала работать в твоем цехе. На вид лет три-дцати... Шатенка, худощавая, ростом меньше меня...
— Кем ее назначили, не знаешь?
— Ах, дружочек, не могла же я набрасываться с вопросами. Я старалась быть с нею как можно привет-ливее, но она, кажется, дичок. Поздоровалась — и за дверь. Надо будет пригласить ее к нам выпить чаю, да?
Оттопырив языком щеку и осторожно водя по ней бритвой, Любимов только помычал в ответ.
— Встретила вчера жену вашего главного инженера. Она говорит, Алексеев очень озабочен. Что-то там пого-варивают о досрочном выпуске турбин. Может это быть как ты думаешь?
— Быть не может, а говорить можно все! — с серд-цем сказал Любимов.
— Ты в Москве уже слышал эти разговоры? — дога-далась Алла Глебовна.
Не отвечая, он протянул руку за полотенцем. Но Алла Глебовна сказала: «Я сама!» — намочила полотен-це кипятком, отжала его и ловко наложила на покрас-невшее лицо мужа.
— А что министр? — осторожно спросила она.
— Министр тоже не один решает, — мрачно ответил Любимов, пристегивая к рубашке чистый воротничок.
— Может быть, еще обойдется? — как маленькому посулила Алла Глебовна и заправила в карман его пид-жака носовой платок. — Ну иди, дружок, раз уж нельзя отдохнуть с дороги. И, главное, не волнуйся.
Выйдя за дверь, Любимов пальцем протолкнул пла-ток в глубину кармашка, чтоб не торчал кокетливый уголок, и поехал на завод, чувствуя, что там ждет его немало трудного, неприятного, и все-таки радуясь воз-вращению в беспокойную, утомительную, но близкую сердцу жизнь цеха.

Конторка старшего мастера находилась в середине цеха — застекленная дощатая избушка в царстве метал-ла. Когда солнце стояло высоко, оно пробивалось в цех и, отражаясь от блестящих поверхностей и граней от-шлифованных деталей, залетало в избушку веселыми зайчиками. Когда шла сварка, ее синеватые зарницы пронизывали конторку насквозь, а скользящие в вышине мостовые краны отбрасывали на ее стекла причудливые движущиеся тени.
В самой избушке всегда горела настольная лампа под зеленым абажуром, а на подставке лампы лежал потрепанный очечник с очками Ефима Кузьмича — Ефим Кузьмич был зорок, замечал в цехе все, как он говорил, «даже то, что хотят, чтоб не заметил», — но для всякой «писанины» надевал очки, придававшие ему очень строгий вид.
Сейчас очки покоились в очечнике, а Ефим Кузь-мич сидел за столом, подперев щеки кулаками, и раз-говаривал с Николаем Гавриловичем Диденко.
— Производство есть производство, Николай Гаври-лович, — тихо говорил он, старательно выговаривая имя и отчество парторга, потому что этим уважительным обращением как бы перечеркивал давнее прошлое, когда Николай Гаврилович был для него всего-навсего Коль-кой и этого Кольку он и учил, и ругал, и наставлял на путь истинный нравоучительными разговорами в этой же самой конторке. Отсюда же комсомолец Коля Дидёнок ушел на учебу, а потом, повзрослевший, но все та-кой же непоседливый, приходил в цех на практику и в этой же конторке задавал десятки неожиданных вопро-сов своему первому учителю...
Шли годы. Николай Диденко уже колесил из конца в конец страны на монтаж турбин, был уже коммуни-стом, потом и членом бюро, и партийным секретарем цеха... и вот он уже партийный руководитель всего за-вода! Роли переменились: теперь Ефим Кузьмич сове-туется с ним и получает от Диденко указания, а случает-ся — и нагоняй за какой-нибудь недосмотр. Но для Диденко Ефим Кузьмич всегда останется первым учите-лем, он и замечания делает ему почтительно, как бы вскользь: «Не думаете ли вы, Ефим Кузьмич, что надо бы иначе...», «А я бы на вашем месте, Ефим Кузьмич, не делал этого...» Ефиму Кузьмичу приятно, что прош-лое не забыто, но тем старательнее он подчеркивает свое уважение к Николаю Гавриловичу.
— Цикл производства турбины — вещь известная, Николай Гаврилович, — говорил он сейчас, вглядываясь в серьезное, озабоченное лицо бывшего ученика. — Под-нять народ — поднимем, народ у нас боевой. Но... три месяца? По четырем турбинам сжать срок на три меся-ца!..

Он не возражал, он просто высказывал свои мысли, свои опасения, потому что только партийному руководи-телю завода мог Ефим Кузьмич выкладывать все, что думает, не взвешивая и не отбирая слов. Здесь, в цехе, он сам руководитель, здесь он не должен сомневаться или колебаться.
Диденко вздохнул, а потом смешливо прищурился:
— Чтоб не так страшно звучало, Ефим Кузьмич, давайте не считать месяцами! Что такое три месяца? Семьдесят два рабочих дня. Делим семьдесят два на четыре — сколько же это будет? Восемнадцать дней.
Вот об этом нам и думать: как сократить цикл произ-водства одной турбины на восемнадцать дней.
— Да тут только по операциям надо смотреть, — сказал Ефим Кузьмич и на листе бумаги, застилавшем стол, крупно написал цифру 18.
— А чтоб совсем точно, Ефим Кузьмич, переведем на часы. Будем считать две смены, так? Шестнадцать часов в день, так? Умножаем на восемнадцать... шестью восемь — сорок восемь... Двести восемьдесят восемь, так? Округляем для ясности — триста часов по каждой турбине! Можно по сотням операций, по десят-кам станков понемногу — по часам и минутам — сэконо-мить триста часов?
Ефим Кузьмич написал на листе бумаги цифру 300, откинулся назад, чтоб лучше видеть, и внимательно по-смотрел на нее, как будто в этой написанной им цифре мог разглядеть десятки и сотни неотложных дел, за которые надо сразу же браться.
— Ясно, Николай Гаврилович, — проговорил он и жирно подчеркнул обе цифры. — Трудно будет, очень трудно, но, должно быть, возможно. — И, не глядя на Диденко, спросил: — А как думаешь, Николай Гаврило-вич, это уже наверняка?
— Похоже на то, Ефим Кузьмич, Директор сейчас с министром должен разговаривать. Но... — Он вдруг вскочил и засмеялся: так бесспорна была мысль, только сейчас пришедшая ему в голову. — Но, дорогой Ефим Кузьмич, если мы можем найти эти восемнадцать дней экономии по каждой турбине — значит, мы дол-жны найти их независимо от того, получим мы или не получим краснознаменский вызов!

Григорий Петрович Немиров сидел один в своем ка-бинете и настойчиво, но почтительно говорил в теле-фонную трубку:
— Да, Михаил Захарович, но ведь это нереально. Вы сами знаете, что мы работаем на пределе. И разве дело только в нас? Саганский и сейчас задерживает мне отливки, из него досрочно ничего не выжмешь. А генераторному разве справиться? Тут надо целую группу заводов поднять на это дело, перестроить и пла-ны и сроки.
Он повеселел, выслушав ответ министра, но ничем не выразил своего удовольствия и сказал:
— Допустим, что это удастся. Но нашу инструмен-тальную базу вы тоже учтите. Сможете вы нас допол-нительно обеспечить с других заводов? Ведь резцы и фрезы горяченькими из цеха выхватывают, мастера из-за них дерутся. Станочный парк вам тоже известен. Любимов вам докладывал. Смогли вы его удовлетво-рить? Ну, вот видите!
В приемной секретарша шепотом объяснила Люби-мову:
— Подождите, Георгий Семенович, он говорит с ми-нистром.
Немиров продолжал убедительно и настойчиво:
— Но если все три заинтересованных министерства докажут? В конце концов, Михаил Захарович, стан-ция — это турбины и генераторы, а не стены и крыша. И потом — если новые заводы получат осенью энергию только двух турбин, то на первое время...
Голос в трубке зарокотал тревожно и напористо.
У Немирова озорно подпрыгнула бровь, он даже подмигнул трубке.
— Я ведь не говорю, что мы не сделаем, Михаил Захарович. Машиностроители действительно никогда не плелись в хвосте и, надо думать, не будут плестись. Но тем более хотелось бы избежать официального вызова. То, что можно, мы сделаем и так. Но для этого нам надо очень реально помочь, Михаил Захарович, в пер-вую очередь станками. Без этого даже говорить не о чем, Михаил Захарович.
Бас снова заговорил — строго и решительно.
Секретарша заглянула в кабинет и отступила, уви-дав, что разговор продолжается. Она слышала, как директор вздохнул, прикрыв трубку ладонью, и затем бодро сказал:

— Хорошо. Само собою разумеется. Но я вас очень прошу, Михаил Захарович... До свиданья.
Переждав несколько минут, не вызовет ли ее дирек-тор, секретарша покачала головой и шепнула:
— Идите.
Григорий Петрович сидел на ручке массивного кресла в позе юнца, из озорства забравшегося в чужой кабинет. В руке его дымилась папироса. Движением школьника, застигнутого врасплох, директор смял и бросил папи-росу.
— Приехали? — вставая, воскликнул он. — Очень хорошо, давно пора.
Он без стеснения разглядывал Любимова, стараясь понять, в каком настроении тот прибыл из Москвы. Пер-вое впечатление было такое, что начальник цеха весь подобрался, готовясь к отпору. Немиров уселся в кресло как полагается и сказал:
— Докладывайте.
Сходство с юнцом исчезло. Губы директора сжались, обозначив две властные и жестковатые складки.
Любимов докладывал коротко, так как директор не терпел многословия. Начав говорить, он оживился. Главной целью командировки было обсуждение в мини-стерстве основ реконструкции турбинного производства. Основы эти были разработаны Любимовым вместе с технологом Гаршиным и изложены в докладной записке, поданной министру. Записка была обсуждена и одобре-на, министр обещал провести на следующий год соот-ветствующие ассигнования. Это был успех, и Любимову хотелось, чтобы его успех был оценен должным образом, независимо от того, какие новые заботы навалились на них сегодня.
Немиров слушал и удовлетворенно кивал головой, но, дослушав до конца, тотчас спросил:
— А станки?
Со станками дело обстояло хуже. Новые станки были необходимы — этого никто в министерстве не отри-цал, — но получить их Любимову не удалось. И хотя Любимов не был виноват в этом, докладывать о неудаче было неприятно.
— Еще что? — ничем не выразив своего недовольст-ва, спросил Григорий Петрович.
— У меня все.
Любимов прекрасно понимал, о чем спрашивает ди-ректор. Новость стала известна ему в день отъезда, и он успел обсудить ее со многими работниками министер-ства, хотя к министру не попал, да и не просился во второй раз на прием, чтобы не брать на себя лишней ответственности. Теперь он хотел выслушать известие из уст директора, и в том освещении, в каком оно воспринято директором, чтобы не тратить зря силы и время, если их точки зрения совпадут, и подобрать возра-жения, если точки зрения разойдутся, — сдаваться он не собирался.
Григорий Петрович медлил заговаривать о самом главном. Любимов принадлежал к числу людей, с кото-рыми ему было удобно работать, — настолько удобно, что он потянул за собою Любимова с Урала и выдер-жал длительную драку с Диденко и с райкомом из-за бывшего начальника турбинного цеха Горелова, кото-рого, вопреки их мнению, снял с работы. Любимов был человек положительный и знающий, не пустозвон и не прожектер. Если он скажет «можно» — значит, действи-тельно можно. А если скажет «не могу», пусть и прихо-дится иногда приказать ему сделать «через не могу», но в таких случаях обязательно нужно прислушаться к его возражениям и помочь, потому что Любимов слов на ветер не бросает.
Последние дни Григорий Петрович нетерпеливо ждал приезда начальника цеха; в атмосфере общего возбуждения хотелось выслушать доводы Любимова, вместе с ним взвесить все затруднения и препятствия, опереться на его опыт. Однако он совсем не собирался все это показывать самому Любимову и рассказал вол-нующую новость сухо, без оценок.
— В этом году, досрочно? — иронически переспросил Любимов, всем своим видом приглашая директора вме-сте посмеяться наивности такого предположения. — Да нет, Григорий Петрович, это же несерьезно. Нельзя предъявлять нам невыполнимые требования.
— Вы говорите так, будто уже точно знаете, что выполнимо и что невыполнимо. Я склонен думать, что нам с вами еще предстоит разобраться в этом.
— Григорий Петрович! — воскликнул Любимов, те-ряя хладнокровие. — Может быть, вы уже вынуждены говорить об этом так, как сейчас... но, положа руку на сердце... ведь вы сами знаете, это же петля.

— Если бы я принимал за петлю каждую трудную задачу, я бы не был директором завода, Георгий Семе-нович.
Любимов низко склонил голову. Немиров знал: это не знак согласия, а желание скрыть раздражение.
— Давайте не поддаваться панике, Георгий Семено-вич. Мало ли мы с вами решали задач, которые на первых порах казались невыполнимыми? И потом — если наши турбины действительно очень нужны досрочно… что же, сказать «нет»?
Начальник цеха по-своему понял явное неудовольст-вие директора:
— Вам уже пришлось... согласиться?
— Нет.
Любимов с надеждой вскинул глаза:
— Нет?
— Нет, — повторил Григорий Петрович. — Зачем же мне давать согласие наобум? Но я понимаю, что от нас требуется новое усилие, а времени на подготовку и от-работку опять нет. Что ж, такое наше дело: электро-энергия! — основа основ и сила сил.
Любимов потянулся через стол к директору и почти шепотом сказал:
— Но вы же понимаете... вы же не можете верить в выполнимость...
Немиров поморщился:
— Ну, это какой-то девичий разговор получается, Георгий Семенович. Веришь — не веришь.
И круто переменил тон, уже не обсуждая, а прика-зывая:
— Так вот. Немедленно и обстоятельно взвесьте все возможности цеха. Как лежащие на поверхности, так и скрытые. Придирчиво проверьте по каждой операции, где можно ужать два дня, где сутки, где часы. Рассчи-тайте все по месяцам, по декадам, по дням. Даже по минутам.
Любимов снова доверительно потянулся через стол:
— Министр считает, Григорий Петрович, что наша программа на этот год и так очень тяжела, что выпуск четырех турбин нового типа в этом году будет доблестью нашего завода.
— Да, — вздохнув, подтвердил Немиров. — Третьего дня он считал именно так.
— Григорий Петрович! — вскричал Любимов, забы-вая, что в начале беседы притворился неосведомлен-ным. — Я еще вчера вечером говорил и с его заместите-лем, и со многими работниками министерства. Они все считают, что простой расчет... реальные возможности... Если вы проявите твердость... Министр… Он очень хорошо к нам относится, Григорий Петрович, он готов помочь и поощрить, он намекнул на это дважды.
— Вот и дал бы нам станки ради поощрения, — ска-зал Немиров.
— Но, Григорий Петрович, станки, как вы знаете, не были нам запланированы. Их требуют и Урал, и Москва, и юг. Однако меня обнадежили. «Советский станкостроитель» обещает значительно перевыполнить программу, и меня заверили, что за счет сверхплановой продукции...
— Ага! — совсем по-мальчишески воскликнул Неми-ров. — Значит, перевыполнение плана другими заводами вы принимаете и приветствуете? Даже рассчитываете на него?
Любимов натянуто улыбнулся:
— Но мы не можем перепрыгнуть через самих себя. До генеральной реконструкции цеха.
— Нет, Георгий Семенович, — резко прервал Неми-ров. — Заводу мало великолепных проектов реконструк-ции. Он должен быть передовым уже сегодня. Помимо всего прочего, для того чтобы обеспечить свое развитие.
— Это все прекрасно Но... есть добрые порывы и есть математический расчет. Я всегда остаюсь в рамках реальности.
Так как Немиров молчал, Любимов прибавил, оби-женно кривя губы:
— Мне казалось, что и вы меня цените за это. Немиров пробормотал: «Угу», — и начал просматри-вать блокнот, шелестя листочками.
— Полозов думает, что в цехе есть неиспользован-ные резервы. Сколько у вас стахановцев? Почему на других заводах добиваются сплошь стахановских цехов? Надо работать с людьми. У вас болтается в цехе не-сколько десятков молодых рабочих. Сделайте их пере-довыми — вот еще резерв. А механизация? Полозов счи-тает, что можно теперь же, своими силами провести часть вашего плана реконструкции...
— Конкретно что-нибудь предложено?
— А это уж ваше дело — разобраться, что тут кон-кретно, а что от молодого азарта.

— Слушаюсь.
— Значит — взвесить, продумать, рассчитать. И учесть все предложения. В том числе и Полозова.
— Григорий Петрович, я объективный человек, а По-лозов — мой заместитель, и я не собираюсь...
— Понятно. Дня три вам хватит?
— Раз приказываете — сделаю.
Немиров учуял затаенную обиду и недовольство на-чальника цеха, но решил не обращать внимания: злее будет. Когда дверь за Любимовым закрылась, он опу-стил голову на стиснутые кулаки и несколько минут по-сидел так, покачиваясь:
— Ох, трудно будет. Ох, трудно!
Через час Любимов позвонил по телефону:
— Григорий Петрович, завтра цеховое партбюро с активом. Приглашают вас. Я вам буду очень обязан, если вы придете.
— Превосходно. Кто докладывает?
— Я. О положении и перспективах цеха.
— Превосходно, — повторил Немиров. — Дайте наро-ду почувствовать перспективу, оставаясь в рамках ре-альности. — Бровь его насмешливо подпрыгнула, но Лю-бимов не мог видеть этого и не уловил скрытой насмеш-ки. — Готовьтесь как следует и помните мои указания.
Положив трубку на рычаг, Немиров рассмеялся про себя. Можно сказать заранее что «тихо и плавно» завт-рашнее заседание не пройдет, — Любимову, во всяком случае, придется выслушать много крепких слов.
Немиров очень не любил, чтобы его критиковали, но для своих подчиненных считал критику весьма полез-ной: протрут их с песочком — они и заблестят, как но-венькие.

6

Директор завода пришел на заседание партбюро с активом не один, а с главным конструктором турбин Котельниковым.
Худой, долговязый, с густой шапкой черных спутан-ных волос, уже тронутых сединой, в неизменной черной сатиновой спецовке, из-под которой выглядывал накрах-маленный воротничок и щегольской узел яркого галсту-ка, Котельников не пошел вслед за директором к столу, где для них предупредительно освободили стулья, а остановился у дверей, снял очки, всех обвел острым взглядом и добродушно сказал:
— Ну, здравствуйте, кого не видал.
Котельникову со всех сторон улыбались, все тяну-лись поздороваться с ним, каждому хотелось усадить его рядом с собою, а он шутливо разводил руками, не зная, кому отдать предпочтение. Наконец выбрал:
— Ладно, я уж к начальству прибьюсь.
И подсел на скамью у стены, где собрались началь-ники участков и мастера.
Котельников был здесь своим человеком: до того как в конструкторском бюро создалась партийная органи-зация, его много лет избирали членом партийного бю-ро турбинного цеха, да и теперь связь с цехом у него была повседневная и крепкая. Но в то же время он был здесь уже посторонним, гостем, и его присутствие, так же как присутствие директора, придавало нынешнему заседанию особую значительность.
Партийное бюро уже начало обсуждать первый во-прос — прием в партию, — а народ прибывал и прибы-вал. Все места были давно заняты, и вновь приходящие оставались у дверей.
Принимали в кандидаты партии Николая Пакулина, бригадира комсомольско-молодежной бригады, завое-вавшей в прошлом месяце общезаводское первенство.
Немиров спросил, заинтересованно разглядывая юношу:
— Учитесь?

— А как же? — свободно ответил Николай, успев-ший справиться с волнением первых минут благодаря общему явному доброжелательству. — Учусь в вечернем техникуме. На пятерки и четверки.
— Он на этот счет молодец! — раздались голоса. — С него пример брать надо.
Немиров неожиданно растрогался: давно ли он сам был вот таким же пареньком, старательным и упря-мым...
— Петр Петрович Пакулин не родственник тебе? — спросил он, желая проверить свою догадку о том, что такие юноши вырастают в кадровых заводских семьях, с детства приучаясь любить завод.
Среди присутствующих прошло какое-то движение.
— Родственник, — еле слышно сказал Николай.
Руководивший заседанием Ефим Кузьмич Клементь-ев торопливо подытожил обсуждение:
— Что ж, видимо, все согласны. Хороший будет ком-мунист, сумеет быть ведущим и в производстве и в уче-бе. И комсомолец активный... — Он хотел объявить го-лосование, но вдруг вспомнил что-то и покачал голо-вой. — Вот только одно, Коля. Есть у тебя в бригаде такой беспартийный парень, Аркадий Ступин? Этакий «ухарь-купец, удалой молодец». Есть?
— Есть, — смущенно сказал Николай.
— А почему не учится? Почему в общежитии про него дурная слава? Почему в комсомол не вступает, а в «забегаловках» первый гость?.. Вот, Николай, при-нимаем тебя в партию и даем напутствие: теперь за каждого своего Аркадия ты вдвойне отвечаешь, не толь-ко за показатели на производстве — за душу человече-скую, понял?
Полагалось голосовать членам партийного бюро, но за прием Николая Пакулина всем было приятно поднять руки, и Клементьев не стал возражать.
— Единогласно, — с удовольствием сказал он. — По-здравляю тебя, Коля. Можешь остаться. Вопрос важ-ный, и тебя касается. Товарищи, у кого места нет, быст-ренько тащите стулья и табуреты, в соседних комнатах найдете...
В это время луч солнца, пробив облака, добрался до присевшего на трубу парового отопления Николая Па-кулина. Николай обрадованно подставил лицо навстре-чу солнышку, но тут же вспомнил, где находится, сму-тился и насупился, готовясь слушать доклад.
Тихо вошел запоздавший Диденко и запросто уселся на подоконнике, за спиною Любимова.
Любимов, нервничая, просматривал свои заметки. В турбинном производстве он работал много лет и лю-бил его. И если теперь он нервничал и порой хотел уйти на преподавательскую работу, виновато было не самое производство, а люди с их беспокойными характерами, общественными требованиями и неуемным стремлением к переменам. Любимов умел ладить с рабочими, знал, чего можно потребовать от квалифицированного челове-ка, и умел требовать властно, но без нажима. Во время войны, работая на Урале, Любимов вступил в партию и понимал необходимость тесного взаимодействия с пар-тийной организацией. Приехав сюда, он порадовался, что секретарем партбюро работает Ефим Кузьмич, ста-рый производственник и к тому же доброжелательный, хорошей души человек. Ладить с ним было естествен-но и необременительно. Труднее оказалось поладить со своим заместителем инженером Полозовым. Для Поло-зова не было ничего раз навсегда установленного, к любой задаче он подходил критически — нельзя ли вы-полнить ее по-новому? И это было бы хорошо, если бы не пылкая настойчивость Полозова и не его привычка превращать внутренние вопросы администрации в во-просы общественные. Кроме того, в цехе появилось очень много молодежи, которой Любимов не решался доверять. Появились и люди, прошедшие «огонь и воду» на войне, требовательные и чувствующие себя хозяева-ми всего и вся, — такие, как Яков Воробьев. Любимов отдавал должное способностям Воробьева и охотно по-ручал ему работы, требующие безукоризненного выпол-нения, но побаивался его: на собраниях короткие умные выступления Воробьева всегда служили «бродилом» для развертывания самокритики.
Вот и сегодня Воробьев сидел подтянутый, серьез-ный, положив перед собою записную книжку, и слушал внимательнее всех, изредка что-то записывая. Плавно развивая свою мысль, Любимов ощущал как помеху его настороженно-критическое внимание.
Основная мысль доклада сводилась к тому, что про-изводство — планомерный процесс со взаимно обуслов-ленными и взаимно связанными сторонами, и первейшая задача цеха — так построить и наладить по всем линиям этот процесс, чтобы все части «притерлись» друг к дру-гу и работали с четкостью исправного механизма. Для этого и намечен (тут Любимов выпятил

роль Виктора Павловича Гаршина, скромно оговорив лишь свое уча-стие) генеральный план развития цеха, таящий огром-ные и поистине блестящие перспективы.
— Товарищ Немиров простит меня за некоторую болтливость, но я хочу порадовать партийный актив небольшим сообщением, не подлежащим пока оглаше-нию, — сказал Любимов и, понизив голос, сообщил о том, как хорошо встречен план в министерстве, как министр в часовой беседе одобрил план и обещал про-вести соответствующие ассигнования.
Это сообщение всех оживило. А Любимов с увлече-нием рассказывал сущность плана и перечислял его отдельные, наиболее выразительные подробности.
— Ох, здорово! — воскликнула Катя Смолкина.
Немолодая, сухощавая, с живыми, молодыми глаза-ми на узком, прорезанном энергичными морщинками лице, Смолкина была одним из наиболее известных лю-дей турбинного цеха. Организатор и дуща фронтовых бригад ремонтников в дни блокады, а теперь стаханов-ка-многостаночница и председатель цехкома, Смолкина славилась и работой, и общественной активностью, и прямым, веселым, увлекающимся характером. Сейчас она была увлечена, пожалуй, больше всех или наравне с Николаем Пакулиным, который, казалось, уже видел преображенный до неузнаваемости цех.
— Ассигнования на какой год обещают? — негромко спросил сидевший рядом с ним Воробьев.
Любимов не расслышал вопроса или не захотел сби-ваться с мысли ради ответа. Но Алексей Полозов внятно сказал:
— Сегодня нас интересует другое, Яша.
Любимов повел холодным взглядом в его сторону и, приятно улыбаясь, развел руками:
— Понимаю нетерпение некоторых товарищей, но хочу напомнить, что во всяком деле важно увидеть и почувствовать перспективу... хотя бы для того, чтобы лучше оценить положение сегодня.
— Правильно! — крикнула Катя Смолкина.
— Правильно-то правильно, — подал реплику член партбюро Коршунов, первый стахановец цеха и знатный человек завода, — только бы, Георгий Семенович, за этой вашей перспективой сегодняшних задач не про-смотреть.
— Вот-вот! — поддержал Диденко. Такая у него была привычка — выступал редко, а с места громко подавал реплики, задавал вопросы, на которые нелегко ответить. — Или сегодня задач нету?
— А к ним я как раз и подошел, — успокоил его Любимов и действительно подробно разобрал сегодняш-нее положение цеха и даже, вопреки обыкновению, чет-ко определил вопрос, который следует решить: может ли цех до генеральной реконструкции значительно уско-рить выпуск турбин?
— Отвечаю со всей прямотой — может, — сказал он, вызвав всеобщее одобрение.
И тогда он начал деловито перечислять, что для этого нужно и чего не хватает, и тут же уточнял: руко-водство цеха и партийное бюро должны выдвинуть сле-дующие требования к дирекции... к инструментально-му отделу... к заготовительным цехам... к отделу снаб-жения. .. к заводам-поставщикам...
Связно и убедительно излагая все нужды и требова-ния цеха, Любимов чувствовал, как внимательно его слушают. Катя Смолкина энергично подтверждала каж-дое требование. Директор кое-что записывал в свой блокнот, и Диденко за спиною Любимова то и дело поскрипывал карандашом по бумаге, что-то бормоча себе под нос.
Любимов уловил заинтересованность Карцевой и вскользь отметил: хорошее лицо, умные глаза, — очевид-но, цех приобрел толкового работника, и жаль, что По-лозов поспешил с назначением, ее бы на участок по-слать.
Хотя он и старался не замечать Полозова и Воробь-ева, но все же видел: оба сидят с независимым и даже ироническим видом.
Любимов подавил раздражение, плавно закончил пе-речисление и скромно сказал:
— Вот все, что я считал нужным доложить.
В тишину ворвался удивленный возглас Кати Смолкиной:
— Уже все?
— Черед за вами, — усмехнулся Любимов, пряча в карман заметки.
Но тут Коршунов, пожимая плечами, довольно гром-ко сказал:
— Доклад, видимо, обращен к дирекции, а не к нам?

Диденко подхватил, подмигивая Коршунову:
— С директора тянуть — оно проще!
— Как же не использовать присутствие директора, это сам бог велит, — отшутился Любимов.
— Впрочем, товарищи, если я что упустил, спрашивайте — отвечу!
Полозов первым задал неприятный, слишком лобо-вой вопрос:
— Так ли я понял, что без удовлетворения всех этих претензий мы не в состоянии улучшить и ускорить работу цеха?
— Резонный вопрос! — внятно произнес за спиною Любимова Диденко.
Любимов счел бестактным поведение своего замести-теля, но мирно ответил:
— Мне кажется, выводы мы сделаем сообща. Я об-стоятельно доложил положение и возможности, слово за вами и другими товарищами.
— Как вы считаете, Георгий Семенович, — спросил Яков Воробьев, — что от чего зависит: стиль работы це-ха от темпов или темпы от стиля?
Обдумывая ответ Воробьеву, Любимов аккуратно записывал вопросы, посыпавшиеся со всех сторон. Он предложил ответить в заключительном слове, но собра-ние запротестовало. Новый работник Карцева впервые заговорила, и притом весьма решительно:
— Я думаю, характер прений будет зависеть от ва-ших ответов.
Отвечая на ряд мелких, чисто производственных во-просов, Любимов оттягивал ответ Воробьеву, подыски-вая наиболее убедительную и мягкую форму. Наконец эта форма нашлась:
— Что касается теоретического вопроса товарища Воробьева, то я хочу ответить на него практически: давайте вместе обдумаем, что нужно сделать, чтобы и темпы, и стиль соответствовали нашим задачам. Они неразрывно связаны и зависят как от умения админи-страции, так и от инициативы и энергии передовых ста-хановцев — таких, в частности, как Коршунов, Воробь-ев, Смолкина и Пакулин.
Николай покраснел: похвала начальника на таком авторитетном собрании польстила ему. Воробьев, дернув плечом, пробормотал:
— Я для того и спрашивал.
Никто не хотел выступать первым. Клементьев уко-ризненно качал головой:
— Давайте начинайте, потом ведь не остановишь.
И вдруг поднялся Николай Пакулин:
— Мне можно?
Он смущенно одернул замасленный, слишком корот-кий пиджачок:
— Я скажу о своей бригаде. Тут неправильно гово-рилось, что темпы и стиль работы — одно и то же… то есть, что они связаны вместе... — Он запутался, сбился, но усилием воли преодолел смущение и продол-жал: — Вернее, я хочу напомнить постановку вопроса у Воробьева. Это же для нас очень важно! Мы, молодежь, хотим дать темпы и нередко даем. Но все наши усилия упираются, как в стену, в разные неполадки, в неорга-низованность. А это и есть стиль работы. От него мы зависим, он нас душит.
— А что именно вам мешает? — спросил Немиров.
— Да как же, товарищ директор! — воскликнул Ни-колай. — Разве у нас соблюдается по-настоящему гра-фик? Сегодня заготовок хоть завались, а завтра не до-просишься! Наши ребята многое придумывают, чтоб дело шло лучше. А пока придуманное реализуешь, не то что охота изобретать исчезнет, а, чего доброго, поседе-ешь!
— С оправками поседел? — с шутливой укоризной спросил Гаршин.
— Ящики вам на третий день сделали, — напомнил и Ефим Кузьмич, уже не как секретарь партбюро, а как мастер.
Николай сгоряча «перегнул», он сам это чувствовал. Но так же верно он чувствовал и другое: в цехе не бы-ло системы творческого, изобретательского соревнова-ния, помощь была случайна, каждому более или менее серьезному предложению приходилось долго «проби-вать» дорогу. Николай не умел все это с лету высказать, но не растерялся и ответил:
— Что ж поминать то, что сделано, важнее сосчи-тать, что под сукном лежит.
Тут поднялась Катя Смолкина и, как всегда, скоро-говоркой, даже не попросив слова, выплеснула единым духом все, что думала:
— Зря, зря, зря парню рот закрыли! Ящики сде-лать — это что! Ефим Кузьмич мог у себя, своими си-лами провернуть — вот и сделали. А ты, Виктор Палыч, — обратилась она к Гаршину, — оправками не хва-лись. Мы тебя очень уважаем, ты, говорят, от науки к нам на

производство спустился, очень хорошо, ценим, а только мое предложение сколько времени маринуешь? Она сама себя перебила: — А главное не это. Я тебя слушала, Георгий Семеныч, рот раскрывши, до чего сладко. А потом, как раскусила — не пойму, убей, не пойму. С директора ты требуй, с других заводов требуй, отдел снабжения тряси, как грушу, так им и надо... Ну, а себя-то? Нас-то? Что ж, выходит, нам вынь да положь, тогда и мы сработаем? Прослушала я ваш спи-сок претензий, подробно все перечислено... а на что мне завтра народ поднимать, не слыхала! Разве так партийному активу докладывают? Прости меня, Георгий Семеныч, за грубые слова, но вытащил ты все свои пре-тензии, чтобы показать: вот мы какие бедненькие, не наваливайтесь на нас, пожалейте! А про богатство наше, про силу нашу, про актив, здесь сидящий, забыл? Или думал: авось и они прибедняться начнут, чтобы лишних хлопот не было!
Смолкина села и попала прямо в солнечный луч, который дополз уже до середины комнаты и освещал разгоряченные лица. Катя прищурилась, широко улыб-нулась и громко сказала:
— И солнышко ко мне — значит, истинная правда!
Все рассмеялись, как всегда охотно смеются на серьезных, затрагивающих за живое совещаниях. Но смех разом смолк, когда начал говорить Воробьев. Его речь, как обычно, была предельно сжата и точна. Неми-ров, с интересом ожидавший его выступления, записал в своем блокноте: «Стахановцев чествуют и хвалят, но не обеспечивают. Одиночные рекорды — вчерашний день. Сегодня стахановское движение стало массовым, а это требует нового стиля руководства». Последние слова Немиров подчеркнул и поставил рядом большой вопросительный знак.
— И не только в цехе, но и в дирекции, — закончил свою мысль Воробьев, глядя на директора.
— Тогда не было бы таких печальных историй, как с предложением Саши Воловика!
Немиров хотел спросить, что за история, но Гаршин с места поправил:
— Не предложение, товарищ Воробьев, а пока толь-ко желание. Одного желания еще недостаточно!
По комнате пошел шепоток: «Кто такой? Как он ска-зал? Воловик?»
Многие пожимали плечами: не слыхали о таком! Воробьева сменил Полозов. Было заметно, что он волнуется, хотя говорил он связно и неторопливо. Поло-зов высказал то, чего не сумел высказать Николай Па-кулин, и вдруг со страстью обрушился на Любимова и на дирекцию, снова упомянув многим незнакомое имя Воловика.
— Мысль Воловика настолько ценна и важна, что каждый думающий руководитель должен бы ухватиться за нее — ведь в случае удачи она нам примерно восемь-сот рабочих часов сэкономит! Рвется к нам Воловик, настаивает, покой потерял — так эта идея его увлек-ла!.. Тут бы ухватиться за него и создать все условия! А у нас уже месяц волынят с переводом.
— Товарищ Полозов, — резко перебил Немиров, — я хочу вам напомнить, что вы — заместитель начальника, то есть немалый человек в цехе.
— Вот именно, Григорий Петрович! — весело под-хватил Алексей, — Тем страшнее, что такой немалый человек, как я, не может добиться в заводоуправлении перевода слесаря Воловика в цех, с которым связано его творчество! Что же говорить о рядовых людях, та-ких, как сам Воловик!
— Он работает вечерами, бесплатно и вопреки заводо-управлению! — звучным голосом вставила Аня Карцева.
Все головы повернулись к ней: Карцева была нович-ком в цехе, многие видели ее сегодня впервые. И то, что вновь прибывшая знала Воловика и его историю, всех удивило и заинтересовало.
— В чем дело, наконец? — грозно спросил Неми-ров. — И почему я только сейчас слышу это имя и на-меки на какую-то длительную историю, о которой мне никто не докладывал?
Полозов дал справку:
— Воловик — изобретатель, работающий над стан-ком для снятия навалов. Он хочет перейти к нам в цех, а Евстигнеев не отпускает. Неделю назад, приняв руко-водство цехом, я подал вам рапорт, на который до сих пор не получил ответа.
— И зря подавали! — крикнул Любимов, теряя обычную сдержанность. — Инструментальный цех возра-жает, и возражает законно! Что еще выйдет у Воло-вика, неизвестно, а у них он ценный работник, лучший стахановец. Я бы тоже не отпустил своего человека за здорово живешь!

— Вот-вот, — неожиданно гневным шепотом сказал Ефим Кузьмич и поднялся с председательского места, тряся вытянутой к Любимову стариковской, морщини-стой рукой. — Вы и Воловику так сказали! Так и сказа-ли, как сейчас: «Неизвестно, выйдет ли... вилами по воде писано... Не могу я с цехами ссориться из-за каж-дой фантазии, не приставайте!» Нехорошо, Георгий Се-мёнович, нехорошо! Очень даже нехорошо!
Наступило тягостное молчание.
В тишину ворвался перезвон весенней капели.
Следя за игрою света в летящих за окнами каплях, Гаршин раздумывал: выступить или не выступить? Ко-нечно, надо бы заступиться за Любимова — вон как его перекосило всего! И чего они вцепились в этого Волови-ка? Появится изобретатель — обязательно какие-нибудь неприятности начинаются! А ввязываться в эту распрю не стоит, вот уже и Кузьмича втянули в нее, и Диденко весь навострился...
И он сказал примирительно:
— Тут еще разобраться надо, Ефим Кузьмич. Дело не так просто.
— Разбирайтесь, да поскорее! — крикнула Смол-кина.
Всем стало легче оттого, что пауза кончилась.
— С Воловиком теперь, надо думать, вопрос будет решен, — спокойно продолжал Полозов. — Но я привел этот пример, чтобы доказать основное: мы много гово-рим о темпах, подписываем обязательства, а когда до-ходит до конкретного дела, до механизации, мы не про-являем ни чуткости, ни рвения, ни просто здравого смысла. Требования и претензии, Георгий Семенович, все правильны, но здесь не стоило заслонять ими наших собственных прорех. За такой стеной где уж заботиться о досрочном выполнении плана, о социалистических обязательствах!
— Демагогия! — раздельно произнес Любимов, густо краснея. — Соцсоревнование поручено вам, адресуйте упреки себе, а не разводите демагогию!
Ефим Кузьмич стучал кулаком по столу, стараясь унять возникший шум.
Полозов поднял обе руки, призывая выслушать его:
— Я хочу напомнить Георгию Семеновичу, что соци-алистическое соревнование — не участок работы, а дух всей нашей жизни. И сейчас, когда завод стоит накану-не принятия нового, труднейшего обязательства, скажем прямо: или мы провалимся, или мы подчиним ему всю жизнь цеха и завода. И завода! — повторил он в сторо-ну директора.
— Вот именно, — громко подтвердил Котельников и, не прося слова, добавил: — Захотеть — мобилизовать-ся — все подчинить главной цели — и победить! Иначе провалимся, товарищи турбинщики!
Так начавшись, заседание продолжалось бурно. Да-же красноречивый начальник планово-диспетчерского бюро Бабинков, известный своей склонностью всех ми-рить и все сглаживать, и тот заговорил с необычной резкостью:
— Обработка цилиндров — наше самое узкое место, но как раз тут мы часто зависим от таких «тузов», как Торжуев и Белянкин. Я спрашиваю начальника цеха: долго еще Торжуевы будут нам диктовать свою волю?
Во время этой речи Диденко перебросил Немирову записку: «А что, Григорий Петрович, справится ли Л. с новыми задачами? Боюсь, не хватит у него пороха!» Немиров сделал удивленное лицо и покачал головой: напрасно, мол, — в Любимове я не сомневаюсь! Записка глубоко уязвила его. Диденко все еще помнит Горело-ва... а Любимов, как назло, хитрит и страхуется. Тут нужно людей поднять, а он публично прячется за список претензий. И какую-то затяжную историю с изобретате-лем допустил, и два «туза» помыкают им как хотят...
— Что за вздор! — сердито прервал он Бабинкова. — Торжуев диктует вам свою волю? Да это же смешно, товарищи! Безрукость какая-то!
— Положение обострилось только теперь, — оправ-дывался Любимов. — Раньше они справлялись. И потом, вы знаете, на уникальных каруселях... не всякому до-веришь.
— А вы не всякому, а хорошему. Будто уж на ваших «тузах» свет клином сошелся!
И тоном приказа:
— Завтра с утра позвоните ко мне. Придется снять с других цехов двух-трех карусельщиков. Турбинный нам сейчас всего важнее.
Под общее одобрение он добавил:
— Другие претензии цеха постараюсь выполнить. Но тут товарищи правильно говорили: в цехе есть большие резервы, и ваша основная задача — использовать их полностью.

Он начал перечислять все, что следовало сделать, о чем следовало задуматься коммунистам цеха. Несколько раз ему хотелось попутно отругать Любимова, но он сдерживался: нет, не доставит он Диденко такого удо-вольствия, вот еще! С глазу на глаз Любимов получит сполна, а здесь подрывать его авторитет не стоит... Зато пусть послушает, как следует ставить вопросы, пусть поучится, раз своего ума не хватило!
— Теперь ясно! — воскликнула Катя Смолкина, вы-слушав директора. — С этого бы начать, больше толку было бы!
Заготовленный заранее проект решения оказался слишком расплывчатым, Воробьев встал и решительным взмахом руки как бы отбросил его.
— Это не годится, — твердо сказал он. — Я предла-гаю другое: срочно разработать план всех мероприятий, которые обеспечат досрочное изготовление турбин. Раз-работать совместно со стахановцами и рационализато-рами. Обсудить, начиная с бригады, с участка, с парт-группы. Этот план и будет нашей программой действий.
— Хо-ро-шее предложение! — громко отметила Аня Карцева, и снова все посмотрели на нее, но теперь уже без удивления, а с дружеской симпатией, как на свою.
Диденко соскочил с подоконника и остановился у стола, положив руку на плечо Воробьева.
— Предложение действительно очень хорошее, если его провести со всей энергией и страстью большеви-ков, — сказал он. — Тут не писанина нужна, а творческое участие всех людей цеха. Подчеркиваю — творче-ское. И еще подчеркиваю — всех! Вот когда техниче-ские вопросы, организационные неполадки, скрытые ре-зервы выйдут наружу и найдут быстрое, оперативное, боевое решение. Молодец, Воробьев!
Воробьев улыбнулся и по-воински ответил:
— Служу Советскому Союзу!
Немиров с Любимовым прямо с заседания пошли по цеху. Работала неполная вторая смена. Шел десятый час, и в цехе царил дух неторопливости и благодушия, какой бывает в плохо налаженных ночных сменах, когда и начальства мало, и не все станки работают, и задания даны недостаточно продуманные и рассчитанные.
— Вот еще иллюстрация, — сквозь зубы сказал Не-миров.
Любимов вытирал платком влажное от пота, сразу обрюзгшее лицо. Он мог бы сказать в свою защиту, что не раз требовал укомплектования второй смены рабочи-ми и мастерами, но спорить и доказывать у него уже не было сил.
— А вы приуныли, — заметил Немиров, теряя охоту ругать начальника цеха. — Разве можно руководителю так раскисать от критики!
— Я думаю не о критике, а о новой задаче, — раз-драженно сказал Любимов.
— Так вы же сегодня всю задачу на мои плечи пе-реложили: сделай да подай готовеньким, — съязвил Не-миров и в упор недобрым взглядом поглядел на Люби-мова. — Вы вот что, Георгий Семенович: спутали парт-бюро цеха с докладом у директора — плохо! Продумали все претензии цеха — хорошо! Но теперь хватит! Я ди-ректор завода, я и позабочусь. А вы думайте да орга-низуйте, чтоб цех сработал. Тут дело ваше, и за вас никто не провернет. Вот так! Да поторапливайтесь, по-тому что время не ждет.

Диденко вышел из цеха вместе с главным конструк-тором. После долгого, утомившего обоих заседания бы-ла особенно приятна свежесть ночного воздуха.
— Подмораживает, — сказал Котельников. — Смот-ри-ка, лужи затянуло.
— Жаль, коньки домой снес, а то бы заглянуть на стадион…
— Катался нынче зимой?
— А как же? На моей работе да перестать спортом заниматься — через год обрюзгнешь, вот как Любимов, будь он неладен!
Котельников усмехнулся, покачал головой:
— Знаешь, Николай Гаврилович, есть люди, с кото-рыми весело работать, а есть — с которыми скучно. Помнишь Горелова? Ведь какой угрюмый на вид мужик... а работать с ним было весело, искорка в нем настоящая и до людей у него жадность — ко всякому присмотрится, от всякого возьмет все, что тот может дать. А Любимов и приветлив, и культурен, и человек знающий, а работать с ним, ох, как скучно!
Диденко ответил не сразу. Напоминание о Горелове было ему неприятно, потому что в крупном споре из-за снятия Горелова Диденко пришлось отступить, сдаться. Был он тогда молодым

парторгом, только что выдвину-тым из цеховых секретарей. Новый директор восхищал его и немного подавлял. Напористый, скорый на смелые решения и крутые меры воздействия, Немиров тогда беспощадно снимал, понижал в должности, подхлесты-вал выговорами работников, которые плохо справля-лись с делом или не умели примениться к новым зада-чам производства. Снял он и Горелова — в один день, не посчитавшись с возражениями парткома. Диденко ринулся в бой, поддержанный многими коммуниста-ми, а затем и райкомом. Немиров уперся, настоял на своем, да еще обвинил своего парторга в том, что тот не сумел занять объективную позицию в вопросе о на-чальнике цеха, с которым долго проработал «душа в душу»... Диденко сделали замечание: «Что же вы, Ни-колай Гаврилович, лезете в драку с директором, вместо того чтобы помочь ему навести порядок»...

— Горелов тогда допустил много ошибок, — неохот-но сказал он теперь, стараясь быть вполне объектив-ным. — При Любимове дела пошли лучше, разве не так?

— Так, — согласился Котельников. — Но сейчас, Ни-колай Гаврилович, начинается новая полоса... и что-то нет у меня уверенности в нем... Ну, до дому?

— Да, пора.

Они расстались на трамвайной остановке. Диденко уехал первым, стал на задней площадке и смотрел, как убегали из-под вагона, будто живые, рельсы, как изда-лека наплывали цветные огоньки следующего трамвая, как бежал рядом, то отставая, то нагоняя, голубой трол-лейбус... Да, начинается новая полоса, может быть самая трудная из всех, какие были. Кто выдержит, а кто сойдет с круга, не дотянув?

7

В середине недели крепко подморозило и, хотя снег на солнце все-таки подтаивал, к вечеру лед обещал быть хорошим. Конькобежцы цеха сговаривались встретиться вечером на катке, многие звали и Аню — приходите, последний лед!

Аня отнекивалась — некогда.

Уходя с завода, она видела группы молодежи с конь-ками под мышкой, направляющиеся к заводскому стади-ону. Мимо нее пробежала Валя Зимина, тоже с конька-ми и в затейливом свитере и шапочке — и то и другое очень шло ей. За нею с мрачным лицом прошел Арка-дий Ступин — без коньков, с папиросой, ожесточенно зажатой в зубах.

Аня уже пришла домой и расположилась занимать-ся, как вдруг подумала: ну а я-то что же? Почему я не пошла вместе с другими: разучилась или состарилась? Да нет, какая ж это старость — тридцать два года?! Вот если распустишься, сама себя запишешь в старики — тогда и начнешь дрябнуть. Душой дрябнуть. Не хочу! Не поддамся!

Собраться — дело нескольких минут. Ничего, что нет спортивного костюма, — суконное платье и шарф впол-не заменят его. А коньки можно взять напрокат.

Еще на подходе к стадиону Аня попала в ту особую атмосферу, что возникает сама собою при всяких спор-тивных сборищах. Конечно, молодежь задавала тон, но попадались и пожилые люди, а перед совершенно седым конькобежцем в щегольском обтягивающем костюме и специальной, облегающей голову шапочке почтительно расступались:

— Здравствуйте, Николай Анисимович!

— Дядя Коля, привет!

И от группы к группе неслось:

— Дядя Коля пришел! Глядите, Николай Анисимович тут!

Скинув в раздевалке пальто, Аня сразу почувствова-ла морозный холод, врывающийся снаружи в открытую дверь, но это ее мало тревожило: побегаю — мигом разогреюсь. Хорошо, что есть теплые носки, ботинок проч-но охватит ногу, а все остальное — чепуха!

Сдвинула на лоб шапочку, закинула концы шарфа за плечи, чтоб не мешали. Неуклюже протопав по мок-рому полу раздевалки, Аня вышла на ледяную аллейку, которая вела на каток, смело побежала и тут же спотк-нулась: то ли конек застрял в трещине, то ли отвыкла за столько лет.

Рассердившись на себя, Аня неторопливо и разме-ренно пошла вперед, постепенно переходя с шага на скольжение — и вот уже ловчей и уверенней стали ноги, вернулось ощущение ритма и точного движения. Быстрей, еще быстрей! Аня выбежала на каток и с разбегу вклю-чилась в пестрый круг конькобежцев, дважды обежала стадион и остановилась на краю ледяного поля, перево-дя дух. Запыхалась — значит, неправильно дышала. Сей-час пройду еще два круга...
Размеренными вдохами перебарывая одышку, она разглядывала милую с детства суматоху, царившую на катке. Как всегда при взгляде со стороны, казалось, что в этой суматохе люди должны неминуемо сталкиваться, налетать друг на друга, так медленно и робко катили одни и так стремглав неслись другие, проскакивая перед самым носом у новичков и нарочно врезаясь в пугливые цепочки девушек. А тут еще и вездесущие мальчишки мчатся по всем направлениям и делают лихие развороты так, будто они одни на катке. Однако никто не сталки-вался и не налетал на других, и в этом беспорядке был все-таки свой несомненный порядок: никто не посягает на центр поля, где два-три фигуриста свободно выделы-вают свои замысловатые фигуры, и никто не сунется на специальную беговую дорожку, окаймляющую стади-он, — по ней один за другим несутся бегуны; вид у них деловой, они бегут, пригнувшись всем корпусом, зало-жив руки за спину.
Постепенно среди десятков мелькающих перед нею лиц Аня находит знакомых. Женя Никитин бережно, двумя руками, ведет толстенькую девушку с замираю-щим от сладостного испуга лицом. Аркадий с Валей бегут по широкому кругу; он — неумело, но решительно, она — плавно и словно играя. Загремело радио, и с пер-выми тактами вальса Валя покинула спутника, крутым поворотом вырвалась в центр ледяного поля и, подхва-ченная одним из фигуристов, вальсирует с ним, как на паркете. Аня восхищенно смотрит на ее крепкие ножки в высоких ботинках, непринужденно скользящие по льду, потом разыскивает взглядом Аркадия. Он так и застыл на месте, конькобежцы со всех сторон огибают его, выкрикивая не очень лестные замечания, но Арка-дий стоит, приоткрыв рот, и неотрывно следит за нож-ками в высоких ботинках.
Паренек в валенках с привязанными к ним конька-ми, по-ребячьи прикрученными щепками, задом въезжа-ет в круг и мчится по нему, налетая на нерасторопных конькобежцев, делая вокруг них пируэты и снова катя задом наперед с комическими ужимками. Аня узнает Кешку Степанова. Фокусы Кешки явно мешают другим, но его ужимки и ухарство таят в себе настоящее уме-ние, так же как настоящее умение скрывается под ужимками циркового клоуна, будто случайно повторяю-щего сложнейшие упражнения воздушных гимнастов.
Аня снова устремляется на лед. Теперь она дышит глубоко и ровно, переходит на длинный и ритмичный шаг — правой, левой, правой, левой... Я молода, я сильна, мне хорошо, и жизнь вовсе не кончена, все еще будет!..
Правой, левой, правой, левой — все как полагается, только держится она слишком прямо, не по правилам — в этом есть щегольство, выработанное еще в школьные годы; ноги скользят как бы сами по себе, а корпус вы-прямлен и голова свободно поднята — вот она, я!
— Анечка! — на весь стадион кричит Гаршин и, под-катив к ней, хватается за ее руку, чтобы не упасть. — Побегаем вместе, а?
— Если вы меня не свалите, побегаем.
Они сплетают руки крест-накрест, и бегут.
— Здорово, что вы пришли!
— Могли бы и пригласить.
— Да разве я знал, Анечка, что вы катаетесь!
— По-моему, лучше вас!
— Хвастунья! Разве я плохо?..
В эту минуту он спотыкается и растягивается на льду, кто-то наскакивает на него и падает тоже, на них — нарочно или по неопытности — валится цепочка девушек, поднимается визг и хохот, голос Гаршина вы-деляется над всеми голосами.
Аня сумела удержаться на ногах, ее тотчас подхва-тила чья-то сильная рука. Почуяв в нежданном помощ-нике хорошего конькобежца, она на бегу поглядела, кто такой, и не сразу признала Диденко.
— А ну, прибавили ходу! — крикнул Диденко, увле-кая Аню в такой головокружительный бег, что она сра-зу забыла о своих щегольских замашках и пригнулась: ветер резал лицо, веселый ветер скорости.

— А вы молодчина, не теряетесь! — одобрил Диден-ко, пробежав с нею несколько кругов, и, с разбегу по-вернув ее, посадил на скамью.
— Так ведь под надежным партийным руководст-вом, — прерывисто дыша, сказала Аня. Диденко храбрился, но она заметила, что и он дышит тяжело, а на лбу выступили мелкие капельки пота.
— Вам на беговых надо, — сказала Аня, косясь на его хоккейные коньки. — Призы брать будете.
— Я бы брал, да когда? — обрадованный похвалой, сказал он. — За всю зиму не больше десяти раз выбрал-ся, и то комсомольцы вытаскивали насильно. У них ведь расчет простой...
Он вытер лицо платком, улыбнулся:
— Я бы руководителей в порядке партийной дисцип-лины заставил спортом заниматься. Поглядишь иной раз — завод большой, богатый, а стадиона нет, катка нет, спорт в загоне... Почему? Меня комсомольцы с первым ледком на каток тянут — приду, увижу своими глазами: коньков мало, музыки нет, раздевалка тесна. Ну и позаботишься, чтоб все было как следует.
— Тогда вас надо всеми видами спорта охватить!
— Вроде того и получилось, — сказал Диденко. — Я ведь из монтажников, товарищ Карцева, а наше дело такое: сегодня на север, завтра на юг. Лыжный костюм и трусики всегда наготове. Что такое монтаж турбины, вы должны знать. Работаешь, себя не видишь, а когда выпадает свободный час — прямо как с цепи срываешь-ся, на воздух, на солнышко, на простор тянет. Ну и ки-даешься: если лето, — так в море или там в речку какую ни на есть, если зима, — на лыжи или на коньки, что попадется. И гимнастику от своих хлопцев требуешь, чтоб размяться с утра; ну, а раз с других требуешь, то и сам первым разминаешься.
Он вдруг схватил Аню за рукав:
— Глядите, глядите, дядя Коля пошел!
Седой конькобежец, перед которым расступались при входе, взял старт на беговой дорожке. С ним бежало еще трое, остальных будто ветром сдуло, зато зрители выстраивались по всему пути.
Аня не могла понять, что отличает дядю Колю от других бегунов: он как будто так же держался, так же широк и ритмичен был размах его длинных, узких конь-ков, все так же, как у других, только был он намного старше, — и все-таки он оторвался от остальных и без видимых усилий шел впереди, всего на шаг, потом на два шага; так прошел круг и вышел на второй, мельком оглянулся и вырвался еще на шаг вперед.
— Дядя Коля, да-вай, да-вай! — кричали десятки го-лосов.
— Давай, давай, жми! — закричал и Диденко, при-поднимаясь.
На третьем круге дядя Коля начал сдавать. Между ним и вторым бегуном расстояние медленно, но упорно сокращалось. Теперь видно было, что дядя Коля напря-гается, стараясь удержаться впереди.
— Давай, давай! — закричала и Аня, всем сердцем желая победы дяде Коле. И в эту минуту, недоброжела-тельно взглянув на его соперника, узнала человека, ко-торого никак не ожидала увидеть здесь.
Алексей Полозов бежал сосредоточенно и строго. Казалось, он работает, и не видит бегущего впереди че-ловека, и не думает ни о чем, кроме самого бега — точ-ного, легкого, почти автоматического. Но расстояние между ним и дядей Колей все сокращалось, и Полозов слегка изменил направление, чтобы обойти соперника; теперь они бежали почти рядом: две пары коньков одно-временно сверкали, как клинки.
— Бра-во, дя-дя Ко-ля! Бра-во, дя-дя Ко-ля! Дядя Коля финишировал первым.
— Пятьдесят лет, а каков бегун, а? — говорил Ане Диденко. — И сталевар неплохой... Здесь что, любите-ли! А он до недавнего времени и с мастерами спорта тягался!
Аня слушала рассеянно, ей было жаль Полозова. Предоставив зрителям рукоплескать победителю, Алек-сей один шел новый круг, и его бег был все так же то-чен, быстр, легок. Вот он пронесся мимо, обогнул това-рищей, окружавших дядю Колю и начал пятый круг. Два бегуна бросились вслед за ним, что-то крича, но Алексей не приостановил бега и не оглянулся. Когда он снова пробегал мимо, Аня разглядела его веселые глаза под полукружиями спортивного шлема. Неужели он сов-сем не устал? Вид у него был такой, будто он бегал просто для своего удовольствия, вовсе не думая о до-гоняющих его соперниках.
— Леша! Леша! Давай! — громовым голосом закри-чал Гаршин.

А тот вдруг замедлил бег, спокойно пропустил мимо своих преследователей, сдернул шлем и сошел с бего-вой дорожки.
— Что ж ты, Полозов! — кричал Гаршин.
— Ну вот, подрядился я вам бегать! — сказал Алек-сей, глубоко дыша.
Заметив Аню и Диденко, он удивился и приветливо помахал им рукой, но не подошел. Аня смотрела, как он бежал к выходу, расправив плечи, взмахивая рука-ми. Группа мальчишек провожала его.
— Выносливость очень хорошая, — сказал Диденко. И, поглядев на Аню, спросил: — Это он вас уговорил в технический кабинет?
— Он.
— Все-таки есть у Полозова нюх на людей, — сказал Диденко и некоторое время молчал, потом потянул Аню со скамьи.
— Пойдемте одеваться, разве можно в этаком платье сидеть?
В раздевалке он остановил ее, хотя стоять на коньках было трудно и неловко.
— Техникой, как и спортом, с малых лет увлечься надо. Вот эти пареньки — самый ваш материал. — Он кивнул на ватагу подростков, со стуком пробегавших мимо на коньках. — Я, по крайней мере, в их возрасте и на льду белкой крутился и мастерил всякое.
Кешки среди пареньков не было, — должно быть, он все еще фокусничал на катке, но Аня вспомнила именно его и вдруг очень отчетливо подставила на его место другого, такого же непоседливого, тоже, наверное, «трудного» паренька — Николку, или Кольку, Диденко. Он и сейчас неугомонен, — каким же огонь-парнем он был в шестнадцать лет?
— Это я понимаю, Николай Гаврилович, — сказала Аня. — Только одно тут мешает. То, что женщина.
Он понимающе улыбнулся:
— Да, женское руководство мальчишки не очень любят. Но вы перешибете, я думаю. — И без перехода: — Что же мы стоим этакими эквилибристами?
Аня сдавала коньки, когда появился Гаршин. Ди-денко уже не было возле нее, — он сидел на скамейке; сняв один ботинок с коньком, и, забыв снять второй и переобуться, беседовал с подсевшими к нему комсомоль-цами. Время от времени до Ани доносился его голос:
— О водной станции надо думать именно сейчас, именно сейчас!..
— То есть как так нету? Поезжайте в облпрофсовет, требуйте!
И Аня поняла, что Диденко и с нею заговорил не случайно, что он работает и тут, в этот чарующий вечер на катке, так же, как всегда и везде, если попадается хотя бы один заводской человек... и в этом, наверное, и есть суть того, что называется профессией партийного работника.
Гаршин мигом, без очереди, получил пальто, подхва-тил Аню под руку:
— Вы сегодня добрее?
Они вышли на проспект. Перед ними и рядом с ними с катка по домам шагали группки, пары, одиночки. По-блескивали коньки, зажатые под мышкой или болтаю-щиеся в руках. Девичьи голоса кричали:
— Николай Анисимович, до свиданья!
Все было чудесно: морозец, пощипывающий разгоря-ченное лицо, поблескиванье коньков, дядя Коля, чинно шагающий где-то тут, близко, две цепи огней уходящего вдаль проспекта, напутствие Диденко, «мала куча», устроенная Гаршиным на льду, фокусы Кешки, и то, как Полозов делал круг за кругом, и снежинка, вдруг порх-нувшая по щеке. Гаршин шел рядом, крепко поддержи-вая ее под локоть, и это тоже естественно вплеталось во все, что принес нынешний вечер.
— Помолчим, Витя, ладно? Мне сейчас удивительно хорошо!

Аню разбудило солнце. Она потянулась и открыла глаза, но мгновенно закрыла их, ослепленная светом. Медля вставать, она обдумывала, как лучше использовать свой выходной день. Никаких дел, никаких встреч — даже самых приятных — не предстояло. Так за-хотелось — ни от кого и ни от чего не зависеть. Выйти на улицу и шагать куда вздумается, предоставив все слу-чайностям настроения. Можно вскочить в первый под-вернувшийся трамвай и поехать куда повезут: может быть, на взморье, на Кировские острова, где, наверное, на лозах вербы уже набухают бугорки почек. Или про-плутать весь день по набережным Невы и вволю нады-шаться ветром и солнцем... Откуда ни начни, это бу-дет свидание с Ленинградом!
Обиделись Любимовы, что она отказалась обедать у них? Но потерять день отдыха на чинный обед «в не-большом кругу, всего несколько друзей» — ну нет, ни за что!
А Гаршин надулся, когда вчера вечером, выходя с ним из театра, она повторила выдумку насчет подруги. Он так старался ухаживать по всем правилам — театр, коробка конфет, такси... Ей с ним весело и всегда как будто жарко, его многозначительные взгляды и рукопо-жатия волнуют и радуют, но стоит расстаться — и она не верит ни взглядам, ни рукопожатиям и сердится на себя за то, что против воли тянется к нему и никак не соберется с духом, чтобы прекратить эти все учащаю-щиеся встречи... И ведь все уже было решено там, под Кенигсбергом... Зачем же начинать сначала? Он мне не нужен, и никто мне не нужен, и хватит об этом. Не буду. Не хочу.
Она вскочила и распахнула форточку, несколько ми-нут постояла перед нею, еще разморенная долгим сном, потом вскинула руки: раз, два, три, четыре! Раз, два, три, четыре! Ритмичные движения разгоняли утреннюю истому, и каждое движение подтверждало: ты молода, ты здорова, ты сильна, тебе хорошо.
С наслаждением приняв душ, Аня села завтракать у окна. На пустыре перед домом играли в волейбол де-вочки. Впервые скинув пальто и побросав их пестрой кучей на старый фундамент, они с увлечением прыгали и бегали, умело перебрасывая, ловя, подкидывая высо-ко над головами цветной мяч. «Весна, весна, весна», — напоминало солнце, вспыхивая заревом на красной по-ловинке мяча.
Аня надела легкое пальто, отбросив осторожную мысль о том, что первое весеннее тепло обманчиво, и через ступеньку сбежала по лестнице во двор.
У парадного, на краю большой лужи, стоял Кешка в куртке со множеством «молний», в тщательно начищен-ных старых башмаках. Покосившись на Карцеву, он неохотно поклонился.
— Здравствуй, Кеша! Денек-то какой хороший! По-гулять вышел?
Он буркнул что-то невнятное.
— Завтра после работы собрание учеников. Говори-ли тебе? Приходи обязательно!
Кешка важно кивнул.
— Тебя Гаршин куда поставил работать?
— Кто? — переспросил Кешка и, вспомнив недав-нюю неприятную историю и вмешательство рослого ин-женера, угрюмо ответил: — Да никуда... Сперва чис-тить заставили... гайки какие-то... А теперь опять на участке болтаюсь. Вчера слесарям на ремонте помогал.
— Тебя, что же, на слесаря переучивают?
— Не... так...
Он злобно шлепнул ногой по луже и решительно пошел прочь.
Надо добиться, чтобы Кешку вернули на токарный станок. Но кто захочет взять его учеником! Паренек нажил такую славу, что мало охотников связываться с ним. Их трое: еще Петя Козлов и Ваня Абрамов. Все трое — приятели, и Кешка у них в заводилах. Придут ли они завтра на собрание? И как говорить с ними, чтобы дойти до их сердца и в то же время твердо взять их в руки? По отдельности с ними еще сладишь, а когда они соберутся все вместе... Диденко сказал: «Переши-бете, я думаю...» Перешибу ли?
Она улыбнулась, вспомнив, как Петя Козлов, упорно не желавший отвечать на ее расспросы, вдруг спросил:
— Это правда, что вы командиром в армии были?
— Правда.
— На фронте... или в тылу?
Она рассказала:
— На фронте. Строила огневые точки, наводила мосты, прокладывала путь машинам через болота... А уж с вами тем более справлюсь! — добавила она под конец.

Петя Козлов промолчал, но позднее Аня видела, что он оживленно беседует то с одним приятелем, то с дру-гим, и все с любопытством на нее поглядывают. Надо говорить с ними увереннней, тверже, орденскую планку приколоть к платью.
Решив так, она с облегчением отстранила деловые раз-мышления — это успеется завтра, сегодня вечером... А сейчас — вот он, Ленинград! Здравствуй, Ленинград! Как давно мы с тобой не видались!
Она вышла на площадь, широко раскинувшуюся во-круг памятника Кирову. Киров стоял на гранитном воз-вышении, распахнув пальто, в позе свободной и энер-гичной, чуть прищурив веселые глаза, как будто осмат-ривался и заново узнавал любимый город, и его людей, и всю жизнь, клокочущую вокруг и насыщенную доброй и могучей силой, которая так ярко воплощалась в нем самом.
«Посмотри, до чего хорош наш город! — как бы го-ворил он женщине, остановившейся перед ним. — Какие замечательные дела разворачиваются вокруг! Хочется жить и жить!»
«Да, Сергей Миронович, — мысленно ответила она. — Я знаю. Вижу. И я хочу жить так, как умели вы. И ничего другого мне не надо, ничего!»
«Ну-ну, — весело щурясь, сказал он и будто подтолк-нул ее. — Так и живи, как решила. Только ни от чего не зарекайся. Тебе нужна вся жизнь, и вся жизнь — твоя».
Она пошла вдоль проспекта, будто впервые видя все, что окружало ее.
Как много новых домов выросло на месте развалин военных лет, и сколько их еще строится! А это что за улица? Два ряда многоэтажных домов, — ведь не было здесь раньше никакой улицы! Из тающих сугробов выступают тоненькие метелки молодых деревцов, — и этого сквера не было. Навстречу бежит голубой троллейбус, — и троллейбус не ходил здесь раньше...
Она доехала в троллейбусе до центра и долго стоя-ла в начале Невского проспекта, наслаждаясь тем, что все вокруг давно знакомо, любимо и в то же время будто впервые увидено. Уж на что всем известен, выгра-вирован на медалях, воспет поэтами и художниками светлый шпиль Адмиралтейства, а вот она смотрит на него — и, словно первый раз в жизни, поражена чистей-шими линиями, взлетающими к небу от массивного и все-таки легкого основания.
А Невский? Что в нем такого особенного, что запо-минается каждому, ступившему на его гладь, что притя-гивает к нему издалека — где бы ни оказался ленингра-дец — так, что при слове «Невский» теплеет сердце? Вот он перед глазами: прям, строен, прост. Ни роскоши, ни украшений — только вдали, в северной дымке, угады-ваются стремительные линии конных скульптур на Аничковом мосту: конь и человек, стихия буйной силы и обуздывающая ее воля человека.
Много, очень много людей вышло сегодня на Нев-ский, пользуясь выходным днем и весенней погодой. Бросаются в глаза новые жители города, приехавшие на стройки, в ремесленные училища; одни растерянно ози-раются и натыкаются на встречных, другие держатся от смущения чересчур развязно, говорят излишне громко, ходят стайками, по пять-шесть человек в ряд, мешая движению. Ничего, пройдет год-два, они освоятся в го-роде, займут свое прочное место в его жизни, и не отли-чить будет этих новичков от коренных горожан. Так и те мальчишки: в год-два вырастут, поумнеют, научатся жить — и нечего терзаться сомнениями, все будет хоро-шо, только поработать надо, не жалея ни души, ни вре-мени. Да и зачем ей нужны ее силы, ее время, если не расходовать их целиком на дело!
Вспомнился разговор с Ельцовым — один из послед-них, все определивших разговоров перед расставанием. «Ты обязательно хочешь все или ничего, — сказал он грустно. — Но ведь может случиться, что ты и не встре-тишь человека, которого сможешь полюбить вот так, как хочешь, всей душой, будто впервые... А жить одной тяжело, Анечка, очень тяжело...» — «Ну и пусть! — так она ответила тогда. — Иначе я не могу...» Он долго молчал, а потом сказал: «Впервые я негодую на русский характер...»
Тем лучше, если это русский характер. О, в войну он показал себя, этот характер! За что взялся, тому и душу отдать... Может, потому и вышел наш народ в аван-гард человечества? Как это говорил Вася Миронов? «Ведь мы же за них отвечаем, раз победили. Кому ж теперь тянуть их и кто другой вытянет?» Было это в Германии, еще до падения Кенигсберга. Сам Вася Ми-ронов никого из близких не потерял, но насмотрелся на людское горе, на сожженные и разгромленные города и деревни, — сердце его разрывалось от гнева и боли, губы белели от ненависти. Сколько раз говорил он: «Ну пого-ди, придем и мы в Германию!» Пришли. И вот однажды в чужом, немецком доме Аня увидела Васю Миронова с тремя крестьянами — стариком,

женщиной и мальчиш-кой лет шестнадцати. Старик немного понимал по-русски: был в русском плену. С терпением и настойчивостью, много раз повторяя и разъясняя каждую мысль, Вася Миронов внушал им все, во что верил сам, к чему был приучен советской жизнью.
Позднее Аня напомнила ему его гневные угрозы, на что он и ответил: «Так ведь мы ж за них отвечаем... Кто ж другой их вытянет?..»
Как всегда, когда в памяти оживали товарищи бое-вых лет, Ане стало особенно хорошо. Трудные, мучи-тельные годы, но и светлого было много. Вспомнишь Васю Миронова и многих других, подобных ему, рус-ских, советских людей, с кем прошла войну, и в окру-жающих незнакомых людях видишь те же черты: весе-лую трудовую сноровку, простую и страстную самозабвенность, прикрываемую шуткой или воркотней. Это же они, Васи Мироновы, подняли дома из развалин, неуз-наваемо обновили заводы, посадили те молодые деревца и вот эти многолетние липы...
Аня остановилась на углу, наискосок от Гостиного, укрытого строительными лесами. Да, пройдут еще год-два, может быть три года — и от осады не останется и следа. Приезжие будут с удивлением озирать город: он ли стоял под огнем, под бомбами девятьсот дней и ночей?.. Впрочем, нет, и удивляться, пожалуй, не будут, — это в порядке вещей, так и по всей стране. И это тоже русский, советский характер.
Сквозь просторный пролет улицы Аня увидела пло-щадь Искусств. Что-то в ней изменилось — сразу не понять, что именно. Она заспешила туда, огляделась, — да как же тут стало просторно! Трамвайное кольцо уб-рано; высокая решетка, ограждавшая сквер, снята; вся площадь раскрылась, выявив красоту окружающих ее зданий Русского музея, оперного театра, Филармонии. Уродливая пристройка, искажавшая строгое здание Филармонии, тоже снесена, и знакомая широкая дверь манит войти внутрь. Есть ли сегодня утренний концерт? Да, есть. Чайковский, Четвертая симфония. Аня погля-дела на часы — концерт давно начался. Звуки музыки не долетали сюда, но Ане казалось, что она слышит знакомую мелодию, поднимавшуюся издалека — не из-за стен, из глубины памяти.
Она зашла в кассу и купила билеты на несколько ближайших концертов.
— По одному? — переспросила кассирша.
— По одному, — подтвердила Аня и повторила про себя: «И никого мне не надо, мне интересно и одной, ничего другого я не хочу...» Она мельком вспомнила Виктора Гаршина. Нет, нет, он и в театре мешал ей слушать: шептался и угощал ее конфетами. Именно од-ной надо ходить на концерты. Или уж с таким спутни-ком, чтоб мимолетно переглянуться и увидеть, что оба чувствуют одинаково.
На широкой аллее, посреди круглого сквера, дети играли в мяч. Мяч был точно такой же, какой Аня ви-дела утром из окна своей комнаты, и красная половинка его так же победно вспыхивала на солнце. Пущенный слишком сильно, мяч перелетел через головы игроков. Аня подхватила его на лету, засмеялась, увидав испуг на лицах детей, и ударом кулака высоко подбросила его. Мяч взлетел над ними, крутясь в воздухе, как колесо.
— Ох, силен удар! — тоном знатока одобрил маль-чуган лет девяти и с уважением оглядел Аню.
— Я ж чемпион бокса, — сказала ему Аня и, очень довольная, пересекла сквер и вошла в Русский музей.
Со школьных лет она хорошо знала его и теперь уверенно направилась в залы, где висели ее любимые картины. По пути к залам Сурикова она задержалась у пейзажей Левитана. Серенькое небо, серая река и яр-кие пятна последнего снега на берегах, поросших ры-жим кустарником, — ранняя весна. Заглохший пруд в густой тени разросшихся деревьев. Хмурое, осеннее небо в тучах, река, темная полоса дальнего берега, и в углу картины одинокая камышинка, склоненная ветром. Де-ревенская улица лунной ночью — все сонно, тихо, все голубое, и на этом голубом лежат спокойные тени. И еще — «Тишина»: скупая, немного хмурая красота русской природы — одинокая березка над песчаным обры-вом, неподвижные серые облака, отраженные в тихой воде. Нигде ни роскоши, ни буйства красок, а во всем неизъяснимая прелесть. Ничто не будоражит, не блещет парадной пышностью, но учит вглядываться, и вдумы-ваться, и ценить неброскую, нежную красоту. Ничто здесь не дается человеку слишком легко, бездумно, — все требует труда, ума, упорства. Накладывает природа свою печать на характер людей? Да, наверное, да...

С этими мыслями Аня подошла к этюдам Сурикова. Она помнила картины, для которых делались эти этю-ды, — вон они там, в следующем, главном зале: Ермак, Степан Разин, переход Суворова через Альпы. Там, на картинах, все подчинено замыслу художника. Здесь, в подготовительных работах, художник искал, намечал типы русских людей, чтобы затем, подчинив их своему замыслу, бросить в бой под водительством Ермака, или посадить на разинский челн, или провести над снежной пропастью в Альпах. Вот лицо Степана Разина — воле-вое, умное лицо человека, чья размашистая сила угады-вается и в остром блеске глаз, и в складе губ, и в игре лицевых мускулов. Вот казаки в лодке. Перенесенные художником в жестокий бой, они изменятся — их лица будут воспалены, их движения будут порывисты и азартны. На этюде они больше похожи на охотников, чем на воинов. Здесь запечатлена их повседневная сущ-ность, и эта сущность глубоко человечная и русская каждою своею черточкой: суровость в ней соседствует с добротою, храбрость — с хозяйственностью простодущ-ного и трудолюбивого крестьянина. А усатый солдат справа неуловимо напоминает Васю Миронова — не внешним сходством, а характером.
Но, разглядев другой небольшой этюд — «Солдат», Аня ахнула от удивления: да вот же он, Вася Миронов, почти совсем такой, каким запомнился на всю жизнь. Спокойное, ясное лицо и это выражение умной делови-тости и настойчивости!
Аня шла от этюда к этюду, подолгу стояла перед картинами, присаживалась на диваны, чтобы издали охватить целое. Солдат, перенесенный с этюда на обле-денелый спуск в Альпах, уже не так походил на Васю Миронова, но зато Аня по-новому узнала его в делови-том облике двух других солдат, удерживающих пушку над пропастью. Значит, есть люди, в которых как бы воплощается характер народа?
— А молодой-то смеется, — раздался за спиною Ани негромкий женский голос.
Аня и сама залюбовалась смеющимся молодым сол-датом, который на Чертовом перевале, на головоломной крутизне, охотно и всей душой откликнулся на шутку любимого полководца.
— А ведь и мы в войну смеялись всякой шутке! — тихо сказал тот же голос.
Аня оглянулась. Голос принадлежал худенькой по-жилой женщине, стоявшей рядом с совсем еще молодым человеком. У нее была маленькая голова и светлые с проседью волосы, стянутые на затылке узлом. Пенсне придавало ее бледному, тронутому морщинками лицу уютный и строгий вид старой учительницы. Молодой че-ловек поддерживал ее под руку. Из-под пиджака нового синего костюма выглядывал воротник голубой рубашки и хорошо повязанный ярко-синий галстук, отчего голубе-ли светлые глаза юноши и отчетливо выступал на щеках румянец. Такие же светлые, как у его спутницы, волосы поднимались над его гладким лбом, образуя курчавый хохолок.
«Мать и сын», — определила Аня, улавливая неяркое, но несомненное сходство.
Юноша заметил Аню и приветливо поклонился:
— Здравствуйте, товарищ Карцева.
Она пригляделась и узнала Николая Пакулина, ко-торого принимали в партию на заседании партбюро. После неловкой заминки, сопровождавшей вопрос ди-ректора о родственных связях Николая с начальником лопаточного цеха Пакулиным, Ане кое-что рассказали о жизненной истории братьев Пакулиных и об их мате-ри, только что ушедшей с завода на отдых.
— Вот где повстречались! — сказала Аня, здорова-ясь с Николаем. — А вы, как я догадываюсь, мама?
Мать с достоинством поклонилась.
— А где же ваш младший? — спросила Аня и доба-вила: — Хорошие у вас сыновья!
— Хвалить не люблю, но не жалуюсь, — ответила мать. Близорукие глаза ее прояснились, и лицо сразу помолодело. — Витя начал мастерить радиоприемник теперь, пока не кончит, не оторвешь.
— Если бы все наши мальчишки были такими! — сказала Аня, вспомнив Кешку и других «неблагополуч-ных» пареньков. — Вы часто ходите в музеи, Николай?
— Да нет, времени не хватает.
Однако в разговоре выяснилось, что он пришел сюда уже в третий раз, чтобы показать музей матери.
— В один раз не рассмотришь, — сказал Николай. — Кажется, все осмотрел внимательно, а придешь снова — натолкнешься на картину, которую раньше не видел. Или в знакомой картине разглядишь то, чего раньше не заметил, и поймешь правильнее.

«Сколько ему лет? — думала Аня. — Девятнадцать? Двадцать? Тем пареньками почти столько же, а они еще ни к чему не приросли сердцем».
Пакулины уже удалялись, когда она поняла, что не ей надо убеждать тех пареньков, а гораздо лучше, про-ще и убедительнее поговорит с ними Николай.
Аня догнала Пакулиных:
— Николай, у меня для вас поручение. Завтра со-брание учеников, вы слыхали? Так вот, расскажите им о себе и о брате. Как росли, как учились, как пришли на завод и получили квалификацию, как проводите вре-мя, чем интересуетесь, что читаете. Понимаете? Только подробно, с чувством расскажите.
Мать покосилась на сына: что ответит? Николай ответил сдержанно и в эту минуту стал очень похож на свою мать:
— Хорошо. Постараюсь.
«Вот так отвлеклась!» — усмехнулась Аня, вторично прощаясь с Пакулиным и раздумывая, идти ли домой или побродить еще по музею.
Она удивленно вскрикнула, лицом к лицу столкнув-шись с Алексеем Полозовым. Он подхватил ее под руку и увлек обратно в залы музея:
— Как же это удачно вышло, что мы встретились! Я ведь уходить собрался и вдруг смотрю — вы! Вот здорово!
— Вы говорите так, будто мечтали меня увидеть.
— Представьте себе, нет. А увидел — и обрадовался.
— Почему?
Не отвечая, он сказал:
— В детстве была такая соседская девчонка, на каждый мой вопрос отвечала: «Потому что потому, кон-чается на «у». Она меня очень злила этим.
— А я сегодня размышляю, — сообщила Аня, — о русском характере, о национальных чертах. Вспомнила своего старшину Васю Миронова и, как ни странно, нашла у Сурикова его портрет.
— Покажите.
Он несколько минут всматривался в набросок голо-вы солдата, потом сказал решительно:
— Нет. Не похож.
Она рассмеялась от удивления:
— Ну, знаете...
— Нет, нет. Не похож — и не спорьте!
Он ее увлек дальше. Она с интересом приглядыва-лась к нему, а он возмущенно повел рукою в сторону женских портретов, мимо которых они проходили.
— Вы еще скажете, что вы похожи на одну из этих женщин, если у вас по случайности окажется одинако-вый нос, подбородок и глаза!
— Но я говорю о внешнем сходстве, о типе...
— А разве тип русского человека не изменился за полтораста... да что полтораста! За последние тридцать лет! И это же не фотография, а портреты!
Они сели, не сговариваясь, на красный диван у сте-ны, и Алексей сразу заговорил с увлечением человека, дорвавшегося до собеседника:
— Когда я был моложе и глупей, я искал в карти-нах красоты. Даже не красоты, а этакой внешней краси-вости. Если женщина нарисована — чтоб обязательно красавица, если закат — то самый пышный. А истинная красота — в правде. И ваш Вася Миронов — это же не просто русский солдат. Он человечество спас, он социа-лизм, построил, этот рядовой советский человек!.. Пи-сать вашего Васю — вот это все и должно читаться в портрете. И вас писать, — да разве во всем вашем обли-ке, как бы женственны вы ни были, разве не чувствует-ся, что вы инженер, что вы войну прошли?.. Да ведь за эти годы — с той ночи в укрытии, помните? — как же мы оба изменились! Не постарели, по-моему, нет, а дру-гими стали!..
— Вы — упрямее? — пошутила Аня.
— Да, — серьезно ответил он.
Она с удовольствием разглядывала его. Странно, но и его она сегодня как бы впервые видела. У него была та неброская внешность, какую не заметишь в толпе и не сразу оценишь при знакомстве. Лицо как лицо: не красивое и не уродливое, черты суховатые и неправиль-ные, глаза небольшие и неопределенного цвета — не то серые, не то зеленовато-голубые, рот неулыбчив, с жест-кой складкой возле губ. Он неразговорчив: но вот заго-ворил, оживился,

мысль и чувство заиграли в лице, вме-сте с ними проступила индивидуальность человека, его внутренний душевный строй — и лицо стало совсем другим, запоминающимся и даже красивым.
— Вы в Филармонии бываете? Музыку любите?
Ей вдруг захотелось, чтобы он ответил: да, бываю, люблю. И чтобы само собою сказалось: знаете что, пой-демте как-нибудь вместе...
— Не бываю. И не знаю, люблю ли. Во всяком слу-чае, ничего не понимаю в ней.
Помолчав, он сказал с огорчением:
— Это плохо, конечно. Знаю, что нужно, а никак не собраться. А почему вы спросили?
Не отвечая, она рассмеялась про себя и насмешливо сказала:
— Зачем же нужно? Раз не можете собраться — значит, вам и не нужно. Пойдемте: здесь холодно.
В одном из репинских залов Алексей остановил ее перед огромным полотном «Государственный совет». Аня не любила эту картину, относя ее к парадной, офи-циальной живописи.
— А вы приглядитесь, какие характеристики! — возразил Алексей. — Бюрократы, самодовольные тупи-цы, держиморды, надутые ничтожества — ну, все тут есть! Если бы я умел, я бы написал картину «Произ-водственное совещание турбинщиков». Видели, в парт-коме висит картина «Митинг на заводе»? Меня злость берет, когда я смотрю. Кепок больше, чем людей. А о каждом таком человеке можно стихи писать!
— А вы пишете стихи, Алексей Алексеич?
Она отвернулась, пряча улыбку, ей вспомнилось: «Ах, я люблю так сладко турбинные лопатки...» Алексей покраснел и буркнул:
— Нет. И не в стихах дело. Кепка и спина — это же оскорбительно! Это лень и неумение видеть, что коллек-тив состоит из личностей и каждая личность во много раз богаче, интереснее каких-нибудь там сенаторов. Воробьев, Коля Пакулин, Саша Воловик и многие дру-гие — вот что такое коллектив. Почему искусство не показывает этих людей? Не пятно на картине, не произ-водственную единицу, а личность во всем богатстве, во всей ее сложности?.. А если есть ничтожества, так и это нужно показать, да так показать, чтобы им самим противно стало!
Скитания по залам мешали ему, он взял Аню за руку и остановил ее посреди зала:
— Вот мы говорили о красоте. Я недавно целый день проторчал в Эрмитаже у Рембрандта. Какой-ни-будь ростовщик у него уродлив, гадок, а картина пре-красна, потому что я могу все рассказать об этом чело-веке: кто он, как живет, что думает. У него и руки не просто руки, у него пальцы скряги и обиралы... К чему это я? Да, да! К тому, что я тогда подумал: написать бы с таким талантом портрет нашего Торжуева! Вы успели узнать его? Поглядеть — внешность даже благо-образная, на семейных фотографиях, наверно, красав-цем выходит. Сними его у карусельного станка — рабо-чий! Кадровик! А если написать его портрет по-настоя-щему, — ух, какой мелкий обыватель наружу вылезет!
— Вы прямо с ненавистью говорите о нем.
— А что я, подрядился по-христиански всех любить? Да, с ненавистью! Оттого, что свой, заводской, да еще работник первоклассный, — вдвойне ненавижу.
— А мне кажется, с ним просто не умеют работать. Это же все-таки не кулак, а рабочий!
— Шкурник он, вот кто! Эгоист. И в коммунизм его не потащишь. Для меня коммунизм — прежде всего время, когда любой человек, с которым встретишься в жизни ли, в работе ли, будет своим. Как у Маяковского, знаете? «Чтоб вся на первый крик: Товарищ! — оборачи-валась земля...»
Сам того не замечая, он снова взял ее за руку: так ему было удобнее высказать ей все, что теснилось в голове.
— Коммунизм — это ж будет горячее, страстное вре-мя, а не этакий скучный рай без волнений, без страсти достижения... До сих пор общественный строй всегда подавлял, глушил личность, так? Коммунизм даст ей полное развитие. Посмотрите на наших людей: как быстро в них раскрываются силы, талант, воображение! И с каждым годом это пойдет быстрее, шире. Мы сей-час решаем задачи, каких ни в одном столетии не ре-шали... А как вы думаете, наши внуки будут нам зави-довать? Нет, потому что именно при коммунизме будут решаться самые грандиозные задачи. Я иногда мечтаю: какие превосходные, невиданные машины будут еще созданы! Свободный труд, средств сколько угодно, высо-чайшая техника, — вот когда можно

будет развернуть-ся! И уж, конечно, иной раз и не есть, и не спать, и до рассвета проторчать в лаборатории над каким-нибудь опытом...
— Ух, как хочется дожить!
— Что вы, Аня! — воскликнул он. — Мы же и будем все это решать!
Они стояли посреди зала, совсем забыв о том, что они в музее. Посетители обходили их, некоторые коси-лись с усмешкой: эти, мол, пришли не картины смот-реть, а просто назначили здесь свидание.
Аня первою заметила косые взгляды, расхохоталась и увлекла Полозова к выходу:
— Пойдемте, Алеша, нас принимают за влюблен-ных.
Алексей отмахнулся и как-то вдруг помрачнел. Она сбоку наблюдала его и радостно думала: «Мы с ним будем дружить. Обязательно будем дружить».
Он вдруг остановился, загораживая Ане дорогу, и заговорил угрюмо и возбужденно:
— Вы сказали: «Раз вы не слушаете музыку — зна-чит, вам и не нужно»... Меня это прямо царапнуло. И до сих пор саднит. Знаете что? Вы, наверно, лучше и умнее использовали время, чем я. Иногда я прямо в отчаяние прихожу, до чего я невежда! Может быть, это и смешно — идти на концерт не потому, что тебя тянет музыка, а потому, что хочешь проверить, чурбан ты или нет. Но ведь просто стыдно не понимать музыку, или архитектуру, или живопись... так же стыдно, как не читать книг. Читать я читаю, но все же пропускаю мно-гое. И вообще у меня кругом белые пятна. Когда я вспоминаю свои студенческие и школьные годы, меня прямо трясет от злости: столько времени я разбазарил! Пробелы, пробелы, пробелы, и черт его знает, сумею ли я все нагнать, восполнить!
Музей закрывался, служители торопили публику уходить. Алексей зашагал к выходу крупными шагами. Она шла немного позади него, с улыбкой глядя на его широкие, сутуловатые плечи и сильную шею с упрямым наклоном головы.
— Где же вы? — оборачиваясь у спуска в раздеваль-ную, окликнул Алексей. — Давайте ваш номерок, поуха-живаю.
Они вышли вместе, он проводил ее до остановки автобуса.
— А вы куда?
— А я еще поброжу.
Аня была бы непрочь побродить вместе с ним, но постеснялась навязываться. А он не предложил, даже вздохнул:
— Куда же это автобус запропастился?
— Вы так торопитесь отправить меня? Идите, я и одна не пропаду.
Он снисходительно кивнул и продолжал стоять ря-дом, думая о чем-то своем. «Ах, я люблю так сладко турбинные лопатки...» Иронический отзыв Гаршина ка-зался ей очень несправедливым.
— Знаете, один человек сказал мне, что вы и жену ищете такую, чтобы говорить с нею о турбинах.
— Конечно, а как же? — с живостью откликнулся Полозов. — Если делить всю жизнь, как же не делить то, что составляет основу жизни? Впрочем, жену я не ищу, а шутки вашего Гаршина слыхал.
— Моего Гаршина? Почему же моего?
Алексей пристально посмотрел на нее и сказал:
— Ну, не лично вашего. Во всяком случае, он чис-лится при женском сословии.
— Ого! Вы не остаетесь в долгу.
— Долг платежом красен.
— Вот так приятели!
— Это Гаршин сказал вам, что мы приятели?
— Я вижу, вы не любите его?
— А вы? — дерзко спросил Алексей.
— Он мне нравится, — с вызовом сказала Аня. — Очевидно, как и всем женщинам.
Ей было интересно, что он скажет, но в эту минуту, как нарочно, подкатил автобус. Алексей вежливо подса-дил Аню под локоть. Она видела, как он зашагал по улице, свободно размахивая руками.

9

Дома напротив были еще освещены солнцем, а в Аниной комнате уже смеркалось. Идти куда-то обедать не хотелось. Аня перебрала свои скудные запасы — мас-ло, хлеб, остатки ветчины, картошка... Ну и прекрасно, что может быть вкуснее вареной картошки с маслом?

Здравствуй, милая картошка-тошка-тошка,
Пионеров идеал-ал-ал!
Тот не знает наслажденья-денья-денья,
Кто картошки не едал!

Песчаный берег реки Луги, домики среди сосен, вы-сокое пламя костра и спугивающие пионеров клубы дыма, бросаемые ветром то в одну сторону, то в другую. У костра проводит беседу самый старший из мальчиков, самый умный из мальчиков, Павлуша Карцев. Он слывет в лагере ученым, он читал все книги и знает все на свете. Павлуша рассказывает о молодых строителях Магнитогорска, Сталинградского тракторного, Комсо-мольска-на-Амуре... и часто, но сурово поглядывает на Аню. В то утро Аня нарочно, чтобы подразнить де-журного пловца Павлушу Карцева, нарушила приказ и переплыла коварную реку. Карцев догнал ее уже у са-мой отмели на том берегу. Он начал бранить ее за свое-волие, а она сказала: «Мне просто хотелось узнать — поплывешь ты за мной или нет?» Карцев покраснел и сердито сказал: «Как же мне не плыть, когда я дежур-ный? Ну, давай обратно. Давай, давай!» Она спросила: «А если бы не дежурил — не поплыл бы?» Он прикрик-нул: «Давай плыви, не то!..» Она плыла разными сти-лями, ныряла, ложилась на спину и подшучивала над Павлушей, что он, хочет или не хочет, должен будет спасти ее, если она начнет тонуть. А у него был вид сердитый и беззащитный, и когда вышли на песок — пошел прочь, не оборачиваясь, длинноногий, худой, взволнованный... И это его — нет? Этого тела, этих умных и добрых глаз, этого лица с рассеянным, всегда во что-то углуб-ленным, задумчивым выражением, этого голоса... Нет? Совсем, навсегда нет?.. Был — и нет. И следа не оста-лось. И могилы не осталось. Ничего...

Картошка закипела, тоненько посвистывал пар. От электрической плитки веяло жаром, из-под кастрюльки выступал раскаленный малиновый ободок. А за окном медленно угасал весенний день.

Одна, Аня. Одна, и только воспоминания с тобою. У всех есть хоть кто-то — муж, или дети, или родные. А ты одна. Совсем одна. И нелепо думать, что кто-то за-менит Павлушу, что полюбишь снова...

Шаги по коридору. Тихий стук в дверь.

— Вы?

Гаршин улыбается, заговорщицки прикладывая па-лец к губам:

— Тише, Анечка, я удрал тайком. Отчего вы отказа-лись обедать у Любимовых? Я вас ждал, ждал... С го-ря два часа подряд в преферанс играл, аж спина забо-лела!

Она хотела бы скрыть невольную радость, но скры-вать не умела, дрогнувшим голосом призналась:

— А я тут так загрустила...

Понял ли он — почему, или не хотел углубляться в печальные темы, но он ни о чем не расспрашивал, начал балагурить, быстро рассмешил Аню, и не успела она опомниться, как Гаршин уже помогал ей надеть пальто, чтобы идти ужинать «в кавказский кабачок, самое славное место в городе, вот вы увидите!»

Спускаясь по лестнице, он фальшиво, но весело на-певал:

Люди парами живут,
Петя — с Машей, Оля — с Сашей,
Только я один да ты —
Одинокие грибы.
Я один, и ты одна,
Подсчитаем — будет два!

Весеннее пальто не защищало от холода, ветер про-бирал Аню до костей, но тем приятнее было попасть в душное тепло кавказского ресторана. Пронзительные звуки музыки и гул голосов неслись навстречу Ане из низкого зала, подернутого голубой табачной дымкой.

Там было по-воскресному многолюдно, все столики за-няты. Но Гаршин шел по залу как завсегдатай, здоро-ваясь с официантами: кому-то мигнул, кого-то поторо-пил — и вот уже они сидят в глубине зала за столиком, отгороженным от соседних невысокими перегородками, и Гаршин заказывает шашлык по-карски и «мукузани», давая наставления официанту, как должен быть приго-товлен шашлык и какой подать салат.

Женщины с удовольствием оглядывали Гаршина, по-ка он искал столик; они и теперь оборачивались, чтобы еще раз взглянуть на него, и Ане это нравилось, она и сама по-новому приглядывалась к своему спутнику: ни-чего не скажешь — привлекателен!

Официант принес вино, хлеб, салат. Гаршин напол-нил рюмки:

— За то, чтобы вы не грустили, Анечка, а значит — не убегали от меня!

Аня залпом выпила холодное, с приятной кислецой вино и с наслаждением откусила хлеба. Она была очень голодна, вино сразу разгорячило ее, голова чуть-чуть закружилась.

— Вы до удивления такой же, как до войны, — ска-зала она. — Все изменились, кроме вас.

— А я человек легкий, — откликнулся Гаршин и сно-ва налил вина.

Легкий человек? Ну что ж, тем лучше.

— Я бы хотела иметь легкую душу, — сказала Аня. — Такую легкую, чтобы ни о чем не вспоминать, не ду-мать, не тревожиться, а вот так, как вы...

Он немного обиделся:

— Что ж я, по-вашему, — разлетай? Попрыгун?

Она с улыбкой кивнула. Гаршин хотел возразить, но передумал, отмахнулся и поднял рюмку:

— Выпьем за разлетая!

Подали шашлык. Музыканты прошли на подмостки, настроили инструменты. Надрывно и чересчур громко для низкого подвала зазвучала знакомая песня про Сулико.

— У меня дурная слава ветреника, — говорил Гар-шин, подсаживаясь поближе к Ане, чтобы музыка не за-глушала голоса. — Но вы не верьте. Я просто веселый че-ловек, люблю выпить и закусить, люблю хорошеньких женщин. Любят их все, но притворяются, что им безраз-лично. А я человек прямой. И я не выношу людей вроде нашего дорогого Алеши Полозова, которые ничего не ви-дят и не знают, кроме работы.

— Да откуда вы взяли, что он такой?!

Гаршин махнул рукой:

— Ну и бог с ним! Он даже конькобежец, да? Лучше меня, во всяком случае, да? И пусть! Но он и тут верен себе — уж если стал на коньки, то ему обязательно нужно бегать лучше всех. И вообще, он все время чего-то добивается и будет добиваться до старости, а потом оглядит себя и ахнет — борода-то седая!

— А вы предпочитаете дожить до седой бороды, ни-чего ни в чем не добившись?

Она смотрела на него насмешливо и вызывающе, вдруг рассердившись.

— Почему же ничего и ни в чем? — обиделся Гар-шин. — Что мне нужно, того и добьюсь, добьюсь за ми-лую душу, стоит мне захотеть!

Аня не могла разобрать, опьянел ли он — должно быть, еще у Любимовых выпил немало, а тут добавил, — или просто заносится?

— Вот я и стараюсь понять, Витя, что же вам нуж-но и чего вы действительно хотите?

Гаршин знаком потребовал вторую бутылку вина, наполнил рюмки, потянулся чокаться с Аней:

— Изучаете? Что ж, выпьем за изучение, вот я весь перед вами, какой есть!

Теперь, когда она поела, головокружение прошло, осталось только легкое возбуждение от вина, от надрыв-ной музыки, от всей ресторанной обстановки и от раз-говора с этим человеком, который то ли прикидывается, то ли на самом деле «какой есть, весь перед вами».
— Чего же вы хотите, вы — какой есть?
— Чего хочу? Да ничего особенного, Анечка! Не-множко славы, немножко удачи — если они дадутся без пота и бессонниц, немножко веселья и, конечно, любви! А когда возникают препятствия — перескочить их, не сломав ноги, — ноги мне еще пригодятся!
— Всего понемножку?
— А вам нужно всего много? Большой славы, боль-шого успеха, необъятной любви?
— Да! — воскликнула Аня. — Почему бы нет?
— Ах, Анечка, до чего вы еще наивны! — Он притя-нул к губам и поцеловал ее руку. — Вы мне чертовски нравитесь, честное слово! Жадная, ух, какая жадная! В вас это и раньше было, но меньше.
— Я стала взрослой, Витя. И я перенесла столько горя, видела столько бед, что я не хочу полусчастья и полууспехов. Когда же и жить в полную силу, если не сейчас?
Гаршин нахмурился, помолчал, неверными пальцами вытащил из внутреннего кармана две планки орденских ленточек:
— Вот, Анечка, требовательная женщина, это мое участие в войне. И две дырки в теле на придачу. Вот это — десантная операция. Это — Кенигсберг. Это — контратака под Шешупой. Что бы там ни говорить, а через эту самую проклятую речонку Шешупу Виктор Гаршин одним из первых ворвался на прусскую землю. Одним из первых!.. За три года — три звания! Захо-тел бы остаться в кадрах — взяли бы с удовольствием, уговаривали даже! Вернулся сюда — пожалуйста, в ин-ституте приняли в объятия, приходи, читай курс... — Он вдруг запнулся и быстро глянул на Аню, видимо припомнив, что рассказывал ей об этом несколько ина-че, но тут же усмехнулся и продолжал с прежней само-уверенностью: — Заочники — это так, для острастки, за-хоти я просиживать брюки... слава, деньги — все было бы! А на заводе? — Он долил рюмки, расплескивая вино на скатерть, заставил Аню выпить: — Пейте до дна, Анечка, и слушайте, раз уж вам так нужно все знать... Я многого не ищу, копаюсь себе потихоньку с технологией, в горячую минуту подсоблю на сборке, да вот с планом повозился. План — это политика дальнего при-цела, тут может все сразу прийти — успех, деньги, по-вышение, тут ставка крупная, ва-банк!.. А захоти я сейчас власти, положения — что ж, думаете, не добьюсь? Да я и Любимова свалю в два счета, и цех мне пору-чат, и справлюсь! Да только зачем мне это, Анечка? Зачем?
Аня смотрела на него широко раскрытыми глазами:
— Вы обо всем этом не так говорите, Виктор!
— Не так говорю? Да я ведь попросту...
— У вас получается: я и армия, я и завод, мое, для меня, мне!
Гаршин насупился, затем превратил все в шутку:
— Я ж немного во хмелю, Аня, и я простой смерт-ный, для меня «я» — это очень милый субъект, о кото-ром я забочусь… Что вы думаете о черном кофе, Анечка?
— Заказывайте. Только вы мало любите даже само-го себя, если хотите всего понемножку. Понемножку — значит, ничего настоящего.
— Я уже прошел через эту стадию, дорогая.
— Вы имеете в виду честолюбие? А я — отношение к жизни.
— То есть?
— Малое счастье, малое дело — да кому это нужно? Ведь это же просто скучно!
Гаршин на минуту прикрыл рукой лицо, потом глу-хо сказал:
— Допустим... Но как же вы себе представляете это большое... не вообще, а для себя лично?
— Не знаю, — помолчав, сказала Аня, — наверно, об этом и не скажешь. Но в любом стремлении, в любом чувстве важно одно — никаких компромиссов!
— Никаких?
Он недоверчиво пожевал губами и вдруг улыбнулся во весь рот:
— Что ж, вы правы, Аня, вы правы! Только давайте не забывать, что жизнь прекрасна, и прекрасна для нас с вами сегодня, а не в каком-то там... адцать втором веке!
— Давайте, — согласилась Аня и взяла у него папи-росу.
Он смотрел на нее снисходительно и ласково:

— Вот вы курите и не затягиваетесь — уже компро-мисс! А хотите все по-настоящему.
Аня засмеялась и притушила в пепельнице папиросу.
— Ну ее совсем. Не знаю, что это мне вздумалось.
Гаршин придвинулся еще ближе и прикрыл ее паль-цы своей широкой ладонью.
— А-не-чка, А-ня! Большие цели, стремления... все так! Но жизнь-то идет да идет... и не так уж много лет нам отпущено, а? Это ведь только в песне поется, что «біло личко, черны брови повик не злыняють»...
Аня опустила голову. Молоточком в висках стуча-ло — тридцать два, тридцать два. А то настоящее, что еще мерещится иногда, — придет ли оно? Может ли оно повториться?.. И вот рядом, совсем рядом с нею — чужой для нее человек, который может стать ее един-ственным компромиссом...
— Пойдемте пройдемся, здесь душно, — сказала она, резко вставая.
Подавая ей пальто, он на миг крепко сжал ее плечи. Она мягко отстранилась, первою выбежала на улицу. Фонари не разгоняли, а сгущали темноту вечера, небо над головою казалось совсем черным, а внизу ветер раскачивал провода, и провода тонко, протяжно гудели. Ветер нес запах моря и весны.
— Как вольно дышится, — вполголоса сказала Аня. — Дойдем до Невы, хорошо?
— Ну, дружным строем! — забирая ее руку в свою, многозначительно сказал Гаршин.
Так они ходили под Кенигсбергом — рука в руке, быстрым, ладным шагом. Город лежал еще в дымящих-ся развалинах, а дачные пригороды уцелели, по гладким шоссе унылыми колоннами брели пленные, у походных кухонь толпились немецкие дети, из курортного зала, где каждый вечер выступала бригада московских арти-стов, доносились родные мелодии, от которых там, дале-ко-далеко от дома, сладко щемило сердце. Они ходили по чужим, немилым дорогам, опьяненные только что достигнутой трудной победой, и своей неожиданной встречей, и предчувствием мирной ослепительной жизни, которая вот-вот наступит. Как ей было легко тогда, после тяжких лет воинского труда, затаенного горя и женского одиночества! Как ей вдруг поверилось, что счастье — вот оно, тут... Они бродили среди людей, искали и не находили уединения, пока Гаршин не устро-ился один в большой, безвкусно обставленной комнате с добродетельными изречениями на ковриках и множе-ством аляповатых безделушек. Одно было хорошо в той комнате — окна на море, и деревья под ними, деревья, тянувшие в комнату свои ветви с молодыми глянцеви-тыми листочками. Аня до сих пор помнит минуту, когда она остановилась у окна и ей вдруг почудилось, что это — счастье, что она услышит сейчас какое-то про-стое, нежное слово, и каждый листочек зашелестит для нее, и лунная дорожка на недвижной воде сама ляжет под ноги — хоть иди по ней... И то чувство обиды и горечи, когда все обмануло ее, — не те слова, не то на-строение, и эта грубоватая торопливость, с которой он стремился к цели, даже не думая о том, чтобы сделать их встречу красивой... Это ли протрезвило Аню? Или намеки товарищей на сестру из медсанбата? Или вос-поминание о другом человеке, с которым все получа-лось именно так, как просило сердце, о человеке, кото-рого не забыть? Быстро и без оглядки, как всегда, когда принимала важные решения, Аня прервала законный отдых, выпросила в штабе новое задание и уехала, оста-вив Гаршину короткую, неясную записку.
Опираясь сейчас на его сильную руку, она старалась вернуть беспощадный строй мыслей, оторвавших ее от Виктора под Кенигсбергом, но тот строй мыслей не воз-вращался, а вместо этого упорно думалось, что столько лет прошло с тех пор, а счастья так и не было, и уже тридцать два, и доколе же глушить, подавлять себя?..
На Неве было гораздо светлее, и небо оказалось прозрачно-серым, а не черным, как виделось с ярко освещенного Невского, — белые ночи еще не начались, но их приближение уже сказывалось. Нева лежала в гранитной оправе — серовато-белая, с поблескивающи-ми озерами воды, выступившей поверх оседающего и подтаивающего льда. Гуляющий на просторе ветер ря-бил эту воду и овевал Аню, вырывая из-под шапочки прядки волос.
— Скоро ледоход... Как давно я не видала ледохо-да на Неве!
— Обязательно пойдем смотреть. Уж я послежу, когда он начнется.
Гаршин стоял рядом с нею — высокий, ладный, в бе-кеше, которая очень шла ему, и в белой кубанке на-бекрень. Такой, как есть?.. Ну и надо принимать его таким, какой он есть, не ждать от него невозможного.
— Какой ветер!

— Вы озябнете, Аня, давайте я вас согрею.
Он широко распахнул бекешу и полою прикрыл ее, крепко прижав к себе. Не возражая, она искоса погля-дела на него и поразилась взволнованному и нежному выражению его лица. Но в ответ на ее взгляд он улыб-нулся, и в этой улыбке мелькнуло самодовольство.
— Вам бы пережить что-нибудь сильное, — сказала она. — Тогда, наверное, вы стали бы очень хорошим.
— А я так уж плох? — с шутливой обидой спросил он, крепче обняв ее. — Вы все критикуете меня, Анечка, критикуете, критикуете, а ветер поет совсем о другом, и ветер прав.
Он запрокинул ее голову и поцеловал ее долгим по-целуем. От тепла давно неиспытанной ласки было труд-но оторваться.
— Подождите, Витя... Подождите. Я хочу спустить-ся вниз.
Выскользнув из нагретой бекеши, она сбежала по гранитным ступеням. Мягкий, пористый лед возле сту-пеней местами уже потрескался. Разлившаяся в не-скольких шагах от берега вода отсюда, снизу, казалась черной и очень холодной.
— Я попробую, какая вода.
В порыве веселого безрассудства она шагнула на лед...
— Аня, да вы что! — испуганно вскрикнул за ее спиной Гаршин.
— А мне хочется, — отозвалась она и твердыми, лег-кими шагами прошла по качающемуся, потрескивающе-му льду, опустила пальцы в студеную воду и, наслаж-даясь своей смелостью, задорно крикнула: — Холодню-щая! Купаться не советую!
В тот же миг лед затрещал сильнее, две сильные руки подняли Аню... раздался гулкий, угрожающий треск...
Гаршин выскочил на площадку лестницы, поставил Аню на ноги, прижал ее спиной к холодной стенке округлого выступа и, больно стиснув в ладонях ее голову, начал целовать ее побледневшее лицо и губы:
— Сумасшедшая... Дразнишь?.. Нарочно?.. Я те-бя люблю, мы немедленно поедем ко мне, слышишь?
С силой оттолкнув его, она взбежала по ступеням наверх. Села на гранитную скамью, заправила под ша-почку растрепавшиеся волосы. Пусто было на набереж-ной, пусто и холодно. Аня почувствовала себя одинокой и потерянной, хоть плачь.
— Вы меня чуть не утопили, — проворчал Гаршин, поднявшись вслед за нею и отжимая брюки; одна нога его была мокра почти до колена.
Я бы сама выбралась, — виновато сказала Аня. Она с любопытством вглядывалась в выражение его лица. Только что он бросился спасать ее (значит, я ему действительно дорога?), только что яростно целовал ее и говорил «люблю» («люблю тебя»... «ты»... как это нелепо — сразу переходить на «ты»!)... Но вот она от-толкнула его, и он разозлился, и чувствует только хо-лод, и, наверно, как все очень здоровые люди, боится простуды.
— Ну, пошли, а то и ревматизм схватить недолго! — позвал он, стараясь сдержать раздражение.
Они почти бежали с набережной в боковые улицы, где было не так ветрено. Аня сама ускоряла шаг, ей совсем не хотелось, чтобы он заболел из-за ее безрас-судной выходки. Быстрая ходьба согрела его и успо-коила.
— Подождем двойку, — сказал он, уверенно оста-навливая Аню на автобусной остановке. — Доедем до самого дома.
Промолчав, она с удивлением огляделась. На этой самой остановке она стояла сегодня днем с Алексеем Полозовым. Настроение было такое ясное, радостное, и вся жизнь казалась ей тогда чистой, умной, значитель-ной... Почему же сейчас она очутилась здесь снова с такой горькой сумятицей в душе, и рядом с нею человек, который только что целовал ее и все-таки совсем не любит ее, а так — приглянулась женщина, раздразнила его самолюбие, и все-таки она едет к нему, все-таки едет, потому что одиночество душит... А все, что дума-лось днем, — мечты? Бредни?..
Два ярких огонька вынырнули из-за угла. Гаршин подсадил Аню в автобус, вскочил следом, расстегнул бекешу, доставая бумажник.
— Я раздумала, до свиданья! — вдруг решившись, крикнула Аня, рванула закрывающуюся дверцу и со-скочила на мостовую.
За стеклом удалявшегося автобуса метался Гаршин, пытаясь открыть дверцу.

Аня вздрогнула от холода, оказавшись одна на пу-стынной ночной улице. Над рядами темных домов, где уже погасли огни, открылось ее внимательным глазам нетемнеющее северное небо. Она съежилась в своем слишком легком пальто и утомленно улыбнулась.

10

Посещение Русского музея было началом праздника, приуроченного Пакулиными к нынешнему выходному дню. Три дня назад Антонина Сергеевна впервые не вышла на работу, по настоянию сыновей уйдя на отдых. К торжественному обеду были приглашены гости: дав-нишний друг семьи Иван Иванович Гусаков и две со-седки по дому.
В первое же утро, проводив на работу сыновей, Ан-тонина Сергеевна оглядела хозяйство и заметила сотни прорех и дел, до которых раньше не доходили руки. Отложив обещанное Николаю посещение врача («Те-перь успеется!»), она принялась мыть, стирать, чис-тить, гладить, штопать, пришивать пуговицы — и все последние дни присесть не успевала до прихода мальчи-ков. Сыновья спрашивали ее:
— Отдохнула, мамочка?
— Отдохнула, — отвечала она и садилась в кресло, вытягивая занемевшие ноги.
Накануне выходного дня Антонина Сергеевна до-поздна стряпала, чтобы высвободить утро для поездки в музей. Проще было бы отложить поездку, но она не захотела — ведь впервые собралась, впервые за долгую, трудную жизнь...
Музей ошеломил и утомил ее. Ноги разболелись от долгого блуждания по залам, глаза устали от мелька-ния красок, и главное — устала голова от новых впечат-лений.
Вернувшись домой, Антонина Сергеевна затопила плиту, чтобы разогреть обед, и села в свое любимое кресло у окна. Сняв пенсне и опустив на колени руки, она отдыхала и думала. Она не вспоминала что-либо определенное из того, что привлекло ее внимание в му-зее, а переживала все в целом — соприкосновение с но-вым и прекрасным миром. От усталости и от множества новых впечатлений у нее то и дело замирало, будто падало сердце. Но замирания сердца, обычно пугавшие ее, на этот раз не вызывали страха: она верила, что теперь отдохнет, вылечится.
— Мама, суп закипел! — сообщил из кухни Виктор.
— Отставь на край, Витя, — распорядилась она не вставая и с улыбкой прислушалась к тому, как Виктор, кряхтя, отодвигал кастрюлю, тихонечко охнул (навер-ное, обжег пальцы), а затем вернулся в свой угол, и снова в его руках тонко запел, повизгивая, напильник.
Таким он был с детства, Витюшка... Еще до стола не дорос, а уже стучал молотком, ловко орудовал кле-щами и напильником. Она боялась, что малыш перепи-лит пальцы, занозит руки, поранится, а отец говорил... Тут она сама себя оборвала: даже в мыслях не хотела возвращаться к тому, что было отрезано.
Сегодня важнее припомнить другое — как она очути-лась с ними одна в незнакомом городке, впервые сама себе голова. Заботы о мальчиках, чтоб откормить их и поправить, непривычный труд в кустарной мастерской, превращенной в завод боеприпасов, ноющая боль в спи-не и в руках после возни на огороде, когда она вскапы-вала тугую, не поддающуюся лопате землю...
Многое-многое припомнилось матери: первые паль-тишки, купленные ею сыновьям на собственный зарабо-ток, и ночи в бараке общежития, когда она, стряхивая сонливость, штопала мальчишечьи штаны, рубахи и за-ношенные, словно сгорающие на непоседливых ногах носки.
И снова боль полоснула по сердцу: выходила, сбе-регла, привезла домой здоровыми, одетыми и обуты-ми, — а перед кем было погордиться, некому оказалось похвалить и порадоваться!
Но зачем думать об этом? Сегодня — день ее свет-лой радости, ее незаметно подросшие мальчики стали самостоятельными работниками и отныне будут забо-титься о ней, и водить ее с собою в театр и в кино, и носить ей книги, которыми увлекаются сами... «На иждивение сыновей?» — спросил ее начальник цеха, под-писывая расчет, и она с чувством неловкости и стыда про-бормотала: «Пока... Подлечусь немного». Теперь ощу-щения неловкости и стыда уже

не было, она с гордо-стью подумала: хорошие сыновья! И еще подумала: есть справедливость в жизни. Вот оно, мое счастье, — верну-лось в них.
— Привет дому сему! — раздался в кухне голос Гусакова.
Антонина Сергеевна легко поднялась навстречу гостю. Иван Иванович, усердно шаркая подошвами начищен-ных ботинок по чистому половичку, от порога передал ей обернутую газетой бутылку.
— Прошу у хозяюшки прощенья, — басил он, рас-правляя обвисшие усы. — На основе жизненного опыта догадался, что водки не держите: вы — по женскому неразумию, а хлопцы — по молодости лет. Мне же, греш-ному, для здоровья необходимо, а для бодрости духа же-лательно!
— Вот и ошиблись, Иван Иванович, — весело отве-тил Виктор, помогая мастеру, снять пальто.
— Купили водочки, правда маленькую, но купили!
— Ишь ты! Значит, учли? Ну, там, где начинается с маленькой, не будет лишней и большая!
Антонина Сергеевна приглашала в комнату, но Гуса-ков присел на табурет в углу кухни, называвшемся «Витькиным царством», где Витька мастерил и где хра-нились инструменты, гвозди, шайбочки, незаконченный самодельный радиоприемник и разобранный на части старый велосипед.
— Показывай, что ты тут пачкаешь.
— Не пачкаю, а дело делаю, — независимо ответил Виктор. — Вот поглядите обмотку. Порядок?
— Погоди хвалиться. Это у тебя чего такое тор-чит? А?
Антонина Сергеевна захлопотала, легкой походкой переходя из кухни в комнату, и снова в кухню, и снова в комнату: засиделась, замечталась, а гости собираются к ненакрытому столу!
— Пахнет у вас вкусно, аж слюнки текут! — заме-тил Гусаков и перешел в комнату, без стеснения разгля-дывая закуски. — Ох, хороша селедочка, сама в рот про-сится. Соус горчичный?
— Горчичный, Иван Иванович. Все как полагается.
— В такие минуты, Антонина Сергеевна, горько жа-лею, что остался бобылем. Будь я на десяток лет моло-же, пал бы на колени перед вашими хлопцами: отдайте мне свою маму в хозяйки дома и сердца!
Порозовев, Антонина Сергеевна замахала руками:
— Да ну вас, Иван Иванович, бог знает что бол-таете!
И заспешила на звонок — встречать приятельниц.
Николай, сидевший за столом во второй, крошечной комнатке, принадлежавшей раньше отцу, а теперь от-данной в его распоряжение, отложил перо и чистый лист бумаги, на котором так и не успел ничего написать, и вышел поздороваться с гостями. Дома он скинул стес-нявший его пиджак и остался в голубой рубашке, повя-занной ярко-синим галстуком. И рубашка и галстук были новые и очень шли ему. Он успел убедиться в этом, поглядевшись в зеркало, и с особой охотой встретил гостей — не потому, что ему хотелось показаться краси-вым Гусакову и приятельницам матери, а потому, что ему хотелось поторопить обед и наступление вечера, ко-гда могли прийти совсем иные гости. Придут ли?
Тем не менее и самый обед был ему приятен. Он любил задиристого, шумного Гусакова, любил и прия-тельниц матери, вернее — ту атмосферу домашности и уюта, которую они создавали, усевшись вечерком с шитьем или вязаньем, когда и помолчат без стесненья и поговорят не торопясь, не повышая голоса, без спле-тен: мать терпеть не могла сплетен, но очень любила сердечные беседы, признания и жалобы, умела попла-кать над чужим горем, дать умный совет или посмеяться от души забавному происшествию.
Сегодня, ради торжественного обеда, обе приятель-ницы пришли в своих лучших платьях и оставили на вешалке теплые платки. А у матери до сих пор не заве-лось парадного платья. Но и в будничном она казалась Николаю самой красивой, самой праздничной: так милы были ее несуетливые движения, так ласково сияли ее посветлевшие глаза.
— За нашу маму! — сказал Николай, разлив по рюмкам водку, чокнулся с братом и потянулся к матери.
— И я за нашу маму! — подхватил Иван Иванович.
Мать чокнулась и с гостями и с сыновьями, только младшему сыну шепнула, показывая глазами на полную рюмку:

— Витюша, ничего?
— За тебя-то, мама? — улыбаясь, ответил Виктор и храбро выпил до дна. Лицо его покраснело, глаза затя-нуло слезами, он торопливо закусил селедкой.
— Привыкай, мастер, без этого не проживешь, — сказал ему Гусаков — Ты теперь человек самостоятель-ный. Пятый разряд в твои годы — это, брат, в наше вре-мя и присниться не могло!
Антонина Сергеевна пригубила рюмку, но пить не стала. Радость переполняла ее сердце.
— За наших детей! — провозгласила она и на этот раз не морщась отпила глоток.
— До конца, до конца! — закричал Гусаков, нали-вая себе вторую.
— Не уговаривайте, Иван Иванович, — твердо ска-зал Николай и отставил ее рюмку. — Маме вредно.
Иван Иванович хотел было заспорить, так как счи-тал водку полезной при любой болезни, но встретился с таким жестким взглядом юноши, что махнул рукой и выпил вне очереди третью рюмку.
— Хо-зя-ин! — проговорил он ворчливо, но с несом-ненным одобрением.
В конце обеда Николай попросил извинения у гостей и ушел в свою комнатку. Поручение инженера Карцевой беспокоило и смущало его. Он терпеть не мог хвастать, и рассказывать о себе ему еще никогда не приходи-лось, — о бригаде случалось, даже на районной комсо-мольской конференции выступал, но там дело было яс-ное и собственная личность терялась за словами «наша бригада»! А завтра предстояло рассказывать о себе. Легко сказать «расскажите, как росли, как учились, к чему стремитесь, чем интересуетесь...» А вот попробуй-ка, расскажи!
Мальчишки скажут: «Задавака!» Виктор и тот скри-вил губы и пробурчал что-то вроде: «Очень-то нужно себя выворачивать!»
Мастера и взрослые рабочие остерегаются доверять ученикам, побаиваются и вчерашних ремесленников, а не поймут, что к заводу нужна привычка. В школе да в училище есть определенные «рамки»: там человек ходит как на помочах, за него решают и думают. А на заво-де — ты рабочий как и все, отметок за поведение не ставят, а чтобы прижиться, осознать трудовую дисцип-лину и войти в производственную колею, для этого нуж-ны и время, и желание, и сознание... Было у меня маль-чишеское легкомыслие в первые недели на заводе? Нет, не было. А почему? Вот об этом надо рассказать...
Придвинув к себе чистый лист бумаги, Николай об-макнул перо в чернильницу, чтобы составить конспект.
«Поступление на завод».
Именно с этого следует начать. Двое мальчишек вер-нулись из эвакуации, по семейным обстоятельствам им не удалось продолжать учение в школе, и они поступили в цех учениками. Примерно так можно начать любую биографию любого ученика. Но говорит ли это что-либо о той настоящей жизни, которая определила поведение и характер Николая, да и Витьки тоже? Случилось так, что сыновья коренного заводского рабочего пришли в отдел кадров завода, их спросили:
— Петра Петровича сынишки? Куда хотите: к отцу в лопаточный?
— Нет, — резко сказал Николай. — В турбинный. В лопаточный мы не пойдем.
В турбинном оба подростка попали под начало ста-рика Клементьева, и в первый же день Ефим Кузьмич вступил в разговор:
— Петр Петрович из лопаточного — отец вам?
Витька промолчал. Николай, вспыхнув, спросил:
— А что?
Клементьев не любил дерзких ответов, но тут серд-цем почуял, что неспроста дерзит старательный юноша, и больше не спрашивал.
Однажды старший мастер лопаточного цеха Пакулин зашел в турбинный и долго ходил с Клементьевым по участку, а Николай и Виктор будто приросли к станкам, тщательно отворачивали лица, и сердце у Николая сту-чало громко, до звона в ушах.
— Замкнутый ты парень, — позднее сказал Николаю Ефим Кузьмич.
Николай покосился на учителя и усмехнулся:
— Да нет, Ефим Кузьмич, вам показалось.
Обида так ясно отразилась на лице старика, что Ни-колаю стало стыдно, и он добавил:

— А насчет отца — не живем мы с ним и знакомства не держим.
С тех пор Клементьев относился к Николаю с уваже-нием и был с учениками ласков, как бывал только со своей овдовевшей невесткой Груней да с внучкой Галоч-кой.
Но разве об этом расскажешь?
Сколько помнил себя Николай, он всегда страстно любил отца. Маленьким, когда отец приходил с работы, Николай терся возле его колен, вдыхая таинственный запах завода, пропитавший рабочий комбинезон отца и его большие, ловкие руки. Отец постоянно что-то обду-мывал и обсуждал с приятелями, их разговоры были полны непонятных, заманчивых слов. Когда Николай перешел во второй класс, отец поступил учиться в ту же школу, только ходил туда вечером, и называлось это «вечерний техникум». Было приятно и странно, что отец усаживался за стол напротив сына с тетрадками и учеб-никами, и оба одинаково решали задачки и готовили «письмо», высовывая кончик языка. Кроме того, отец готовил еще черчение, рисуя загадочные фигуры на плотных листах шершавой бумаги. Для черчения у отца были особые, остро отточенные карандаши, циркуль и линейка с делениями. Трогать чертежные принадлежно-сти мальчикам строго запрещалось, но можно было си-деть и наблюдать, как орудуют ими гибкие пальцы отца. А отец хмурится, что-то про себя высчитывает, прикиды-вает, то ругнется, то свистнет, то вздохнет и вдруг по-смотрит Николаю в глаза и так хорошо улыбнется, что сразу становится весело.
— Вот это, — говорил отец, — продольное сечение. Понимаешь? Ничего ты не понимаешь. Расти скорей, возьму тебя на завод, всем тонкостям научу.
— А куда возьмешь-то? — неизменно спрашивал Ни-колай, и отец охотно отвечал, перебирая разные профес-сии, которые в целом составляли дело, почтительно лю-бимое отцом и называвшееся «холодная обработка ме-талла». Рассказы эти повторялись часто, и в мечтах Николая почти зримо возникал завод и сложный станок, управляемый уже взрослым, всеми уважаемым Никола-ем Пакулиным.
Вот и осуществилась мечта, но как горько и неожи-данно повернулось! Разве об этом скажешь?
Николай встряхнулся и энергично приписал: «Пер-вые дни учебы, интерес к машинам, чувство ответствен-ности».
Разве они понимают, какую важную профессию да-ют им в руки? Поймут — тогда и стараться будут. Так начинал Николай — ловил каждое указание, пригляды-вался к движениям опытных рабочих, пробовал читать чертежи, не стеснялся расспрашивать и выпытывать... И Витька тоже. Если рядом сварщик сваривал шов или стропальщики упаковывали готовую турбину, Витька глядел, раскрыв рот, и забывал обо всем на свете, по-сле работы, бывало, часами стоял у других станков — карусельных, строгальных, фрезерных, зуборезных, — старался постичь каждую работу.
Откуда бралось старание? Оттого, что приучены бы-ли уважать заводской труд? Вся жизнь вокруг завода вертелась. Первые познания по географии давали адре-са, размашисто написанные кистью на гигантских ящи-ках, в которых отправлялись готовые машины — Рос-тов-Дон, Магнитогорск, Хибины, Мариуполь, Комсо-мольск-на-Амуре... А потом война.
«Война сделала взрослыми», — записал Николай и задумался.
Отец дневал и ночевал на заводе. Немцы подходили все ближе. По ночам мать будила сыновей и уводила в бомбоубежище. Николай учился подражать свисту сна-рядов и пугал женщин, пока однажды на его глазах не убило снарядом соседку. Женщины волновались о муж-ях и говорили многозначительно: «В завод целит». Пос-ле бомбежек и обстрелов все бегали к проходной узна-вать о своих. Отец иногда выходил на минутку, усталый, перепачканный, угрюмый, торопливо целовал сыновей и просил:
— Не таскай ты их сюда, Тоня!.. Неровен час...
Николай не понимал, что такое «неровен час», но тем интереснее было бегать к заводу.
Зимою бегать не стало сил. Мальчики прижимались боками к теплой плите; на плите и спали под ворохом одеял. Комнаты стояли закрытыми, оттуда дуло, как из погреба. Изредка приходил ночевать отец — неузнавае-мый, черный, с запавшим, старческим ртом. Мать хло-потала, чтобы обогреть и накормить его. В эти вечера все расходовалось без счету — и мебель на дрова, и хлеб по всем карточкам. Отец пытался спорить, мать возра-жала, подсовывая ему хлеб:
— Без тебя, Петя, нам все равно не жизнь...

В феврале отец отправил их в Ярославскую область. Прощание с отцом потрясло Николая. Сгорбленный, за-кутанный до глаз, отец стоял на обледенелом перроне Финляндского вокзала и невнятно повторял:
— Детей сбереги, Тоня... Детей...
Когда поезд тронулся, увозя их к берегу Ладожского озера, мать прижала к себе сыновей и беззвучно запла-кала. Кто-то зажег свечу; колеблющийся свет выхваты-вал из темноты неуклюжие, завернутые в платки и одеяла фигуры. Припав всем телом к матери, Николай робко поглядывал на нее. Снизу ему видна была только ее щека, будто срезанная теплой шалью. По щеке кати-лись слезинки, поблескивая в скудном свете. Николай вспомнил отцовское завещание: «Детей сбереги, То-ня...» — и понял, что отец не надеется выжить и что сегодня они видели отца, быть может, в последний раз.
В Ярославской области жизнь у мальчиков пошла своим чередом: сперва отъедались, поправлялись, потом учились. Только позднее понял Николай, как трудно приходилось матери: еще темно, а она вскочит, бежит на рынок, потом что-то наспех сварит, торопливо на-кормит сыновей — и в мастерскую до вечера. По вече-рам мать ходила к поездам, привозившим эвакуирован-ных от Ладожского озера, искала знакомых, всех рас-спрашивала: как там? Что? Цел ли завод?.. Писем от отца все не было и не было.
К концу лета пришло письмо — бодрое, ласковое, полное уверенности в победе. В нем была строчка, обра-щенная к сыновьям: «Дорогие мальчики, берегите ма-му, вы уже большие, помогайте маме, как помог бы я». Тогда-то и задумался Николай, как взрослый человек, и твердо принял на себя все домашние работы. Покрики-вал на Витьку: «Вымой посуду, чего сидишь? Скинь са-поги, чего зря топчешь, босиком бегай». Следил, чтобы мать не обделяла себя едой. И все приглядывался к ней с тревогой: дышит она так, будто воздуха не хватает. А присядет без дела — и взгляд упирается куда-то в пустоту, без мысли, без выражения...
Однажды, заметив этот взгляд, он ткнулся лицом в ее светлые, пронизанные обильной сединой волосы, со слезами, позвал:
— Мама!
Она погладила его по щеке:
— Ничего, Коленька. Уцелел бы папа, а там все на-ладится. Теперь уже недолго.
Как они рвались домой, в Ленинград, к отцу!
Мать часто посылала отцу длинные письма, он отве-чал редко и коротко, но мать не обижалась: до писем ли ему? Жив — и ладно. Уже освободили от блокады Ленинград, уже потянулись домой семьи ленинград-цев, а отец все не присылал вызова, писал: «Подожди-те, живу в общежитии, квартира разрушена». Мать отвечала: «Сами отремонтируем все, не пропадем, вызы-вай!» А тут подвернулся вербовщик с завода, мать завер-бовалась на работу, и вот они тронулись в путь, преду-предив отца телеграммой.
Николай ожидал увидеть отца сгорбленным, почер-невшим, старым, каким видел его в последний раз, а отец встретил их почти таким же, как до войны, только более усталым, рассеянным и словно чужим.
Квартира была сильно потрепана, но жить в ней можно было. Все стекла вылетели, обои висели клочья-ми, обнажая отсыревшие стены, в кухне треснула стена, входной двери не было, из мебели остались только же-лезные кровати. Отец принес откуда-то тюфяки и хро-моногий стол, забил окна фанерой и сказал, что дверь заказана и скоро будет готова. Мать, не передохнув с дороги, начала прибирать и устраиваться, а отец зато-ропился на завод. Ночевать он не пришел, и на следую-щий день заглянул ненадолго, все ссылаясь на срочный заказ, и как-то слишком много говорил об этом.
— Да что ты, Петя, как виноватый? — сказала мать. — Ежели нужно, чего ж виниться? Разве я не по-нимаю?
А час спустя прибежала женщина. Двери не было, женщина прямо с лестницы вбежала в кухню, осмотре-лась и, задыхаясь, спросила:
— Вы Пакулина семья?
То, что произошло потом, Николай понял не сразу. Он заметил только, что женщина очень возбуждена и, кажется, сердита на них. Мать выпрямилась и резким голосом, каким никогда не говорила, приказала сыновь-ям уйти. Они неохотно ушли в комнату, но останови-лись за дверью. После нескольких тихих слов матери женщина начала громко говорить, захлебываясь, торо-пясь все высказать, а мать молчала и только изредка тихо спрашивала:

— Ну и что? Ну и что?
Николай не столько понял, сколько почувствовал, что на кухне происходит что-то страшное и обидное для матери. Он стиснул кулаки, готовый вступиться за нее. В это время женщина закричала:
— Молчите? Гордитесь? А мне куда ребенка девать? Душу свою куда девать?!
Николай рывком открыл дверь. Мать была очень бледна, но как будто спокойна. Она подняла руку, от-страняя сына, и произнесла отчетливо:
— Скажите ему, чтоб оставался с вами. И не при-ходил. Совсем не приходил. Поняли?
Женщина всхлипнула и хотела что-то сказать, но мать властно перебила:
— А теперь идите. Идите. И скажите так, как я ве-лела. Придет — не впущу.
Шаги женщины еще звучали на лестнице, когда мать упала. Николай подхватил ее, закричал:
— Витька!
Они вдвоем снесли ее на кровать — удивительно лег-кую, с безжизненно свисающими руками. Виктор принес воды. Мать выпила, и ее стало трясти, как в ознобе. Николай укутал мать, сел рядом, гладил ее руки. В эти минуты у постели матери он понял все, что случилось, и сказал шепотом, чтоб не слыхал брат:
— Ничего, мама. Не надо думать об этом. Я поступ-лю на завод. Мы с тобой, мама, слышишь?
— Вот ты и вырос, Николенька, — сказала мать и за-крыла глаза, а из-под ресниц быстро-быстро побежали струйками слезы.
В те дни Николаю казалось, что он остался один — глава семьи, ответчик за все. Он отверг даже мысль о том, чтобы поддерживать отношения с отцом, — нет, и говорить с ним не будет, встретит — отвернется.
Было так, что мать подклеивала в комнате лохмотья обоев, Николай побежал в булочную, а Виктор на кухне варил клейстер. И вдруг с лестничной площадки шагнул в кухню отец, неся на спине новую дверь. Виктор стре-мительно закрыл дверь в комнату и остановился возле нее, как часовой.
— Все дома, сынок? — спросил отец, пытаясь улыб-нуться, и снял со спины свою тяжелую ношу. Дышал он с хрипом, по лицу стекали капли пота.
— Никого нет, — выпалил Виктор, не глядя на от-ца. — Ты иди, мы сами навесим.
— Вот как, — сказал отец. — Позови маму, мне пого-ворить нужно.
— Нету ее, — упрямо повторил Виктор.
— Ах ты... — грозно начал отец, но так и не докон-чил. Помотал головой, словно от боли, на цыпочках подошел к окну, положил на подоконник пачку денег: — Вот, передай матери. До получки. — И ущел, втянув го-лову в плечи.
Николай столкнулся с отцом во дворе.
— Коля! — позвал отец, протягивая руку, чтобы за-держать сына.
Николай отступил, вздернул голову, прямо в глаза жестко посмотрел на отца и молча прошел мимо.
Он услышал за спиною странный звук — не то всхлип, не то стон, но не остановился. Бегом поднялся домой.
— Мама... что?
Виктор шепотом рассказал, как все было, отдал брату деньги, виновато спросил:
— Может, не надо было брать?
— А жить на что? Мы не одни, у нас мама, — рас-судительно ответил Николай. — Разыщи-ка молоток. На-весим дверь.
Мать вышла на стук молотка, все поняла, но ни о чем не спросила. Когда Николай хотел передать ей деньги, она не прикоснулась к ним:
— Оставь у себя. Ты же в магазин ходишь. И боль-ше денег не принимай. Сами заработаем.
Как трудно пришлось им на первых порах! И дома-то ничего нет, ни кастрюльки, ни табуретки, и на заводе все трое — ученики. Мать не хотела, чтоб сыновья по-ступали на завод не кончив школы, но Николай настоял на своем, и Витька тоже проявил характер. Николай по-пробовал накричать на него, Витька сам крикнул в от-вет:
— Иждивенца из меня делаешь? Не выйдет! Вместе не хочешь идти, сам дорогу найду.
В цехе Николай впервые увидел мать на производ-стве. Повязав голову старившим ее темным платочком, сосредоточенная и быстрая, мать ходила от одного зубо-резного станка к другому, ни на минуту не отвлекаясь. Ее легкие руки молниеносно переводили рычаги, уста-навливали

металлические заготовки, регулировали ско-рость и поступление масла. Если масло брызгало ей на руки, она аккуратно обтирала руки тряпкой, принесен-ной из дому. Чаще, чем другие рабочие, сметала струж-ку и протирала все части станков, чаще подметала пол, с каким-то женским изяществом складывала горками готовые шестерни.
Иван Иванович Гусаков не мог нахвалиться ею, а Николай страдал, потому что видел, какой усталой при-ходит мать с работы, как бессильно опускает руки по-среди домашних дел. Сердечные припадки у нее уча-стились; Николай очень боялся их, каждый раз ему казалось, что мать умирает, но он не смел подойти к ней: мать сердилась, если сыновья замечали ее слабость.
Тогда-то и решил Николай: во-первых, своими сила-ми срочно отремонтировать квартиру и ценою отказа от всех личных расходов приобрести необходимые в хозяй-стве вещи; во-вторых, поскорее получить хорошую квалификацию, а значит, и заработок; в-третьих, учиться вечерами и получить специальное техническое образова-ние; в-четвертых, при первой возможности снять с ра-боты мать и заставить ее лечиться.
Николай и сейчас записал в конспект эти четыре решения. Пусть трудно, пусть неловко говорить об этом, но он расскажет завтра все, что нужно понять мальчиш-кам...
Рука его на последнем слове подпрыгнула, как будто ее ударило током, — в кухне прозвенел звонок. Уронив перо, Николай с шалой улыбкой на лице пронесся мимо гостей и матери в кухню.
Антонина Сергеевна встала и с тревожным любопыт-ством пошла встретить новых гостей. Кто бы это мог быть, кого он так ждал?
Их было трое. Крановщица Валя Зимина давно дру-жила с Николаем и работала с ним в комсомоле; не только Николай, но и Антонина Сергеевна знала ее сердечные дела — Валя была тайно и безнадежно влюб-лена в технолога Гаршина, а за нею с недавних пор тенью ходил Аркадий Ступин, непутевый член пакулинской бригады. Мать знала, что Николай рассчитывает использовать «силу любви» для перевоспитания Арка-дия, о чем уже сговорился полушутя-полусерьезно с Валей. Вторым был слесарь Женя Никитин, он учился вместе с Николаем в вечернем техникуме и часто прихо-дил к нему заниматься.
Третью гостью мать не знала, но она-то и была се-годня самой главной.
Ничего как будто особенного не было в ней — ни красавицей не назовешь, ни дурнушкой, — лицо простое, ясное, милое своей юной свежестью, фигурка стройная, высокая, одета скромно и даже строго: темное платье без отделки, без украшений, на голове, обвитой темными косами, белый вязаный платок. Но чувствовалось в ней то, что Антонина Сергеевна с первого взгляда определи-ла словом «стать» — и как держалась, и как поклони-лась, не спеша, с достоинством, и как отстранила Нико-лая, бросившегося снимать с ее ног резиновые ботики.
— Ксана Белковская, — представилась она с просто-той и независимостью человека, привыкшего много и свободно общаться с разными людьми.
С Иваном Ивановичем она поздоровалась как с дав-ним знакомым, приятельницам Антонины Сергеевны поклонилась издали, от угощения отказалась:
— Спасибо, мы ненадолго и по делу. Но, кажется, не вовремя?
— Приятный гость всегда вовремя, — сказала Анто-нина Сергеевна. Девушка понравилась ей и испугала ее.
— Комсомольский секретарь инструментального це-ха, — сообщил Иван Иванович, когда молодежь удали-лась в комнату Николая. — Авторитетная девушка. Де-путат горсовета. В газетах портреты были.
Антонина Сергеевна задумчиво смотрела перед со-бою, прислушиваясь к серьезным голосам, доносившим-ся из-за двери. Страх за сына сжимал ее сердце. Как он кинулся встречать! Как он пальто ее схватил, как боты — боты! — снимать хотел... А лицо у него какое было, разрумянившееся, замирающее, только к ней од-ной обращенное, будто она одна пришла, одна сущест-вовала на всем свете! Да, с такою не пошутишь для забавы, не пойдешь, чтоб время провести, а присохнешь и будешь ловить, что скажет, как бровью поведет.
— Что случилось, Коля? — спросила Ксана, когда все кое-как расселись в маленькой комнатке.
— Валя и Женя так настойчиво тянули меня сюда, что должна же быть какая-то причина.
Она не кокетничала, ей, видимо, просто в голову не приходило, что Николаю до смерти хотелось встретиться с нею.
Николай слегка покраснел, но ответил в тон де-вушке:
— Конечно, есть, и очень важная.

Виктор, поместившийся на подоконнике, заметил унылую фигуру, маячившую возле дома, и злорадно сказал:
— Глядите, ребята, Аркашка водосточную трубу подпирает.
Все выглянули на улицу. Сдвинув шапку назад, так что вьющиеся волосы свободно трепались на ветру и собирали падающие с крыши капли, Аркадий Ступин подпирал крутым плечом водосточную трубу и носком ботинка пробивал в снегу канавку для стекающей воды.
— Освежается, — равнодушно сказала Валя и отвер-нулась.
— Позвать его, что ли? — неохотно предложил Ни-колай и упрекнул Валю: — Привела и бросила.
— Пусть стоит. Я его не звала.
— Красивый парень, — заметила Ксана и, сразу за-быв о нем, повернулась к Николаю: — Так что у вас за дело?
— Ты Сашу Воловика знаешь?
— Конечно.
— А ты видала когда-нибудь турбинные лопатки?
— Кажется, видала, — нахмурив брови, неуверенно сказала Ксана. — Такие маленькие изогнутые штучки?
— Штучки! Вот именно штучки! — буркнул Женя Никитин.
Все рассмеялись.
— Я ж инструментальщик, — оправдывалась Кса-на. — Я все собираюсь зайти к вам и толком все погля-деть.
— Приходи! — горячо подхватил Николай. — Все покажем и объясним! Правда, приходи!
Смирив излишнюю горячность, он деловито продол-жал:
— Воловик три недели работал у нас, ты знаешь, на снятии навалов с лопаток. Вот с Женей, с другими нашими слесарями — да что нашими! — из всех цехов согнали слесарей, как на аварию. Пустяковая будто ра-бота — спиливать наросты, утолщения металла; наросты эти получаются, когда лопатки припаивают. А тридцать слесарей около двух недель вручную копались. Руки в кровь изодрали.
Женя вытянул руки, покрытые застарелыми рубцами и царапинами.
— Видишь? Работать-то в узкости приходится. Как ни ловчись, а непременно оцарапаешься. Без аптечки и приступать нельзя.
— Досадная работа — так ее называют, — вставила Валя.
— Между рядами лопаток, что ли, руку просовывать надо? — спросила Ксана и пошевелила тонкой, сильной рукой, приноравливаясь к воображаемой работе. Чело-век заводской, она без труда схватывала суть процесса, даже незнакомого ей.
— Вот именно, — подхватил Николай, с удоволь-ствием следя за движениями ее руки. — Сверху лопатки, снизу лопатки, а ребрышки у них острые, так и жалят... Ну вот, Воловик задумал эту работу механизировать. С ним вместе, — он кивнул на Женю Никитина. — У Во-ловика все мысли тут, в турбинном, возле этих лопаток. Надо разрабатывать, проверять, пробовать. А ваше на-чальство не отпускает его. Целый месяц спор идет. На днях у нас на партбюро директор был, нажали на него — обещал. Так ваш начальник цеха пронюхал об этом и — бац! — выдвигает Воловика мастером. Нароч-но, только бы не отдать.
— Воловик — лучший наш стахановец, — сказала Ксана. — Полгода держит первенство по профессии.
— А что такое стахановец? — воскликнул Нико-лай. — Творческая личность! Как же можно поперек его творчества становиться ради узко цеховых интересов?
Ксана лукаво улыбнулась:
— Ты уж и теоретическую базу подвел?
— Да! Конечно! Так нас партия учит — осмысливать явление политически!
— Что ты и делаешь, не забывая интересов своего цеха, — быстро возразила Ксана.
Они с улыбкой, выжидательно смотрели друг на друга.
— Нет, не так, — после короткого раздумья сказал Николай. — Честное слово, я не ради цеховых интересов. Для завода изобретение Воловика важно? Нужно? Как же можно рогатки ему ставить? Он просит, настаивает, требует.., да и, наконец, он все равно уже работает! Вечерами, ночами... Спроси Женьку, после гудка Воловик всегда в турбинном. Работает бесплатно, сам от себя. И Женя с ним. Техникум из-за этого пропускает. Разве это нормально?

Уклоняясь от ответа — ей, видимо, тоже не хотелось отпускать лучшего стахановца из своего цеха, — Ксана заинтересовалась сутью изобретения.
— Станок это будет или что? — спросила она Же-ню. — Что вы надумали?
— Какое там «мы», — запротестовал Женя. — Воло-вик придумал, я только помогаю. У Воловика такой та-лант! Придумает, прикинет — не понравилось... а у не-го уже новая идея! Повернет совсем по-другому и опять пробует. Не получится — он только ругнется; погоди, я тебя доконаю... Правда, Ксана, он очень талантливый человек. И упорство в нем...
— А без упорства и талант не поможет, — сказала Ксана.
— Ты-то знаешь, — с уважением и восхищением шеп-нул Николай.
Ему хотелось поговорить с Ксаной как следует, мо-жет быть и сказать ей, как он рад, что она пришла, или даже признаться, что Воловик — лишь предлог для того, чтобы встретиться с нею; но Женя Никитин тотчас же прицепился к ее словам насчет таланта: так ли это? Иной упорный годами старается, пыхтит, а ничего изо-брести не может, а талантливый человек только возь-мется — и все у него сразу засверкает.
Ксана горячо возразила: ничего подобного! Доста-точно прочитать про любое открытие и изобретение — везде труд, упорство, поиски, опыты... Да и не в этом дело! Что ж, когда что-то нужно, сидеть и ждать, пока какого-то гения «озарит»?
Тут и Николай ринулся в спор:
— Если хочешь знать, Женя, твоя точка зрения ни-чего, кроме лени, породить не может!
— Вы говорите так, как будто все должны что-то творить, — заметила с улыбкой Валя Зимина, но тут уже и Никитин обрушился на нее:
— А как же? Обязательно.
Разговор незаметно принял характер горячего спора «о самом главном», когда все высказывали свои завет-ные мысли и опровергали мысли других, хотя, по суще-ству, не очень-то и расходились во взглядах.
— Без творчества жизни нет, — отрезал Николай и в подтверждение рубанул воздух ладонью.
— Для чего ж тогда учиться? Квалификацию полу-чать? — ломающимся голосом закричал Виктор, всегда страдавший оттого, что его не принимали в расчет, счи-тали «маленьким», а потому споривший особенно рьяно и даже сердито. — Для заработка, что ли? Заработок, конечно, нужен, да разве в нем дело? Научили — спаси-бо, но и дорогу дайте!
— Не все же могут творить! — не слушая других, настаивала Валя. — Придумать, изобрести новое — это все-таки талант. А если у меня нет таланта? Но есть же и коллективная работа, и если я честно...
— А мысль ты вкладываешь? Душу вкладываешь? — возразил Николай.
— А по-моему, в жизни случается по-разному, — ска-зала Ксана, ни к кому не обращаясь и говоря как бы для самой себя. — И бывает так, что сознательно отка-зываешься от себя, от выбранного своего пути — ради общего дела.
Тут зашумели все: как? почему? кто требует такого отказа от себя?
— Случается по-всякому, — ответила Ксана, вынула шпильки, скреплявшие закрученные вокруг головы косы, потуже заплела косы и заново уложила их. Лицо у нее стало грустным и решительным.
— Ты о чем, Ксана? — осторожно, чтобы не спугнуть ее откровенность, спросил Николай и, помогая ей, стал подавать шпильки.
А Ксана, втыкая шпильки в прическу, скупо отве-тила:
— Была бригадиром. Выдвинули сменным мастером. Поступила учиться в вечерний машиностроительный. Намечалось назначить меня начальником участка. Гото-вилась к этому... Это был мой путь, моя мечта. А мне сказали: ты нужна как комсомольский работник. Вот и пришлось отказаться от мечты.
И, прерывая разговор, позвала:
— Пойдем, Валя. А то и не заметишь, как день прой-дет.
— Уже? — вырвалось у Николая.
В его голосе прозвучал такой испуг, что Ксана по-смотрела на Николая, смущенно потупилась... новым, девическим, ласковым, движением подтвердила: да, ухо-жу, пора! — и пошла из комнаты, уверенная в том, что за нею последуют.
— Что же вы так скоро? — всполошилась мать. — Я чай поставила. Попили бы чайку...

— Спасибо, — сказала Ксана. — У меня всегда так много планов на воскресенье, и ничего не успеваю!
Женя Никитин оставался, уходили только девушки. Не надевая пальто, Николай вышел проводить их.
— Ой! — вскричала Валя. — Я ведь и забыла, что моя тень за углом маячит!
И, не прощаясь, почти бегом удалилась, сама себе подмигнула, а на углу украдкой оглянулась.
Ксана мед-ленно спускалась по ступеням, Николай слегка поддер-живал ее под локоть и, видимо, совсем не чувствовал холода, хотя был без шапки, в легкой рубашке, от кото-рой у него голубели глаза.
— Я так рад, что ты зашла, Ксана, — говорил он. — На заводе до тебя не доберешься, всегда у тебя народ толпится.
— Ты простудишься, Коля, — сказала Ксана, остана-вливаясь. — И ты все-таки заходи... — Она лукаво улыб-нулась: — Не только для того, чтобы лучшего стаханов-ца от нас увести!
— Когда к тебе забежишь, все твои ребята косятся: а этому что здесь нужно?
— Уж будто бы!.. Ты иди, Коля, ведь холодно.
— А если мне приятно проводить тебя?
Она пропустила эти слова мимо ушей, но пошла по-быстрее.
— Ты домой, Ксана?
— Нет, мне тут к одной избирательнице зайти надо.
— В воскресенье?
— А когда же? На неделе так трудно все поспеть!
— Я думал, ты торопишься в театр или в кино... Думал, тебя ждет кто-нибудь.
— Вот избирательница и ждет! — Она вздохнула, засмеялась и решительно повернула его лицом к дому. — Иди, иди, Коля, а то мне придется тебя в больнице на-вещать.
— Правда, навестишь? Тогда я заболею обязательно.
Она только улыбнулась, потом подтолкнула его в спину:
— Беги немедленно. А то и навещать не стану.
Он побежал к дому по-спортивному легко и разме-ренно. Сильный и теплый ветер обдувал его — весенний ветер, отгоняющий холод. Последний снег, крепко при-топтанный и уже потемневший, оседал под ногами. А там, где весь день грело солнце, стояли голубые лужи и ветер рябил их поверхность. Ксана шагает в своих маленьких ботах и думает... О чем думает? «А если мне приятно проводить тебя?» Не расслышала?.. Нет, расслышала... «Ты простудишься, Коля…» Жизнь моя, какая же ты хорошая!

11

Уже смеркалось, когда Иван Иванович Гусаков, ра-зомлевший в гостях от непривычного уюта и выпитой водки, вышел на улицу и задумался: куда пойти? Ули-ца шумела праздничным оживлением, у кинотеатра и заводского Дома культуры толпилась молодежь, ребя-тишки кричали во дворах, кидаясь талым снегом и гоняя по лужам мокрые футбольные мячи. По тихим боко-вым улицам бродили парочки, о чем-то воркуя и замол-кая на полуслове, когда мимо проходил, сердито огляды-вая их, старый человек с обвисшими усами, в пальто нараспашку, в сбитой набок шапке. Окна домов ярко светились, в раскрытые форточки неслись звуки музыки, одна мелодия перебивала другую. «Хороша страна Бол-гария, а Россия лучше всех», — пел низкий голос; «При-вет тебе, красавица весна-а-а!» — заливался тенор; его перебивал насмешливый хор: «И кто его знает, зачем он моргает...» Как будто все патефоны разом взбеси-лись!
Старый разомлевший человек брел одиноко мимо чужого веселья, не зная, что делать с собою. На миг задержался возле буфета, откуда тоже неслась музыка, но как раз в этот миг в мелодию музыки вступил стра-стный мужской голос: «Что наша жизнь? Игра!» Страстный голос рассердил Ивана Ивановича, он знал, что дальше голос будет петь: «Труд, честность — сказки для бабья», — а это всегда возмущало старого мастера. Классика, говорят! Ну и пусть классика,

а зачем такое крутить в «забегаловке», когда человеку только и нужно там — пропустить рюмочку да поболтать с кем придется за бутылкой пива? Он все-таки пошарил в карманах — не завалялась ли там нечаянная трешка. Трешки не оказалось. Ну и не надо!
Попав в толпу, выходившую из кинотеатра, Иван Иванович увидел хорошенькое личико крановщицы Ва-ли. Он любил эту девушку, она всегда почтительно вы-слушивала его и не повторяла вслед за другими глупую выдумку насчет «первенства среди плохих характеров». Иван Иванович хотел было заговорить с Валей, но увидел рядом с ней непутевого Аркашку Ступина, из-вестного сердцееда, которому кладовщицы инструмен-тальной кладовой, к великому возмушению Ивана Ива-новича, всегда без очереди неограниченно выдавали лучшие резцы. Ах, стервец, и сюда поспел!..
Если бы можно было, Иван Иванович взял бы его сейчас за шиворот и — подальше от Вали. Но они уже замешались в толпе.
Иван Иванович поискал их глазами — нету. Эх, Ва-лечка, дурешка этакая!.. Что она понимает в жизни, в людях? Ничего не понимает. Такую и обидеть недолго. А как убережешь ее? Кто она ему, эта девчушка? Ни-кто. А мила, как дочка…
Он вдруг весь обмер от мысли, что и у него могла бы быть своя, настоящая дочка, что у него где-то есть дочка — а кто скажет, кто она и где находится, и как ее жизнь сложилась? Старше она Вали? Или моложе? Нет, должно быть, постарше. Когда это было? Как в тумане все… Женское, закапанное слезами письмо, торопливо написанные корявые строчки, набегающие одна на другую: «Ванюшенька, милый ты мой, возьми меня от нелюбого, постылого, изведет он меня… ведь твоя она доченька, и славная такая, вся в тебя...» Где она теперь, та женщина? Куда девалась? Жива ли? Кто знает! Ох, давно все это было. Давно.
Толкнув нескольких прохожих и огрызнувшись на замечания, Иван Иванович решительно зашагал к самой окраине района, к маленькому деревянному дому, чудом сохранившемуся в блокаду от разборки на дрова: рядом с домиком стояла зенитная батарея, охранявшая завод, и Ефим Кузьмич делил свое жилье с зенитчиками. Все пять окон домика сейчас приветливо сияли, отбрасывая на пустырь длинные полосы света, и можно было раз-глядеть сквозь кружевную занавеску, что старый Ефим сидит у стола и возле его щеки качается белый хохо-лок, завязанный большим бантом, — ну конечно, дедуш-ка балует внучку, нет у него другого дела! Стареет Ефим...
Иван Иванович распахнул дверь домика, не замыкав-шуюся до ночи, затопал и зашаркал в прихожей:
— Принимай гостей, дед, удалец-молодец пришел! И, не ожидая приглашения, ввалился в комнату.
— Тсс! — зашипел на него Ефим Кузьмич и замахал руками.
Иван Иванович удивленно застыл на пороге, но тут его взгляд набрел на полуоткрытую дверь смежной ком-наты: там за столом, положив оголенные до локтя пол-ные руки на брошенное шитье и опустив на них краси-вую голову, безмятежно и сладко спала Груня. Тень от ресниц падала на ее разалевшуюся щеку.
Иван Иванович крякнул, сказал громким, задорным шепотом:
— Эх, был бы я женщиной, пошел бы к тебе в не-вестки. То-то житье! Или во внучки — и того лучше!
— Такую невестку, как ты, самому черту не поже-лаешь, — заметил Ефим Кузьмич и подтянул к столу плетеное садовое кресло: — Садись, вояка, сыграем.
Он начал осторожно выкладывать из коробки шах-маты. Ладья выкатилась у него из-под руки и со стуком упала на пол. Вздохнув, Ефим Куэьмич спустил с колен Галочку, чтобы она разыскала ладью, и виновато объ-яснил:
— Умаялась Груня. Вечер стирала, утром всю квар-тиру вымыла, отстряпалась, пообедали... да вот, ви-дишь, сморило ее...
— Ладно уж, не оправдывайся. Выбирай! — и Иван Иванович протянул здоровенные, жилистые кулаки с зажатыми в них пешками.
Клементьеву выпало играть черными, Гусаков удовлетворенно хмыкнул:
— Ну, теперь держись!
И, только поспев расставить фигуры, стремительно двинул вперед королевскую пешку. Ефим Кузьмич, по-раздумав, ответил тем же, Иван Иванович немедленно метнул вперед слона.

— До смерти напугал, — насмешливо сказал Ефим Кузьмич и спокойно двинул на одну клетку вторую пешку.
Галочка безнадежно вздохнула, поняв, что вечер потерян, взяла кубики, высыпала их на стол рядом с дедом и, не начиная строить, поглядела на стариков. У обоих седые усы, но у дедушки они пышные, мягкие, а у дяди Вани тощие, обвислые и какие-то слипшиеся, как будто он их купает в супе. У дедушки вся голова выбрита, а посредине кожа мягкая, блестящая, и лам-почка отражается в ней — зайчиков пускать можно, ес-ли бы он согласился повертеть головой. А у дяди Вани седые спутанные волосы, слишком отросшие за ушами и на затылке, воротничок мятый, галстук съехал на сто-рону, пиджак закапан и весь он какой-то запущенный. Мама говорит: беспризорный старикан. А дедушка весь чистенький, аккуратный. Призорный? Что такое при-зорный? И почему дедушка любит дядю Ваню? Придет, ворчит, ругает кого-нибудь или что-нибудь, да вот в шахматы играют целыми вечерами... А Галю норовит ущипнуть за щеку или подергать бантик; о чем разгова-ривать, не понимает, только спрашивает всегда одно и то же: «Как дела, коза?» Отвечать незачем, ему неинте-ресно. А дедушка все-таки очень любит дядю Ваню, это видно. И называет его за глаза «гусак». И мама поче-му-то любит «гусака». Вот скука-то... Пойти бы на улицу, да дедушка не разрешает — похолодало, мол, к ночи... Скучно же до чего со взрослыми!
Горестно вздохнув — вдруг дедущка поймет и пожа-леет? — Галочка начала строить виадук, пуская в дело и «съеденные» шахматные фигуры.
— Ходи, ходи, пока есть чем ходить, — поторапливал Иван Иванович.
— Торопишься к своей погибели, — укорял Ефим Кузьмич, обдумывая каждый ход и сквозь прищуренные ресницы любовно поглядывая на старого друга.
Уже больше сорока лет они были на «ты», когда-то вместе ловили голубей под крышей того самого цеха, где работали и теперь, только в те давние времена тур-бин еще не выпускали, а мальчишки годами прислужи-вали мастеру, пока наконец добивались настоящей рабо-ты. Бывшие Фимка и Ванька вместе учились мастерству, вместе мужали, а затем и старились.
С годами, подчиняясь общему тону, они стали звать друг друга по имени-отчеству и только в минуты заду-шевных бесед с глазу на глаз называли друг друга по-старому Ефимом и Ваней. Но задушевные беседы завя-зывались между ними редко, за сорок лет все было пе-реговорено.
Разыгрывая начало партии, оба помалкивали. Потом Гусакову надоело молчать и надоело шептаться, он то напевал, то пытался рассказать анекдот, то корчил для Галочки страшные рожи, так что девочка покаты-валась со смеху. Затем у него начали падать фигуры.
— Тише ты, бегемот, — одергивал его Ефим Кузьмич.
— Э, милый, молодой сон крепок, хоть из пушек пали! — И покосившись на приоткрытую дверь, игриво спросил: — Замуж еще не собирается?
Ефим Кузьмич гневно повел бровями, поцеловал внучку и сказал ей:
— Может, и впрямь пойдешь во двор, побегаешь перед сном?
Галочка рванулась в прихожую, боясь, что дед раз-думает.
— Галошки надень и шарфик на шею, — громким шепотом напомнил дедушка.
От этого шепота и от хлопка выходной двери Груня проснулась, зевнула, потянулась всем телом и, вдруг поняв, что заснула в неурочный час, за работой, а в доме гость, испуганно вскочила.
— Ой, что это я! И хоть бы вы окликнули, папа! Она вышла в общую комнату — большая, красивая, со здоровым румянцем на крепких щеках, с блестящими, чуть заспанными глазами. Приветливо пожала руку Ивану Ивановичу, мимоходом поправила ему галстук, снова украдкою, но сладко зевнула.
— Сейчас я вас чаем напою, игроки, — сказала она и, поглядев на часы, ахнула: — Скоро десять, а Галочка еще гуляет! Галошки она надела?
— Надела... Собирай на стол, а там и позовешь, пусть подышит перед сном, — с показной строгостью распорядился Ефим Кузьмич.
Старики продолжали играть, с удовольствием погля-дывая на быстрые и ловкие движения молодой хозяйки, которая делала все с такой безукоризненной точностью, что в ее руках и чашка не звякнет, и сахар колется, не разлетаясь по сторонам, и хлеб не крошится, а отпадает от буханки ровными тонкими ломтями.
Иван Иванович, наблюдая за нею, думал о том, что вот не встретилась ему в молодости такая женщина, ладная и приветливая. Может, и были такие, да ни одна не сумела увести его от

холостяцкой беспорядочной жизни. А ведь хорошо, когда дома вместо паутины в углах да бутылок под столом порядок и уют, как у Ан-тонины Сергеевны или вот здесь... Заболеешь — воды подать некому. Эх, не вернешь того времени, когда за-глядывались на него красавицы вроде Груни, страдали из-за него да старались женить. И почему ему выдался такой характер, что ни к кому не привязался сердцем?.. Да и привязался бы — кто стал бы столько лет маяться с его характером? А жаль... Впрочем, может, и жалеть не надо. Кто их знает, женщин! Женишься — кажется ангелом, а потом обернется старой каргой, так что и тебя пересилит: того не смей, туда не ходи, покажи рас-четную книжку, опять напился, ирод... И не посмеешь, и не пойдешь, и карманы вывернешь, и выпить — без радости выпьешь.

А Ефим Кузьмич думал о том, что хорошо у них сладилась жизнь и ничего бы ему другого не нужно, только бы все продолжалось как есть. Да не выходит в жизни так, как хочется! Когда женился перед войною Кирилл, счастье вошло в дом, осиротевший со смертью старухи. А тут война, фронт... Траурное извещение... Три месяца убивалась Груня, по ночам рыдала так, что собственное горе казалось Ефиму Кузьмичу слабым перед отчаянием этой молодой души. Все заботы о Галочке, о доме пали на плечи Ефима Кузьмича. Он не роптал, не терялся, все делал, как за-правская хозяйка и нянька, всю томительную отцовскую нежность перенес на Груню и на Галочку. Оправившись немного и замкнув горе в себе, Груня поступила на за-вод, на место Кирилла. В цехе ее любили и уважали. Мало кто помнил Кирилла Клементьева, но и новые рабочие, пришедшие в цех после войны, быстро узнавали историю Груни. И хотя Груня была красива и молода, никто не решался ухаживать за нею, и никогда не каса-лись ее имени ни легкомысленные шутки, ни сплетни. Самое присутствие Груни в цехе поддерживало память о Кирилле. И за это старый Клементьев еще нежнее полюбил невестку.

Сколько усилий приложил он, чтобы утешить и ожи-вить ее! Уговаривал, что она молода, будет еще в ее жизни и любовь и счастье.

— Молчите, папа! — вскрикивала она, бледнея. — Никогда и никого не захочу! Для нее вот жива оста-лась, — указывала она на дочь, — для нее и жить буду.

Впрочем, то время давно прошло. Ефим Кузьмич уже не заговаривал с нею о возможности нового счастья. Наоборот, со страхом присматривался к ее странному оживлению. Теперь его грызли сомнения и подозрения. Особенно после недавнего вечера, когда она, наскоро уложив Галочку, убежала из дому к подруге по бригаде заниматься... По тому, как она собиралась, хватая и роняя вещи, торопливо заглядывая в зеркало, виновато лаская дочь, по тому, как она сказала у двери, отвора-чивая лицо: «Вы ложитесь спать и не ждите меня, папа, я взяла ключ...» По тому, как она вернулась в третьем часу ночи, веселая и бледная, виновато проскользнув мимо упрямо поджидавшего ее Ефима Кузьмича... Да, если не обманывал старика житейский опыт, не к подру-ге она ходила, не от подруги пришла...

Невпопад передвигая фигуры, он в сотый раз задавал себе вопрос: не ошибся ли он в тот вечер? И что же теперь делать, и кто тот мерзавец, что воровски украл ее любовь, боясь глаза показать в дом Ефима Кузь-мича?

— Шах и мат, шах и мат, — пропел Иван Иванович, торжественно переставляя коня на незащищенное по-ле. — Зазевался, Ефим Кузьмич! Каюк твоему королю!

Ефим Кузьмич с досадой смешал фигуры:

— Проглядел.

И, сердито покосившись на невестку, многозначи-тельно добавил:

— Проглядишь — потом не воротишь.

— Это во всяком деле так, — ясно улыбнулась ему Груня. — Садитесь чай пить. Я за Галочкой сбегаю.

— Пальто, пальто накинь! — крикнул вдогонку Ефим Кузьмич.

Но Груня уже вышла из дому как была, в платье с короткими рукавами, с непокрытой головой. Вернулась она не скоро и не одна. Ефим Кузьмич услышал мужские голоса под окном и, удивленный, по-шел встретить нежданных гостей. Ещё пуще раскрас-невшаяся Груня недовольно повела рукою в сторону двух вошедших за нею мужчин:

— К вам, папа.

И, не обращая на них внимания, занялась намокши-ми варежками Галочки.

— Вы простите, Ефим Кузьмич, что забежали в воскресный день, — сказал Яков Воробьев и выдвинул вперед своего спутника. — Вы, кажется, знакомы — Александр Васильевич Воловик, мой друг.

Они уже познакомилась в цехе, но в деловой суете, на ходу, когда ни рассматривать человека, ни разби-раться в нем недосуг. Теперь Ефим Кузьмич с любопыт-ством и не стесняясь вгляделся в лицо того самого Са-ши Воловика, о котором за последние дни поднялось столько разговоров и споров. Круглое, курносое и уже покрытое легкими точками веснушек, лицо это казалось очень добродушным и даже вялым. Только глаза, окру-женные густыми ресницами, смотрели остро и присталь-но, не соответствуя ни мягкой расплывчатости черт ли-ца, ни мешковатой фигуре и медлительным движениям молодого изобретателя. «Я человек с ленцой!» — словно говорил весь облик Саши Воловика, а глаза возража-ли: «И вовсе не с ленцой, а с упорством и энергией!» — и брали верх в споре.
— Очень рад, — искренне сказал Клементьев. — Раз-девайтесь и входите, будем чаевничать.
— Мы, собственно, по делу, — проговорил Воробьев, косясь на Груню.
Груня была явно недовольна: когда она ставила приборы гостям, чашки у нее звякали.
— Ты знакома, Груня? — заметив ее неприветли-вость, обратился к ней Ефим Кузьмич.
— Мы встречались, — сухо сказала Груня, позвала необычно строгим голосом: — Галя! Мой ручки, ужи-нать! — И увела девочку в кухню.
За чаем Гусаков рассказал, как отмечалось у Пакулиных семейное торжество. Ефим Кузьмич с гордостью учителя щедро похвалил обоих братьев, а Воробьев, принимавший близкое участие в делах пакулинской бригады, похвастался, что Николай прекрасно освоил вихревую нарезку и вообще проявляет интерес ко вся-ким новым работам.
— Таким и должен быть новый рабочий, — впервые вступая в беседу, сказал Воловик.
— Всезнайкой? — ехидно отозвался Гусаков.
— Широким профессионалом, спокойно уточнил Воловик. Его речь с мягким украинским выговором бы-ла лаконична, и каждое слово казалось взвешенным.
— Совмещение профессий? — насмешливо подхватил Гусаков. — Очередная мода! Всего понемножку и ничего как следует!
— А если несколько профессий как следует? — не отступил Воловик.
— Во-во! Знаешь, милок, в старое время, бывало, у проходной с утра толпились люди. Стоят и ждут, не понадобится ли рабочий. И вот выйдет мастер и спра-шивает: «Ты кто? Токарь?» — «Токарь». — «А слесарное дело не знаешь?» — «Знаю». — «Оно хорошо, да мне сейчас столяр нужен. Ты, случаем, столярничать не уме-ешь?» — «Могу и столяром». — «Ну, так поди прочь. Раз много дел знаешь — значит, ни одного не знаешь толком!» Вот как раньше-то рассуждали!
— А вы с этими рассуждениями согласны? — в упор спросил Воробьев, и выражение лукавства, как во время давешней беседы в цехе, промелькнуло в его беглой улыбке.
— А ты мне что за прокурор! — рассердился Иван Иванович.
От горячего чая выветрившийся было хмель снова ударил ему в голову, и, как всегда в таких случаях, ему захотелось ссориться.
— Ты со мной не спорь. Ты стань со мной к любому станку, вот и поспорим делом, чья возьмет. Я, по край-ней мере, совмещение профессий не проповедовал и на плакаты не набивался, а к какому станку ни поставь — никому не уступлю.
— Вот об этом мы и говорим, — добродушно согла-сился Воловик. — Вы и в старину делу научились, кон-серваторов не слушали. А сейчас быть узким специали-стом — стыдно и неинтересно! К тому ж, наш новый рабочий учится. А когда постигнешь теорию, скажем, обработки металла, тянет освоить весь процесс, все опе-рации.
— Новый рабочий! Новый, новый — заладил; будто и впрямь с другой планеты прилетел он, ваш новый рабочий! — не унимался Гусаков. — Старые мастера, вишь, консерваторы, а они — эпоха! Всемирно-историче-ские люди!
— Знавал я в молодости одного мужчину, — сказал Клементьев, ни к кому не обращаясь, и все его стари-ковское, сухое тело затряслось от сдерживаемого сме-ха. — Так тот мужчина начинал новую эпоху, выкатив на тачке старорежимного мастера.
Иван Иванович даже руками взмахнул:
— Так ведь теперь и нас с тобой, Кузьмич, в старые записали! Пусть не старого прижима, а все-таки вроде девятнадцатого века перед новыми! Теоретики! Профес-сора! Скоро по-французски заговорят!..
— Почему бы и нет? — сказал Воробьев, улыбаясь Клементьеву. — Я как раз изучаю английский язык.
— Все в профессора выйдут — кто же у станков останется?

— Ваша беда в том, Иван Иванович, — снисходи-тельно объяснил Воробьев, — что вы не видите: измени-лось положение рабочего в производстве. Мы же не ис-полнители, а созидатели!
— А я не созидатель? — весь вскинулся Гусаков.
— Созидатель, — охотно согласился Воробьев и до-бавил, посмеиваясь: — Только механизируете свой уча-сток медленно. И рационализаторские предложения сво-их рабочих выполняете тоже медленно.
Иван Иванович вскочил, багровея:
— Ну, ну, учись скорее, на мое место станешь! А я давно самокритики не слышал, соскучился по ней! — Тя-жело шагнул в прихожую, дернул с вешалки пальто, нахлобучил, на голову шапку. — Спасибо этому дому, пойдем к другому!
— Ну, зачем же так? — неожиданно появляясь возле него, сказала Груня и сняла с него шапку, за рукав по-тянула пальто. — Экий вы скандалист, Иван Иванович! Садитесь, я вам чаю налью и курить, так и быть, раз-решу.
— Очень мне нужно твое разрешение и твой чай! — пробурчал Иван Иванович, добрея и позволяя Груне от-нять пальто. — Раз в неделю отдохнуть хочешь, и то душу разбередят.
— Нате вам чаю, и хватит ворчать, — Сказала Гру-ня и за плечи усадила старика в плетеное кресло. Сама она присела рядом с ним, улыбка так и просилась на ее румяное, оживленное лицо. Налила себе чаю, ровны-ми, белыми зубами надкусила ватрушку, да и забыла о ней и о чае забыла. Сидела, нехотя привлекая взгляды своей красой, а сама была как будто далеко отсюда или прислушивалась к чему-то, что ей одной нашепты-вала жизнь.
Тут бы молодым людям поболтать с нею, поухажи-вать, а они будто воды в рот набрали. Ефим Кузьмич, ухмыляясь в усы, заговорил сам, и, конечно, о заводских делах, а Иван Иванович презрительно махнул рукой:
— Эх, Грунечка, мне бы лет двадцать скинуть, я бы знал, о чем говорить.
Груня повела плечами, предложила:
— Давайте в шахматы сыграем, Иван Иванович.
— Да вы разве играете?
— А конечно! Здесь разговор деловой, пойдемте в ту комнату.
Воробьев даже в лице переменился, раздосадован-ный ее невниманием. А Воловик, кажется, только того и ждал — он придвинулся поближе к Клементьеву, и на лениво-добродушном лице его появилось выражение энергии и упрямства.
— Я вчера вечером был в парткоме у Диденко, — сообщил он, сразу переходя к сути дела. — И оставил письменное заявление. Пусть разберутся. Вчера мне но-вость преподнесли — выдвигают мастером. Только бы, значит, в турбинный не отпускать! А какой из меня ма-стер?
— Ишь ведь... ловко придумали!
— Не будет этого, — спокойно сказал Воловик. — Мы зашли предупредить вас — не сдавайте позиций, ес-ли Диденко спросит. В турбинный я перейду. Это нуж-но — значит, должно быть сделано.
Слово «должно» прозвучало у него со всею силой. Он был не из уступчивых, этот парень!
— А пока суд да дело, мне нужна ваша помощь, — продолжал он, считая первый вопрос ясным. — Я уже работаю, но мне нужна помощь. Нужен приказ началь-ника цеха, чтобы мне предоставили материал и станки. Чтоб мои заказы выполнялись не из милости, а то пустяковину обточить — и то пороги обиваешь! И потом Женю Никитина — в помощники. Человек он способный, мне он подспорье, а ему польза.
— Целая программа, — заключил Клементьев и вздохнул. Дела, требующие согласований и споров с разными начальниками, тяготили его. Случай с изобре-тателем Воловиком был как раз таким тягостным слу-чаем, когда нужно было вступить в конфликт с другим цехом, спорить и ругаться с отделом кадров завода, с технологами, с начальником своего цеха... Любимов еще вчера сказал Ефиму Кузьмичу: «Конечно, я не прочь заполучить такого стахановца, как Воловик, но расшумелись вокруг его «изобретения» зря. Где оно? В мечтах. И пошел он не по тому пути. Снятие навалов! Нужно искать возможностей уничтожить эти самые на-валы, избежать их с самого начала, вот куда мы устрем-ляем рационализаторскую мысль!» Ефим Кузьмич отве-тил ему вопросом: «А если избежать их не сумеем? Ведь режет нас эта «досадная» работа, все сроки ре-жет». Любимов только усмехнулся: «А где гарантия, что Воловик придумает?»

Припомнив эти слова, Ефим Кузьмич сам усомнился в удаче Воловика — и точно, никто его проекта не ви-дел, нет еще готового проекта, а сколько требований у парня! Ведущему конструктору впору...
— Слушай, Александр... Васильевич, верно? Так вот, Александр Васильевич, требовать ты требуй, раз правоту чувствуешь. Но скажи ты мне по совести: есть у тебя уверенность? Выйдет у тебя? Или это еще мечты?
— Должно выйти, — без запинки ответил Воловик, и опять слово «должно» прозвучало со всею силой. — А мечта ли? Не знаю, Ефим Кузьмич. Может, и мечта, да реальная. Мне так кажется, что готовая вещь проста, а путь к ней сложен, и начинается все с фантазии. Вот вы смотрите.
Руки его оторвались от стола и так точно передали профессиональное движение, что Ефим Кузьмич увидел и напильник в правой руке, и узкие зазоры между ря-дами острых лопаток, и напряжение левой руки, ищущей опоры для всего тела, пригнувшегося к рядам лопаток, пока правая рука на весу изгибается между рядами и осторожно, стараясь сплющиться и уберечься от острых, колючих ребрышек, спиливает еле заметные наросты металла.
Правая рука продолжала равномерно двигаться, без конца повторяя одно и то же заученное движение паль-цев, кисти и локтя, и вдруг Клементьев ясно уловил ритм и механику этого повторяющегося движения, и сквозь них проступил замысел изобретателя — нет, еще не решение, а именно первоначальный замысел, под-сказанный работой умелой человеческой руки точно так же, как когда-то полет птицы подсказал идею самолета.
Воловик заметил, что отправная точка его фантазии понята. Он поискал по карманам карандаш и блокнот, уверенно начертил несколько беглых схем.
— Вот так, — приговаривал он. — Или так... Или вот этак... Понимаете? Все дело в том, чтобы суппорт легко разворачивался под углом, легко менял направ-ление... — Он захлопнул блокнот и сунул его в кар-ман. — Сейчае пробуем. Делаем. Женя мне помогает, вот он помогает, — Воловик кивнул на Воробьева, — Алексей Алексеевич Полозов помогает. Да ведь сколько можно партизанить? Все между прочим, просьбами да уговорами, заготовки тащишь где придется… да и ве-черами приходится работать.
— Вечерами — это не беда, если сердцем прирос, — строго сказал Ефим Кузьмич.
У Воловика вдруг дрогнули губы.
— Не могу я больше... вечерами. — еле слышно сказал он.
— Вот тебе раз! — удивился Ефим Кузьмич. — Та-кой молодой — и вдруг «не могу». Устал, что ли? Для своего-то замысла люди ночей не спят.
Воловик поморщился, хотел что-то сказать, да раз-думал.
— В общем, помогайте, — закончил он разговор. — Пока нужно, могу и буду терпеть, дела не брошу. Но вы поднажмите.
— Поверил в тебя — значит, повоюем.
Воробьев первым поднялся с места и, несмотря на уговоры Ефима Кузьмича, заторопил своего друга: пора идти! Он так и не притронулся к стакану чая, налито-му хозяином. Увидав этот чай, сиротливо стынущий на столе, Ефим Кузьмич с запозданием отметил, что Яков и в разговоре не участвовал, а сидел понурясь, погружен-ный в свои думы.
— Ты что, Яша, невесел? — заботливо спросил Ефим Кузьмич.
— Нет, что вы, — встрепенувшись, ответил Воробьев и натянуто улыбнулся. — С чего мне быть невеселым?
Услыхав, что гости уходят, Груня вскочила и догна-ла их в прихожей:
— Уже уходите?
От ее недоброжелательной холодности не осталось и следа.
— Поможет вам папа, да? — ласково спросила она у Воловика. — Я не думала, что вы так скоро уйдете, — Сказала она Воробьеву. — Мы с Иваном Ивановичем развоевались и даже не заметили, как время пролетело.
— Ну, и чья берет? — заинтересовался Воробьев и шагнул обратно в комнату, как бы для того, чтобы оце-нить положение на шахматном поле. Оглянувшись на старика, продолжавшего разговор с Воловиком, он быстро спросил вполголоса: — Когда же?
Груня громко ответила:
— Я думаю, выигрыш мне обеспечен.
И шепотом:
— Завтра в девять.

— Иван Иванович — противник серьезный. — и тоже шепотом: — Опять обманешь?
Она объяснила взволнованно:
— Он дома был… не могла я... потом рас-скажу...
— Ты сегодня так приняла меня...
— Я же тебе велела — не ходи сюда!
— Груня... ты меня долго мучить будешь?..
— Я — тебя? — вскрикнула Груня и тотчас шепну-ла: — Молчи! — Громко, с неестественным оживлением заговорила о шахматах, не договорила и пошла с Во-робьевым в прихожую — навстречу настороженному взгляду Ефима Кузьмича.
Захлопнув за гостями дверь, она сказала недо-вольно:
— В воскресенье и то с делами прибегают. Неужто на заводе мало видитесь? Пришли, ссору затеяли...
А молодые люди вышли на улицу, уже опустевшую, темную и схваченную ночным морозцем.
— Пройдемся?
— Пройдемся.
Они направились не в город, а за город, пустырями, заваленными нетронутым снегом.
— Домой пора, — пробормотал Воловик, продолжая шагать в сторону от города. Расправил грудь и несколь-ко раз глубоко вздохнул, словно хотел надолго нады-шаться морозной, удивительной свежестью.
— Как думаешь, осилит старик?
— Осилит, если подталкивать, — сказал Воробьев неохотно: он был во власти только что пережитого вол-нения, и разговаривать ему не хотелось.
Но Саша Воловик продолжал:
— Староват он для такой беспокойной работы.
— Зато человек стоящий. Справедливый.
— Справедливости одной мало. Тут напористость нужна.
— А мы на что?
Задетый за живое, Воробьев оторвался от своих раз-думий, и снова охватило его новое и сильное чувство, томившее все последние дни. Тут было и недовольство ходом дел в цехе, и душевный подъем, вызванный тем, что на партбюро приняли его предложение о плане рационализаторских работ, и раздражение оттого, что многие не увидели за этим планом всего большого и важного, что видел он сам, и главное — жажда деятель-ности, жажда победы.
Он распахнул пальто, снял кепку, подставляя голову изредка пролетающим порывам теплого морского ветра и веселому пощипыванию морозца, в котором чувствова-лось последнее озорство убывающей зимы. Не отдавая себе отчета во всем, что возбуждало томившее его чув-ство, он сейчас с особой ясностью ощутил свою силу и радость оттого, что силен.
— А все-таки злит меня вся эта волынка, — про-должая думать о своем, заговорил Воловик. — Почему так? Задумал хорошее, для всех необходимое — и вдруг какие-то закорючки мешают... Пережитки? Так до ка-кого же сроку они нам будут свет застить?
— Новое надо планировать, — не отвечая прямо, но развивая собственные мысли, горячо сказал Воробьев. — Ты подумай, Саша: ведь у нас вся жизнь по плану идет, а новое в производстве рождается вроде как самотеком.
Вот ты одно придумал, Катя — другое, каждый за свое бьется. А нужно не так. Нужно наметить все, что в пер-вую очередь важно изменить, механизировать, усовер-шенствовать, всякие там «узкие места» и прочее. И браться сообща, всем коллективом. Один придумает, второй разовьет, третий дополнит, десять подхватят и дальше двинут.
— А точнее? — заинтересованно, но недоверчиво спросил Воловик.
— А точнее — так и будет. План всех мероприятий по рационализации, механизации и использованию внут-ренних резервов. На партийном бюро его назвали пла-ном организационно-технических мероприятий. А там, как его ни называй, — это революция.
— Уж и революция?..
— Это коммунизм, если хочешь знать, — подтвер-дил Воробьев. — В том смысле, что творчество станет массовым. Ох-хо-хо! — крикнул он в морозное простран-ство. — С горы бы сейчас на лыжах!
Тысячи огоньков вздымали над городом золотистое зарево, отчего небо над ним казалось темнее и ниже. На этом веселом зареве, как часовые на постах, выде-лялись десятки заводских

фабричных труб. Красные зарницы вдруг заполыхали над темною массой завод-ских строений — в литейном цехе закончилась очередная плавка.
— Широта, — тихо сказал Воловик.
Ему было хорошо стоять здесь, рядом с другом, раз-деляющим его мечты и планы, и стыдно, что он и в этот воскресный вечер позволил себе уйти из дому. Он не забыл о жене, он жалел ее так, как только можно жа-леть человека, который для тебя дороже тебя самого. И все-таки он уходил от нее все чаще и охотней, сам страдая оттого, что, вопреки горю, увлечен своими за-мыслами и полон радужных надежд; и когда он спешил домой, тревожась, не случилось ли с нею чего за время разлуки, к его любви примешивались досада на то, что она безвольно подчиняется горю, и страх, что возле нее он растеряет с таким трудом восстановленную бодрость.
— Давай-ка назад, Яша, — сказал он и решительно зашагал к городу.

12

Радио передавало бой кремлевских курантов, когда Саша Воловик остановился напротив своего дома и под-нял глаза к окнам. Все три окна его квартиры были темны, только в одном можно было разглядеть узкую полоску света, очевидно пробившуюся в дверную щель из передней. Медленно, сразу будто постарев и сильнее ссутулив-шись, Воловик перешел через улицу и начал поднимать-ся по лестнице. Всеми мыслями он был уже там, возле Аси, в одной из темных комнат своей квартирки, полу-ченной от завода два года назад, перед рождением Лю-си, и обставленной так любовно, как обставляют свое жилье только в счастье и для счастья.
Он открыл дверь своим ключом и на цыпочках про-шел в комнату. Ася сидела на детском диванчике у ок-на, уронив голову на подоконник. Воловик подумал, что она плачет, и тихо подошел к ней. Заострившиеся плечи Аси чуть вздымались, но это еле заметное колебание было равномерно и спокойно. Ася спала.
Тогда Воловик присел на подвернувшийся стул, не решаясь уйти, чтобы скрипом шагов или двери не спуг-нуть ее нечаянный сон. Расставшись с Воробьевым и шагая один по затихающему к ночи городу, все еще полный энергии и надежд, он мечтал дома часок-дру-гой поработать над своим проектом. Убежденный в том, что общий замысел верен, он еще не нашел, главного решения, но каждый раз, когда он погружался в рабо-ту, в нем оживало неясное ощущение простоты и близо-сти решения. Решение, что называется, вертелось в го-лове, надо только хорошо, не торопясь, подумать, цели-ком и без помех отдавшись размышлениям, свободно, не на глазах у посторонних наблюдателей, помогая раз-мышлению движениями рук… Днем в инструменталь-ном цехе, выполняя точнейшие слесарные работы, он не мог думать о другом; после гудка, переходя в турбин-ный, он мучался воспоминанием об Асе, ожидавшей дома; она с такой тоской спрашивала утром: «Ты при-дешь поздно?» Он и учебу в техникуме забросил в эту злополучную зиму, и вот со станком никак не доду-мать...
Сейчас он мог бы уйти в другую комнату, к рабочему столу, заваленному листками бумаги с поспешны-ми, ему одному понятными набросками. Но вместо этого он сидел, даже не сняв пальто, с шапкой в руке, и думал о том, что же делать, что же все-таки делать с Асей?
Было что-то неправильное, возмутительное в том, что случилось в эту зиму. Он не только страдал из-за страшной и нелепой, бессмысленной утраты своего же-ланного, чудесного ребенка… он всей душой восставал против того, что смерть оказалась сильнее врачебного искусства, сильнее всех самоотверженных усилий Аси и его самого. Ведь все, все было сделано, ничего не пожа-лели. Туберкулезный менингит... Откуда это? Почему? Была крошечная, здоровенькая, жизнерадостная девочка, уже сделавшая свои первые шаги от колен матери к протянутым рукам отца… и вдруг жар, бред, мутные, никого не узнающие, недетские глаза. Почему?
Может ли быть, что отравленная алкоголем кровь деда какими-то таинственными путями проникла в тель-це, в мозг ничего не подозревающего, ни в чем не по-винного ребенка, рожденного в любви, лелеемого с пер-вого дня рождения? А если не это... так почему же? Как

она подкрадывается, эта болезнь? И как получает-ся, что люди, создавшие столько чудес, вдруг оказались бессильны перед нею?
Здоровый и очень сильный, Саша Воловик не мирил-ся с понятием смерти. Не мирился он и с тем, что можно потерять волю к жизни. Душевное состояние Аси стави-ло его в тупик. Он до слез жалел ее и совершенно не понимал, хотя трогательная беспомощность Аси когда-то и привлекла его к ней.
Семья у Воловика была ясная, дружная, деятельная. И отец и мать работали на Днепрострое, причем мать завоевала там большую славу, а ее подружки-бетон-щицы — все боевые, напористые — постоянно толклись в доме и вносили в него все тревоги, радости и заботы большой стройки. На глазах у Саши постепенно выра-стала плотина, сперва грубая и бесформенная, а потом как-то вдруг ставшая красивой до того, что хоть часами гляди — не надоест. На глазах у Саши прошел шлюза-ми первый пароход, станция дала первый ток; на том месте, где Саша бегал с мальчишками и ездил в кузове отцовского грузовика, разлилось широченное озеро — озеро имени Ленина, а возле головного шлюза по вече-рам светил настоящий маяк. Однажды Саша попал в Крым, в пионерский лагерь «Артек», и там повстречал множество ребят. Откуда только не приезжали они, — порой и на карте не найдешь таких названий! И о чем только не рассказывали! Раньше Саша считал, что Днепрострой — главнее главных, и пятилетка, которую выполняли все окружающие его люди, — это завершение Днепростроя. В «Артеке» он впервые ощутил свою ог-ромную страну и понял, что пятилетка везде и всюду вносит новое, небывалое. И как же ему захотелось ско-рее вырасти. Иногда ему становилось страшно, что все построят без него, откроют без него, без него изобре-тут...
Когда он попал подростком в Ленинград, на завод, он стал слесарем высокой квалификации в самый корот-кий срок, какой понадобился для получения необходи-мых знаний и навыков. Достигнув мастерства, он начал вкладывать в него собственную мысль. Все делали и делают так — это хорошо; а если сделать лучше и быст-рее, скажем, вот этак или еще по-другому? Он внес десятки усовершенствований в работу инструменталь-щиков и все присматривался ко всякой новой работе: нельзя ли иначе, проще, быстрей? В вечернем техникуме он учился в общем отлично, но на контрольных работах по математике часто хватал тройки, потому что ему бы-ло неинтересно решать задачу общепринятым способом, он пытался решить ее как-нибудь иначе и в итоге за-паздывал.
Девушки уважали его, советовались с ним и побаи-вались его. Он был очень серьезным юношей, Саша Во-ловик! Много читал, по утрам делал гимнастику и обли-вался холодной водой, жил по расписанию, составлен-ному так, чтоб ни одна минута не пропадала зря. Отдых он позволял себе только летом, ради плаванья и гребли. Случалось, какая-нибудь девушка на короткий срок привлекала его внимание, но он быстро разочаровывал-ся: ломается, нет серьезных интересов, не о чем говорить с ней. Позднее он думал: «Это потому, что где-то близ-ко жила Ася, я знал, что встречу Асю».

> Он заметил Асю задолго до того, как познакомился с нею
> .
> Выходя из дому по утрам, он почти каждый день встречал ее. Она быстро-быстро шла ему навстречу, — наверно, всегда выскакивала из дому в последнюю ми-нуту. Иногда она улыбалась чему-то и слегка подпры-гивала на ходу, как школьница, но чаще всего он видел ее озабоченной, с плотно сомкнутыми губами. Зимой она ходила в капоре, как девочка, летом не носила никаких шляп, и ее легкие, светлые волосы взбивал и спутывал ветер, золотило солнце, обрызгивал случайный дождь. В дождливую погоду она надевала черный плащ с капю-шоном, из которого выглядывала, как птенец из гнезда. Саша знал ее походку, ее настроения, знал все ее одеж-ки — их было не много. Не знал он только, кто она и где живет.

Была поздняя весна с грозами и предгрозовой духо-той по вечерам. У Саши шли экзамены. Однажды около полуночи, когда строчки стали сливаться перед его гла-зами, Саша отложил учебник и лег грудью на подокон-ник, стараясь поймать хоть слабое дуновение в непо-движном воздухе. Небо было затянуто серым туманом, в темноте переулка неясно белел киоск на углу и ролики подвешенных антенн.
И вдруг в тишине ночи прозвучал негромкий, но звонкий и жалобный голос:

— А я тебе говорю: пойдем домой! Пойдем домой!
Глухой бас прорычал в ответ:
— Оставь меня. Ну?!
— Нет, не оставлю! — мелодично и твердо сказал женский голос.
Свесив голову, Саша разглядел грузную, покачиваю-щуюся фигуру мужчины и тоненький женский силуэт с рассыпающейся копной светлых волос... Она?!.
Мужской заплетающийся голос упрямо повторял:
— Не пойду. Сказал — не пойду. И не приставай!
Мужчина оттолкнул спутницу и зашагал прочь, сту-пая очень прямо и четко, как ступают только пьяные в припадке решимости. Женские каблучки отчетливо простучали по панели. Она догнала его и взмолилась со слезами в голосе:
— Папа! Ну, папа! Я же не могу тебя оставить!
Должно быть, он сильно толкнул ее, потому что она вскрикнула.
Саша сорвался с места и в беспамятстве гнева сбе-жал по лестнице. Пьяный уже не пытался уйти, его ша-тало и тянуло вниз, дочь изо всех сил удерживала его.
— Оставьте, — сказала Саша и рванул пьяного к себе. — Куда вести его?
Пьяный пробовал упираться, но Саша с таким бе-шенством тряхнул его, что тот подчинился и по-шел, что-то бормоча и тяжело наваливаясь на Сашу плечом. Девушка шла немного впереди, показывая дорогу.
— Сюда, — сказала она, входя во двор. Это было первое слово, которое она произнесла.
Они вместе втащили пьяного по лестнице на третий этаж. Девушка открыла дверь своим ключом. Ее отец повалился на диван и заснул, прежде чем она успела снять с него сапоги и подложить ему под голову подуш-ку. Саша помогал ей, не решаясь взглянуть на нее.
— Часто он у вас так?
— Часто.
Он топтался на месте, не зная, чем еще помочь и что сказать. И девушка молчала, быстро и громко ды-ша, склонив голову так, что Саша видел только ее спа-дающие на лоб волосы.
— Так я пойду, — сказал он.
— Спасибо вам, такое спасибо, — чуть слышно ска-зала девушка и, пугливо проскользнув мимо него, по-шла открыть ему дверь. Взявшись за дверной замок, она вдруг привалилась всем телом к двери и отчаянно заплакала.
Совершенно растерявшись, Саша пробовал утешить ее, но она мотала головой и сквозь слезы бормотала:
— Так стыдно, боже мой, так стыдно...
Он обнял ее за плечи и оторвал от двери, а она нео-жиданно склонила светлую, растрепанную голову к не-му на грудь и разрыдалась еще пуще.
Саша не знал, сколько времени они простояли так, пока она опомнилась и поняла, что рядом с нею чужой, незнакомый человек. Она отшатнулась и с испугом взглянула на него, и он впервые увидел совсем близко ее милое, распухшее от слез лицо.
— Уходите, пожалуйста, уходите, — сказала она и открыла дверь.
Он послушно вышел, споткнувшись на пороге. Как во сне вышел на улицу. Ночь, улица, небо в зарницах дальней грозы — все было не такое, как всегда. Издалека, как будто из другого мира, пришло и исчезло воспо-минание о том, что завтра — экзамен.
Может быть, ему и удалось бы овладеть собой и за-садить себя за учебник, если бы он не сообразил, что выскочил из дому, как был, в одной майке, а ключ от квартиры — в кармане пиджака. Саша махнул рукой и решительно прошел мимо своего дома.
Что это была за ночь!
Порыв ветра швырнул пылью ему в лицо. Ветер буд-то подметал улицу, гоня по асфальту сухой мусор. Си-няя молния прорезала мглу, на миг осветив тяжелые края наплывающей тучи, и вслед за тем раскатистый удар грома всколыхнул застоявшуюся духоту. Пахнуло влагой.
Саша бродил по улицам и переулкам и любовался молниями, которые будто вспарывали надвинувшуюся на город тучу. Он думал о природе этого физического явления, о гигантском скоплении электричества в атмо-сфере и о том, что разряды этой энергии создают изу-мительное по мощи и красоте зрелище. Он не хотел ми-риться с тем, что столько энергии пропадает впустую, и пытался придумать, как бы ее использовать... И все же он очутился возле

чужого дома, откуда недавно вышел, и отметил его номер, как нечто самое важное, что надо запомнить.
Ливень хлынул разом, теплый и сильный. Жмурясь, как под душем, Саша поймал ртом свежую влагу, вошел во двор, взбежал по лестнице на третий этаж; напрягая зрение, разобрал номер квартиры. Спускаясь, он повто-рял: «Дом семь, квартира восемь. Дом семь, квартира восемь».
— Я люблю ее, — сказал он себе и понял, что все время помнил об этой девушке и что уйти от всего это-го уже нельзя.
Мокрый, возбужденный, он до утра бродил под дож-дем, а потом — в сырости и холоде занимавшегося утра. Вспоминал светящуюся во мгле копну спутанных волос и бледное, распухшее от слез девичье лицо. Вспоминал, как она плакала, доверчиво припав к его груди, и какие у нее были узенькие, теплые — беззащитные плечи.
На следующий день он все-таки вытянул экзамен на четверку и оттуда, сжигаемый жаром — ему каза-лось, жаром волнения, хотя это был жар начинающейся ангины, — он пришел в дом № 7, позвонил у знакомой двери и увидел Асю. Если бы ему открыл кто-либо дру-гой, он даже не знал бы, как спросить ее. Но это была она, и она не сразу узнала его. В домашнем платье и сандалиях она выглядела совсем девочкой. Светлые во-лосы были заплетены в тугую короткую косу.
Узнав вошедшего, она густо покраснела и вытянула перед собою руку с поднятой ладонью, как бы отбрасы-вая его обратно, в дурную ночь, которую хотелось за-быть.
— Не бойтесь меня, — сказал Саша, входя и мягко опуская ее руку. — Я должен вам помочь. Вы сами не сумеете...
— Тут, наверно, никто не поможет, — ответила она, как взрослый, отчаявшийся человек, но все же ввела его в комнату, где ночью они укладывали ее отца. Сейчас отца не было. Комната носила следы недавнего семей-ного уюта и быстрого, бестолкового разорения.
Они сели в разных концах дивана.
— Как вас зовут? — после молчания спросил он.
— Ася, — строго сдвинув брови, ответила она и вдруг уткнула голову в колени и разревелась.
— Неужели вы не понимаете, как это унизительно и стыдно! — крикнула она в ответ на его попытки уте-шить ее.
С трудом вытягивая признания, он постепенно узнал ее несложную и печальную историю. Асе шел девятна-дцатый год. Три года назад она оставила школу, потому что тяжело заболела ее мать, а кроме того, как беспечно добавила Ася, «ничего не выходило с алгеброй». Отец Аси был полотером и хорошо зарабатывал, но любил выпить. Мать умела держать его в руках, а после ее смерти он запил. Трезвым отец был ласков и каялся, плакал, вымаливал у дочери прощение. Пьяным он не-редко бил ее и выкрадывал из дому и деньги и вещи. Ася вела учет в той же артели полотеров, где работал ее отец, и это давало ей возможность хоть немного следить за ним, но в последнее время он перестал считаться с нею и, как говорила Ася, «пошел под откос»...
Саша слушал этот рассказ с острой жалостью и на-растающим гневом, от которого у него пересыхали губы. Он был потрясен не только судьбой этой беззащитной, растерявшейся девочки, он был потрясен тем, что такая темная, безрадостная, дикая жизнь существует и еще может топтать жизнь молодую, начинающуюся. Пытал-ся ли кто-нибудь воздействовать на отца, помочь Асе? Ася старалась выгородить и сотрудников артели («они ко мне очень хорошо относятся»), и соседей («они меня очень жалеют»), но Саuіе было ясно, что никто всерьез, до конца не вмешался и не помог. Что это — равноду-шие? Нежелание ввязываться в неприятную и канитель-ную историю?
Еще не решив, что и как сделает он, Саша ушел от Аси возбужденным и пылающим, как в жару. Только у себя дома, ночью, он понял, что и в самом деле болен. Он проболел целую неделю. Как только температура спала, он встал и, преодолевая слабость, пошел к Асе. Увидев его, она вскрикнула с такой нескрываемой ра-достью, что он невольно протянул руки, и Ася припала к нему, вздыхая:
— А я уж думала, вы больше не придете.
Через несколько дней он познакомился с Асиным от-цом. Отец был трезв и показался Саше добродушным и сердечным человеком. Кроме того, Сашу подкупало не-сомненное сходство отца и дочери: та же робкая, довер-чивая улыбка, те же глаза... Но Саша не дал себе рас-трогаться и жестко заявил, что ему нужно серьезно по-говорить. Ася, помертвев, выскочила

из комнаты. Это был тяжелый и беспощадный разговор. Впрочем, отец Аси не произнес ни слова, он только побагровел и сжал кулаки, а потом весь поник, и злые, обличающие слова Саши падали на его голову как удары, пригибая ее все ниже и ниже.
— Таких людей надо принудительно лечить или са-жать в тюрьму, — резко закончил Саша и неожиданно взял Асиного отца за руку, сжал эту грубую, пожелтев-шую от мастики руку и сказал другим, мягким голо-сом: — Если нужно будет, я этого и добьюсь. Но снача-ла я прошу вас как отца — есть же у вас совесть! — обуздайте себя и станьте опять человеком. И еще я про-шу у вас согласия... — Он запнулся, потому что Ася, наверно, подслушивала у двери, а с нею он еще не го-ворил об этом, и произнес совсем тихо: — Я хочу про-сить Асю быть моей женой.
Отец поднял голову и посмотрел на Сашу удивленно и пристально, словно впервые обнаружив перед собою этого молодого человека, ворвавшегося в его дом с нра-воучениями и решившего отнять у него дочь. По морщинистому, одутловатому лицу прошла судорога.
— Ну, что ж... Я человек конченый. И отец пло-хой, — сказал он. — Но ведь у меня кроме нее — никого...
За этими словами чувствовалось такое смятение, что Саша чуть не сказал: «Будем жить вместе», — но удер-жался. Он жалел этого опустившегося человека, но не верил ему.
До свадьбы отец держал себя в руках, даже сделал Асе денежный подарок «на приданое». Сашу он уважал и очень боялся, — выпив, он никогда не попадался на глаза своему зятю.
Ася не сразу решилась уйти от отца и все последние дни перед свадьбой налаживала свое порядком запу-щенное хозяйство — убирала, мыла, стирала, штопала, будто хотела в два дня на всю жизнь обеспечить отца своей заботой. Переступив порог Сашиной комнаты, она сразу забыла обо всем остальном и об отце тоже. Преж-де чем Саша успел опомниться, она прилепилась к нему всем существом. Он почувствовал себя самым счастли-вым и самым любимым человеком на свете. Ее предан-ность льстила ему, ее зависимость от него трогала. Она обожала его и была на редкость нетребовательна: если он был дома, она вполне удовлетворялась этим, издали наблюдая, как он занимается, и боясь скрипнуть дверью, чтобы не помешать ему. Свернувшись калачи-ком на кровати, она часами читала, изредка отрываясь, чтобы взглянуть на мужа. Взгляд у нее был сияющий, благодарный и какой-то изумленный. Все, что он делал, было для нее священно. Когда родилась Люся, она так же изумленно любо-валась ею и безраздельно отдалась уходу за дочкой. Порою Саше казалось, что всю любовь к нему Ася пе-ренесла на ребенка. Впрочем, такая уж она была: ниче-го не умела делать наполовину. Когда ей приходило в голову приготовить что-нибудь вкусное, комнаты остава-лись неприбранными, и Саша заставал ее растрепан-ною, с лицом, выпачканным мукой. Если ей попадалась увлекательная книга, она читала до утра.
И вдруг — болезнь, неделя судорожной борьбы, на-дежды и отчаяния... и смерть дочки.
С того дня как они опустили в могилу маленький гробик и Саша почти принес Асю домой, прошло боль-ше четырех месяцев, но перемены к лучшему он не за-мечал. Он сам тяжело пережил смерть Люси, но ему казалось диким распускаться. Неуемное отчаяние Аси поражало и даже раздражало его. Ася мешала ему собраться душевно и если не залечить, то приглушить боль утраты. Говорить с нею об этом было невозможно: самую мысль том, что можно жить без Люси, она считала кощунством.

И вот она спала, скрючившись на детском диванчике, уронив голову на подоконник, спала непрочным, неосвежающим сном, похожим на забытье. А он сидел над нею, боясь шевельнуться — ее муж, ее единственный друг и опора, и совершенно не знал, что делать с нею и как спасти ее. Какой новый интерес может увлечь ее? Послать ее на работу? Но он сам когда-то настоял на том, чтобы она бросила артель, где ничто не интересо-вало и не радовало ее. Тогда они ждали рождения Лю-си, будущее рисовалось ясным и счастливым, а Саша гордился тем, что может один содержать свою малень-кую семью. Теперь он понимал, что горе трудно преодо-леть, если у тебя нет деятельности, отвлекающей, запол-няющей время и мысли, создающей естественную това-рищескую среду. Что было бы с ним самим, если бы после смерти Люси он сидел день за днем один, в четы-рех стенах квартиры, где все напоминает о случив-шемся?
Ася вдруг встрепенулась, как от толчка. Расширен-ными, полными страха глазами уставилась на темную фигуру Саши, скудно освещенную отсветом уличного фонаря.

— Ты дома? — пробормотала она.
Он подошел к ней и обнял ее. Она не отстранилась, как обычно в эти месяцы горя, а прижалась к нему и провела теплой ладонью по его щеке.
— Тебя так долго не было, — сказала она со вздо-хом, — мне стало страшно, что ты больше не придешь. Совсем не придешь... Понимаешь?
Слишком взволнованный, чтобы отвечать, он только крепче прижал ее к себе.
— Я сидела и думала, думала, пока не заснула… Вечер был такой хороший, мне очень хотелось погулять. Я даже вышла и походила перед домом — вдруг ты по-дойдешь? Знаешь, давай гулять по вечерам.
Обрадованный этим первым желанием, высказанным ею после смерти Люси, он предложил погулять сейчас.
— Нет, завтра, — сказала она. — Ты приходи по-раньше, и мы погуляем, хорошо?..
И она снизу вверх внимательно посмотрела на него.
— Хорошо, — согласился он, хотя на завтрашний ве-чер у него было намечено много дел в турбинном цехе.
— Ты голоден? — спросила она.
Ему очень хотелось есть, но он стыдился признаться в этом. Ася почти совсем не ела, и собственный здоро-вый аппетит казался Саше оскорбительным для ее горя. Но сегодня в Асе появилось что-то совсем новое, и он неуверенно ответил:
— Пожалуй, хочу. Мы прошлись по морозцу. Если у тебя что-нибудь найдется...
Ася включила свет, пошла на кухню. Сильно поху-девшая, бледненькая, но по-новому подвижная, деловая. Саша с удивлением увидел, что Ася приготовила ужин.
Он разглядел под плитой два огрызка махорочных самокруток. Значит, приходил ее отец. Может быть, его приход каким-то неведомым образом и расшевелил Асю?
Отец приходил очень редко и только в те часы, когда Саши не бывало дома. Он опять много пил и вспоминал о дочери главным образом для того, чтобы поесть у нее и перехватить денег. Сашу возмущала непоследователь-ность Аси: побранив отца, она все же на прощанье засо-вывала ему в карман немного денег «на маленькую». Из-за этого Саша не раз ссорился с Асей, — корми его хоть каждый день, покупай ему то, что нужно, но не давай ему на водку! — Ася плакала, обещала не подда-ваться на просьбы отца, а затем поступала по-прежне-му. Впрочем, в эти месяцы горя Саша отступился и де-лал вид, что ничего не замечает, но иногда ему прихо-дило в голову, что в бесхарактерности отца и дочери много общего.
— Что сказал тебе Клементьев? Обещал помочь? — спросила Ася за ужином, все так же странно внниматель-но наблюдая за мужем.
Он начал охотно рассказывать ей и о разговоре с Клементьевым и о том, как подвигается работа над изо-бретением. Ася слушала, потом, как бы вспомнив, сооб-щила:
— К тебе заходил инженер Полозов. Алексей Алек-сеевич Полозов. Он хотел посмотреть твои расчеты.
Вот оно что! Значит, Полозов поговорил с Асей, и она поняла, что ее муж делает большое, нужное дело, и устыдилась, что ни в чем не помогает ему в то время, когда чужие, посторонние люди готовы помочь и под-держать?
Было уже совсем поздно, когда Ася заснула рядом с мужем, прижавшись щекой к его плечу. Ее волосы щекотали его шею. Улыбаясь в темноте, он не отодви-гался, боясь разбудить ее, и с благодарностью думал и о ней, нашедшей новые силы для жизни, и о Полозове, сыгравшем в ее душевном выздоровлении несомненную роль. Он не мог додуматься до того, что слова Полозо-ва попали на хорошо подготовленную почву.
В тот вечер отец зашел к Асе прямо с работы, уже подвыпивший и голодный. Ей нечем было угостить его. Отец раскричался и с досады высказал подозрения, дав-но копошившиеся в его темном мозгу, что Сашина ра-бота — отвод глаз для дурочки, какой показала себя Ася, что никакой мужчина не будет цацкаться с такой женой, и Саша, конечно, завел себе зазнобу на стороне, иначе он не ушел бы на весь вечер в выходной день... Удар был сильный и меткий. После ухода отца Ася за-металась по квартире, переворошила бумаги на рабочем столе мужа и ничего не нашла, кроме чертежей и дело-вых заметок. В это время постучался инженер Полозов. Ася впустила его и подробно расспросила об изобрете-нии мужа, ссылаясь на то, что Саша из скромности мол-чит. Когда Полозов ушел, она проворно сбегала купить что-нибудь на ужин, походила перед домом, надеясь встретить Сашу, потом, закоченев, вернулась домой и

села у окна ждать мужа. В этот вечер ее целиком за-хватило желание опровергнуть грязные измышления от-ца, убедиться в том, что Саша принадлежит ей, а если нет — вернуть его любовь.

Саша Воловик не мог додуматься до этого, он просто радовался ее выздоровлению и думал о том, как помочь ей теперь найти новое направление жизни. Потом он вернулся мыслями к своим собственным делам: перед его глазами возник простой и оригинальный механизм, придуманный им, и «что-то» самое главное, заканчиваю-щее замысел и рисовавшееся ему пока как туманное пятно, в котором смутно обозначалось ритмичное движе-ние. Он снова перебрал в памяти все несовершенные решения, придуманные им и отброшенные, некоторое время рисовал себе движущееся туманное пятно, чувст-вуя ритм, направление и особенности его движения, но не ухватывая форму.

— И все-таки я его найду, — сказал он себе, засы-пая. — Не такое создано и придумано человеческим моз-гом. И быть того не может, чтобы я не нашел.

13

Утром выходного дня Григорий Петрович Немиров повез Клаву на Карельский перешеек «догонять зиму». Идея принадлежала шоферу Косте и его жене Татьяне, отличной лыжнице. Машина вынесла всю компанию за город, в белые поля и утонувшие в нетронутых сугробах леса, мимо заколоченных дач, мимо безлюдных полустанков, через мосты над дымящимися ручьями, через железнодорож-ные переезды под вздернутыми к небу полосатыми пал-ками шлагбаумов, обгоняя пригородные поезда, запол-ненные лыжниками, и разгоняя на улицах поселков иг-рающих ребятишек.

Остановились у сторожки заводского пионерлагеря, раскинувшего в сосновом лесу десятки нарядных дач с заваленными снегом балконами. Наскоро закусили у сторожихи и заторопились на воздух.

У Немирова лопнуло крепление. Запасливый Костя дал ему новый кусок ремня, посоветовал, как лучше крепить, и занялся своими лыжами. Услыхав, что Немиров тихонько поругивается, Костя весело сказал:

— Да, Григорий Петрович, это вам не заводом управлять.

Но помощи не предложил.

Татьяна первою стала на лыжи и сразу умчалась далеко вперед. За нею помчались Костя и Клава — ее красный лыжный костюм долго мелькал среди розова-тых стволов сосен.

Немиров вышел последним и не спеша углубился в лес по снежной целине, прислушиваясь к удаляющейся перекличке лыжников и к удивительной тишине, кото-рую не заглушали, а только подчеркивали голоса. Если ветер и был, он проносился поверху, над деревьями, из-редка стряхивая рассыпающиеся в пыль пласты снега, а внизу ни одна ветка не шевелилась, и елочки, кое-где прижившиеся среди сосен, стояли еле видные, запахнув-шись снежными шубами.

Где-то близко засвистела белка, проскакала по снегу рыжевато-серым комком и с сухим треском взлетела по стволу сосны в нескольких шагах от Немирова. Закинув голову, он разглядел в вышине ее свесившуюся с ветки настороженную мордочку и любопытный глаз.

— Ау-у! Гри-ша! — звала Клава.

Он побежал на голос. Лыжи послушно скользили по тонкому, чуть оседавшему насту. Палки хорошо вонза-лись остриями в наст и пружинили, помогая отталки-ваться. Розоватые стволы все быстрее и быстрее проно-сились мимо. И вдруг расступились, открыв крутой спуск, поросший елками и низкорослым кустарником.

Прежде чем Немиров успел оглядеться или хотя бы притормозить, лыжи понесли его вниз. Мгновенный при-каз мозга: «Не теряться!» — и он сосредоточил все силы на том, чтобы вовремя уворачиваться от возникающих из снега пеньков, елочек и красноватых оголенных ку-старников, капканами преграждающих путь. Он слышал только свист воздуха, видел только искристо-белую, с пятнами мелькающих препятствий ленту, которая раз-матывалась перед ним с чудовищной быстротой. Потом его заслезившиеся от ветра глаза приметили совсем близко

черную полоску воды, окаймленную сугробами. Он отчаянно повернул и с разгона ухнул в сугроб.
Отряхиваясь и отфыркиваясь от снега, залепившего глаза и рот, Немиров сел и прислушался. Добродушно журчал ручеек. Шелестел снег, медленно сползая с вет-вей потревоженной ели. Склон горы выглядел снизу еще более крутым, чем он виделся сверху. Одинокая лыжня петляла по нему, запечатлев головокружительный путь Немирова.
На самом верху горы неожиданно появилась тонень-кая фигурка в красном костюме. Прежде чем Немиров прокричал предупреждение, она смело ринулась вниз. За нею возникло еще двое лыжников, но Григорий Пет-рович следил только за Клавой: вот она увернулась от елки, вот обошла пень, вот описала полукруг, обходя расставленный кустарниками капкан... Сумасшедшая, она же влетит в воду!.. После воспаления легких!..
— Кла-а-ва!..
Но Клава уже барахталась в снегу неподалеку от него, смеясь и что-то крича. А мимо нее пронеслась Татьяна, запросто перескочила через ручеек, сделала ис-кусный поворот, похожий на вираж самолета, и шагом пошла назад, к тому месту, где рядом с Немировым и Клавой зарылся головой в снег Костя.
— А мы искали спуск получше, — оживленно объяс-няла Клава, пока муж отряхивал с нее налипший снег. — И вдруг смотрим: что за слаломист объявился?
Клаве захотелось повторить спуск, ей было обидно, что она упала. Но Немиров запротестовал: вымокнет в снегу и опять простудит легкие. Они пошли искать более пологий склон, оторвавшись от Татьяны и Кости.
— Хорошо тебе, Клава?
Его переполняла нежность к ней вместе с ощущением собственной молодости и здоровья. Она ласково улыбнулась и сказала:
— А как Татьяна перескочила! Прямо завидно.
Ее обычно бледные щеки разрумянились, отчего она очень похорошела. Высокая, худощавая фигурка в лыж-ном костюме была очень стройна, издали Клаву можно было принять за подростка. Странно, в ней не было ничего, что прежде привлекало Немирова в женщинах: ни задорной веселости, ни страстности, ни кокетливости. Клава редко смеялась и всегда была сдержанной, даже холодноватой. Она была миловидна, но ее лицу не хва-тало красок и той живости, что преображает и делает пленительными самые несовершенные черты. Стыдливая в проявлениях чувств, скромная в быту, работящая и ста-рательная в работе, она оживлялась преимущественно в тех случаях, когда ей перечили, и умела настоять на своем. В редкие часы и минуты веселого оживления она становилась совсем новой, другой, незнакомой — такой, какою могла бы быть... Могла бы быть, если бы что?.. Он не решался договорить вопрос даже самому себе. Властный и требовательный со всеми, он робел перед Клавой. Она была для него желанной, как ни одна женщина, и казалась непрочной — то ли заболеет, то ли просто ускользнет почему-то. При всей ее скромности она была самостоятельна и непокорна, и если она сер-дилась на мужа, у него было ощущение, что ей ничего не стоит тихо выйти из дому и никогда не вернуться.
Теперь она шла рядом с ним, не обгоняя его и не отставая, уклоняясь от отяжеленных снегом ветвей. На щеках разыгрался румянец, полуоткрытые губы горят, а глаза, вобравшие в себя блеск солнца и снега, смотрят куда-то в пространство, будто чего-то ждут, и кто знает, что они там видят и что высматривают!
— О чем ты думаешь, Клава?
Она встрепенулась и застенчиво ответила:
— Да ни о чем особенно. Так, о пустяках... А мы дорогу найдем?
И стала выкликать Татьяну и Костю.
Они вернулись в город к обеду, разгоряченные и го-лодные. За обедом Григорий Петрович радовался весе-лости Клавы и ее превосходному аппетиту.
— Каждое воскресенье будем ездить за город, — ре-шил он.
— Обязательно! — живо поддержала Клава.
В кабинете топился камин, и Григорий Петрович на-деялся посидеть с Клавой у огня, но Клава подошла к нему и положила руки ему на плечи.
— Спасибо за чудный день. Ты не обидишься, Гри-шенька, что мне придется немного поработать? Знаешь, отчет...

— Неужели так необходимо именно сегодня? — огорчился он.
— Да, — сказала Клава, и упрямая складка появи-лась у нее на лбу, как всегда, когда он пытался отвлечь ее от дела. — Ты ведь тоже почти каждое воскресенье занят!
— Ну, я! — воскликнул Немиров.
— А что — и сравнить нельзя? Зазнайка! — Она шутливо покачала головой и ушла к себе, притворив дверь.
Она была ласкова с ним и, наверное, удивилась бы его мыслям. А он чувствовал: вот она опять ускользнула от него. Разложила на столе длиннющие сводки, погру-зилась в бесконечные, невнятные цифры... У Немирова никогда не хватало терпения копаться в цифрах, ему нужно было зрительно воспринимать производство, циф-ры оживали для него только в цехах или в живом разго-воре с людьми. А для Клавы в них заключены смысл и поэзия, они у нее говорят, доказывают, опровергают, напоминают, кричат. И она с ними накоротке, как хо-зяйка.
И вот ведь тихая она, немногословная, никому не бросается в глаза, а как ценит ее Саганский! Выдвинул начальником планового отдела завода — неслыханное выдвижение для такой молодой женщины! А она даже не оробела, улыбнулась удивлению мужа и просто объ-яснила: «Так это же естественно, для того меня и учи-ли!» Немиров знал: восемнадцатилетней девушкой она поступила на металлургический завод и, работая цехо-вым плановиком, без отрыва от производства окончила институт. Григорий Петрович легко представлял себе, как она с тихим упорством год за годом делила свое время между работой и учебой. Развлекалась ли она когда-нибудь? Влюблялась ли? Как-то раз Клава на-мекнула, что была в ее жизни неудачная любовь, но Григорий Петрович стеснялся расспрашивать и боялся признания, которое причинит ему боль. Она любила его спокойной любовью, полной дружеского доверия. Но ему чудилось, что женщина в ней еще дремлет, и желание расшевелить в ней женщину, пожалуй, всего сильнее притягивало к ней Немирова. Неужели она так и про-живет рядом с ним, никогда не потеряв своей ласковой уравновешенности?
Только один раз случилось что-то, чего Григорий Петрович так до конца и не понял. Он долго уговари-вал ее заказать себе вечернее платье, а она отказыва-лась: «Зачем? Куда я пойду в нем?» Потом уступила мужу и сшила себе гладкое черное платье, украшенное кусочком желтоватого кружева у шеи.
— До чего же ты хороша в нем, монашка! — сказал Григорий Петрович, обнимая ее.
Клава резко отстранилась. Лицо ее побледнело, а за-тем залилось розовой краской. Губы задрожали, будто она собиралась заплакать.
— Ты что, Клава?
Она справилась с собою и через минуту спокойно от-ветила:
— Почему же монашка? Я думала, тебе понравится.
Он упросил ее остаться в новом платье, и тот вечер они провели вдвоем, устроили себе праздничный ужин. Клава была на редкость оживленной, смеялась по лю-бому поводу. Неловкое движение его руки все испорти-ло — вино расплескалось на новое платье, Клава вско-чила и начала деловито отчищать пятна. Он угадал, что не тревога о платье подняла ее, а желание восстано-вить обычную уравновешенность.
— Ты меня любишь, Клава? — взволнованно спро-сил он.
— Ну конечно, — ответила она простодушно.
Полюбив ее — это случилось сразу после войны, ко-гда Немиров перед отпуском заехал в Ленинград да так и застрял на весь отпуск возле Клавы, — он думал, что знакомство Клавы с заводской жизнью сблизит их. В общем, так и вышло. Клава заинтересованно слушала его и порой давала очень дельные советы, даже научила его серьезней и глубже вникать в вопросы экономи-ки. Немирову было интересно узнавать от Клавы жизнь другого завода изнутри, тем более, что Саганский не любил «выносить сор из избы» и своими бедами и тре-вогами ни с кем не делился. Но когда Григорий Петрович попробовал через жену проверить ход дела с отливками, Клава тактично уклонилась: «Ты съезди к Саганскому, на месте узнаешь лучше, — и лукаво добавила: — Я ведь тоже, представитель завода-поставщика».
Всем остальным она делилась с мужем охотно. Но получилось так, что с каждым месяцем Немирову было все трудней откровенно высказывать Клаве свои мысли. Его первые шаги на новом месте Клава одобрила, его планы восхищали ее. Но у Клавы была слишком хоро-шая память. Иногда она возвращала его к тому, что он говорил ей несколько месяцев назад, спрашивала: «Ну как, получилось?» Напоминание было полезно, но при-знаваться в том, что он

забыл или не сумел осуществить свои смелые намерения, не хотелось. А с каждым месяцем неосуществленных намерений набиралось все больше. Знакомясь с заводом, он был убежден, что быстро наладит его. За спиной Немирова стояли его опыт и слава, приобретенные в годы войны на Урале. Уверенный в своих силах, он строго и даже презрительно кри-тиковал своего предшественника за узость, делячество и мягкотелость.
«Однако он вытянул военное производство в самое трудное время», — недовольно замечала Клава.
Да, заслуги у предшественника Немирова были не-малые, но у него не хватило знаний и энергии, чтобы повернуть предприятие к новым, послевоенным задачам.
Григорий Петрович принялся за дело с большим подъемом, но перестроить и наладить работу огромного завода с многообразным производством оказалось труд-нее, чем представлялось со стороны. Монтаж и освое-ние нового оборудования затягивались, хотя Немиров днем и ночью «нависал» над монтажниками, не давал покою начальникам цехов и мастерам, не жалел денег на повышение квалификации рабочих и обучение нович-ков. Громоздкая машина управления скрипела, хотя Не-миров смело переставлял работников: одних выдвигал, других снимал или понижал в должности, добивался перевода знакомых инженеров с Урала, подстегивал людей приказами и выговорами.
Оглядываясь на сделанное, он видел, что достигнуто многое. Завод вышел из периода восстановления, раз-вернул производство, начал уверенно набирать темпы. Оставалось как будто только отточить, отработать всю систему руководства и планирования, подтянуть отста-ющие участки, добиться ритмичности... Но в это время министерство пересмотрело программу завода и полно-стью сняло с производства хорошо освоенную серийную оборонную продукцию, за счет которой было всего лег-че выполнять и перевыполнять план. Вместо нее заводу поручили освоить выпуск новых и технически сложных изделий. И, что совсем подкосило на первых порах Не-мирова, министерство отказалось от довоенного типа турбин и предложило перейти к выпуску турбин более мощных и сложных, являвшихся новинкой турбострои-тельной техники.
Как это усложнило положение директора! Большая и кропотливая организационно-подготовительная работа мало кому известна, а наглядных достижений нет. Сколько трудного возникает ежедневно, и все идут к директору: он должен решить, помочь, обеспечить, найти выход — на то он и директор! Руководители цехов нерв-ничают и предъявляют, подобно Любимову, множество требований. Рабочие ворчат на разные неполадки и склонны винить во всем неповоротливое начальство.
А твои сознание и совесть не позволяют тебе ни отка-заться от самой трудной задачи, ни просить отсрочки, — да какие могут быть отсрочки, когда кругом все кипит и бурлит, когда с каждой газетной полосы взывают к тебе победы твоих товарищей: не отставай, уважение народа и слава — тем, кто умеет идти вперед, преодолевая все препоны.
Кому тут пожалуешься? Даже жене не скажешь, что порой не под силу груз. Вскинет брови, недоверчиво воскликнет: «Тебе-то?»
Сидя один перед опадающим в камине пламенем, Немиров насмешливо вздохнул: ох, далека победа, да-лека слава! Вот-вот придет обращение краснознаменцев, а тогда все во сто крат усложнится. Он будто видел это обращение, напечатанное жирным газетным шриф-том: «Мы вызываем вас, славных ленинградских турбо-строителей...» Да, что-нибудь в этом роде! Как отверг-нешь? А если не отвергнешь, как выполнишь?..
Григорий Петрович смотрел на медленно угасающие среди золы красные пятна углей, и вдруг поймал себя на мысли, возникшей еще во время разговора с минист-ром и, видимо, тайно угнездившейся в мозгу. Министр сказал тогда, успокаивая и подбадривая: «Во всяком случае, первая очередь Краснознаменки должна быть пущена к осени...» Значит, вторую очередь можно и оттянуть немного?.. Мелькнувшая успокоительная мысль была тотчас же отброшена. А вот сейчас вылезла и зашептала: «Под праздничное настроение по случаю пуска первой очереди тебе простят задержку второй... ну, не намного, месяца на два-три...»
Григорий Петрович поднялся, закрыл трубу камина, энергично прошелся по кабинету, разминаясь и разгоняя дурные мысли. Вот еще, приберегать подобную лазейку! Да и буду ли я доволен, если мне позволят укрыться в ней? Нет, сам себе противен буду, заскучаю и увяну, как если бы меня вдруг назначили руководить артелью «Метбытремонт»... Значит, к черту слабость!

Он надеялся, что Клава освободилась, но Клава си-дела за своим столом, погруженная в работу. Григорий Петрович постоял перед книжным шкафом, выискивая, что бы такое почитать. Но читать не хотелось.
И вдруг он понял, чего ему хочется. Повеселев, накинул пальто, шапку, тихонько, как убегающий из дому школьник, вышел из квартиры, ста-раясь не хлопнуть дверью.
В проходной завода одна из молодых охранниц недо-верчиво взяла его пропуск, старательно прочитала, по-краснела и сказала:
— Ох! Проходите, пожалуйста.
Немиров слышал, как она фыркнула за его спиной и громким шепотом сообщила подруге:
— Директор! Честное слово, никогда не скажешь.
Тих и пустынен был заводской двор. По фасаду за-водоуправления светилось всего несколько окон. Неми-ров вошел в полутемный вестибюль и зашагал по неосве-щенному коридору «на огонек».
Из кабинета начальника снабжения неслись стран-ные звуки. Не то мужской, не то женский голос мурлы-кал:

Мы красна-я кава-ле-рия, и про нас
Та-ти-та-ри-та-ти-та-та ведут рассказ...

Немиров открыл дверь. Начальник снабжения сидел один в кабинете, в мягкой домашней куртке, с папиро-сой в зубах. Увидев директора, он отложил папиросу, но клочок дыма, запутавшийся в его всклокоченных во-лосах, еще курился надо лбом.
— Вам бы в оперу, а не снабжением заведовать, — сказал Немиров, с нежностью глядя на этого человека, обложенного листками нарядов, заявок и телеграмм. — Почему работаете сегодня?
— Привожу все к одному знаменателю, — охотно пояснил начальник снабжения, отлично знавший тайное пристрастие директора к людям, которых и в выходной день будто магнитом тянет на завод.
— Ну, ну... А баббит для турбинного достали?
— Экое дело! — притворно удивился начальник снабжения. — Любимов нажаловался? Из-за моего баб-бита у него турбину затирает!
В плановом отделе две машинистки перепечатывали отчет. Каширина, конечно, не было, и это рассердило Немирова: засадил девушек на все воскресенье за ма-шинки, а сам вола вертит! Не думая о том, что и Каширин мог взять работу на дом — хотя сам же никак не поощрял этого, — Немиров сравнил своего плановика с Клавой и позавидовал Саганскому: вот у кого плановик отдается делу всей душой! Клава небось спины не раз-гибает, а этот пожилой толстяк никогда не переработает лишнего... Впрочем, справедливо ли это? Пусть он не-поворотлив, зато опытен, аккуратен, исполнителен. Еще через минуту Немиров уже думал, шутливо обращаясь к Саганскому: да-с, уважаемый, мой Каширин уже и отчет на машинку сдал, а ваша Клавдия Васильевна еще только пишет!..
Непривычная тишина стояла на всей территории за-вода, но Немиров знал: в опустевших корпусах идет своя особая, тоже напряженная и деловая жизнь. В меха-ническом цехе копаются у разобранного станка ремонт-ники, их и не разглядишь сразу, но без их воскресного труда сорвется завтрашний выпуск. В цехе шахт-ного оборудования замешивают бетон, заливают фунда-менты: идет подготовка станков для новой бригады ско-ростников. А в инструментальном царство маляров. Ев-стигнеев настоял-таки на своем: заново белит стены и красит станки светлой краской — культура производства, хоть в белых халатах работай, хорошо!
Было приятно подойти к Евстигнееву, как всегда приятно встретиться с человеком, которому помог удов-летворить заветное желание. Евстигнеев стоял на стре-мянке, зажав в зубах винты, и что-то исправлял на электрораспределительном щите.
— Ты бы еще малярную кисть взял, начальник це-ха! — сказал Немиров, сам умевший делать многое и уважавший это умение у других.

— Не звать же монтера из-за такой малости, — сму-щенно пояснил Евстигнеев и слез со стремянки. — Смот-рите! — сказал он восторженно. — Не узнать цех, а? Красавец!
Он угостил директора «звездочкой», и Немиров с жадностью затянулся едким дымком: он не курил со вчерашнего дня.
— Теперь цветы разводить будешь?
— И буду! — воскликнул Евстигнеев. — Обязательно разведу. У меня уже и садоводы нашлись!
И вдруг без паузы и без перехода обиженно заявил:
— А Воловика, Григорий Петрович, как хотите, не отдам! Это что же такое? Моего лучшего стахановца, рационализатора... да он мне уже на восемьдесят пять тысяч экономии сделал своими изобретениями! Выра-стил стахановца, взлелеял, в мастера выдвигаю — и ни с того ни с сего отдавай Любимову? Не отдам! Пусть своих выращивает.
Немиров поморщился. Этот Воловик положительно весь завод взбаламутил! А вчера вечером Диденко нале-тел, как смерч: безобразие, глушат творческую инициа-тиву, вечная волокита с изобретениями, придется слу-шать на парткоме!
— Воловика ты отдашь, — сухо сказал Немиров. — И насчет мастера не ври. Никакой он у тебя не мастер, ты это придумал вчера, чтоб не отпускать. Из-за одного слесаря шуму на весь завод.
Евстигнеев был не из тех, кто легко подчинялся, и Немиров ушел раздраженным.
В прокатном цехе ремонтировали среднесортный стан, вальцы были сняты, и оголенная станина выгляде-ла странно и печально. Мастер участка обрадовался ди-ректору и, еле поздоровавшись, начал горячо выклады-вать свой проект малой механизации.
— Два рольганга! — говорил он, для убедительности потрясая перед Немировым двумя пальцами. — Мы поч-ти все сами сделаем, только валики обточить и моторы достать. Я уж и с цехами договорился, сделают, было бы ваше распоряжение. Два рольганга! И еще наклон-ные стеллажи, но это уж мы все сами. А рольгангов два!
— Два! Два! — повторил Немиров. — Вы понимаете или нет, что вашу работу можно всунуть цехам только в ущерб программной продукции? Я вам уже говорил: в следующем квартале — пожалуйста!
— Окупится, Григорий Петрович, окупится! Честное слово, окупится! — умоляюще твердил мастер, все еще потрясая пальцами.
Немиров, как бы между прочим, расспросил, кто и чем обещал помочь. Договоренность с цехами, на ко-торую мастер ссылался, могла означать только одно: взамен тоже кое-что обещано. Уж кто-кто, а Немиров знал все эти межцеховые любезности!
— Ладно, — сказал он с усмешкой. — Завтра в десять утра по селектору поговорим все вместе. Если они возь-мутся и моей головы не попросят, разрешу!
— Да Григорий Петрович! — вскричал мастер. — Вот вам мое слово: возьмутся, вы только немножко наж-мите!
— Ах, еще и нажать нужно? Мало вы им пообе-щали, мало!
Фасоннолитейный цех сегодня работал, и после ти-шины и безлюдья других, неработающих, цехов было по-новому удивительно и радостно алое пламя, вздымаю-щееся над электропечами, строгое движение человече-ских фигур, озаренных пламенем, визг пневматических зубил и сияние автогена в руках обрубщиков, жаркое и шумное горение мазута, разогревающего ковш перед разливом металла. Эту картину напряженного и сла-женного, сурового и прекрасного труда Немиров видел множество раз, но до сих пор не привык к ней. Он с мальчишеских лет полюбил производство, и оно всегда возбуждало его и словно поднимало, он становился энергичней и добрей, легко увлекался, охотно выслуши-вал людей и щедро обещал то, что у себя в кабинете отверг бы как невыполнимое. В такие минуты он верил, что выполнит все.
Он поговорил со сталеварами; покурил с одним, по-шутил с другим, у третьего взял очки и сквозь темные стекла заглянул в печь на кипящую сталь.
Затем он прошел в «земледелку» и поднялся по ле-сенкам на самый верх трехэтажного сооружения, где землю очищали, просеивали, укрепляли сухим песком, замешивали смолой и растирали, как тесто, крутящими-ся массивными колесами — бегунами, отправляя ее от-сюда на ленте транспортера черной, вязкой и жирной массой на формовку. На лесенках, напоминающих кора-бельные трапы, и на площадке возле бегунов все было покрыто черной пылью, пыль клубилась и в воздухе, но, бывая в литейном, Немиров неизменно заходил

полюбо-ваться «земледелкой». Это сложное сооружение было уже при нем задумано и осуществлено, заменив дедов-ский ручной труд.
На одной из лесенок Немирова догнал цеховой тех-нолог Попов, как всегда полный новых планов. Попов вместе с группой научных работников разрабатывал новаторский способ литья стали, который должен был, в случае успеха, полностью вытеснить земляную фор-мовку. Лабораторные опыты в институте прошли удачно. Сейчас Попов добивался высокочастотной уста-новки для производства опытов в цехе.
— Установку я вам достану, — пообещал Немиров и улыбнулся в ответ на восторженную благодарность тех-нолога. — Вы что, жмотом меня считаете или консерва-тором? Раз надо — значит, будем добиваться.
Немиров всячески поддерживал искания Попова и ученых, хотя в душе его таилось не осознанное им са-мим недоброжелательство: ему было жалко «земледел-ки» и всех волнений и удовлетворения, доставленных механизацией процесса заготовки формовочной земли. Как подгоняла, не давала передохнуть и успокоиться жизнь! Только взобрался на высоту — перед тобою вы-растает новая...
Когда Немиров вернулся к печам, одна печь уже по-слушно наклонилась, выливая в ковш остатки сверкаю-щей стали. Гигантский крюк легко поднял ковш и понес его к рядам приготовленных опок. Ковш опустился над крайней опокой и, разбрасывая золотые искры, выпу-стил в воронку ослепительную струйку металла. Про-смоленная земля вспыхнула, сквозь щели опоки проби-лись синеватые языки пламени. Формовщица быстро от-катила в сторону каретку с пылающей опокой, механизм приподнял каретку и перекатил ее на рольганг. Под-хваченная вращающимися валиками, опока побежала, как живая, в другой конец цеха.
— Здравствуйте, Григорий Петрович, — сказала фор-мовщица, вытирая потное лицо.
Немиров знал эту женщину и не раз помогал ей чем мог. Вдова погибшего в дни блокады сталевара, Евдокия Павловна Степанова растила одна своих трех мальчи-шек. Старшего из них Григорий Петрович недавно устро-ил в турбинный цех.
— Как сынишка, работает?
— Да какое там! — со вздохом сказала Евдокия Павловна. — Его бы на станок поставить, а то на под-собных работах какая же квалификация?
— То есть как «на подсобных»? Я велел на станок поставить.
— Не знаю, Григорий Петрович. Или станков сво-бодных нет?..
Немиров вытащил книжку, записал на память: «Сын Степановой», обещал завтра же уладить дело. Евдокия Павловна благодарно кивала головой и повторяла:
— Уж, пожалуйста, не забудьте.
Уходя из цеха, он снова увидел ее в сторонке рядом с двумя другими женщинами.
— Обещал, точно обещал! — говорила Евдокия Пав-ловна, не замечая директора.
— Ну-ну, — сказала одна из женщин. — На то его и зовут Обещалкиным!
Он не сразу понял, что обидное прозвище относится к нему.
Кровь хлынула в лицо. Он торопливо вышел за воро-та цеха и почти побежал по безлюдным дворам и алле-ям между корпусами, бормоча неясные ему самому угрозы: «Ну, погодите... ну, хорошо же!» Прозвище ка-залось ему чудовищно несправедливым. Он — Обещалкин? Он, работающий дни и ночи, чтобы все успеть, со всем справиться? Он, возродивший этот завод и сделав-ший для него так много, что, пожалуй, никто другой не сумел бы сделать больше!.. Обо всем думаешь, тре-вожишься, хлопочешь, за всех решаешь, за все отвеча-ешь... и вот благодарность!
Он был вне себя. Но сквозь ярость и обиду память начала услужливо подсказывать его же собственные невыполненные обещания, данные сгоряча, от желания все успеть, всего добиться. Да тем же литейщикам, и ин-струментальщикам, и турбинщикам... Искренне верил, что выполнит, а потом не удалось, или забылось, более важные дела оттеснили... Значит, правда?
Он вызвал в памяти десятки дел, обещанных им и выполненных. Конечно же, таких дел оказалось гораздо больше. И для литейного, и для прокатки, и для турбин-ного... Да только кто помнит сделанное? Сделанное принимается как должное! И то сказать: зачем иначе директор?
Встречные заводские люди узнавали Немирова и с особой приветливостью раскланивались с ним. Он пони-мал: присутствие директора на заводе в выходной день им приятно, — вот, мол, не гуляет, не отдыхает, а все с нами. Может ли быть, что и они называют его за глаза этим глупым прозвищем?

Он смотрел на себя как бы со стороны, чужими гла-зами. Подтянутый, суховатый, властный, даже, пожалуй, крутой — таким он привычно видел себя. Таким он лю-бил себя: добреньким не притворяется, ни с кем не за-игрывает, а дело делает и все вопросы решает быстро, энергично... Может ли быть, что этот портрет не точен, что люди видят недостатки, которых он сам за собою не замечает?
Вспомнив трех формовщиц, он подосадовал, что по-ребячьи убежал от обиды, надо было поговорить с ними, спросить, что же он наобещал и не выполнил. Пусть бы им было стыдно, а не ему! И он уже бодро решил: сам пойду навстречу, выведу это прозвище.
Отбросив обиду и повеселев, он забрел в лопаточ-ный цех и чуть не попал в недобрые объятия старшего мастера Петра Петровича Пакулина. Пакулин налетел на него в полутемном проходе, со злобой крича:
— Лучше бы совсем не приходил, без тебя сделали!
Разглядев директора, он смутился:
— Простите, обознался. Думал, Епишкин... Станоч-ки новые опробуем, так он вчера божился: «Приду с утра», — а где он? Хорошо, я не поверил, сам пришел. Пойдемте, Григорий Петрович, полюбуйтесь!
Немиров старался не показывать своего пристрастия, но работники лопаточного цеха все-таки знали, что ди-ректор — сам бывший фрезеровщик — с особой любовью относится к их цеху, где господствуют фрезерные станки и выполняются работы высокой точности. А сегодня здесь было чем полюбоваться. Оттеснив старые, хорошо знакомые Немирову станочки, во всю длину цеха вы-строились мощные скоростные станки — новинка совет-ского станкостроения. Несколько месяцев назад Григо-рий Петрович много спорил и волновался, добиваясь этих станков так же, как теперь добивался новых стан-ков для турбинного цеха. По его настойчивым просьбам завод «Советский станкостроитель» изготовил эти стан-ки на месяц раньше срока.
Григорий Петрович подошел к ним, как к своему трофею.
— Ну-ка, запусти! — сказал он наладчику.
Наладчик приладил фрезу, закрепил болванку, вклю-чил мотор и отошел, уступая место директору.
Старательными движениями человека, давно не ра-ботавшего у станка и боящегося осрамиться на глазах у людей привычных, Григорий Петрович неторопливо опробовал управление: поводил фрезу; поднял, опустил и поводил из стороны в сторону стол; повертел регуляторы скорости и подачи. Станок был послушен, рычаги размещались удобно, под рукой. Григорий Пет-рович подвел фрезу к болванке. Фреза легко и сильно вгрызлась в металл, оставляя за собой блестящую выем-ку. По легкости ее движения угадывались мощность станка и отменное качество его механизма.
— Хорош! — сказал он, останавливая станок. — Так вот, Петр Петрович, чтоб теперь ни одной задержки с лопатками больше не было! И меньше ста двадцати процентов плана чтоб я от вас не получал. Не вытяне-те — отберу станки.
— Почему же не вытянем? Только...
И Пакулин, а за ним цеховой механик стали выкла-дывать различные нужды цеха.
— Так, так, больше ничего не припомнили? — съяз-вил Немиров, про себя отмечая действительно важные и неотложные дела. — Думаете, в выходной день я доб-рей? Наобещаю? Чтоб вы меня потом Обещалкиным называли?
Пакулин и механик покраснели. Кто-то из наладчи-ков весело охнул.
— Думаете, не знаю? Станьте на мое место и выпол-няйте все, что с вас потянут, тогда я посмотрю, на что вы горазды.
И, довольный собою, Немиров пошел к выходу. Петр Петрович проводил его до двери и по пути кое-что все-таки выпросил.
— Ладно уж, — сказал Немиров, делая пометки в записной книжке, и спросил, чтобы переменить разго-вор: — На днях в турбинном Николая Пакулина в пар-тию принимали. Сын?
Петр Петрович кивнул головой. Лицо его сразу по-тускнело.
— Что? Или...
Петр Петрович безнадежно махнул рукой, тихо ска-зал:
— А какой парень!
И, поклонившись так, что совсем скрыл свое лицо, быстро пошел назад, к станкам.

Во дворе Немирову повстречался Алексей Полозов. Сунув руки в карманы добротного пальто, инженер энергично шагал к турбинному цеху.
— Вы почему не отдыхаете? — спросил Немиров, останавливая его.
— А вы? — вопросом на вопрос ответил Полозов.
Григорий Петрович принципиально не любил подха-лимства и робости перед начальством, но полная незави-симость по отношению к нему все же коробила его. Тон властного хозяина, принятый им на этом заводе, соз-давал расстояние между ним и подчиненными. Для По-лозова этого расстояния, видимо, не существовало.
— Я своим временем располагаю сам, — миролюби-во, но многозначительно сказал Григорий Петрович. — А у вас, мой друг, я вправе спрашивать отчет.
— Я не понял, что вопрос задан в этом смысле, — ответил Алексей. — Отчитываюсь: в цехе сегодня пере-ставляют некоторые станки, чтобы сократить и упро-стить прохождение деталей. Работой руководит меха-ник. Я зашел проверить, как идет дело.
— Так пойдемте, проверим вместе.
Он взял молодого инженера под руку. Интересно, почему Алексееву так нравится этот ершистый парень? Любимов жалуется на его угловатость и дурной харак-тер. Похоже, что с парнем и впрямь нелегко работать.
— Чья идея переставить станки? — спросил он в це-хе, после придирчивой проверки убедившись, что пере-становка целесообразна и умно придумана.
— Моя, — коротко ответил Полозов, — утверждена главным инженером. — И отошел от директора, чтобы дать указания монтажникам.
Заметив, что директор остался один, механик веж-ливо подошел к нему и тут же выложил все свои забо-ты. Черт знает что! Стоит зайти в цех, и сразу любой человек обрушивает на тебя все свои нужды и требова-ния. Как будто у директора в какой-то волшебной ко-пилке хранятся и новые станки, и заваль инструментов, и денег без счету!
Полозов вернулся и слушал, не вступая в разговор.
— Кстати, — бросил ему Немиров, радуясь, что мо-жет сообщить о выполненном обещании. — Я велел Ев-стигнееву отпустить Воловика.
— Очень хорошо! — воскликнул Полозов, и в гла-зах его мелькнуло торжество.
— Так насчет электрокопировального станочка, Григорий Петрович, — продолжал вежливый механик, воз-вращаясь к прерванным просьбам.
— Не выпрашивать надо без конца, а внутренние резервы смелее находить, — резко сказал Немиров. — Привыкли готовенькое получать.
Выйдя за ворота завода, он пожалел, что нет маши-ны. После дня, проведенного на воздухе и в движении, он устал.
Клава все еще работала. Григорий Петрович прошел в свой кабинет, просмотрел записи в блокноте, выписал на отдельные листки все поручения, которые следовало передать отделам заводоуправления.
Перечитав, что получилось, Григорий Петрович су-нул листки в карман, лег на диван, закинул руки под голову и задумался.
Радужное настроение, державшееся всю первую по-ловину дня, давно улетучилось. Рассеялось и раздраже-ние, вызванное обидным прозвищем, — теперь он только усмехнулся, вспомнив о нем. Мозг его был ясен и готов к спокойному анализу и строгим выводам.
«Я недоволен состоянием завода и недоволен со-бою, — трезво понял он. И тут же спросил себя: — В чем же дело?» — потому что давно знал, как плодотворно такое недовольство собою, если разберешься в его при-чинах.
Он снова мысленно переворошил свои записи. Были тут большие, серьезные дела, каких у директора всегда достаточно. Но были и дела мелкие, случайные; их могли и должны были решить без него. Немиров знал мудрое правило: «У хорошего директора суеты не бы-вает. Если к директору ломятся лично и по телефону сотни людей — значит, он плохой директор». На Урале ему как будто удалось добиться настоящего порядка. Здесь ему никак не удавалось выпутаться из плена мел-ких дел. Правда, на уральском заводе производство было однотипное, устоявшееся, а тут несколько новых видов продукции, освоение, техническое переоборудова-ние цехов, все по-новому. И все же...
Опыт у отделов немалый, работники подобраны тол-ковые. А не справляются. Почему? И он сам, видимо, тоже не справляется, иначе не появилось бы это неле-пое, обидное прозвище! Вот

с освоением и выпуском новой турбины... Есть, конечно, у Любимова свои недостатки, но начальник он, бесспорно, опытный, серьез-ный; коллектив цеха боевой, сознательный... а план срывают!
Немиров мог бы назвать десятки частных причин и помех. Но за всем этим стояла большая, общая причи-на. Какая?
Беспощадно проверив себя и все трудности произ-водства, Немиров ответил себе: причина в том, что раз-мах и техническая сложность работ выше, чем подго-товленность, организация и технические возможности завода. Вот в чем причина! И руководитель завода дол-жен или «нагнать», или честно признаться в том, что «нагнать» не может, не умеет. И тогда... Да, одно из двух: или доказать министерству, правительству, пар-тии, что на завод возложены задачи не по силам, или признать, что задачи посильны, но сам ты слаб.
Все протестовало в нем против таких выводов.
Есть на заводе потенциальные, скрытые возможности «нагнать»? Да, конечно, есть. Опыт подсказывает: вре-менное несоответствие преодолевается. Сложность задач подгоняет рост людей и организации. Их подкреп-ляет сила всей страны с ее теперешней могучей техни-кой, с ее наукой, все теснее сплетающейся с производ-ством. Значит, надо только суметь теснее сплести их, надо только суметь оснастить производство всем необ-ходимым и организовать его... Сумею я или нет?..
Телефонный звонок прервал его размышления.
— Григорий Петрович, пришло! — прокричал в труб-ку возбужденный голос Диденко. — Сейчас мне звонил дежурный из парткома, прилетел на завод, срочным пакетом пришло!..
— Здравствуй, Николай Гаврилович! — как можно спокойней сказал Немиров. — Я что-то не пойму, кто прилетел и что пришло.
— Добрый вечер! — с досадой сказал Диденко и уже спокойнее сообщил: — Пришло обращение. То самое.
И он начал читать, не дожидаясь согласия:
— «Директору завода Немирову, парторгу ЦК Ди-денко. ..»
— Ну, ну, — поторопил Немиров.
— «Дорогие товарищи! Вы знаете, что десятки но-вых первоклассных предприятий нашей растущей социалистической промышленности с нетерпением ждут элек-троэнергии строящейся Краснознаменской станции...»
— Так, — сказал Немиров. — Что просят?
— Не просят, Григорий Петрович, а вроде требуют — так звучит эта просьба.
Оба помолчали, понимая друг друга.
— Ну что ж, Николай Гаврилович, ночь наша, бу-дем думать, пока голова не заболит?
— Голова теперь должна быть ясная, — уже совсем спокойно сказал Диденко.
— Давай встретимся, Николай Гаврилович, утреч-ком, поразмыслим вместе: ты, я и Алексеев.
— Давай, Григорий Петрович. Ну, бувай здоров!
Опустив трубку на рычаг, Немиров так и не снял с нее руки и застыл возле телефона в позе растерянной и озабоченной, не вязавшейся с только что проявленной им уверенностью.
— Гриша, ты занят? — позвала его Клава.
Он устремился на ласковый голос. На мгновение его охватило детское желание уткнуться головой в ее коле-ни, как в колени матери, хоть на минуту ни о чем не думать, ни за что не отвечать, никуда не торопиться...
Перед Клавой на столе все еще лежали отчеты и сводки.
— Знаешь, Гриша, — сказала она, повернув к нему оживленное лицо. — Я все яснее понимаю: наши пла-ны — только черновики. Иногда удачные, иногда не-брежные, но черновики. А чистовик пишут все. Понима-ешь? Весь завод. И чистовик намного лучше, интерес-нее, больше!
— Ну, ну, — пробурчал Немиров. — Вот примем обя-зательство досрочно сдать Краснознаменке турбины, вызовем вас насчет отливок, тогда и привнесете в чер-новик... А я погляжу, как вы все и твой толстяк повер-титесь.
— Что? Пришло? — вскрикнула Клава и озабочен-но вскинула глаза на мужа, но увидела его всегдашнее выражение спокойной, чуть насмешливой уверенности. Тогда она подумала о своем заводе, о том, как трудно будет выполнить заказ турбинщиков досрочно и как будет неистовствовать Саганский. Она весело сказала:

— Что ж, повертимся! И толстяк повертится, ему не впервой.
Немиров с ревнивым любопытством заглянул в ито-говые цифры ее отчета.
— Сто девять процентов! Ого!.. — И с обидой в голосе: — Вот ты говоришь: мысли, воля, чистовики! А я эту политику Саганского насквозь вижу! Прибедняется, плачет, дает заниженный план, а потом — перевыполне-ние! Премиальный «зис»!
— Ничего подобного! — крикнула Клава с возмуще-нием. — На этот год мы сами выдвинули встречные циф-ры, намного превышающие... Если бы ты знал наших людей, ты никогда не посмел бы так говорить!
Она стала собирать и запихивать в портфель бумаги. Снова настойчиво зазвонил телефон.
— Здравствуйте, Григорий Петрович. Отдыхаете? — спросил секретарь райкома Раскатов.
— Отдыхаю, Сергей Александрович, — со скрытым раздражением ответил Немиров, соображая, какая не-приятность сейчас на него свалится. Не будет же Рас-катов звонить по пустякам в воскресный вечер!
— «Ленправду» сегодня читали?
— Нет еще.
— Она у вас под рукой? Посмотрите третью полосу.
Сердце у Немирова екнуло. Держа телефонную труб-ку, он левой рукой развернул газету и напряженно-ищу-щим взглядом пробежал по заголовкам на третьей стра-нице. «Забвение партийно-политической работы»... нет, не о нас, о пищевой фабрике. «Новые люди — старые нормы»... тоже не о нас. «Передовой стахановский цех»... нет, не о нас, не то... Хотя, постой-ка, знакомое имя... Так, так... На «Советском станкостроителе»... Горелов? Вот и фотография. Понятно!
Горелов был тот самый начальник турбинного цеха, которого Григорий Петрович, вопреки мнению Диденко и Раскатова, снял с работы, заменив Любимовым. Го-релов оскорбился и подал заявление об уходе с завода, где проработал много лет. Раздраженный поднявши-мися вокруг него спорами, Немиров отпустил его без сожалений. А тот — поди же знай! — развер-нулся на «Советском станкостроителе» и превратил свой цех в стахановский. И вот эти сегодняшние фрезерные станки, сданные нам досрочно... неужели они собира-лись в том самом цехе? И Горелов, сдавая их, думал, что турбинщики примут их и вспомнят о нем. Да, Горе-лов...
— Узнали? — коротко осведомился Раскатов.
— Узнал, Сергей Александрович. Если вы имеете в виду Горелова.
— Я имею в виду именно Горелова, — подтвердил Раскатов. — Способного инженера-новатора, выросшего на заводе. И мы его потеряли! Не только вы, но и мы все... Отчего? Оттого, что не простили ему ошибки, не помогли ему выправиться, не разглядели, как подойти к человеку!
— Оставить его в турбинном? — воскликнул Неми-ров. — Да это значило бы поощрять расхлябанность, старые взгляды, старые дурные привычки! Если бы я не подтянул людей...
— Кто говорит, что не надо было подтягивать! Для пользы дела можно и снимать людей, и понижать в долж-ности, но разве это основной метод партийного воспи-тания работников? Разве этим пробуждают в человеке еще не раскрывшиеся силы?
— А может быть, я и научил его, этого Горелова? — перебил Немиров. — Получил урок — вот и старается.
— Учить-то учили, — сказал Раскатов, — а для заво-да потеряли... Кто знает, если б подошли к нему по-хозяйски, нашли ему работу по способностям... может, эта статья была бы написана про ваш завод? А то про вас что-то давно не пишут.
Немиров промолчал.
Некоторое время молчал и Раскатов, потом спросил мягче:
— Ну как, обращение получили?
Они поговорили о полученном обращении строите-лей. Раскатов обещал помочь всем, чем только сможет.
— А как думаете, Любимов... вытянет? — осторож-но спросил он.
— Почему же нет? — откликнулся Немиров. — Помо-жем, так вытянет. Помогать любому нужно.
Они дружески распрощались:
— Желаю вам успеха, Григорий Петрович!
— Спасибо, Сергей Александрович!

И тогда Григорий Петрович зашагал по кабинету так быстро, будто спешил измерить его шагами по всем направлениям.
Новая мысль бередила душу, как заноза: о нас дав-но не пишут... обо мне давно не пишут... Да, да, да! Уже давно имя завода не появляется ни в сводках, ни в статьях. Ругать в печати такой славный завод никому не хочется, верят — выправится. Но и хвалить не за что, вот и молчат. А заводской народ, просматривая газеты, говорит с горечью: «Нас будто и на свете нет». Уральцы, наверно, удивляются: «Что ж это Немиров заглох? У нас гремел на всю страну, а там, видимо, не справил-ся?..» И так будет, пока он не вырвется снова вперед, хотя бы с первой турбиной...
Он сам себя останавливал: спокойнее, товарищ Не-миров, спокойнее! Ты поддаешься самолюбию. Раздра-женное самолюбие — плохой советчик. Что, собственно, произошло? Ты действовал круто, потому что без этого не повернуть было завод к новым задачам. А с Горело-вым, видимо, «перекрутил». Не ошибается тот, кто ниче-го не делает. Признаю, ошибся. И все-таки дело не в этом. Дело в первой турбине. Будет победа — и никто не вспомнит старой ошибки. Нужна победа. Не мне — заводу. Моя слава — слава завода. Для себя я, что ли, стараюсь? Нужна победа.
Он сел к столу и начал энергично, с нажимом выво-дя буквы и ломая карандаши, набрасывать жесткий, обстоятельный приказ об ускорении выпуска первой турбины.
Клава появилась в дверях:
— Гриша, чай пить!
Он отмахнулся:
— Погоди, погоди, Клавушка!
Ему не нужно было сверяться с бумагами для того, чтобы не забыть ни одной заготовки, ни одной детали, идущих в турбинный из других цехов. Все это он знал наизусть — разбуди ночью, и то не собьется. Он пред-ставлял себе, как завертятся начальники цехов, получив приказ, крепко сжимающий и без того напряженные сроки. Уже улыбаясь, он скорописью дописал последние пункты, собрал в кучу сломанные карандаши и позвонил Любимову.
— Алло! — певуче откликнулась Алла Глебовна.
В трубку ворвалась музыка. Красивый бас томи-тельно жаловался.

Я грущу, если можешь по-нять
Мою душу, довер-чиво-неж-ну-ю...

— Георгия Семеновича! — не здороваясь, властно потребовал Немиров.
Сквозь музыку до него донесся вопрос Любимова: «Кто?» — и беспечный ответ Аллы Глебовны: «Не разо-брала, незнакомый кто-то».
— Я слушаю, — раздался благодушный бас Люби-мова, сопровождаемый другим, поющим басом:

...по-пенять
На судь-бу мо-ю, страст-но-мя-теж-ную...

— Говорит Немиров. Остановите вашу музыку и слушайте внимательно.
Григорию Петровичу казалось, что он видит, как за-махал рукою Любимов и как Алла Глебовна, с перепу-ганным лицом, бросилась к патефону.

Мне не спится в то-о-ске-е по-о но-о-чам...

Рыдающий голос оборвался на полуслове.
— Спаться вам теперь долго не будет, — сказал Не-миров. — Завтра утром получите приказ. Выпуск первой турбины я решил значительно ускорить. Приказ оконча-тельный и безоговорочный.

Часть вторая

1

Аня бежала к начальнику цеха в состоянии, когда не только не скрываешь своего возмущения, но и не хо-чешь скрывать. Никому до нее нет дела? Хорошо же! Она сама о себе напомнит!
В цехе начался тот самый «аврал — свистать всех наверх!», о котором говорил Гаршин. Все были заняты по горло, только Аня как бы выпала из общего напря-женнейшего труда и очутилась в странном положении человека, который болтается в цехе сам по себе, что-то придумывая и пытаясь осуществить в одиночку. Никто от нее ничего не ждал и не требовал. Ни приказаний, ни средств ей не давали. О ней попросту забыли, а когда она пыталась о себе напомнить, отмахивались:
— Только не теперь, Анна Михайловна! Вот сдадим турбину, тогда займемся. А сейчас, сами видите...
Даже Алексей Полозов, на ходу выслушав Аню, по-мотал головой и пробормотал:
— Ох, Аня, погодите, сейчас не до того!
Единственное, чем она могла заниматься, — это обу-чением молодежи. Однако и тут не было удачи. Аня очень рассчитывала на собрание учеников, но часть мальчишек совсем не пришла, а те, что пришли, шуме-ли, толкались и с любопытством наблюдали, надолго ли у Карцевой хватит терпения и что она сделает, когда терпение лопнет.
Николай Пакулин провел беседу даже лучше, чем ожидала Аня. Ей казалось, что его рассказ убедителен, доходит до сердца. Но когда все разошлись, Аня обнаружила на доске нарисованный мелом кукиш и не очень грамотную надпись: «Гогачками нас не сделаиш!» Она чуть не расплакалась от досады.
Только один человек интересовался Аней — Виктор Гаршин, но ее работа тут была ни при чем. Гаршин успевал забежать к ней между делами, пошутить, за-дать неизменный вопрос: «Как живется, как дышит-ся?» — и взять с нее слово, что после сдачи турбины она будет с ним «кутить, страшно кутить, так, чтоб дым столбом!» Иногда, бросаясь в кресло в ее пустом техни-ческом кабинете, Гаршин восклицал, зевая: «У вас как в раю: тишина, покой и шелест крыл!»
Ане хотелось послать к черту этот «рай», но она ни-когда не жаловалась Гаршину. Вот еще, признаться ему, что сделала глупость, и услышать в ответ: «Я же гово-рил вам, не поддавайтесь на удочку этому фантазеру Полозову!»

Ее терпение истощилось, когда она случайно узна-ла, что предстоит оперативное совещание в связи с при-казом директора о новых сроках. На совещание пригла-шались все начальники участков и мастера, все инжене-ры... кроме Карцевой.
Так и примириться с этим? Ну, нет! Она побежала к начальнику цеха, решив прорваться к нему во что бы то ни стало. Ей как будто повезло — секретарши не бы-ло на месте. Аня уже взялась за ручку двери, когда до ее слуха донесся раздраженный голос Любимова:
— А я вам говорю, — занимайтесь своим делом! Ес-ли я найду нужным, я сам спрошу вашего совета.
Другой, еще более раздраженный голос ответил:
— Делать свое дело можно по-разному. Я не хочу штопать дыры, я хочу работать осмысленно.
Аня не знала, кто это, но ей хотелось крикнуть: и я!
Любимов сказал еще раздраженней:
— Идите и выполняйте то, что я приказал!
Дверь распахнулась, и мимо Ани, задев ее плечом и не заметив ее, прошел Алексей Полозов с бледным и злым лицом.
Понимая, что сейчас начальник цеха вряд ли захочет ее выслушать, Аня все-таки перешагнула порог каби-нета.
Любимов недовольно покосился на вошедшую и вдруг, широко улыбнувшись, пошел ей навстречу:
— А-а, наконец-то пожаловали! Прошу, прошу!
Он усадил ее в кресло и сел в такое же кресло на-против нее, как бы подчеркивая этим, что разговор бу-дет неофициальный, дружеский.
— Ну-с, как живется, как дышится?
Услыхав из уст Любимова этот знакомый вопрос, она сердито ответила:
— Очень плохо.
— О-о! Почему же так?
Волнуясь и торопясь, Аня стала выкладывать все свои нужды и намерения, которые никого не интересуют, свои обиды и сомнения: да нужна ли она вообще?
— Если я не приду на работу, этого никто не заме-тит, кроме табельщицы!
Он не перебивал ее и сочувственно слушал, склонив набок голову.
— Да, нехорошо с вами получилось, Анна Михайлов-на, очень нехорошо.
И он заговорил о том, что приметил Аню еще на за-седании партбюро и тогда же проникся к ней симпатией, что им, соседям, давно следовало познакомиться как следует и он и Алла Глебовна уже пытались пригласить, ее к обеду, а потом началась эта горячка...
Помолчав, он сказал между двумя затяжками:
— Мне очень жаль, Анна Михайловна, что Полозов поторопился с вашим назначением, не подождав меня. Да и вы напрасно поспешили согласиться.
— А куда бы назначили меня вы? — стремительно спросила Аня.
Не отвечая, он продолжал:
— Это бессмысленно — послать вас на такое небла-годарное дело. Насколько я способен разбираться в лю-дях, вы человек энергичный и творческий. Вам нужна перспектива, возможность роста… а в этом техкабинете вы растеряете и то, что знали!
— Я и так многое растеряла, — призналась Аня.
Любимов продолжал размышлять вслух:
— Например, на сборке... Вот где сама работа за-ставила бы вас и восстановить знания, и расширить их! Или на четвертом участке. Начальник участка слабо-ват, да к тому же не инженер, я бы с удовольствием заменил его. А мастер там Ефим Кузьмич. Я сам начинал работать рядом с таким опытнейшим старым масте-ром и до сих пор вспоминаю его с благодарностью.
У Ани дух захватило от волнения — подумать толь-ко! Стоило подождать один-два дня — и вся жизнь по-вернулась бы по-иному!
— У нас иногда не понимают, как важно найти че-ловеку самое подходящее дело, — задумчиво говорил Любимов. — А ведь, пожалуй, это одна из главнейших, задач руководителя. Сунуть человека на первое свобод-ное место — невелика заслуга.
Ане вспомнился ее первый, разговор с Полозовым.

— Алексей Алексеевич имел в виду очень важные задачи, — честности ради со вздохом сказала она. — Пе-ренесение передового опыта, изучение лучших приемов труда... Воспитание молодежи... Если увязать эти за-дачи с реальными потребностями цеха, можно, наверно, сделать немало... Разве не так?
Любимов пожал плечами:
— Так, конечно, так. Но ведь у нас что ни возьми — везде свои большие задачи. А главная задача — все-таки производство. Турбины. Вот я и думаю: стоит ли держать вас на вспомогательных работах, когда вы мог-ли бы принести пользу… и расти, как инженер, на ос-новной?
Ну конечно! И ведь именно об этом она мечтала!
— Ничего, Анна Михайловна, не унывайте. Я это назначение пересмотрю в самые ближайшие дни. Вер-ней всего — на четвертый участок... Хорошо?
— Ой, конечно!
Он удовлетворенно улыбнулся. Аня мельком подума-ла: рад, что делает в пику Полозову. Ну и пусть! Поло-зов сам виноват — наговорил кучу прекрасных слов, а потом: «Ох, Аня, не до вас!»
На прощанье Любимов попросил:
— Вы пока приведите в порядок всю эту... ну, пи-санину разную, списки обучающихся, инструкции и про-чее. Все там подзапущено, а ведь и это с меня спросят.
— Хорошо, — сказала Аня, про себя отметив, что ничто другое в техническом кабинете его и не интере-сует, была бы отчетность в порядке. Неправильно? Ну и бог с ним, теперь это все позади!
Она пошла прямо в цех, на четвертый участок. Все кругом будто изменилось — стало близким, интересным, своим. Она прошла мимо каруселей и подумала: «Мои карусели, теперь-то уж я помогу новым карусельщикам обуздать Белянкина и Торжуева!..» Кран пронес к «Нарвским воротам» громоздкую половину диафрагмы. Аня проследила за ее спуском: «Моя деталь, мне о ней тревожиться, мне ее подгонять!..»
В проходе у токарных станков она заметила группку мальчишек и с чувством облегчения сказала себе, что недолго ей осталось возиться с ними. Кто из них нари-совал на доске кукиш и написал «не сделаиш»? Кешка Степанов тоже был тут. Не он ли? А ведь он на четвер-том участке — значит, останется «моим»! — сообразила она и вздохнула: нет, от Кешки она бы с удовольствием отказалась! И что он тут торчит без дела? Почему они все стоят такой молчаливой кучкой? Опять озорство какое-нибудь задумали?
Подойдя, она увидела, что все они внимательно на-блюдают за работой Якова Воробьева; сегодня над его станком повесили флажок с надписью: «Лучший токарь завода».
Воробьев делал как будто то же, что все токари, но делал это так, что хотелось смотреть на него. В синей косоворотке с распахнутым воротом и закатанными вы-ше локтя рукавами, с упавшей на лоб короткой русой прядью, он работал споро и весело. Его мускулистые руки легко поднимали и устанавливали тяжелый круг-лый патрон, быстро и ловко крутили рычаг, зажимая деталь в кулачках патрона.
Заметив Аню, он знаком пригласил ее подойти:
— А я все собираюсь к вам, Анна Михайловна!
Аня заглянула в чертеж — буква «А» и три мален-ких треугольничка предупреждали токаря о необходи-мости высокой точности и чистоты обработки. Деталь была длинная, фигурная, с глубоким отверстием внутри.
— Золотник, — уважительно пояснил Воробьев, на-клоняясь над деталью и проверяя сперва на глаз, потом индикатором, точно ли она закреплена.
— Трудная деталь.
— Трудная, — согласился Воробьев. — Замерять ее канительно, а уж внутри обрабатывать, особенно резь-бу нарезать, — там больше чутьем берешь.
Он говорил о трудности, но все его ухватки опровер-гали это утверждение, — нет, совсем не трудно, а только интересно и приятно, потому что есть на чем проявить мастерство.
Вот он закрепил в задней бабке толстое сверло; при-винтил к трубе, подающей эмульсию, другую трубочку, потоньше; повернул краник — из трубочки ударила сильная, тонкая струя. Закрутился патрон, вращая де-таль, сверло соприкоснулось с легированной сталью и начало сверлить ее, тяжело гудя, и белая струйка эмульсии била в отверстие, врываясь туда по виткам сверла и охлаждая разогретый трением металл. Когда Воробьев выводил сверло, видно было,

как стекающее из отверстия молоко эмульсии крутит и выносит наружу мелкое крошево стружек.
— Вы поглядите вокруг, кто как работает и какой разнобой получается, — сказал Воробьев, прилаживая на суппорте расточный резец. — Вы ведь у нас по тех-нической пропаганде и обмену опытом, верно? Вот я и подумал, что вы нам поможете. Два токаря стоят рядом, один обрабатывает деталь скоростным методом, другой — по старинке. Один тратит на установку полторы минуты, другой — все пять. А кто этим интересуется? Никто. Изучить бы это все и показать: глядите, вот где резерв времени!
Ане стало стыдно: ведь она сама об этом думала как об одной из своих главных задач, а у Любимова на ра-достях все позабыла. Она тут же успокоила себя: «Раз-ве я не смогу заняться тем же самым на участке... на своем участке!»
Она стояла рядом с Воробьевым и наблюдала за его легкими, быстрыми движениями, смутно припоминая ка-кую-то важную и дорогую ей мысль, связанную с такой вот работой... По прихоти памяти возникли домик ин-женеров на склоне сопки, комната, где жила, и даже плотная карточка для выписок, куда она записала что-то, поразившее ее... Но что она тогда записала? Да ну же, ну! Ведь крутится в памяти, а не поймаешь!
Воробьев уже прошел отверстие резцом, замерил его одним инструментом, потом другим, сменил резец на развертку для чистовой обработки, еще раз проверил диаметры и бережно ввел в отверстие развертку. Лицо у него было теперь строгое и напряженное. Работа по-глощала уже не силу, а мысль.
Аня отметила это и вдруг разом вспомнила: она конспектирует раскрытую на столе толстую книгу, пере-читывает понравившиеся ей слова и с увлечением запи-сывает на карточке: «Маркс о том, что капитализм ли-шает рабочего наслаждения трудом как игрой физиче-ских и интеллектуальных сил!»
— Готов! — сказал Воробьев, высвобождая деталь из охвативших ее креплений. Любовно зажав ее в ладо-нях, он заглянул в отверстие и даже легонько засвистел: расточено идеально, не придерешься!
— Яков Андреич, вы получаете наслаждение от сво-ей работы?
Он удивленно вскинул глаза, улыбнулся:
— А как же? Если все ладно выходит...
Она повторила ему запомнившиеся слова Маркса.
Воробьев задумался, все еще держа в ладонях золот-ник, потом перевернул его и начал закреплять в патроне другим концом — для наружной обработки.
— Интересно, — проговорил он, выбирая подходя-щий резец, и вдруг оторвался от работы и обернулся к Ане. — Интересно, что он это тогда понял. Лет сто на-зад, верно? Когда рабочий работал подневольно, как на каторге...
И немного погодя, запустив станок, попросил:
— Вы мне покажите, где эти слова. Я нашему наро-ду прочитаю.
Не отрывая глаз от возникающей светлой полоски отточенной стали, Воробьев говорил, делая паузу каж-дый раз, когда нужно отвести резец или снять крючком навернувшуюся на деталь стружку:
— А с планом коллективного творчества... помните, мое предложение на партбюро? Еще Диденко одобрил! Так ведь ни черта не делается! Проголосовали — и за-были. До чего странно получается! Если работа сроч-ная — значит, побоку все, что могло бы ее ускорить!.. Есть тут логика или нет, как по-вашему? Отодвиньтесь, Анна Михайловна, как бы вам стружка чулки не поре-зала.
Длинные, поблескивающие спирали наворачивались и опадали возле ее ног. Аня была рада отойти, потому что не знала, что ответить Воробьеву. Неужели руково-дители цеха действительно не верят, что получится толк? Но тогда... не оттого ли и ее работу никто не учитывает и не связывает с производственными зада-чами?
— Яков Андреич... Вы бы пошумели, напомнили о своем предложении!
— А как же! Обязательно! — весело сказал Воро-бьев.
Уже не раздумывая, звали ее или нет, Аня пошла на оперативное совещание. Ей хотелось сообщить каждому из присутствующих: «Я здесь по праву, пройдет несколь-ко дней, и никто уже не будет коситься на меня: чего эта женщина болтается по цеху без настоящего дела?»

Однако и сейчас никто не косился на нее. Мастера и начальники участков несколько раз обращались к ней: мало стахановских школ, товарищ Карцева! Почему опыт пакулинской бригады плохо передается, другим бригадам, товарищ Карцева? Знает ли товарищ Карце-ва, что на металлическом заводе введен новый метод разметки?
Аня добросовестно записывала эти замечания. Зна-чит, ее работа все же нужна? Что ж, тем лучше. Но теперь этим займется кто-нибудь другой, Карцева пе-рейдет на основное дело — на турбину.
К этому все и сводилось. Дать турбину в новый срок, определенный приказом директора.
— На время надо отложить в сторону все осталь-ное, — сказал Любимов. — С этого часа прошу всех со-средоточить все усилия на первой турбине. Ею дышать, ее и во сне видеть.
И совещание стало «крутить» со всех сторон первую турбину, отбрасывая остальное.
И вдруг раздался требовательный голос Полозова:
— А общецеховой график и план рационализатор-ских работ? ПДБ составляет его, или это тоже побоку?
Алексей сидел в углу, в тени оконной шторы. Насуп-ленный, мрачный.
— Погоди, Леша, сейчас не до того! — миролюбиво бросил Бабинков, хотя именно Бабинкову, как началь-нику ПДБ — планово-диспетчерского бюро, было пору-чено вместе с Полозовым разработать предложенный Воробьевым план рационализаторских работ.
Любимов счел реплику Бабинкова за исчерпываю-щий ответ и повел совещание дальше.
Аню обрадовал и смутил вопрос Алексея. Об этом ведь и говорил Воробьев: проголосовали и забыли! Но, может быть, сегодня и вправду не до того?..
— Разрешите мне слово! — громко сказал Полозов, вскинув руку.
— Ну что? — неодобрительно буркнул Любимов.
Алексей встал. Увидев, как он бледен, Аня испуга-лась за него: зря просит слова, зря дает волю раздра-жению!
— Мне кажется, мы узко и неправильно толкуем приказ директора, — так начал Полозов, к удивлению Ани, совершенно спокойно. — Тут Георгий Семенович говорил, что цикл производства турбины — штука точ-ная, сократить его без перенапряжения, без штурмовщи-ны нельзя. Но что такое цикл производства турбины, которым мы пугаем людей и самих себя? Возьмите срок обработки самой трудоемкой детали — он и определяет минимальный срок всего цикла. Остальное зависит от нас — от нашего умения спланировать и организовать работы.
Теперь все присутствующие с интересом повернулись к Полозову, ожидая, какой же вывод он сделает из вер-ной мысли. А Полозов говорил, обращаясь прямо к Лю-бимову:
— Говорят, хороший полководец может проиграть один бой, но выигрывает всю кампанию. Наша главная, решающая задача — дать Краснознаменке не одну, а все четыре турбины. Что же из этого следует? Что нель-зя откладывать обработку самых трудоемких деталей второй, третьей, четвертой турбин «на потом»: завалим-ся! Пускать их надо в работу немедленно, имея четкий график до октября. Срочно заняться механизацией са-мых канительных операций. Выиграть время для всех четырех машин! В этом будет наша настоящая победа! А мы отмахнулись от ближайшего будущего, давай жать на первую, — а там хоть гори все! О недавнем партбюро забыли? Было предложение Воробьева, было решение партбюро. Я прошу ответить, отменяется оно или нет?
— Да нет, конечно, — с досадой ответил Любимов. — Просто мы сейчас говорим о другом, Алексей Алексее-вич. Вы напрасно так пылко нас агитируете. Есть приказ директора о новом сроке по первой турбине. О ней и речь.
И, снисходительно усмехнувшись, он снова вернул совещание к частным производственным вопросам, ста-раясь не замечать своего заместителя, который все еще стоял, изо всей силы стиснув руками спинку стула. Ане казалось, что Алексей мог бы сейчас поднять и швыр-нуть в Любимова этот стул, если бы стул не был занят.
— Алеша, да ну что ты в самом деле? — услыхала она шепот Гаршина.
Полозов сердито отвернулся от Гаршина и вдруг, не попросив слова, громко и отчетливо заявил, что новый срок выпуска первой турбины — нереальный срок, очко-втирательство, и откладывать ради него важнейшие де-ла безответственно и гибельно для цеха.
— Перед кем мы в прятки играем? — крикнул он. — Вы же сами знаете, Георгий Семенович, что срок нереа-лен, вы сами в него не верите!

Не обращая внимания на ропот, поднявшийся вокруг, он начал по срокам обработки различных деталей дока-зывать, что новый график невыполним.
Аня опустила голову. Ей было стыдно за Алексея, стыдно и страшно. Понимает ли он, что говорит? И чего он добивается?
Она не могла не признать правоты Любимова, когда тот, досадливо морщась, отчитывал Полозова, обвиняя его в попытке дезорганизовать работу совещания и вну-шить недоверие к приказу директора. После чересчур резкого выступления Полозова благоразумная сдержан-ность Любимова подкупала и убеждала лучше слов. Нельзя было не согласиться и с Ефимом Кузьмичом.
— Нам мобилизоваться надо, — сказал он с обидой и огорчением, — а товарищ Полозов пытается разору-жить нас. Что же ты, Алексей Алексеевич, не понима-ешь, что ли?..
— Я понимаю одно, — негромко ответил Алексей, — что так мы провалим обязательство, данное краснозна-менцам. А иначе могли бы выполнить.
Аня ушла растревоженной, со смутным ощущением какой-то вины, хотя она и не произнесла на совещании ни слова.

2

С трудом дождавшись гудка, Алексей Полозов под-черкнуто тщательно вымылся, переоделся и, независимо подняв голову, пошел к выходу. Никто не заметил этой демонстрации, но сам Алексей получил от нее горькое удовлетворение.
За воротами цеха его встретил ветер с моря. Ветер был кстати: его упругие и влажные струи как бы обмы-ли лицо, снимая усталость. Но дурное настроение от этого не улучшилось.
На площади перед заводоуправлением Алексей оста-новился, раздумывая, не зайти ли к Диденко. Пожалуй, давно следовало поговорить с ним начистоту. Плохо то, что сегодня невольно получится жалоба — побили, вот и побежал выдумывать «принципиальные разногласия». Да и сумеет ли он рассказать все как есть? Вот ведь сегодня... ну, Любимов, тот не мог согласиться, против Любимова все и было направлено, но остальные?.. Не сумел он, что ли, доказать свою мысль?.. Ведь он же прав, как они этого не понимают?!
А Ефим Кузьмич сказал: «Полозов пытается разору-жить нас». Гаршин — и тот наставительно заявил: «Ко-гда есть приказ, надо его выполнять, так нас в армии учили!» Как будто Алексей оспаривал приказ, отказы-вался выполнять его! Он просто предупредил, что цех становится на ложный путь, а его чуть ли не в склоч-ники записали! Бабинков по-приятельски попрекнул: «И чего вы не поделили с Любимовым?»
Даже Карцева смотрела на него с испугом и удив-лением, а когда он вторично взял слово, низко-низко опустила голову — осудила или пожалела?
Ну что ж! Может, он был раздражен и плохо отби-рал слова, но выступление на совещании он и сейчас считал своей победой, увы, никем не признанной. Перед тем он чуть было не струсил, чуть было не промолчал. Минута, когда он поднял руку и решился высказать все, что думает, была хорошей минутой. Проще было уверить себя,, что раз в утреннем споре с Любимовым он уже потерпел неудачу, говорить бесполезно, да и не он отвечает за цех, держать ответ придется Любимову, так что незачем голову ломать...
Гаршин так и сказал. Выйдя вместе с ним с сове-щания, дружески обнял и ткнул кулаком в бок:
— Торопыга! Ну зачем ты вылез? Прешь на рожон!
— Раз я считал правильным...
— О-ох, уж эти мне принципиальные люди! Ведь знаешь, что и они знают, и Немиров знает, и все знают, что срок липовый! Ну, на директора нажали, а он на нас нажал, и мы жать будем. Почему тебе одному боль-ше всех нужно спорить? К десятому, конечно же, турби-ну не сдадим, это и дураку ясно. А народ подтянется. Тут, брат, политика!
— Это не политика! — возмутился Алексей. — На вранье народ не мобилизуешь!
— Фу ты, до чего ершистый! А чего добился? Сде-лал из себя мальчика для битья!
Алексей сбросил с плеча обнимающую руку Гарши-на:

— Ну и побили! А рассуждать, как ты, не умею!
И пошел прочь, еще более раздраженный и расстро-енный. Ну и пусть этот веселый циник Гаршин не пони-мает, пусть не понимает Бабинков — ветряная мельни-ца... Но Ефим Кузьмич? Шикин? Начальники участ-ков — все друзья, товарищи...
Окна парткома тянулись по всему второму этажу здания. Глядя на них, Алексей колебался: идти или не идти к Диденко? И с чего начать?
Два окна вдруг осветились. Алексей увидел техни-ческого секретаря парткома Соню, — она зажгла свет в приемной и прошла в кабинет. Тотчас в кабинете вспыхнули плафоны, осветив круглую голову и пышные усы Ефима Кузьмича. Старик стоял вполоборота к окну и что-то горячо говорил, должно быть с возмущением рассказывал парторгу о сегодняшнем оперативном сове-щании, где так недостойно выступил инженер Полозов.
Алексей с досадой отвернулся и пошел к проходной.
Он был слишком взвинчен, чтобы ждать автобуса, да и все равно некуда торопиться и нечего с собой де-лать. Он побрел вдоль бесконечного заводского забора, разбрызгивая лужи и увязая ногами в рыхлых наметах закопченного снега.
Ходьба рассеивала и приводила мысли в порядок. Да, если разобраться — характер неуживчивый и рез-кий, выступать, видимо, не умею, надо бы спокойнее и убедительней... В личной жизни неудачник, тут уж и сомнений нет. Все люди как люди: любят, женятся, счастливы, как-то умеют ладить, поддерживать друг друга, — а я ни черта не умею, и любить меня, наверно, не за что... И вот сейчас, когда на сердце кошки скре-бутся, не к кому пойти и некуда деть себя... Завод! Да, конечно, вся жизнь — тут. Всегда с гордостью думал: тут и радость, тут и горе, в общем — жизнь. Разве я для заработка работаю? Работаю потому, что люблю, потому что это дело мне по душе. Все верно. А вот се-годня именно тут меня побили, как мальчишку, и ока-зывается, что мне некуда деваться, что и друзья-то все на заводе, так уж сложилось...
На перекрестке он чуть не угодил под грузовик. В су-толоке возле универмага чуть не сбил с ног прохожего и, отскочив, наступил на ногу другому. Сконфуженный, он остановился в самом неудобном месте, у выхода, где его все толкали. И в эту минуту услыхал:
— Алеша! Алеша! Иди сюда! Откуда ты взялся?
Голос был звонкий, ласковый, хорошо знакомый...
Алексей ринулся на голос.
Из переднего окна светло-серого автомобиля выгля-дывало тоже хорошо знакомое и милое лицо, слегка располневшее и по-новому яркое — не только от природ-ного молодого здоровья, но и от умело применяемой кос-метики, оттеняющей и густоту ресниц, и красивый изгиб пухлых губ, и закругленные линии бровей. Эти брови, когда-то по-детски наивно выделявшиеся белыми дуж-ками на загорелом лице восемндцатилетней девушки, были теперь темными и более крутыми.
— Леля! — весело удивился Алексей. — Какая ты стала!
Она засмеялась, и этот знакомый короткий смешок, как и прежде, взволновал его.
— Какая же? — кокетливо спросила она и распах-нула дверцу. — Садись, подвезу. Садись, садись, Алеша! Я много раз вспоминала тебя.
— И на том спасибо, — сказал Алексей, садясь ря-дом с нею и сбоку оглядывая ее. Похорошела еще боль-ше. Синяя бархатная шляпка очень идет ей. И эти руки, холеные и полненькие, так мило лежат на баранке. А прическа новая — локоны, и золотистый шарфик под цвет локонов; это она всегда умела — подчеркнуть все, что следует заметить. Только вот брови красит зря, — те белые дужки были такие милые... Впрочем, какое мне дело! Интересно, откуда взялась машина? Наверно, мужа. Вышла замуж... И кто этот разнесчастный счаст-ливец?
— Ты что же это, шофером сделалась?
— Поднимай выше, генеральшей! — вызывающе ска-зала она и включила мотор. — Куда тебя везти?
— Куда глаза глядят. А это тебе подходит — гене-ральшей. И собственная машина тебе к лицу, вроде это-го шарфика.
Она лукаво поглядела на него из-под опущенных ресниц. Ресницы у нее такие, что пущистей, наверно, и на свете нет. А она умеет ими пользоваться. Ничего не скажешь, зря не пропадают. И когда она успела захоро-водить генерала? Впрочем, никакого филолога из нее получиться не

могло, это и раньше было ясно. Невеста с высшим образованием — вот и весь смысл ее уни-верситетской учебы, с грехом пополам, с двойки на тройку...
— Кончила ты университет?
— В общем да, — беспечно ответила Леля и вывела машину из ряда других, стоявших около универмага. Управляла она уверенно, но осторожно, скорость не развивала и других машин не обгоняла. Это было по-хоже на нее — так вести машину.
— Что значит — в общем?
— Диплом еще не сделала. Готовлю помаленьку.
— Работаешь?
Она улыбнулась и вздохнула:
— Ох, Алешенька, ты все еще надеешься найти во мне труженицу и мыслителя?
Он тоже улыбнулся:
— Нет, Лелечка, не надеюсь. И теперь это уже не моя забота. А шофер из тебя получился разумный, не лихач и не аварийщик. Ты и возишь своего генерала?
— Когда захочется — вожу, — важно сказала Ле-ля. — Обычно это делает наш шофер.
Она помолчала и тихо сказала:
— Мы с тобой так давно не видались... неужели нам не о чем больше говорить?
Ее голос и улыбка, больше чем слова, по-прежнему волновали его.
— Я была уверена, что мы с тобою еще встретим-ся, — продолжала она, глядя перед собой и нежно улы-баясь набегавшей под колеса мостовой. — Это было не-хорошо с твоей стороны — так исчезнуть. Я очень гру-стила, Алеша.
— Во всяком случае, ты быстро утешилась, — с ус-мешкой сказал он, стараясь не поддаваться влиянию ее ласковых слов. — Если даже поверить, что ты всерьез грустила. Сколько лет твоему мужу?
Она быстро и зло взглянула на него и ответила с вызовом:
— Ровно столько, сколько нужно, чтоб мужчина на-учился ценить женщину и выполнять все ее желания.
— О-о! Все?
— Да. Все.
— Не знаю, как для твоего генерала, мне до него, по совести говоря, дела мало... но для тебя это плохо-вато. Носик-то совсем кверху задрался.
Теперь он сам искоса глянул на нее, — она всегда, бывало, сердилась, если он начинал подшучивать над нею. Но Леля не рассердилась, только круто вывела ма-шину с проспекта на тихую боковую улицу и сбавила скорость, так что машина покатилась совсем медленно, будто задумчиво, — казалось, вот-вот окончательно за-думается и станет как вкопанная.
— Ты не в духе сегодня, Алеша?
— Признаться, да.
— Ты женат?
— Нет.
— Какие-нибудь сердечные неприятности?
— Нет.
Она покосилась на него сквозь золотистую прядку волос, танцевавшую у ее щеки, и, выпятив нижнюю гу-бу, дунула снизу вверх, чтобы откинуть мешавшую ей прядку. Это ее знакомое и милое движение неожидан-но всколыхнуло в душе Алексея давние и уже позабы-тые чувства.
— Ты все такая же, — сказал он.
— А ты изменился. Еще не понимаю, в чем, но из-менился.
— Кажется, нет.
— Правда? — радостно воскликнула она, на секун-ду позабыв об управлении машиной и повернув к нему просиявшее лицо. Машина сделала по мостовой стран-ный зигзаг. Леля спохватилась и со смехом выпра-вила ее.
Как она поняла его слова? И почему обрадовалась?
— Так что же у тебя случилось, Алешенька? Ты мне расскажи. Ведь я тебе по-прежнему большой друг. В этом, я надеюсь, ты не сомневаешься?
Друг?.. Она никогда не была ему другом. Но ее участие было приятно. И она удивительно кстати попа-лась ему на пути именно сегодня, когда так смутно на душе. Кто знает, может, она и переменилась к лучшему? Генерал-то, наверно, человек серьезный и боевой, дол-жен влиять

на нее. Да и, в конце концов, была она то-гда всего лишь девчонкой, легкомысленной, эгоистичной девчонкой, не в меру избалованной своей милой, слабо-характерной матерью. И множеством поклонников тоже. Всеми этими студентами, которые вертелись возле нее в Публичной библиотеке, отбивая последнюю охоту за-ниматься.
Он кратко рассказал ей, что с ним сегодня произо-шло. У него сразу полегчало на душе, потому что, рас-сказывая, сам убедился в своей правоте. Поймет Леля или не поймет, что высказать всю правду было с его стороны и честно и смело? Скажет ли доброе слово?..
— Ничего, Лешенька, все обойдется, — ласково ска-зала она и мимолетно погладила ему руку.
— Но разве можно так? Промолчал бы — и все. Тебя же никто не тянул за язык.
Он с горечью пробормотал:
— Спасибо за совет.
— Да ведь правда же, — мягко и наставительно про-должала она. — Ты и раньше был такой — наивный, не-расчетливый идеалист... и вечно лез в драку. Как будто ты один можешь всех людей переделать... Но ведь те-перь-то ты уже взрослый человек! Пора научиться. В жизни таких, как ты, всегда бьют, Лешенька. А мне очень не хочется, чтоб тебя били...
И она так улыбнулась ему, что вместо прямого отве-та на ее поучение он растерянно спросил:
— Почему?
— Не зна-ю! — нараспев протянула Леля и, лукаво посмеиваясь каким-то своим мыслям, молча повела машину дальше. Золотая прядка попрежнему плясала у ее щеки.
— Насколько я помню, ты никогда не была фило-софом, — насмешливо заметил он. — Кто тебе внушил такую житейскую философию? И о какой жизни ты го-воришь? Какую жизнь ты знаешь?
— Самую обыкновенную, — неохотно откликнулась Леля. — Не выдуманную, не идеальную, а самую обык-новенную жизнь!
— Знаешь, мне сдается, что эта жизнь, как ты ее понимаешь, — очень неинтересная и унылая жизнь.
— Не знаю, у кого из нас двоих она интересней, — заносчиво сказала Леля и дала полную скорость. Те-перь она гнала машину по проспекту, обгоняя другие и лихо проскакивая между трамваями и автобусами. Управлять машиной она, во всяком случае, научилась неплохо, иначе давно произошла бы авария... Занятно, всегда ли она так гонит, когда сердится?
— По-моему, ты расшибешь и машину и нас с то-бой, — сказал он. — Слишком дорогая цена за расхож-дение во взглядах. И за что генералу в один день те-рять все свое богатство?
— Я тебя ненавижу. Как тогда, — быстро сказала Леля сквозь зубы. Но скорость сбавила.
Некоторое время они молчали, потом он миролюби-во спросил, куда она собирается завезти его.
— Куда придется, — усмехнулась она.
И вдруг, совсем сбавив ход, быстро и гневно заго-ворила:
— Вот ты меня осуждаешь, и насмехаешься, и, по-твоему, я не так живу, не так смотрю на жизнь... Хо-рошо, допустим! Но разве я тебя заставляю жить по-своему? Разве я тебе навязываю свои взгляды? Ты не хотел принимать меня такую, какая я есть... ну и лад-но! И ладно! Я, кажется, не упрашивала тебя и не зва-ла, когда ты... когда ты...
В голосе ее зазвучали слезы, но она быстро подавила их и продолжала все так же гневно:
— Все вы пытаетесь меня воспитывать... Может быть, вы и правы с какой-то большой точки зрения... Я сама понимаю, что это, наверно, как раз то, что нуж-но! А из меня не получается. И не получится. Что я, не старалась зубрить, как все? Что я, не старалась ради тебя усвоить всякую всячину хотя бы на четверку? Не могу, хоть убей. Не хочу. Захотела бы — подумаешь, какая сложность! А не хочу, и не нужно мне это, и не тянет меня. И работать... Да, что хочешь говори, а мне подходит именно это — и машина, и лето в Сочи, и меж-дународный вагон, и всякие красивые тряпки... А хо-дить в платочке — не для меня, понимаешь — не для меня!
— Разве я тебя уговаривал ходить в платочке? — оскорбленно вскричал Алексей.
— В платочке или не в платочке, все равно ты хо-тел, чтобы я была не я, а какая-то другая, идеальная женщина в твоем высоком понимании. А из меня не выйдет. И все это выдумки, просто ты не любил по-настоящему, так, чтобы все откинуть... все принять... А нашелся человек, который меня любит, бережет, со-здает мне все условия... который все прощает мне и все принимает... Какое право ты имеешь насмехаться и упрекать? Унылая жизнь?! Каждый устраивает свою жизнь по-своему, вот и все.

Его мало затронул смысл этой речи, все это он знал давно, — достаточно поспорили в свое время, сколько раз он уходил от нее в ярости. Его затронуло сейчас ее волнение, эти слезы, непрошено зазвучавшие в ее голосе... Значит, не забыла? Значит, ей не безразлично, как он к ней относится и что думает?
— Я желаю тебе счастья на твой лад, Лелечка, раз уж так вышло, — сказал он примирительно.
— Останови, пожалуйста, у какой-нибудь трамвайной остановки, мне пора...
Она кивнула и прибавила скорости. Трамвайные остановки мелькали за стеклом одна за другой.
— Не надо ссориться, — глядя перед собою, нежно сказала Леля. — Я так обрадовалась тебе, Алешенька... Право же...
Они ехали по Лиговке, и Алексей не узнавал ее. Давно он здесь не был, что ли? Старая привокзальная Лиговка стала красивой и чистой, полосы газонов от-делили трамвайные пути от проезжей части улицы, гус-то посаженный кустарник перемежается торчками мо-лодых деревьев — и так вдоль всей этой широкой ма-гистрали. Пройдет месяц-два, и все тут зазеленеет, расцветет на солнышке...
— А весна-то на носу! — повеселев, сказал Алек-сей. — Кажется мне, или на самом деле уже набухают почки?
— Мне то-же ка-жет-ся! — пропела Леля и на мгно-вение прижалась щекой к его плечу. Когда он опомнил-ся, она снова сидела смирно, глядя на приближающий-ся красный глазок светофора. Затормозив у перекрест-ка, ее рука соскользнула на его руку и сжала ее. Он сидел не двигаясь, не умея разобраться в том, что с ним происходит.
— Я так счастлива сейчас, Лешенька, — быстрым шепотом говорила она, не отрывая глаз от красного сиг-нала. — И я тебя везу к себе, понимаешь? Дома никого нет и не будет до послезавтра. Это так чудесно, что мы встретились именно сегодня. И мы не можем так рас-статься. Я не хочу. Я всегда ждала, что мы еще встре-тимся. И ты, да?..
Ее теплая рука мешала сосредоточиться. Но вот красный огонек сменился желтым, потом зеленым — ее рука нехотя оторвалась от его руки и легла на баранку. Машина шла так медленно, что задние машины начали гудеть, подгоняя ее.
Откинувшись назад, Алексей старался справиться с собою и стряхнуть это наваждение. Ведь все давно оторвано, отрезано, пережито. Она не захотела пойти с ним по жизни так, как представлялось ему, как хо-тел он. Она уже тогда, может быть не совсем ясно по-нимая это, ждала своего генерала, или академика, или черт знает кого — того, кто ей «создаст все условия»... Любила она его, Алексея? Кто ее разберет. Во всяком случае, не настолько, чтобы отрешиться ради него от своих стремлений. Он тогда крикнул ей что-то очень резкое, даже грубое, и ушел, хлопнув дверью так, что на лестнице шуршала штукатурка, когда он в беспамят-стве сбегал вниз. Решение далось нелегко, но оно было правильным. Оно было единственно возможным. Зачем же сейчас ворошить старое?..
Он скосил глаз — она тут, рядом, ее губы слегка приоткрыты, ее нежный профиль маячит совсем близко на фоне мелькающих за окном машины домов, голых деревьев, встречных машин и трамваев. Как странно, что она встретилась снова именно сегодня, в такой горь-кий день!
— Где ты живешь? — спросил он, чтобы нарушить молчание.
— На Старо-Невском, милый, — шепнула она, заго-ворщицки улыбаясь. — В совсем отдельной квартире, где сейчас нет ни души! Ни души! Мы с тобой устроим пир, Алешенька, такой пир! И никуда я тебя не отпущу. Я так рада тебе, если б ты знал, как я тебе рада!
И она облизнула губы движением лакомки.
Он вдруг с ужасающей ясностью представил себе все, что должно совершиться. Устроив свою жизнь во-преки идеалам и принципам «наивного» Алеши, ничем не поступившись ради него, она теперь с обычной своей беспечной легкостью готова взять его в любовники... чтобы удовлетворить свои давние, обманутые желания? Или для того, чтобы все-таки восторжествовать над ним?..
— Остановись на минутку, — сказал он, когда они пересекли вокзальную площадь и свернули на Старо-Невский.
Придумать любой предлог — пора на завод, неот-ложное деловое свидание... все, что угодно, но сейчас же вырваться, уйти, остаться одному, разобраться... И сделать это немедленно, пока она не привезла его к себе, — оттуда будет уже поздно, не под силу уйти... А может, и не надо

уходить? Восторжествовать само-му?.. Переломить это ее эгоистичное легкомыслие и с презрением бросить ей в лицо все, что он о ней ду-мает?..
— Останови!
Они как раз проезжали мимо большого винно-гастрономического магазина. Качнув головой, она добро-душно сказала:
— Не надо, дружочек, ничего не нужно. Дома есть и закуски, и всякое вкусное, и даже шампанское!
Этот последний штрих завершил рисунок. У нее не было даже той подлинной взволнованности чувства, ко-торая могла бы оправдать ее. «Закуски, всякое вкусное, шампанское...» Кто знает, первого ли она везет любов-ника на всю эту программу?..
— Останови! — крикнул он, рванув дверцу.
Она испуганно затормозила, ткнувшись передним колесом машины в край тротуара.
— Прошу прощенья, но шампанского не пью, — ска-зал он, нащупывая ногой тротуар и с ненавистью глядя в ее побледневшее лицо с дрожащими губами. — И вооб-ще, знаешь, я не любитель этих штук...
Он выскочил из машины, захлопнул дверцу и боль-шими шагами пошел назад, торопясь затеряться в при-вокзальной суете.
«Не любитель этих штук...» Глупо. И грубо. Надо было сказать прямо. Или не говорить ничего: занят, то-роплюсь — и все... А впрочем, какая разница! Если способна понять — поймет.
Он ни разу не позволил себе оглянуться на светло-серый автомобиль, приткнувшийся к тротуару. И, не оглядываясь, он чувствовал, что автомобиль еще там. Что она делает сейчас? Злится? Плачет? Все равно, не оглядываться, не возвращаться, ни в коем случае не возвращаться, даже если плачет…
Оглядевшись, он увидел себя стоящим посреди тро-туара на углу Невского и Владимирского. Голова была пустая и какая-то гулкая: каждый звук отдается. Устал. И очень хочется есть: от расстройства чувств забыл се-годня пообедать.
В маленькой закусочной он залпом выпил стопку водки, съел несколько бутербродов и выпил вторую стопку. Вкуса еды не почувствовал, а водка ударила в голову. Он побрел по Владимирскому проспекту, ни о чем уже не думая в отупении усталости. Потом дома и люди медленно закачались из стороны в сторону.
Он постоял, пока дома и люди не утвердились на местах, зашел в первые попавшиеся ворота и увидел неожиданно провинциальный дворик с круглым пали-садником в центре. Дети скатывались на санках с полу-растаявшей, почерневшей снежной горки, окруженной лужами. Они не обратили никакого внимания на чужого дядю, вошедшего в палисадник и почти упавшего на мокрую скамью.
Была минута, когда все окружающее — и незнако-мый дворик, и дети с их шумной возней — провалилось в пустоту. Очнувшись, он с удивлением огляделся и уви-дел перед собой мальчугана в непомерно большой шап-ке. Наушники были развязаны, и потертые, свернувшие-ся жгутом тесемки болтались на забрызганной грудке серого ватника. Под удивительными, лазурно-синими, очень серьезными глазами краснели вздернутый нос и влажные, удивленно раскрытые губы.
— Вы спите, дядя? — шепотом спросил мальчик.
— Как видишь! — ответил Алексей. — А что, здесь нельзя спать?
Мальчик хмыкнул и сказал убежденно:
— Кто же спит на улице? — он помолчал, подумал и спросил: — А вы, дяденька, не пьяный?
— Нет!
— А вы здесь живете?
— Нет!
Мальчик шагнул поближе:
— Или у вас болит что?
— Допустим, что болит.
— Сердце?
— Вот именно. Сердце.
— Я уж вижу! — с удовлетворением сказал маль-чик. — У мамы тоже бывает. А у вас капли есть?
— Нет!

— Капли помогают, — сказал мальчик и, колеблясь, посмотрел куда-то вверх, на окна. Может быть, разду-мывал, не сбегать ли домой и не будет ли сердиться мама, если он возьмет ее капли для чужого дяди. Но в это время воробей порхнул мимо них, сел на дорожку и начал отряхивать мокрые перышки. Мальчик не-сколько секунд смотрел на него жадным взглядом охот-ника, потом плавными, беззвучными движениями снял с головы шапку, метнул ее вперед и точно накрыл во-робья, погрузив наушники и борта шапки в месиво та-лого снега.
— Ре-бя-та-а! — заорал он, присев на корточки и придерживая шапку двумя руками. — Ре-бя-та-а, во-робья накры-ыл!
Алексей встал и твердой походкой направился к трамвайной остановке.
«Что, собственно, произошло? — спросил он себя, пе-ревешиваясь через железную решетку на площадке трамвая, чтобы ветер сильнее обдувал лицо. — И кто меня обидел? Никто! Что я, маленький или слабенький? Поступил так, как считал правильным, а со мною не согласились и меня побили. Тут уж ничего не подела-ешь, если не воспринять житейскую философию Лели. Верю я, что прав? Да, верю. Значит, бороться надо, а не распускать нюни!»
Домой идти не хотелось. Алексей зашел в кино. Фильм был знакомый и не захватывал внимания. Герои-ня глупенькая, но очень хороша. И ресницы у нее, как у Лели. И улыбка такая же, обещает черт знает что!..
Не досмотрев фильма, он вышел под шиканье пуб-лики. Купил банку консервов, дома без аппетита по-ужинал, лег в постель и перед тем, как заснуть, соста-вил себе план действий с той «железной последователь-ностью», которую любил в себе и всячески развивал.
Но продуманный план борьбы сорвался с самого на-чала. Когда он утром зашел в партком, Соня наброси-лась на него:
— Куда вы девались вчера, товарищ Полозов? Ни-колай Гаврилович срочно вызывал вас, я все телефоны оборвала! Он ужасно сердился!
— Вот я и пришел, Сонечка! — сказал Алексей, улыбкой прикрывая волнение. Он покосился на дверь кабинета, где его, несомненно, ждал сокрушительный «разнос».
— Поздно пришли! — проворчала Соня. — Николай Гаврилович вчера уехал.
— То есть как уехал?
— Поездом, — усмехнулась Соня. — В Москву. Дней на пять.
В цехе первым человеком, которого встретил Алек-сей, был Ефим Кузьмич. Ефим Кузьмич внимательно поглядел на Полозова, укоризненно качнул головой и тотчас заговорил о деле, которое в эту минуту больше всего занимало его, — с металлургического завода при-везли отливки диафрагм, надо было обеспечить их сроч-ную обработку.
На участке появился Любимов.
— Здравствуйте, Георгий Семенович! — сказал Алексей.
— Здравствуйте, Алексей Алексеевич! — ответил Любимов и сразу заговорил о диафрагмах, дал Поло-зову несколько поручений, даже пошутил с ним как ни в чем не бывало. Алексей чувствовал себя напряженно, отвечал с трудом, а Любимов, по-видимому, и не думал о вчерашнем...
— Кстати, Алексей Алексеевич, тут возникло дело по вашей части, — с улыбкой спокойного превосходства сказал Любимов. — Ваш Воловик придумал что-то новое, он сейчас у Шикина. Поглядите, может быть, и вправду что-нибудь дельное.
И. взяв Ефима Кузьмича под руку, пошел по цеху, оставив Алексея одного. Произошло то, чего никак не ожидал Алексей, — разногласия загнаны вглубь, ника-кой борьбы не будет; его выступление отвергли, как не-удачное, и перешли к очередным делам.

3

Все началось с того, что Ася затеяла генеральную уборку и полную перестановку в квартире. Повязав го-лову косынкой и надев старый, выцветший сарафан, Ася с утра принялась обметать потолки и мыть щеткой стены. Провожая мужа на завод, она взяла с него сло-во, что он придет

домой сразу после работы, чтобы по-мочь ей передвинуть мебель, и не останется на вечер, как обычно, в цехе.
— Хорошо, Ася, конечно, обязательно! — покорно обещал Воловик, хотя сегодня этот вынужденный пере-рыв казался ему особенно несвоевременным.
Вот уже третий день он снова работал в турбинном цехе на снятии навалов, на «досадной» работе, ненави-димой всеми слесарями, которой он упорно добивался больше месяца. Он пошел в турбинный цех с радостным ощущением, что теперь во что бы то ни стало найдет, найдет последнее, недающееся решение. Но к концу второго рабочего дня его охватили сомнения, тем более сильные, что внешних препятствий уже не было: облопаченные диски ротора находились перед ним, он час за часом проникал исцарапанной рукой в узкие щели между лопатками и осторожно спиливал наросты лиш-него металла — тем самым движением, которое беско-нечно повторял мысленно, отыскивая способ заменить человеческую руку умным и точным механизмом. Он думал: «А может быть, нужно не следовать за ручным процессом, а, наоборот, оторваться от него? Может быть, у меня не хватает именно широты мышления и смелости, без которых не рождалось ни одно изобретение?»
— Похоже на то, что я пошлю к черту все сделан-ное, — сказал он Жене Никитину, — и начну искать со-всем новое решение.
Женя охнул от удивления и, забывшись, неосторож-но двинул рукой. Острое ребрышко лопатки взрезало кожу на его руке.
— Ч-черт! — выругался Воловик. — Иди промой и залей йодом.
Когда Воловик в самом грустном настроении вер-нулся домой, он сразу попал ногой в большую лужу, стоявшую посреди передней. Ася, вспотевшая и грязная, весело закричала из кухни:
— Вытри ноги и не наследи в комнатах! Я кончаю! Действительно, обе
комнаты сверкали чистотой.
Мебель была передвинута на новые места: спальня пе-реехала в столовую, а столовая — в спальню. Рабочий стол Воловика тоже переехал к другому окну, и на-стольная лампа сиротливо стояла среди груды книг с закрученным вокруг абажура шнуром, так как штепсе-ля возле нее не было. Воловика озадачила такая непро-думанная перестановка, но он был слишком доволен тем, что Ася ожила и проявляет энергию, чтобы сер-диться.
— Как же ты одна все передвинула, Ася? — с упре-ком спросил он, на цыпочках пробираясь в кухню.
Кухня тоже была до блеска вымыта от потолка до узкого пространства под плитой, где обычно накаплива-лись пыль и мусор, так как поддерживать порядок изо дня в день у Аси не хватало прилежания и охоты.
Ася вытерла лицо тыльной стороной ладони, разма-зав по нему потоки грязи и лучезарно улыбнулась.
— А я понемножку, понемножку, — объяснила она. — Мне хотелось, чтобы к твоему приходу все было конче-но. У тебя там штепселя нет, — виновато добавила она. — Ты пока займись, а я домою. Провод я купила, он на подоконнике.
Она купила провод, но забыла ролики и штепсель. Сообразив это, она расхохоталась и, бросив уборку, присела на окруженный лужицами табурет. Ей очень шло, когда она смеялась, и она знала это.
Воловик подошел и поцеловал ее раз, и другой, и третий, пока она не заметила, что он тоже перепачкался.
— Два трубочиста! — воскликнула она и схватилась за тряпку. — Ступай, займись чем-нибудь! Или, еще луч-ше, сбегай за своими роликами и купи чего-нибудь по-есть, я не успела сготовить.
Когда она домывала переднюю, пришел Женя Ники-тин. Начав помогать Воловику в работе над новым стан-ком, Женя всей душой привязался к старшему товари-щу и к его жене. На Асю он действовал успокоительно и ободряюще. Может быть, потому, что она знала, как надломлено его здоровье несколькими ранениями, жиз-нерадостность Жени покоряла ее, в то время как жизне-радостность здорового, сильного Воловика зачастую ко-робила.
— А у меня обеда нет! — огорченно ахнула Ася. — Бедняги вы, голодные, а я не позаботилась! Саша, беги скорее в магазин! Женя, вы поможете Саше расставить книги? Я ему все перевернула вверх дном!
Женя одобрил перестановку, но поморщился, увидав детский стол и диванчик, которые Ася не решилась вы-нести.

— У вас антресоли есть?
— Есть. В передней, — шепотом ответила Ася.
— Поставьте-ка там лесенку или табуретку, — при-казал Женя и решительно вынес в переднюю малень-кий стол и диванчик.
Увидав, как он убирает их на антресоли, Ася припа-ла к стене и всхлипнула.
— Перестаньте, Ася! — сказал Женя, касаясь рукою ее плеча. — У вас еще будут дети, и тогда я сам все сниму.
Ася стремительно повернулась к нему, широко рас-крыв глаза. Слезинка еще висела на ее щеке.
— Женя! — еле слышно прошептала она. — Вы ду-маете?..
— Конечно, Ася! — уверенно сказал Женя и под-толкнул ее к кухне. — Идите вымойтесь и переоденьтесь, а то на кого похожи.
Ася заглянула в зеркало, рассмеялась, снова всхлип-нула и через минуту уже полоскалась под краном.
Вернулся Воловик. Он сразу заметил исчезновение детской мебели, благодарно стиснул плечи друга и, ни слова не сказав, позвал его разбирать книги.
Воловик уже несколько лет с увлечением и тщатель-ностью собирал библиотеку. После каждой получки он отправлялся по книжным магазинам, выискивая технические книги и художественную литературу. Денег на все, что манило его, не хватало, и он время от времени сбывал прочитанные книги, чтобы купить побольше но-вых. Он мечтал, что в будущем у него будут подобраны классики марксизма-ленинизма, все русские классики и основные иностранные — хотя бы в однотомниках. Кроме того, он собирал книги о путешествиях.
С тех пор как Женя Никитин впервые вошел в квар-тиру Воловиков, он заразился страстью к приобретению книг. Влюбленно подражая своему более взрослому и талантливому другу, Женя стремился во всем сравнять-ся с ним и ревниво следил за тем, что покупает, что читает Саша Воловик. Теперь он так планировал свой бюджет, чтобы выделить из каждой получки «книжные» деньги, и они отправлялись вместе с Воловиком по ма-газинам, рылись на прилавках старой книги, охотились за новинками. Увлекающийся Женя был иногда непрочь соблазниться каким-нибудь диковинным изданием, но Воловик рассудительно останавливал его:
— Зачем? Она же тебе не нужна!
И Женя с сожалением клал книгу на прилавок.
Решив передвинуть полку в другую комнату, Ася свалила книги на столы и подоконники как пришлось, и теперь друзьям предстояло наново разобрать их и рас-ставить.
— Вот вам тряпки, оботрите пыль, — напомнила Ася, бросив им с порога два лоскута.
Это было приятно: руки как бы ласкали и оглажи-вали корешки и переплеты, невольно раскрывая то одну книгу, то другую, и глаза всегда выхватывали на слу-чайно раскрывшихся страницах давние заметки, сделан-ные карандашом или ногтем. Было интересно припом-нить, что привлекло внимание при первом чтении.
Заговорившись, оба на некоторое время забывали о разборке книг, пока голос Аси не возвращал их к делу:
— Вы кончаете? Сейчас буду кормить вас, освобо-ждайте стол!
На кухне все четыре горелки газовой плиты горели самым высоким огнем; пар подбрасывал крышки каст-рюль; бурно гудел, закипая, чайник; шипело на сково-роде масло.
— Скорее, скорее, у меня все сгорит! — торопила Ася.
Освободив край стола, они сели обедать. Ася болта-ла, довольная новым устройством и тем, что ей удалось сегодня вытащить мужа домой пораньше.
Они пили чай, когда под окном раздался протяжный голос:
— Точи-ить! Точи-ить! Ножи, ножницы, ко-му точиить!
— Ой, как удачно, у нас все ножи тупые! — вскрик-нула Ася. — Сашенька, ты спустишься?
Ася никогда не знала удержу: раз уж взялась за хо-зяйство, хотела, чтобы все было сделано в один день. Завтра или послезавтра крик точильщика оставил бы ее равнодушной, ножи могли бы лежать ненаточенными еще год.
Воловик послушно взял ножи и пошел вниз.
— Саша! — перегибаясь через перила, вдогонку крикнула Ася. — У тебя деньги есть? Купи вина, мы се-годня устроим новоселье, хорошо?
— Какого, Ася?

— Какого хочешь, только сладкого. И пряников. В общем, посмотри сам, что приглянется!
Возле точильщика уже стояло несколько домашних хозяек. Заняв очередь, Воловик зашел в магазин и ку-пил бутылку сладкого вина и пряников, на другое у не-го не хватило инициативы. В последнюю минуту он уви-дел маленькие плитки шоколада с зайчиком на обертке и купил плитку для Аси. Ему было неловко и стыдно оттого, что он устроил себе свободный вечер и ушел из цеха, малодушно покинув изобретение как раз тогда, когда следовало переломить себя и заново продумать, пересмотреть все сделанное. Десятки людей надеются на него. А он будет пить вино, как будто сегодня ему есть что праздновать!
Прижав к себе покупки и держа наготове обернутые бумагой ножи, он вернулся к точильщику. Одноглазый инвалид с искривленной ранением бугристой бровью шу-тил и пересмеивался с хозяйками, плавно подставляя затупившуюся сталь кухонного ножа под вращающийся наждачный круг. Отточенное ребро ножа светилось тонкой полоской. Точильщик провел пальцем по ребру, от-ложил нож и взялся за следующий.
Ожидая своей очереди, Воловик рассеянно наблю-дал, как стремительно вертится серый круг, как возникают на лезвиях светлые полосы, как при соприкоснове-нии стали с вращающимся кругом высекаются чуть вид-ные при дневном свете искры. Он прислушивался к шуткам точильщика и к ответным шуткам женщин, к легкому скрежету наждака, обтачивающего металл, и даже, пожалуй, не думал ни о чем. Но точильщик, жен-щины, улица вдруг куда-то отступили, исчезли из поля зрения, и остался только быстро вращающийся круг, обтачивающий металл, — не этот, а другой, более тонкий и прочный круг еще неведомого сплава, который свободно, несомый легко разворачивающимся послушным суппор-том, входил в узкие щели между рядами лопаток и, неж-но прикасаясь к их ребрышкам, быстро и точно подрав-нивал их, снимая наросты лишнего металла.
Это видение было так неожиданно и так чудесно, что Воловик чуть не выронил покупки. А круг продол-жал быстро вращаться, плавно двигаясь между рядами лопаток, послушно меняя направление, наклон, силу нажима и придавая сотням острых ребрышек ту идеаль-ную одинаковость, какой никогда не достигнет самая искусная рука человека.
— Женя, круг, понимаешь — круг! — задыхающим-ся голосом повторял Воловик, стоя на пороге квартиры и прижимая к себе бутылку, пряники и так и не отдан-ные точильщику ножи.
Ася выбежала в переднюю и замерла, увидев мужа.
— Нашел, Ася, — прошептал он, свалил покупки на стол, поднял Асю в воздух, поцеловал в губы, в щеки, в лоб, в нос и засмеялся: — Круг, понимаешь, круг! Же-ня, круг!
Он увлек обоих к столу, спихнул с него книги, схва-тил листок бумаги и карандаш, попробовал нарисовать, прорвал бумагу острием карандаша, снова засмеялся и стал раскачиваться, дергая себя за волосы.
— Ох, и дурак же я! Ох, и дурак! Ведь так просто, милые вы мои, так просто, что и думать-то было нечего!
Он снова схватился за бумагу и неуклюже нарисо-вал схему станка.
— Понимаешь, Женя? И ведь, главное, думал я о круге! В самом начале подумал и отбросил. Как же так, а?
Он силился вспомнить ход мыслей, заставивший его сразу отказаться от использования круга. Хода мысли не вспомнил, но понял, что с самого начала находился во власти ручного процесса спиливания наростов, и все усилия направил на то, чтобы воспроизвести в механиз-ме, скопировать ручной процесс. А надо было отвлечься от знакомого процесса и найти не механическую копию, а самостоятельное решение. Ведь и первый самолет был создан только после того, как ищущая человеческая мысль оторвалась от копирования движущихся и взма-хивающих крыльев птицы.
— Это будет так, именно так, Женя! — говорил он через минуту, уже спокойно повторяя схему станка. — Мы еще выверим, рассчитаем, испытаем... Но я уверен, уверен! Женя, пошли немедленно на завод, я должен сейчас же поговорить с Полозовым, с Яшей. Пошли!
Уже в дверях он вспомнил об Асе.
— Асенька, ты уж прости! Сама видишь... Мы вер-немся.
Он старался не глядеть в ее напряженно улыбающе-еся личико.
— Да, я ведь тебе шоколадку купил! Мы скоро, Асенька! И вина тогда выпьем — уже теперь будет за что!

Ася закрыла за ними дверь, вернулась в комнату, к неубранной посуде, разбросанным книгам и забытым листкам с чертежами. Она устала за день и уже ничего не хотела убирать. Села на подвернувшийся стул, сор-вала обертку с зайчиком и откусила кусочек шоколада, с трудом удерживая слезы.

4

Диденко выехал в Москву дней на пять, но уже к концу второго дня заторопился домой, не поспел на по-следний поезд и решил лететь самолетом.
По дороге на загородный аэродром он то дремал в мчащемся на предельной скорости автомобиле, то с не-терпением выглядывал в окно, но видел только мгли-стые поля с редкими огоньками спящих поселков да красные точки сигналов на идущих впереди машинах.
Тем разительнее была перемена, когда он попал в залы аэропорта, полные шума и движения. Каждые несколько минут громкий голос, усиленный репродуктором, объявлял:
«Граждане пассажиры! Начинается посадка на са-молет Сталинград — Баку — Ашхабад!»
«Начинается посадка на самолет Одесса — Буха-рест — София!»
«...Свердловск — Новосибирск — Иркутск — Хаба-ровск — Владивосток!»
«...Уральск — Актюбинск — Ташкент — Термез — Кабул!»
С привычной общительностью бывшего монтажника, исколесившего всю страну и везде чувствующего себя как дома, Диденко с интересом заговаривал с собрав-шимися тут людьми и через несколько минут уже знал, что группа женщин едет делегацией дружбы к демокра-тическим женщинам Италии, что шумная компания сту-дентов летит в Прагу, а группа солидных людей, ко-торых Диденко принял было за хозяйственников, — лесорубы из Архангельска, приезжавшие на коллегию министерства.
Его внимание привлек красивый пожилой мужчина; рядом стояли очень милая, явно взволнованная женщи-на и мальчик лет десяти, смотревший вокруг сонными глазами. Когда началась посадка на Берлин, жен-щина порывисто обняла и крепко поцеловала мальчика, потом мужа. Диденко услышал, как она сказала:
— Вы только не волнуйтесь, месяц пролетит неза-метно.
Все трое пошли к выходу на поле, а через несколько минут Диденко увидел, как отец и сын прошли обратно с посуровевшими лицами — двое мужчин, старающихся скрыть свои чувства. Кто она, эта милая женщина, с болью оторвавшаяся от близких ради какого-то важного дела в Берлине? Вон оно как. В Берлине…
— Граждане пассажиры, начинается посадка на са-молет Ленинград — Петрозаводск — Архангельск!
«Правильно ли я делаю, что так быстро уезжаю?» — с запозданием спросил себя Диденко, когда моторы взревели на полных оборотах.
Неспокойный бег самолета по полю сменился плав-ным полетом. Стало тише. Диденко приник к стеклу и увидел наискось от себя освещенное здание аэропорта, ряды самолетов, а вокруг — темную землю с редкими огнями. Но самолет набрал высоту, развернулся, и вдруг под крылом, далеко внизу и сбоку, открылась па-норама огромного города, сияющего в предутренней мгле тысячами огней. В этом светлом зареве мелькнули башни Кремля, извилистая темная полоска Москвы-ре-ки, силуэты строящихся высотных зданий с красными огоньками на стрелах подъемных кранов... Самолет снова повернул — и панорама ушла назад, а перед гла-зами распростерлось большое небо с зачинающейся на востоке зарей.
Диденко вытянулся в кресле и закрыл глаза: впере-ди горячий день, надо поспать. Но только он сказал себе это, как на место рассеянных впечатлений пред-отъездного часа вернулись мысли, заставившие его вы-лететь первым самолетом.
Диденко поехал в Москву, надеясь получить помощь для выполнения краснознаменского заказа, а заодно, как было решено с Немировым, постараться ускорить строительство домов для заводских рабочих и инжене-ров. Но главной целью, конечно, было нажать на по-ставщиков,

«вырвать» до срока новые станки, получить разрешение на сверхурочные часы. Диденко твердо ве-рил, что для такого государственно важного дела никто и ничего не пожалеет.
Что ж, никто не отрицал важности дела. Все хотели помочь и кое в чем помогали. Но, попав в строгий, де-ловой порядок, где подобных забот и тревог очень мно-го, а есть дела и поважней и потрудней, Диденко сам не-вольно отказался от сознания исключительности своего дела. Важны краснознаменские турбины, но разве они не должны посторониться перед мощными экскаватора-ми для Волго-Донского канала? Очень нужен, государ-ственно важен краснознаменский промышленный район, но вот люди из других таких же новых и важных про-мышленных районов, где свои потребности, своя спешка, свои обязательства.
Об этом же был разговор и с Николаем Сергеевичем Ивановым в отделе машиностроения ЦК. Разговор был долгий. На Диденко успокоительно действовали и негромкий голос Иванова, и его манера внимательно слушать, и самый стиль, царивший в ЦК, — стиль деловой, сосредоточенной работы, когда ничто не решается наспех.
Слушая Диденко, Иванов изредка задавал вопросы:
— А свои мощности вы до конца используете? Много у вас трудоемких операций еще не механизировано?
И Диденко даже не заикнулся о разрешении на сверхурочные.
Иванов сказал, делая запись в блокноте:
— В чем вам действительно надо помочь — это в ускорении жилищного строительства для рабочих. На-жмем на министерство! И некоторое давление сверху на кооперированные с вами заводы тоже, видимо, придется оказать. Только разве вы использовали тут собственные возможности? Съездили вы на эти заводы? Поговорили с директорами, с парторгами, с рабочими? Путь нажима сверху и дополнительного снабжения — самый легкий, но не самый правильный.
Ни в чем не обвиняя Диденко, Иванов как бы просто рассуждал:
— На вашем металлическом заводе за счет эко-номии металла целую турбину лопатками обеспечили. Или на Уралмаше... да примеров множество, вы их должны знать. Невыполнимых задач никто заводам не ставит. Мы бы этого никогда не поддержали. А вот тре-бования, которые помогают предприятиям подтянуться и бережливо, без расточительства, умно распределять и расходовать свои силы, — такие требования мы всегда поддерживаем и сами выдвигаем. Правда, они не всегда легки, но ведь мы с вами и не ищем легкого.
В ЦК, как понял Диденко, никто не сомневается в том, что «Красный турбостроитель» изготовит краснознаменские турбины в срок.
— После краснознаменских на конец года вам под-бавят, видимо, еще две турбины, — сообщил Иванов, — для Казахстана и Туркмении. А на будущий год вам следует ждать увеличения плана, вероятно, до десяти— двенадцати машин. Так что сейчас ваша задача — отре-гулировать производство для серийного выпуска мощ-ных турбин. Тут без ломки не обойтись, причем не толь-ко производственной, технологической, но и ломки психологической. Вот ваша партийная задача — и орга-низаторская, и воспитательная.
Полулежа в откидном кресле и прикрыв глаза, Диденко мысленно переходил из цеха в цех. Он перебирал в памяти свою работу за последние недели. Нет, особых ошибок не сделал. Только сегодня же надо взяться за самое главное. Оргтехплан — вот что должно стать определяющим! Рычаг, который вытащит наружу все скрытые резервы... План коллективного творчества — так назвал его Воробьев. А я поддержал, да и забыл... И Любимов забыл, как только пришел приказ директо-ра... Полозов там набузил на совещании, но суть-то у него здравая? Разобраться надо. Немиров очень дер-жится за Любимова. Опыт. Знания. Спокойствие. Но и спокойствие бывает разное... Возиться там придется не-мало!
Мысль его скользнула вперед, к будущим выборам партийного бюро турбинного цеха. И сразу Диденко захотелось приблизить их — не через две недели, а завт-ра бы! Ефима Кузьмича надо отпустить, тяжело ему. А кого вместо него? Предстоит основательная ломка — «и психологическая». Хорошо бы свежего человека, из цеха, где сложилась другая традиция — серийного, рит-мичного производства!.. Из инструментального? Ну ко-нечно же! Там и человек есть очень подходящий — Фе-тисов. Умница, основательный опыт партийной работы. Ох, скорей бы выборы!
Он открыл глаза, потому что самолет накренился и шум моторов стал громче и словно тревожней. Окно показалось ярко-голубым. Не окно, а небо за окном, не-бо без края,

пронизанное солнечным светом. Земли буд-то и нет, только серебристое крыло торчит под углом. Но вот оно выпрямилось, внизу блеснула более темная голубизна залива в низких берегах, и вдруг на поворо-те — в вечной дымке от сотен заводских труб — Ленин-град. Какой же он сверху четкий, улицы вытянуты будто по ниточке, а кварталы — ровные квадратики, как на макете архитектурного проекта. А вот и наш проспект, а массивные темные коробки — это же он, завод!

На аэродроме ждала Соня. Из любопытства приска-кала встречать: почему это Николай Гаврилович воз-вращается раньше, да еще самолетом?

Но Диденко не удовлетворил ее любопытства, наобо-рот, сам всю дорогу расспрашивал, что на заводе, будто отсутствовал не два дня, а две недели. Впрочем, ново-сти, конечно, были.

Коля Пакулин и Женя Никитин предложили ком-сомольские контрольные посты по краснознаменному заказу во всех цехах, — рассказывала Соня. — Хорошо, правда? Вчера уже начали... И еще вчера в турбинном опробовали станок Воловика — того самого, из-за кото-рого такой шум поднялся! — и, представьте, ничего не вышло! Любимов говорит: этого и следовало ожидать!

— А ты не повторяй всего, что говорят, — с необыч-ной для него резкостью оборвал Диденко.

— Лучше за-помни: завтра на восемь утра созывай партсекретарей цехов и после работы — партгрупоргов.

— Тоже завтра? — охнула Соня. — Это пока всех обзвонишь!..

— Обязательно завтра, Соня, и ни на день позже.

Не заходя в партком, Диденко подъехал к турбин-ному цеху и разыскал Воловика.

Пригнувшись около облопаченного диска, Воловик медленно и осторожно спиливал с лопаток наросты металла. Диденко досад-ливо поморщился: кто это надумал, будто в насмешку, поставить изобретателя на следующий день после неуда-чи как раз на ту самую работу, которую он хотел, но не сумел механизировать?

Воловик заметил парторга, вывел руку из зазора между лопатками, спокойно поздоровался и сказал, не ожидая вопросов:

— Все правильно, Николай Гаврилович, вы не рас-страивайтесь. Станок работать будет.

— Ну, если ты меня успокаиваешь, а не я тебя — значит, действительно все правильно, — улыбнулся Ди-денко. — Что делать собираешься?

— Вчера управление подвело, крутой наклон круга не получался, — объяснил Воловик, руками показывая, как именно должен наклоняться круг, — суппорт переде-лывать будем, есть одна идея. А у меня, кроме того, сомнение насчет самого круга: тот ли сплав? Посовето-ваться надо... в лаборатории, что ли, испытать? После работы займемся.

— А пока — пилишь?

— А пока — пилю.

Диденко прошел в кабинет начальника цеха. Люби-мов торговался с кем-то по телефону насчет присылки слесарей на снятие навалов. Удивившись неожиданному возвращению парторга, начальник цеха наспех доругал-ся по телефону и тотчас начал рассказывать, как обсто-ят дела с турбиной: ротор… диафрагмы... цилиндр… регулятор начали собирать... приступили к снятию на-валов...

— Долго еще рукодельничать будете? — перебил Ди-денко.

Любимов развел руками:

— Рад бы не рукодельничать, да что поделаешь? Как раз вчера опробовали станочек Воловика. И что же? Провал! Конечно, идея хорошая. Будем продол-жать опыты, но...

— Знаете что, Георгий Семенович? Кустарничество вы хотите ликвидировать кустарными же попытками. Мо-жет быть, привлечем лабораторию, представителей тех-нического отдела, кого-либо из опытных механиков... и заставим их быстро и организованно решить все пробле-мы, связанные со станком Воловика? Это будет лучше, чем выпрашивать у дяди слесарей.

Он позвонил Ефиму Кузьмичу и, как только Ефим Кузьмич пришел, закрыл дверь на ключ:

— А теперь давайте поговорим напрямик.

Весть о возвращении Диденко дошла до директора в начале дня, и Немиров усмехнулся, узнав, что парт-орг сразу помчался в турбинный, — вот неспокойная ду-ша, два дня не был, и уже боится — не завалился ли без него цех.

Вскоре позвонил сам Диденко:

— Приветствую, Григорий Петрович! Я тут погово-рю с народом, а потом к вам, хорошо?
— Одно из двух, — сказал Немиров, — или ты в один день всего добился, или в один день понял, что ничего не добьешься.
— В Москве-то не добьешься? Конечно, помогли! И еще как помогли! — оживленно ответил Диденко. — Приду, все расскажу.
Но когда через час Немиров сам позвонил в турбинный цех, Любимов сквозь зубы ответил:
— Был и только что ушел, Григорий Петрович. Ку-да — не знаю.
Еще через полчаса Немиров, рассердившись, прика-зал секретарше разыскать парторга немедленно, где бы он ни был.
Секретарша позвонила Ефиму Кузьмичу, тот ска-зал, что Диденко где-то в цехе, а через минуту сооб-щил: нет, уже ушел, говорят, в фасоннолитейный.
Начальник фасоннолитейного сказал, что парторга не было, а потом поправился: оказывается, заходил, бе-седовал с комсомольцами из контрольного поста.
Немиров стоял рядом с секретаршей — найти хоть под землей! Телефонистка трезвонила по всем телефо-нам подряд, передавая секретарше сообщения заводских абонентов: недавно был, но ушел в термический... у на-чальника нет, в комсомольском бюро... только что ушел... в инструментальном, вызвал Фетисова и ходит с ним по аллее возле цеха взад и вперед...
Немиров уже хотел послать кого-нибудь на аллею, когда появился сияющий, оживленный и немного вино-ватый Диденко.
— Понимаешь, задержался, ты уж извини, Григо-рий Петрович, я не думал, что ты меня ждешь! — гово-рил он, проходя с директором в кабинет. — Я там Кузьмича с Любимовым подкрутил малость. Потом с Воловиком разобрался... А какое хорошее дело комсо-мольцы затеяли, а? Я кое с кем из этих контрольных постов побеседовал, золотые ребята, вцепятся — будь здоров, придется пошевеливаться!
Немиров ничего не знал о комсомольском начинании и, как показалось Диденко, не придал ему должного значения.
— Ты лучше расскажи, что в Москве и почему ты так неожиданно сорвался и прилетел?
— Даже не знаю, как сказать... Понял, что главная работа — тут, на заводе, и не надо терять ни одного ча-са. Что важнее поговорить на месте с заводами-постав-щиками, поднять там людей, добиться, чтобы они захо-тели нам помочь... Григорий Петрович, дорогой, по-едемте сейчас вместе к Саганскому и Волгину!
— Я и сам собирался, только тебя ждал, — недоволь-но сказал Немиров. — В общем, если сказать без обиня-ков, ничего добиться не удалось, да?
— Ну, как же ничего? Мне кажется — многого!
Он стал рассказывать, сбивчиво и нетерпеливо. Са-мым главным итогом поездки для него лично было то настроение уверенности и бодрости, какое у него созда-лось во время беседы в ЦК. Но как передать это на-строение директору, который слушает скептически и все старается извлечь что-либо конкретное, вещественное?
— Значит, станки все-таки обещали поторопить?.. А когда? Что именно он сказал?
В середине разговора Диденко поглядел на часы, извинился и взялся за телефон. Нежно улыбнувшись гомону детских голосов, ворвавшихся в трубку, он по-просил позвать Екатерину Игнатьевну.
— Катюша, это я! — закричал он, услыхав голос жены. Когда он звонил ей в школу, он всегда кричал: ему казалось, что иначе она и не услышит.
— Коля, ты? Откуда ты говоришь? — удивилась она. Чувствовалось, что она обрадовалась, хотя голос был не домашний, а тот, другой, каким она всегда говорила в школе.
— Что Гаврюшка? Здоров?
— Ну конечно, здоров и вчера разбил стекло на ча-сах.
Чувствовалось, что она улыбается, — должно быть, вспомнила забавные подробности этого происшествия.
— Как Москва? — через минуту спрашивала она; гомон утих, и он понял, что ее семиклассники стоят ря-дом и прислушиваются. — Тут интересуются, видел ли ты стройку нового университета.
— Видел, Катюша. Съездил туда между делами, но не повезло: туман был. Задрал голову, до шестнадцато-го этажа досчитал, а дальше не видно, — в облака ушел.

— В облака? — удивилась Катя и тут же начала пересказывать его слова тем, кто стоял рядом, но в телефонную трубку донеслось дребезжание звонка, и они наскоро простились, — Катя заспешила в класс.
Немиров слушал с улыбкой дружеского сочувствия: как это знакомо! Обрадовалась и побежала по своим делам...
— А теперь, Григорий Петрович, давай-ка поедем навестить твою жену! — сказал Диденко. — По дороге все и расскажу. Постановления постановлениями, а прежде всего — взаимное понимание, чтобы по охоте взялись...
— Но постановление все-таки обещали? — уже вы-ходя к машине, спросил Немиров.
— Обещали, — неохотно ответил Диденко и, помол-чав, сказал: — Нам надо здорово перестроиться, Григо-рий Петрович. До конца поверить в собственные силы. А то мы все на дядю надеемся!
Такая уж была у Диденко привычка: упрекая в чем-либо директора, он всегда говорил «мы».

Саганский принял их пышно. Все у него было пред-ставительно: громадный кабинет с массивной резной мебелью и коврами, строгая секретарша, коробка самых дорогих папирос на столе, — для гостей, так как сам Са-ганский курил только «Звёздочку», уверяя, что от других папирос на него нападает кашель.
Усадив гостей с радушием гостеприимного хозяина, он поболтал для начала о том о сем, но как только дошло до дела, начал плакаться:
— Можно подумать, что вы одни! А генераторный на меня, думаете, не жмет? И тоже Краснознаменкой козыряет! А метро не торопит? А станкостроительный, думаете, молчит?
Высказав все жалобы, он успокоился, сказал, что металлурги еще никого не подводили, и приказал секре-тарше вызвать ряд работников, в том числе Клаву. Пригласить своего секретаря парткома он забыл. Ди-денко напомнил ему об этом, и Саганский сказал:
— Ах да! И еще позовите Брянцева.
Клава вошла с папкой бумаг, мило поздоровалась, как с чужими, мимолетно улыбнулась шутке Саганского: «Вы, кажется, знакомы?»
Она почти не участвовала в разговоре, но когда нуж-но было, не открывая папки, по памяти давала точные, короткие справки. Немирова это немного задело: не слишком ли она скромна? Начальник планового отдела мог бы говорить авторитетней!
Один за другим входили в кабинет работники заво-да, Саганский представлял их «нашим заказчикам». Все были Немирову знакомы по рассказам Клавы. Она с такой любовью говорила о своих товарищах по работе, что на первых порах Немиров ревновал ее то к одному, то к другому. Теперь он присматривался к заочным знакомцам. Как, вот этот маленький, невзрачный человек и есть замечательный Егоров, главный инженер, о кото-ром Клава отзывалась с восторгом? А сумрачный на-чальник мартенов с седеющей головой — это и есть Злобин, про которого Клава говорит, что он «чудесный па-рень»?
Впрочем, во время дальнейшей беседы Григорий Петрович начал соглашаться с Клавой: Злобин действи-тельно оказался чудесным человеком: для него, видимо, не существовало ничего невозможного, лишь бы, как он выражался, «поднять народ». Егоров вел себя осторож-но, на обещания скупился, выдвигал одно за другим возражения, затем сам подсказывал выход. Немиров скоро разобрался, что именно Егоров — главное лицо на заводе.
А что же Саганский? В среде директоров Саганский всегда говорил: «Я перевыполнил план», «Я даю скоро-стные плавки». Немиров посмеивался — хотел бы я ви-деть толстяка возле печи, как бы он «дал» плавку! Теперь Немиров понял: при всех своих смешных чертах Саганский — хороший организатор и умеет подобрать людей себе в помощь.
— Как тебе понравился их секретарь парткома? — спросил Диденко, когда они сели в машину.
Немиров ничего не мог сказать: не обратил внима-ния.
— Как же так? Это же мечта самолюбивого дирек-тора! — посмеиваясь, сказал Диденко. — Вот увидишь, Григорий Петрович, на перевыборах его прокатят с треском, если раньше не снимут! И вот тебе мое слово: Саганский сам, пользуясь тайной голосования, тихонько вычеркнет его фамилию. Вздохнет, но вычеркнет!
Ишь ты, «мечта самолюбивого директора»!.. Небось намекает Диденко? Что ж, скрывать нечего, иной раз хочется, чтобы парторг был не так напорист. Вот Ди-денко — люблю его, люблю и уважаю... но и раздра-жает он меня иногда, ох, как раздражает!..

— А жена твоя — молодец! — сказал Диденко. — Со своим мнением... Не то что наш Каширин.
Григорий Петрович удовлетворенно улыбнулся: на этот раз он не собирался отстаивать превосходство сво-его работника, хотя не совсем понял, из-за чего по-спорила Клава с Саганским. Он прослушал начало, заговорившись с Егоровым, и услышал только, как Са-ганский недовольно оборвал:
— Бросьте, Клавдия Васильевна, это уж какие-то новости!
Немиров видел, как изменилась в лице Клава, как сдвинулись ее брови, образовав на лбу глубокую мор-щинку, — он хорошо знал эту упрямую морщинку.
— А по-моему, — твердо возразила Клава, — в плани-ровании тоже должны быть, и обязательно будут, ново-сти.
Диденко, конечно, со свойственной ему непосредствен-ностью немедленно поддержал:
— А и верно! Почему экономист не может быть но-ватором?
Клава улыбнулась ему и уже добродушно сказала:
— Нет, правда же, планирование должно соответ-ствовать...
Когда все поднялись и начали прощаться с «заказ-чиками», Диденко шутливо сказал Клаве:
— Так будем ждать, Клавдия Васильевна. Покаже-те пример?
Клава отшутилась:
— Чего уж на нас надеяться, у вас свой плановик есть!
Она проводила их до лестницы, постояла на площад-ке, пока они спускались, и помахала им рукой с той естественной простотой, с какой делала все.
По мере приближения к станкостроительному заводу настроение Немирова падало. Об этом заводе в послед-нее время много писали (а о нас не пишут!). Недавно была статья и самого директора завода Волгина (ум-ная, ничего не скажешь, но не слишком ли он самоуве-рен?). После наблюдений, сделанных у Саганского, бы-ло очень интересно посмотреть, каков этот директор в работе. Только бы не вздумал вызывать Горелова или вести в цех дивиться на Горелова, да еще при Диденко!
Впечатление Волгин произвел на Немирова сразу, как только поднялся и пошел навстречу гостям по про-сторному, скупо меблированному светлой мебелью каби-нету. Волгин был молод, — не старше, а может и моло-же Немирова. Немирову случалось встречать его на совещаниях, но сейчас Волгин показался ему совсем другим, — хозяин!
— Прошу, — коротко пригласил Волгин, указывая на кресла возле письменного стола, сел и приготовился слушать, видимо не считая нужным посторонними раз-говорами рассеивать скованность первых минут.
Григорий Петрович решил, что разговор будет нелег-ким, но, когда он изложил суть дела, Волгин улыбнулся и сказал:
— Понятно. Краснознаменке мы и непосредственно помогаем: большинство станков для машиностроитель-ного от нас идет. Тоже досрочно сдавали и сдаем. Но, видимо, придется и вам пойти навстречу. Сейчас уточ-ним, что удастся сделать.
Он нажал кнопку звонка, вошла молодая, подтяну-тая секретарша, выслушала приказание, кого вызвать, и удалилась.
Секретарь парткома был назван первым, это Неми-ров отметил про себя. Он с интересом вгляделся, что за человек. Секретарь парткома был значительно старше директора, но весьма энергичен и ухватист — под стать Диденко. Волгин явно уважал его и во время беседы часто обращался к нему. Впрочем, беседой это было трудно назвать: Волгин коротко изложил просьбу «Красного турбостроителя» и свое мнение: надо помочь. Затем он по очереди выслушивал своих работников — их соображения и предложения. Иногда, выслушав, Волгин тут же диктовал секретарше пункт приказа — вопрос был исчерпан, к нему уже не возвращались.
Немиров уловил, что всем работникам завода это нравится (понравилось и Немирову) и что они с неко-торой гордостью за своего директора поглядывают на гостей.
— Товарищ Горелов, — вызвал директор, бросив на Немирова быстрый взгляд.
Немиров только теперь узнал этого инженера, доста-вившего ему два года назад столько неприятностей. Не-молодой и на вид угрюмый, из тех бирюков, с которы-ми Немиров терпеть не мог иметь дело, Горелов под-нялся с места и сухо сказал, что задачу принимает. Затем он стал излагать свои соображения. Из них Не-миров понял,что цех работает по часовому графику и но-вая задача потребует от руководства заново рассчитать и спланировать всю работу. В

конце Горелов повторил, что коллектив цеха охотно поможет турбинщикам, и вдруг тихо сказал:
— А я тем более. Это же мой родной завод, где я с фабзавуча начал.
У Немирова горели щеки, когда он, по приглашению директора, пошел осмотреть производство. В механосбо-рочном цехе у Горелова они задержались особенно дол-го, и Григорий Петрович наметанным глазом определил, что цех действительно очень продуманно и четко органи-зован, введено много новшеств, благодаря которым вдвое сокращен цикл сборки станка. Что же это произошло с Гореловым? Легче ли здесь, или человек вырос, научил-ся на прошлой ошибке?
Как будто отвечая на раздумья своего гостя, Волгин сказал:
— Начальникам цехов у нас дана большая самосто-ятельность. Хозрасчет полный. В мелочи не вмешива-юсь. Умный риск мы поощряем, а ошибки... если случа-ются ошибки, помогаем выправить, — и он снова бросил на Немирова быстрый взгляд.
В машине Диденко оживленно заговорил:
— До чего ж интересно со стороны приглядываться да прислушиваться, а? Я, знаешь, все время сравни-вал — неплохой у нас завод, кое в чем они нам усту-пают, но и поучиться у них можно многому.
Немиров был благодарен ему за добрые слова, он сказал, приободрившись:
— Да, кое-что я себе на ус намотал.
И, чувствуя, что без этого разговора не обойтись, до-бавил:
— А Горелов здесь как будто на месте. Конечно, цех у него поменьше и попроще, станки идут большими се-риями, так что можно использовать преимущества пото-ка... К тому же завод однотипного производства...
— Я ведь не спорю, Григорий Петрович, — сказал Диденко. — Что уж так горячо доказывать?

5

В комнате было полутемно, настольная лампа осве-щала только часть стола и склоненную голову Карце-вой. Аня разлиновывала лист ватмана, что-то шепотом подсчитывая. Она подняла голову и улыбнулась Поло-зову:
— Вы не торопитесь? Тогда погодите, а то я собьюсь. Алексей сел в уголок, в старое, но уютное кресло и сразу почувствовал себя до крайности утомленным тре-мя последними днями. Работа уже не радовала. Злили товарищи: одни будто и не избегали его, а в глаза не смотрели и разговаривали с холодком; другие проявля-ли обидную жалостливость. Любимов был подчеркнуто вежлив, к каждому своему приказанию добавлял: «Я вас прошу, Алексей Алексеевич», — но советоваться с Алексеем перестал совершенно и, по существу, отстра-нил его от руководства цехом. Попросив Алексея заняться Воловиком, он несколько раз спрашивал о ре-зультатах, а когда на испытании станка ничего не вы-шло, назидательно сказал: «Вот видите, Алексей Алек-сеевич. Хороши бы мы были, если бы на него рассчиты-вали!»
Алексей ждал возвращения Диденко. Но тут и слу-чилось самое худшее. Узнав, что парторг у Любимова, Алексей заспешил туда, повторяя в уме все свои дово-ды. Дверь кабинета была заперта изнутри. «Там сейчас Диденко и Ефим Кузьмич, — сообщила секретарша. — Велено никого не пускать».
Промаявшись до конца рабочего дня, Полозов за-брел в технический кабинет, потому что не знал, куда девать себя. Было очень кстати, что здесь полутемно и никого нет, что Аня работает и не задает вопросов. Он смотрел, как поблескивают в луче настольной лампы ее гладко зачесанные волосы, как уверенно управляют-ся ее маленькие, крепкие руки с линейкой и пером. У нее было лицо, каких он еще не видел: нежное, стро-гое и почему-то очень трогательное, — так что у него вдруг защипало глаза от подступивших слез.
— Вы что? — спросила Аня, почувствовав его неот-рывный взгляд.
— Ничего, Аня. Я ведь не мешаю вам? А мне прият-но вот так, в потемках.
Она вгляделась в темноту, стараясь уловить выраже-ние его лица.

— Алеша... вы и сейчас убеждены в том, что были правы?
— Да.
— И я тоже, — сказала она, задумчиво глядя в тем-ноту, туда, где находился Полозов. — Я много думала. Все эти дни думаю. Мне очень нелегко разобраться, я еще слишком плохо знаю цех. Но Алеша, что вы ду-маете о Скворцове?
Скворцов был начальник четвертого участка, тот самый, которого Любимов предполагал заменить Аней. Она познакомилась с ним и долго разговаривала, и с тех пор сумятица чувств и мыслей усилилась.
Алексею очень не хотелось разговаривать о посто-ронних делах, он скупо ответил:
— Хороший работник, только учиться не успевает.
— Мне тоже так показалось.
— Да разве один Скворцов! — вдруг горячо вос-кликнул Алексей. — У нас кое-кто думает: я с Любимо-вым чего-то не поделил, чуть ли не склока! А ведь тут дело куда серьезнее... тут линия... Разве вы сами не чувствуете, как эта любимовская линия давит и сушит вашу энергию, вашу инициативу... как вам приходится пробивать стенку вот этой рассудительной, вежливой косности?..
Аня густо покраснела и неосторожным движением упустила линейку, так что перо пошло вкось.
— Так я и знала, — пробормотала она и, низко при-гнувшись над листом, начала бритвочкой подчищать тушь.
Алексей смотрел на нее и раздумывал, почему она вдруг покраснела. Он как раз собрался спросить ее об этом, когда затрезвонил телефон и телефонистка завод-ского коммутатора сообщила, что партком срочно разы-скивает инженера Полозова.
— Так! — сказал Алексей.
Аня встала, взяла его руку и крепко пожала.
— Вы только не горячитесь, — шепнула она. — И после... зайдите сюда. Я вас подожду.
От этих слов стало легче, и хотя ясно было, что у Диденко его не ждет ничего хорошего, он шел в парт-ком приободренным и давал себе слово спорить до кон-ца и, если нужно, драться со всеми, включая Диденко. «Что же ты это натворил?» — спросит Диденко. А он скажет...
Но Диденко пошел к нему навстречу и, не здорова-ясь, спросил:
— Как у вас с планом развития цеха?
— С каким планом? — не понял Полозов. — Гаршина и Любимова?
— Нет! С планом технических мероприятий, который предложил Воробьев.
Пораженный неожиданным началом разговора, Алексей пробормотал, что к разработке плана только-только приступили, да вот теперь, в связи с приказом директора о новом сроке...
— А приказ и план разве противоречат один друго-му? — быстро осведомился Диденко.
— Нет, но...
— Недоговариваешь, Алексей Алексеевич, недогова-риваешь! — упрекнул Диденко и решительно повернул к себе инженера, так что они оказались лицом к лицу. — Так вот, слушай! Разработать этот план поручили Бабинкову и тебе. И тебе! Начали вы плохо и слабо. Это ж какое дело! Конечно, если не свести его к канцеляр-щине. Это же план коллективного творчества! Так и составлять надо. Пусть каждый рабочий внесет свою лепту. И внести ее он должен завтра, послезавтра, че-рез неделю, — не позже. Потому что медлить некогда. Записывайте каждое предложение, каждую мелочь... И все дельное — в работу! Один ты не осилишь, и вдво-ем с Бабинковым не осилишь, он же немного болтун, верно? Тут нужно боевую группу, штаб! Воробьева возьми — человек надумал, а его за бортом оставили! Технолога вашего возьми, Гаршина... Чего морщишься? Не хочешь? Ну и не надо его. Карцеву возьми, знаешь ее? Ничего, что новичок, она с огоньком!
— Николай Гаврилович! — вскричал Алексей, все еще подозревая, что происходит какое-то недоразуме-ние. — Это все превосходно, но... вы приказ директора читали?
Диденко рассмеялся и хлопнул его по плечу.
— Приказы тоже понимать надо. Как у вас поняли товарищи? Очередной аврал! Семь потов спустить, язык на плечо! Но на этом пути успеха не будет. Дешевый тот успех, кратковременный, а потом слезы.. Ваше дело — так повернуть приказ, чтобы поднять энергию всего цеха, оперативно внедрять все новое, на ходу исправлять недочеты. Не рывки, а организация. Не ав-рал, а темп и ритм.

Но это же самое я и говорил!
— Да? Если ты говорил это, ты был прав. А теперь вот зачем я тебя вызвал: в следующий четверг на парт-коме ты доложишь о вашем плане. Дело вы начали за-мечательное, и мы его поддержим и распространим на весь завод. К четвергу у вас уже накопится некоторый опыт. Обо всем и расскажешь. Коротко и ярко.
— Но почему я?
— Потому что руководителем этой работы будешь ты. Так мы сегодня решили.
— С Любимовым? — невольно вырвалось у Алексея.
— Неужели без начальника цеха решать? — улыб-нулся Диденко. — Тут его слово — главное. И, снова шагая по кабинету, спросил: — Что ты невеселый, Полозов?
Алексей молча пожал плечами.
— Скрытничаешь? — усмехнулся Диденко, еще раз прошелся по кабинету, ворча себе под нос.
— А ведь ты все-таки неправ, — сказал он. — Срок, конечно, тяже-лый, но ты погляди на дело с другой стороны. Коллек-тиву нужно перешагнуть через эту ступень — выпуск первой машины. Вся эта тягомотина с нею деморализует людей, раздражает, бьет их по карману и больше — по рабочей гордости. Не директору и не Любимову толь-ко — всему цеху нужна победа, чтобы поверить в свои силы и взять необходимый разгон. Понимаешь?
— Начинаю, — сказал Алексей, ощущая, как тяжесть этих дней отваливается, будто ноша с плеч. — Но...
— Никаких но! — оборвал Диденко. — Ты честный парень и сказал в открытую то, что некоторые думали про себя. За это спасибо. У нас есть любители парадной шумихи, торжественных обязательств и громких обе-щаний. И страшных приказов тоже. Пошумят, а потом надеются, что забудется и за другими делами простится. Кое-что в этом роде возможно и у нас. Будем говорить прямо…
Он помедлил, как бы взвешивая, стоит ли высказать свою мысль молодому инженеру.
— Будем говорить прямо, — повторил он. — Цех сей-час не готов к тому, чтобы дать к октябрю четыре тур-бины, но мы обязаны в кратчайший срок сделать его способным на это. Потому что иначе нам не взять раз-гона! А это нужно для Краснознаменки, для государства, и для завода тоже, для завтрашнего дня завода. В обсуждении проекта приказа я, друг мой, участвовал и при этом учитывал все: не только скрытые возможно-сти цеха, но и силу партийного влияния и агитационно-массовой работы, и способности таких людей, как По-лозов, Воловик, Смолкина и другие... и ваш план кол-лективного творчества тоже. Понял?
Он обнял за плечи и подтолкнул Алексея к двери:
— Иди и действуй.
У двери Диденко сам придержал его за рукав и спросил:
— Что ты думаешь о выборах партбюро?
Алексей промолчал, вопрос застал его врасплох.
— Зря не думал, коммунист, когда выборы на но-су. — Он вернул Полозова в кабинет и прикрыл дверь. — Твое мнение о Ефиме Кузьмиче?
— Ефима Кузьмича уважает весь цех, — сказал Алексей. — Только ему, пожалуй, трудно в нашей обста-новке.
— Трудно! — энергично подтвердил Диденко. — Пре-красный член партбюро, даже парткома. Но на секре-тарском посту он рано или поздно сорвется. А его стоит поберечь. Чудесный он старик!
Диденко помолчал, ласково улыбаясь.
— Что особенно хорошо в нем? Бесстрашие! — вос-кликнул он. — Весь опыт революции, сама история пар-тии у него за плечами, — да что за плечами! В нем она сидит. Ничего он не боится и все понимает. Вот и те-перь... Понял он, что говорил ты честно, да не дотя-нулся до истины, и получилось — ну, чуть-чуть не оп-портунизм! И сам первый пришел. Не скрытничал, как ты, недомолвками не укрывался, а все выложил — и сомнения свои, и досаду, что не сумел разобраться...
Он ткнул пальцем в грудь Полозова:
— Ты, может, и сумел бы, хотя пока доказал обрат-ное. А он не сумел. Но он пришел и все выложил как на духу. А ты маешься, отмалчиваешься да еще дешевые эффекты устраиваешь! Хлопнул дверью и пошел «ис-кать по свету, где оскорбленному есть чувству уголок»... Случаем «карету мне, карету!» не кричал?

— Кричал, — смущенно улыбаясь, сказал Алексей. — Только я не собирался отмалчиваться, я вернулся с ре-шением бороться, доказать…
— Э-э, милый! Ты будешь доказывать, он будет до-казывать, они будут доказывать... а турбины кто вы-пускать будет?
— Я вам уже говорил, — твердо сказал Алексей. — Сделать можно, только нужна ломка.
— Вот и будем ломать, дорогой, с твоим участием будем. Но тебя я прошу... Предупреждаю и прошу: ломай и свой характер. Петущиный. Не наскакивай. Не спорь ты все время с Любимовым, не горячись, от драки ведь только перья летят, а вам дело делать вме-сте.
Алексей улыбнулся и промолчал. Теперь, когда Ди-денко поддержал его в самом главном, стоило ли воз-вращаться к частностям!
Только у проходной он вспомнил, что в цехе его ждет Карцева, и повернул обратно.
— Аня! — крикнул он с порога. — Победа!
Он начал торопливо и сбивчиво пересказывать ей разговор с Диденко, потом махнул рукой:
— Хватит! Язык заплетается! Пойдемте-ка по до-мам!
Выходя, он сказал:
— Знаете, если бы я был начальником цеха, я бы запретил кому бы то ни было оставаться в цехе сверх восьми часов. Честное слово!
Аня недоверчиво покачала головой:
— Разве может начальник участка или мастер уйти, когда его участок работает? Да вы и сами, Алеша, весь вечер в цехе...
— Вот и плохо! — сказал Полозов. — Я торчу в цехе, потому что не моя власть перестроить порядок. Что тут нужно? Ответственных начальников смен, дежурных ма-стеров, четкую диспетчерскую службу... Сдавать и при-нимать смены так, как в армии дежурства. Первое вре-мя будет страшно уйти, когда цех работает, а потом сами удивляться будут, зачем раньше мотались, как лунатики. Зато учиться будут, читать, гулять, песни петь, а от этого и работать лучше!
Алексей был в счастливом, приподнятом настроении и всю дорогу мечтал о том, как они завтра начнут «раз-ворачиваться», как они превратят Анин технический ка-бинет в центр, в штаб-квартиру...
— Да, да! — воскликнул он. — Обязательно поместим штаб в вашем техкабинете! Вот увидите, как это вам поможет!
Аня снова покраснела, но теперь, увлеченный своими мыслями, Алексей не заметил этого. Признаться ему?..
Она ничего не успела сказать. Алексей не пошел про-вожать ее, а распрощался на углу, где ей нужно было сворачивать с проспекта, и зашагал дальше широким, вольным шагом человека, который вполне счастлив. Куда он идет и кто сегодня порадуется вместе с ним?
Проспект был залит светом, а боковая улочка тонула в серой мгле, пронизанной оранжевыми, голубыми, зеле-ными отсветами, падающими из окон. Сколько огней светилось в темноте, и под каждым — своя жизнь, а ее, Анина, жизнь не входит ни в чью. Ни в чью!.. И вот сейчас, когда на душе смутно, некому сказать: «Знаешь, я, кажется, сделала ошибку...»
Она походила по комнате и заставила себя сухо и трезво все обдумать. Зачем перекладывать на кого бы то ни было право решающего слова?
Стремительно постучалась к Любимовым. Пусть не-удобно врываться к человеку в его свободный час, но кто знает, скоро ли удастся поговорить с ним в цехе, а пока не поговоришь, покоя не будет.
Она вошла и тут же отступила в смущении, до того некстати было ее вторжение. На обеденном столе стоя-ли закуски и вино, а за столом, кроме хозяев, сидел Гаршин. Гаршин был уже немного пьян, он восторженно раскинул руки и закричал:
— Анечка! Умница! Сама пришла! А я ведь каждые десять минут бегал к вашей двери!
Как ни уверяла Аня, что зашла на минутку, ее за-ставили сесть к столу, налили ей вина, наперебой потче-вали. Аня не могла понять, с чего бы это все в будний да к тому же невеселый для Любимова день?
Но нет, Любимов казался вполне довольным, — ни-как не подумаешь, что ему сегодня крепко досталось от парторга. Аню разбирало любопытство: притворяется он или Алексей преувеличивает разногласия?.. Она свернула разговор на неожиданное возвращение Ди-денко: Привез ли парторг хорошие новости, получил ли помощь?

— Не знаю, получил ли он, но нам он поможет, — спокойно ответил Любимов. — Сегодня мы с ним наметили много важного... Кстати, Анна Михайловна, мы вас включаем в одну комиссию, по разработке пред-ложения Воробьева, помните?
Как ни старалась Аня уловить досаду или смущение в лице Любимова, она не видела ничего, кроме обыч-ного спокойного превосходства. Может быть, никакой принципиальной борьбы и нет?
Словно отвечая на ее мысли, Любимов пояснил:
— Ведь что мы могли сделать внутри цеха? Почти ничего. А теперь Диденко решил составлять общезавод-ской оргтехплан, так что наши проблемы буду решаться всем заводом. Хорошо, правда?
Не сдержав улыбки, Аня сказала:
— То-то Полозов, наверно, обрадовался!
— Ну еще бы! — со снисходительной усмешкой вос-кликнул Любимов. — С его общественным темперамен-том ему как раз такими вещами и заниматься.
И он налил всем вина, приветливо чокнулся с Аней.
— За ваше здоровье, Анна Михайловна!
И стал подшучивать над Гаршиным, что Гаршин давно закидывает удочку, как бы заполучить к себе на сборку такого прелестного помощника... но у нас дру-гие планы, правда, Анна Михайловна?
— Да, другие, — сказала Аня и, решившись, выпа-лила одним духом: — Я вам очень благодарна, Георгий, Семенович, за внимание, но вы меня не переводите!
По тому, как вытянулось лицо Любимова, Аня поня-ла, что с ее переводом он связывал какие-то свои рас-четы. Хотел еще раз уязвить Полозова? Или приобрести в ее лице «своего человека»? Или убрать Скворцова, который ему не по душе?..
— Через несколько месяцев я сама попрошусь на участок, если вы не раздумаете, — сказала Аня. — А те-перь... начинается такое живое дело! Я уже вижу, как связать этот план со всем новым, что появляется в тех-нике... Вижу, как много можно сделать! И даже с этими вашими мальчишками… Отступить — трусость. Я уже хочу справиться с ними.
Гаршин шумно запротестовал:
— Подумаешь, какие важные дела! Вы все преуве-личиваете!
— Может быть, дела и не такие большие, но они безобразно запущены! Безобразно! И потом... я думаю, Георгий Семенович, что они совсем не вспомогательные! Должны быть не вспомогательными!
Любимов холодно слушал, разглядывая ногти.
— Витенька, не покрутить ли нам патефон? — тороп-ливо предложила Алла Глебовна, метнув на Аню не-приязненный взгляд. — А служебные разговоры, право же, можно вести в цехе!
— Ой, извините, Алла Глебовна!..
Аня вскочила, ей хотелось уйти — теперь, когда главное сказано.
Но Любимов вдруг переменился на ее глазах: стал приветлив, благодушен, даже ласков.
— Я восхищаюсь вами, Анна Михайловна! — вос-кликнул он. — Теперь я вижу, кого мы приобрели в ва-шем лице! Спасибо!
Он усадил Аню, налил ей вина, придвинулся к ней поближе:
— Вы меня выручаете на очень сложном участке работы. Если бы вы знали, как мне сейчас трудно подни-мать цех!
И он начал вполголоса развивать перед нею свои взгляды на положение цеха: задачи непомерны, вся эта шумиха с Краснознаменкой дергает и мешает наладить, отработать весь процесс...
— Вы знаете, как выпускают турбины заграничные фирмы? Ни одна не возьмется выполнить заказ в такие сроки. Ни один их завод не знает ни такого объема производства, ни таких темпов... Наше преимущество? Да, конечно. Но и наше нетерпение! Нам все нужно по-скорее...
— Но там не строят коммунизм, Георгий Семенович!
— Техника есть техника, Анна Михайловна. При ка-питализме, как и при социализме, определенные произ-водственные мощности допускают определенный объем производства.
Гаршин поставил пластинку. «Какой обед там пода-вали! — запел женский голос. — Каким вином там уго-щали! Уж я его пила, пила...»
Певица мелодично и заразительно хохотала.

— Сколько я девушек подпаивал! — говорил Гар-шин, смеясь вместе с певицей. — И все для того, чтобы проверить, не будет ли хоть одна так же очаровательна... Увы!
Полгода спокойствия — вот что мне нужно, — продолжал Любимов, наклоняясь к Ане. — Нельзя решать столько задач сразу. И наваливаются все новые и новые!.. Требуют все, а помогает кто?
«Ему действительно очень трудно, — подумала Аня. — Но что значит: «Требуют все, а помогает кто?» На парт-бюро все старались помочь, но он надулся и расстроил-ся. Почему он ссорится с Полозовым? Почему отмахи-вается от Воловика? И мою работу он отбрасывает как «вспомогательную», вместо того чтобы требовать: вот тут и тут главное, устремите силы сюда, добейтесь!»
— А знаете что, Георгий Семенович? Вы сами не ищете помощи — ни от своих помощников, ни от коллек-тива, а ведь это сила!
Любимов поморщился и ответил снисходительно, как маленькой:
— Вы просто еще не разбираетесь в наших затруд-нениях. А красивые слова... что ж, я сам умею их го-ворить, когда нужно.
Гаршин сменил пластинку, веселая танцевальная му-зыка заполнила комнату. Он силой увлек Аню танце-вать, тихо упрекнул:
— И чего вы на него набрасываетесь? Он ведь ми-лейший человек.
Она ответила шепотом:
— Я должна немедленно удрать, а то я наговорю бог знает что!
Протанцевав до двери, она озорно распахнула ее, в дверях обернулась, крикнула:
— Я опаздываю на поезд, ради бога, извините! Очутившись у себя в комнате, Аня быстро закрыла дверь на ключ, потушила свет и тихонько устроилась в кресле у окна. Как она и предполагала, почти сразу раздались в коридоре тяжелые шаги. Гаршин подошел, постучал, прислушался, снова постучал, подергал дверь, недоуменно помолчал, чертыхнулся и, грузно ступая, пошел обратно к Любимовым.
Посмеиваясь, Аня сидела в темноте и смотрела, как светятся в ночи тысячи огней — оранжевых, голубых, зеленых. Сколько домов, квартир, комнат... В каждой о чем-то волнуются, думают, спорят, в каждой трудятся, учатся, решают что-то, любят, или, быть может, тоскуют, или чего-то ждут... И не у всех есть с кем посоветоваться, сказать: «Знаешь, я решила...» Ну и что же? И все-таки жизнь идет, и можно самой додуматься, са-мой решить. Вот и решила. Выбрала самый трудный путь из возможных. Но именно поэтому все веселит — и многоцветные огоньки, будто подмигивающие издалека, и то, что поспорила с Любимовым, и то, что сумела убежать, хотя это вышло не очень вежливо, и даже то, что Гаршин так недоуменно топтался у двери.

6

Приняв душ и надев костюм, Николай Пакулин всу-нул голову в петлю галстука, затянул ее, поправил раз навсегда повязанный узел и остановился перед зерка-лом, улыбаясь своему отражению. Со стороны можно бы подумать, что юноша любуется собой. А Николай и не видел себя, он представлял себе Ксану, которая сейчас собирается на свой депутатский прием, и думал, дошла ли до нее весть о том, что пакулинцы завоевали переходящее Красное знамя райкома комсомола? И что она скажет, если ему удастся повстречать ее сегодня после приема?.. Удивительно, до чего все, что он делал, связывалось с Ксаной!
На днях на заседании комсомольского комитета Ксана сказала:
— У пакулинцев опять новое, хорошее начинание, почему его не подхватили?
А потом попросила:
— Ты мне покажи эти ваши планы, Коля.
Оттого, что этим заинтересовалась Ксана, новое на-чинание, которому Николай не придавал особого значе-ния, сразу стало очень важным. Придумал все Федя Слюсарев — придумал для себя, потому что вообще был выдумщиком. Ему, конечно, и в голову не приходило, что в его

затее есть что-то такое, что надо «подхватывать». Просто составил себе «личный технический план», куда записал все, чего решил достичь в этом году, и повесил над кроватью, чтобы подстегивал. Николай видел этот план — тут были и сдача экзаменов в техникуме на «от-лично», и ознакомление с литературой по скоростным методам, и многое другое. В конце стоял пункт: «По дружбе следить за контрольным постом термического цеха».
Николай усмехнулся: ишь, хитрец, нашел-таки ла-зейку, чтобы совместить полезное с приятным! Он от-лично знал, что контрольный пост у термистов — это Катя Миронова, и давно заметил пристрастие Феди к термическому цеху.
Николаю захотелось, чтобы остальные члены брига-ды составили себе такие же планы, особенно Аркадий Ступин, которого до сих пор не удавалось затянуть в вечернюю школу. Аркадий соглашался на любые дела, но насчет учения уперся — не буду! Бригада зашумела:
— Да знаешь ли ты, что через несколько лет без знания физики и химии нельзя будет работать? Понима-ешь ты, куда техника идет?
Внушая Аркадию, куда идет техника, ребята заспо-рили и между собой, потому что тут у каждого было свое мнение. Николай сам увлекся спором о том, вытес-нит ли атомная энергия электрическую или не вытеснит, и совсем забыл, что руководит собранием, а когда вспомнил, все устали и пора было по домам. И вдруг Витька, младший братишка, которого Николай как-то и всерьез не принимал, придумал себе обязательство: «Ежедневно записывать итоги своего роста», потому что надо ввести себя в «жесткие рамки», иначе ты не ком-сомолец, а размазня! Ребята посмеялись:
— Но как же ты будешь ежедневно расти?
— Складной сантиметр завести надо!
— Да, уж тут не погуляешь! Девушка в кино зовет, а ты: не мешай, я расту!
— Можно и вместе расти: сегодня ты ей лекцию, завтра она тебе!
Так и остался этот беспощадный пункт у одного Витьки.
Планы заканчивали наспех, даже переписать не успели. А Ксана уже знает о них. Откуда она узнала?
Он предвидел, как все произойдет, когда он принесет ей эти планы. Она дружески встретит, скажет какое-нибудь простое слово, которое он будет повторять, пото-му что это ее слово, а она тут же позовет своих комсо-мольцев, и начнется общий разговор...
Знал он и то, что произойдет сегодня: он будет дол-го бродить под окнами конторы, потому что приемы у Ксаны обычно затягиваются, а потом она выйдет, и он невзначай попадется ей навстречу и, быть может, про-водит ее до дому. Только живет она слишком близко: едва разговоришься — уже пришли...
Идти встречать ее было еще рано. Николай причесал мокрые волосы и пошел в технический кабинет.
С недавних пор эта большая комната превратилась в оживленный центр нового движения, охватившего цех. Ее хозяйка, Аня Карцева, до сих пор еще не освоилась с крутой переменой и порой изумленно оглядывала не-давно пустую комнату, которая теперь становилась тес-ной. Валя Зимина выполняла здесь обязанности добро-вольного секретаря «штаба» и с первого же вечера сво-ей новой деятельности прозвала его «штабом энтузиа-стов».
Никто не назначал здесь совещаний, никто не требо-вал, чтобы десятки разных людей заходили сюда и оста-вались тут подолгу. Это вышло само собой, поскольку именно здесь можно было добиться нужного решения, обсудить свой замысел, посоветоваться... Технологи, начальники участков и мастера забегали просмотреть новые рационализаторские предложения, чувствуя, что иначе отстанешь, попадешь в неловкое положение и пе-ред своими рабочими и перед руководителями. Кроме того, в штабе было попросту интересно.
На самом видном месте, против входной двери, в тех-ническом кабинете висели две доски. На одной отмечался ход выполнения графика первой турбины. Прыгающие то вверх, то вниз кривые отражали лихорадочное на-пряжение, в каком завершалось создание первой тур-бины.
— Малярия! — вздыхая, говорил Полозов.
Вторая доска называлась «Придумай и предложи!». На ней перечислялись нужнейшие темы для работы рационализаторской мысли.
Почти все посетители задерживались возле этих до-сок. Одни просматривали темы с видом праздно любо-пытствующих; другие расспрашивали Карцеву, с кем можно посоветоваться, если надумал поработать над од-ной из тем; третьи, ожесточенно хмурясь, что-то переписывали

и быстро удалялись. Аня знала: многие придут сюда еще и еще, многие думают, пробуют, прикидывают. Как предсказать, кому повезет додуматься и найти ре-шение? Но все вместе — решат!
Сама Аня была так довольна всем происходящим, что каждого встречала как желанного гостя, и поэтому всем нравилось заходить к ней.
Сегодня у Николая Пакулина не было никаких дел в штабе, но он надеялся, что там уже известна его победа.
В полутемном коридоре, неподалеку от двери техни-ческого кабинета, мотался взад и вперед Аркадий Сту-пин. Увидав Николая, он постарался придать своему лицу выражение независимое и беспечное.
— Что, Аркаша, дежуришь?
— Паренька одного дожидаюсь.
— Так зайдем в штаб, — пригласил Николай.
Аркадий двинулся было вслед за Николаем, но тут же отшатнулся. Выражение робости странно изменило его лицо.
Николай не стал уговаривать его и вошел один. Ско-сив глаза на большой лист картона, на котором цеховой художник по трафарету заливал краской буквы, состав-лявшие лозунг «Привет бригаде Пакулина!», Николай ничем не выразил своего волнения. Кроме художника, в техническом кабинете находились Карцева, Гаршин и Валя. Карцева и Гаршин сидели на дальней парте, у Ани был вид возбужденный и недовольный, а Гаршин отшучивался и повторял:
— Не все сразу, Аня! Не все сразу.
Валя, как всегда нарядная, с завитыми кудрями, свисавшими на лоб, прислушивалась к их разговору и одновременно что-то переписывала с клочка бумаги в тетрадь.
— А-а, именинник! — приветствовал Николая Гар-шин. — Поздравляю, герой!.. Вот, Аня, если бы все бригады были такими, как пакулинская, я бы с легкой душой ручался не за четыре турбины — за пять!
— А вы бы сумели обеспечить все бригады так, как эту? — возразила Аня насмешливо; она успела подме-тить, что руководители цеха, гордясь успехами пакулинцев, снабжают их в первую очередь.
Николая задела насмешка, но он покладисто сказал:
— Исправим это дело, Анна Михайловна. С трясуч-кой пора кончать.
Подсев к Вале, он пошутил:
— Ты не знаешь, Валя, что за безумец мечется за дверью и кого он ждет?
— Может быть, там робеет какой-нибудь автор рац-предложения? — с удовольствием подхватил Гаршин.
Валя ответила одному Гаршину:
— Спросите его! Кому же, как не вам, Виктор Пав-лович, поддерживать новаторов?
— Разве это ново — влюбиться в тебя, Валя?
Густо покраснев, Валя восторженно смотрела на Гаршина и не только не искала остроумного или стро-гого ответа, но даже забыла о том, что их слушают.
— Поклонников надо держать в узде, Виктор Пав-лович, — сказала Аня. — Пусть бродят по коридору, как часовые. Мы их используем иногда для поручений. Правда, Валя?
— Кстати, надо послать за протоколом, — вспомнила Валя и, пробежав мимо Гаршина, выглянула в кори-дор. — Аркаша, ты не занят? Сходи-ка на пятый участок, спроси у начальника или у сменного протокол сегодняш-него совещания. Скажи, Валя просила срочненько!
И она, смеясь, вернулась на место.
Но Гаршин уже не обращал на нее внимания: при-шел главный конструктор Котельников, а с ним Люби-мов и Полозов. Сегодня вечером начинались предвари-тельные испытания «автоматики» — аппарата для авто-матического регулирования турбины.
Котельников рассеянно со всеми поздоровался, сел в кресло, закурил и сказал, ни к кому не обращаясь:
— Ну-с, посмотрим.
Он силился казаться спокойным, но все знали, что в дни испытаний он ходит сам не свой.
Вслед за ними пришел Ефим Кузьмич с Воробьевым и другими парторгами участков.

— Ну, хозяйка, показывай, чем богата, — сказал Ефим Кузьмич и положил перед собою потрепанную записную книжку.
— Ой, многим богата! — сказала Валя, раскрывая тетрадки.
Ежедневно Полозов, Карцева, Воробьев и их добровольные помощники проводили по участкам, по брига-дам, в группах рабочих одной специальности совещания по плану. С этих совещаний к Вале стекались замусо-ленные, торопливо исписанные листки протоколов, со-ставленных из одних предложений.
Ефим Кузьмич интересовался предложениями, но еще больше людьми, вносившими их.
— Смотри-ка, Петунин заговорил! — восклицал он, просматривая протоколы и торопливо записывая в свою книжечку новую фамилию. — И как толково заговорил! Мо-ло-дец! Гриша! — окликнул он парторга участка, где работал Петунин. — Возьми себе на заметку Петунина. А это кто такая — Афоничева? Не знаю такой. Т. А. Афоничева... Фу ты, это же тетя Таня, сверлов-щица, знаешь, толстенькая! Ах, умно придумала!
Он немного терялся, Ефим Кузьмич, перед обилием новых имен и новых предложений. Казалось, знал, от кого можно ждать толку, кому можно поручить общест-венное дело, а кому нельзя — завалят... А тут будто поток хлынул и поднял новые пласты, и оказалось, что цех богаче людьми, чем думалось, а работали до сих пор недоверчиво, робко.
Аркадий Ступин, хмурясь и ни на кого не глядя, вошел в комнату и протянул Вале две скрепленные бу-мажки.
— С пятого участка, — сказал он и остановился, пе-реминаясь с ноги на ногу.
— Спасибо, Аркаша, — бросила Валя и углубилась в чтение протокола.
Аркадий постоял-постоял и вышел в коридор, осто-рожно прикрыв за собою дверь.
— Этот молодец еще покажет себя, — сказал Ефим Кузьмич. — Ты, Валюта, его не презирай, не смотри, что у него такая слава. Скажу тебе по секрету: и у меня в ранней молодости всякое бывало. Ты смотри, что у че-ловека внутри заложено.
— А почему я должна смотреть? — с гримаской воз-разила Валя. — Вы это Пакулину скажите, Ступин в его бригаде. А мне он ни к чему.
Гаршин вдруг обернулся к Вале и шутливо вздохнул:
— Вот и влюбляйся после этого! А, Ефим Кузьмич? Человек обмирает, а ей и дела нет. Нет, надо уходить, пока сам не влип!
И он пошел к двери, довольный собою и другими, беспечный, как всегда. Валя не сразу опомнилась и не сразу догадалась отвести взгляд от двери, за которою он скрылся.
У входа в цех на Гаршина с разбегу налетел какой-то растрепанный и неказистый паренек. Паренек отско-чил, прижался к двери и виновато сказал:
— Ох, простите, Виктор Палыч!
— Хорошо, что на меня, а кабы на стенку — своро-тил бы! — строго сказал Гаршин, щелкнул паренька по затылку и прошел мимо.
Кешка Степанов растерянно посмотрел ему вслед. Этот добрый, но забывчивый инженер вызывал у него восхищение и обиду. Кешка не мог понять, почему Гар-шин заступился за него в тот несчастный день, когда он украл у Ступина завтрак, и почему, сказав: «Ты теперь мой и без меня дышать не смей», — тотчас начи-сто забыл про него.
С того несчастного дня Кешка много раз нарочно попадался Гаршину на глаза, но Гаршин, видимо, даже не узнавал его. Зато нельзя было не восхититься тем, как Гаршин весело и затейливо ругается, нельзя было не прислушаться, когда Гаршин поблизости шутит с кем-либо и заразительно хохочет, так что слышно в дальних углах цеха. Если бы Кешку спросили, на кого он хочет быть похожим, он без колебаний сказал бы: на Виктора Палыча. Вот настоящий молодец! Кешка пытался ходить размашисто, как Гаршин, пробовал так же затейливо ругаться, так же лихо набекрень, как Гаршин кубанку, надевал свою потертую шапчонку, но сам понимал, что не получается у него настоящего фор-су; а за ругань Кешке неизменно попадало.
«Хорошо, что на меня, а кабы на стенку — своротил бы!» — повторил про себя Кешка и со вздохом признал-ся, что никогда не сумеет так шикарно шутить.
У двери технического кабинета маячила высокая фи-гура, внушавшая Кешке страх. Он остановился, не зная, как проскочить мимо Аркадия Ступина: после истории с завтраком Кешка избегал его. Но дело, ради которого Кешка помчался к Карцевой, не терпело отлагательств. Набравшись храбрости, Кешка сунул руки в карма-ны и размашисто, подражая Гаршину, пошел прямо на своего противника. Аркадий как-то недоуменно оглядел Кешку и отвернулся. Кешка

поспешно юркнул в дверь кабинета. Мог ли он знать, что его враг полон тоскливой зависти: Кешка — тот самый Кешка! — свободно входит в заветную комнату, а у него, у Аркадия, ноги прира-стают к полу...
Технический кабинет быстро заполнялся, как всегда в этот час после утренней смены. Пристроившись за партой, Полозов просматривал чертеж, в то время как автор предложения, нависая над партой, водил темным от металлической пыли паль-цем по чертежу и убежденно доказывал:
— Это ж позволит механически шлифовать разъем-ные части! Мы ж их сейчас вручную, шабровкой! А тут сколько рабочих высвободится! Сколько времени выга-даем!
На другой парте сидел верхом Бабинков, а перед ним стоял один из двух новых, недавно переведенных из другого цеха карусельщиков — Михаил Ерохин.
— Перевели — так и расскажите все приемы обра-ботки турбинных деталей, — говорил Ерохин обижен-но. — Что же это получается? На нас все простые рабо-ты сбросили, а к самым сложным и не подступайся? Как-никак и я и Лукичев по шестому разряду работали!
Новые карусельщики очень интересовали Кешку, го-раздо больше, чем собственные успехи. Сеня Лукичев был очень молод и казался Кешке самым обыкновен-ным парнем, однако у парня был шестой разряд и он собирался тягаться с такими мастерами, как Белянкин и Торжуев, что пленяло воображение всех мальчишек на участке. Ерохин же вообще был человек удивитель-ный, он смущал Кешку до того, что при нем Кешка и не ругался, и не озорничал, и не знал, как себя вести. Он был со всеми до удивления вежлив и даже Кешке гово-рил «вы». Придя в цех, он с охотой взял в подручные одного из тех парней, что слыли в цехе «неприкаянны-ми», — Ваню Абрамова, здоровенного детину, которого считали безнадежным тупицей. Кешка не раз озорничал вместе с Ваней Абрамовым и прекрасно знал, что Ваня никак уж не тупица, а притворяется дурачком, чтоб его оставили в покое. Единственным настоящим пристра-стием Вани был цирк; отменный силач, Ваня тайно меч-тал стать акробатом или борцом.
Чем воздействовал Ерохин на своего ученика, никто не знал, но Ваня как-то вдруг и всей душой привязался к своему учителю, смотрел ему в рот, когда тот что-либо объяснял, и аккуратнейшим образом посещал занятия по техническому минимуму. В цехе стало известно, что Ерохин был у Абрамова в гостях, что в воскресенье Ваня ходил с Ерохиным в цирк. Кешка издевался над приятелем и тайно завидовал ему вместе с Петькой Козловым, попавшим в подручные к Торжуеву.
Торжуева и Белянкина в цехе называли «тузами». Они очень много зарабатывали и вызывали у всех маль-чишек почтительное любопытство. Попасть к ним в под-ручные было интересно и очень выгодно: подручные за-рабатывали сдельно, с выработки карусельщиков.
Петька с тем и шел в подручные, молча стерпев негодование будущего учителя, — прежнего подручного, как более опытного, назначили к Сене Лукичеву. Каза-лось, тут-то Петька и приобретет мастерство! Но вышло иначе. Торжуев придирчиво обучал Петьку его непо-средственным обязанностям: чистить планшайбу от стружек, смазывать станок, крепить детали, подавать суппорты, крутя на мостике управления маховые коле-са, а к сути обработки деталей и близко не подпускал. Ваня Абрамов уже и чертежи начал читать, и понимал, когда какими резцами лучше работать, и замеры делал под руководством учителя, — Ерохин растил из него бу-дущего карусельщика. А Торжуев только отмахивался от назойливых расспросов ученика:
— Сполняй что полагается. Я у Белянкина пять лет под началом бегал, а был постарше тебя. Что такое уникальная карусель, ты и понять еще не можешь.
Сегодня Торжуев, а значит, и Петька должны были работать в вечернюю смену. На карусели «тузов» стоя-ла на чистовой обработке самая крупная и ответствен-ная деталь турбины — цилиндр. Цилиндр с нетерпением ожидали на сборке, и Кешка слышал от Петьки, что «тузы» долго торговались и с мастером и с начальником цеха, чтобы им приписали сверх полагающейся платы еще лишку, но из этого ничего не вышло. «Тузы» сер-дились, а сегодня Торжуев и на работу не вышел: перед самым концом смены Белянкин сообщил мастеру, что его напарник и родственник заболел. Поработать сверх-урочно Белянкин отказался:
— И рад бы выручить цех, да где уж мне... не те годы!

Мастер расстроился и от расстройства даже не от-ветил на вопрос Козлова, что ему делать и где рабо-тать. Петька и послал подвернувшегося под руку при-ятеля сообщить о случившемся Карцевой.
Карцева заговорила с Николаем Пакулиным. Кешка приблизился к ним и приоткрыл рот, выжидая минуту, когда будет удобно прервать чужой разговор.
— Здравствуй, Кеша! — сказала Карцева и опять обратилась к Николаю: — Так вы принесите, Коля.
Пожав руку Карцевой, Николай обошел Кешку и на-правился к двери. Кешку передернуло. Он сам знал, что не очень-то чист и опрятен, его рабочая блуза тер-лась по всем закоулкам цеха, к нему роковым образом приставала и грязь, и пыль, и брызги масла. Но в том, как Николай осторожно обошел его, чтобы не запач-каться, было что-то очень обидное. Кешка засунул руки в карманы потертых штанов и с подчеркнутой независимостью сообщил:
— А Козлов опять не при деле, Анна Михайловна. Торжуев не вышел.
— Как не вышел?!
Новость всполошила всех присутствующих, даже Котельникова и начальника цеха, так что Кешке не удалось выяснить, что же делать Петьке Козлову, — впрочем, он и сам забыл о Петьке. Отойдя в сторонку, Кешка воззрился на объявление «Вниманию токарей!», где перечислялись книжные новинки по токарному делу. Здесь он чувствовал себя на своем месте, никто не мог сказать ему: «А ты что чужие разговоры подслушива-ешь, малец?» В чем дело? Стоит токарь Иннокентий Степанов и выбирает нужную книгу, выберет и прочтет, если захочет. А прислушивается он при этом к разго-ворам собравшегося начальства или нет, это никого не касается. Не нравится им — пусть идут в свои кабинеты!
Разговор шел крайне интересный. Оказывается, Тор-жуев и Белянкин — еще более важные персоны, чем думал Кешка. Ерохин настойчиво просил, чтобы ему доверили стать на место Торжуева, а начальник цеха не соглашался, и Ефим Кузьмич был в явном смущении, и все говорили о том, что цилиндр стоит около ста пя-тидесяти тысяч и рисковать невозможно: вдруг Ерохин запорет? Полозов уверял, что если будет какая-либо неточность, то не цилиндр пойдет в брак, а можно подогнать сопряженные детали. Кешка не знал, что такое сопряженные детали, но потом Ефим Кузьмич упомянул об обоймах, что они уже обработаны, — значит, нужна будет дополнительная обработка, и Кешка догадался, что это и есть одна из сопряженных деталей. Котельни-ков сказал, что нарушится принцип взаимозаменяемости деталей. Кешка совсем уже не понял, что это за принцип такой, но тут Ерохин побледнел и тихо сказал:
— За что такое недоверие, товарищи? Что я, негра-мотный или бракодел? Чертежи есть, технология напи-сана — неужто не разберусь?
Всем стало неловко, и Кешке тоже. Ерохин повер-нулся и вышел. Котельников сказал:
— Очень нехорошо получилось.
И тоже вышел: может, пошел утешать Ерохина? Любимов стоял на своем:
— Он же и черновой обработки не делал! Разве можно, никогда не работав на цилиндрах, сразу за чи-стовую обработку браться!
Карцева вдруг сказала:
— Георгий Семенович, ведь и Торжуев когда-то на-чинал, а Ерохин — человек грамотный и серьезный.
«Молодец она все-таки, хоть и женщина!» — поду-мал Кешка и с интересом ждал, что скажет Любимов, но начальник цеха позвал с собой Ефима Кузьмича, и оба, озабоченные, пошли в цех. Кешка скользнул за ними.
Карусель «тузов» стояла. На планшайбе громозди-лась махина цилиндра. Кешка взглянул на нее с ува-жением — сто пятьдесят тысяч, подумать только! На второй карусели работал Лукичев, около него стояли Ерохин с Котельниковым; к удивлению Кешки, все трое смеялись. К ним подошли и Любимов с Ефимом Кузьмичом, и сразу прибежал сюда же сменный мастер, а через ми-нуту пришли Полозов и Воробьев. Кешка понял, что сейчас все решится, и подошел поближе, но тут и Петь-ке Козлову стало любопытно, о чем говорит начальство, он тоже приблизился и попался на глаза начальнику цеха.
— А ну, молодые люди, идите работайте, — сказал Любимов.
Работать им было нечего: Кешка уже кончил смену, а Петькина карусель стояла. Но отойти пришлось.

Уходя с карусельного участка, Любимов задержался с Воробьевым и Ерохиным; Кешка слышал, как он ска-зал:
— Сходите, узнайте точно, чем он болен и когда выйдет. Сумеете усовестить — еще лучше. А там видно будет.
— Если подойти психологически, как же не усове-стить? — убежденно сказал Ерохин. — Ведь рабочий же человек!
— Ну-ну, — проворчал Ефим Кузьмич, — уговори, пусть выздоровеет без «аккордной».
Ерохин и Воробьев оделись и ушли, а Кешка с Петькой помчались смотреть испытание регулятора: если украдкой взобраться на лесенку, по которой поднимают-ся к своим кабинам крановщицы, прекрасно все видно.
Полозов проводил начальника цеха до стенда:
— Конечно, риск есть, Георгий Семенович. Но ведь надо же когда-нибудь решиться и нарушить эту монопо-лию.
Любимов страдальчески морщился и жевал губами. Он и сам понимал, что нельзя держать цех в зависимо-сти от двух избалованных, заносчивых «тузов», что это становится нелепым пережитком прошлого, что для того и перевел директор двух квалифицированных ка-русельщиков. Но тот же директор своим приказом о но-вом сроке поставил его в исключительно трудное поло-жение. И что тут придумать, чтоб не прогадать? Ждать выздоровления Торжуева? Тогда цилиндр задержится дня на три. Белянкину одному не справиться быстрее. Допустить Ерохина? Тогда цилиндр поспеет в срок, но в том случае, если Ерохин не запорет. А если запорет? Проще всего было бы пойти на незаконную, но такую удобную сделку с «тузами» — приплатить им аккордно кругленькую сумму... Но этого делать нельзя: сразу поднимется шум...
— Знаете что, Алексей Алексеевич, — сказал он, не глядя на Полозова, — дело это ответственное и партий-ное. Ерохин — коммунист, да и речь идет о выполнении социалистического обязательства, то есть опять таки о партийном, общественном деле... Не буду я решать один! Ефим Кузьмич — старший мастер и к тому же секретарь партбюро. Если выяснится, что Торжуев и завтра не выйдет, пусть Ефим Кузьмич решает сам. Возьмет на свою ответственность — что же, ставьте с завтрашнего дня Ерохина. Я и приказывать не буду, и возражать... тоже не буду.
— Понятно, — сказал Полозов, притушив улыбку.
Он заспешил к Ефиму Кузьмичу, а Любимов мед-ленно пошел на стенд. Решение было самым легким, но от него остался противный осадок,— струсил.

7

Когда они вышли за ворота завода, Воробьев нароч-но пошел медленнее — его не особенно тянуло туда, куда их послали, зато хотелось поговорить с Ерохиным, бла-го представился случай.
Ерохин ему нравился и немного удивлял его.
Человек молодой, но бывалый, прошедший с передо-выми частями советских войск до Берлина, Ерохин со-хранил какую-то наивную чистоту души, словно и не предполагал, что среди хороших людей есть и плохие, и мелкие, и фальшивые люди, словно ему и в голову не приходило, что его доверчивая откровенность может вызвать не только сочувствие, но и насмешку.
— Вот ведь как получилось, — говорил он новым то-варищам в первый же день своего появления в цехе, — а я как раз собрался на юг ехать, хотел месяца три за свой счет просить. У меня жинка скоро родить долж-на, а под Херсоном мои старики живут, все-таки спокой-нее было бы возле мамы... А тут вдруг к вам перево-дят. Теперь, пожалуй, и неудобно проситься, да?

Он охотно рассказывал о своих стариках, — они были, по его словам, редкостно хорошие, и домик у них отлич-ный, и виноградники, погубленные немцами, за эти го-ды возродились и дают виноград, вкуснее которого не сыщешь.
— Я тем летом в отпуск ездил, — говорил он с сия-ющей улыбкой, и слушавшим его становилось приятно, что человек съездил в отпуск на родину. — Жинку к сво-им возил. Так она даже растерялась: вишни, виноград, персики — ешь сколько хочется! Мама за ней ухаживает: бери, невестушка, полезно! Папа тут срежет кисть, там кисть — пробуй, какая слаще! Полюбили они ее. Да ее и нельзя не полюбить.
Кое-кто посмеивался: вот ведь расхвастался человек и стариками, и виноградом, и женой. Но Ерохин не за-мечал усмешек, продолжал рассказывать — теперь уже о своей жене, и его живое лицо с большими, ясными глазами дополняло слова быстрой сменой выражений. Воробьеву стало неловко за него — ну для чего так, сразу, перед незнакомыми людьми всю свою жизнь вы-ворачивать? Но потом заметил, что слушатели посте-пенно подпадают под влияние ерохинской чистосердеч-ности и уже добродушно переглядываются — мол, какой славный парень к нам пришел!
— Уже под самым Берлином познакомились с нею. Ранение у меня было небольшое, а она санинструктор. Ну, то да се, помаленечку познакомились. Попробовал ухаживать — ох как она меня осадила! А ведь девочка еще, девятнадцать лет... Ну, потом в боях вместе, на привалах вместе. Подружились. Уж и боялся я за нее... ведь война! А она не боялась... знаете, как с неопыт-ными бывает? Не понимает, где опасность, думает, если она санинструктор, то ее дело других спасать, а сама заговоренная... Я, конечно, не разубеждал, — так легче, верно?
Фронтовики согласились, что это лучше всего. При-помнили разные случаи. Катя Смолкина прикрикнула:
— Будет вам про всякие ужасы! Тут о любви, а вы опять на свое свернули... Так что же, парень, там и поженились, на фронте-то?
— Нет, — строго сказал Ерохин. — Не согласилась. Не для того мы, говорит, на фронт пошли. Потом, Ми-ша, если дождемся друг друга, наше счастье будет дол-гое, настоящее... А под Берлином ее ранило.
Такая боль отразилась на его лице, что всем стало жаль неизвестную девушку.
— Увезли ее санитарным поездом, а куда? Уж война кончилась, а я все найти не мог. Сколько справок наводил, сколько писем да заявлений разослал! Думал, с ума сойду! А у нее, оказывается, легкое прострелено было и на лице шрам. Вот этого шрама она испугалась: ведь девушка, и вдруг — шрам... И укрылась она от меня у родителей, в Сибири... Еле нашел.
— Нашел-таки! — обрадовалась Катя Смолкина, хотя и заранее было понятно, что нашел, раз теперь женаты. Но уж очень он живо рассказывал!
— Нашел! И так у меня сложилось, что не могу уехать — недавно на завод поступил, до отпуска далеко. Пишу ей — приезжай, а она отвечает: «Нет, Миша, при-езжай сам, посмотрим друг на друга, проверим себя, если ты не разочаруешься — поеду с тобой куда хо-чешь...» Ну, заметался я, отпуск выпросил и помчался. Привез.
И всем слушавшим его было приятно, что она на-шлась и он не испугался ее шрама, и вот — счастливы люди. Даже Торжуев, недоброжелательно встретивший нового карусельщика, незаметно для самого себя рас-трогался и вставил свое слово:
— Конечно, шрам — пустяки, если женщина хоро-шая.
— Очень хорошая! — воскликнул Ерохин, доверчиво улыбаясь Торжуеву.
Ерохина предупреждали, для чего его переводят в турбинный цех, и Воробьев, принимая в свою партгруп-пу нового коммуниста, рассказывал ему, что за люди Торжуев с Белянкиным. Но Ерохин с открытой душой шел навстречу «тузам». Он прежде всего искал в людях хорошее — мало ли что говорят, может, и неправда?
А Воробьев отлично видел, что «тузы» с ехидцей присматриваются к новым карусельщикам и на все расспросы их отвечают так неопределенно, что вместо помощи получается издевка.
Теперь, шагая рядом с Ерохиным, он осторожно за-говорил об этом, но Ерохин отмахнулся:
— Пускай их! Что я, сам не разберусь? А мне инте-ресно, я нарочно спрашиваю да советуюсь... неужто так и будут чваниться? Только ведь знаешь — говорят: чванство не ум, а недоумье. Себе же хуже делают.
Он помолчал и признался:

— Зацепили они меня. С первого дня зацепили за душу. Не люблю я, когда люди вот так — как кошки. Теперь, пока не пересилю, не успокоюсь. И не уйду из цеха — хоть гони, не уйду.
— А разве ты уходить собираешься?
— Сейчас нет, а вообще — да. Со временем…
И Ерохин мечтательно улыбнулся.
— Куда же?
— В мелиораторы, — сказал Ерохин, помолчал и на-чал тихо, взволнованно рассказывать:
— Я ведь природу люблю. И рос на юге, вокруг сады, да виноградники, да степь — широкая, без конца-краю... Сколько красоты в ней! Идешь — как по воз-духу плывешь, а воздух-то чистый-чистый, и вдруг пах-нёт травой нагретой, цветками полевыми... ну, век бы не уходил! А только неустроенность еще в природе... В жаркое лето — высушит все, земля в трещинах, при-слушаешься — будто стонет: воды!.. Очень мне хочется руки тут приложить.
— Как же тебя, друг, на завод занесло?
— А я с малолетства машины люблю, — пояснил Ерохин. — Да и как без них? Без них ничего не сдела-ешь. Я и перед войной на заводе работал, а в войну еще больше машину уважать стал. Техника! А потом...
Он вздохнул, виновато усмехнулся:
— Промах у меня вышел. Задумал я после армии в институт поступать. Лето сидел, готовился... Да, видно, сил не рассчитал. Сельская десятилетка — не городская. Приехал сюда и — провалился. Хотели мне снисхожде-ние сделать как фронтовику. Да нет уж, зачем? Сам чувствовал — не хватает у меня знаний. Поступил на завод и — в вечернюю школу. Попробовал в десятый — трудно. Пошел в девятый. А тут и женился. Как с семьей на стипендию садиться? Кончил десятый, поступил в заочный. Теперь на второй курс перешел. Сессию сдал неплохо.
— Значит, уйдешь от нас, — с сожалением сказал Во-робьев.
— Через несколько лет уйду. Да ведь разве можно всю жизнь одно дело делать?
Воробьев вскинул на него задумчивый взгляд, не ответил. Он врос в заводскую жизнь и как-то не пред-ставлял себе иной.
— Ты не думай, Яков Андреич, что я у вас вроде гостя. Нет! Я свое дело люблю. И знаешь, что люблю? Власть свою над машиной, над металлом... Берешь эта-кую глыбу, жесткую, грубую... А когда обработаешь — какое же в ней изящество получается! Тонкость какая! Очень это интересно.
— Знаешь, Миша, наша Карцева мне как-то вопрос задала. Смотрела-смотрела, как я золотник выгачиваю, и вдруг спросила: «Наслаждение от работы получаете?» Такое неожиданное слово. Об этом Карл Маркс, оказы-вается, говорил. Труд — наслаждение.
— А без этого как же? — просто согласился Еро-хин. — Иначе другое дело искать надо.
Они уже подходили к заводскому жилому городку, где занимали отдельную квартиру Белянкин и Торжуев, когда Ерохин сказал:
— Вот ребятенок у нас родится. И будет расти, рас-ти... Что он в жизни увидит, а? Ты думал когда-нибудь, что они увидят, наши дети? У тебя ведь есть?..
— Неженатый я еще, — тихо сказал Воробьев и шаг-нул в парадное. Слова Ерохина будто обожгли его ду-шу. Встало в памяти упрямое, заплаканное лицо Груни, прозвучал ее задыхающийся от слез голос: «Нет, нет, Яшенька, милый, ты не понимаешь...»
Он продолжал подниматься по лестнице, но хоте-лось ему повернуть назад (ну их к черту, этих «тузов»!), напрямик через пустырь побежать к ней, ворваться в этот запретный для него дом, схватить ее сопротив-ляющуюся, непокорную руку...
«Пойду! — решил он, вглядываясь в номера квар-тир. — Отсюда же пойду, объяснюсь с Кузьмичом, все выскажу, как есть!» — И тут же, еще не найдя нужного номера, понял, что никуда он не пойдет, что не может он объясняться с Кузьмичом без ее согласия, что нет у него на то никаких прав...
Помрачневший, он остановился возле двери, из-за которой доносились приглушенные звуки рояля; кто-то быстро, но сбивчиво играл гаммы.
— Дочка играет, — сказал он Ерохину. — Хорошо, если дочка откроет, а то супруга его, пожалуй, и не впустит. Насильно не полезешь.
А мы с подходцем, деликатно, — отозвался Еро-хин. — Ведь товарищи, из одного цеха. Как же она мо-жет не пустить?

И, нажав на дверь, которая оказалась незапертой, добродушно добавил:
— Вот видишь, добрые люди и замков не признают. Первым человеком, которого они увидели войдя, был сам Семен Матвеевич Торжуев. В теплой домашней куртке и меховых туфлях, повязанный широким фартуком, он сидел на низеньком табурете у окна просторной кухни перед низким, грубо сколоченным столом, завален-ным инструментами, частями разобранных электропри-боров, чайниками и кастрюлями с прогоревшими дни-щами. В руках он держал, однако, дамские сандалеты из цветной кожи.
Перед ним стояли две девушки и в два голоса про-сили:
— Уступите немного, Семен Матвеевич! У нас и деньги с собой, сто двадцать! Уступите немного, Семен Матвеевич!
— Не мои туфли, барышни, не моя и воля усту-пать, — сказал Торжуев, равнодушно оглядываясь на входящих. Внезапно он густо покраснел, швырнул туф-ли на подоконник, торопливо пробормотал:
— Завтра зайдите, барышни, с самим мастером по-говорите!
И поднялся навстречу нежданным посетителям, сует-ливыми движениями стаскивая с себя фартук.
Воробьев стоял посреди кухни, сузившимися от гне-ва глазами примечая и эту суетливость, и покраснев-шее лицо Торжуева, и утварь, принесенную в починку, и лежавшие на подоконнике сандалеты разных цветов. Зато Ерохин, пропустив к выходу смушенных девушек, жизнерадостно улыбнулся и даже подошел к столу обозреть раскинутую на нем рухлядь, взял в руки дырявую кастрюлю, поглядел ее на свет, покачал головой.
— Лудить-паять? — как ни в чем не бывало спросил он. — С этой штуковиной повозишься. Дно будешь ста-вить?
— А как же? Старое-то как решето, — с облегчением подхватил Торжуев и, вздохнув, объяснил: — Тащат со-седи и тащат всякое барахло: почини да почини. При-бытку никакого, а возни не оберешься.
— Ну, принимай гостей, хозяин, раз пришли, — сказал Воробьев, с горьким удивлением приглядываясь к этому человеку, которого знал степенным и самоуверенным, а теперь видел растерявшимся и жалким.
— Василий Степанович сказал: вы больны, — пояс-нил Ерохин. — Вот мы и решили навестить.
— За внимание — спасибо, — сказал Торжуев и крикнул куда-то в глубину квартиры: — Жена-а! Това-рищи с завода спроведать пришли. Сообрази-ка!
Припадая на одну ногу, он повел гостей в комнату, служившую столовой, У пианино сидела девочка лет пятнадцати. Она сразу оборвала гаммы и повернулась на вращающемся табурете лицом к гостям.
— Ирина, дочка, — представил ее Торжуев. — В му-зыкальной школе учится. При консерватории.
Девочка поздоровалась и, с удовольствием захлоп-нув крышку пианино, выскочила из комнаты.
— Трое их у меня, — рассказывал Торжуев, усажи-вая гостей и стараясь скрыть смущение. — Старший в Горном институте на третьем курсе, средний — в Тех-нологическом на первом! Интеллигенция!
Вошла жена — пышная, когда-то, видимо, очень кра-сивая. Ее расплывшиеся черты до странности напомина-ли черты лица Белянкина, хотя у Белянкина лицо было с кулачок и сухонькое, все в морщинах. Ходила она впе-ревалочку, но хозяйничала расторопно и на мужа смот-рела подобострастно, на лету ловя указания. Как ни отговаривались гости, на столе появились огурчики, се-ледка, грибки и графинчик с водкой.
— Да ведь мы только узнать зашли, — сказал Во-робьев. — Время в цехе горячее. Сами знаете, Семен Матвеевич, как некстати ваша болезнь. Что это с вами приключилось?
— По суху какой же разговор? — ответил Торжуев и, еще сильнее прихрамывая, достал из буфета стоп-ки. — Ревматизм замучил... Дома еще ничего, а как попаду в цехе на сквозняки, так и сведет ноги... Фрон-товое наследство!
— Где воевали? — спросил Ерохин, и через минуту оба уже наперебой вспоминали, кто где отступал, кто где наступал, в каких боях пришлось участвовать.
Воробьев слушал, похаживая по комнате и не участ-вуя в разговоре, хотя ему тоже было что вспомнить. Он приглядывался к Торжуеву, к его жене, ко всей об-становке — пианино, люстра, телевизор...

— Трофейная? — через плечо спросил он Торжуева, останавливаясь перед довольно нелепой бронзовой лам-пой, изображавшей голую женщину с двумя светильни-ками.
— Жене в подарок прислал, — неохотно ответил Тор-жуев.
Развешанные по стенам фотографии изображали хо-зяев и их детей в разные периоды жизни. Дети в пио-нерских галстуках, потом с комсомольскими значками на груди — в пионерлагере, на лыжах, в лодке... Тор-жуев с женой. Торжуев на пляже в Сочи... Воробьев долго разглядывал один снимок — сержант Торжуев в лихо заломленной пилотке, с четырьмя медалями на груди.
— Вот поди ж ты! — сказал Воробьев, оборачиваясь и внимательно разглядывая самого Торжуева. — Обычно я фронтовиков за версту чую, а вот в тебе, Семен Мат-веевич, не признал.
Кровь залила лицо Торжуева.
— На лбу не написано, — хрипло сказал он и при-крикнул на жену: — Хватит суетиться, садись!
Властный, долгий звонок рассеял неловкость. При-шел Белянкин — из бани, распаренный, благостный. Ра-душно приветствовал гостей, но исподтишка косился подозрительно. При нем и сам Торжуев притих, и жена его стала еще проворнее и подобострастнее: бегом унес-ла сверток с бельем отца, подставила старику кресло, наложила ему на тарелку закусок, намазала маслом хлеб. Видно, старик держал семью в кулаке.
— Что ж, приступим, — сказал Белянкин, поднимая стопку, — поскольку все здесь турбинщики, по первой — за первую турбину!
— За ее досрочный выпуск с вашей помощью! — до-бавил Ерохин.
— А как же! — горделиво сказал старик. — Без нас с Семеном ни одна турбина с завода не вышла.
За первой стопкой последовали и вторая и третья, разговор крутился вокруг цеховых дел, и, если отвле-кался в сторону, Воробьев твердо возвращал его в глав-ное русло: для того и пришли, чтоб поговорить начи-стоту. Ерохин с откровенным любопытством слушал ста-рика: видно, никак не мог разобраться, что за человек. Послушаешь, так во всем цехе не найдется более заин-тересованных людей, чем Белянкин да Торжуев, — все-то они понимают, всем рады помочь, никаких сил не по-жалеют...
— Хорошо вы говорите, Василий Степанович, — вдруг резко сказал Воробьев, — да только слова и дела у вас как-то расходятся!
Обращался он к одному Белянкину, Торжуева вроде и не замечал, понял, что старик тут — главное лицо. Торжуев заволновался, а старик даже глазом не повел, только укоризненно покачал головой:
— Зря обижаете, Яков Андреич. Против советского порядка мы ни в чем не идем. А что ценим свой труд — по заслугам ценим! По вашей программе, по партийной. От каждого по способности, каждому по труду, ведь так?..
— По способности-то вы больше можете, — тихо сказал Ерохин.
Белянкин повернулся к Ерохину и вкрадчиво улыб-нулся:
— Горячишься, сынок, а ведь без толку! Ты парень молодой, работник неплохой, должен бы понимать, что такое мастерство и опыт. Мне что? Мое время кончает-ся — вам, молодым, дорога... А ценить себя умей. Ува-жения к себе требуй. На том всякое мастерство и дер-жалось и держаться будет.
— Уважение разве деньгами измеряется, Василий Степанович? — все так же тихо возразил Ерохин. — За-работки у вас и без того самые большие, а вот уваже-ние, уважают вас в цехе, прямо скажу, не очень! Не-хорошо о вас говорят. Неужели вам уважение товари-щей не дорого?
— Говорят о вас: жилы, шкурники, — не стесняясь, уточнил Воробьев, следя за тем, как багровел и дергался на месте, желая, но не решаясь заговорить, Торжуев. Именно Торжуев сегодня занимал его.
Торжуев так и не сказал ничего, а Белянкин еще вкрадчивей ответил Ерохину:
— По молодости, парень, глупости болтаешь. Вторую неделю в цехе, — что ты можешь знать? А мне, по край-ней мере, и начальник цеха первым кланяется, и дирек-тор иначе, как Василием Степановичем, не называет. Завистники, конечно, находятся, как без них? Это тебе пока никто не завидует, потому — нечему. А стремиться ты должен, чтоб не ты искал, а тебя искали: «Помоги, сделай!» Женатый ты или нет еще?
— Женатый!

— Тогда тем более умей себя поставить. И от лиш-них денег не отказывайся, если дураком прослыть не хочешь.
— Зачем же отказываться? Мне деньги очень даже нужны, — доверчиво признался Ерохин. — Только я их производительностью труда заработаю, Василий Сте-панович, а торговаться да вымогать не стану.
— А тебе покамест иначе и не дадут, — ехидно со-гласился Белянкин. — Что ты есть? Обыкновенный кару-сельщик шестого разряда. Таких, как ты, дюжинами считают. А таких, как я, — единицами. Станешь со мной вровень — тогда поговорим.
И он, считая разговор оконченным, налил всем по последней.
— За ваше здоровье, дорогие гости! — сказал он. — И за тебя, Яков Андреевич, что зашел к нам и хлебом-солью нашей не побрезговал.
— Почему же не зайти, Василий Степанович? — ска-зал Воробьев и, прищурясь, в упор поглядел на стари-ка. — Я с тобой, Василий Степанович, вровень стою. Токарь-центровик не хуже, чем ты карусельщик. А зара-батываю и побольше тебя, верно?
— Верно, верно, Яков Андреич, — поддакнул Белян-кин. — О тебе спору нет.
— А вот насчет расценок не торгуюсь, и думаю так: не тем человек выделяется, что один, а тем, что хорош.
— Верно, верно, — опять поддакнул Белянкин и за-нялся грибками, цепляя их вилкой и со вкусом медленно разжевывая. Продолжать спор он явно не собирался, а по лицу бродила ехидная улыбочка: что там ни говорят, как ни агитируют — их дело такое, затем и пришли! А горжусь я недаром и цену набиваю недаром: ведь вот прибежали на дом, сам партийный групорг пришел шапку ломать: выручайте, мастера, без вас не обойтись!
— Вот только старею, — сокрушенно вздохнул Бе-лянкин. — Выручил бы цех, как не выручить! И на деньги не посмотрел бы... Да сила уже не та! Сверх-урочно и рад бы поработать, раз зятек хворает, да не могу...
И он поднялся, прижав руки к груди, поклонился:
— Не обижайтесь, пойду прилягу. Старые-то кости покою просят.
— Конечно, отдыхайте, — сказал Воробьев. — И о цехе душой не болейте, раз такое дело. Не выздоровеет к завтрему Семен Матвеевич — другого напарника най-дем. Чего уж вам силы надрывать!
Белянкин только на минуту растерялся, тревожно переглянулся с зятем, а потом елейно улыбнулся:
— Ну вот и слава богу. Так уж вы не обижайтесь на старика.
И ушел.
Торжуев вскинул голову и грубовато спросил Ерохина:
— Не ты ли меня заменять думаешь?
— Может быть, и я, — спокойно сказал Ерохин.
— Так.. — протянул Торжуев. — Ну что же... По-пробуй.
Он встал, пошарил в буфете, нашел еще водки, на-лил по стопкам. Рука у него дрожала.
— Дай-ка я, — сказал Воробьев. — Мимо льешь, Се-мен Матвеевич, видно, и впрямь нездоров. Надолго у тебя болезнь-то? Когда выходить думаешь?
— Да как знать? Вот схожу к доктору, ему видней.
— Конечно, доктору видней. Ну а.... волынку кон-чать, Семен Матвеевич, собираешься или нет?
Торжуев залпом осушил стопку, сморщился, начал жевать хлебную корку. Вид у него был какой-то оше-ломленный: то ли разговор подействовал, то ли опья-нел.
— Нехорошо ведь получается, Семен Матвеевич... — начал было Ерохин, но тут Воробьев со звоном поста-вил свою стопку и прикрикнул:
— Фронтовик чертов! Совесть свою где растерял? В Сочах небось отдыхаешь, санаторий каждый год тре-буешь, дети — студенты! Комсомольцы! В музыкальной школе государство обучает! В институтах! А знают они, что их отца весь цех шкурником величает? Не знают? Может, рассказать? Порадовать?..
Торжуев пьяными, злыми глазами долго смотрел на Воробьева, стараясь найти какие-то веские слова для ответа и не находя их.

— Не имеешь права... — наконец пробормотал он заплетающимся языком. — Насчет фронта не трожь... И детей — к чему детей приплел. Что я, несоветский элемент?.. Я, кажется, все сполняю...
Воробьев решительно встал:
— Пойдем, Миша. Навестили больного, водки его выпили, а тебе завтра за него вторую смену работать. Пошли!
Торжуев вскочил; покачнувшись, навалился на спин-ку стула, который так и затрещал под его тяжестью.
— За меня? — крикнул он с бешенством. — Никто еще за меня не работал! Ерохин больно гладенький, пусть Ваньку воспитывает да нос ему утирает, а я, если захочу, в один день за неделю сработаю!
— Так захоти! — с силой сказал Воробьев. — Захоти, чем так-то спьяну хвастать!
— А вот и захочу, если на то пошло! — крикнул Торжуев и отбросил в сторону стул. — Подначивать при-шел? Так мне плевать на твою подначку, а вот христо-сику этому, — он презрительно кивнул на Ерохина, — обставить меня не дам! Не дам! Захочу — и будешь ты, групорг партейный, красные плакаты мне писать и портрет мой на стенку вешать!
— Если не хвастаешь, плакат напишу и портрет по-вешу, — спокойно сказал Воробьев. — А ты, Семен Мат-веевич, чем куражиться попусту, подумай лучше, не пора ли собственным умом на свете жить? Пошли, Миша.
Воробьева рассердило и огорчило, что Ерохин, види-мо, опьянел и вышел из квартиры спотыкаясь и забыв проститься с хозяевами. Но на улице Ерохин рванул во-рот рубахи и сказал с тоской:
— До чего некрасивые люди, а?
Некоторое время он шел молча, затем сквозь зубы проговорил:
— А насчет христосика... еще посмотрим!

8

Закутавшись платком так, что видны были только испуганные глаза, Груня Клементьева скользнула в парадное заводского общежития и бегом поднялась на третий этаж. Сердце ее громко билось. Она задержа-лась на площадке у входа в длинный, скудно освещен-ный коридор, прислушиваясь, не идет ли кто, на цыпоч-ках пробежала по коридору и нащупала за наличником ключ.
За дверью глухо заворчала собака. Кто-то, шаркая подошвами, поднимался по лест-нице. Груня поспешно открыла дверь, выдернула из замочной скважины туго поддающийся ключ, тихо прикрыла за собой дверь и сразу же замкнула ее изнутри. И только тогда, переведя дух, погладила кружившуюся вокруг нее собаку и дала ей припасенную булку.
Скинув платок, она в полумраке поправила перед зеркальцем заколотые вокруг головы косы, приложила к щекам холодные ладони и счастливо засмеялась.
Ей нравилось приходить сюда тайком, пугаясь каж-дого встречного, и потом ждать в этой маленькой чис-той комнатке — его комнатке, где все говорило ей о нем: жесткая, по-солдатски заправленная койка, много-ламповый радиоприемник, который они включали, чтобы музыка заглушала голоса, охотничье ружье на стене, аккордеон в футляре, зажатый между стеной и изго-ловьем койки, полка с книгами, из которых торчат бу-мажные закладки, и его фронтовой друг — эта злющая Рация, признающая только хозяина и ее, Груню. Она не зажигала света, чтобы стекло над дверью не выдало ее присутствия. Сидя на единственном стуле возле сто-ла и шепотом разговаривая с собакой, она прислуши-валась к шагам проходящих за дверью людей и всегда издали узнавала его торопливые шаги, беззвучно пово-рачивала ключ в замке и замирала у двери.
Однако сегодня он опаздывал. Который теперь час? Он сказал: в восемь. Она и без того запоздала: никак не уйти было из дому, потому что Ефим Кузьмич задер-жался на заводе, а Галочка ни за что не хотела оста-ваться одна. Пришлось накричать на девочку и оставить ее в

слезах. Стыдно!.. Что если Галочка не заснет до прихода дедушки и расскажет ему, а дедушка будет опять до ночи шагать из угла в угол, жуя папиросу, потому что он-то знает наверняка, что никакого собра-ния у нее нет!
Чувство виноватости жгло ее, и было только одно утешение — скорее увидеть его, обнять, убедиться в том, что он любит ее, и сказать ему, что ради него она пренебрегла всем — и дочкой, и Ефимом Кузьмичом, и хозяйством, и даже своей клятвой никогда не изменять памяти Кирилла. В сотый раз доказать ему свою лю-бовь, и все-таки ответить отказом на его настойчивые уговоры, и шептать сквозь слезы: «Нет, Яшенька, нет, любовь моя, я тебя люблю и всегда любить буду, но менять ничего нельзя, и не требуй, нельзя...» И, в по-следний раз крепко обняв его, выскользнуть в затих-ший к ночи коридор и бежать без памяти на ночной холод, леденящий ее разгоряченное лицо, и робеть при мысли, что дома ее встретит вопросительный взгляд Ефима Кузьмича.
— Рацинька, что же он не идет? — с тоскою спроси-ла она, теребя настороженное ухо собаки и прижимаясь щекой к мягкой шерсти.
Рация заскулила и покосилась на дверь.
Положительно, она все понимает, только не говорит. Недаром она в первый же раз не залаяла на Груню и лизнула ей руку. Яша тогда удивился и сказал: «Пони-мает, что ты любимая, у меня от нее секретов нет».
В полумраке позднего весеннего вечера глаза собаки блестели, как два желтых фонарика.
— Это нехорошо, милая, — пожаловалась Груня. — Он же знает, как мне трудно вырваться из дому. Он не разлюбил меня?
Рация тихонько скулила, стуча хвостом по полу, и Груне хотелось плакать от жалости к самой себе.
Что же делать? Господи, что же тут поделаешь? И так не хорошо, и иначе нельзя... Даже представить се-бе страшно, как это прийти в цех и сказать: «А я выхо-жу замуж». Вдова Кирилла Клементьева, ставшая на его место и свято хранившая память о нем, так свято, что никто не решался поухаживать за нею, никто не смел слово сказать... А старику? Как сказать старику, когда двадцать раз сквозь слезы кричала ему: нет, ни-кого мне не надо, никогда никому не позволю заменить Кирюшу... А дочке? Галочке? Как привести в дом чу-жого ей человека и сказать: вот твой новый папа... Галочке, которой так часто рассказывала об отце, кото-рой так часто клялась: всю жизнь будем помнить... Нет, нельзя, нельзя, тут и думать нечего.
Сколько раз за последнее время она заново начи-нала обдумывать все это, мысленно повторяя доводы Яши! Ей самой хотелось поверить, что все ее страхи — вздор. Но убедить себя не могла, а вместо этого пред-ставляла себе усмешечки знакомых, их пересуды: «А ка-кой скромницей прикидывалась!» И почему-то упрямо возникала перед нею все та же сценка: Галочка рас-шалилась, расшумелась, а Яша вдруг с досадой прикрикнул: «Не шуми, покою не даешь!» — и Галочка оби-женно забилась в уголок, а дед ходит сам не свой, не глядя на Груню, но всем своим видом говоря: вот ви-дишь, привела отчима!
Теперь она корила себя — зачем полюбила, зачем дала волю чувству? Не надо бы. Но укоры шли мимо сердца... Ох, нелегко она решилась, ох, долго, мучи-тельно сопротивлялась любви, его извела и себя заму-чила. Сколько раз убегала, сколько раз отталкивала, когда хотелось припасть к нему на грудь и заплакать, и сказать — твоя, что хочешь делай, не могу больше... А потом его пожалела и себя жалко стало: не под силу мука, пусть хоть ненадолго, пусть хоть украдкой — гло-точек женского горького счастья.
За стеною начали бить часы. Груня считала певучие удары, и с каждым ударом в ней нарастали обида и гнев. Девять часов! Ну хорошо же! Ты не торопишься? Ты спокойно занимаешься своими делами, пока я тут мучаюсь одна? Ладно. Пусть будет так. Я уйду, вот только перекину на другое место подушку, разбросаю книги, переверну стул, чтобы ты понял, что я была и ушла. Ушла и больше никогда не приду, как ни проси!
Она оттолкнула собаку и подошла к двери. И тогда ей стало страшно. Уйти с такой злобой на Яшу — зна-чит промучиться всю ночь и разжечь обиду, так что потом и помириться будет невозможно. И его обидишь. Мало ли что могло случиться в цехе! Сегодня после ра-боты были собрания партийных групп, а он партгруп-орг...
Она подняла стул, поправила подушку, сунула кни-ги обратно на полку, приникла к двери, прислушалась. В этот час, когда все обитатели общежития собирались к ночи, дом наполнялся

голосами, шагами, музыкой, передаваемой по радио. Сейчас и не выйти: обязательно на кого-нибудь наткнешься!
Снова пробили часы. Четверть? Или полчаса?
Она прилегла на постель, выдернула шпильки, от-пустила косы: они давили ей голову. Утерла слезинки и постаралась оправдать Яшу и настроиться на мирный и веселый лад, чтобы встретить его лаской, когда он на-конец придет. Он же там мучается, поглядывает на часы, волнуется, что она рассердилась... А придет — и виду не подаст, что устал и переволновался. Крепко обнимет ее и прижмет к себе — так крепко, что пока-жется: одно тело, одно сердце, одна душа...
Снова зазвучали певучие удары — три... пять... де-вять... десять... Десять часов!
Ждать еще — значит потерять самолюбие и гор-дость, значит позволить ему не считаться с собою!
Она вскочила; оправила постель и, гневно отталки-вая коленом ластившуюся к ней собаку, поспешно за-крутила вокруг головы разметавшиеся косы, небрежно проткнула их шпильками и завернулась в платок. Те-перь она хотела одного — уйти как можно скорее! Пусть догадывается, была она или не была! Пусть бегает по пустырю возле ее дома, заглядывая в окна!
— Прощай, Рацинька, я больше не приду, — уходя, прошептала она и поцеловала собаку в шелковистую шерсть между ушами.
В коридоре она лицом к лицу столкнулась с какой-то женщиной, смутно узнала — жена турбинщика, Яшина соседка.
Еще час назад Груня ужаснулась бы такой встрече, но теперь спокойно и гордо поздоровалась: пусть сплет-ничает, все равно!..
Она пересекала двор, когда увидела бегущего к дому Яшу. Горячая радость заставила ее остановиться. Но в ту же секунду она вспомнила все, что передумала за два часа, все, что отдалило ее от Яши... Разве что-нибудь изменилось? Заставил прождать в потемках два часа, а теперь бежит!
Она пошла своим путем, подняв голову и распрямив плечи. И чуть не крикнула, когда Яша, не заметив ее, пробежал мимо, громко и сильно дыша.
Она вышла за ворота и медленно пошла по переул-ку. Голова ее поникла, плечи опустились. Завидев изда-ли свой домик с двумя освещенными окнами, она оста-новилась, чтобы собраться с силами и войти спокойной и гордой, — только бы не показать горя...
У нее не было сил обрадоваться, когда она услыха-ла за спиною быстрые шаги и приглушенный оклик:
— Груня!
Только слабость будто сковала ее — ни уйти от него, ни шагнуть навстречу, ни откликнуться на зов.
В этот день, коммунисты цеха собирались по груп-пам, и Воробьев придавал собранию своей группы особое значение. Лучшие работники, лучшие бригады у всех на виду, а вот все ли силы использованы, все ли правильно расставлены? Он и сам удивился, когда под-считал, что рядом с основной группой по-стахановски работающих людей существуют восемнадцать человек, которые и загружены мало и план частенько не выпол-няют. Почему так получается? Виноваты мастера: пред-почитают выезжать на хорошо проверенных кадрах. Виноваты и коммунисты: недосмотрели. Или взять рост производительности труда: у одних она растет из меся-ца в месяц, думают люди, душой болеют, а у других производительность застыла на одном уровне. Об этом и говорил Воробьев, и ему было приятно, что коммунисты слушали с большим вниманием, а по-том сразу оживленно заговорили.
Ерохин высказал свою обиду: начальство доверять боится. Сколько было страхов, пока разрешили порабо-тать вместо Торжуева! А вот он, Ерохин, уже два дня работает и справляется, и никаких тайн тут нет, а толь-ко тонкая работа, требующая сноровки, внимания и рас-чета. Зачем же создавать дутые авторитеты и людей портить?
— Слово даю вам, товарищи, от себя и от Лукичева, — перегоним мы и Торжуева и Белянкина!
— А только и Торжуева с Белянкиным оставлять без внимания нельзя, — заключил Воробьев.
— Если та-кое рвачество у нас развелось, мы за то отвечаем. Не-ужели мы их такими иждивенцами народа в коммунизм потащим?

Говорили коммунисты и о молодых рабочих: ведь как выправился Аркадий Ступин в пакулинской брига-де, день ото дня лучше становится. А Ваня Абрамов? Тупицей считали, а глядите, каким он толковым под-ручным оказался, когда Ерохин всерьез занялся им! Шефство нужно над учениками, пусть каждый комму-нист хотя бы одного ученика возьмет на свою партий-ную ответственность.
Заспорили об учениках: можно ли им доверить само-стоятельную работу по турбине? В споре родилось пред-ложение — расчленить операции на черновые и чисто-вые, чтобы квалифицированные рабочие выполняли толь-ко ответственную, чистовую обработку, а черновые работы делали ученики. Простая мысль, а какую выгоду она принесет цеху!
Нашлись и возражения! значит, каждую деталь со станка на станок перебрасывать? Это еще подсчитать надо, будет ли эффект!
Раздался и другой недоверчивый голос:
— Расчленить-то расчленишь, да разве ученик за тобой поспеет?
Начали прикидывать, подсчитывать.
Именно в это время Воробьев скосил глаза на руч-ные часы и увидел, что уже половина девятого. Он пред-ставил себе, как Груня стоит у двери, вслушиваясь в приближающиеся по коридору шаги...

Обсуждение продолжалось.
Это обсуждение было таким решающим для всего участка, что Воробьев не только не мог скомкать его, но должен был всячески стараться, чтобы люди разго-ворились. И он это сделал.
Когда он снова украдкой взглянул на часы, было без пяти девять.
— Пора кончать, товарищи! — раздались голоса. — Что же мы, до ночи сидеть будем?
Решение заняло еще пять минут, и все уже подня-лись и стали собираться домой, когда вошли Любимов и Гаршин.
— Вот это кстати! — воскликнул Ефим Кузьмич. — Начальник цеха и старший технолог. Значит, сразу все и обговорим, самое милое дело!
— Оставайтесь, товарищи, кто не очень спешит, — предложил Воробьев, где-то в глубине сердца отсчиты-вая минуты и все же понимая, что приход Любимова и Гаршина в самом деле кстати.
Было без четверти десять, когда разговор закончил-ся. Без четверти десять!
Ничего и никого не замечая, добежал Воробьев до дома, через две ступеньки взбежал по лестнице. Дверь не открылась ему навстречу. Пальцы ощутили холодок ключа за наличником. И тогда он вспомнил, что какая-то темная фигура разминулась с ним во дворе, и по-нял, что это была Груня, — Груня, которая узнала его и не захотела окликнуть!
Не входя в комнату, он побежал догонять ее. Он очень устал за день и очень устал от сумасшедшего бе-га по улицам. Вместе с желанием успокоить Груню в нем поднялось возмущение: почему, собственно, долж-ны они встречаться урывками, как преступники, боящи-еся света? Почему он лишен простого и естественного тепла семейной жизни? Почему он бежит сейчас за нею с виноватым лицом, когда он выполнял свой долг? Было бы так хорошо после интересного и утомительно-го собрания открыто прийти к ней, к ней и к себе до-мой, и рассказать ей все, что произошло, и отдохнуть возле нее, и знать, что она друг, опора, жена — жена!..
Когда он догнал и окликнул ее, она стояла на краю пустыря напротив своего дома и не сделала ни одного движения навстречу ему. В полутьме весенней ночи он разглядел на ее лице какое-то одеревенелое, несвой-ственное ей выражение.
— Грунечка! — воскликнул он и взял ее за руки. От прикосновения его горячих и нежных рук кровь прихлынула к ее сердцу и вместе с тем снова верну-лись обида, и гнев, и еще — страх, что сейчас их увидят, что может пройти мимо или заметить их из окна Ефим Кузьмич.
Она с силой выдернула руки и почти побежала по тропе, огибавшей пустырь.
Крупно шагая рядом с нею, он быстро и взволнован-но объяснял, что его задержало, и как это было важно, и как он страдал оттого, что она ждет.
— А мне какое дело? — выкрикнула Груня и оста-новилась. — Мне какое дело, что тебя задержало? Ты должен был предвидеть, предупредить, прислать записку.
— Но ты же запрещаешь это!

— Придумал бы — как, это твое дело! Если бы я не могла прийти, я бы нашла тысячу способов предупре-дить тебя! — быстрым шепотом говорила она, забывая, сколько раз он ждал ее часами, когда ей не удавалось вырваться из дому. — Если бы ты любил и уважал ме-ня... Если бы ты понимал, что я поссорилась из-за тебя с дочкой... с Ефимом Кузьмичом... что я честью своей рискую ради тебя...
Воробьев вдруг взял ее за локти, стиснул их и власт-но крикнул:
— Перестань!
Побледнев, она выжидательно и дерзко смотрела ему в глаза.
— Тебе очень нравится играть мною, как кошка мышью? — с горечью спросил он, не отводя взгляда.
У нее дух захватило от возмущения, но все-таки она отметила, что лицо у него несчастное. И тогда ей стало совсем трудно дышать от вновь возродившейся блажен-ной уверенности — любит!
— Ты же еще и обвиняешь меня? — пробормотала она.
— Эх, Груня, это все не о главном, — сказал он со вздохом и взял ее уже не сопротивляющиеся руки. — Пойдем ко мне, поговорим толком...
— Не могу я идти к тебе, — зашептала Груня. — Ме-ня и так уже люди видели сегодня. Там заговорят, в цех перекинут, старику перескажут... Не могу!
— А пойдем первые скажем всем!
Так как она не ответила, он взял ее под руку и по-вел, но она упрямо повернула его в другую сторону — к дому. Он подчинился, сжал ее локоть:
— И ко мне не хочешь?
— Уже была! — заносчиво ответила она. — Два часа сидела взаперти!
— Я не виноват, Груня. Так вышло. А ты наказы-ваешь? Или впрямь не хочешь побыть со мною?
— Я и сейчас с тобою.
Помолчав, он заговорил ровным, злым голосом:
— Ну, слушай здесь, на улице. Кончать это надо, Груня. Думаю я о тебе так много, что голова раскалы-вается. Всю жизнь ты мне перековеркала, иной раз людям, которых уважаю, в глаза смотреть боюсь. От шутки в жар бросает, — вдруг о нас с тобой прознали? И сегодня — надо бы думать о деле, а я, как мальчиш-ка, на часы поглядывал да сокрушался. Не хочу боль-ше! За что мне такое наказание, чтоб любовь свою пря-тать, словно порок? Не могу я так жить, никому не нуж-но, чтоб так было: ни тебе, ни мне, ни людям. Пора кончать, Груня!
Она чуть слышно откликнулась:
— Ну что ж... прощай.
— Нет, Груня, не так. Или мы друг друга не любим? Или в любви нашей есть что-нибудь постыдное, дурное? Я бы всему свету показал тебя — вот она, любимая моя, жена моя! А ты... стыдишься меня?
Тогда она заплакала. Припала к нему всем телом и заплакала навзрыд, как всегда делала, если он переси-ливал в споре. Она знала, что он — сильный и упорный во всем — теряется и слабеет от ее слез. Глотая слезы, она повторила ему все клятвы, все уверения и снова умоляла:
— Не мучь меня, любовь моя! Не будет иначе, не может быть иначе! Яшенька, милый мой, желанный мой! Не настаивай! Нельзя... Пойдем к тебе, если хочешь. Куда хочешь пойдем. Только не настаивай!
Она первая поцеловала его, и они долго стояли так, в темноте, прижавшись друг к другу, несчастные и сча-стливые. Идти было некуда: было поздно, один за дру-гим гасли в окнах огня, только в комнате Ефима Кузь-мича укоризненно светились два окна.
— Я приду к тебе завтра, милый.
— В восемь?
— Лучше в девять. Мне трудно в восемь. До завтра, любимый.
— До завтра, Груня.
— Ты только люби меня.
— Я ли не люблю тебя, Груня!
— А я? Ты не понимаешь, как мне трудно. Я словно по канату хожу. Милый, милый мой, все ради тебя!
— А если все-таки переменить, Груня?

— Молчи, милый. Я же все продумала. Целые ночи думаю. Поцелуй меня еще, Яшенька!.. Поцелуй креп-че, чтоб мне не так страшно было домой идти! Не спит он, Яшенька, видишь, — ждет!
Он смотрел, как она шла к дому по мокрому, темно-му пустырю, натыкаясь на камни и все замедляя, за-медляя неуверенные шаги.

9

Давно ли Аня пугалась того, что в цехе все незнако-мо — и люди, и невиданно крупные детали будущих ма-шин. Теперь она бегала с участка на участок как дома, здороваясь и переговариваясь с десятками людей, зная, что у кого не ладится, почему один мастер ходит веселый, а другой ворчит. К ней все чаще обращались и рабочие, и мастера, и начальники участков:
— Анна Михайловна, посмотрите, что мы придума-ли…
— Анна Михайловна, а что если сделать вот так...
Обращались к ней не по обязанности, а по доверию, как к отзывчивому и энергичному работнику «штаба энтузиастов». Но она была инженером и хотела помо-гать как инженер.
В техническом кабинете, прямо перед ее глазами, висела диаграмма выполнения графика. Получив суточ-ную сводку, Аня втыкала булавку в новую клеточку и радовалась, если черный шнурок неуклонно полз вверх. Но были кривые, которые скакали то вверх, то вниз, как температура малярика. Были и такие, что упорно тянулись понизу, изредка ненадолго подскакивая и опять сползая. Аня заменила некоторые черные шнурки красными, чтобы они издали бросались в глаза.
Одна из таких линий, кричащих о неблагополучии, отмечала ход обработки диафрагм.
Рядом на доске, озаглавленной «Придумай и пред-ложи!», значилась тема: «Рационализация и механиза-ция обработки стыков диафрагм».
Никто еще не взялся за ее разработку. Подумают, вздохнут, скажут:
— Д-да... задача…
И отступятся.
А красная кривая так и маячила перед Аней.
Она убегала в цех и подолгу стояла возле «Нарвских ворот» или возле слесарей, возившихся с диафрагмами последней ступени — теми самыми деталями, что задер-живали весь производственный процесс.
Деталь эта имела вид массивного кольца с намертво вваренными в него стальными лопатками. Аня знала: когда мощные струи пара под сильным давлением ворвутся внутрь машины, ударяясь о лопатки рабочего колеса и приводя его в движение,— на пути пара встанут неподвижные лопатки диафрагм, своими изогнутыми поверхностями давая пару направление на лопатки следующего колеса... и так, подстерегая пар и направляя его от одного рабочего колеса к другому по волнообразной кривой, на всем пути расположатся умные и непоколебимые руководители движения — движения такой лютой силы и скорости, какое не сразу представит себе воображение человека: вырвись на во-лю такая струя — перережет, как пила, двухдюймовую доску.
Качество диафрагм требовалось безукоризненное — отливку весом в четыре тонны надо было обработать с точностью до десятых и сотых долей миллиметра.
Когда паровоз пригонял в цех платформы с огром-ными чугунными отливками, рабочие вздыхали!
— Опять наше мученье прибыло!
Мученье было в том, что диафрагмы отливались не целиком, а двумя половинками. Стыки их были не пря-мыми, а косыми, срезанными под углом, причем на каж-дой половине они имели наклон в противоположные стороны, что и создавало трудности: обрабатывать при-ходилось каждый стык в отдельности.

Аня видела, как с помощью мостового крана уста-навливали на шестиметровом столе «Нарвских ворот» половину диафрагмы. Деталь была громоздка и неудоб-на, ее долго закрепляли, прежде чем резец приступал к обработке первого стыка. Затем снова вызывали мосто-вой кран, поднимали на тросах, переворачивали и уста-навливали тяжеленную отливку, без конца выверяя ее положение. И все-таки идеальной точности не получа-лось. А рядом ждала вторая половина, и с нею возоб-новлялась та же возня... Это отнимало массу времени, а гигантский уникальный станок использовался крайне непроизводительно.
— Из пушки по воробьям! — ворчали строгальщики. С каким облегчением выпроваживали они проклятые полукольца, подхваченные тросами крана! А те еще па-рили в воздухе, медленно приближаясь к участку сбор-ки, когда слесари, завидев их, начинали вздыхать: «Что ты скажешь, опять диафрагмы на нашу голову!»
Слесарям выпадало мучений еще больше, чем стро-гальщикам.
Стыки «подгоняли» до полной одинаковости вруч-ную. Сойтись они должны были так, чтобы между ними и волос человеческий не поместился. Покрасят слесари один из стыков, сдвинут, багровея от натуги, две поло-вины, потом раздвинут и смотрят по пятнам краски на втором стыке, где какие неровности и отклонения. И так много раз.
— Гляди-ка, еще одна «досадная работа», похуже снятия навалов, — изумился Саша Воловик, присмотрев-шись к мучениям слесарей. — Неужто ничего нельзя придумать?
Аня так и вцепилась в него:
— Ведь правда же, Александр Васильевич? Возьми-тесь! Подумайте!
Он отмолчался, но долго стоял рядом с Аней, приглядываясь к работе товарищей, потом задумчиво по-вторил:
— Быть того не может, чтоб никакого выхода не нашлось!
Аня понимала, что сейчас Воловик занят своим изо-бретением, отвлекать его нельзя. Но мысль заронена. В своей личной тетрадке она записала: «Стыки — Воловик?»
Потом рядом появилась вторая фамилия: «Шикин?» И тоже с вопросительным знаком.
Когда она заговорила о стыках с «тишайшим» техно-логом, Шикин шепотом признался ей, что уже второй год «болеет» этой темой, но, видимо, не хватает талан-та или действительно иного способа нет.
Над Шикнным в цехе подтрунивали — уж очень он был застенчив, — но Аня успела убедиться, это человек он знающий. Возможно, Гаршин, его шумный началь-ник, мешал ему развернуться. Добросовестный и скром-ный, он делал за Гаршина почти всю его работу, оста-ваясь всегда в тени. Ане рассказывали, что с Шикиным не раз заговаривали о вступлении в партию, но он не-изменно отвечал: «Ну что вы, я ж ничего не сделал та-кого... С чем я приду в партию?» Многие считали его службистом, исполнителем... а человек, оказывается, второй год изобретает!
Она зазвала Полозова и при нем попросила Шикина рассказать о своих исканиях. Полозов был удивлен: Шикин дерзнул?..
— А что вы скажете насчет бригады — Шикин, По-лозов, Воловик? — предложила Аня.
— И Карцева! — добавил Полозов.
Ему представилось, сколько долгих вечеров придется маяться, пока до чего-нибудь додумаешься! И Аня будет, тут же... причем на этот раз, к счастью, без Гаршина, который вечно крутится возле нее.
Она покраснела, отшутилась:
— Какой я изобретатель!
— Зато вдохновитель, — сказал Полозов.
Они уже ушли, а она еще сидела смущенная, щеки горели. Вдохновитель? Звачит, инженером ее никто всерьез не считает? Бегает себе по цеху, суетится, орга-низует учебу и обмен техническим опытом энергичная женщина, — ну и хорошо, спасибо ей, только при чем тут инженер?
Конечно, можно войти в бригаду, а там доказать... но по плечу ли ей эти проклятые стыки? Она поехала советоваться с консультантами в Дом технической про-паганды, побывала на других заводах, изготовлявших турбины, — нет, ничего нового узнать не удалось.
Аня убеждалась: не она одна беспомощна — опытные технологи ни до чего не додумались. Но когда она под-ходила к строгальщикам или к слесарям, ей было стыд-но смотреть на них, —

казалось, их глаза говорят ей: чего ты тут вздыхаешь? Тебя пять лет учили, чтобы ты умела помочь. Не умеешь, так проходи мимо, от твоего сочувствия нам не легче!
Она рассказала об этом Гаршину, он расхохотался: — Вот еще причина для мировой скорби! Что ж то-гда мне, старшему технологу, — повеситься? В производ-стве, Анечка, немало таких паршивых операций, что, как ни крути, изменить их нельзя. А турбины выпуска-ются, земля продолжает крутиться, и нашего брата из-за такой малости не считают ни невеждами, ни дармо-едами.
Войти в бригаду он отказался:
— До того ли мне сейчас, Анечка? Я и так весь в мыле!
Зато Воловик принял ее предложение как нечто само собою разумеющееся:
— Уж придется, вот только станок докончим. И с самого начала — бригадой. Неправильно я работал — в одиночку.
Аня перечеркнула в тетрадке вопросительные знаки, надписала: «Комплексная бригада». В конце списка ей очень хотелось приписать: «Карцева». Но не решилась.
Однако в составе бригады, утвержденном начальни-ком цеха, она увидела свою фамилию. Руководителем бригады назначался Полозов. Значит, он все-таки вклю-чил ее — «для вдохновения»?
В тот вечер, уходя из цеха, она столкнулась с Алек-сеем у выхода.
— Что это вы так сердито глядите? — весело спро-сил он и подхватил ее под руку. — Пойдемте прогуляем-ся. Голова гудит.
— Не сердито, а... просто вы меня запихнули в та-кое место, где я скоро забуду, что я инженер, только и останется вдохновлять других!
Он отстранил ее и внимательно, с улыбкой поглядел в ее нахмуренное лицо:
— Обиделись?
— Разозлилась.
Он покрепче взял ее под руку и спокойно повел дальше. Конечно, он думает: блажит женщина!
— Это хорошо, что вы разозлились, — заговорилАлексей. — А насчет места — вздор! Если вы действи-тельно инженер, а не барышня с дипломом, вы себя и тут проявить можете, да еще как!
— А я и не собираюсь опускать руки!
— Тогда в чем же дело?
Помолчав, он сказал:
— А все-таки вдохновлять обязательно нужно. У вас это хорошо получается.
— Почему?
— Ну, это уж я не знаю, почему. Такая уродилась, наверно!
Аня молча улыбалась. Злость прошла.
— Шикин просто влюблен в вас, — продолжал Алек-сей. — И ваши женские чары тут ни при чем, не вообра-жайте. Вы в него поверили, что ли, или вид у вас та-кой, будто вы в каждого человека верите, что может он придумать такое, до чего никто еще не додумался. Правда, это у вас здорово получается.
Он как будто говорил серьезно, но голос у него зву-чал, как всегда, немного насмешливо.
— Что ж, буду рада, если под моим влиянием вы придумаете нечто небывалое.
— Но и влияние должно быть под стать! — сказал Полозов.
Они, не сговариваясь, пошли по центральной завод-ской аллее — длинной и сумрачной. В это время по всей территории завода вспыхнули фонари, желтые отсветы легли на аллею, и показалось, что она качается, — тени голых деревьев, раскачиваемых ветром, мотались под ногами.
— Я сейчас, кажется, понесу ересь, — вдруг сказал Алексей. — Но раз уж подумал, скажу. Понимаете, когда женщина работает где-либо... ну, хотя бы и на производстве... все равно она, во-первых, женщина, и у нее есть такие средства воздействия. Не раскрывай-те так удивленно глаза, это еще только начало. Так вот, она обязательно должна вдохновлять. Обязательно! Ведь у каждого человека есть самолюбие, а если жен-щина ждет от тебя чего-то большого, самолюбие разы-грывается. И тогда человек может сделать все на свете. Ну что, ересь?
— Как бы там ни было, учту.
— Это я вовсе не только о вас говорю.

— А я вовсе не только на себя принимаю такую страшную ответственность! Поставить, что ли, на собра-нии вопрос о том, как выполняют женщины эту свою роль? С докладом Кати Смолкиной, а?
— Смейтесь, смейтесь! Может, это звучит и смешно. А только каждая женщина, если она настоящая женщи-на, в глубине души сама понимает это. И использует. Что, не так?
Аня с любопытством взглянула на него:
— А ваше самолюбие разыгралось… ну хотя бы с этими стыками?
Он вдруг решительно увлек ее вперед, к большой лу-же, и они вместе перескочили ее.
— Ишь ты! А я думал, не перескочите и вляпае-тесь в лужу, — сказал он. — Так бы вам и надо, не ко-кетничайте и не будьте чересчур любопытны!.. А в брига-де по стыкам, Аня, вам обязательно нужно порабо-тать.
Они уже вышли на проспект, когда Аня со вздохом призналась:
— Не знаю, Алеша, и хочется и боюсь. У меня ведь тоже есть самолюбие. И мне трудно. Я очень неуверена в себе.
— А я думаю, только болтуны и пустозвоны вполне уверены в себе. Вроде Бабинкова, — ответил Алексей и дружески пожал ее пальцы. — Ничего, Аня, вы только не робейте!
Сидя в своей одинокой комнате, Аня то и дело улы-балась, вспоминая прогулку с Алексеем. Славный он. Но разве я с ним кокетничала?

Весь день Аня мысленно рисовала себе эти злосчаст-ные косые стыки и старалась понять, каким путем сле-дует идти, чтобы придумать новый, более простой спо-соб их обработки.
Но жизнь ворвалась в ее планы и надолго отвлек-ла ее.
После работы к ней забежал Воробьев: — Пойдемте, Анна Михайловна, на карусели. Торжуев-то вышел, Ерохина опять на обдирку вернули! Расстроен он... прямо лица на нем нет!
Когда они подошли к каруселям, возле одной поха-живал Торжуев, зажав в зубах затейливую трубочку, а возле другой в глубокой задумчивости сидел Ерохин. На планшайбе торжуевской карусели вызывающе верте-лась махина цилиндра, а на планшайбе ерохинской ка-русели уныло кружилась половина обоймы, и резец, со скрежетом вонзаясь в металл, обдирал с нее толстую стружку. Между двумя карусельными станками, как воплощение начавшейся борьбы, громоздилась еще одна отливка цилиндра, предназначенная для второй турби-ны и привезенная на черновую обработку. Эта махина, тусклая, с рыжими пятнами, была похожа на обычный печной горшок, но горшок таких размеров, что только сказочным великанам впору варить в нем свою великан-скую похлебку.
Заметив, что за его работой наблюдают, Торжуев особым, щегольским движением вскочил на быстро вра-щающуюся планшайбу; перебирая ногами, добрался до цилиндра, ухватился за него, заглянул внутрь и, сделав вместе с ним несколько кругов, с таким же щеголь-ством оторвался от цилиндра и боком соскочил с план-шайбы. Проделав этот запрещенный правилами безо-пасности номер, Торжуев зевнул, скосил глаза на Во-робьева и Карцеву и с ухмылочкой сказал:
— Как в цирке. Только кресел нету.
— Спектакль не особо интересный, Семен Матвеич, — отозвался Воробьев. — А с выздоровлением позд-равляю!
Ерохин вскочил, увидав Карцеву с Воробьевым, и пошел им навстречу, пренебрежительно бросив Ване Абрамову:
— Приглядывай1
После двух дней, проведенных на чистовой обработ-ке цилиндра, ему казалась оскорбительной грубая рабо-та по обдирке. Она была легка и выгодна; но не легко-сти и не выгоды Ерохин искал. Вид у него был как раз такой, какой в просторечии называется «человек не в себе».
— Ну как? — спросил Воробьев.
— За вчера сработал сто восемьдесят процентов!
— Это о Торжуеве, — объяснил Ане Воробьев.
— Конечно, я не против, — добавил Ерохин, — для того и говорили с ним… Оно даже хорошо...
Но Аня поняла, что именно из-за этого Ерохин «не в себе».
Накануне Ерохин пришел в вечернюю смену — сме-нять старика Белянкина. Белянкин позволил ему при-ступить к работе, но в последнюю минуту возле карусе-ли появился Торжуев;

как хозяин, остановил станок, осмотрел, что сделано за время его отсутствия, сквозь зубы сказал:
— Слава богу, ничего не напороли, — и, держась вполоборота к Ерохину, снисходительно проронил: — Что ж, приятель, возвращайся на свою.
Пришлось возвращаться... Ваня Абрамов с обидою спросил:
— Неужто вам и следующий цилиндр не дадут? Зна-чит, «тузам» так и будет предпочтенье?
Ерохин пошел к Ефиму Кузьмичу:
— Дайте нам с Лукичевым следующий цилиндр,
— А справитесь?
— Справимся.
Ефим Кузьмич поглядел на Ерохина, на Торжуева, на отливку, стоявшую на рубеже между двумя карусе-лями:
— За сколько дней? Ерохин прикинул и сказал: Трое суток с половиной.
Ефим Кузьмич подошел к Торжуеву с тем же во-просом. Из года в год Торжуев и Белянкин выполняли эту работу за четверо суток, но на этот раз Торжуев поразмыслил, оглянулся на Ерохина и тоже сказал:
— Трое суток с половиной.
Ефим Кузьмич вернулся к Ерохину:
— И он за столько же берется. Значит, вам пере-крыть надо. Ведь они сколько лет работают!
Помолчав, он дружески посоветовал:
— Не расстраивайся, парень. Кончите обоймы — по-ставлю вам цилиндр на обдирку. Присмотритесь, поду-майте. Браться надо наверняка, чтоб конфуза не вышло.
А Торжуев отлично понял, что прошло то время, ко-гда перед ним шапку ломали: «Семен Матвеевич, возь-митесь!» — Ерохин справлялся с работой не хуже его. Но кто мог запретить Торжуеву работать во много раз лучше, чем до сих пор? Уж если дело пошло на спор, он им покажет!
И Торжуев показал.
Работа на карусели — внешне спокойная, медлитель-ная работа. Пока станок идет самоходом, карусельщик подолгу сидит, ничего не делая. Вращение широкой круглой площадки — планшайбы — даже при больших скоростях не производит впечатления очень быстрого. Но опытному глазу карусельщика доступно то, что неуловимо для постороннего, и Ерохин скоро приметил, что сосед работает в ином темпе, чем обычно. Сегодня он узнал, что Торжуев, впервые за время работы в цехе, выполнил вчера сменное задание на сто восемьдесят процентов.
Обо всем этом он и рассказал Карцевой.
— Так это же очень хорошо! — сказала Аня. — По-бедить ленивого — мало чести, а работы всем хватит, верно? Ефим Кузьмич прав: вам надо перекрыть уме-нием, выдумкой, знанием. Готовы ли вы к этому?
— Я уже прикидывал, — успокаиваясь оттого, что есть с кем поделиться мыслями, сообщил Ерохин. — За два дня утвердился — не подведу, сработаю цилиндр не менее качественно. И Лукичев не подведет. Никаких тайн у них нет, одно самомнение и репутация.
— Репутация — дело наживное, — вставил Воробьев.
— Наживное, — согласился Ерохин. — От них мы не отстанем. А вот перекрыть... По чести скажу, в равных условиях нам их не перекрыть. Вот он гонит на ско-рость, чтобы своего не упустить. Пошевеливаться стал. И мы можем пошевелиться. А только присмотрелся я и вчера и сегодня: что можно выжать в этих условиях, то он и выжимает. Выходит, условия менять нужно. А как?
Воробьеву нравилось и дурное настроение Ерохина, и его прямое признание: если человек отдает себе отчет в трудностях, можно ждать толку. Зато Аня, как и всегда в тех случаях, когда рабочий что-либо обдумывал и не мог додуматься, чувствовала себя прескверно.
— Что ж, Яков Андреич, на ходу ничего не ре-шишь, — сказала она. — Я останусь тут, присмотрюсь.
Она провела около часа возле Ерохина, незаметно для Торжуева наблюдая за его работой, потом подошла к торжуевской карусели и, уже не таясь, остановилась возле нее.
Цилиндр стоял на подпирающих его кубарях своей узкой частью. Аня знала, что позднее его перевернут, чтобы расточить нижнее отверстие, но сейчас этот вели-канский печной горшок

стоял так, как и полагается горшку, и где-то внутри него резец аккуратно и точно снимал стружку, синими спиральками выскакивающую между кубарями. Работа шла одним резцом, второй суппорт был отодвинут в сторону и вобрал в себя ко-лонку, регулирующую глубину резания, будто говорил; не нужен вам — и не надо, подожму ногу и отдохну!
— Интересуетесь, барышня? — с самым вежливым видом спросил Торжуев.
— Не барышня, товарищ Торжуев, а Карцева, Анна Михайловна, — строго поправила Аня и спросила, сдви-нув брови: — Почему работаете одним резцом?
Торжуев с улыбкой развел руками:
— Да когда же цилиндр двумя обрабатывали? Рас-шатает всего. Пробовали как-то давно — чуть цилиндр не запороли.
С утра Аня зашла в другие цехи, где были карусели, но ничего похожего на цилиндр там не нашла. Из бесед с карусельщиками она установила одно: повышать ско-рость можно только в том случае, если деталь удобно стоит на планшайбе, жестко укреплена и не будет ви-брировать. Двумя резцами работают тогда, когда деталь широкая и плоская; высокую деталь, да еще на узком основании, будет «шатать».
Она рассказала Ерохину об этом выводе.
— По технологии тоже так выходит, — скааал Еро-хин. — Да ведь мало ли мы знаем случаев: сегодня тех-нология такая, а завтра по-новому придумают и техно-логию пишут новую.
— Вот что, — решительно сказала Аня. — Как полу-чите цилиндр, давайте усилим крепление и попробуем двумя резцами.
В середине смены Ерохин кончил обработку обоймы. Кран поднял и с предосторожностями опустил на план-шайбу отливку цилиндра. Аня была тут же, она пригля-дывалась, как Ерохин с подручным закреплял отливку тяжелыми подпорами и болтами. Подпоры густо окружи-ли цилиндр, гораздо гуще, чем у Торжуева, болты за-кручивались до предела, прижимая их к бокам отливки.
— Значит, пробуем двумя резцами, — выжидательно сказал Ерохин.
— Обязательно! — подбадривающе ответила Аня. Ваня Абрамов подогнал оба суппорта к середине траверзы. Он не знал о замысле Ерохина и Карцевой, но ему передалось их настроение, он с торжественным видом крутил маховики.
Подошел Ефим Кузьмич, покачал головой и остался возле карусели.
Тихо тронулась планшайба. В два голоса басовито запел металл под резцами.
Ерохин, Ефим Кузьмич и Аня не спускали глаз с вра-щающегося цилиндра: как он себя поведет?
Пряча усмешку, издали наблюдал и Торжуев.
Аня видела, что и Ерохин и Ефим Кузьмич прислу-шиваются, вытянув головы, к гудящим басам. Она тоже прислушалась, но басы ничего не говорили ей. А Ефим Кузьмич насторожился, приложил ладонь к уху, чтоб лучше слышать, рот его приоткрылся — вот-вот тревож-но вскрикнет...
Ерохин вдруг остановил карусель. Лицо его было бледно.
По его безмолвному приказу Ваня Абрамов, стояв-ший на мостике, завертел маховик, и один из суппортов стал вбирать в себя колонку, вобрал ее до конца и мед-ленно отъехал в сторону.
Снова закрутилась карусель, снова запел металл — уже не в два, а в один голос. Суппорт, отведенный в сторону, отдыхал, поджав ногу, и словно дразнился: а я безработный, а я безработный!
— Ничего тут не сделаешь, — со вздохом сказал Ефим Кузьмич и, помявшись возле карусели, огорченно зашагал прочь.
Торжуев, очень веселый, что-то напевал себе под нос.
— Значит, надо продумать новое крепление, — бод-рым голосом сказала Аня. — До чистовой время еще есть. Придумаем.
Ерохин попросил с полным доверием:
— Вы только не отставайте от этого дела.
— Нет, конечно.
С этого часа, чем бы она ни была занята, мысли ее все время возвращались к карусели. Останавливаясь у разных станков, она подолгу рассматривала крепле-ние деталей, больших и малых, так что различные бол-ты, угольники и скрепы стали мелькать перед ее глаза-ми и дома, и даже во сне.

Ерохин кончал обдирку.
Стенки цилиндра, еще недавно шершавые, тусклые, с зернами прикипевшей формовочной земли, приобрели стройную округлость и синеватый блеск. Это не была еще та внутренность цилиндра, какою видят ее сборщи-ки на стенде, — то был лишь первый черновик будущего цилиндра, и предстоял ему еще немалый путь — то по воздуху, то на платформе — от одной операции до дру-гой, долгий, тяжкий путь, во время которого двадцати-тонная отливка потеряет около трети своего веса, посте-пенно соскальзывающего с нее многоцветными витками стружек.
Много раз попадет она на простор разметочной плиты, покрываясь меловыми кружками и линиями, пре-вращаясь в овеществленный чертеж. Строгальщики, расточники, сверловщики, слесари докончат овеществле-ние чертежа: каждый кружок станет отверстием, каж-дая линия — блестящей плоскостью, углублением или ободком.
Десятки рук будут вновь и вновь замерять каждую ее грань, каждое отверстие — сперва самыми простыми, потом самыми сложными и точными инструментами и приборами. Она посветлеет и похорошеет, все ее формы определятся — уже не грубая отливка, а точнейшее изделие человеческого мастерства! И вот тогда-то, перед концом пути, почти завершенный цилиндр вновь про-плывет над цехом и опустится на одну из двух карусе-лей для самой главной, наиответственнейшей чистовой обработки.
На какую из двух он вернется?
Ане казалось, что именно от нее это зависит.
Кран подошел к ерохинской карусели и приспустил тяжелый крюк, похожий на якорь. Рабочие охватывали цилиндр стальными тросами. Аня стояла сбоку, еще и еще раз вглядываясь в его очертания.
За что уцепиться дополнительному креплению?
Великанский горшок сопротивлялся любому ее за-мыслу — замыслы будто скатывались по его округлым бокам. Только на одном боку находилось большое фи-гурное отверстие, к которому Аня снова и снова пригля-дывалась.
Фланец? ..
Вот рабочие пропустили трос в фигурное отверстие. Но на вращающейся планшайбе это отверстие ни с чем не сцепишь. Разве что с самой планшайбой... но как?
И вдруг она ясно представила себе как. Большой, тяжелый угольник, такой большой, чтобы один его ко-нец прижать к отверстию и намертво скрепить с ним болтами, а другой положить на планшайбу вплоть до ее края и тоже закрепить намертво... Какую новую жесткость это придаст громоздкой отливке!
Она, как девчонка, во весь дух побежала к Полозову:
— Алеша!.. Алексей Алексеич!.. Она рассказывала захлебываясь:
— Если найдем угольник таких размеров, я руча-юсь...
Полозов взял телефонную трубку, назвал номер, с шутливой серьезностью сказал Ане:
— Как можно доверять ручательству инженера, у которого так мало солидности? Небось через три сту-пеньки бежали?
И в трубку телефона:
— Выручай, дружище. Нам срочно нужен большой угольник, примерно два метра на два. К вам зайдет инженер Карцева. Пошуруй там у себя, ладно?
Опустив трубку на рычаг, он буднично сказал Ане:
— Цех металлоконструкций знаете? Идите к на-чальнику, поищите у них, в крайнем случае — закажем.
И на прощанье, взяв Аню за руку:
— Только отдышитесь сперва. Как-никак, идете представителем ведущего цеха!

Когда Николая позвали к телефону в конторку ма-стера, он помчался бегом, втайне надеясь, что звонит Ксана, но услыхал приглушенный мужской голос:
— Поздравляю тебя, Николенька. Очень за тебя рад.
Еще разгоряченный этим бегом и только что закон-чившимся митингом, где он принимал переходящее Красное знамя, Николай присел на табурет, растерянно косясь на зажатую в руке трубку. Он не узнал голоса, но понял, кому он принадлежит.
— Что ж, сынок, вот ты и стал настоящим челове-ком.
— Стараюсь быть, — сказал Николай тем суше, чем отчаяннее сжималось у него сердце от любви и горечи.
— Ну, желаю тебе успехов.
Чувствовалось, что отец хочет сказать еще что-то и не решается.
— Как учишься, Коля? — наконец с усилием спро-сил он.
— Хорошо, — чужим голосом ответил Николай, от волнения ничем не помогая отцу.
Еще несколько минут длилось выжидательное мол-чание, потом в трубке прозвучал щелчок разъединения.
«Что он хотел еще сказать? — думал Николай, в группе товарищей по бригаде выходя из цеха. — Сколько времени не встречались, а тут сразу: «Сынок!» А все эти годы что же?.. Ни разу ведь не вспомнил, что у него сыновья...»
Обгоняя дружную группу пакулинцев, пронеслась мимо ватага подростков. Они паясничали, свистели и срывали друг у друга кепки. Кешка Степанов забежал вперед — одна кепка, козырьком назад, на голове, и еще по кепке в каждой руке, — низко поклонился, размахи-вая ими наподобие того, как рыцари размахивали шляпа-ми и громко выкрикнул:
— Аристократам нижайшее почтенье!
— Дурень, — беззлобно сказал Николай. — Работай хорошенько, таким же будешь.
— Где уж нам уж, со свиным рылом да в калашный ряд! — паясничая, ответил Кешка, шлепнул ногой по луже, норовя обрызгать грязью «аристократов», и со всех ног понесся прочь, чтобы избежать подзатыль-ника.
— Вот ведь дурень, — повторил Николай, морщась.
Разговор с отцом и глупая выходка Кешки омрачи-ли его настроение. А может быть, всему виной было то, что Ксана не пришла на митинг и даже не позвонила. Что ей стоило протянуть руку к телефону и произнести несколько дружеских слов?
— Вы идите, ребята, мне в комитет нужно, — сказал он, надеясь, что Ксана зайдет в комсомольский комитет. Но и в комитете ее не было. Поболтавшись там с пол-часа, Николай решился уйти с завода, да так и замер на пороге проходной.
Напротив ворот, на скамейке, утонувшей ножками в большой луже, сидела Ксана и читала книгу, нисколько не смущаясь тем, что ее ботики в воде. На ней была маленькая шляпа, удивительно красившая ее, и широ-кое, с большими карманами пальто, которое очень нра-вилось Николаю, — Ксана носила его с таким свобод-ным изяществом, как ни одна девушка. Но что она здесь делает и кого ждет?
— Ты утонешь, Ксана, — сказал Николай, смело шагнув в лужу.
Ждала ли она кого-нибудь или нет, но Николаю она обрадовалась и охотно согласилась немного пройтись.
Николай взял Ксану под руку, чтоб удобнее было оберегать ее от луж и от ручейков талого снега, пре-граждавших путь то тут, то там. Ксана не любила смо-треть под ноги и шагала беспечно, улыбаясь солнышку, которое то пряталось, то выглядывало на нее из-за об-лаков. Ей очень шло, когда она жмурилась от солнца, — она становилась проще.
Николай рассказывал ей о митинге и о том, как он принял знамя и пронес его по цеху к участку своей бригады, и, рассказывая, пережил заново все торжество, но теперь гораздо ярче, потому что рядом была Ксана. Она припомнила, как сама радовалась знамени и как ей было обидно, когда знамя отвоевала у нее другая бригада.
— А я его не выпущу, — сказал Николай.
— Ну, ну! Так всегда думают!
Она покосилась на него и заметила:
— А ты какой-то новый стал.
— Какой же?
— Не пойму. Солидный, что ли... Это на тебя успе-хи так подействовали?

— А что ж? Я этого так долго хотел... и вот — до-бился!
Ксана помолчала и спросила:
— А это бывает — чувство, что добился всего, чего хотел?
— Не лови меня на слове. Не всего, конечно... но я ужасно доволен.
Он слегка прижал к себе ее руку, а она ласково улыбнулась и сказала, что тоже очень довольна, но при этом слегка отстранилась.
— Знаешь, чего я сегодня хотел больше всего? — спросил он, снова слегка прижимая к себе ее руку.
— Откуда же я могу знать?
— Чтобы ты меня поздравила.
— О-о! — протянула Ксана, еле заметно отстраня-ясь, затем просто объяснила: — Я бы позвонила, если бы знала, что тебя позовут, но ведь у вас был митинг.
Это она умела — самый волнующий разговор повер-нуть так, что он становился обыкновенным товарище-ским разговором.
— А ты об этом подумала?
— Ну конечно. Как же не поздравить победителей!
— А-а! Тогда не поздно. Можешь послать привет-ственную телеграмму в адрес бригады и подписаться: «Депутат горсовета Белковская». Мы ее подошьем к делу. Вклеим в альбом.
Они шли по саду, расширенному в последние годы в честь победы. Молодые деревца торчали из снега и во-ды, растопырив черные, набухшие от влаги подстрижен-ные ветви.
— Но ты же знаешь, Коля, что я очень рада за тебя. Ведь я потому и ждала...
Словно испугавшись собственных слов, она быстро свернула к рощице молодых березок.
— Это наш цех сажал, — сказала она. — Мы обяза-тельно хотели березки. Говорили, они плохо прижива-ются, а ведь прижились! И как же они хороши тут!
Она сама была очень хороша в эту минуту среди тоненьких белых стволов — такая же стройненькая и юная, с очень светлым лицом и выражением хозяйско-го внимания к тому, что окружало ее.
— Какая ты сейчас! — воскликнул Николай и шаг-нул к ней. Трепетные, изумительные слова звучали в его душе, но как трудно было выговорить их! «Сейчас скажу... скажу...» — думал он, с радостным удивле-нием вглядываясь в ее изменившееся, смущенное и отто-го еще более прекрасное лицо.
Но он так и не сказал ничего.
С громким смехом на дорожку выбежала крохотная девочка в красном капоре, с развевающимися светлыми кудрями. Видимо, от кого-то убегая, она быстро-быстро перебирала толстыми ножками в белых рейтузах и сме-ялась от удовольствия.
— Какая славная!.. — сказала Ксана и вдруг осеклась, даже побледнела: догоняя девочку, на дорожке появилась Лиза Баскакова. Лиза весело кричала:
— А вот я тебя догоню! А вот я тебя догоню!
С горделивой улыбкой матери, знающей, что ее ребе-нок хорош, она взглянула на Ксану, узнала ее и ожив-ленно поздоровалась с нею, не обращая никакого внима-ния на Николая, — да и вряд ли она запомнила его в тот вечер, когда ворвалась к ним на кухню и, захлебы-ваясь, кричала: «А мне куда ребенка девать? Душу свою куда девать?»
— Такая шалунья, прямо беда! — с восторженной улыбкой говорила она теперь, как бы приглашая Ксану восторгаться вместе с нею. — Конечно, мы ее балуем не-множко. Так ведь она у нас одна...
Николай отвернулся.
— Как бы она на улицу не выбежала, — напряженным голосом сказала Ксана.
Баскакова побежала догонять девочку. Николай смотрел им вслед.
— Пойдем, Коля, — шепнула Ксана и сама взяла его под руку.
За молодыми березками все еще мелькал красный капор девочки и звенел ее смех. «Моя сестра… это моя сестра», — думал Николай, позволяя Ксане вести себя.
— Ты ее впервые видишь, Коля?
Услыхав голос Ксаны, он с нежной признатель-ностью ощутил, что она, любимая, рядом и что она ве-дет его, вдруг ставшего беспомощным. Он стиснул ее руку и сказал:
— Да. И это... это очень трудно. Отец сегодня зво-нил мне. Поздравлял. А я... Понимаешь, хочу ответить, а горло сдавило.

Она не отстранилась на этот раз.
— Я понимаю. Трудно... Только я бы, наверно, по-ступила иначе. С самого начала. Впрочем, не знаю. Со стороны всегда кажется проще.
Он не знал, как объяснить ей все, что мучило его, и промолчал.
— А я своего отца и не помню. Я вот такая малень-кая была, когда он умер. С семи лет в детском доме росла. Маму еще немножко помню, а отца нет. И, ка-жется, если бы мне сейчас сказали: «Жив твой отец», — я бы к нему бегом бежала хоть тысячу кило-метров!
Николай еще крепче и нежнее сжал ее руку. Нико-гда он не задумывался, есть ли у Ксаны родители и где она росла, всегда она представлялась ему сущест-вом из своего, но все же какого-то самого светлого и высокого мира. А сейчас почувствовалась простой, по-нятной...
Но в это время Ксана задумчиво сказала:
— А ведь он хороший человек, твой отец.
И Николай весь сжался, будто его ударили.
Вот это и мучило его больше всего. На заводе хо-рошо знали и уважали Пакулина-старшего, хорошо знали и уважали Лизу Баскакову. Все уже привыкли к тому, что они муж и жена, дружная пара, и не пони-мали, как обижен и оскорблен Николай за мать, за се-бя, за брата, потому что он-то помнил другую дружную пакулинскую семью, и эту семью разрушила Лиза. Ко-гда мать и оба мальчика поступили на завод, их жале-ли, а Пакулина-старшего и Лизу осуждали, но посте-пенно все забылось, а теперь братья Пакулины уже подросли и вышли в люди... Как будто в том дело, что они больше не нуждаются! Как будто он, Николай, ждал от отца денег или хозяйственной заботы, а не то-го огромного, радостного и неиспытанного, что несет с собою отец для подрастающего сына!
А Ксана, как и многие другие, считала Лизу пере-довой женщиной и хорошей подругой для Петра Пакулина, поэтому склонна была думать, что первая жена была отсталой женщиной, и, значит, как это ни печаль-но для братьев Пакулиных, разрыв был естествен. От-куда ей знать, что мать совсем не такая, что даже Гу-саков становится при ней кротким, что даже вещи вокруг нее выглядят иными, лучшими? Этого не видел, не по-нимал отец. И, должно быть, этого не разглядела, не поняла Ксана в тот воскресный день, когда зашла к ним и познакомилась с его матерью.
Сам страдая от возникшего чувства отчужденности, Николай сказал, что ему пора домой — готовиться к до-кладу в молодежном общежитии. Ему хотелось, чтобы Ксана удержала его каким-нибудь сердечным словом, но Ксана охотно подхватила товарищеский тон, и вот она уже исчезла в темной глубине парадного, а Нико-лай остался один в самом смятенном состоянии духа. Неужели два часа назад все было так хорошо?

11

Над цехом нависла беда, перед которою потускнели все прежние. Испытания регулирующего устройства по-казали, что этот важнейший аппарат — органы чувств и мозг турбины, ее чуткий и распорядительный хозяин — работает неустойчиво и неточно откликается на пока-зания. Откуда произошла беда — допущен ли просчет в конструкторском бюро, или ошибка незаметно вползла в рабочие чертежи, или же в самом цехе по недосмотру пропустили брак, — это еще предстояло установить. Кон-структоры и производственники набросились на разо-бранный аппарат, на расчеты, на чертежи, уже не думая, кому отвечать и кому краснеть, — лишь бы обнаружить ошибку.
В эти дни во всем громадном цехе царила тревога. Невелик был круг людей, непосредственно связанных с работами по регулятору, каждый участок решал свои задачи, требующие полного напряжения сил. Обычно казалось, что участки живут достаточно разобщенно. Но вот возникла беда — и веяние беды затронуло всех.
А срок сдачи первой турбины приближался, и нико-гда еще не было так страшно неотвратимое движение времени, — час за часом съедали день, и еще день, и еще день, а ошибка по-прежнему не была найдена.

Никому не доверяя, Любимов сам руководил провер-кой всего аппарата. Тут в полной мере сказались и его превосходное знание всех механизмов турбины, и со-лидный опыт, и понимание всех особенностей производ-ства. Но аппарат во всех его деталях был сработан на совесть, и Любимов был очень горд, когда смог уверен-но заявить:
— Вина не наша!
Круг поисков все суживался и наконец замкнулся на конструкторском бюро. Именно там, в самой кон-струкции узла регулирования, в теоретических предпо-сылках или технических расчетах — где-то, в чем-то, то ли в принципиальной схеме, то ли в одной из многочис-ленных деталей — была допущена маленькая или боль-шая, но ошибка.
Пока Котельников со своими конструкторами дока-пывался до этой ошибки, Любимов напористо подтяги-вал отстающие узлы и детали, чувствуя невольное об-легчение от естественной, не по вине цеха возникшей отсрочки сдаточного испытания турбины.
Наступил период, когда, по выражению производст-венников, механики «сваливаются с машины», а на пер-вый план выступают сборщики и испытатели.
По-прежнему, приходя на работу, рабочие косились на разобранный регулятор и спрашивали: «Ну что, не нашли?» Но жизнь цеха шла своим чередом, со своими треволнениями и радостями.
Удивительным событием была перемена, происшед-шая с Торжуевым: со дня своего выздоровления он не-изменно перевыполнял норму — иногда на восемьдесят процентов, иногда и вдвое. А с Белянкиным рассорился насмерть, так, что всем стало ясно: именно старик был заводилой прежней, торгашеской политики «тузов».
Воробьев как-то сказал: позорит Белянкин старую гвардию.
На него набросились все цеховые ветераны.
— Да разве мы его когда считали своим? — кричал Гусаков. — Про него, если хочешь знать, в самом «Крат-ком курсе» есть специальные слова на сто семьдесят второй странице, — я, брат, красным карандашом от-черкнул и приписал: «Белянкин!» В первую империали-стическую из дамских сапожников на завод подался, чтоб от фронта спастись! А как он в тысяча девятьсот шестнадцатом году держался? Ежели забастовка, юлит туда-сюда, перед начальством выслуживается, но и про-тив рабочего люда не попрет: страшно. У него отродясь совести не было!
— А после революции? — подхватила Катя Смолкина. — Укатил в деревню и отсиделся аж до самого нэпа, а в нэп вернулся и вот тут, где нынче пустырь, в собственной халупе мастерскую открыл. Сама к нему бегала простые туфли обращать в лакированные. А по-том почуял, что поворот в другую сторону, и на завод, социальное положение исправлять.
— Это точно, — подтверждали другие. — У него и Торжуев начинал сапожным подмастерьем, из деревни был выписан!
— А в эту войну? Смылся опять в деревню и кустарил там до самого Дня Победы! Другие оружие кова-ли, а он сандалетами на рынке торговал! Этот божий старичок себя не забудет!
Белянкин аккуратно вырабатывал свою норму, при-дирчиво проверял записи в расчетной книжке, чаще, чем раньше, вздыхал:
— Я бы рад помочь... да силы уже не те...
— Душа у него не та, — с сердцем говорил Ефим Кузьмич.
А Торжуев «гнал» выработку и заносчиво похва-лялся:
— А ну-ка, пусть христосик за мной угонится!
Ерохину передали слова Торжуева, но он только усмехнулся:
— Что ж, со злости или из амбиции, а работает по-стахановски, это нам и требуется.
Теперь он не волновался из-за успехов Торжуева, а напряженно готовился к решающему состязанию. Заяв-ление мастеру и начальнику цеха было уже сделано: беремся обработать цилиндр второй турбины за трое суток.
Торжуев узнал об этом и сказал Ерохину:
— Смотри, парень, запорешь, потом век не раскви-таться будет.
— Не запорю, Семен Матвеевич, а только говорю вам: и вы начнете в трое суток справляться, если чужим опытом не побрезгуете.
— Мне опыта занимать не нужно, своего хватает.
Массивный угольник был уже доставлен из цеха металлоконструкций. Технологи подсчитали, какую до-полнительную жесткость придаст цилиндру новое креп-ление, предложенное Карцевой, и благословили кару-сельщиков на обработку цилиндра двумя резцами.

А цилиндр путешествовал по цеху, и Ерохин с Лукичевым следили за ним нетерпеливыми взглядами: вот он лежит у слесарей, разъятый на две половины, слеса-ри устанавливают в нем паровые коробки... вот вспы-хивают зарницы электросварки — то приваривают ко-робки к цилиндру...
Потом цилиндр погрузили на платформу и надол-го увезли в термический цех. Посадят его там в огром-ную печь, пышущую жаром, будут нагревать до 600 — 650 градусов, а затем медленно, постепенно охлаждать.
Ерохин и Лукичев не теряли времени. Карцева до-ставала им брошюрки о передовом опыте лучших ста-ночников города, и они читали вечерами, выискивая там все, что может пригодиться. Съездили в Дом техниче-ской пропаганды, где Карцева устроила им консульта-цию и встречу с несколькими карусельщиками других заводов.
А цилиндр тем временем снова приехал в турбин-ный цех и зигзагами приближался к каруселям — вот он восседает на разметочной плите, весь испещренный знаками, вот он на столе «Нарвских ворот», вот про-плыл над головой к сверловщикам, вот он опять у сле-сарей, и слесари сцепляют две его половины десятками массивных «шпилек» — каждая пуда полтора весом...
Все нетерпеливее поглядывали на него Ерохин и Лу-кичев, и все тревожнее следил за ним и за соседями Торжуев. С интересом ждали решающего дня и Карце-ва, и Полозов, и Ефим Кузьмич, и Воробьев, да и всем рабочим участка было любопытно, кто пересилит. Ма-ститы «тузы», да не век им нос задирать перед моло-дежью!
Молодежь в эти дни была особенно приметна, о ней и старики, и начальники отзывались с почтением, хотя порой и покрякивали, — уж очень настойчива да въед-лива!
Любимов звонил в кузницу, боясь, что она задер-жит заготовки.
— Не беспокойтесь, Георгий Семенович, — отвечали из кузницы, — контрольный пост и так дыхнуть не дает! Сейчас отгружаем партию.
Любимов звонил в инструментальный цех, чтобы проверить, будут ли к утру новые резцы и сверла.
— Фу ты, до чего дотошный народ! — кричал Ев-стигнеев. — Вы молодежь так взбаламутили, что по все-му цеху звон! — Засмеявшись, Евстигнеев с удовольст-вием добавил: — Представьте себе, Георгий Семенович, в транспортном отделе и то комсомол нашелся или ста-рики омолодились. Сами набиваются отгружать да вам возить!.. Ну, а как мой Воловик? — спросил он, мрач-нея. — Говорить бы мне с вами не следовало, так я на вас зол!
Неделю назад Любимов сказал бы, что охотно от-даст Воловика обратно, но сейчас он наставительно произнес:
— Поддерживать надо рабочих-изобретателей, доро-гой товарищ, поддерживать, а не палки в колеса ста-вить им! Вы еще услышите, что может сделать изобре-татель, когда попадет в хорошие руки.
Бригада, созданная по настоянию Диденко, заканчи-вала работу над станком. Любимов вызвал бригаду к себе и рассмотрел чертеж станка. И в самом деле, до чего просто и хорошо!
— Кончайте, Александр Васильевич, — сказал он, пожимая Воловику руку. — В случае успеха гарантирую вам крупную премию.
— Спасибо, — неловко кланяясь, пробормотал Воло-вик и подумал о том, как обрадуется Ася. Но тут же на него нахлынули заботы, занимавшие его гораздо больше, чем любая премия.
— Мне бы Женю Никитина в помощь на день, на два, — попросил он. — К послезавтрему, думаю, закон-чим!
— Бери Никитина. Может, еще что нужно?
Теперь Любимов готов был отдать не только Никитина — хоть целую бригаду! Опять «гостили» в цехе слесари из других цехов, присланные снимать навалы вручную. Восемьсот рабочих часов предстояло им отра-ботать, прежде чем ротор сможет отправиться на цент-ральную сборку.,.
И вот Любимова вызвали на участок:
— Начинаем!
Диденко был уже там. И Карцева, и Гаршин, и мно-го рабочих, узнавших о торжественной минуте.
Подцепив легкий и с виду очень простой станочек крюком небольшого крана, Воловик перенес его на плиту, к установленным на ней облопаченным дискам.

— Заметьте время, — сказал Воловик.
Он повернул рукоятку — и станок пришел в движе-ние. Шлифовальный круг плавно провернулся и завер-телся. Установленный под нужным углом, он послушно вошел в зазор между лопатками и легко, как-то неза-метно, будто и не касаясь острых ребрышек лопаток, стал скользить над ними, подравнивая их с механи-ческой точностью.
— Ох, и чешет! — прошептал один из слесарей.
— Конец досадной работе! — так же шепотом отве-тил другой.
А круг скользил и скользил, слизывая лишние наро-сты металла, и там, где он прошел, можно было прове-сти, не зацепив, тонкую нить.
Когда круг остановился, Ефим Кузьмич замерил не-сколько лопаток и восхищенно сообщил:
— Тютелька в тютельку, не придерешься!
А Воловик молча направлял вращающийся круг между рядами лопаток, улыбка только на миг блеснула в его глазах, губы были по-прежнему крепко сжаты, и все мускулы напряжены. Пройдя последний ряд, он вы-ключил станок и просто сказал:
— Все. Который час, товарищи?
За сорок минут вся работа по снятию навалов была закончена.
Когда немного ошалевший от поздравлений Воловик краном отвел станок на место, Диденко сказал Люби-мову:
— Ну вот, Георгий Семенович, одной заботой мень-ше и восемьсот рабочих часов долой. Слесарей-то мож-но отпускать?
Любимов все еще не мог освоиться с этой мыслью — да, одной из наиболее канительных работ больше не будет, никогда уже не придется выпрашивать слесарей из других цехов и жаловаться, что со всем бы поспели, да вот снятие навалов...
Он пошел к телефону сообщить в заводоуправление, что отправляет слесарей обратно, но в последнюю се-кунду передумал — чего ради торопиться, раз они уже тут!
— А ну-ка, где у нас узкие места? — крикнул он ма-стеру сборочного участка. — Вот вам десять молодцов, пусть подсобят!
В заводской многотиражке появились портрет Воло-вика, приказ директора о премировании изобретателя и передовая статья под заголовком «Турбинщики выпол-нят свое обещание краснознаменцам!»
На радостях всем казалось, что победа очень близ-ка, вот только с регулятором развязаться бы...
А дело с регулятором явно затягивалось.
Мало кто видел в эти дни Котельникова, он не вы-ходил из конструкторского бюро. Насупленный, небри-тый, в размякшем, будто жеваном воротничке, он за-крылся в отдельной комнате с конструкторами, проекти-ровавшими узел регулирования.
Комнату, в которой они работали, другие конструк-торы обходили на цыпочках, с напряженными и вино-ватыми лицами, как обходят комнату тяжелобольного.
А в самой этой комнате царило сосредоточенное и деловое спокойствие, отнюдь не напоминавшее настрое-ние, какое обычно бывает в комнате больного. В эти дни главный конструктор, пугавший посторонних изму-ченным видом, для своих сотрудников был образцом выдержки. Котельников брал под сомнение каждую де-таль конструкции, проверял или делал заново каждый расчет, взвешивал целесообразность и правильность каждого, казалось бы самого бесспорного, технического решения.
Порой он даже подбадривал своих конструкторов шуточками:
— Кто ищет, тот найдет! Ничего, мальчики! По крайней мере считать научитесь! Ох, и поспим же мы, когда найдем эту закавыку!
Но конструкторы украдкой следили за своим руко-водителем и решали: нет, кажется, до отдыха далеко! Они хорошо знали этот его отсутствующий вид и его манеру мигать и прищуриваться, внимательно вгляды-ваясь во что-то такое, что видно ему одному. Если Ко-тельников вот так задумывается и ни с того ни с сего бормочет: «Тэ-тэ-тэ!» — значит, он уже недоволен всем, что делалось до сих пор.
Пока он ничего не говорил своим сотрудникам, чтобы не отвлекать их, но при встрече с директором и главным инженером вдруг заявил с явным удовлетворением, хотя разговор был невеселый:
— Одну ошибку я уже нашел. Нет, не ту. Крупнее. В ответ на немые вопросы кратко пояснил:

— Не нравится мне вся схема регулирования. Не так, совсем не так нужно было. Будь возможность, все бы переделал к черту!
И вздохнул:
— Эх, если бы нас не подпирало со сроками!..
Главный инженер так и впился в Котельникова: что, как? Но Григорий Петрович разозлился:
— Этого еще не хватало! Начнете проектировать но-вую — пожалуйста, перекраивайте все на свете, а пока давайте не отвлекайтесь! Ведь без ножа зарезали!
Направляясь в турбинный цех, он ворчал себе под нос: «Все вверх дном перевернуть готовы, а своей же ошибки найти не могут!»
У подножия стенда сиротливо лежали части разо-бранного регулятора — потускневшие, захватанные мас-леными руками. Немиров отвернулся, проходя мимо них.
Железные листы стенда погромыхивали под ногами. Директор привычно переступал через разбросанные бол-ты, отпихнул с прохода сплющенную доску.
— Что за беспорядок? Безобразие! — сказал он под-бежавшему Гаршину.
— Начали установку диафрагм, — отпихивая доску еще дальше, невозмутимо сообщил Гаршин: он знал, что это сообщение разгонит недовольство директора.
— Поступили? — обрадованно воскликнул Григорий Петрович.
— Все до единой!
Повеселев, директор остановился и окинул взглядом знакомую и любимую им картину завершающих работ, когда машины как единого целого еще нет, но уже выри-совываются ее основные формы и особенности.
Он подошел со стороны цилиндра низкого давления — самой объемистой части турбины. Цилиндр только се-годня «накрыли»; его крышка, похожая на четыре срос-шихся вместе купола, была еще охвачена тросами, и кран нависал над нею, готовый в любую минуту поднять ее в воздух. Каким внушительным выглядел цилиндр! Внушительным и все же легким, может быть потому, что был окрашен светлой краской, или потому, что кон-структоры нашли самую целесообразную форму.
Внутри цилиндра звучали голоса и постукивали мо-лотки. Григорий Петрович заглянул в одно из отверстий. Качающийся свет переносной лампы выхватил из тем-ноты часть тяжелого колеса с поблескивающими лопат-ками и озабоченные лица сборщиков.
— К завтрему отцентруем, Григорий Петрович! — раздался из утробы цилиндра глухой голос, и в отвер-стии появилась голова с белым клинышком седой бород-ки — мастер сборки Перфильев.
Ловко подтянувшись, Перфильев втиснул свое тело в узкое отверстие и выбрался наружу, хватаясь за трос, за головки болтов. Через минуту он здоровался с дирек-тором, по заводской привычке подобрав к ладони замас-ленные пальцы и протянув для пожатия запястье.
Поглядывая на Гаршина и на приближающихся Лю-бимова и Полозова, которым цеховой «телеграф» уже донес о появлении на стенде директора, старый мастер выложил все свои заботы и сомнения. Директор знал — для Перфильева сборка турбины что песня; одна деталь должна следовать за другой в установленном порядке и ритме, всякое нарушение привычного строя коробит его, как фальшивая нота.
— Ротор, ротор не подвел бы! — повторял он, раду-ясь, что цеховое начальство выслушивает его при дирек-торе.
— Так ведь кончает Коршунов последнее колесо, — успокоил его Любимов. — Мы как раз от него. Поторо-пили.
— И не надо больше торопить его, — вдруг раздался голос Диденко, и парторг высунулся в отверстие ци-линдра. — Что он, не понимает? Только нервы ему треплете поторапливаньями!
Немиров, усмехаясь, развел руками. Что ты будешь делать! Когда начинается сборка турбины, Диденко при первой возможности спешит на стенд, крутится среди сборщиков, а порой и подсобляет им.
Диденко умело, со всеми ухватками старого монтаж-ника, вылез из цилиндра и присоединился к собрав-шимся.
— Не утерпел, неугомонная душа? — попрекнул его Немиров.
— Да нет, поговорить нужно было кое с кем, — скон-фуженно улыбаясь, объяснил Диденко. — А какова ма-шина, а?

Они отошли от турбины, чтобы охватить ее взгля-дом. Сбоку она выглядела особенно солидно и ново — никогда еще не стояла на стенде такая крупная машина. Слесари, возившиеся на самом верху, взбирались на нее по стремянке, — высота! Но машина уже не радова-ла Немирова, отсюда она показалась ему оголенной: над цилиндром высокого давления, одиноко лежавшим на своем месте, не возвышалась нарядная и сложная надстройка регулирующего аппарата, не поблескивали отшлифованными колонками верхушки клапанов, поче-му-то прозванные «минаретами» и придававшие всей ма-шине изящество и законченность.
Немиров раздраженно поморщился и отвернулся.
— С этим пора кончать, — поняв его досаду, реши-тельно заговорил Диденко. — В чем дело? Мы осуществ-ляем содружество с учеными в сотнях вопросов. Почему же в такой беде конструкторы стесняются позвать на помощь науку?
— Я бы тоже считал желательным, — осторожно вставил Любимов, — если Котельников не сочтет за обиду...
— Меня очень мало интересует, кто и на кого оби-дится, мне регулятор нужен, — грубовато перебил Неми-ров.
— Котельников не обидится! — воскликнул Поло-зов. — А ждать больше нельзя. Есть же у нас крупней-шие ученые, специально работающие в области регули-рования, — профессор Карелин, во-первых...
— Хо! Как же я, дурень, не додумался! — восклик-нул Гаршин. — Ведь мы же с ним друзья! Что бы посо-ветоваться, попросить!.. Он бы прислал кого-нибудь!..
Григорий Петрович окинул Гаршина уничтожающим взглядом:
— Кого-нибудь? Думаете, турбина не стоит того, чтобы пригласить лучшего специалиста? Самого про-фессора, и завтра же, с утра! Идите и немедленно зво-ните ему от моего имени. Из-под земли достаньте!
Гаршин сидел в техническом кабинете и тщетно на-званивал профессору, — трубка, видимо была снята. Иногда Аня, сжалившись, сменяла его у телефона, но слышала все те же частые гудки.
— А знаете что, Витя, поедем к нему сами, — нако-нец предложила она.
Оба взглянули на часы, — шел одиннадцатый час
— Поздно, — растерянно сказал Гаршин. — Он будет ругаться, он терпеть не может, когда к нему врываются без предупреждения.
— Ничего, — решила Аня, — ведь не с пустяками едем! У входа они встретили Полозова, стоявшего уже в пальто и в кепке. Аня позвала его поехать с ними к про-фессору, ей очень хотелось, чтобы он согласился. Но Алексей сощурил глаза, поглядел на Аню, потом на Гаршина, шутливо сказал:
— Зачем же пугать Карелина этаким нашествием? Вы уж берите не числом, а умом.
Поклонился Ане, поднял воротник пальто, натянул кожаные перчатки и первым шагнул во двор, сразу за-терявшись в темноте ночи.
Ну и погодка была на улице! Такая, что и не пой-мешь, весна ли, зима ли. Сверху падает не то снежок, не то дождик, под ногами хлюпает вода, воздух теплый, а дунет ветер — пронизывает до костей.
— Ледоход, Анечка. Ладога тронулась. Кто нам по-мешает на обратном пути сойти у моста? А?
Он крепко прижал к себе ее руку, и от этого стало теплей.
— Пусть ветер, и дождь, и землетрясение, а мы сой-дем и погуляем на славу, да?
— Да.
— Вы меня так запугали, Аня, что я стал как ягне-нок. Вы хотя бы цените это?
— Ценю.
— То-то.
В трамвае он смешил ее рассказами про Карелина, примешивая к ним, как догадывалась Аня, ходячие «профессорские» анекдоты. Аня никак не могла припом-нить профессора, он не читал у них, но видеть его она, конечно, должна была.
— Как он терпит вас, Витя, если он такой серьезный и строгий?
— Сам удивляюсь, — беспечно ответил Гаршин. Впрочем, по мере приближения к дому профессора самоуверенность Гаршина спадала. На лестнице он по-глядел на часы и пробормотал:
— Четверть двенадцатого. Неудобно, а?

— Неудобно, но придется, — сказала Аня, подбадри-вая себя спором. — Я не понимаю, Витя. Ехали, ехали — и вдруг повернуть назад! Выгонит — тогда другое дело. Но если он настоящий ученый, а не сушеная вобла, он нас примет.
Гаршин позвонил еле-еле, как будто звонит совсем другой, застенчивый и неуверенный человек. Неужели все разговоры о дружбе с профессором — очередное бах-вальство?
Оба услыхали за дверью далекий голос: «Если ко мне, сплю!»
Гаршин схватил Аню за руку, но Аня смело протис-нулась в приоткрывшуюся дверь и поклонилась седой маленькой женщине, удивленно отступившей в глубину прихожей:
— Простите, но мы по страшно важному и срочному делу.
Она решила действовать сама, была не была! Но нет, увидев Гаршина, седая женщина просияла и вос-кликнула: «Витенька!» — а Гаршин поцеловал седой женщине обе руки и сказал просительно и ласково:
— Полина Степановна, золотая моя, вся надежда на вас! Нам бы на одну минутку Михаила Петровича...
— В чем дело, Витя? Что за пожар? — раздался от-куда-то недовольный, но совсем не старческий голос.
— Со мною представитель завода, Михаил Петро-вич. Нас отправили к вам за помощью. Дело и впрямь вроде пожара.
— Так раздевайтесь и проходите, что же вы стоите? Я сейчас.
И вслед за тем появился сам профессор, в войлоч-ных туфлях и теплой куртке на «молнии». Аня тут же узнала его, так как, конечно же, не раз встречала в ин-ституте. Маленький, сухощавый, с чисто выбритым мо-ложавым лицом и седыми волосами, подстриженными «ежиком». Профессор удивился, увидав женщину, про-верил, есть ли на нем галстук, убедился, что нет, вздернул доверху «молнию» и подошел знакомиться.
— Что же вы говорите, Гаршин, — представитель! По-русски говорится в таких случаях — представитель-ница. Очень рад. Прошу.
Профессор взял Аню за руку и провел по полутемно-му коридору в узкую, длинную комнату, где сначала бросались в глаза только книги. Книги стояли плотны-ми рядами на полках, занимавших стены от пола до по-толка, лежали стопками на подоконниках и на спинке широкого дивана, стояли на полу возле письменного сто-ла. Только самый стол был свободен от книг и от всего лишнего, удобно оборудован откидной чертежной до-ской и педантично прибран. На столе лежал наполови-ну исписанный лист бумаги, перо сохло, прислоненное к чернильнице.
— Мы вам помешали, — смущенно сказала Аня.
— А это будет видно по тому, какое у вас дело, — шутливо ответил профессор и усадил Аню на диван, подсунув ей под спину подушку. — Вы кто же? Инже-нер?
И он стал подробно допрашивать Аню, когда и у кого она училась, что делала потом и что делает сей-час. Узнав, что сейчас она не работает непосредственно на производстве, он строго обратился к Гаршину:
— Почему так? Или инженер никудышный? Живого человека в канцеляристы записали!
Гаршин весело наблюдал, как Аня, снова превратив-шись в студентку, отчитывается перед профессором. Он совсем не собирался выручать Аню: если бы она послу-шалась его совета, не пришлось бы ей теперь краснеть!
Однако Аня не покраснела и почти резко объяснила:
— Вы ошибаетесь, Михаил Петрович. Согласилась на эту работу я сама. И я не канцелярист, Михаил Пет-рович, иначе не приехала бы сегодня ночью вас беспо-коить.
Профессор внимательно выслушал ее слова, не со-глашаясь и не возражая, как бы говоря: «Ладно, в этом еще разберемся», — и обратился к Гаршину:
— Полина Степановна передала мне вашу просьбу, Витенька. Но, признаюсь, я не совсем понял.
Гаршин попытался прекратить разговор, который, видимо, ему не хотелось вести при Ане. Но профессор продолжал:
— Как я уловил, вы хотите, чтобы я вас свел с про-фессором Савиным? Вообще-то я не возражаю, мы с ним встречаемся, устроить это нетрудно. Но зачем? Что сказать? Вы хотите проконсультироваться с ним по ва-шему плану реконструкции цеха?
Гаршин покосился на Аню и несмело ответил:

— Хотелось бы, Михаил Петрович. Поскольку вы этот план в общих чертах одобрили...
— Я же не технолог! — воскликнул профессор. — Эти проблемы не в моей компетенции. Да и вообще тут специалисты по проектированию заводов помогут вер-нее, чем профессор Савин, а уж тем более я! Но, по-скольку я могу судить, в вашем плане есть размах и смелость... вернее, смелая попытка на ходу кардиналь-но перестроить турбинное производство с индивидуаль-ного на серийное. По идее не ново, но правильно и, как мне кажется, интересно.
Гаршин приосанился и метнул на Аню торжествую-щий взгляд. Он снова стал похож на себя, робости как не бывало.
— Признаюсь, Михаил. Петрович, я подумывал об этой работе как о диссертации!
— Диссертации?..
Гаршина не смутило явное удивление профессора.
— А почему бы нет? — свободно, даже с некоторой развязностью сказал он — Я не поклонник отвлеченных тем, Михаил Петрович. Я за жизненность и актуаль-ность научной темы, за ее непосредственную полезность производству. Разве не к этому нас призывают повсе-дневно? Надо же делать практические выводы!
— Так, так! — проговорил профессор и вдруг засме-ялся: —Так, так, Витенька, вы, во всяком случае, прак-тические выводы сделали!
Теперь и профессор покосился на Аню, видимо сте-сняясь при ней высказать то, что ему хотелось.
— Что ж, побеседуйте с Савиным, — сдержанно ска-зал он. — Может, он вам подскажет научную тему в этой области, нуждающуюся в разработке. А тогда по-чему бы нет, почему бы нет... — скороговоркой закон-чил он и пересел на диван, поближе к Ане: — Ну, рас-сказывайте, зачем я вам понадобился!
Она начала объяснять, но профессор перебил ее:
— А что же Котельников?
— Ох, на него смотреть страшно!
— Он знает, что вы ко мне поехали? Нет? Нехоро-шо!.. Обижать Котельникова мне не хотелось бы. Уве-рен, что он и сам разберется, если дать время. Или уж очень спешно?
Ане пришлось объяснить, почему дело так спешно, а значит, рассказать о вызове краснознаменцев и о дви-жении, возникшем в цехе. Когда она заметила укориз-ненный жест Гаршина, стучавшего пальцем по часам, она спохватилась и поняла, что вот уже почти час увле-ченно, с массой лишних подробностей, рассказывает профессору все, чем живет цех.
— Ох, я вас задержала! — виновато пробормотала она, поглаживая ручные часы с таким видом, будто хо-тела отодвинуть назад предательские стрелки.
— Раз нужно, так нужно, Анна Михайловна! По-пробую разобраться. Только Котельникова предупреди-те. Что же там все-таки произошло? На испытании что получилось?
В середине ее нового сбивчивого рассказа он пока-чал головой:
— А в этих проблемах вы плаваете, инженеры!
И спросил, читали ли они его последнюю статью.
— Нет! — краснея, призналась Аня.
Гаршин промолчал.
— А журнал просматриваете? Следите? Статью Во-ронова читали?
Получив отрицательный ответ, он огорчился:
— Не ждал, не ждал! Для кого же мы пишем? Он прошелся по кабинету и вдруг попросил:
— Вы меня познакомьте с этим слесарем, что станок придумал. Сколько ему лет, вы сказали? Лет двадцать восемь? Странно, что такой человек не добился настоя-щего образования.
На прощание он повторил:
— Очень, очень рад, что вы пришли! Аня не удержалась, рассказала:
— А Гаршин уверял, что вы будете ругаться, зачем ночью нагрянули.
— Э-э, что он понимает, Гаршин! Это он ругался бы, если бы к нему ночью с делами пришли, ветрогон! И знаете что, Анна Михайловна? В литературе выдума-ли этакую традиционную фигуру старого, ворчливого профессора. Чем крупнее ученый, тем больше чудачит и кричит. Он подмигнул Ане:
— Верно? И самое забавное, что образ имеет обрат-ную силу. До того примелькался этот ученый-крикун, что если ты чувствуешь себя ученым, да еще, боже упа-си, известным, — ну так и тянет покричать и поворчать. Вроде и неудобно не соответствовать типу! Если бы я был

писателем, я бы создал тип ученого — спортсмена, жизнелюба, с прекрасной памятью и веселым характе-ром...
— Вроде меня, — вставил Гаршин.
Профессор воззрился на него, пораженный этим со-поставлением.
— Черт возьми! — пробормотал он. — Черт возьми!.. В самом деле!.. Видимо, работа все-таки накладывает отпечаток и на характер. Гм, занятно! Вы не обижай-тесь, Витенька, вы чудесный парень, но...
И он подтолкнул Гаршина к двери, еще раз повто-рив:
— Приеду завтра же. В половине четвертого.
На Неве было холодно. Северный ветер загонял в реку набухший и подтаявший сверху озерный лед. Боль-шие серые льдины, сопровождаемые маленькими, верт-кими, медленно плыли по черной воде, как линкоры, окруженные катерами охранения. Натыкаясь на волно-резы, они пытались взгромоздиться на них, сползали и раскалывались надвое, и две меньшие льдины, неохотно отделяясь одна от другой, разворачивались на волне и вдруг, подхваченные течением, уносились под мост. А маленькие вертелись вокруг них, зарывались в водо-вороты, выскакивали снова на черную поверхность реки и стремглав неслись вперед. К посвистыванию ветра присоединился тупой звук ударов о волнорез и скрежет сталкивающихся льдин.
Это сумрачное движение было однотонно и неотвра-тимо. Если смотреть на него не отрывая глаз, начинала кружиться голова и казалось, что волнорезы плывут против течения, тараня льды, а черные струи затягивают тебя под мост.
— Тянет, тянет — не оторваться, — сказала Аня, держась за холодные перила и сопротивляясь порывам ветра.
Гаршин наклонился к ней и крепко сжал ее локоть:
— Как меня к вам, Аня! Разве вы этого не чув-ствуете?
Она улыбнулась и не ответила.
— Аня... может быть, есть кто-то другой?
Она мотнула головой.
— А там, на Дальнем Востоке... был?..
Помолчав, она тихо сказала:
— Да.
— И вы... Почему вы разошлись, Аня?
— А что?
— Вы же сами знаете — что! — вскричал Гаршин, пригнулся к самому ее уху и начал быстро говорить, что любит ее и больше так не может, она его изму-чила...
Любит?
Она повернула к нему похолодевшее от ветра лицо:
— Витя, теперь я спрошу вас! Только отвечайте со-всем честно, хорошо? Или не отвечайте совсем! Вы хоть раз любили по-настоящему?
Она не удивилась бы, если б он начал уверять, что именно ее он любит по-настоящему, но Гаршин отстра-нился от нее, и на его лице появилось выражение боли. Он, видимо, хотел что-то сказать — отшутиться, что ли, на губах появилась неестественная улыбка.
С чувством неловкости, будто она подглядела чужую тайну, Аня поспешно отвернулась.
Огромная льдина, раздвигая ледяную мелкоту, мед-ленно приближалась к мосту. Аня смотрела, как она величаво покачивается на воде, и загадывала: натолкнется на волнорез или нет? И вдруг сильные руки Гар-шина охватили ее так крепко, что она не могла шевель-нуться, и она увидела совсем близко его злое и веселое лицо.
— Эх, Аня! Что было, то прошло! Мало ли что бы-вало и у вас и у меня! Зачем ворошить прошлое? Мы живем сегодня, мы вместе, мне нужна ты — и все. Вот я обнимаю тебя — и к черту все остальное, понимаешь? Если бы у тебя был кто-нибудь другой... но ты же одна! Что тебя держит?..
Она изо всех сил толкнула его и вырвалась. Поче-му-то слезы защипали глаза. Одна! Вот и весь его не-сложный расчет. Да, он прав, — одна! И одной очень горько, от этой женской тоски не спрячешься ни за ка-кими делами...
Ветер бросал в лицо мокрые снежинки, то крупные, то совсем мелкие, как пыль. Аня наклонилась над ре-шеткой — по черной воде все плыли, плыли серые льди-ны, громоздились на волнорезы, сползали с них и, подхваченные течением, уносились под арку моста. Одна...

Сколько бы людей ни было вокруг, она все-таки совсем одна, и после работы они спокойно уходят от нее, под-няв воротник, вежливо и холодно поклонившись ей, куда-то в свою, неведомую ей жизнь...
— Так и до старости прождать можно! — со злостью сказал Гаршин.
Он уцепился руками за решетку и тянул ее, будто хотел вырвать.
— А может, и нет! — сказала Аня, тряхнула головой и ласково дотронулась до руки Гаршина.
— Ну, не сер-дитесь, Витенька! И давайте побежим, может еще захва-тим какой-нибудь трамвай.

12

Партийная организация турбинного цеха готовилась к отчетно-выборному собранию. Это было первое пар-тийное собрание, в котором Николаю предстояло участ-вовать, и он ждал его с тревожным интересом.
До Николая доносились разговоры, очень его волно-вавшие: речь шла о том, кому быть секретарем парт-бюро. Николай был уверен, что лучшего секретаря, чем Клементьев, не найдешь. Но коммунисты поговаривали о том, что Ефим Кузьмич сам просит «уважить» его, причем сквозь уважение к старику проступало и недо-вольство им:
— Где бы поднажать да потребовать, а старик все с уговорами!
— Кузьмич привык с начальством в ладу жить. А иногда и поругаться не мешает!
Упреки казались Николаю несправедливыми. Ведь заступился же Кузьмич за Воловика на партбюро, да еще как! А зря зачем же ссориться? Конечно, Ефиму Кузьмичу нелегко было справляться и с производством и с партийными делами, но разве он мало делал для цеха? Где бы ни возникло осложнение, затор, беда, Ефим Кузьмич неизменно тут.
В памяти Николая вставало все, чем сам он был обя-зан Ефиму Кузьмичу. Нет, пусть неловко и страшновато вылезать со своим мнением новичка на таком ответ-ственном собрании, он все равно скажет все, что думает!
Незадолго до собрания в цехе появился Диденко с невысоким человеком в кожаном пальто. Николай обра-довался, что Диденко будет на собрании, — парторг очень уважает Ефима Кузьмича, должен поддержать!
Николай и внимания не обратил бы на его спутника, но Катя Смолкина, оказавшаяся тут как тут, с любо-пытством спросила:
— Кто такой, не знаешь?
Николай пожал плечами, а Катя Смолкина побежа-ла дальше, опрашивая всех встречных.
Ефим Кузьмич с необычайной торопливостью устре-мился навстречу пришедшим. Через минуту к ним при-соединился Любимов, еще более предупредительный, чем обычно. И все трое — Ефим Кузьмич, Диденко и Любимов — повели гостя по цеху, знакомя его с произ-водством и с людьми. Кто бы это мог быть?
Николай заторопился, устанавливая заготовку для вихревой нарезки. Он любил эту мгновенную, красивую операцию, и ему захотелось, чтобы Диденко и его спут-ник успели увидеть, как это у него здорово получается.
— Лучшая молодежная бригада отличного качест-ва! — сказал Любимов, останавливая всех возле Нико-лая. — А это бригадир, Николай Пакулин. Член комсомольского бюро и инициатор комсомольских контрольных постов. Слыхали о нем, наверно?
— О бригаде Пакулина кто же у нас не слыхал!
Только что они отошли, как подбежала Катя Смол-кина:
— Фетисов это, из инструментального цеха! Долгое время замещал там партсекретаря. Понимаешь? Не ина-че, к нам его наметили!
Когда Николай после работы зашел в душевую, там кучкой стояли коммунисты. Все уже знали о Фетисове.
— Воловик говорит — парень толковый.

— Это хорошо, что толковый, но неужели у нас своего не нашлось?
— Что значит «своего»? Был бы работник хороший!
Ефим Кузьмич заглянул в душевую:
— Поскорее, товарищи, поскорее! Будем начинать!
Наспех накинув пиджак, Николай догнал своего учителя.
— Ефим Кузьмич... вы окончательно хотите с се-кретарей уходить?
Старик усмехнулся, обнял Николая за плечи и повел его к столовой, где происходили собрания.
— Окончательно, Коленька! И для дела, и для меня лучше будет.
— А этого... Фетисова... вы лично знаете?
— Беспокоишься? Это хорошо, что беспокоишься! А только знаешь, Коля, — лично, как ты говоришь, каж-дый ошибиться может. А вместе... вместе, сынок, это сила. Партия! И тебе, молодому коммунисту...
Он вдруг смолк на полуслове: у выхода из цеха стояли Груня и Яков Воробьев, явно о чем-то сговари-ваясь. Вот Груня что-то быстро шепнула, улыбнулась и перешагнула через высокий порог, а Воробьев проводил ее взглядом и заторопился назад, в цех.
— Да, да, так вот... — пробормотал Ефим Кузьмич и, уже не замечая Николая, пошел в столовую.
В столовой было полно народу, но почти никто не садился. В центре самой оживленной группы Николай увидел секретаря райкома. Протискавшись поближе, он прислушался к словам Раскатова:
— Вот вы и покритикуйте и подумайте вместе, как лучше. Вам решать!
Раскатов узнал Николая: три дня назад он вручал вновь принятому коммунисту кандидатскую карточку.
— А-а, Пакулнн! Ну как, подготовился к собранию? Николай виновато развел руками: он не знал, как нужно готовиться.
— Очень просто, — сказал Раскатов. — Ты стахано-вец, бригадир, комсомольский работник. Вот и подумал бы, чего тебе не хватает, что могло бы и должно сде-лать партбюро, кому бы ты хотел доверить решение партийных дел в цехе.
— Ефиму Кузьмичу Клементьеву! — выпалил Нико-лай.
Раскатов внимательно смотрел на него:
— Тебе сколько лет, товарищ Пакулнн?
— Двадцать!
— А ему шестьдесят пять!
Ефим Кузьмич стучал карандашом по графину, при-зывая всех садиться.
Николай уселся возле Анны Карцевой, смущенный разговором с секретарем райкома. Значит, выступать бесполезно: Клементьев уходит... Но тогда кого же взамен? Фетисова?
Фетисов сидел у стенки недалеко от трибуны, между Диденко и цеховым плановиком Бабинковым. Бабинков что-то усердно объяснял ему, а Фетисов, изредка зада-вая вопросы, с любопытством присматривался к со-бравшимся. Николаю он понравился: никакой важности или нарочитой серьезности, сидит себе среди малознако-мых людей простой и умный рабочий человек и оттого, что он привлекает к себе общее внимание, немного сму-щен, скован в движениях.
Собрание началось торжественно и деловито.
Ефим Кузьмич разложил на трибуне заметки, надел очки и тихим голосом, со стариковской обстоятельностью начал доклад.
Николай старался слушать внимательно: ему было интересно понять, как же направляется изнутри огром-ная сила, называемая партийной организацней. Но очень скоро мысли его стали разбегаться. То ли доклад, при всей его обстоятельности, обходил самые острые вопросы, то ли эти вопросы в изложении Ефима Кузь-мича теряли остроту, но Николай не находил ответа на то, что волновало его.
— Мы дважды заслушивали доклады Бриза и дваж-ды занимались технологическим бюро, — сказал Ефим Кузьмич, снял очки и оглядел собравшихся зоркими гла-зами. — Как вы знаете, с выполнением рационализатор-ских предложений в последнее время наметился сдвиг. Отчего? Да оттого, что в составлении плана организа-ционно-технических мероприятий, начатом по инициати-ве коммунистов, участвовало больше двух третей всех работающих в цехе. Особенно надо отметить, что хоро-шо, энергично поработал штаб в лице Полозова, Кар-цевой, Бабинкова

и других. Заслугой нашего нового то-варища инженера Карцевой является и то, что она с большой инициативой привлекла к работе молодежь.
Николай навострил уши: сейчас и заговорит Кузьмич о самом главном. Но Ефим Кузьмич уже перешел к следующему вопросу — о работе цехкома.
В зале тихо переговаривались. Воробьев что-то за-писывал в блокнот, — должно быть, готовился к выступ-лению. Раскатов, сидя рядом с Любимовым за столом президиума, просматривал сводки работы цеха.
Но вот доклад кончился, и сразу посыпались во-просы.
Раскатов отодвинул от себя сводки. Диденко ожи-вился и следил, чтобы председатель не проглядел ни одной поднятой руки, особенно если рука поднималась неуверенно, — прогляди ее, и человек может оробеть, опу-стит руку...
Ефим Кузьмич начал с мелких вопросов, отвечая со всей добросовестностью, потом обвел собрание усталым взглядом поверх очков, снял очки и с неожиданной силой сказал:
— А насчет краснознаменских турбин — какие ж тут могут быть сомнения? Когда ж это бывало, чтобы мы взялись да не сделали? Сделаем, конечно! Только поря-док нужно навести в цехе под стать задаче. А для этого партбюро изберите поэнергичнее да помогайте ему по-крепче. А так — почему не выполнить?
Он громко передохнул и всплеснул руками:
— Да как же может быть иначе? Социализм по-строили, фашистов побили, в блокаде фронтовую продук-цию без перебоя давали. А сейчас-то да не справиться!
Его проводили дружными рукоплесканиями. Но только он успел сойти с трибуны, как без обычной заминки начались выступления, и тон этих выступлений был суров.
Николаю очень нравилось все, что говорили, — он мысленно подтверждал: правильно! Но многое, казалось ему, следовало сказать помягче, не так обидно. Вот го-ворит Женя Никитин, парень серьезный и сердечный, а как он сегодня резок!
— Партбюро дважды заслушивало Бриз. А что из-менилось? Почему в штаб к Полозову и Карцевой идут, а в Бриз не идут? Холодные души в Бризе. А партбюро только резолюции принимало!
Верно, конечно, не любят в цехе бюро по рационали-зации и изобретательству, надо было заняться им осно-вательно, но разве мог Ефим Кузьмич за всем углядеть?
— Как выполнить краснознаменский заказ досроч-но? С помощью механизации, с помощью хорошей орга-низации труда. Расчленение операций все одобрили, а технологи новую технологию до сих пор разрабаты-вают, вторую неделю! Почему? Близорукость и недомы-слие! Оперативности — вот чего не хватало старому партбюро.
Тоже верно. Но, Женя, зачем так резко? Ведь Ефим Кузьмич старался, сил не жалел...
Выступает Ерохин. Говорит застенчиво, с добродуш-ным юмором, а вывод делает жесткий:
— Дальновидности не было у партбюро и у началь-ника цеха. Два «туза» держали монополию на сложней-шие работы. Пока они справлялись, никто не думал, что будет дальше. А задачи-то растут. Теперь хватились, а людей уже разбаловали! Простите за грубое слово, Ефим Кузьмич, но вы перед ними заискивали, вместо того чтобы новых карусельщиков растить! И как мастер и как партийный секретарь недосмотрели вы, Ефим Кузьмич! А порой и не разобрать, когда вы мастер, а когда секретарь.
По очереди поднимаются на трибуну коммунисты, и каждый находит промахи! Николай и соглашался с ни-ми, и мысленно спорил, защищая Ефима Кузьмича, и все поглядывал: очень ли расстроен Кузьмич?
А Ефим Кузьмич одобрительно кивал головой и спо-койно думал о том, что вот ведь как выросли люди, — значит, все-таки не так уж мало с ними работали! Каж-дому из них поручи дело — справится. А я поручал мало, оттого и сил не хватило. Фетисов, наверно, и сам о том же думает, но все равно надо подсказать ему, кому что поручить... Раскатов и Диденко все заботились, чтобы развернуть настоящую самокритику. Да вот же она! В нашем цехе не тот народ, чтобы слова глотать.
Казалось, острее и не бывает критики. Но вдруг вне очереди выступил Диденко, и Николай с удивлением понял, что Диденко еще недоволен, — по его мнению, не до конца вскрыто все, что тормозит досрочный выпуск турбин.

— Единство цели у вас есть, а вот есть ли единство в пути к цели, в методах работы? — сказал Диденко. — Думается мне, не все тут у вас ладно. И говорить об этом нужно прямо, разобраться до конца.
Полозов, Воробьев, Катя Смолкина с места крикну-ли:
— Правильно! Правильно!
Любимов покраснел и уткнулся носом в сводки. Нико-лай ждал, что сейчас выступит кто-либо из тех, кто кри-чал «правильно!», но слово предоставили рабочему, чье появление на трибуне вызвало шепот в зале: «Кто та-кой? Как фамилия? С какого участка?» Должно быть, этот коммунист впервые выступал на партийном собра-нии: он и вышел нерешительно, и все расправлял на трибуне приготовленные заметки.
А тут еще появился в дверях запоздавший директор.
На ходу пожимая руки знакомым, Немиров прошел через зал в президиум. Только подсев к столу, он сооб-разил, что никто его в президиум не выбирал и садить-ся сюда не следовало, но подняться и пересесть в зал было уже неловко. Он деловито склонился к Любимову, но сразу выпрямился и прислушался, потому что стояв-ший на трибуне коммунист справился с растерянностью первых минут и заговорил о нем:
— Очень кстати пришел директор! И хорошо, что все начальство в сборе. Может, все вместе послушают и покончат с нашей неразберихой! — И, повернувшись всем корпусом к президиуму: — Договоритесь вы, начальники, наведите порядок, довольно нам гадать на кофейной гуще: выполним или не выполним? Решили изготовить турбины досрочно — так спланируйте до октября, рассчитайте до последнего винтика, обеспечение подтяните, как в армии перед наступлением. А то от разноголосицы голова пухнет!
Григорий Петрович бросил реплику:
— Решение принято, какая же может быть разного-лосица?
— А вы планы наши посмотрите, товарищ директор, какие нам на участки спущены, вот и найдете разного-лосицу! — не смущаясь ответил рабочий, и собрание дружно поддержало его:
— Правильно! Давно пора!
Николай закричал «правильно!» вместе со всеми: его всегда возмущала путаница, царившая в планировании. Он не понимал, почему начальство не вносит ясности в планы участков. Не понял он и недовольства Любимова, проворчавшего с места:
— План есть план!
Пожалуй, прав Диденко, что в цехе нет единой ли-нии!
Николай обрадовался, увидев на трибуне Полозова.
Подняв перед собой листок из записной книжки, Полозов прочитал громко и отчетливо:
— «Механизация процессов труда является той но-вой для нас и решающей силой, без которой невозмож-но выдержать ни наших темпов, ни новых масштабов производства». — Он передал в президиум, Любимову, листок. — Я не сомневаюсь, Георгий Семенович, что вы эти слова знаете. Я хочу, чтобы вы их помнили тогда, ко-гда принимаете решения и разговариваете с подчинен-ными!
Начальник цеха пожал плечами с таким видом, слов-но присутствовал при мальчишеской выходке, которая удивляет, но не затрагивает. И вдруг собрание поддер-жало слова Полозова дружными рукоплесканиями. Лю-бимов побледнел и с трудом удержал на лице обычное выражение невозмутимого спокойствия.
— Мы все радуемся, — продолжал Полозов, — что первая турбина на днях будет сдана. Но посмотрим правде в глаза! В основном первая турбина выпускается старыми методами, авральной суетой! А партбюро по-шло на поводу у старого метода. У нас нет любви к тех-ническому риску, нет истинно новаторского духа. И вы, Георгий Семенович, повинны в этом в первую очередь, потому что вносите в работу дух осторожности да оглядочки: «Как бы чего не вышло!»
Повеселев, он повернулся к собранию:
— Ведь что получилось, товарищи! По инициативе Воробьева мы начали составлять план организационно-технических мероприятий. Обратились к рабочим, к ма-стерам. Да мы сами не ожидали такого неудержимого потока замечаний, предложений, требований! Значит, мы до сих пор мало обращались к людям, недооцени-вали их. Эту вину я отношу и к самому себе. А ведь творчество коллектива — мощнейший наш резерв! Со-ставление плана показало, что этот резерв может сильно помочь нам. Но как выполняется оргтехтплан? Плохо выполняется!

Формально. Между делом. Самые корен-ные и сложные предложения откладываются «до спо-койных времен», силы для их выполнения не расстав-лены, и со второй турбиной опять начнется «эх, дуби-нушка, ухнем». Я говорю резко, и это не всем нравится, но хватит нам «дубинушки», товарищи!
И снова собрание отозвалось бурным одобрением.
— Говорят, что у меня плохой характер. Возможно! Но я не собираюсь мириться с тем, что кажется мне принципиально неверным и для дела вредным.
Алексей вызывающе обернулся к Диденко, — это был ответ на недавнее замечание о петушином характере. Сейчас он был твердо убежден в том, что всякое умол-чание может только затянуть болезнь, существующую в цехе.
— Я утверждаю, — сказал он, — что в цехе есть две линии: старая и новаторская! Конечно, явных против-ников новаторства сейчас не найдется, на словах все за него, но чего стоит смелость на словах, когда она не подкрепляется делом?
Изо всех сил хлопая в ладоши, Николай Пакулин думал о том, что это и есть партия: взгляд вперед, сме-лая критика всех недостатков и ошибок, прямота суж-дений... Ему казалось, что он только сейчас понял, что значит быть коммунистом, и он давал себе слово быть им всегда и во всем, как бы это ни было трудно.
Все собравшиеся чувствовали: разговор дошел до самого главного. И потому глухой ропот пошел по ря-дам, когда с трибуны зазвучал бархатистый голос Бабинкова.
Благодушно-болтливый и покладистый в повседнев-ных отношениях с людьми, на трибуне Бабинков преоб-ражался; у него появлялись торжественные интонации, мысли облекались в витиеватые слова, руки подкрепля-ли речь картинными жестами. Если у Бабинкова не было своих мыслей, он умело пересказывал чужие, уже высказанные до него, расцвечивая их всеми красками красноречия. Обычно Бабинкова терпеливо слушали: что делать, если у человека ораторский зуд! Ему даже хлопали, так как заканчивал он здравицами. Но сего-дня собрание было настроено нетерпимо, не прошло и минуты, как из зала крикнули:
— Конкретней, Бабинков! Ближе к делу!
Бабинков обиженно огляделся и, сбившись, более естественным тоном заявил, что вопрос о досрочном выполнении плана упирается в вопрос о второй и треть-ей сменах, надо немедленно укомплектовать эти смены квалифицированными рабочими и мастерами.
— А где ты их возьмешь, да еще немедленно? — за-кричали из зала. — Ты нам глаза не застилай!
Бабинков растерялся: «Ну и собрание! Слова ска-зать не дадут! И что им так не понравилось? Самокри-тики мало?» Он ухватился за тему популярную и всех волнующую — за тему технического прогресса. Припом-нил план генеральной реконструкции цеха, разработан-ный Любимовым и Гаршиным, — великолепный, но ни-как не осуществляемый план! — и потребовал, чтобы этот план был «принят на вооружение» уже в текущем году... что нужно доказать... потребовать от руководя-щих органов...
Собрание вдруг взорвалось:
— Давай к делу!
— В сторону уводишь!
— Планом прикрываетесь, а под ноги не смотрите!
Кое-кто попросту напоминал:
— Регламент! Регламент!
Катя Смолкина встала и резким голосом перекрыла шум:
— Лучше скажи, Бабинков, почему ты из на-чальника планово-диспетчерского бюро превратился в старшую телефонистку?
Диденко смеялся и хлопал себя ладонями по коле-ням: вот это молодцы, пустобрехов не терпят!
— Я могу, если нужно, остановиться на недостатках работы планово-диспетчерской службы, но у меня истек-ло время...
Теперь смеялось все собрание:
— А ты бы с них начинал!
— Ох, и хитер ты, Бабинков!
— Продлить ему время, пусть скажет!
Но Бабинков предпочел сойти с трибуны, обиженно надув губы.

Расшумевшееся собрание мгновенно притихло, ко-гда председатель назвал фамилию — Коршунов.
Из дальнего, самого темного угла медленно шел к трибуне сгорбившийся человек с посеревшим лицом.
Катя Смолкина охнула и шепотом сказала Коршуно-ву, когда тот проходил мимо:
— Ничего, Семеныч! Ничего...
— Нет, чего! — громко ответил Коршунов и, взоб-равшись на трибуну, повторил еще громче:
— Нет, чего! И утешать меня незачем, я сам себе места не найду пока пятна не смою. А прятаться коммунисту не след. Потому и вышел. Хоть и нелегко мне, бывшему члену партбюро, выходить сегодня перед лицо собрания!
Он так и сказал — бывшему. Пусть бюро еще не переизбрали и никто его из партбюро не выводил — он сам себя осудил и вывел.
— Вы, наверно, уже знаете, — тихо сказал он. — Вче-ра я запорол колесо..,
Он стоял на трибуне сгорбленный, постаревший за сутки, и всем было тяжело и больно смотреть на него — на передового стахановца, которым гордился цех, на хорошего, уважаемого человека, попавшего в беду.
— Вина моя, — сказал он. — Просмотрел размер. Вме-сто натяга 0,5 миллиметра сделал натяг 0,1... Не оправ-дываюсь. А если и мог бы оправдаться как рабочий, то другим концом в себя же попаду как в члена парт-бюро. Товарищи мои, кто давно в цехе! Вы знаете, бы-вал ли когда у Коршунова брак? Не бывало! А если теперь такое стряслось, токарю Коршунову не стыдно сказать: потому случилось такое впервые за двадцать лет, что замотался. Вот она, авральщина, до чего дово-дит! Работаешь, а над тобой Гаршин шуточки шутит пополам с матюгами, да Полозов нависает с душев-ными просьбами: «Поторопись, дружище!», да Георгий Семенович с несчастным лицом: «Скоро ли?» Как я эти две недели торопился, товарищи знают. Голова кругом пошла! Ни подумать, ни спокойными глазами расчет посмотреть, чертеж прочитать... Вот почему опозорился токарь Коршунов. И вот почему еще больше виноват член партийного бюро Коршунов. За авральщину хвата-лись, как за лекарство от всякой хвори. С этим пора кончать!
Он сошел с трибуны, приостановился:
— А пятно я смою, товарищи!
И пошел через зал; ни на кого не глядя, сел в углу.
— Коршунов прав, с этим пора кончать! — крикнула Катя Смолкина, взлетая на трибуну. — Стыдно, това-рищи! Стыдно! Машины выпускаем — чудо техники! На всю страну гордимся — передовики технического про-гресса! И вдруг рядом со скоростными методами, с пере-довой техникой авральщину развели, как на заре нашего строительства. Стыд!
Она выкрикнула все это одним духом, а затем совсем другим голосом продолжала:
— Сидела я сейчас и думала: что же это такое? Как же это получилось? И вот я поняла. Хороший у нас цех, мощный, и кадры у нас любо-дорого, все можно сде-лать с такими кадрами. Пусть скажет по совести каж-дый: был ли наш цех когда-либо так силен, как теперь? И генеральную реконструкцию у нас затевают не от бедности — от богатства, оттого, что цели ставим, о ка-ких раньше не мечтали. А вот эти наши авральные мето-ды, что это такое, товарищи? Пережитки! Болезнь роста. Рванулись мы вперед, здорово рванулись, а не все за нами поспевают, и не все вровень идут. Что не поспе-вает? Мне, может, не все и видно, скажу о том, что приметила. Механизация не поспевает. Организация труда отстает. Планирование на обе ноги хромает!
Она разыскала глазами Бабинкова и показала на него пальцем:
— Вот Бабинков! Распелся тут соловьем, а мне слушать противно! Кто бы другой заливался, а ведь он начальник ПДБ! ПДБ, товарищи, планово-диспетчер-ское бюро! И если мастера и рабочие все еще бегают заготовки да инструмент из-под рук выхватывать, — кто виноват? Бабинков! Отстает ПДБ, недопустимо отстает. Буква «Д» еще кое-как выполняется, я уже сказала — старшая телефонистка у нас Бабинков! А вот про самую основу, про букву «П», забыли! Нет у нас порядка в планировании, а потому и ритма нет. А нет ритма — значит: «А ну, взяли!» Хватит, товарищи! Хватит, Геор-гий Семенович! Давайте налаживайте!
— Ай да Катя! — воскликнул Диденко и шепнул ди-ректору: — До чего верно сказала, а?
Григорий Петрович в свою очередь наклонился к Любимову:

— В самую точку, Георгий Семенович! Пережитки и болезнь роста! Какое превосходное собрание!
Любимов покосился на него и не ответил. Он ста-рался держать себя в руках и внушал себе, что это са-мокритика, необходимая и полезная, без нее нельзя! Но чувствовал он себя отвратительно и думал только об одном: выступить самому достаточно самокритично и при этом все-таки дать отпор критикам и отстоять свою линию. Линию? Значит, у него есть особая линия?.. Чепуха, просто трезвое понимание действительного по-ложения вещей!
Николай Пакулнн видел, что начальник цеха по-мрачнел, и напряженно думал, какие же это две линии, есть ли они и как же может ошибаться Любимов — та-кой умный и знающий человек?
Собрание захватило его и удивило. Один за другим выступали люди, которых он хорошо знал в повседневной жизни. С одним он учил-ся в техникуме, с другим обсуждал футбольные матчи и статьи в журнале «Техника — молодежи», с третьим ссорился из-за резцов, когда резцов не хватало... Сей-час он слушал этих знакомых людей с почтительным уважением. Все в них было обычным: голос, повадки, внешний облик, — и в то же время совсем иным. Они говорили о том, что подсказывала им собственная рабо-та, но оценивали ее с какой-то новой, общей точки зрения.
— Вы записались? — спросил Николай у соседки: ему было интересно, что скажет Карцева.
Аня отрицательно качнула головой. Ей очень хоте-лось выступить, но смущало то, что она узнала — ком-мунисты поговаривают о ней как о будущем культпропе, будут выдвигать ее в члены партбюро. Ефим Кузь-мич посоветовал: «Подготовься и выступи так, чтобы все тебя узнали». Вчера вечером и Любимов, повстречав ее дома в коридоре, ласково сказал: «Ну, дорогой культпроп, произнесите завтра зажигательную речь». Ане и хотелось быть избранной и страшновато было, не вы-черкнут ли ее имя, как имя новичка. Многие называли кандидатуру Воловика, тоже недавно пришедшего в цех, но за плечами Воловика — крупное изобретение. А чем отличилась она?
Легкий шум прошел по залу — все устраивались по-удобнее, готовясь внимательно слушать: из-за стола пре-зидиума выбирался к трибуне начальник цеха.
— Партийное бюро работало немало, — веско сказал он, — но сегодня, на новом этапе, такая работа не удов-летворяет никого из нас. Как говорится: новые време-на — новые песни.
Такое начало всех заинтересовало и пленило. Конеч-но же, Любимов сам все понимает, и никаких двух ли-ний нет, не должно быть. С уважением смотрели ком-мунисты на взволнованное, даже как будто осунувшееся лицо Любимова, на его широкие пальцы, нервно сжи-мавшие края трибуны. И многие подумали о том, что вот перед ними пожилой инженер, знающий и опытный специалист, и несет он на себе огромную ответствен-ность, все его критикуют, все теребят, ему первому по-падает за любую беду на производстве. А он не ропщет, не обижается на критику, всегда сдержан и рассудите-лен.
Волна симпатии дошла до Любимова, он продолжал еще тверже:
— Тут пробовали представить дело так, что в цехе есть две линии: старая — консервативная, и молодая — новаторская, причем по смыслу речи получалось, что я, грешный, причастен к этой старой линии и являюсь чуть ли не главным ее оплотом. Чепуха это, товарищи! Наивная чепуха, не помогающая, а затрудняющая рабо-ту партийной организации!
Собрание насторожилось.
— Это надо доказать! — с места крикнула Катя Смолкина.
Любимов поклонился в ее сторону.
— Обязательно докажу. Если б я был профсоюзным работником, как вы, товарищ Смолкина, или хотя бы заместителем начальника, как Алексей Алексеевич, я бы тоже, может, заносился мечтами в облака и требовал от некоего злокозненного начальника цеха, чтобы все и сразу стало превосходно. Кстати, товарищи, кто знает план генеральной реконструкции цеха, разработанный товарищем Гаршиным и мною, тот согласится, что меч-тать и мы умеем. Но так как еще до реконструкции мы должны небывалыми темпами выпустить досрочно слож-ные машины, я, как руководитель, обязан оставаться в рамках реальности. Журавль — в небе, а синица — в руках!
И он начал подробно анализировать возможности цеха, доказывая, что для досрочного выпуска краснознаменских турбин не обойтись без авральных методов работы: «Конечно, все в меньшей и меньшей степени, но не обойтись!» Он признавал значение плана организа-ционно-технических мероприятий, но просил не переоце-нивать его:

— Конечно, Полозов прав: надо механизировать ряд трудоемких операций, в частности слесарных. Наши то-варищи активно ищут, изобретают. Но разве я могу строить расчеты на еще не изобретенных механизмах? Да вы бы меня первые осмеяли за это!
Николаю, как и многим другим слушателям, все ка-залось убедительным, он даже мельком подумал: «Пе-рехватил Полозов!» И в то же время его мучило неясное ощущение, что найденная было истина ускользает.
А Любимов охотно признал правильность большин-ства критических замечаний, обещал принять меры, до-биться крутого перелома…
— В общем, увязать и утрясти! — вполголоса сказал Воробьев.
Он слушал начальника цеха с веселым удивлением. До чего гладкий человек! Вот уж действительно обте-каемый!
— Слово товарищу Воробьеву!
Воробьев, не пользуясь ступеньками, легко вскочил на помост. Лицо его было ясно и спокойно — лицо уве-ренного в своей правоте человека.
— Есть у нас две линии в цехе или нет? — спросил он и, помолчав, с силой сказал: — Есть!
Кое-где вспыхнули рукоплескания, но на тех, кто спешил с одобрением, зашикали: после убедительной речи Любимова всем хотелось серьезно и неторопливо разобраться, кто же прав.
— В истории с Воловиком эти две линии видны от-четливо. Те, кто стоит на линии творчества, дрались за Воловика и вместе с ним, помогали ему в расчетах и в изготовлении деталей его станка, — я говорю о Полозо-ве, о Ефиме Кузьмиче, о Николае Пакулине и о десят-ках рабочих.
— Правильно! — выкрикнул Женя Никитин.
— А какую линию занимали вы, Георгий Семено-вич? «Моя хата с краю, ничего не знаю». Мол, если станок выйдет, — скажу спасибо, и премию выхлопочу, а покамест не приставай, крутись сам по себе! А изо-бретение Воловика высвободило вам десятки рабочих рук и сотни рабочих часов, механизировало одну из самых трудоемких работ! Я же видел, Георгий Семено-вич, как вы радовались, когда станок за сорок минут будто слизнул эти самые навалы! А где вы раньше были?
Любимов поднялся и сказал, тяжело опираясь рука-ми о стол:
— Товарищ Воробьев, в случае с Воловикам я уже признал свою ошибку и сказал об этом самому товари-щу Воловику. Александр Васильевич, правильно я го-ворю?
— Верно, верно! — добродушно подтвердил Воло-вик. — Вы только теперь получше помогайте, мы теперь за диафрагмы беремся!
Многие засмеялись, но Воробьев знаком попросил внимания:
— Я взял в пример Воловика, потому что это исто-рия законченная. Мало ли других историй еще тянется? Конечно, незавершенное изобретение — это еще не си-ница в руках, особенно с точки зрения этой «реально-сти», о которой так любит говорить товарищ Любимов. Да разве дело только в наших местных изобретениях? Сколько есть новой советской техники, сколько вещей уже известных, изобретенных, проверенных на других заводах! Разве мы внедряем их с должной решитель-ностью и быстротой? Нет! Скоростные методы применя-ем, но робко! Расчленение операций — опять робко: на одном участке применили, на другие не перенесли. Или это тоже еще не синица в руках? Казалось, журавлем в небе является план генеральной реконструкции цеха. Но я посмотрел этот план. И вот что я вам скажу, то-варищи авторы! Стареет ваш план, стареет еще до того, как его утвердили. Кабинетным способом он составлен. Без рабочих, без мастеров, без изобретателей и рациона-лизаторов. Ряд их предложений, поданных в этот ме-сяц, смелее и новее, чем в вашем плане!
Тут с места сорвался Гаршин, благодушно проси-девший все собрание у окна, где можно было потихонь-ку курить в форточку. Лицо его побагровело:
— А почему вы, коммунист, не пришли и не помогли, а припрятали этот сенсационный вывод до собрания?
— А вы нас, коммунистов, звали? — спокойно отве-тил Воробьев. — Да к вам, Виктор Павлович, сейчас и не подступишься!
Он повернулся к Любимову и Немирову:
— Кстати, товарищи, кто это выдумал? По существу, цех без технолога. Сорвали товарища Гаршина с тех-нологического бюро, двинули в аварийном порядке тол-качом на первую турбину и уже поговаривают оставить на второй. Конечно, у Виктора Павловича глотка здо-ровая и речь образная... — Хохот прокатился по залу и сразу смолк. — Да разве это метод

организованной ра-боты? Или это тоже в угоду «реальности»? Новая тех-нология еще вилами на воде писана, а тут дело ясное: знай толкай!
Любимов уже поддакивал:
— Да, да, непродуманно сделали!
Видно было, что он сам любуется своей объективно-стью, при всех соглашаясь с критикой.
— Может создаться впечатление, что какая-то часть коммунистов яростно нападает на товарища Любимо-ва, — продолжал Воробьев. — Так вот для ясности: напа-даем мы на вас, Георгий Семенович, не для того, чтобы угробить, а для того, чтобы выправить. Как инженера мы вас уважаем. А линия у вас шаткая, и вы это дол-жны понять, если хотите не растерять наше доверие.
Фетисов потянулся к Диденко и Клементьеву, до-вольно громко сказал:
— Вот кого нужно в партбюро!
Диденко подтвердил:
— Обязательно!
Ефим Кузьмич промолчал, будто и не слышал.
Николай Пакулин, колеблясь, то поднимал, то опус-кал руку. Диденко заметил его колебания, подсказал председателю, и Николаю дали слово.
Надо было подняться на трибуну, но было неловко выходить с теми несколькими мыслями, ради которых он решился заговорить, и Николай остановился у стола президиума.
— Турбины мы дадим! — быстро сказал он. — Толь-ко здесь правильно говорили: давайте решайте, товари-щи руководители, точные сроки! И скажите каждому рабочему: вторую турбину к первому июля, третью — к пятнадцатому августа и так далее… А то какая же это работа, если не знаешь точно ни сроков, ни графика!
Он с возмущением обернулся к Бабинкову:
— Вот ваше ПДБ спустило нам план. План старый, из расчета — четвертую турбину к концу декабря. А я сам должен крутиться и пересчитывать задания из рас-чета четыре турбины к октябрю. Разве это дело?
Раскатов заинтересовался:
— Значит, надо спланировать всю работу цеха с учетом обязательств?
— А как же! — откликнулся Николай. — И не только по цеху, а и по заводу. Мы сейчас жмем через комсо-мольские посты, да только мало этого! Как я могу дать программу, если мне заготовки подают по старому пла-ну? Или взять инструмент, резцы. Ведь безобразное дело!
Он смолк, не решаясь высказать то, что просилось на язык. Но тут же упрекнул себя в трусости и реши-тельно продолжал:
— Мы знаем, что тут присутствует товарищ из ин-струментального цеха. Говорят, они очень хорошо рабо-тают, передовая партийная организация. А мне кажется так: если бы они очень хорошо работали, мы бы это почувствовали. Тогда бы инструмент поступал беспере-бойно!
И Николай пошел на место, смущенный и тем, что коротко, нескладно выступил, и тем, что ему дружно хлопали.
Фетисов громко сказал:
— Подкусил нас товарищ Пакулин! Крепко подку-сил! Сегодня же передам инструментальщикам: это де-ло надо исправить!
Диденко хмурился: замечание Пакулина было вер-ное, но пришлось некстати. Собрание гудело, на Фети-сова поглядывали с усмешкой: мол, какой ты есть, мы не знаем, а по работе твоего цеха, как видишь, ничего хорошего сказать пока не можем!
Григорий Петрович, недовольно пожевывая губами, просматривал ворох записок. С той минуты, как он поя-вился на собрании, в президиум одна за другой полетели записки, адресованные директору. В них упорно по-вторялись вопросы, связанные с досрочным выпуском турбин, и чаще других вопрос о введении единого пла-нирования по обязательствам. Было и такое требова-ние: «Григорий Петрович, ждем вашего слова по вы-ступлениями Полозова и Воробьева, вам нужно выска-заться».
Григорий Петрович задумчиво вглядеся в ряды зна-комых лиц. Цвет турбинного цеха, лучшие люди самого решающего участка производства сидели перед ним воз-бужденные, требовательные, внимательные ко всякой свежей мысли, высказанной с трибуны или брошенной в зал в виде острой реплики с места. О чем только не говорилось тут: о работе комсомольской организации и о функциях мастеров, о руководстве райкома и о содру-жестве с

учеными, о ремонте станков и о качестве про-пагандистов, — и все было важно, необходимо, обо всем говорили и думали критически строго и заботливо. В этом широком круге забот занимал место и Люби-мов, начальник, от способностей, и качеств которого, конечно, многое зависело. «Очевидно, коммунисты во многом правы, но, дорогие друзья, дайте мне идеаль-ного начальника цеха, я его возьму! Да и у кого не бы-вает ошибок! Любимов — один из лучших, опытнейших инженеров. Нельзя давать его в обиду, для пользы дела нельзя! А при Раскатове и Диденко вдвойне нельзя: того и гляди припомнят этого несчастного Горелова!
Он сам себя остановил: мелочные мысли! И тут же понял, что нужно сказать сегодня коммунистам турбин-ного цеха, и сразу попросил слова.
— На чем сегодня проверяется боеспособность пар-тийной организации цеха? — спросил он и сам же отве-тил: — На выполнении краснознаменного заказа! Зна-чит, этой задаче должна быть подчинена вся работа цеховой партийной организации. Вся, целиком!
Николай Пакулин впервые слушал речь директора и впервые находился с ним на одном собрании, где оба были равны, как два члена одной великой организации.
Это равенство Николай живо почувствовал с первой минуты, когда директор пришел на собрание, простой, непринужденный, доступный, совсем другой человек, чем тот, каким он казался Николаю во время обходов цеха. Там он был начальник, чей приказ — закон. Здесь его могли свободно критиковать, поправлять, здесь он как бы отчитывался в своих действиях и намерениях. Но именно потому, что никакие официальные преграды сейчас не существовали, Николай с особой остротой по-нял, насколько выше и сильнее его Григорий Петрович Немиров — не властью, а кругозором, политическим опытом и пониманием, что и как делать. По напряжен-нейшему вниманию присутствующих Николай чувство-вал, что таким воспринимают Немирова все комму-нисты.
Григорий Петрович не задерживался на частных во-просах, но показал, как частные усилия, сбереженные минуты и часы, килограммы металла и киловатт-часы электроэнергии складываются в масштабе цеха и завода в месяцы трудового времени, в сотни тонн металла, в тысячи киловатт-часов, в миллионы рублей экономии. Он согласился с Катей Смолкиной: да, нынешние труд-ности цеха не от бедности, а от богатства, это пережит-ки минувшего этапа... И тут же раскрыл самую сущ-ность нового этапа развития:
— Новые заводы, строящиеся в нашей стране, — взять хотя бы те, что заканчиваются в Краснознамен-ном районе, — это заводы крупносерийной продукции. Таков размах, такова потребность страны. Наш завод по типу всегда был заводом уникальных машин. А тур-бины нужны теперь десятками, и турбины небывало мощные, высокого и сверхвысокого давления. Мы долж-ны на ходу перейти к их серийному выпуску. А серий-ный выпуск требует строгой ритмичности, железного графика и полной механизации всех операций. К этому мы идем, над этим сейчас работаем. Трудно? Да, труд-но. Болезнь роста, как и всякая болезнь, вызывает ли-хорадку. Но мы должны преодолеть ее и, конечно, пре-одолеем!
Собрание проводило директора долгими рукоплеска-ниями.
Немиров уже сошел с трибуны, когда прозвучал умо-ляющий голос Кати Смолкиной:
— Уж до того хорошо сказал, Григорий Петрович, так скажи еще о Любимове и о планировании!
Немиров развел руками, улыбаясь: поздно, мол, да обо всем не скажешь зараз! Но секретарь райкома гром-ко поддержал:
— Скажите, скажите, Григорий Петрович, раз народ просит!
Немиров неохотно вернулся к трибуне, подниматься на нее не стал, а только взялся за нее рукой и загово-рил совсем другим, будничным и даже недовольным тоном:
— С планированием мы разберемся, как сделать, чтобы вам удобней было. Но ведь дело не в том, чтобы планы пересматривать, а в том, чтобы социалистическое соревнование охватило всех, до единого человека! Вот о чем думать нужно, товарищ Смолкина. Двадцать семь процентов нестахановцев — вот где ваша слабость, това-рищи. Сделайте эту четверть рабочего коллектива ста-хановской — вот вам на четверть сокращенные сроки, вот вам реальные резервы сил!
Мысль была верна, ее восприняли с одобрением, но Григорий Петрович видел, что многие не удовлетворе-ны. Однако никаких обещаний он давать не хотел и не считал возможным.
— Вы сегодня крепко покритиковали руководителей цеха, — продолжал он. — Я понимаю горячность собра-ния и считаю ее полезной. Товарищ Любимов, конечно, учтет критику. Но

вряд ли стоит выискивать тут разные линии, из отдельных ошибок искусственно выводить принципиальные расхождения. Все мы большевики, всех объединяет одна цель — и Любимова, и Полозова, и Воробьева, и всех нас. К ней и пойдем, товарищи, пле-чом к плечу.
Раздались жидкие хлопки.
Возвращаясь на свое место, Григорий Петрович фи-зически ощутил разлад с коллективом, недавно так горячо внимавшим его словам. Несколько человек под-няли руку, требуя слова. Но Григорию Петровичу хоте-лось оставить последнее слово за собой. Демонстратив-но поглядев на часы, он объяснил председателю, что его ждут неотложные дела, попрощался с Раскатовым и пошел к выходу. Перед ним расступались почтитель-но, но холодно. «Напрасно, напрасно заступился за Любимова! — думал он, спускаясь в цех. — Конечно, Лю-бимов неповоротлив насчет нового. Правильно опреде-лил Полозов этот его дух: «Как бы чего не вышло». Ни-какой особой линии у Любимова, конечно, нет, а вот гиб-кости не хватает».
Он прошелся по цеху, придирчиво отмечая неполад-ки и мысленно подбирая обидные слова, какие скажет завтра начальнику цеха.
А собрание шло к концу.
Николай Пакулин ожидал, что после такой жесто-кой критики оценка деятельности партийного бюро бу-дет сурова, и заранее огорчался за Ефима Кузьмича.
Но целый хор голосов выкрикнул:
— Удовлетворительно!
Никому не хотелось зря хаять партбюро: сделано не-мало, сил не жалели, за прошлое — спасибо, да только сегодня нужно другое.
К началу выдвижения кандидатур установилась пол-нейшая тишина. В этой тишине Ефим Кузьмич первым поднялся с места и назвал кандидатуру Фетисова. Один за другим поднимались коммунисты:
— Клементьева Ефима Кузьмича!
— Анну Карцеву!
— Александра Воловика!
— Воробьева!
— Любимова Георгия Семеновича!
— Полозова!
— Никитина Евгения — от комсомола!
— Гаршина Виктора Павловича!
— Катю Смолкину!
Так как предстояло выбрать семь человек, разда-лись голоса:
— Достаточно! Закрыть список! Началось обсуждение кандидатур.
Фетисова попросили рассказать свою биографию. Биография была достойная: человек вырос на заводе и накопил немалый опыт партийной работы.
— Я впервые в турбинном цехе, — сказал Фетисов под конец. — И вижу: коллектив сильный, а положение в цехе трудное. Если, вы мне доверите, товарищи, я все-ми силами постараюсь оправдать ваше доверие.
Он понравился коммунистам, но то один, то другой шепотом высказывал сомнение:
— Первый раз в цехе — и сразу руководить... Еще пока он ознакомится да поймет!
Ефим Кузьмич рассказал все хорошее, что знал о Фетисове. Потом слово взял Диденко:
— Будем говорить прямо, товарищи. Обстановка в цехе сложная, руководство не очень дружное, задачи перед цехом огромные. Рекомендуя на ваше усмотрение кандидатуру товарища Фетисова, партком рассчитывает, что Фетисов сумеет поднять партийную работу у вас в цехе, обеспечит партийный контроль над производством и внесет с собою свежую струю в вашу организацию.
Молча проголосовали: оставить кандидатуру в спи-ске на тайное голосование.
Под рукоплескания прошли кандидатуры Клементь-ева, Карцевой, Воловика. Обсуждения не было, собра-ние дружно кричало:
— Знаем, знаем!
Так же дружно приняли кандидатуру Воробьева, но тут встала Анна Карцева и попросила слова.
— Отвод? — удивился председатель.
Аня, не отвечая, вышла на трибуну. Лицо ее горело.

— Я все собрание думала: выступить или не высту-пить? — звучно сказала она. — И решила, что молчать нечестно. Скажу, что думаю, а ваше дело — решать. Я поддерживаю кандидатуру Якова Воробьева, но ду-маю о нем не только как о хорошем члене партийного бюро, но и как о хорошем секретаре партийной органи-зации!
По собранию прошло движение. Не было ни одного возгласа, но тем выразительнее было это молчаливое, напряженное движение.
— Мы познакомились с товарищем Фетисовым, и он, кажется, всем нам понравился. Но сколько времени пройдет, пока он ознакомится со всеми особенностями нашего цеха? А ведь нам с завтрашнего дня работать во всю силу, если мы хотим дать досрочно четыре тур-бины. Здесь говорилось, что новый человек сумеет вне-сти свежую струю. Но это, по-моему, недоверие к нашей организации. Свежая струя нужна там, где есть стоячая вода или болото.
Снова прошло по собранию движение, на этот раз движение явного и безусловного одобрения.
— Я не думаю, чтобы новый человек сумел помочь цеху лучше, чем товарищ, прекрасно знающий и положе-ние, и людей, и задачи каждого участка. Вы посмотрите, какое творческое движение возникло в цехе по инициа-тиве Воробьева! Это же неисчерпаемый родник! Кто же сумеет направить этот родник лучше того человека, что вызвал его наружу?
Ей ответил гул одобрения.
— Я предлагаю, товарищи, избрать в партбюро, а затем секретарем его, Якова Воробьева, коммуниста-фронтовика, нашего лучшего партгрупорга, рабочего-интеллигента новой формации. Это тоже будет свежая струя, но свежая и сильная струя нашей собственной реки, которую я считаю полноценной и полноводной!
Она сошла в зал под гром рукоплесканий. Ефим Кузьмич возмущенно проворчал:
— Расписала-то как! Послушать, так лучше его не найдешь во всей партии!
Но не выступил.
Диденко, менявшийся в лице от волнения во время речи Карцевой, стремительно вскочил. Ему пришлось оправдываться, что он совсем не имел в виду стоячей воды или болота, а слова насчет свежей струи употре-бил в том смысле, что...
— Зачем спорить, Николай Гаврилович? — перебил Раскатов. — Разберутся коммунисты! Народ сознатель-ный. Собрание показало, что организация у вас боевая и очень сильная. Важен только опыт партийной работы, а у Фетисова есть этот опыт, причем опыт передовой партийной организации передового цеха, которая, в частности, очень много делает для того, чтоб инструмент поступал к вам бесперебойно.
— А почему они инициативу Воловика столько вре-мени глушили? — крикнул Женя Никитин, и по собра-нию прошли шум, смех, веселые восклицания... Всех охватил азарт.
— Решайте, товарищи, — сказал Раскатов, чувствуя общее возбуждение. — Ошибаться нам некогда. Так что думайте и решайте сами. Ни райком, ни партком вам ничего не навязывают.
Следующей обсуждалась кандидатура Любимова. Собрание закричало: «Знаем, знаем!» — и благодушно проголосовало за оставление кандидатуры в списке, только несколько голосов напомнили:
— Критику учтите, Георгий Семенович!
Фамилию Полозова встретили горячо. Ефим Кузь-мич высказал было сомнение, надо ли вводить в бюро и начальника цеха и заместителя, но в общем гуле вы-делился голос Кати Смолкиной:
— А мы не заместителя выбираем, а коммуниста!
Зато позднее, когда обсуждалась кандидатура Гаршина, несколько голосов запротестовало:
— Еще начальство? Это уж не партбюро будет, а оперативное совещание!
Гаршин попросил снять его кандидатуру, но те же голоса ответили:
— Ну вот, на собрании отмолчался, а тут выскочил!
— Зачем снимать? Голосование покажет!
Обсуждение заканчивалось, когда поднялся Ефим Кузьмич, потемневший, суровый и как будто постарев-ший.
— Я не сделал самоотвода вовремя, — тихо сказал он. — Но я вас прошу, товарищи, уважить мою просьбу и снять мою кандидатуру из списка. Очень прошу. Устал я. И в новом бюро работать не могу. И не буду.
— Ну вот! — совсем расстроившись, воскликнул Ди-денко. — Ведь мы же договорились, Ефим Кузьмич.

— Нет, нет, не могу. И не выбирайте, — упрямо ска-зал Ефим Кузьмич и сел.
Собрание молчало. Не хотелось отпускать старика из партбюро, но и не посчитаться с такой настойчивой просьбой трудно. Конечно, устал он... Только почему он надумал самоотвод к концу обсуждения, после выступ-ления Карцевой? Обиделся? По-стариковски рассер-дился? Неохотно, с воркотней, небольшим перевесом голосов коммунисты решили «уважить» просьбу своего старей-шего товарища.
Наступил момент голосования. Раскрыв партийные билеты, члены партии потянулись к столу счетной ко-миссии. Получив бюллетени, отходили в сторону, еще раз продумывали список, вычеркивали фамилии тех, кого не хотели избирать, потом опускали листки в узкую щель ящика.
Досадуя в душе, что не имеет права голосовать, Ни-колай старался по лицам голосующих понять, кого они вычеркнули и кого оставили.
Любимов и Полозов, опустив бюллетени, вместе уш-ли в цех проверить работу вечерней смены. Воробьев тоже пошел в цех, чтобы скоротать время и рассеять волнение. На сдвинутых в сторону столах появились шашки и шахматы. Кое-кто дремал, привалившись к стенке. Гаршин с веселой компанией стоял у окна в волнах табачного дыма и что-то рассказывал; оттуда то и дело доносился хохот.
Раскатов прохаживался по залу, задерживался то у одной группы, то у другой, охотно шутил в противопо-ложность Диденко, который был явно расстроен и зол.
Николай Пакулин стоял у выхода на лестницу, ожи-дая появления счетной комиссии. Он мысленно уже давно и очень точно проголосовал, и теперь его лихора-дило от нетерпения: так ли решит собрание?
Услыхав на лестнице голос Бабинкова — неизменно-го председателя счетных комиссий при любых цеховых выборах, — Николай бросился в столовую с криком:
— Идут! Идут!
Коммунисты мгновенно и почти бесшумно расселись по местам. Кто-то громко вздохнул, когда Бабинков особым, как говорили в цехе — «парламентским» тоном читал вводную часть протокола.
— Преамбула, — пошутил Гаршин, стараясь выгля-деть равнодушным.
— Объявляю результаты голосования!
Бабинков запнулся, поглядел в сторону Фетисова и Диденко и торжественным голосом прочитал:
— Фетисов — двадцать пять голосов; Карцева — сто пять, Воловик — сто десять, Воробьев — сто пять; Любимов — семьдесят восемь, Полозов — сто три, Ни-китин — сто десять, Гаршин — двадцать пять, Смолкина — сто десять. .
Любимов, весь красный, прыгающими пальцами мял папиросу. Диденко вскочил, снова сел, быстро загово-рил, пригнувшись к Фетисову. На Фетисова все стара-лись не смотреть — он крепился изо всех сил, и всем было жалко его, потому что человек ни в чем не вино-ват. А Бабинков торжественно продолжал:
— Таким образом, по большинству голосов оказались избранными в партийное бюро: Воловик — сто десять, Никитин — сто десять, Смолкина — сто десять, Воробьев — сто пять, Карцева — сто пять, Полозов — сто три, Любимов — семьдесят восемь.
Ефим Кузьмич встал — высокий, прямой, нахмурен-ный, надел шапку, застегнул на все пуговицы пальто и медленно прошел через зал к выходу.
Воробьев проводил его растерянным взглядом. Чутье подсказывало ему, что Ефим Кузьмич резко и как-то вдруг рассердился на него. И он не мог понять, за что. Недоволен, что провалили Фетисова? Что выбрали Во-робьева? Но ведь он-то, Воробьев, ни при чем, он-то этого не добивался, выступление Карцевой его самого ошеломило!
Раскатов говорил расстроенному Диденко:
— Что ж, Николай Гаврилович, век живи — век учись. Промеж начальства обговорили, а на люди вы-шли — и оконфузились. Тебе-то ничего, наука. А Фети-сову за что страдать?
Аня Карцева, отстраняя толпившихся вокруг нее лю-дей, подошла к ним и не без лукавства спросила:
— Сердитесь на меня?
Она торжествовала победу и не пыталась скрыть это. Диденко буркнул:
— Раньше бы спросила.

А Раскатов слегка обнял ее за плечи и повел к Во-робьеву:
— Ну, голубчики, теперь держитесь.

13

Вечерело. Уже приближалось время белых ночей, и с каждым днем все позже темнело, уличные фонари ви-сели в туманном полусвете, ничего не освещая.
Движение около завода затихло, — редко когда вый-дет из проходной запоздавший работник. Дневная сме-на разошлась, вечерняя давно работает. Не слышно больше ни торопливых шагов, ни дружеской переклич-ки возле учебного комбината: во всех его окнах горит свет, и с улицы можно увидеть ряды голов, склоненных над конспектами, юношу, пишущего мелом на доске...
В этот час движение перемещается к Дому культуры — со всех сторон группки, пары и одиночки спешат к его освещенному подъезду.
Тихим переулком, взявшись под руки, шли туда две девушки, две подружки. Сперва торопливо — ведь скоро семь! — а потом все медленней, потому что возник разго-вор, который жалко оборвать.
— И что же он?
— Понимаешь, улыбается, смотрит... При встрече скажет: «Здравствуй, Валечка!» или: «Здравствуй, кра-савица!» — и все…
— Валя! Про него говорят, что он... ну, очень легко-мысленный...
— Это неправда! Он просто красивый и веселый, про таких всегда говорят. И потом, Ксана, я все равно никого другого... ну, вот что хочешь пусть говорят!..
Ксана тихо сказала:
— Я думала, так только в романах бывает.
Слова подруги придавали особую значительность Валиным переживаниям, и Валя спросила с невольной снисходительностью:
— А у тебя, Ксана... ничего?
Ксана покачала головой, вздохнула и вдруг реши-тельно сказала:
— А я вот что думаю, Валя. Если бы я полюбила, как ты... Я бы сама ему сказала. Взяла бы и сказала.
— С ума сошла! Что ты, Ксанка!
— Сказала бы.
Засмеялась:
— Ой, мне, наверно, нельзя влюбляться! Глупостей наделаю. Но все равно, маяться не стала бы.
И она подтолкнула Валю, указывая на высокую фи-гуру, бродившую возле Дома культуры:
— Смотри, твоя тень тут как тут.
Валя небрежно ответила на поклон, но в раздевалке позволила Аркадию сдать свое пальто и ботинки.
— Ксаночка, пока! — крикнула она. — Мы удерем с репетиции послушать, когда актриса выступать будет!
На стене висела большая афиша: «Молодежный ве-чер инструментальщиков! В гостях знатные люди, быв-шие работники цеха».
Возле афиши стоял Николай Пакулин:
— Здравствуй, Ксана.
— Здравствуй, Коля.
— Мне очень хочется на ваш вечер.
— Так пойдем, проведу.
У входа в зал Ксану сразу окружили ее комсомоль-цы. Николай стоял в сторонке и прислушивался — кому-то не хватило билета, за дважды лауреатом послали машину, но второпях не дали шоферу адреса, чтобы прихватил актрису... Музыканты согласны играть тан-цы только до двенадцати, а не до часу...

У контроля началась толкотня: молодежь из других цехов пыталась прорваться в зал, а ее не пускали.
— Что ж, вы своих знатных людей для себя бере-жете? — кричала какая-то девушка стоявшему на конт-роле комсомольцу.
Комсомолец загораживал руками дверь и укоризнен-но отвечал:
— Нелепая постановка вопроса. Очень нелепая.
Николай ждал, что Ксана вот-вот освободится и, быть может, хоть на минутку подойдет к нему. Но Кса-на прошла мимо, чем-то озабоченная.
Николай смотрел, как она появилась в президиуме, шепотом отдавая последние распоряжения своим по-мощникам. Да как он мог ждать, что она подойдет, что она вспомнит о нем! Что он ей? Она была мила с ним в тот вечер, после митинга… и там, среди березок... Так ведь потом она убедилась, что он просто дурак, не умеющий связать двух слов!
А по лестнице все еще толпой шла молодежь, у ве-шалок образовались очереди, возле зеркал теснились девушки, поправляя прически.
В этой веселой суете, сильнее обычного сутулясь и стараясь ни на кого не смотреть, стоял Александр Во-ловик, нагруженный двумя пальто — своим и Асиным — и двумя парами галош. Рядом с ним стояла Ася, держа в руках его шапку, свою шляпу и два шарфа. Очень то-ненькая в черном платье, взволнованная тем, что впервые после своего несчастья вышла на люди, Ася робко огля-дывалась и жалась к мужу.
На них налетел распорядитель с красной повязкой на рукаве.
— Зачем же вы стали в очередь, Александр Василь-евич? — возмутился он и, подхватив пальто, протиснул-ся, к барьеру гардероба. — А ну, пропустите, ребята, знатного гостя нашего цеха!
— Да ты что, Павка! — краснея забормотал Воло-вик. — Невесть что болтаешь, честное слово...
Но Павка был неумолим:
— Асенька, давайте шапки. А галоши где? И почему это не знатный гость? Оттого, что свой? Так у нас все свои. Пошли, Александр Васильевич, прямо в президи-ум, а вас, Асенька, в первом ряду посадим.
И Павка заспешил наверх, где уже звенел звонок, а за ним шли порозовевшая от гордости Ася и вконец смущенный Воловик. Ася подтолкнула его, указывая на афишу. Она сразу приметила среди лауреатов и ге-роев его имя: «Изобретатель А. В. Воловик». Он еще гуще покраснел. Конечно, это преувеличение, свои ребя-та постарались, но все равно: то, что происходило с ним последние дни, было похоже на сон. Фотографии в газете, премия, благодарность, всюду выбирают в пре-зидиум, и вот сегодня...
Звонок звенел все настойчивей. Запоздавшие уже бегом бежали по лестнице, в раздевалке стало пусто. Только один человек неторопливо снял пальто, рассеян-но сунул в рукав шапку, которая тотчас же и вывали-лась оттуда, стал стягивать галошу, воюя с неподатли-вым задником и думая о чем-то своем.
— Николай Гаврилович, шапку обронили, — сказал гардеробщик, перевешиваясь через барьер и пытаясь дотянуться до шапки, лежавшей на затоптанном полу.
Диденко подхватил шапку, подал ее гардеробщику и пошел, так и оставив галоши там, где снял их. Гарде-робщик вышел из-за барьера за галошами и удивленно посмотрел вслед Диденко: что это с ним?
А Диденко постоял в нерешительности на лестнице и не пошел в зал, а побрел по коридорам, прислуши-ваясь к звукам клубной жизни, доносящимся из-за две-рей. Тут настраивают инструменты, там хор послушно повторяет одну и ту же музыкальную фразу, где-то сме-ются, откуда-то доносится обрывок плавно развиваемой мысли: «...и вот мы видим, что мельчайшие частицы материи...»
Он и сам не знал, зачем он тут ходит. Ксана Белковская настойчиво приглашала на молодежный вечер, и он обещал зайти, потому что хотелось повидать дваж-ды лауреата и доктора технических наук Петрова — они вместе кончали фабзавуч много лет назад, — и хотелось поглядеть на бывшую табельщицу Зину Воронцо-ву, теперь заслуженную артистку. Всего этого ему хо-телось вчера, сегодня такого желания не было, но около семи он охотно ушел с завода, потому что не любил ра-ботать в плохом настроении.
А сегодня — ну что хочешь делай! — с самого утра все пошло нескладно и, как нарочно, напоминало о том, что было бы приятней забыть. Началось с того, что по-звонил Раскатов: надо бы пойти на заседание партбюро турбинного цеха, помочь новому секретарю. Потом при-шлось

зайти к Немирову, с которым следовало погово-рить по поводу его вчерашнего выступления, — ведь нехо-рошо выступил, смазал ошибки Любимова, по существу поддержал его против совершенно правильной крити-ки... Но директор сам первым пошел в наступление:
— Да-а, провалились мы вчера в турбинном... Как же это мы не подготовили народ, не обеспечили под-держку Фетисову?
Он говорил «мы» точно так же, как обычно говорил Диденко, обвиняя в чем-либо директора, и говорил это подчеркнуто, с затаенной насмешкой. И еще он сказал:
— Что ж, Николай Гаврилович, теперь вам придется усиленно заниматься турбинным… а то ведь и работу завалить недолго!
Диденко сразу вызвал к себе Воробьева, но в это время приехал инструктор горкома и, конечно, заинте-ресовался перевыборами в турбинном, так что пришлось подробно рассказывать и делать выводы...
Ох, уж эти выводы! Как их легко делать, когда о других людях речь, а вот насчет себя самого... Вчера ночью, когда он пришел домой, Катя успокаивала его, как своего школяра: «Ну что ты, в самом деле, ведь плохого ничего не случилось? Выбрали стоящего?» А когда он рассердился, засмеялась, обняла: «Что ж, да-вай поскулим вместе...»
Он и Раскатову сказал сегодня:
— В чем дело? Ведь плохого ничего не случилось. Внутрипартийная демократия. Выбрали кого хотели, парень стоящий.
Раскатов ответил:
— А я очень доволен этими выборами. Но вам-то кое-какие выводы сделать следует.
— Ну хорошо, ну знаю, согласен! — раздраженно по-вторял Диденко, без цели шагая по клубному коридо-ру. — Но можно дать человеку подумать самому?
От нечего делать он заглянул в малый лекционный зал — там сидело человек шестьдесят, все начальники участков и мастера. Шла лекция по экономике произ-водства. Поскрипывали перья. Один Гусаков, обиженный тем, что его заставили на старости лет учиться, из упрямства ничего не записывал, небрежно откинувшись на спинку стула. А вот и Ефим Кузьмич... «Ох, Кузь-мич, как же это у нас с тобой получилось?»
Второй лекционный зал был погружен в полумрак, только над сценой горела лампа, и там в глубоком ко-жаном кресле сидел токарь турбинного цеха Аркадий Ступин, а Валя Зимина примостилась на ручке кресла и ласково ерошила волосы Аркадия.
Режиссер сидел поодаль от них верхом на стуле, опираясь локтями на его спинку. Несколько юношей и девушек — очевидно, ученики драматической студии — наблюдали репетицию из зала.
Диденко тихо вошел в полутемный зал и присел у входа.
— ...для меня такое счастье, — не своим, напряжен-ным голосом говорил Аркадий, — что ты можешь нако-нец не стенографировать, не писать на машинке, что ты можешь привыкать быть просто хозяйкой этого дома. Хозяйкой — и все.
— Ступин! — удрученно прервал режиссер. — Как вы говорите это? Ведь рядом с вами сидит любимая жен-щина, жена! Может быть, очень скоро ваше счастье рухнет, и вы это знаете, но сейчас вам хорошо, она хо-зяйка вашего дома. Ну, повторите сначала!
Диденко смотрел, как ежится Аркадий под ласковой рукой Вали, слушал, как он старательно и неестествен-но произносит текст. Молодость! Сейчас ему кажется, что нет ничего важнее того, хорошо или плохо произно-сит он эти слова. Или того, что думает о нем Валя.
«Вот бы мне так, без этого груза ответственности, без ошибок и «выводов»... А впрочем, вздор. Разве в молодости нет чувства ответственности? Мы ж чувство-вали себя в ответе за весь мир, мы ж за мировую рево-люцию отвечали! Наверно, и Аркадий, а уж во всяком случае Валя — они чувствуют, что этот их спектакль об Америке — удар по империализму, по поджигателям войны. У нас это было иначе, но суть-то та же!.. Жи-вые газеты. Синеблузники. Зинка играла тогда в одном номере и Чемберлена, и Пуанкаре-войну, и еще кого-то. Здорово у нее получалось! Сунет в глаз монокль, а в угол рта сигару, оттопырит губу, вздернет одно плечо, и пожалуйста — Чемберлен! Потом угодливо согнется, растянет губы в елейную улыбочку — социал-предатель! Как ей хлопали, как ее вызывали! А она выбежит на сцену, все еще во фраке и узких брючках, улыбнется своей собственной улыбкой — и вот она, Зинка, своя, заставская озорница!

...А с Воробьевым сегодня не вышел разговор. Не было подъема, увлечения, вот и не сумел новому пар-тийному работнику рассказать о сущности партийной ра-боты так, как умел рассказывать обычно, чтоб до серд-ца пробрало... Что думает обо мне Воробьев? Вчераш-няя история, конечно, моего авторитета не подняла. И надо же было мне, дураку, разобидеться, надуться на глазах у целой организации и уйти, даже не попрощав-шись. Ох, нехорошо!
Нежный женский голос вдруг сказал: — Ты ничего не понимаешь…
Диденко вздрогнул от неожиданности, но тут же усмехнулся: это режиссер кончил терзать Аркадия Сту-пина, и в строй вступила Валя со своей репликой. Однако какой у нее славный голос, и вообще как у нее мило и естественно выходит — не то что у Аркадия! А может, потому у него и не выходит, что она ерошит его волосы? Интересно наблюдать, как завязываются и развиваются все эти романы, ссоры, свадьбы, — сколько их уже про-шло на глазах!
А Воробьева я даже не спросил, есть ли у него семья... Ни о чем толком не расспросил, бубнил что-то элементарное. Не мог преодолеть досады? Нет, не то. Удивил он меня. Где мои глаза были раньше, что не заметил? И Ефим Кузьмич что-то невразумительное го-ворил про него, вроде и ничего парень, вроде и не очень хорош. Как это он не разобрался?..
Диденко снова и снова припоминал утренний разго-вор. Воробьев вошел застенчиво, с блокнотом в руке, — казалось, начнет записывать каждое слово, как школьник. Поначалу так и вышло: раскрыл наполовину испи-санный блокнот и признался, что вчера же после собра-ния бегал советоваться с приятелями — цеховыми партсекретарями...
Как ни был раздражен Диденко, он одобрил парня: не знает, как справиться, так хоть не стыдится спраши-вать.
— С кем советовался?
— С ребятами из второго механического и из цеха металлоконструкций.
— Секретари хорошие, — сказал Диденко, подумав про себя, что эти «ребята» работают на партийной ра-боте по многу лет, так что Воробьеву с ними тягаться трудно. — Только ты учти, друг, цеха у них благополуч-ные, налаженные, а у вас — обстановочка...
И вот тут-то Воробьев, отложив блокнот, поднял на Диденко ясные глаза и сказал:
— Так надо менять обстановку. Я думаю, с этого и начинать?
Блокнот остался лежать на столе, а Воробьев гово-рил свободно и мысли высказывал четкие, без обиняков. Он был не прочь прислушаться к советам Диденко, но Диденко уловил, что у парня обо всем есть свое мнение, иногда неожиданное.
— Ведь у нас что получилось? Три руководителя в цехе, — говорил Воробьев с усмешкой. — Любимов — тот вроде министра иностранных дел. Полозов для внут-ренних сношений. А где пожарная команда нужна, там Гаршин: спасай, братцы, горим! Грому на весь завод. Так ведь по крыловской басне выходит? Лебедь, рак да щука!
— Рак — это Любимов, что ли?
— Да нет, в жизни оно сложней, — ответил Воробь-ев. — Вот с турбинами. Копни Любимова поглубже — у него взгляд определенный: три турбины к октябрю, больше не выполнить. Но ему хвост прищемили, он со-гласился, что надо четыре, — против народа не попрешь. А выдюжить такое дело ему не под силу. И на это у него Полозов. Послушаешь — они не ладят. А вам каждый стахановец скажет: Любимов доволен, что у него замом Полозов, и без него не остался бы в цехе.
Диденко подскочил от удивления:
— Почему?!
— А потому что выгодно. Полозов нажимает, он парень горячий, ответственности не боится, лишь бы не мешали. Вытянет он четыре турбины досрочно — все равно Любимову честь и слава, он же начальник! Не вытянет — «Я же говорил!». А тут еще на Полозова сва-лить можно — суетился, мол, коллективное творчество развивал, а дело-то завалил!
Диденко с острым интересом ждал, какой же план действий наметил этот ухватистый парень. Критиковать-то проще...
Но и тут у Воробьева наметка была четкая — оргтехплан, расстановка сил коммунистов на главных на-правлениях, планирование всех четырех турбин сразу.
Диденко слущал его и думал: «Ничего не скажешь, стоящий парень, готовый партийный работник!» Но ко-гда от главных задач партбюро перешли к самым про-стым делам, у Воробьева вдруг пропала решительность. Он боялся протоколов и вообще всего партийного

хо-зяйства, сбор членских взносов приводил его в смяте-ние, он робко выспрашивал, как вести ведомости, куда сдавать протоколы, и тщательно записывал каждое указание.
Взрыв смеха в зале вывел Диденко из задумчивости. Сразу и не понять было, что случилось на сцене, Арка-дий сидел весь красный, Валя возмушенно выпрямилась.
— А как же еще? — оскорбленно спросила она.
— Ну, Валечка, я не могу учить девушку, как цело-вать любимого человека, — сказал режиссер. — Но так, как вы это делаете, можно целовать только свою тетю.
Студийцы, сидевшие в зале, снова засмеялись, и Ди-денко засмеялся. Аркадий сжал кулаки — вот-вот поле-зет в драку.
Но в эту минуту чья-то голова просунулась в дверь:
— Ребята, сейчас Воронцова выступать будет!
И все студийцы, сколько их было тут, помчались к выходу.
Когда Диденко вошел в переполненный главный зал, возле стола, покрытого красным сукном, стояла осани-стая женщина в черном шелковом платье с ниткой ярких бус на шее. Лицо было красивое, красивей, чем в молодости, но чужое, совсем не Зинкино. Голос — то-же не Зинкин, а серьезный и в каждой интонации поло-жительный. Говорила Воронцова негромко, но так от-четливо и умело, что каждое словечко долетало до по-следних скамеек:
— Трудно для актера, что один эпизод дробится иногда на пять-шесть киносъемок, а то и больше, а меж-ду съемками проходят недели! И каждый раз нужно возобновлять съемку в том же состоянии, в той же самой тональности. Вот недавно я снималась в таком эпизоде: я бегу по полю в деревню сообщить очень волну-ющую новость. Первая съемка была летом в поле. Я бе-гу, бегу... — она изобразила как она бежала запы-хавшись, желая добежать раньше всех, и в ее мгновен-но преобразившемся лице возродилась прежняя Зинка, отчаянная и порывистая заставская девчонка.
После ее выступления Диденко прошел на сцену, и Зина Воронцова вскрикнула, увидав его, широко разве-ла руки и на глазах всего зала пошла к нему:
— Коля Диденко! Настоящий, всамделишный. Коль-ка Диденок!
Обняла его, расцеловала, отстранилась, чтобы разгля-деть его, снова поцеловала в обе щеки, потом вынула платочек и стерла с его щек следы губной помады.
— Диденок! — повторяла она, восторженно огляды-ваясь на окружающих, чтобы все оценили прелесть этой встречи давних друзей. — Ну, пойдем, побродим где-ни-будь и поговорим, я же тебя тысячу лет не видела!
Они пошли по пустынным гостиным, — только кое-где в углах сидели парочки. Зина локтем подтолкнула Ди-денко:
— А этим и знатные люди неинтересны сегодня, и на меня им наплевать — играет, ну и пусть играет, да? И мы когда-то такими были... А как ты меня нахо-дишь? — требовательно спросила она.
Ей хотелось все осмотреть, она тянула его из комна-ты в комнату и всем восторгалась:
— Хорошо здесь стало... А ты помнишь, как он строился, этот наш дворец? Воскресники, субботники, кирпичи таскали... а?
— А ты помнишь, как мы плясали на открытии?
— А помнишь, мы ставили инсценировку какую-то, и героя убивали, а я рыдала над трупом, а потом вскакивала с красным знаменем и произносила пламенную речь? А ты ведал осветительной частью и запустил та-кие световые эффекты, что я все время была то вся крас-ная, то зеленая, то лиловая.
— И ты ужасно злилась, потому что считала, что лиловое тебе не к лицу!..
Выступления, видимо, кончились, в гостиные хлыну-ла молодежь, и сразу потянуло холодом, — в зале откры-ли окна.
— Дует, — сказала Зина, поеживаясь. — Пойдем в уголок, я боюсь простудить горло…
— Ну, а теперь рассказывай, — сказал Диденко, уса-див ее в сторонке, где не было сквозняка. — Как ты жи-вешь? Работается хорошо?
— Всякое бывает: и хорошо и плохо, — с чувством ответила Зина и начала рассказывать, поглядывая на молодежь, которая усердно ходила мимо, чтобы рас-смотреть актрису.
Диденко слушал, то и дело отвечая на поклоны. Вот прошел Николай Пакулин: с чего это он забрел к ин-струментальщикам, и почему один, и почему у него та-кой грустный вид? Вдали мелькнула Ксана Белковская с дважды лауреатом Петровым, — старательно занимает

разговором почетного гостя. Прошел Евстигнеев с сек-ретарем партбюро. А Фетисова нет? Фетисов!.. Диденко даже охнул от злости на самого себя — подвел челове-ка, а сегодня и не вспомнил, не вызвал, не поговорил...
— Ты какой-то смутный, Диденок. Или мне кажет-ся?
— Нет, Зина, не кажется. Ты извини.
— А что такое?
— Да, в общем, ничего особенного... Как бы тебе объяснить? Знаешь, в нашей работе…
— Да чего там «как бы объяснить»! — передразнила она, — Что я, партийной работы не понимаю? Ты со мной не шути: три состава — член партбюро, и секре-тарем была, еле отпросилась. И притом в театре, это го-раздо сложней, чем на заводе. Творческий коллектив, самолюбия и все прочее. Так что можешь говорить без переводчика!
Он рассмеялся — и как-то сразу стало легче.
— Значит, ты знаешь, нам по штату положено заме-чать да выправлять чужие грехи. Ну, а когда сам?
Зина широко улыбнулась:
— Так мы ж не боги! Сверху или снизу — поправят!
— Вот именно, сверху и снизу, — проворчал Диден-ко. — Не знаю, может, это в вашем особо сложном твор-ческом коллективе считается легким, когда и сверху и снизу...

14

История с автоматическим регулятором неожиданно разрослась в проблему, захватившую все помыслы ди-ректора. Немиров видел недоумение Диденко: директор-ское ли это дело? На то есть конструкторы, главный ин-женер, ученые консультанты... Да и ошибка ведь най-дена?
Ошибка была найдена. Приехав прямо к Котельникову, профессор Карелин заперся с ним вдвоем и быстро развеял невольную обиду конструктора, заставил рас-сказать весь ход поисков, а затем пошел в цех. Работ-никам стенда понравилась дотошность ученого. Он всех расспрашивал, выслушивал любое мнение; потом, присев на корточки возле разобранного регулятора, стал разглядывать некоторые его детали. Старейшего ма-стера сборки Перфильева он попросил рассказать, какие приключались недоразумения с регуляторами. Перфиль-ев старательно припомнил все, что случалось на его веку, и забрался было в такие давние времена, что профессор засмеялся:
— Ну, тогда!.. Мы-то с вами тогда уже были, а вот современного регулирования не было! Это давайте от-ставим.
Вернувшись в конструкторское бюро, профессор дол-го мыл руки, напомнив Котельникову врача перед опе-рацией, и задумчиво сказал:
— Кажется мне, что дело в золотниках. Значения моим словам пока не придавайте. Это, если хотите, ин-туиция. Или первая рабочая гипотеза. Знаете: если со-поставить все истории, которые припомнил этот стари-кан... Впрочем, гадать не будем.
Назавтра он приехал с двумя своими аспирантами и подверг всю конструкцию и все расчеты анализу, в ко-тором как будто и места не было первоначальной до-гадке. Конструкторы помогали чем могли, углубясь в сложнейшие теоретические дебри. Прошла неделя на-пряженного труда, и ошибка была найдена — неудач-ная конструкция «окон» золотника.
Григорий Петрович горячо благодарил профессора и, как был, без пальто, проводил его до машины. Он при-ятно удивился, когда дня через два снова увидел Каре-лина, бодро шагающего через двор по направлению к конструкторскому бюро. Еще через два дня Григорию Петровичу понадобился Котельников, но оказалось, что Котельников поехал в институт, к профессору Карелину, делать какое-то сообщение на кафедре.
Тем временем исправленные чертежи были спущены в цех, золотники изготовлены, регулятор собран и испы-тан. На испытании Григорий Петрович снова увидел профессора. В спецовке и старых, вздувшихся на коле-нях брюках, Карелин оживленно переговаривался с Котельниковым и стариком Перфильевым.

Григорий Петрович подошел поздороваться. Про-фессор, как заправский металлист, подобрал к ладони замасленные пальцы и подставил для пожатия запястье.
— Блестяще работает? — спросил Григорий Петро-вич, с нежностью оглядывая регулятор, доставивший столько мучений.
— Кто? — невпопад переспросил профессор, тут же понял, улыбнулся и пробормотал: — Да, ничего, хорошо.
Он ушел с Котельниковым, не дождавшись конца испытаний.
Регулятор установили на место.
Григорий Петрович не мог нарадоваться, сборщики работали с праздничными лицами, да и все рабочие цеха, проходя мимо стенда, неизменно задерживали взгляд на затейливой надстройке, на сверкающих колон-ках «минаретов», — стоят!
А вечером главный инженер зашел в кабинет дирек-тора и утомленно сказал, как бы продолжая разговор:
— Обидно все-таки, что додумались так поздно и первоклассная машина пойдет с несовершенным регули-рованием.
— Да вы что, Дмитрий Иванович?!
В кабинете было по-вечернему сумрачно. Григорий Петрович включил свет, чтобы разглядеть лицо Алексе-ева. Алексеев сощурился и упрямо повторил:
— Да, отсталое, несовершенное регулирование на машине-красавице! Очень обидно!
— Позвольте! Общепризнано, что более совершен-ных машин ни у нас, ни за границей нет. Проект вы-звал не только одобрение, но и восхищение... Была промашка с этими «окнами», но ее исправили... Про-фессор Карелин — самый крупный специалист в этих вопросах...
— Да, — подтвердил Алексеев. — Именно в содруже-стве с ним Котельников разработал совсем новую схему регулирования. Схему более простую и красивую, более прогрессивную и безотказную!
Он подождал вопросов, не дождался, и сказал с не-обычной для него твердостью:
— На следующих трех машинах придется регулятор ставить новый.
— Но предварительное испытание прошло блестя-ще! — воскликнул Немиров, защищаясь от нового ос-ложнения. — Да что они, шутки со мною шутят?
Алексеев вздохнул и промолчал.
— Вы познакомились с этой их... выдумкой?..
— Да! — сразу оживился Алексеев. — Да, Григорий Петрович! И что же будешь делать, когда техническая мысль не стоит на месте! Новая схема оригинальна и проста, как все гениальное.
— Уж и гениальное! — проворчал Немиров и, как-то странно посмотрев на Алексеева, рассеянно сказал: — Ну ладно, об этом успеем.
Он начал складывать и убирать в ящики стола на-копившиеся за день бумаги, привычной возней смиряя волнение.
Алексеев неподвижно сидел в кресле, грузный, об-мякший, давая отдых всему своему большому телу, раз выпала нечаянная минутка. Ему не нужно было ни спо-рить, ни выслушивать возражения или сомнения. Он понимал и жесткую неумолимость сроков, и рискован-ность переделки «на ходу» одного из ответственнейших узлов машины, и материальные осложнения... Все, что мог возразить директор, Алексеев уже сказал себе прежде, чем прийти сюда.
— Черт возьми, мы не опытная лаборатория, не научно-исследовательский институт, а завод! — с раздражением сказал Немиров, захлопывая ящики, и вскочил с юношеской легкостью: — А в общем, утро ве-чера мудренее!
Выйдя во двор, в полумрак тихого, непривычно теп-лого весеннего вечера, он увидел освещенные окна кон-структорского бюро и свернул на приветливый огонек.
Небольшой дом, окруженный молодыми деревцами, стоял в конце главной внутризаводской аллеи, протянувшейся на добрый километр. Глаз издали при-мечал белые матовые плафоны и зеленые колпачки на-стольных ламп. От домика веяло сосредоточенной тишиной, которую подчеркивала грохочущая неподалеку жизнь производственных корпусов.
«А ведь одного от другого уже не отделишь», — ска-зал себе Немиров, и завод представился ему не таким, каким он ощущал его обычно — хорошо изученным, до конца понятным производством, — нет, сейчас он пред-ставился вечно меняющимся и движущимся, насыщен-ным огромной внутренней работой обновления и роста.

Внезапная мысль, мелькнувшая еще во время раз-говора с Алексеевым, вернулась и заставила Немирова замедлить шаги. Жизнь все время вмешивается, пону-кает, и с прежними соображениями хозяйственника не проживешь — куда там! Был у недальновидных дирек-торов такой идеал — хорошо освоенная продукция неиз-менного типа... А сейчас и не заговоришь об этом: засмеют! Выпускаешь великолепные машины, да еще в этакие сроки, — и все равно: тянись выше, совершен-ствуй... Пусть над тобой висит план, себестоимость... ан нет, выкручивайся и умей делать так, чтоб и одно и другое совместить! Черт возьми, этот злосчастный регулятор вдруг поднял кучу вопросов. Где-то они на-зревали, беспокоили, а тут все сразу вылезли наружу. Формула ясна — технический прогресс. И суть проста: было три центра — наука, конструкторы, производство. Сблизились, сцепились, требовательно воздействуют друг на друга. Складывается новая традиция. Слово для нее найдено теплое, радостное — содружество. И ты, директор, со своими промфинпланами, лимитами, обяза-тельствами, сроками, никуда от этого не денешься.
Он остановился один на полутемной аллее и сам себе до конца уяснил: весь смысл содружества в том, чтобы время между рождением новой идеи и ее вопло-щением в металле сократить. «Значит, моя задача — сделать так, чтобы оно сокращалось максимально быстро. Чтобы весь путь технического прогресса — от каби-нета ученого до станка рабочего — был упрощен и об-легчен».
— Так, так, — пробормотал он и тут же вздохнул: — Это прекрасно, но попробуй-ка не сдать турбины в срок!
Как он и ожидал, все работники, занимающиеся ре-гулятором, были на местах. На подоконнике лежали свёртки с булками и разной снедью — верный признак того, что люди приготовились к ночному бдению. А в кабинете рядом с Котельниковым сидел Карелин. Белый ежик профессора и густые, спутанные волосы главного конструктора дружно склонились над чертежом.
Обе головы разом поднялись, две пары глаз выжида-тельно уставились на вошедшего.
— Ну, рассказывайте, что вы тут надумали, «все вверх дном», — сказал Немиров, мимоходом сжал руку профессора и подсел к чертежу. — Только терминологи-ей не оглушайте, я в регулировании не специалист.
Признание далось ему нелегко, он не любил показы-вать, что знает что-либо хуже других. Но сейчас ему было необходимо подробное и понятное объяснение су-щества нового проекта, иначе — как принимать реше-ние? Можно созвать технический совет и авторитетно руководить заседанием, нащупывая в разноголосице мнений наиболее здравую точку зрения. Но разве это заменит собственную убежденность, вот это алексеевское «оригинально и просто, как все гениальное»?
Котельников затребовал старую схему, приколол ее рядом с новой. Он объяснял толково и строго, будто читал лекцию, и только порой горячая интонация, не соответствовавшая сухости технических понятий, выда-вала его влюбленность в новый проект.
Немиров слушал и вглядывался в лежавшие перед ним схемы, стараясь уловить преимущества нового ре-гулятора. Но он слишком плохо разбирался в технике регулирования, чтобы понять это. Зато опытный глаз инженера приметил внешнее изменение многих деталей.
— Интересно, — скупо одобрил он, дослушав объяс-нения, и спросил, насколько значительны будут пере-мены в деталях, могут ли быть использованы уже изго-товленные детали и уже отлитые заготовки.
— Кое-что, — осторожно ответил Котельников.
— Что ж, готовьтесь доложить на техническом сове-те. Тогда и решим.
Машина ждала у подъезда. Он сел в нее и закурил, хотя обещал Клаве не курить на свежем воздухе.
— В Дом культуры, — сказал он удивленному Косте.
Техническая библиотека была уже закрыта, но ему удалось перехватить у выхода библиотекаршу. Сухонь-кая женщина с гладко зачесанными седыми волосами без возражений взяла у вахтера ключ, открыла библио-теку и молча достала каталоги.
— Все, что у вас есть по регулированию турбин, — сказал Григорий Петрович.
— А-а! — протянула она, бросив на директора любо-пытный взгляд, и, отложив каталоги, стала перебирать читательские карточки. Вынув одну, пробежала глазами недавние записи и пошла собирать журналы и книги. Читать приходилось «вверх ногами», но Григорий Пет-рович все-таки разобрал фамилию читателя — Полозов.

— Я вижу, дорожка уже протоптана, — пошутил он, немного задетый тем, что инженер опередил его.
— Да, — откликнулась библиотекарша с верхней сту-пеньки передвижной лесенки, — в последний месяц поче-му-то большой спрос на литературу по регулированию. И, знаете, самые неожиданные люди интересуются. Ма-стер Перфильев из турбинного раньше только беллет-ристику брал, а ко мне впервые пришел, и тоже насчет регулирования.
— Ну-ка, покажите, кто именно интересуется.
Она охотно перебирала формуляры, по памяти вы-искивая нужные:
— Воробьев Яков Андреевич, — он вообще много бе-рет технической литературы. Пакулин Коля, — тот все по обработке металла читал и вдруг тоже регулирова-нием увлекся. Коршунов Иван Семеныч. Анна Михай-ловна Карцева для технического кабинета целую биб-лиотечку по регулированию взяла, на щите выставила. Да, технолог Шикин просмотрел литературы по регули-рованию почти столько же, сколько Полозов. Ну, конеч-но, Воловик с Никитиным.
— Почему «конечно»?
— О, это мои постоянные, частые гости! Они и свои собственные библиотеки собирают, советоваться прихо-дят, покупкой похвастать.
— Свои?
— Да! Воловик — тот уже давно полюбил техниче-скую книгу. А Женя Никитин — недавно, но сразу, зна-ете, пристрастился по-настоящему. Это ведь замечаешь даже без разговора, как человек книгу в руки берет.
Григорий Петрович впервые внимательно, с интере-сом посмотрел на библиотекаршу. «Вот и еще один ого-нек», — про себя сказал он, забирая солидную пачку книг и журналов.

Клава ахнула, увидав мужа с такой кучей книг:
— И это все надо прочитать?
— Ну что ты! Просмотрю, чтобы ориентироваться в вопросе.
Это было легко сказать. Но когда он раскрыл жур-нал со статьей профессора Карелина, особенно интере-совавшей его, оказалось, что он в ней многого не пони-мает, — статья была рассчитана на хорошо подготовлен-ного читателя. Заглянул в другую статью, более общего характера, но та была лишена живости и образности, свойственных стилю Карелина, и усыпляла множеством формул. Он отложил журналы. Нужно было для начала оживить в памяти выветрившиеся институтские знания и с их помощью шаг за шагом проследить, как развива-лась техническая мысль, как на смену одним методам регулирования приходили другие, а затем и те старели, заменяясь новыми.
Был момент, когда он готов был захлопнуть книги и положиться на суждения авторитетных специалистов: не мое дело, в конце концов, влезать в тонкости отдельных технических проблем!
Он вызвал к себе Любимова и в середине его докла-да спросил:
— С новой схемой регулирования познакомились?
— Познакомился, — как всегда сдержанно ответил Любимов, но в его лице появилось несвойственное ему выражение искреннего увлечения.
— Хороша?
— Очень.
— Много лучше прежней?
Любимов запнулся, видимо взвешивая, какую роль может сыграть его оценка, но восхищение новой технической идеей пересилило обычную осторожность, и он заговорил, опять-таки с несвойственной ему живостью, об оригинальной и остроумной простоте новой схемы. Технические подробности, радовавшие начальника цеха, были непонятны Немирову, но зато было понятно: раз Любимов увлечен — значит, есть чем увлечься.
— Что же, Георгий Семенович, выходит — надо ре-гулятор менять?
Любимов смолк на полуслове. Лицо его сразу по-тускнело.
— На следующей серии? Конечно, — сказал он рас-судительно. — Может быть, даже на последних двух краснознаменских, если поспеют чертежи. Что касается второй турбины, то большинство деталей регулятора уже запущено в производство. Да и нельзя же вот так, с ходу, с бухты-барахты...
— Оставить старый регулятор, когда уже есть но-вый, лучший?

— Гри-го-рий Пет-ро-вич! — с шутливой укоризной протянул Любимов. — Ведь совершенствовать можно до бесконечности! Об этом регуляторе никто еще не знает. Его могло и не быть! А турбины считались бы превос-ходными, не так ли?..
В его улыбке проскальзывала снисходительность к слишком молодому и горячему директору. Чтобы урезо-нить этого директора, Любимов весело добавил:
— Мало ли турбин мы выпустим на своем веку, Гри-горий Петрович! Успеем еще похвастаться!
А Немиров, подавив малодушное желание доверить-ся другим, в тот же день снова засел за книги. Легко ли, трудно ли, он разберется сам!
Теперь вечерами он торопился домой, к книгам, и с удовольствием замечал, что за день поспевает с делами, да и голова ясней. Вузовский учебник был отброшен, статья Карелина оказалась понятной. Чем свободнее он чувствовал себя в кругу специальных проблем, тем ин-тересней ему становилось читать и тем больше он радо-вался, что у него хватило настойчивости углубиться са-мому в эту увлекательную область техники. И чем больше он понимал, тем отчетливее припоминались ему объяснения Котельникова; он снова, по памяти, читал чертежи, только теперь все было понятно и — покоряюще просто, остроумно, ново!..
Однажды, проходя по заводскому двору, Григорий Петрович услыхал сильный, быстро нарастающий звук, похожий на рев водопада или на грохот ливня по же-лезной крыше.
— Ротор!
В специальной загородке, обнесенной металлической сеткой, на особом станке с чуткими приборами испытывался ротор — длинный вал с насаженными на него ко-лесами, ощетинившимися рядами лопаток. Это был ра-бочий организм турбины, ее богатырская мускульная сила.
Сейчас вал пришел в движение. Лопатки будто ис-чезли: стремительное вращение колес сливало их в сплошные кольца.
Григорий Петрович остановился неподалеку от сетки, рядом с Коршуновым и двумя мастерами — Клементье-вым и Гусаковым. У Коршунова, впервые после того как он запорол колесо, расправились плечи и лицо будто разгладилось под порывами ветра, поднимаемого вра-щением колес, в которые было вложено так много его труда. Пышные усы Ефима Кузьмича подрагивали на ветру, а жидкие усы Гусакова так и мотало.
Станок выключили, но ротор еще долго не мог успо-коиться, неохотно замедляя вращение. Рабочий, производивший испытание, полез на ротор и прицепил к одной из лопаток переднего колеса ма-ленький груз. Шла балансировка ротора — проверка пол-ной точности его веса по всей окружности колес.
— Сила! — почтительно сказал Ефим Кузьмич. Они впервые видели ротор такой мощи.
У Немирова зрелище этой силы вызывало ответный подъем всех душевных сил.
— Слушайте, отцы! — закуривая и давая закурить трем своим собеседникам, напрямик заговорил он. — Слыхали вы, что конструкторы недовольны регулятором? Что они разработали совсем новую схему, гораздо бо-лее прогрессивную и удобную в управлении?
— Краем уха слыхали, — ответил Ефим Кузьмич.
Гусаков ахнул:
— Неужто опять переделки будут? Вечная с ними волынка, с этими конструкторами!
— Так необязательно и соглашаться, — как можно беспечней заметил Григорий Петрович. — Первую отошлем со старым регулятором, а на других поставим новый. А то и отложим на будущее.
Старики разом повернули головы к директору, ста-раясь что-то прочитать в его лице. Коршунов стоял не-возмутимо, будто и не слушал.
Снова взревел воздух, сминаемый колесами ротора. Снова ударил в лица тугой ветер. Зрелище покоряло, но все четверо ждали, когда за-тихнет этот все покрывающий шум.
— А новая схема много лучше? — спросил Гусаков, как только шум затих.
В этом был весь вопрос. Ради того, чтобы выяснить его, Григорий Петрович сидел над книгами и журнала-ми, крепчайшим чаем разгоняя сон.
— Ну, а если много лучше? — сказал он и отвернул-ся от стариков, чтобы не торопить их с ответом.
— Я так понимаю, что вы хотите получить наше мне-ние, старых производственников, — обстоятельно начал Ефим Кузьмич. — Что таить, в цехе будет много вор-котни. Но мое мнение

такое: если эта новая штуковина много лучше старой, как мы в глаза посмотрим заказ-чику? Отправим в Краснознаменку первые две турбины. На обеих та же заводская марка. Как же так, скажут, завод прославленный, работали ленинградцы, сдали нам две машины, на одной регулирование — любо-дорого, а на другую пороху не хватило?

Все трое живо представили себе незнакомых, но очень понятных людей — тех, кто с уважением и дове-рием примет в свои заботливые руки новые турбины с отлитой на крышке заводской маркой — три буквы в середине миниатюрного рабочего колеса — «ЛКТ» — Ленинградский «Красный турбостроитель».

Должно быть, и Коршунов представил себе то же самое. Не оборачиваясь, он внятно сказал:

— Как ни трудно, а позорить завод еще хуже.

Через несколько минут Григорий Петрович взбегал по лестнице тихого домика, окруженного молодыми де-ревцами, на которых уже наметились бугорки почек.

— Добрый день, товарищи!

Конструкторы и чертежницы не успели ответить, а он уже пронесся мимо них, веселый, ворвался к Котельникову:

Ну, герой, объясняй еще раз все сначала. И с тер-минологией не стесняйся: образованный!

Было приятно и даже изумительно — глаза как бы прозрели, они свободно выхватывали из затейливых ли-ний чертежа самое главное, мозг как бы прояснился, на лету понимая каждую мысль конструктора. Схема ожила, и ее красивая простота стала наглядной. Ни слова не говоря, он схватил телефонную трубку:

— Дмитрий Иванович, срочно приходите к Котельникову!

Взял Котельникова за плечи и крепко сжал их:

— Эх ты, голова-головушка! Если бы к твоему та-ланту да еще смелости побольше!

Отпустив удивленного конструктора, он уже звонил своей секретарше:

— Немедленно ко мне, в конструкторское главного технолога, начальника производства, начальника фасоннолитейного и турбинного цехов!.. Да, из турбинного еще Полозова!

Он, смеясь, посмотрел на Котельникова:

— Чего глаза таращишь? Не понимаешь, из-за чего шум? Будем менять регулятор и на первой. На первой, Котельников, на пер-вой! Не выпущу я с завода такую турбину без достойного ее регулятора! А ты, молодец, почему не требовал? Раз понимал, что хорошо приду-мали, должен был до хрипоты спорить, а на своем на-стоять!

Котельников смотрел на директора с такой не-скрываемой восторженной любовью, что Григорий Пет-рович вдруг смутился:

— Ну-ну, настраивайтесь-ка на деловой лад, сейчас будем кумекать, как с этим делом поспеть. Новый регу-лятор потребую к началу монтажа, а первую сдадим без задержки. Не воображайте, резать себя из-за ваших идей я не собираюсь.

15

И вот он настал, долгожданный час!

После многодневных усилий, волнений и споров, пос-ле многих удач и побед, которых долго добивались, чтобы мимолетно порадоваться, сказать: «Ну, наконец-то!» и, облегченно вздохнув, тут же отдаться другим заботам, — настал в суете и тревогах долгожданный час, когда мощная и прекрасная машина оказалась закон-ченной до последнего болтика, до последнего витка по-следней гайки.

До того как она воплотилась в металле, десятки кон-структоров переработали весь опыт турбостроения, что-бы использовать его в новом образце более остроумно, экономично и хитро, повышая КПД — коэффициент по-лезного действия, — заключающий в себе целые поэмы человеческого творчества, дерзаний, неудач и открытий.

Язык техники — сухой язык расчетов и формул, но творчество всегда поэтично, и в каждой добытой твор-чеством формуле заключена взволнованная и упорная душа человека-творца.

Ночи раздумий и долгие часы не-утомимо повторяемых и видоизменяемых опытов, когда

исследователь беспощадно откидывает взлелеянные им предположения, ищет новых решений, проверяет, опять откидывает; опять ищет и наконец находит счастливое решение, — вот что таит в себе маленькая формула, су-хой технический расчет, на основе которых возникают самые величественные машины.
Чтобы создать вот эту турбину, более совершенную и экономичную, чем все существовавшие до сих пор, и повысить на один процент — только на один процент! — коэффициент полезного действия, сотни людей отдали напряжение своей мысли, таланта и воли. Находки уче-ных и конструкторов соединялись с кропотливым тру-дом сотен их самоотверженных и старательных помощ-ников — лаборантов и чертежников. Тысячи чертежей распластались у ее колыбели — на столах технологов, в конторках мастеров, на станках рабочих.
Прежде чем новая машина стала такою, как она есть, тысячи людей и сотни механизмов работали на нее: добывали руду и уголь, плавили металл в домен-ных печах и мартенах, создавая для нее жароустойчи-вую сталь, прокатывали огненные слитки между валка-ми прокатных станов, вытягивали, обминали, отливали в формы, закаляли для нее отливки, которым предстояло превратиться в тысячи ее деталей.
Сотни станков обдирали, обтачивали, резали, свер-лили, шлифовали грубые куски металла, превращая их в сверкающие части точнейшего механизма. Громоздкая, тупорылая отливка становилась гладким, блестящим валом, готовым безотказно вращаться со скоростью трех тысяч оборотов в минуту. Другая, странно причудливая многотонная отливка, лежавшая в груде земли как ока-меневшее доисторическое чудовище, преображалась в надежный и емкий корпус, призванный держать в своем наглухо закрытом чреве страшную силу рвущегося впе-ред пара. Маленькие, затейливой формы кусочки нержа-веющей стали превращались в лопатки турбинных ко-лес, и тысячи этих неутомимых работяг готовились при-нимать на себя, направлять и использовать неуемную силу пара для создания того, ради чего и существовала эта огромная машина, — энергии.
Турбина, покоившаяся на цеховом стенде, была но-вейшей машиной, сочетавшей сравнительно небольшой вес с максимальной мощностью при непревзойденном коэффициенте полезного действия. Долгожданный час был часом ее заводского испытания, призванного вы-явить и оценить результаты многообразных усилий, за-траченных на нее, и после длительной, придирчивой про-верки сказать новой машине: «Живи!»
Этот долгожданный час был часом торжественным. Но подошел он буднично, в тревогах и суете, в азарт-ной ругани и лихорадке последних приготовлений.
Был уже вечер, когда старик Перфильев, испытав-ший на своем веку много десятков турбин, выпрямился возле очередного детища, вытирая лицо перемазанной ладонью, а рядом с ним раздался истошный голос Гаршина, кричавшего в телефонную трубку:
— Пар давайте,......!
И кто-то негромко сказал:
— Костя, масленку убери! Чего стоишь?
А затем наступила тишина, и в этой тишине раздал-ся внятный шепот стремящегося по трубам пара.
Аня Карцева составляла текст объявления о техни-ческой конференции скоростников, когда до нее долете-ла весть:
— Прогревают!..
Она хотела докончить начатое дело, но не только мысли разом исчезли из головы — даже слова, обычные слова, куда-то провалились. Она вскочила и побежала в цех.
Цех жил как будто своей нормальной жизнью: вечер-няя смена приступала к работе, утренняя смена расхо-дилась по душевым, по комнатам общественных орга-низаций и в выходную калитку. Но у выхода не было обычного оживления — рабочие под разными предлога-ми задерживались в цехе на первый, решающий час испытания.
Даже Торжуев, закончив работу, остановился в про-ходе и с нарочито безучастным видом ждал, пока нара-стало шипение пара и пока не присоединился к этому настораживающему шипению негромкий и ровный гул заработавшей машины. Опытным ухом он уловил ми-нуту, когда все убыстряющийся темп вращения стал равномерным и однотонным, — турбина спокойно крути-лась на малых оборотах. Постояв еще и послушав ров-ный и ничем не нарушаемый звук работающей машины, Торжуев перевел дыхание, закурил трубку и ленивой походкой случайно задержавшегося, ничем не интере-сующегося человека направился к выходу.

Столкнувшись с ним в пролете, Аня увидела его именно таким, каким он хотел выглядеть, и с удивлени-ем подумала: «Этого ничем не проймешь!»
Она нерешительно пошла к стенду, не зная, пустят ли ее туда, но ее пустили, и она увидела склонившегося ухом к машине Полозова, и старого Перфильева, кото-рый выслушивал машину трубкой, похожей на доктор-скую, и Любимова с неожиданно добрым, открытым ли-цом, и бледного, необычно серьезного Гаршина, и за-стывшего в сторонке Котельникова. Профессор тоже был тут. Он поманил к себе Аню, крепко пожал ей руку и сказал:
— Как хорошеют люди в такие часы! Посмотрите на Алексеева.
Главный инженер, выпустивший на своем веку тур-бин немногим меньше, чем Перфильев, с ловкостью ма-стерового ползал около машины, по звуку определяя качество работающих частей. Вид у него был усталый, мешки под глазами набрякли, морщины на потном лбу и щеках запали глубже и обозначились резче. Но когда он поднимал от машины глаза, чтобы безмолвно сооб-щить директору: все в порядке! — в этих глазах светилось такое удовлетворение, что и набрякшие мешки и морщины будто разглаживались. Два человека, тесно связанных общностью забот и ответственности, вели между собой безмолвный разговор, охватывавший не только узкую тему о качестве того или иного механиз-ма вот этой выпушенной под их руководством машины, но и всю их жизнь, насыщенную и трудную, и говорили друг другу: «Счастье-то какое!» — «Да, это — счастье, мы с тобой сегодня счастливые!» Но вслух Алексеев крикнул:
— Похоже, все в порядке!
А Немиров прокричал в ответ:
— Теперь надо навалиться на вторую!
Он силился сохранить сухое и спокойное выражение лица, к которому на заводе привыкли, но не мог: ожив-ление так и рвалось наружу. Выпуск новой турбины был крупной производственной победой. Но, помимо того, Немирова всегда возбуждало самое начало жизни вся-кой новой машины — рождение движения, рождение действия. Он ощущал мощную силу, клокочущую в лаби-ринтах машины и ворочающую, как игрушку, тяжелен-ные колеса ротора. Ему была мила и родственна самая атмосфера испытания, озабоченные, постепенно светле-ющие лица, немногословные переговоры инженеров и рабочих, вот эта сутуловатая, стариковская фигура Пер-фильева, продолжавшего ходить вокруг турбины с ви-дом недоверчивым и настороженным: уж, кажется, про-слушал ее со всех сторон, опасения понемногу как бы отпускали его, но все-таки он ходил, выслушивал, прове-рял снова и снова... «Нет людей лучше заводских ветера-нов!» — глядя на него, повторял Григорий Петрович и думал о том, как год за годом складываются характеры людей, всем сердцем преданных производству и уже не умеющих жить вдали от него... «А я?» — спросил себя Немиров и с гордостью понял, что и он «заводская кос-точка», что и ему не жить без мук и радостей производ-ства.
Аня Карцева, впервые присутствовавшая при испы-тании турбины, своими путями пришла к тем же мыслям и сказала себе, что хорошо выбрала профессию и не захочет никакой другой, только надо все-таки обяза-тельно перейти на участок, чтобы видеть, ощущать свою долю труда так, как ощущают ее производственники.
Но, может быть, они и не думают об этом? Пожалуй, у тех, кто ведет испытание и отвечает за него, даже и времени нет осознать поэтичность этого часа? Все равно, он еще величественней оттого, что все люди, сколько их тут есть на стенде, возле него и вплоть до самых даль-них уголков цеха, — все люди живут сейчас в крайнем напряжении ожидания, страха и затаенной уверенности, что все «обойдется», что машина сделана как надо.
Она видела сгрудившихся у стенда слесарей-сбор-щиков, видела Гусакова и Ефима Кузьмича, застывших с потухшими папиросками в зубах; обнявшихся и откро-венно веселых Груню Клементьеву и Катю Смолкину; замирающее лицо Вали Зиминой, свесившейся через кабину крана; вернувшихся в цех, чтобы присутствовать на испытании, пакулинцев в новых костюмах и при гал-стуках; мальчишек-учеников, забравшихся на станины станков, на лесенки и на крупные отливки, чтобы все увидеть и ничего не пропустить. Среди них, но выше всех торчала голова Кешки Степанова, и Аню удивило его лицо — обычного ленивого безразличия нет и в по-мине, рот полуоткрыт, глаза жадно вбирают новые впе-чатления.
Аня подумала о том, что всем людям, упорно не ухо-дящим домой, и всем, кто, работая в вечерней смене, издали следит за происходящим на стенде, хочется ус-лышать доброе слово,

что радость должна найти исход в каком-то коллективном празднике. И, видимо, не ей одной это пришло в голову, потому что появились на стенде Воробьев и Диденко, и вот уже Немиров прика-зал на четверть часа прервать работу — и народ сразу хлынул к стенду, и митинг возник сам собой.
Речи были коротки, а рукоплескания долги и друж-ны. Весь этот день ожесточенно ругавшийся и нависав-ший над сборщиками Виктор Гаршин крутился в толпе, повеселевший и шумный. Страх и волнение, особенно сильные у этого легко возбудимого человека, сменились теперь безудержной и бесшабашной радостью. Он хло-пал по плечам сборщиков, сам первый хохотал над соб-ственными шутками, норовил «похристосоваться» с мо-лодыми работницами, вызывая веселую возню.
Воробьев провозглашал здравицы в честь руководи-телей работ, и лучших бригадиров, и лучших стаханов-цев, каждому дружно хлопали, каждого вытаскивали вперед и принимались качать. Аня почувствовала себя неловко, попав в число отличившихся, но ей искренне хлопали, и она с радостью отметила особое оживление, каким встретила ее имя молодежь.
Только одного человека забыли — Алексея Полозова. Алексей не пошел вместе с руководителями цеха на ми-тинг. Он остался с несколькими рабочими возле останов-ленной турбины, где приступили к проверке подшипни-ков и червячной передачи.
Рукоплескания и выкрики доносились до него, он даже поглядывал в сторону митинга, и не прочь был пойти туда, но кому-то надо было остаться, да и хоте-лось посмотреть, как ведут себя подшипники.
Аня заметила отсутствие Алексея и огорчилась, что о нем забыли. Она разыскала взглядом его всклокочен-ную голову, склонившуюся над раскрытым механизмом, и на миг непрошеная нежность шевельнулась в ее ду-ше — вот он такой, такой, в будни идет вперед, а в праздник уходит в тень! Таких и забывают...
Но в это время несколько голосов закричало:
— Полозова! Полозова!
Аня ждала, что он будет упираться или стесняться, но он только сказал:
— Вспомнили-таки, черти!
И с удовольствием вышел на люди, дал покачать себя, сам покачал других, а потом пригладил растрепав-шиеся волосы и ушел обратно на стенд. Аня следила за ним, улыбаясь; с чего это она выдумала, что он прячет-ся в тень? Просто он чувствует себя в цехе дома, по-настоящему дома.
После митинга цех быстро опустел.
Аня вернулась в свой кабинет и села к столу, но ра-ботать не могла. Она только сейчас ощутила, как устала от нервного напряжения этих часов.
В дверях появился Кешка.
— Проситься хочу из цеха, — сказал он, пригнув го-лову так, что Аня видела только его нахмуренные бро-ви и лоб со спадающими на него прядями волос.
— Куда? — удивилась Аня и с досадой подумала, что ничего-то она не понимает в психологии этих маль-чишек: ведь именно сегодня она была уверена, что ин-тересы цеха захватили Кешку!
— В железнодорожный. На паровоз... Там учени-ков берут.
Аня вздохнула и сказала, стараясь быть терпеливой:
— Но ведь тебя учили на токаря, Кеша. Тебя гото-вят к испытанию на четвертый разряд. Сдашь в мае — и будешь самостоятельным рабочим. Как же вдруг все менять?
Кешка молчал, шаркая рваной подошвой по полу.
— Ты сегодня смотрел, как запустили турбину?
После молчания Кешка угрюмо буркнул:
— Ну и что?
— Разве тебе не приятно знать, что в этой огром-ной, умной машине есть и твоя доля труда?
— А где она, моя доля?
В этом и была вся беда: он работал вслепую, не зная, что и для чего делает. Перейти на паровозик, бе-гающий между цехами, ему кажется интересней не толь-ко потому, что в нем еще сильно мальчишеское желание покататься, но и потому что там работа наглядней, ощутимей.
— Евдокия Павловна будет очень огорчена, Кеша, — и, нащупывая путь к его чувствам, наобум сказала: — И я тоже. Я думала, ты смелый парень, а ты, оказы-вается, просто трус.
Кешка возмущенно поднял голову:
— Это почему?

— А потому, что ты боишься станка, боишься слож-ной работы, боишься учиться и спрашивать.
Кешка молчал. Подошва снова шаркала по полу — безнадежно и упрямо.
— Неужели тебе не надоело: у всех получка как по-лучка, а у тебя и не наработано ничего! Ведь стыдно! Смотри, какие у тебя сапоги рваные. Начнешь зараба-тывать как рабочий — приоденешься, костюм купишь. Видал, как в пакулинской бригаде одеваются ребята?
— Кто же их не видал, — враждебно сказал Кешка.
Аню больно поразила эта враждебность. Откуда она? Почему?
— Значит, не переведете?
— Нет!
Кешка пошаркал подошвой, притопнул, чтоб приста-ла оторвавшаяся подметка, и выскользнул из кабинета не прощаясь.
Вошел Алексей Полозов и блаженно вытянулся, поч-ти лег в кресле.
— Ну как? — спросила Аня.
— Пока все хорошо.
— Останетесь до конца?
— Наверное. Не уйти.
Немного погодя он спросил:
— А вы?
— И мне не уйти.
Аня приглядывалась к нему, вспоминая, как он се-годня не ушел со стенда на митинг, занятый своим де-лом и чуждый всякому желанию покрасоваться. Вспом-нилось ей и другое: после отчетно-выборного собрания, переживая торжество своей победы, Аня подошла к не-му и спросила: «Правильно я выступила?» Она не со-мневалась в его одобрении, но ей хотелось услышать его скупую похвалу. А он сощурился и сказал: «Честно го-воря, мне не понравилось. Основная мысль была пра-вильна, и выдвижение Воробьева тоже правильно... но вы били на эффект с этой вашей рекой и струями. А это уж ни к чему». Она тогда обиделась, но потом и ей самой начало казаться, что бить на эффект не стоило.
Вошел Виктор Гаршин, бросился в другое кресло:
— То ли спать, то ли гулять. Кто со мной?
Он оглядел Полозова и Аню, добавил зевая:
— Впрочем, Алексея Алексеевича не вытянешь из цеха до ночи, в этом можно не сомневаться. А вы, Аня? Из солидарности с энтузиастами тоже спать не будете?
— Да.
Гаршин пропел, фальшивя и подмигивая Ане:
— Ах, я люблю так сла-а-дко...
И потянулся, собираясь встать, но в это время вбе-жала Валя, видимо успевшая побывать после митинга дома, — в светлом платьице под меховым жакетом, в туфельках на высоких каблуках, в шапочке, из-под кото-рой рассыпались по плечам тщательно закрученные ло-коны.
Чувствуя себя нарядной и хорошенькой и от этого радуясь и смушаясь, Валя взяла в руки папку с очеред-ными предложениями, но не развязала тесемки, стяги-вающие папку, а только потеребила их, виновато улы-баясь.
Гаршин вынул записную книжку что-то написал, вырвал листок и бросил его поверх папки:
— Еще одно рацпредложение, Валечка, приобщите его к делу.
И, сделав руками несколько вольных движений, ска-зал:
— Пойду душ приму. Буду свеж, как огурчик.
Валя, отвернувшись, читала записку, и даже уши у нее порозовели.
Полозов спросил усмехаясь:
— Вы знаете, Аня, что это он пел? «Ах, я люблю так сладко…
— ...турбинные лопатки», — докончила Аня, смеясь.
— Так я и думал, что он вам напел это, — сказал Алексей и отмахнулся: — Ну их к богу, эти лопатки! Они мне в печенки въелись. Но иногда мне и вправду жаль, что я не пишу стихов. Вы заметили, Аня, когда начинается испытание и подают пар, этот звук — не то шипение, не то шепот... осторожный шепот, как будто он тебя предупреждает: «Все ли ты проверил? Сейчас я начну крутить и давить». А ты стоишь, весь обмирая, и в сотый раз выверяешь... А лица? Вы заметили, какие у всех лица? Вот об этом бы стихи! И картину! Чтобы и она тут присутствовала

— машина, созданная людьми. Но только чтоб на первом плане — люди, творцы. Так бы и назвал: «Творцы»... Вы смеетесь?
— Нет.
Валя, спрятав в карман записку Гаршина, то рас-крывала, то закрывала папку. Аня видела, что ей сегодня не до работы, и не знала, отпустить ли ее или, наобо-рот, ради нее самой — удержать... но как? И зачем это нужно Гаршину? Или мне в отместку? Аня была почти уверена в том, что знает содержание записки.
— Вы очень хорошо сказали, Алексей Алексеевич, — вздохнула Валя. — Вы сегодня счастливый, да?
— Не думал об этом. Наверное, очень, — сказал По-лозов. — Пожалуй, нет на свете счастья надежней этого.
Вернулся Гаршин, порозовевший и бодрый. Никто бы не сказал сейчас, что этот красивый здоровяк сутки не выходил из цеха.
Валя сильнее затеребила тесемки и с выражением ожидания и тревоги обернулась к Полозову:
— Вот вы сказали… что это — самое полное, выс-шее... И тогда ничего другого не нужно?
Полозов засмеялся, шутливо сказал:
— Это уж крайности, Валя. Хорошего жениха тебе обязательно нужно. Только очень хорошего, среднень-кого не бери.
Валя покраснела до слез и почти сердито повторила свой вопрос:
— Нет, я серьезно спрашиваю. Может это заполнить жизнь?
Она, видимо, решала для себя что-то важное. Поло-зов не понял этого и так же шутливо ответил:
— В учителя жизни я не гожусь, Валя. А что девуш-кам нужно, не изучал.
Увидав нахмуренное лицо Вали, он добавил:
— Заполнить жизнь можно, если очень любить свое дело и очень много вложить в него. Так мне кажется.
— Не верьте им, Валечка, — сказал Гаршин, дотра-гиваясь до ее пальцев, теребящих тесемки.
— Пойдемте, провожу до автобуса, а то и вас оставят здесь до утра.
Валя вскочила, оглянулась на Аню и решительно сказала:
— Я пошла, Анна Михайловна. Завтра я все-все сде-лаю!
Если бы рядом с нею был не Гаршин, а кто-либо другой, Аня удержала бы Валю под любым предлогом. Но Гаршин вызывающе улыбался. Да и какое право она имеет мешать счастью Вали, если это счастье — Гаршин?
— Конечно, иди, — сказала она и на прощанье, по-жимая руку Гаршину, пристально посмотрела ему в глаза, как бы предупреждая: я все знаю, не обижай ее.
— Порядок! — весело сказал Гаршин и распахнул дверь, пропуская Валю.
Выйдя в цех, Валя оглянулась, не видно ли Аркадия Ступина, — было бы ужасно натолкнуться на него сей-час! Но Аркадия не было.
Гаршин шагал рядом с Валей, как будто ее тут и нет, и она старалась идти так же независимо. На ходу их руки иногда будто случайно сталкивались, и от этого беглого прикосновения Вале становилось радостно и жутко. В его «рацпредложении» не было ничего, кроме слов: «Давайте удерем отсюда вместе». Она не знала, что будет, когда они останутся одни, что он скажет и что она ответит, она знала только, что рядом с нею Гаршин, что он заметил ее и позвал с собой. И вот они оказались за пределами завода.
— Наконец-то я вижу вас не в небесах, а на зем-ле, — сказал он, подхватывая ее под руку. — Это все-та-ки черт знает что — парит себе над цехом, как птица, не дотянешься и не докличешься! Подплывет, подразнит и опять уплывет!.. А теперь я вас увел, и сейчас мы поедем кутить на «крышу». Вашу руку, Валечка!
Валя растерялась. Она боялась идти в такой ресто-ран, она вообще никогда не была в ресторане. Нарядное платье сразу показалось ей слишком скромным, закру-ченные дома локоны — неумело сделанными. Он понял ее страх, оглядел ее с головы до ног:
— Полный порядок, Валечка! Мы с вами будем пить шампанское и танцевать до утра.
— Пить я не буду, — твердо сказала Валя и с моль-бой взглянула на него, боясь, что он раздумает ехать.
— Ладно, — согласился он. — Лимонад вас не пугает? А мне одну стопку для храбрости. Поехали!

Валя устремилась к трамвайной остановке, но Гар-шин встал посреди мостовой и поднял обе руки перед легковой машиной, приближавшейся к ним. Шофер за-тормозил, чуть не наехав на Гаршина.
— Умоляю: быстро в центр, дело идет о жизни! — крикнул Гаршин, дернул дверцу, втолкнул Валю в ма-шину, вскочил сам и другим, озорным голосом бросил шоферу: — В «Европейскую» полным ходом! В обиде не будете!
И, заключив маленькую руку Вали в свои огромные ладони, шепнул ей:
— Кутить так кутить!
А в опустевшем техническом кабинете Аня прислу-шивалась к смутно доносившимся шумам цеха и, скло-нив голову на руки, смотрела на уснувшего Алексея Полозова. Почти лежа в кресле и вытянув на середину комнаты длинные ноги в синих рабочих брюках, Алек-сей спал тем мгновенно наступающим сном, каким засы-пают в молодости после большого переутомления.
Аня смотрела на него и думала о том, что Гаршин быстро утешился и что ей это почти безразлично, — зна-чит, ничего и не было, а Валя очень влюблена в Гаршина, и надо бы удержать ее, но как тут удер-жишь? Не полюбит ее Гаршин. Да и разве он способен полюбить кого-нибудь, кроме самого себя? «Что было, то прошло», — сказал он тогда. Значит, все-таки было? А, да не все ли мне равно!
Отмахнувшись от ненужных мыслей, она вернулась к событиям этого вечера, припомнила тревожную мину-ту, когда пар начал поступать в турбину, и митинг, где ее приветствовали среди других, щедро отблагодарив за старание. Как это было неожиданно и хорошо!.. А люди выглядели сегодня совсем иными... или тут и раскрывались? Директор, — он же еще молодой и совсем не такой сухарь, каким казался. И с Любимова слетело все чиновничье. А Полозов — какой он был славный! Сказал: «Вспомнили-таки, черти!» — и пошел в толпу, как в родной дом, где ни притворяться, ни таиться нет нужды...
— Долго я спал? — встрепенувшись, спросил Алек-сей и протер рукою глаза. Глаза смотрели еще сонно, веки не хотели раскрываться. — Никто не приходил? — снова спросил он, кивая а сторону цеха. Сонное выра-жение постепенно сменялось выражением озабоченно-сти.
— Спите, все хорошо, — сказала она, удивляясь то-му, что чувствует к нему такую нежность.
— Схожу погляжу.
Он провел ладонями по лицу, по волосам, улыбнул-ся Ане и торопливо вышел. Аня понимала, что его улыбка ничего не значит сейчас и в его мыслях для нее нет места.

Часть третья

1

Начиналось чудесное утро, какие так часто бывают в Ленинграде весной, — над городом висит туман, и солнце, пробиваясь сквозь него, освещает город неярким светом; под ногами похрустывают ледяные пленки, но день обещает быть погожим; воздух недвижен и чист, лишь изредка от проезжающей крытой машины пахнёт острым запахом теплого хлеба.
Яков Воробьев торопливо шагал по улицам, расцве-ченным праздничным убранством, обгоняя принаряжен-ных, по-праздничному медлительных пешеходов. Его озабоченный вид не вязался с общим настроением, и на него оглядывались: что это с тобой, товарищ, или беда какая приключилась?
Таких одиночных пешеходов, как он, сегодня почти и не было; люди шли группами, семьями, возле взрослых скакало вприпрыжку множество ребятишек, и почти у каждого в руке красный

флажок. На перекрестках по-явились продавцы со связками воздушных шаров. Шары бойко раскупали, — привязанные к пуговицам пальто, они колыхались над головами и детей и взрослых.
Сколько раз, бывало, и Воробьев с такой же беспеч-ностью встречал первомайское утро! Сегодня его одоле-вали заботы: поспел ли столяр заготовить шесты для значков? дружно ли соберется цех? будет ли выглядеть достаточно мощным макет турбины на площади, среди людских толп?
Вдоль длинного заводского забора белели плака-ты, обозначавшие места, где какому цеху собираться. У плакатов пока стояло по два-три человека, а турбин-щиков еще совсем не было. Увидев Диденко, Воробьев взволнованно сообщил:
— Плохо собираются.
Диденко знал эти начальные минуты неуверенности и тревоги, особенно тягостные для молодого руководи-теля.
— Ну-ну, поволнуйся, если больше делать нечего, — с улыбкой сказал он. — Только не было еще в истории такого случая, чтобы турбинщики подвели!
А люди подходили медленно, у места сбора не за-держивались, прохаживались взад и вперед, разыскивая знакомых. У главных ворот, под радиорепродуктором, уже начались танцы.
Воробьев увидел Валю Зимину в голубой шляпке с двумя разлетающимися перышками, придававшими ей очень легкомысленный вид. Она самым беспечным образом болтала с Гаршиным. Воробьев по-дошел и строго спросил Валю про шесты для значков.
— Анна Михайловна с ребятами пошла за ними ответила Валя и с первыми звуками музыки положила руку на плечо Гаршина, совсем, должно быть, не думая о том, что на этом празднике у нее есть и деловые обя-занности.
Женя Никитин прогуливался с кругленькой девуш-кой в туфлях на высоченных каблуках. Воробьев мель-ком подумал: ох и намается она на таких каблуках! — и хотел было подозвать Женю, но тот поклонился и поспешно повернулся к девушке, явно не желая преры-вать интересный разговор. Помнит ли Женя, что он комсомольский секретарь и отвечает за молодежь?..
Увидав Назарова, своего преемника, Воробьев пошел ему навстречу и не без раздражения спросил, где же его партгруппа, где значки. Вчера Карцева с цеховым художником и комсомольцами весь вечер мастерили стахановские значки для четвертого участка. В спешке не подумали, к чему их прикрепить, и только в десять часов вечера Воробьеву удалось договориться со столя-ром, чтобы он заготовил к утру тонкие легкие шесты.
— Ребята с Анной Михайловной у столяра прико-лачивают, — спокойно ответил Назаров. — Знакомься, Яков Андреич, моя жена и мои наследники.
Четверо наследников разного возраста разбегались кто куда, и мать созывала их, боясь потерять. Она приветливо улыбнулась Воробьеву, и Воробьеву стало стыд-но, что он на всех наскакивает, — ведь праздник же!
Оглядевшись, он заметил, что народу стало много и от проспекта люди идут уже сплошной толпой. Чтобы свободнее бегать и играть, ребятишки сунули родителям свои красные флажки, и папы с мамами стояли как ли-нейные на площади, с флажками в руках, изредка для порядка покрикивая на ребят.
Появилась Евдокия Павловна Степанова с тремя сыновьями. Поздоровалась и пошла искать свой цех, забрав с собою младших, а Кешка остался — начисто отмытый, начищенный, приглаженный, в куртке с «мол-ниями». И сразу вокруг него собралась группа таких же отмытых и принарядившихся, необычно солидных пареньков. Увидав Воробьева, они чинно поклонились и хором приветствовали его:
— Здрасте, Яков Андреич!
Из ворот завода выехал грузовик, весь укрытый ма-кетом турбины. Здесь, в лучах солнца, поблескивающих на ее серебристо-серых плоскостях, были особенно вну-шительны ее широкие изогнутые трубы и изящна над-стройка регулятора, любовно выполненного во всех де-талях.
Из кабины выскочил Полозов, отошел вместе с Во-робьевым, чтобы окинуть взглядом макет:
— Хорош?
Грузовик занял свое место во главе турбинного цеха, и сразу хлынули к нему турбинщики, заполнив всю ули-цу от края до края.

Подошел Торжуев в новом пальто с широкими плеча-ми, в фетровой шляпе, с красной розеткой в петлице. Красуясь, он остановился на самом виду и закурил свою затейливую трубку. Видно, рассчитывает, что его при-гласят стать впереди, среди знатных стахановцев цеха... Нет, приятель, многого хочешь! Тут процентов недоста-точно, тут душа нужна, чтоб в такой праздник отличить перед другими.
А вот и Ерохин подбегает, боясь, что опоздал. Он один, на прежних демонстрациях с ним бывала его же-на — милая молодая женщина с глубоким шрамом на лице. Но теперь она скоро должна родить, и Ерохин полон беспокойства и отцовской гордости, никуда не пускает ее, чтобы не толкнули случайно или сама не оступилась ненароком...
Подошла Груня — одна. Ефим Кузьмич с Галочкой поехали смотреть военный парад, старику дали пропуск на трибуну, и Коле Пакулину дали, — победитель! В от-сутствие свекра ничего не боясь, Груня свободно по-дошла к Воробьеву, прикрепила к отвороту его пальто шелковый красный бант и, прежде чем отойти к подру-гам, заглянула в глаза — будто прямо в душу. Ох, Грунечка, взять бы тебя при всех под руку и пойти с тобою, не таясь, — вот она жена, любовь моя...
— У директора встретимся, — шепнула Груня. — Пригласил...
И быстро отошла, — старый Гусаков подходил к Во-робьеву вместе с Любимовым, а за ними Воловик с же-ной.
Ася прижималась к мужу — среди праздничного шума, среди детского гомона ей, наверно, и грустно, и немного стыдно своей грусти, а может быть и хочется все забыть, повеселиться вместе со всеми.
— Я на вас рассчитываю, Ася, — сказал Воробьев. — Вы ведь поете? Идите с комсомолками запевать.
— Ой, не знаю... Я и песни перезабыла... — про-шептала Ася, оглядываясь на мужа, а у самой щеки порозовели и глаза просияли.
— Общественное поручение надо выполнять! — ска-зал Воробьев и потянул ее к комсомольцам. — Знакомь-тесь, ребята, с Асей Воловик. Даю ее вам как запевалу. Чтоб весь народ чувствовал — турбинщики идут.
А вот наконец и Карцева с комсомольцами несет значки. Карцева тоже нарядная, оживленная, и комсо-мольцы все время шутят, смеются, — праздник! Воробь-ев подошел и примерился — удобно ли нести, не тяжело ли. На секунду позавидовал Назарову, — лестно идти во главе первого, сплошь стахановского участка!
Партгрупорги один за другим подбегают к Воробь-еву доложить: весь участок в сборе... из ста четырех человек — сто один, двое больны... из полутораста — сто сорок семь...
— Строй-ся!
Подъехал Алексеев. Выскочил из машины, стал рядом с Диденко и председателем завкома.
— Ого, нынче турбинщики во главе! — воскликнул Алексеев и пошел здороваться с турбинщиками. Конеч-но, он и раньше знал, что право возглавлять завод в этом году предоставлено турбинному цеху, но всем было приятно, что он подчеркнул это. Оркестр грянул марш.
Когда голова колонны вступила на проспект, Воробь-ев оглянулся — ох и мощь! На целый километр вытяну-лась заводская колонна, и многие сотни рядов как один шагают в ногу, и сотни плакатов повторяют слово — мир! мир! мир!
Девичьи голоса начинают первыми:

Песню дружбы запевает молодежь!

И хор голосов подхватывает:

Молодежь! Молодежь!

Эту песню не задушишь, не убьешь.
Не убьешь! Не убьешь!

Песня сама просит, чтобы ее пели все, и все поют; по-ет и Воробьев, легко и торжественно шагая во главе своего цеха, сдерживая себя, но все же слишком часто оглядываясь назад, где во втором ряду с краю идет Груня, — только оглянись, и видишь ее милый поющий рот и встречаешь ее горячие глаза.

А на улицах, выходящих к проспекту, толпятся колонны других заводов, оттуда приветственно машут ру-ками, песню перебивают оркестры, но песня вырывается снова, залетая в раскрытые окна домов, на балконы, где толпятся женщины с младенцами на руках, старики, ребятишки, которым не с кем было пойти, и там тоже подпевают, потому что сама песня просит, чтобы ее пели все.

Идет завод «Красный турбостроитель», идет во главе района, растянувшись на целый километр, а за ним под-страиваются один за другим — металлургический, кора-бельная верфь, оптико-механический, приборостроитель-ный... Идет трудовой, праздничный Ленинград, гремят вперебивку оркестры, взлетают и переплетаются мело-дии песен, яркими пятнами вьются над колоннами зна-мена, и с красных полотнищ плакатов все те же слова говорят о воле народа — мир! мир! мир!

И о том же говорят, прочертив небо и растаяв в сол-нечном мареве, промчавшиеся над городом самолеты.

Они уже исчезли, промелькнув откинутыми назад крыльями, но только теперь доносится их могучий шум. Придерживая за плечи сидящую на перилах внучку, стоит на почетной трибуне старый мастер, старый ком-мунист Ефим Кузьмич Клементьев. Закинув голову, старается проследить взглядом полет, скоростью опере-жающий звук. Реактивные... хорошо! Вон теперь ка-кая сила у нас самолетов, танков, гаубиц, а когда-то разутыми, с одной русской трехлинейной воевали, да все равно никакие черчилли и клемансо нас не одоле-ли... Еще раньше вон там мы лежали, в Александров-ском саду. Какой шел противный леденящий дождь, как холодно было лежать на мокрой земле! А вот здесь, где трибуна, и правее — были баррикады юнкеров. Вон там, на ограде, мы пулемет установили. Гусак был веселый и злой, как черт, все хотел, чтоб путиловцы из пушек ударили — чего канителиться, ну его к богу, этот дво-рец!.. А все же не думали мы тогда, что добьемся та-кого! Хотя, впрочем, и тогда думали. Верили. «Вся власть Советам!» — вот это она и есть...

— Деда, а наш завод скоро пойдет?

— Скоро, Галочка, скоро.

Стоит на трибуне Николай Пакулин, — первый раз в жизни выпала ему такая честь. Принимает парад советских войск от лица трудящихся. Четкие квадраты выстроенных для парада войск на красавице площади, их торжественный марш мимо трибун, маленькие нахи-мовцы, которым все дружно рукоплещут, ленинградские гвардейцы в касках, с автоматами наперевес, зенитчи-ки на машинах с длинноствольными пушками, подняты-ми к небу, прожектористы с огромными своими прожек-торами, чьи зеркальные стекла отражают заполненные людьми трибуны и голубое безоблачное небо.

Николаю не оторвать глаз от этого величавого зре-лища, но все равно он чувствует, что рядом стоит Ксана, дружески опираясь на его руку и сложенной щитком газетой прикрывая лицо от солнца. Была у него минута гордости, когда они встретились здесь, на трибуне, и Николай впервые ощутил себя равным ей. Но гордость давно забылась и ее рука, лежащая на его руке, это про-сто — счастье, счастье, о каком еще вчера он и не мечтал.

— Смотри, Коля, там уже районы выстроились!

Площадь опустела, по ней цепочками разбегаются линейные с флажками, а у входов на площадь со стороны Невского проспекта и набережной уже колеблются гус-тые колонны демонстрантов, выставив вперед сотни зна-мен. Все оттенки красного цвета собраны яркими гроздьями, и майское солнце щедро подчеркивает каж-дый из них.

— Наш район, видишь, Ксана? — Николай слегка сжимает ее руку, чтобы привлечь внимание.

— И наш завод идет первым!

— Тронулись! Смотри, Коля, тронулись!

В лад грянули оркестры, в лад развернулись сотни знамен. Колонны вступили на площадь, тысячами лиц повернувшись к трибунам, вскинув для приветствия тыся-чи рук. Красные, зеленые, синие шары взметнулись над колоннами. И полетели, подхваченные воздушными струями, над площадью.
— Ксана, смотри, наша турбина!
— Как она хорошо выглядит, правда?
— А вон Диденко идет, видишь? Диденко и Алек-сеев! И Воробьев! А вон мои ребята — смотри, Ксана, — со знаменем, смотри! Видишь?
Стоит на трибуне Григорий Петрович Немиров. Солнце уже успело тронуть загаром его лицо. Он стоит и горделиво улыбается — хорошо идет завод! И турби-на выглядит хорошо, приметно. Со всех сторон доносят-ся до Немирова возгласы: «Смотрите, как турбинщики эффектно идут!.. Это их новая турбина, знаете, мощ-ная!.. Здорово!»
Григорию Петровичу хочется сообщить всем окружа-ющим — это мой завод, моя турбина! Он счастлив. Третьего дня на первых страницах газет опубликовано приветствие заводу по случаю выпуска мощной турби-ны нового типа. «Директору завода т. Немирову...» Читают ленинградцы, читают уральцы — ого, товарищи, это же наш Немиров!
Он машет шляпой, ему очень хочется, чтоб свои, за-водские люди заметили его привет. Но они не разгля-дят — где там! А вон Диденко... Алексеев… чудила, не пошел на трибуну! Тяжело ему с его больным серд-цем топать. Почему я не подумал, что надо пойти со своими? Ничего, зато завтра соберемся все вместе — запросто, дружески отпраздновать успех. Это сблизит больше, чем если б я шел сейчас вон там, во главе...
Как растрогался Перфильев, что директор пригласил к себе, да еще с женой! И Ефим Кузьмич... А моло-дежь явно растерялась — эта девчушка вся покраснела, а Пакулин и не нашелся что ответить. Очень, очень хо-рошо придумала Клава!
А завод все идет, идет мимо трибун. Рядом с Неми-ровым кто-то уверяет, что «Турбостроитель» уже про-шел. Григорий Петрович возмущенно вмешивается:
— Ничего подобного! Еще и половина не прошла! Вон инструментальный цех идет, а за ним еще четыре.
Но вот прошел и последний цех. Маленький интер-вал — и начинается колонна металлургического. Ишь ты, толстяк шагает впереди, да еще как молодцевато!
— Смотрите — Саганский! — сказал кто-то за спи-ной Немирова.
«Эх, надо было и мне... Интересно, Волгин на три-буне или тоже идет с заводом?»
Когда подошел станкостроительный, Немиров сразу приметил высокую подтянутую фигуру Волгина. Как командир впереди своего полка, и походка воинская, четкая... Заметили наши, что другие директора идут? Вряд ли, в такой массе не разглядишь...
А праздничный поток не иссякает, гремят оркестры, перекатывается по рядам «ур-ра-а!». Плывут макеты изделий: во много раз увеличенный микроскоп, во много раз уменьшенный корабль, подъемный кран, наборная машина — линотип, всевозможные станки, галоша в че-ловеческий рост, маленький цельнометаллический ва-гон, гигантская электрическая лампочка, пирамида из пестрых тканей...
— Чего только нет в Ленинграде! — воскликнул Николай. — Правда, Ксана?
Она посмотрела на него и улыбнулась. В ее глазах отражались красные пятна проплывающих мимо них знамен и цветные, взлетающие в небо шары — малень-кие, яркие точечки.

2

Скинув пиджак и подтянув повыше рукава рубашки, Григорий Петрович растирал в тарелке горчицу, пока Елизавета Петровна чистила и раскладывала по селе-дочницам селедки.
— Гриша, поди сюда! — позвала из столовой Кла-ва. — Как хочешь, вина маловато!
На трех сдвинутых вместе столах были уже расстав-лены всяческие закуски и прикрытые полотенцами до-машние пироги, в центре красовалось длинное блюдо с заливным, мерцающим

красными звездочками морковки, а между блюдами, тарелками и рюмками высились бу-тылки с вином и графины с настоянной водкой.
Клава стояла в дверях и критически оглядывала только что накрытый стол.
— Не вина, а водки маловато, особенно если при-нять во внимание Гусакова, — решил Григорий Петро-вич. — Сейчас пошлю Костю прикупить.
— А стол как тебе кажется? Ничего?
Он подошел к Клаве и поцеловал ее. Все, что она делала, было хорошо. Но какая она бледненькая сегод-ня!
— Ты здорова, Клава?
— Ну конечно! Просто немного замоталась.
Он знал — даже если ей нездоровится, она не ска-жет об этом, чтобы не портить ему праздник. Последние недели она очень много работала и была необычно воз-буждена. На расспросы мужа уклончиво отвечала: «Ни-чего особенного, кое-что придумала и теперь воюю. Добьюсь — расскажу!» Если ей бывало трудно, она ни-когда не просила у него помощи. А Саганский любил пошутить по поводу ее самостоятельности: «Разве Клав-дия Васильевна будет со мной советоваться, когда у нее дома такой могучий консультант!» — и очень сердил этим Клаву. Она не любила советоваться с мужем, хотя часто говорила с ним по общим вопросам экономики производства и, как понимал Немиров, деликатно на-правляла его мысли к этим вопросам, которые он, по ее мнению, недооценивал.
Григорий Петрович считал, что планирование и фи-нансы — незыблемый костяк, который обеспечивает по-рядок в текущем, вечно обновляющемся процессе про-изводства. Клава возражала — это душа движения и обновления. Мысль о том, что и экономист может быть новатором, видимо, увлекла ее. Что она придумала те-перь и с кем воюет?.. Может быть, у нее какие-нибудь неприятности, которые она скрывает? Такая уж она, Клава. Даже свою тревогу о муже не показывала. Ведь знала, что с турбиной не ладится, и хоть бы словечко сказала! А когда испытание прошло прекрасно и в газетах появилось приветствие заводу, вот только тогда и по-нял Немиров, как она беспокоилась за него. Выбежала к нему навстречу, обняла, прижалась лицом...
А Елизавета Петровна закатила роскошный ужин, даже шампанского купила. Удивительно они похожи — мать и дочь. Если что-либо волнует или тревожит Ели-завету Петровну — замкнется в себе, виду не покажет. А в радости щедра.
В тот вечер они втроем отпраздновали победу, и Гри-горий Петрович с увлечением рассказывал, как порабо-тали турбинщики, на радостях примечая их достоинства, о которых прежде не задумывался.
— Ты позови их в гости, — предложила Клава. — И я познакомлюсь с ними, и тебе приятно, и им.
— К нам, домой? — удивился Григорий Петрович.
— Ну конечно, домой!
Елизавета Петровна вставила свое слово:
— По-моему, если вместе работать, то вместе и праздновать.
Вдова мастера, состарившегося на металлургическом заводе, Елизавета Петровна привыкла всю жизнь об-щаться с заводскими людьми и теперь, должно быть, скучала в директорской, всегда пустой квартире.
— Но ведь если звать — так не меньше, как человек двадцать пять, — пробормотал Григорий Петрович.
— Ну и что же? С хозяйством я справлюсь, вот только деньги...
— Денег жалеть не будем! — внезапно увлекшись, воскликнул Григорий Петрович. — Уж если устраивать, так пир горой!
Клава с Елизаветой Петровной сразу же начали об-суждать, что испечь и чего купить, а Григорий Петрович задумался. В последнее время он не раз чувствовал, что отношения с людьми на этом заводе у него сложились иначе и хуже, чем на Урале. Там, на уральском заводе, он был «своим», его знали с мальчишеских лет, он был связан дружбой с десятками заводских людей. Когда его выдвинули директором, прежние друзья остались друзьями и с поразительным тактом отделяли службу от дружбы. И ведь не мешало одно другому! А здесь он сразу взял тон властного, сурового и взыскательного начальника, потому что в глубине души побаивался: будут ли уважать такого молодого директора, да еще присланного «со стороны»?

Отношения сложились почти-тельно-холодные. Только в последние дни, после того как Григорий Петрович принял смелое решение о заме-не регулятора, что-то неуловимо переменилось. При-дешь в цех — все как будто по-прежнему, а глядят люди сердечней, обратятся к директору, — в голосе дружелюб-ные нотки. Придешь в конструкторское бюро — так же уважительно встают конструкторы, приветствуя дирек-тора, но впервые улыбаются ему, и в обычных словах «здравствуйте, Григорий Петрович» — человеческое теп-ло... Сам себе не признаваясь, Григорий Петрович жад-но тянулся к этим проявлениям любви.
— Тридцать человек получается! — сказал он, запи-сав фамилии тех, кого решил пригласить, и перечиты-вая список — не забыл ли кого.
Елизавета Петровна, кажется, немного испугалась, но не в ее характере было отступать.
— Садись, экономист, и планируй! — велела она до-чери.
Так была затеяна эта домашняя вечеринка, о кото-рой столько говорили на заводе. Всем понравилось, что директор пригласил группу турбинщиков к себе домой и сделал это без официальности, к каждому подошел лично с приглашением от своего имени и от имени же-ны, что семейных позвал с женами, а вдовца Клементь-ева — с невесткой Груней. Понравилось и то, что дирек-тор устраивал прием на свои деньги, а не за счет заво-да, — об этом как-то сразу все узнали.
— Не такой уж он сухарь, как думали, — сказал Ефим Кузьмич, растроганный приглашением. — И о Груне вспомнил. Знает.
Воробьев, поначалу иронически воспринявший за-тею директора, был обезоружен тем, что Немиров под-черкнул дружеский, домашний характер вечера и про-сил прийти с аккордеоном:
— Говорят, вы хорошо играете. Тащите свою музы-ку, ладно?
Ане Карцевой и Вале Зиминой Немиров сказал:
— Готовьтесь танцевать до утра. Я ведь танцор.
С Гаршиным и Полозовым пошутил:
— Приглашаю без дам, потому что холостяки. Уха-живайте за нашими дамами.
Полозов непринужденно поблагодарил, а Гаршин вдруг до странности смутился и что-то забормотал о том, что как раз тот вечер у него занят… Впрочем, все понимали, что он придет.
Список приглашенных вырос до тридцати шести че-ловек. Григорий Петрович показал его Диденко, боясь, что кого-либо забыл.
— Весело будет, — перечитав список, решил Диденко.
— Никого не забыл?
— Так ведь в гости зовешь, кого хотел, того и по-звал, — посмеиваясь, ответил Диденко. — Это ведь не торжественное заседание! А так, что ж — подбор на основе широкой демократии... Только к Гусаку под-сади кого-нибудь посуровей — Катю Смолкину, что ли? — а то он водку только в ухо не берет.
Вечеринка была приурочена к первомайским празд-никам. Григорий Петрович ездил с Костей закупать ви-но и закуски, носил от соседей стулья и недостающую посуду, откупоривал бутылки и пытался помогать теще на кухне.
Первыми, ровно в восемь, пришли Клементьев и Гру-ня. Клава еще не переоделась и убежала в спальню, Григорий Петрович один встретил гостей. Ефим Кузь-мич был в хорошо отутюженном костюме, в накрахма-ленной рубашке и в ярком галстуке, его морщинистые щеки были еще розовы от бритья. А Груня сияла такой победной зрелой красотой, что и не разобрать было, нарядно ее платье или нет, — она красила любой наряд.
Немирова потянуло заговорить со старейшим масте-ром о заводских делах, но он удержался и сделал слож-ный комплимент его невестке. Он видел, что Ефиму Кузьмичу это приятно.
— Гриша, — раздался за приоткрытой дверью весе-лый шепот Клавы, — пойди-ка, застегни мне пуговицы на спине.
— Давайте я, — вызвалась Груня, обрадованная про-стотой незнакомой директорской жены, и, не дожидаясь ответа, пошла в спальню. За дверью сразу зазвучали оживленные голоса.
Припоминая, какое же платье застегивается у Клавы на спине, Григорий Петрович с улыбкой поглядывал на Ефима Кузьмича и раздумывал, о чем бы поговорить со стариком, что может заинтересовать его кроме той об-щей для обоих темы, которой Клава строго-настрого за-претила сегодня касаться, чтобы не превратить вече-ринку в производственное совещание.
Однако Ефим Кузьмич сам завел разговор о том, что вот, дожили до счастливого дня, теперь

вторая уже легче пойдет. Так бы и покатился разговор по привычным рельсам, но тут раздался звонок и Немиров пошел открывать.
Он не сразу узнал Катю Смолкину, — такая она была нарядная и важная. Скинула на руки хозяину пальто, осторожно сняла шляпу — прическа только что от па-рикмахера, платье шелковое, в ушах серьги. А загово-рила — все та же бравая Катя Смолкина:
— Глянь-ко, Григорий Петрович, на лестницу, там еще гости топчутся, робеют — не кусается ли директор?
Стараясь держаться непринужденно, вошла моло-дежь: Николай Пакулин, Женя Никитин и Валя. Все трое были празднично одеты, пиджак Жени Никитина украшала планка орденских ленточек. Григорий Петро-вич много раз видел Валю, но сегодня она показалась ему особенно хорошенькой, и он даже подумал: «Черт возьми, сколько у нас красавиц в одном турбинном».
— Что это с тобой, дочка, тебя и не узнать, так ты похорошела, — сказал Ефим Кузьмич, разглядывая ее. — Или причина есть?
Валя расхохоталась, покраснела, спрятала лицо, чтобы не прочитали в ее глазах, как она счастлива.
Пошутив с молодежью, Григорий Петрович снова пошел в переднюю, куда уже входили новые гости.
Он увидел Елизавету Петровну с каким-то странным, испуганным лицом и входящего вслед за Полозовым Гаршина.
— Вот это встреча! — смушенно пробормотал Гаршин, багрово краснея и пожимая руки Елизаветы Пет-ровны. — Сколько лет! Сколько зим!
— Вы знакомы? — удивился Григорий Петрович.
— Были знакомы, — поджав губы, сухо сказала Ели-завета Петровна.
— Мальчишкой, студентом! — объяснил Гаршин, одновременно выжидающе озираясь. — Вы отменно вы-глядите, Елизавета Петровна, помолодели даже, ей-богу помолодели!
— А вы все такой же, — проронила Елизавета Пет-ровна и церемонно извинилась: — Простите, мне нужно по хозяйству.
Только успели раздеться Полозов и Гаршин, как пришли Любимовы и Аня Карцева со старым Гусаковым, а затем дверь уже непрерывно открывалась, за-крывалась и снова открывалась. Каждого вновь при-шедшего шумно приветствовали, гул голосов стоял в воздухе, все были или казались друзьями. Только одно обстоятельство смутило Григория Петровича — он не-сколько раз уловил вопросы: «А Саша Воловик здесь?», «А Саша Воловик не пришел?» Видимо, Воловика нуж-но было обязательно пригласить, хотя он и новый чело-век в цехе.
Посоветовавшись шепотом с Ефимом Кузьмичом, Григорий Петрович отрядил Женю Никитина на машине звать Воловика с женой, а затем побежал на кухню предупредить Елизавету Петровну, что гостей будет на два человека больше, чем ждали.
— Были бы хорошие гости, а место найдется, — от-ветила Елизавета Петровна, пересчитывая ножи и вил-ки.
Приехали Диденко с Катей. Катя никого здесь не знала, кроме Немирова, но уже через несколько минут казалось, что именно она здесь своя, что именно она связывает воедино всех собравшихся.
— Предупреждаю: за деловые разговоры буду штрафовать, — заявил Диденко. — Веселиться так уж весе-литься!
С их приходом голоса сразу стали громче, смех чаще.
Последним явился Яков Воробьев с аккордеоном на плече. Скинув аккордеон и со всеми поздоровавшись, он с таким явным разочарованием оглядывался, что Неми-ров нашел нужным сообщить ему: за Воловиками поеха-ли. Но Воробьев продолжал разочарованно оглядывать-ся, и тогда Немиров вспомнил о красавице Клементье-вой и удивился, что Клава все еще укрывается с нею в спальне.
— Девушки, вы что же это прячетесь?
Он увидел Клаву, стоящую посреди спальни в нере-шительности. Ее бледность подчеркивало вечернее чер-ное платье с кусочком желтоватого кружева у шеи.
Не слишком ли нарядно? — усомнился Григо-рий Петрович, по-своему поняв нерешительность Клавы: не помешает ли такой туалет простоте вечеринки?
— А по-моему, — сказала Клава, гордо вскинув го-лову, — по-моему, ни для кого другого не стоит наря-жаться. Правда, Груня?

— Верно, — подтвердила Груня.
— Ну, пойдем, — решилась Клава, взяла Груню под руку и шагнула в дверь.
Из-за ее спины Немиров следил за тем, какое впечат-ление произвела Клава на его гостей. У двери из перед-ней мелькнула Елизавета Петровна все с тем же стран-но испуганным видом. Немиров невольно взглянул на Гаршина — инженер стоял позади всех, робко и винова-то улыбаясь, и во все глаза глядел на приближавшую-ся к нему Клаву.
Будто не замечая его, Клава по очереди со всеми здоровалась, каждому что-то говорила, каждого о чем-то спрашивала, и во всем ее поведении была такая ми-лая готовность подружиться с новыми для нее людьми, что все опасения Григория Петровича рассеялись: ве-чернее платье было кстати, как дань уважения к соб-равшимся.
Не доходя до Гаршина, Клава слишком долго задер-жалась возле Котельникова, о чем-то расспрашивая его и глядя прямо перед собою остановившимися блестя-щими глазами. Потом она быстро повернулась к Гаршину, подала ему руку:
— Здравствуй, Виктор.
И сразу отошла.
Заставляя себя быть веселым и поддерживать об-щий разговор, Григорий Петрович мысленно все время возвращался к только что происшедшей непонятной встрече. Испуганное лицо Елизаветы Петровны, блед-ность и нерешительность Клавы, долго не выходившей к гостям (знала, что он тут?), робкая улыбка обычно самоуверенного Гаршина — все припоминалось Григо-рию Петровичу. Что было между ними? И когда?.. «Мальчишкой, студентом», — сказал Гаршин. Однако Клава никогда не говорила, что знает его, хотя, конечно же, не раз слышала его фамилию. Теперь Григорию Петровичу приходил на память и внимательный, изуча-ющий взгляд Гаршина, который он не раз замечал в цехе и на собраниях, — приглядывался, что за муж у Клавы? Не оттого ли он так смутился, получив пригла-шение, что знал — встретится с Клавой?.. А Клава? Знала ли она, что он сегодня придет? Ну да, конечно, она просматривала список приглашенных. Спрашивала ли она тогда о чем-нибудь, прочитав знакомую фами-лию? Он не помнил. Не оттого ли она была так возбуж-дена последние дни? И это вечернее платье... не оттого ли она надела его, что хотела показаться в нем Гаршину?
Эти мысли были так невыносимы, что Григорий Пет-рович старался отогнать их, и временами это удавалось ему, так как он чувствовал себя ответственным за успех вечера, но глаза его продолжали следить за Клавой — как она мила сегодня... и как оживлена! А в другом конце комнаты в горестном недоумении застыла Валя. Гаршин предупредил ее, что весь вечер будет ухаживать за нею так, «будто между нами ничего нет», и Валю волновала и веселила необходимость вести на глазах у всех такую увлекательную игру. Но Гар-шин вошел притихший, не похожий на себя, и забился в угол, ни разу не взглянув в ее сторону.
Приехали Воловики с Женей Никитиным. Сашу Во-ловика особенно дружно приветствовали, и тотчас по-явилась Елизавета Петровна в новом платье и торжест-венно пригласила гостей к столу.
— Парами, парами! — требовал Григорий Петрович, подхватывая под руку старуху Перфильеву.
С шутками, отбивая друг у друга дам, которых было меньше, чем мужчин, повалили в столовую. За столом долго рассаживалась: молодежь, включив в свою компа-нию Воловика и Асю, уселась вместе, в ряд; Аня Кар-цева смело удержала возле себя стул и позвала Алексея Полозова, а Воробьев умудрился оттеснить всех, желав-ших поухаживать за Груней, и переманил ее к себе, посадив по другую сторону от нее старого Гусакова, которому она сразу же дружески перевязала галстук.
Немиров заметил, что Гаршин вошел в столовую последним. Но в столовой он как бы встряхнулся, стал особенно весел и шумен, его громкий голос покрывал все другие голоса. Клава посадила рядом с собою стари-ков Ефима Кузьмича и Перфильева, но Гаршин пред-приимчиво занялся размещением остальных, обеспечив себе место лоближе к Клаве.
— Григорий Петрович, это несправедливо — закри-чал он директору, возглавлявшему другой конец сто-ла. — Вы нам приказали ухаживать за дамами, а стар-шее поколение нас оттерло! Не могу же я ухаживать за Ефимом Кузьмичом!
Подавляя раздражение, Немиров шутливо отклик-нулся:
— Отчего же, поухаживайте, он того стоит!

Клава так дружески улыбнулась мужу через стол, что у него сразу отлегло от сердца: ну, подумаешь, если и встретился бывший поклонник, пусть повздыхает, пусть позавидует, — ему, Немирову, до этого дела нет.
Валя сидела бледненькая, ко всему безучастная, за-глатывая подступавшие слезы. А вокруг нарастало весе-лое оживление, тосты следовали один за другим, — и надо было участвовать во всей этой кутерьме хотя бы для того, чтобы скрыть свое отчаяние.
— За молодую хозяйку! — поднявшись, провозгла-сил Любимов. — Выражая общее мнение, хочу пожалеть, что такой очаровательный плановик планирует не у нас, а на другом заводе!
Клава встала и поклонилась, порозовев от удоволь-ствия.
— Спасибо! — сказала она. — Только, пожалуйста, не вспоминайте о другом заводе, а то Григорий Петро-вич сразу заговорит об отливочках, и весь праздник будет испорчен!
Среди общего смеха Немиров уловил тихое восклицание Гаршина:
— Как вы похорошели, Клава!
— Ты находишь? — подняв брови, свободно сказала Клава и подняла рюмку: — За всех собравшихся здесь, друзья, и чтобы эта встреча была не последней, и чтобы поводы для таких встреч были почаще!
Тост был уместен и хорошо придуман, но Григорию Петровичу показалось, что в нем есть какой-то особый, не всем понятный смысл — вон как сияет Гаршин, чока-ясь с Клавой, и какой она метнула на него быстрый, полный лукавства взгляд!
Заметив, что муж смотрит на нее, Клава ласково сказала:
— За тебя, Гриша!
И залпом осушила рюмку, чего никогда не делала.
«Да ведь я просто ревную, — вдруг понял Немиров. — Ревную, как мальчишка... Это же глупо и унизитель-но!» Он заставил себя улыбнуться Клаве, дружески погрозив ей пальцем, и затем, усилием воли преодолев волнение, всецело отдался обязанностям хозяина.
Он успевал подметить, что Любимов сегодня в пол-ном мире с Полозовым, что Воробьев и Груня так за-няты собой, что забыли об окружающих, а Ефиму Кузь-мичу это не нравится. Григорий Петрович старался сблизить всех со всеми, и окликал Воробьева, чтобы от-влечь его от Груни и успокоить Ефима Кузьмича, и украдкою заводил разговоры о второй турбине и всяких цеховых делах, удовлетворенно отмечая, что все суж-дения сходятся и старые распри забыты.
Когда все было выпито и съедено, гости помогли хо-зяйкам вынести посуду на кухню и отодвинули столы. Во-робьев перебирал клавиши аккордеона и посматривал вокруг трезвым, внимательным взглядом.
Захмелевший Гусаков ходил неприкаянным по ком-нате, натыкаясь на мебель, и заносчиво вопрошал вооб-ражаемого собеседника:
— Ну и что? И что?
Разводил руками и презрительно цедил:
— Па-а-думаешь, удивили! Па-а-думаешь, мир-ро-вая политика!
Григорий Петрович вспомнил, как на Урале, бывало, лихо плясали развеселившиеся заводские старики, и стал вызывать танцоров. Ефим Кузьмич только плечами пожал — век не плясал, с чего бы на старости лет начи-нать? Перфильев отговорился тем, что ноги болят, да и разучился с годами. Но тут Катя Смолкина, презри-тельно махнув на них рукой, крикнула Гусакову:
— А ну, Ванюша, покажем, как это делается!
И выбежала в круг, стала, подбоченясь и пристуки-вая каблуками, вызывающе подмигивая Гусакову. Гуса-ков поломался, чтоб попросили как следует, а потом не-брежной походочкой прошелся по кругу и вдруг подпрыгнул, завертелся волчком, задорно раскинул руки и стал наступать на Катю Смолкину. Катя гордо отвернулась — мало, мало, давай-ка получше! И столько мо-лодого оживления было в ее блестящих глазах и во всей ее осанке, что, казалось, и годы скинуты с плеч. Гусаков перевел дух, приосанился и пошел на нее вто-рично, вскидывая ноги и прихлопывая ладошами под коленом. Теперь это был уже не пьяненький и занози-стый Гусак, ищущий повода для ссоры, а свободно вла-деющий своим телом плясун. Катя почуяла это и по-плыла по комнате, мигая Воробьеву, чтобы ускорил темп. Старик не сдавался, только тяжелое дыхание да пот, выступивший на лбу, выдавали его усталость.
— Ох, пустите, не могу! — закричал Гаршин, скинул пиджак, засучил рукава шелковой сорочки и стреми-тельно ворвался в круг, отбивая дробь каблуками.

Гусаков отступил, громко отдуваясь и стараясь по-казать, что выход нового плясуна ему безразличен. Катя снова мигнула Воробьеву и заскользила прочь от Гар-шина, а Гаршин помчался за нею вприсядку, беспечно улыбаясь зрителям — совсем, мол нетрудно, хотите, могу и посложнее!
Клава стояла рядом с мужем, положив тонкую руку на его плечо, и неотрывно следила за Гаршиным. Неми-ров с завистью глядел на этого ладного молодца, кото-рый все умеет — конечно, он нравился, он и сейчас дол-жен нравиться Клаве. Но когда он осторожно заглянул в ее лицо, он увидел, что взгляд ее холоден, губы сомк-нуты.
— Устала? — шепотом спросил он.
— Нет.
Воробьев резко оборвал мелодию и встал, расправ-ляя плечи. Гаршин шутливо поклонился в пояс Кате Смолкиной и остановился неподалеку от Клавы. Курча-вая прядь волос падала на его лоб и придавала разгоряченному лицу простецкий и озорной вид.
Клава отвернулась от него и пошла опрашивать го-стей, не играет ли кто-нибудь на пианино. Любимов, сбиваясь, начал играть вальс. Никого не смущало, что он играет с запинками и порою фальши-вит. Немиров первым пригласил Аню Карцеву и с усмеш-кой наблюдал, как тяжеловесный Алексеев пробует вальсировать с Клавой и как бедная Клава терпеливо помогает ему. Ко всеобщему удовольствию, Диденко пригласил старуху Перфильеву, та застеснялась было, а потом пошла кружиться с такой непринужденной лег-костью, что зрители наградили ее рукоплесканиями. В столовой стало тесно, и Елизавета Петровна от-крыла дверь в кабинет. Немиров повел свою даму туда, и несколько пар устремились вслед за ним. Он пропустил момент, когда главный инженер отказался от попыток танцевать, и увидел Клаву уже с Гаршиным. Скло-нив к ней голову, Гаршин что-то быстро и горячо гово-рил ей. Натыкаясь на танцующих, Немиров провальсировал в столовую и стал догонять их. Когда это удалось, его поразило незнакомое ему чувственное и восторжен-ное выражение ее лица.
— Вы уже не монашка, о нет! — донесся до него голос Гаршина.
— Я и не была ею, только…
Он не расслышал, последних слов Клавы, но увидел ее мстительную, торжествующую улыбку, тоже совер-шенно незнакомую ему.
— Григорий Петрович, на ноги наступаете! — вос-кликнула Аня Карцева и вывела его из круга танцующих к тому месту, где стоял, отдыхая, Полозов. Она села, но Полозов потянул ее за руку:
— Не ленитесь, вы же обещали танцевать со мной, а убежали с директором.
Немиров остался один у стены и закурил, провожая глазами Клаву. Помнит ли она, что вокруг — люди, которые скоро заметят ее чрезмерное увлечение разго-вором с этим самоуверенным разлетаем? Помнит ли она, наконец, что у нее есть муж и что он тут, рядом, и все видит?
Клава ни о чем не помнила. Она слушала Гаршина — человека, которого когда-то любила со всей силой пер-вой любви, человека, чьей женой обещала быть, наивно радуясь его покорности, его нежным уверениям, что она — его идеал, что он молится на нее... Правда обру-шилась на нее случайно и внезапно — грубая правда о его второй, неизвестной ей жизни с непритязательными увлечениями, с какой-то скандальной связью в институ-те с женой профессора. Оскорбленная до глубины души, она отрезала все одним ударом. Рвала письма, укло-нялась от встреч, велела матери не открывать Гаршину дверь. Тогда Гаршин подослал к ней общего приятеля с объяснениями: «Он любил и любит, а там — чисто мужское, сердце там не участвовало». Она выгнала и приятеля. Шли годы, жизнь брала свое, но оскорбление не забывалось. И вот он — перед ней, виноватый и снова влюбленный, уже не в идеал, а в живую женщину, лю-бящую другого. Он не забыл — тем лучше. Он никого после нее не любил — тем лучше! Она упивалась своей женской победой.
И вдруг она увидела мужа. Его тяжелый взгляд не-отступно следовал за ней.
— Я устала, — быстро сказала она, отстраняя Гар-шина, подошла к мужу и села возле него — прямая, то-ненькая, с бледными щеками. — Я устала, — повторила она и украдкой сжала его руку — теплое, родное прибе-жище. Ей очень хотелось ощутить ответное ласковое по-жатие. Но Григорий Петрович понял ее движение по-иному — чувствует, что виновата, и хочет успокоить его.
— Пойди к маме и приляг, никто не заметит, — ска-зал он напряженным голосом и отвел руку. Клава быстро глянула на него, поняла, что он хочет удалить ее, и оскорбленно отказалась.

Тут подошел Диденко, — а ну-ка, пойдемте, нечего рассиживаться, когда танцуют! — и Клава вскочила как ни в чем не бывало. Танцуя, она о чем-то весело, не-обычно оживленно болтала с Диденко, а Немиров неот-рывно следил за нею, пугаясь оттого, что и она сама и его счастье показались ему непрочными, как никогда.
«Вы уже не монашка, о нет!» — звучало в его ушах.
Он припомнил день, когда Клава впервые надела это вечернее платье, — он назвал ее монашкой, а она вся зарделась и весь вечер была сама не своя. Так вот оно что!
На столе возле водогрея уже лежали на боку горы перевернутых тарелок. Елизавета Петровна только что взялась перетирать их, когда в кухню стремительно во-шел Григорий Петрович и, схватив ее за локоть, требо-вательно спросил:
— Что у нее было с Гаршиным?
Елизавета Петровна выронила тарелку. Тарелка со звоном разбилась. Елизавета Петровна наклонилась было подобрать осколки, но Григорий Петрович с силой притянул ее к себе и повторил с гневной настойчиво-стью, какой она и не предполагала в нем:
— Что у нее было с Гаршиным?
Она возмущенно выпрямилась. Сквозь волнение по-думала: «Вот он какой, недаром заводские говорят, что крут! Знала я, знала, что эта встреча до добра не дове-дет».
— Можете спросить ее сами, — сухо сказала она, высвобождая руку. — Ей нечего скрывать от вас, а я...
Она смолкла на полуслове, потому что в лице Немирова проступило такое страдание, что все ее раздраже-ние улетучилось.
— Ничего особенного не было, — тихо сказала она и взялась перетирать тарелки. — Он ухаживал за нею перед войной. И вы сами видите, какой он. Я думаю, она увлекалась им. Он даже предложение делал. Только ведь он легкомысленный человек, она скоро поняла это...
— Она любила его, — упавшим голосом сказал Не-миров.
— Это было очень давно, Гриша.
Елизавета Петровна редко называла его так, и от этого ласкового обращения он почувствовал, что неожи-данное несчастье придвинулось вплотную.
Но Елизавета Петровна продолжала говорить, пере-тирая тарелки, и эти ее плавные движения и ровный голос действовали успокоительно:
— В жизни женщины бывают случаи, которых не стоит касаться. Она вас любит, Гриша. А это давно прошло. Ей было нелегко встретиться с ним сегодня. Но вы же видите, она не захотела испортить вечеринку, она думала о вас.
— Но вы! Вы! — с гневом вскричал Григорий Петро-вич.— Вы-то могли предупредить меня? На кой черт было звать его! Да я б его и на порог...
Елизавета Петровна гордо вскинула голову — дви-жением, одинаково свойственным и матери и дочери:
— Это значило бы придавать значение тому, что значения не имеет.
Он ушел немного успокоенным — и правда, зачем придавать значение тому, что значения не имеет! Надо не обращать внимания, а потом спокойно посмеяться вместе с нею... Но в памяти вставал Гаршин таким, каким он был после пляски, с этим озорным чубом, па-дающим на разгоряченный лоб... вот он, человек, кото-рого Клава по-настоящему любила!
В передней, привалившись к куче пальто, храпел Гу-саков. Молодежь одевалась, собираясь уходить. Григо-рий Петрович хотел удержать их, но Пакулин объяснил, что Вале нездоровится и нужно проводить ее домой. Валя, такая веселая в начале вечера, в самом деле ка-залась больной.
В кабинете кружком сидело человек десять, играя в непонятную Немирову игру, — что-то передавали по ру-кам, что-то отгадывали. Верховодила там Катя Смолкина, покрикивая на тех, кто пытался плутовать. В другом кружке жена Диденко рассказывала какую-то историю. Ася смеялась громче всех, а Воловик дремал с откры-тыми глазами, сонно улыбаясь. В сторонке, прямо на ковре, сидели Полозов и Карцева, у них шел отдельный тихий разговор. Немиров подумал: «Вот и тут, наверное, любовь!» — и ужаснулся; поняв, кого он объединил этим словом.
В опустевшей столовой Клава снова учила Алексе-ева танцевать.

Гаршин сидел под открытой форточкой и жадно ку-рил. Немиров видел, что он следит за каждым движени-ем Клавы, и по особой живости и легкости движений Клавы понял, что она это знает.
«Не надо придавать значения», — повторил себе Не-миров, направляясь к группке наиболее почтенных гос-тей, откуда доносился азартный голос Диденко:
— Конечно, наша эпоха — эпоха увеличения скоро-стей, давлений, напряжений, температур!
Котельников, размахивая рукой с зажатой папиро-сой и роняя пепел на колени, мечтательно говорил:
— А металл? Это ж такая температура, что металл светиться будет.
Григорий Петрович шутливо напомнил:
— А кто собирался штрафовать за деловые разгово-ры?
— Какие же это деловые? — удивился Диденко. — Это ж просто очень интересные вещи!
Григорий Петрович украдкой оглянулся на Клаву и подтянул кресло. Как он ни внушал себе, что ревновать пошло и следить за Клавой недостойно ни ее, ни его самого, он все же весь этот долгий вечер отмечал: вот она ушла в другую комнату, и почти сразу за нею пошел Гаршин, и они там чему-то смеются; вот она подошла и послушала, о чем говорят, и снова ушла туда, где остался Гаршин, медленно ступая и шелестя платьем... Какое у нее сегодня незнакомое, возбужденное и недоб-рое лицо!
Гости начали расходиться в третьем часу. Костя группами развозил их по домам, только Полозов с Кар-цевой и Воробьев с Груней решили пройтись пешком. Они вышли вчетвером, но ясно было, что за дверью Воробьев и Груня найдут предлог остаться вдвоем, тем более что Ефим Кузьмич уехал раньше, с помощью Ка-ти Смолкиной растолкав и кое-как погрузив в машину Гусакова.
Когда Григорий Петрович отправил очередную пар-тию гостей и вернулся наверх, в передней одевались Любимовы и Гаршин. Клава стояла в сторонке, при-нужденно улыбаясь. У нее был очень усталый вид.
Гаршин подошел к ней проститься, поцеловал ее руку и что-то быстро, настойчиво сказал, видимо даже не думая о том, что его могут услышать. Клава ответи-ла одними губами, он снова что-то сказал, она отрица-тельно качнула головой и ушла, забыв попрощаться с Любимовыми.
— Ваша жена прелестна, — сказала Алла Глебовна.
— Я просто влюбился, — не моргнув глазом, сказал Гаршин и улыбнулся Немирову.
«Туман наводишь?» — со злостью подумал Григорий Петрович и самым приветливым образом пошел прово-дить гостей вниз. Машина еще не вернулась, они остано-вились в подъезде, в блеклом свете начинающегося утра.
— Чудесно отпраздновали! — с искусственным ожив-лением говорил Гаршин. — Теперь, Григорий Петрович, можете не беспокоиться, ка-ак навалимся на вторую турбину — вытянем еще быстрее!
— Ну вот, нашли когда о турбинах заговаривать! — усмехаясь, сказал Немиров. — Вы же мой гость, я вам обязан только приятное говорить! Что плясали здорово, что мой приказ ухаживать за нашими дамами выполня-ли старательно... что ж, за это хвалю! А уж если о делах... так эти слова «навалимся» да «вытянем» пора забыть! И вам, Виктор Павлович, особенно. На первой авралили — я еще стерпел, а на второй так же попро-буете — голову сниму!
Клава лежала, на кровати, уткнув лицо в подушку. Туфли валялись на коврике, из-под длинной юбки свешивалась узкая ножка в прозрачном чулке.
— Ты что, Клава?
Ее спина вздрогнула под его ладонью, он услыхал всхлипывания.
— Клава, родная, я же ни в чем...
— Еще бы! — с негодованием вскричала она, повер-нув к нему заплаканное лицо. — Я не знаю, что ты ду-маешь и подозреваешь. Я бы не стала скрывать, если бы ты спросил. Но ходить весь вечер с таким видом... допрашивать маму... прислушиваться и приглядывать-ся, как будто я... Разве ты не понимаешь, что я сама никогда, никогда не позволю себе ничего такого, что тебе неприятно!..
Он обнял ее и гладил короткие, разлетающиеся воло-сы, уверял, что ни в чем не подозревает ее, и внутренне холодел от мысли, что она сказала полную правду и что она не позволит себе — именно не позволит себе посту-пить так, как ей хочется.

3

Теплым воскресным утром Аркадий Ступин пришел к Аларчину мосту и три часа подряд бродил по набе-режной взад и вперед, вглядываясь в верхние окна мно-гоэтажного дома на другом берегу канала. Еще недавно Аркадия поражало, что Валя живет в таком мрачном доме, в скучном и порядком запущенном уголке города, возле моста, носящего непонятное, не ленинградское название. Но теперь этот мрачный дом подходил ей: Ар-кадию казалось, что она вбегает в узкий темный двор, как в закут, где можно выплакаться.

С нею произошло что-то недоброе. Он знал это, хотя не знал ничего. Любовь развила в нем чуткость, кото-рой раньше у него не было. Может быть, какой-то подлец обидел ее. Он бы с радостью расквитался с этим неиз-вестным обидчиком, он бы с радостью помог Вале... но как? Чем? Как предложить свою помощь девушке, кото-рая тебя не замечает, не видит, не слышит, которая от-ворачивается, когда ты подходишь к ней?

Он робел перед Валей, хотя до встречи с нею не робел ни перед одной женщиной. Она была независи-мым и самостоятельным человеком. Он понял это с пер-вого дня, когда увидел ее на репетиции драмкружка и с наглым любопытством откровенно разглядывал ее. «Хорошенькая! — сказал он себе с той упрощенностью суждений о женщинах, которая была ему свойственна, — поухаживаем!» Несколько раз он перехватывал ее вни-мательный взгляд и успел дважды подмигнуть ей. Те-перь он с отвращением вспоминал об этом пошлом под-мигивании, но в тот вечер он подошел к ней и сказал, победоносно улыбаясь:

— Давайте познакомимся как следует. Разглядеть друг друга мы уже успели, правда?

Блеснув глазами, Валя четко произнесла:

— Да. Я сразу вас приметила: такое неприятно-са-моуверенное лицо.

И, повернувшись на каблучках, ушла.

Позднее он хорошо изучил ее привычку неожиданно поворачиваться и уходить, и каждый раз это подавляло его. А в тот первый раз он в ярости выбежал из клуба. Валя была уже далеко, она свободно шагала маленьки-ми мускулистыми ногами. Ее узкие плечи, обтянутые стареньким пальто, независимо вскинутая голова в си-нем берете, из-под которого распушились светлые воло-сы, и вольная энергичная походка так понравились Ар-кадию, что всю свою ярость он обратил на самого себя: «Идиот!»

С того дня все, что он делал, было так или иначе связано с Валей. Он прекрасно понимал, что Николай Пакулин изо дня в день «работает» с ним, что и в обще-житии комсомольцам поручено воспитывать его, чтобы он не напивался, не хулиганил и посещал лекции и вече-ра самодеятельности. Но на лекции и вечера он упорно не ходил, над своими «воспитателями» посмеивался и был твердо уверен в том, что у них ничего не вышло бы, не захоти он сам измениться. А измениться ему хоте-лось, потому что ему была невыносима презрительная усмешка Вали.

Однажды он увидел ее у доски Почета, где только что вывесили фотографии особо отличившихся рабочих. Он подошел и указал на фотографию Николая Пакулина:

— Мой бригадир.

— А вас здесь нет?

Валя усмехалась — должно быть, знала о нем боль-ше, чем он предполагал.

— Пока нет, но буду.

Как он priналег тогда на работу, добиваясь успеха, отличия, похвалы! Сперва он «рванул», надеясь прийти к славе самым быстрым способом, но вместо этого запо-рол бронзовую втулку. Николай вытащил деталь на собрание бригады, и она переходила из рук в руки, так что Аркадий пережил десять минут незабываемого позо-ра. Его задело всерьез, он стал присматриваться к мето-дам работы лучших стахановцев, потихоньку подражая им. Пакулин заметил его старания и предложил:

— Чего в одиночку бьешься? Давай посоветуемся, лучше пойдет.

Первым побуждением Аркадия было послать его к черту, но уж очень ему хотелось добиться успеха. И он скрепя сердце согласился.

Оказалось, что он не знал многих важных истин, известных Николаю. Пришлось выслушивать терпеливые объяснения и даже читать книжки (чего с ним раньше не случалось), он обдумывал очередность и точность своих движений, вникал в таинство обработки метал-ла — и сам удивлялся, как можно было работать, не понимая всего того, что открылось ему теперь.
Сперва он болезненно опасался насмешек — «гляди-те-ка, Аркадий в передовики лезет!» — но никто не сме-ялся и не удивлялся, гораздо больше удивлялись рань-ше — здоровый, способный парень, а плетется в хвосте!
Успех пришел к Аркадию незаметно, когда он уже не рвался к нему в стремлении быстро прославиться, а увлекся делом и научился работать с умом.
С Валей он встречался два раза в неделю на репети-циях и урывками, мимоходом ежедневно видел ее в цехе. Мостовой кран, солидно проплывающий в вышине, казался ему родным. Когда кран приближался к его участку и Валя выглядывала из своей голубятни, Арка-дий махал ей рукой и верил, что она замечает это, хотя она ни разу не ответила. Иногда ему казалось, что Валя сторонится его потому, что он не комсомолец. Вступить в комсомол? Так поздно, в двадцать четыре года? Каж-дый спросит: а где ты раньше был, переросток? Он го-тов был пройти через это, чтобы получить право сидеть рядом с Валей на собраниях и говорить с нею, как Пакулин и другие комсомольцы. Они все были на «ты», ходили друг к другу в гости, устраивали походы в театр и экскурсии. Правда, они приглашали с собою всю моло-дежь и гордились «охватом неорганизованных», но Ар-кадию претила мысль попасть в этот счет. Нет уж, если на то пошло, он сам себя «организует», а может быть, еще и сам затеет какой-нибудь поход, до которого никто другой не додумался!
И потом, стоит вступить в комсомол, как на тебя навалятся всякие обязательства: сделай то, займись этим, стыдно не учиться — пожалуй-ка в вечернюю шко-лу!
Как раз в эти дни драмстудия начала ставить «Рус-ский вопрос» и решили попробовать Аркадия в роли Смита. Режиссер Валерий Владимирович заставлял Ар-кадия без конца повторять первые реплики Смита, вхо-дящего в редакцию.
— Превосходная внешность! — бормотал он и поче-му-то из-под руки, козырьком прикрыв глаза, вгляды-вался в Аркадия. — Ну, повторим сначала. Представьте себе как следует, что вы не были в редакции всю войну. Вы много повидали, многое продумали, вы изменились. Вы уверены, что и другие многое повидали и поняли. Вы рады возвращению, рядом — любимая женщина. Ну давайте посмелее, от души! Но вы американец, понимаете, американец, а не русский добрый молодец!
Аркадию страстно хотелось получить эту роль — потому, что она главная, и потому, что роль Джесси играла Валя. Он так старательно учил роль, что и во сне и на работе его преследовали реплики Смита.
— Еще раз, голубчик, — вздыхая, просил Валерий Владимирович. — Мы еще попробуем Румянцева. Но не будем отчаиваться. Только поймите — вы возбуждены, решается ваша судьба, вы мечтаете, что у вас все нала-дится: работа, женитьба, заработок — без долларов не будет ничего, понимаете? Вы в Америке. Джесси отка-жется от вас, если вы не сумеете заработать! Ну, начали.
Должно быть, режиссер остался недоволен, потому что на следующую репетицию назначил пробу Румянцеву — парню талантливому, не раз игравшему первые роли, но низкорослому и некрасивому. Аркадий был уверен, что подходит для роли Смита больше, и, провожая Валю домой, спросил ее, что она думает о нем в новой роли.
— Ой, Аркаша, вы просто уморительны! — сдержи-вая смех, ответила она. — Вы не американский журна-лист, а этакий ярославский ухарь-купец!
Заметив, что он обиделся и огорчился, она добави-ла дружески:
— Вам надо поработать, Аркаша, тогда дело пойдет. Вы, наверно, не готовились к роли. Что вы читали об Америке?
Он сконфуженно промолчал.
Назавтра она принесла ему несколько книг — ока-зывается, она попросила библиотекаршу подобрать ли-тературу об Америке, как только ей поручили роль Джесси. Он был очень горд, что она подошла к его стан-ку с пачкой книг и на глазах у всех несколько минут говорила с ним как с товарищем. Но слова ее были горь-ки для него.
— Поймите, Аркаша, — назидательно сказала она, и в ее голосе вдруг появились какие-то нотки, напоминав-шие Валерия Владимировича, — вам надо войти в образ Смита, в его... ну,

как это?.. психологическое состояние. Владеть его понятиями, предрассудками, его отношени-ем к жизни. Вам надо влезть в его шкуру.
— Я же не актер-профессионал, — буркнул он, чтобы смягчить удар.
— А мы? — возразила она, пожав плечами. — Или делать основательно, или не браться совсем.
Теперь все это осталось позади — Аркадий успешно репетировал роль Смита в очередь с Румянцевым, а Джесси играла другая девушка, — Валя покинула сту-дию.
Он проглядел, когда с нею случилась беда. Сперва он заметил только ее на редкость оживленный вид. Она необычно рано убегала из технического кабинета и про-пустила одну репетицию. На следующую репетицию она пришла счастливая и взволнованная, путала и пропу-скала реплики, смеялась своей рассеянности, была со всеми ласкова и невнимательна. Обострившимся чутьем влюбленного Аркадий уловил, что ласковость ее — от щедрости счастливого сердца, а невнимательность — оттого, что она мыслями далека от них от всех. А тут еще Валерий Владимирович пошутил, заметив ее рас-сеянность:
— Ну, Валечка, вам сегодня играть только влюблен-ную. Может, пройдем сцену семейного счастья?
У Аркадия потемнело в глазах, он начисто забыл свою роль и еле довел репетицию до конца. Ему хоте-лось проводить Валю и выведать, что с нею (он все еще слабо надеялся, что любовь тут ни при чем), но пока он репетировал последнюю часть сцены, Валя уехала одна.
А затем разразилась беда.
Второго мая Валя была на вечеринке у директора, а на следующий день, наверное, совсем не выходила из дому, так что Аркадий зря дежурил возле Аларчина моста. Когда он увидел ее в цехе, она была очень блед-на и так сосредоточена на чем-то своем, что он не по-смел подойти к ней.
В середине дня со стенда убирали разобранную тур-бину, и Гаршин затребовал мостовой кран. Аркадий увидел Валино помертвелое лицо, плывущее в вышине. Кран шел неровно, как бы спотыкаясь в нерешитель-ности.
— Давай, давай, черт побери! — заорал Гаршин и вдруг осекся, увидав Валю, и больше не кричал, жеста-ми показывая, что делать.
Все последующие дни Валя выглядела больною. Ар-кадий замечал, что девушки в цехе судачат на ее счет, но когда он приближался, они замолкали и смотрели на него с жалостным любопытством. Однажды ему уда-лось услышать, как одна из девушек говорила: «А он-то и смотреть на нее позабыл...» Аркадий прошел мимо, нарочно толкнув девушку плечом.
После работы Валя торопливо уходила с завода, опустив голову, избегая встреч. Ее поникшие плечи ка-зались такими жалкими! Если бы он знал имя того человека, он мог бы тряхнуть его за шиворот и послать к Вале — «иди, утешь»...
Поняв это, он постарался разозлиться. Предпочла другого? Ну вот и получай! Эта мысль доставила ему ко-роткую отраду, но в тот же вечер он снова издали шагал за нею, с тоскою глядя на ее поникшие плечи. Как всегда, она быстро вошла в узкий, темный двор. Он вытер кула-ком затуманившиеся глаза, понял — слезы. И тогда сказал себе, что любит Валю несмотря ни на что, — даже та-кую, жалкую, любящую другого и обиженную другим.
Шагая по улицам как одержимый, неизвестно куда и зачем, он повторял себе неистово, злобно, сжимая ку-лаки: не могу без нее, все равно, пусть любит другого, не могу и не хочу без нее.
Пробегав весь вечер по улицам, неутоленный и не-успокоенный, он снова очутился возле ее дома и поднял глаза к верхним окнам. Они были темны, все — темны, будто верхние жильцы сговорились не зажигать света или разом все выехали. Только час спустя он заметил, что и в других окнах почти нигде не видно света, и по-нял, что уже ночь.
«На что я рассчитываю? Это же глупо!» — сказал он себе и стал трезво припоминать свои отношения с Валей. Чтобы проводить ее, нужно было навязываться в провожатые. Если он не был рядом в ту минуту, когда она уходила, она даже не оглядывалась. Если он пред-лагал ей прогуляться или пойти в кино, у нее всегда находились отговорки.
Он давно мечтал зайти к ней хоть на минуту, но когда он попросил разрешения занести ей домой книги, она вежливо отказала:
— Не беспокойтесь, Аркаша, принесите в цех, мне все равно сдавать в библиотеку.
Не беспокоиться! Тогда он половину ночи ворочался на койке, раздумывая, как это понять: боится она впу-стить его, что ли?

А было проще — он не нужен ей, совсем не нужен. Она и не думала о нем. Даже когда он шел рядом с нею, она думала о другом и любила другого... Но, мо-жет быть, именно теперь, когда она одинока и несчаст-на, она сумеет разглядеть, что рядом с нею человек, любящий ее по-настоящему и стоящий любви гораздо больше, чем тот подлец?
Глубокой ночью, устало шагая по улицам в свое об-щежитие, он твердо решил завтра же после репетиции сказать ей все, что он думает, предложить ей свою друж-бу, помощь, предложить ей отомстить обидчику — все, чего она захочет.
На репетицию она не пришла, ее роль репетировала другая. С этою Джесси он просто не мог играть. Он сбежал с занятия и пошел к Аларчину мосту. Может быть, она заболела? Может быть, лежит там одна, без помощи?
Дворник сидел у ворот, попыхивая трубкой и косясь на Аркадия. Спросить у дворника, где живет Валя, по-казалось невозможным. Он отошел подальше и бродил по набережной, пока в последнем окне не погас свет.
Утром он догнал ее на улице и решительно сказал:
— Здравствуйте, Валя.
Она не ответила. Он настойчиво повторил свое при-ветствие, и она бросила, даже не посмотрев на него:
— Здравствуйте.
— Вы не были на репетиции.
— Я ушла из студии, — ответила она и ускорила шаг.
— Почему, Валя? У вас очень хорошо получалось.
— Так, — и вдруг, круто остановившись, быстро и зло проговорила: — Не выпытывайте, Аркадий, и оставь-те меня, понимаете? Тут ничего нельзя изменить. И не ходите за мной. Я не хочу. Мне неприятно.
Он остался один посреди тротуара.

4

«Я теперь культпроп, ты знаешь эту работу лучше, чем я, и поймешь, как много забот и хлопот на меня навалилось».
Аня сидела в техническом кабинете и писала письмо, которое никак не писалось.
Уже давно можно бы уйти домой: посетители ра-зошлись, кружки и школы отзанимались, — делать не-чего. Но уходить из цеха не хотелось. Весь день в тру-дах, в спешке, а к вечеру все успокаивается. Неторопливо пройдешь по участкам, поднимешься на стенд, где уже идет подготовка к сборке второй турбины, загля-нешь в конторку Ефима Кузьмича или в конторку Гусакова — послушать его незлобивую воркотню — и всегда встретишь или увидишь издали Полозова; то он на сборке, то на механических участках, то сидит с кем-либо из мастеров над графиком движения деталей. Про-верка графика, конечно, на Полозове. Все самое труд-ное взваливается на него! Нарочно, что ли? Раньше они ссорились, и Любимов по всякому пустяку придирался к Алексею, а теперь обращается с Алексеем уважитель-но. Да только хорошего в этом мало! Он же, как барин, все больше отстраняется от повседневных цеховых за-бот, рассуждает о генеральной реконструкции цеха, собирается в Москву… а Полозов за него работай!
Полозов... О чем они говорили в тот вечер у дирек-тора, сидя на ковре, на подушках, которые он потихонь-ку стащил с дивана? Алексей сказал, что «в общем от-носится к женщинам скорее отрицательно», она подшу-чивала над ним, а он попросил:
— Вы только не кокетничайте со мной, пожалуйста. Дело в том, что я терпеть не могу женского кокетства.
Она опять посмеялась — обожглись?
Он кивнул и сказал:
— Пока вы мне кажетесь лучше других, так что вы, это самое, не портите впечатления, ладно?

А ей как раз и захотелось кокетничать с ним, осо-бенно по дороге домой, когда Груня и Воробьев свер-нули в другую сторону и они остались вдвоем. Но в об-щем они себя чувствовали как два товарища, удивитель-но просто и легко. Интересно, что это была за женщина, о которую он «обжегся»? Давно это было? Кончилось это или нет? Нравлюсь я ему или нет? Он сказал в ту ночь: «Мне нравится, что с вами и помолчать мож-но». И действительно, большую часть дороги он молчал и мурлыкал под нос какую-то музыкальную фразу все одну и ту же, но на разные лады: «та-ти-та-тим-пам-пам! Та-ти-та-тим-пам-пам!» Под конец и она стала под-певать от нечего делать. «Та-ти-та-тим-пам-пам!» — а он вдруг спросил:

— Что это вы за чепуху бубните?

И очень удивился, узнав, что чепуха заимствована у него.

А третьего дня, после удачи Ерохина, он пристально поглядел на нее и сказал:

— Пожалуй, все-таки вас надо было послать на уча-сток.

Через час он позвонил ей в техкабинет по телефону и почти накричал на нее:

— Вас включили в комплексную бригаду? Ну и действуйте, чего вы меня ждете, как маленькая? Берите Шикина, Воловика, работайте, думайте! Няньку вам что ли, нужно?

Аня сказала как можно строже:

— Даже если бы мне нужна была нянька, Алексей Алексеевич, я бы ей все равно не позволила кричать на меня.

А он вдруг сказал:

— Мне нравится, что вы такая зубастая! И повесил трубку.

Ей были приятны эти слова и приятно то, что теперь Полозов, видимо, надеется на нее, раз требует от нее самостоятельности. Значит, Алексей Алексеич, я могу не только «вдохновлять»?..

Она старалась — и не умела — написать об этом в письме, которое никак не писалось: «Кажется, я начинаю оправдывать себя не только как энергичный «толкач», но и как инженер. Я понимаю, что это всего-навсего скромное начало, первая «заявка», но мне удалось ввести маленькое новшество на карусе-лях, оно дало эффект...»

Конечно, Ельцов порадуется за нее, но разве он мо-жет понять, как это было замечательно, когда цилиндр опустился наконец на планшайбу ерохинской карусели и Ерохин начал обработку двумя резцами, а все стояли, вслушиваясь в дружное гудение резцов. Аня слушала и слушала, вытянув голову над краем быстро вращаю-щейся планшайбы, — уже научилась понимать, какой получается звук, если деталь вибрирует, и какой, когда деталь стоит прочно, неколебимо. Деталь стояла проч-но, упершись боком в тяжелый угольник, а внутри нее два резца делали свое исконное дело, напевая в два голоса однотонную песню, и звук получался чистый, ровный.

Только после длительного наблюдения, когда Ерохин облегченно передохнул, Аня оторвалась от этой песни и взглянула на стоявшего рядом Полозова.

Он улыбнулся ей и сказал:

— Кажется, неплохо.

Она могла бы поручиться, что самые искренние позд-равления и похвалы были им высказаны сполна.

«Очень был хороший день, когда опыт удался. Но-вый способ даст нам только на одной операции часов пятьдесят экономии, а по трем турбинам — полтораста. Но ведь можно применить его и на некоторых других деталях».

Так написала Аня, с досадой чувствуя, что эти часы экономии, такие важные для нее, для Полозова, для цеха, — Ельцову покажутся попросту незначительными. Подумаешь, полтораста часов! А то, что стоит за ни-ми, — разве расскажешь человеку, который не живет всем этим день за днем? Разве расскажешь, что в тот день она шла домой счастливая, глубоко счастливая, и ее одинокая комната впервые не показалась ей одино-кой? Что теперь она ходит по цеху совсем в ином наст-роении, чем раньше? Что Ерохин тоже выглядит счаст-ливым, и часто замечаешь, что он поет за работой, а когда они встречаются — в его рукопожатии столько тепла и уважения, что ей самой хочется петь за рабо-той, так что иногда, если в техническом кабинете никого нет, она напевает то самое «та-ти-та-тим-пам-пам!». Все это делает жизнь чудесной, — но об этом не расска-жешь...

Похоже, Ельцов даже с некоторой ревностью отно-сится к ее работе, в последнем письме он пишет: «Ко-нечно, завод занимает тебя больше, чем я, но, может быть, ты возьмешь себе за

правило отвечать мне хотя бы на каждое пятое письмо? Складывай их где-нибудь на виду, как увидишь — пяток набежал, садись и пиши несколько строк, а письма — в корзину. И копи снова. Попробуй, дорогая, мне все же хочется изредка узна-вать, что ты и как».
Стыдно... Что бы там ни было, а Володя — большой, настоящий друг, они прошли рядом через столько опас-ностей, провели вместе столько трудных и хороших дней...
А письмо все-таки не писалось, и она поглядывала на дверь — Шикин и Воловик обещали прийти к ней, а может быть, и Полозов придет, если ему удастся вы-кроить время...
«Меня включили в комплексную бригаду, которая должна рационализировать одну из самых трудоемких работ...»
Уф, какая тощища! Ведь это по-настоящему интерес-но, а хочешь рассказать — вместо дружеского письма по-лучается какой-то технический листок!
«Сейчас как раз собирается наша бригада, поэтому кончаю. На днях напишу снова, не ожидая пятого пись-ма. Если бы мы встретились, я бы, наверно, сумела рассказать тебе об этом живей и понятней, оно гораздо интересней, чем написано. До свидания, дорогой друг!
Аня».
Она торопливо заклеила конверт, надписала адрес, не сразу припомнив номер почтового ящика. Как же это все отошло далеко-далеко, как будто ее отдалили не только десять тысяч километров, но и многие годы жиз-ни! А ведь и сейчас, как вспомнишь, все там мило, ин-тересно, дорого. Подробные письма Ельцова — «репортаж», как он называет их, — читаются с жадностью, каждая подробность занимает: пустили ТЭЦ, женился Карлушенко, замостили дорогу через перевал, приехало еще двести семей переселенцев, открылся гастроном в новом жилом городке...
Да, все мне интересно, мило, а только есть на свете город Ленинград, и этот завод, и этот цех — вся душа уже тут.
Сунув конверт в карман пальто, она заторопилась в цех, к людям, и с ходу натолкнулась на Алексея Полозова.
— Я за вами, Аня. Идемте к Воловику, а то здесь и подумать не дадут. Шикин ждет нас у выхода, а Воло-вик уже дома.
Проходя мимо почты, Аня вспомнила о письме, бро-сила его в ящик.
— А мне и писать некому, — со вздохом сказал По-лозов. — Сколько друзей в разных местах, а как-то не умею я переписываться.
Аня бегло улыбнулась — еще час назад ей почему-то подумалось, что Полозов, наверно, не любит и не умеет писать письма.
У Воловиков всем понравилось. После первых минут, когда Ася разыгрывала из себя чинную хозяйку дома, ей это надоело, и Ася стала самой собою, с любопытст-вом приглядывалась к товарищам мужа и вертела в руках деревянную модель диафрагмы, которую выпи-лил Саша, — не умел он думать, не помогая себе рука-ми, не представляя зрительно деталь, которую, нужно «одолеть».
Все по очереди вертели модель. Спорили, прикиды-вали так и этак. Мысленно подставляли ее под резцы «Нарвских ворот» и под скоростную головку фрезерно-го — воображаемого фрезерного гиганта, какого в цехе и не было. Как ни крути, получалось, что эти проклятые косые стыки надо обрабатывать по очереди, а не сразу. В этот вечер решить проблему не удалось. И все же была найдена новая отправная точка для дальнейших раздумий и споров — фрезерная скоростная головка. Кто первым предложил ее? Никто не помнил. Может быть, Полозов, а может быть, Шикин или Карцева. Как-то само пришло: а если скоростной головкой? Эта мас-сивная металлическая головка, ощетинившаяся резцами, уже прочно вошла в цеховой быт и перестала быть нов-шеством, так же как и высокие скорости резания, еще недавно считавшиеся диковинкой.
Хорошо, что мысль уже оторвалась от привычного процесса, от резца «Нарвских ворот». Скоростную го-ловку можно прикрепить куда угодно — на фрезерный станок или на перекладину какого-то другого, еще не существующего станка... а тогда почему не установить сразу две головки, с разных сторон, чтобы два стыка обрабатывать одновременно?
Где? На чем? Как?
— Я считаю, что шаг вперед сделан, — сказал Поло-зов, когда они все, порядком усталые, сели ужинать и весело набросились на печеную картошку, которую Ася спекла в духовке газовой плиты. — Ах, какая вы умница, Ася, нет ничего вкуснее такой картошки! — Он пере-брасывал

в ладонях горячую картофелину, постепенно обдирая ее запекшуюся кожуру и добираясь до рассып-чатой мякоти, от которой валил аппетитный пар. — Если вы каждый раз будете так угощать, я уверен — докона-ем мы эти диафрагмы, будь они неладны!
— А конечно! — поддержал Воловик. — Раз взя-лись.
Было поздно, когда Аня, Полозов и Шикин вышли на улицу.
— А ночи-то уже белые!
Все трое остановились — да, белые ночи начались, мягкий сумрак был окрашен лиловым отсветом зани-мающейся новой зари.
— Тут бы гулять до утра, — проговорил Алексей, вглядываясь в этот сумрак, который так и манил бро-дить и бродить по улицам, забыв о часах.
— Кому куда? — спросила Аня и уже протянула руку Шикину, чтобы распрощаться с ним, но Шикин го-рячо запротестовал:
— Мы вас проводим, Анна Михайловна! За кого вы нас принимаете?!
Она мысленно ответила: ох, тебя — за очень недо-гадливого человека.
Пошли втроем — Аня посредине, Шикин и Полозов по бокам.
Алексей заговорил вполголоса, как бы боясь нару-шить тишину ночной улицы. О том, какие милые люди Воловики, о том, что Ася, видимо, немного оправилась от горя и очень гордится мужем... Вы заметили, как она забавно притворялась чинной хозяйкой и как быст-ро это все слетело?
Аня также вполголоса рассказала, что ездила с Во-ловиком в Дом технической пропаганды, где ему пред-стоит делать доклад, и Воловик был очень смущен, все старался доказать, что неловко созывать людей со всего города ради него одного...
Они шли и разговаривали — вдвоем, перескакивая с темы на тему, а Шикин деловито вышагивал рядом, не пытаясь участвовать в разговоре. Вид у него был такой решительный и мрачный, как будто он выполнял тяжелую обязанность сопровождать этих двух людей, за-бывших о его присутствии.
Они как раз переходили через пустынный проспект, когда он вдруг схватил Аню за рукав пальто и пробормо-тал сдавленным голосом:
— Товарищи! Товарищи!..
Он поднял перед ними трясущиеся руки, сжатые в кулаки.
— Товарищи! А если одну головку снизу, а? Одну сверху, как обычно, а другую снизу, а?..
Они тут и остановились — посреди проспекта. Шикин согнул руку в локте и водил ею взад-вперед, изображая движущийся стол фрезерного станка, совал то сверху, то снизу кулак, суетясь и не умея внятно передать свою мысль.
Одна так, другая эдак... Понимаете? Ох, господи, это же так ясно! Да ну же, Алексей Алексеич, подержи-те руку, вот так. Ваша рука — стол, на ней лежит диа-фрагма, понимаете?.. Теперь мои кулаки — скоростные головки. Так? Смотрите же!
Он сверху подвел к вытянутой ладони Полозова один кулак, а снизу — второй, и его мысль стала наглядна и поразила и Полозова, и Аню: конечно же, две головки могут одновременно и с разных сторон подрезать косые плоскости, направленные в разные стороны.
Но можно ли тут добиться той безукоризненной точ-ности, какая требуется, чтобы стыки сошлись вплотную, так, что и волос человеческий между ними не поместит-ся? И как, на чем прикрепить эти две скоростные го-ловки?..
Стоя на трамвайных путях, они крутили кулаками над вытянутой рукою Полозова, и редкие пешеходы косились на них, удивленно вслушиваясь в их возбуж-денное бормотанье и принимая их за подвыпивших ноч-ных гуляк.

5

Они сидели вдвоем — директор завода и Саша Воло-вик. Весеннее солнце обжигало затылок Саши и дрожало на стекле директорских ручных часов, — когда Григорий Петрович шевелил

рукой, солнечный зайчик прыгал по потолку, и Воловик невольно следил за ним растерянным взглядом.
— Семья у вас есть, Александр Васильевич? — Не-миров тут же вспомнил, что знаком с его женой, по-правился: — Я имею в виду детей — еще нет?.. А как у вас дома — условия для работы хорошие?
— Все в порядке, — пробормотал Воловик.
Десять минут назад директор сообщил ему, что за-вод решил выдвинуть его изобретение на государствен-ную премию. Как ни старался Воловик справиться с со-бою, ничего не выходило — губы стали непослушными, мысли путались.
— Что ж, вам видней, стоит оно того или не стоит, — поднимаясь, сказал он. — Только лучше бы вы мне ни-чего не говорили. Будет так будет. Все-таки, знаете…
Григорий Петрович встал проводить его, пожал руку:
— Растревожило? А не сказать нельзя, как же в молчанку играть с таким делом? Оформить все нужно, документацию подготовить. И потом, Александр Василь-евич, выдвижение на премию, дадут или не дадут, само по себе — признание, радость и почет. Почему же и не порадоваться?
Воловик покачал головой, вздохнул:
— Я так думаю, Григорий Петрович, — вряд ли да-дут. Ничего в моем станке нет такого особенного. С косыми стыками наша бригада куда труднее задачу ре-шает.
— Ну и как?
— Да вот Шикин одну интересную штуку предло-жил.
Он попробовал объяснить, по привычке заводских людей тут же показал руками, как оно получится, по-искал на директорском столе карандаш и бумагу, не нашел. Григорий Петрович достал лист бумаги, с улыб-кой придвинул стакан с остро отточенными карандаша-ми. Начав чертить и пояснять, Воловик сразу успокоил-ся, а директор взволновался: фрезерная головка! гигант-ский фрезерный станок! Все, что касалось фрезерных работ, было ему близко и, по старой памяти, дорого.
— Так ведь это здорово! — воскликнул он, вникнув в замысел бригады. — Что ж медлить? Оформляйте про-ект, рассчитывайте, — внедрять надо!
Воловик выпрямился, по рассеянности сунул каран-даш в карман пиджака, задумчиво пожевал губами.
— Не знаю, Григорий Петрович, может, лучшего ва-рианта мы и не найдем. А только, кажется мне, есть он — лучший вариант!
Когда он уходил, Григорий Петрович предложил:
— Знаете что, Александр Васильевич, идите-ка сей-час домой! Растревожил я вас, в голове туман... Вер-но? Жену обрадуете, отдохнете.
Воловик удивленно вскинул глаза:
— Ну, зачем же сейчас? Приду вечером, скажу. Это успеется.
Дверь за ним закрылась. Григорий Петрович про-шелся по кабинету, распахнул окно, впустив свежий прогретый солнцем ветерок. От ветерка вспорхнул и полетел со стола лист бумаги с наброском фрезерного станка.
Лучший вариант?.. Может, в этом и проявляется сила таланта. Ведь вот же я сразу ухватился — хорошо, интересно, внедрять! А он еще десять раз перевернет.
Дверь приоткрылась, просунулась голова Волови-ка — лицо красное от смушения:
— Простите, Григорий Петрович, я у вас карандаш стащил.
Протянул карандаш, поклонился и быстро ушел.
Григорий Петрович стоял посреди кабинета и груст-но усмехался. Эх, до чего же хорошо сейчас этому пар-ню! Впереди все ясно, дома жена обрадуется, обнимет — и никаких тревог, ответственности, вот этой томящей неясности и боли... Не оттого ли он так спокоен? Даже домой пойти отказался — зачем, успеется. Если бы с ним, с Немировым, случилось такое — разве он утерпел бы до вечера, чтоб не сообщить Клаве, чтоб не увидеть, как просияет ее милое лицо, и не услышать ее простое: «Ой, Гриша!»
Ему захотелось немедленно позвонить Клаве, — мо-жет быть, обрадуется, скажет что-нибудь ласковое? Нет. Теперь все чаще она торопливо говорит: «Ой, мне сей-час ужасно некогда», — и это «ой» звучит досадливо, небрежно. Что с нею происходит? Спросишь — говорит: «Работы много, и воюю, своего добиваюсь». Но разве это причина, чтоб допоздна пропадать где-то и прини-мать люминал, — иначе не спится?.. С той ночи, когда он увидел ее плачущей, как будто

ничего и не произош-ло, но в их жизни невидимо присутствовал Гаршин, и хуже всего было то, что Немиров тут ничего не мог по-делать. Он попытался однажды заговорить, Клава быст-ро сказала: «Оставь. Я сама». Что «сама»? Значит, что-то продолжается? Карандаш хрустнул в его пальцах, Немиров сунул его в стакан, подобрал листок с наброском Воловика и снова невесело усмехнулся, поняв, что завидует этому милому парню, у которого все в жизни просто и ясно.

А Воловик медленно шел по заводскому двору к цеху, и в голове у него еще стоял туман, и очень хоте-лось домой, к Асе. Даже не говорить ничего, а просто побыть дома, поцеловать ее, потащить гулять или в ки-но... А говорить ей ничего не надо. И так она возом-нила невесть что! Началось с вечеринки у директора. Вернувшись до-мой, Ася у порога кинулась мужу на шею:
— Теперь все будет иначе, Саша, клянусь тебе… все, все будет иначе!
Шляпка ее съехала назад и чудом повисла на ее растрепанных волосах.
Воловик поцеловал ее, усмехнулся:
— А ты немножко пьяненькая.
— Ну и пусть, — пробормотала Ася с самозабвенной улыбкой. — Зато я все, все поняла.
Через минуту, уже в халатике и с полотенцем на плече, она сказала:
— Ты сегодня был одет хуже всех, это ужасно. Мне было так стыдно! Что это за костюм! Мешок какой-то. Пузыри на коленях. Почему ты сам не сказал, что тебе нужен новый костюм?
Он не придал разговору значения, но Ася в первую же получку купила материю и, хотя денег уже почти не оставалось и было неизвестно, как прожить до новой получки, потащила мужа в ателье. Ну и сцену разыграла в ателье Ася! В один миг преобразившись в придирчи-вую, опытную заказчицу, она переворошила все журна-лы мод, замучила вопросами и указаниями закройщика, поспорила о сроках с приемщицей и заведующим, уве-ряя, что костюм срочно нужен для приемов и докладов среди ученых! Воловик краснел, злился и наконец сбе-жал. Ася догнала его и расхохоталась.
— Ну как тебе не стыдно! — попрекнул он Асю. — Какие приемы? И что ты там болтала насчет знаменито-го изобретателя?
— Ты и есть знаменитый, — строго сказала Ася. — И, пожалуйста, не спорь.
А тут завод премировал Воловика за изобретение, и тотчас были куплены желтые ботинки, фетровая шляпа, самые лучшие рубашки и серия галстуков. Воловик лю-бил носить косоворотки, украинские рубашки, а летом — футболки и майки. Стягивать шею воротничками и гал-стуками было для него страданием.
— Да куда я пойду таким петухом? — тщетно отби-вался он. — И зачем мне это? Я ж на себя не похож стал!
— Вот и хорошо,— отвечала Ася. — Ты теперь то в президиуме, то с трибуны выступаешь, — разве можно таким растрепой!
— Так ведь и в президиумах — свои люди, это ж не выставка женихов!
— Саша! — с новыми, властными нотками в голосе прерывала Ася. — Я в твои изобретения не вмешиваюсь, когда ваша бригада собирается? Ну и ты в мои дела не вмешивайся!
Как ни хотелось Воловику поделиться с Асей ошело-мившей его новостью — придя домой, промолчал. Дру-гая бы заметила, что муж какой-то странный, и радост-ный и задумчивый, но Ася как будто и внимания не обратила, только ночью вдруг шепотом спросила:
— А ты меня не разлюбишь теперь, когда ты такой знаменитый?
— Ну что ты выдумываешь, Асенька? — пробормо-тал он. — И какой я знаменитый? У тебя вошел в сла-ву — ну и хорошо, мне достаточно.
Слава действительно пришла к нему.
Однажды в цехе появились люди с киноаппаратами, протянули по цеху провода, установили прожекторы, долго прикидывали, как и откуда лучше снимать Воло-вика и его станок, командовали мастерами и Карцевой. От смущения перед другими рабочими, наблюдавшими съемку, Воловик опускал голову и прятал лицо, но ки-нооператоры кричали:
— Повторяем все сначала! Голову выше! Улыбай-тесь, говорите, чувствуйте себя свободно! Начали!
Воловик стоял измученный, потный от волнения и от жары, пышущей от прожекторов. Его поражало, что Женя Никитин выполнял все указания операторов так естественно, как будто никто его не снимает.

— Веселей, веселей! — кричали операторы. — Шире улыбку, Александр Васильевич, смейтесь, говорите! Внимание, начали!
— Да ну, смейтесь же, Александр Васильевич, нель-зя же так! — шептала Карцева.
Она была очень строга с ним, эта славная Карцева, в чьих руках само собой сосредоточилось все, что свя-зано с пропагандой его изобретения. Иногда ему каза-лось, что он уже совсем не принадлежит себе. Карцева мимоходом сообщала ему:
— Сегодня приедет группа ученых, приготовьтесь де-монстрировать станок.
— Завтра вам делать доклад на металлическом за-воде.
Однажды она сняла его с работы и на директорской машине повезла в Дом технической пропаганды.
Седой инженер, кандидат технических наук, чьи кни-ги Воловик с уважением перелистывал в библиотеке, долго беседовал с Воловиком о его изобретении, его новых планах и о его знаниях.
— Где вы учитесь?
— Этот год нигде.
— Почему?! — огорчился седой инженер и с упреком обратился к Карцевой: — Вот уж это никуда не го-дится!
Затем он сказал, что они устраивают недели через три-четыре доклад Воловика для стахановцев и изобре-тателей машиностроительных заводов города, и гото-виться к докладу нужно начинать немедленно. Карцева и седой инженер заговорили о том, как оформить наглядные материалы к докладу. Никто не спросил Воло-вика, хочет ли он делать доклад, и он опять, как во вре-мя киносъемки, почувствовал себя подчиненным требо-вательной силе, подхватившей его жизнь и потянувшей ее, независимо от его воли, туда, куда нужно по общим большим законам жизни.
На обратном пути он пожаловался Карцевой:
— Знаете, Анна Михайловна, мне кажется — я выше росту поднят.
— Так подтягивайтесь! — ласково ответила Аня. — Это же хорошо!
Невидимые прожектора держали его в своих лучах, и от этих неотпускающих лучей становилось жарко и очень непросто жить. Он ходил как будто немного хмельной, ни на чем не мог сосредоточиться.
Однажды Воловику поручили выступить от имени заводского коллектива на большом общегородском ми-тинге, посвященном борьбе за мир. На митинге должны были присутствовать иностранные рабочие делегации. Ася торжествовала:
— Вот видишь! Хотела бы я знать, в чем ты поехал бы, если бы я не позаботилась!
Он весь вечер писал, перечеркивал и снова писал тезисы своей речи, пока Ася, красная от старания, отпа-ривала его новый костюм, на котором уже наметились пузыри.
На следующий день она стояла в толпе, заполнившей большой луг в Парке культуры и отдыха, и с гордостью смотрела, как ее Саша сидит в президиуме — в новом костюме, в желтых ботинках, в ослепительном галсту-ке, теребя в руках новую, но уже смятую шляпу.
В ожидании его выступления Ася не могла слушать никого другого. Только французская работница пора-зила ее воображение.
Вышла на трибуну седоволосая женщина с суровым, морщинистым лицом, говорила гневным, выразительным голосом, то и дело обрывая речь, чтобы переводчик пере-вел сказанное ею, и, пока говорил переводчик, стояла с тем же сурово-вдохновенным лицом, чуть приоткрыв рот, будто держа на губах последнее слово, чтобы сразу продолжить мысль. Говорила она о нищете рабочих, о борьбе женщин за свободу, независимость и мир.
— Не исключена возможность, что меня арестуют, когда я вернусь, но все равно — расскажу всю правду о том, что увидела в Советской стране, и буду бороться, бороться, бороться, пока не победим!
Так закончила француженка и под гром рукопле-сканий сошла с трибуны. Ася с ужасом представила се-бе, что есть еще такие страны, где вся жизнь рабочего человека — гнет, нищета и борьба, а за такую речь, которой здесь дружно рукоплещут, там сажают в тюрь-мы. И эта седая женщина живет там изо дня в день, из года в год...
Сразу после француженки слово предоставили Воло-вику.
Саша уронил шляпу и, втянув голову в плечи, вышел не на трибуну, а прямо на край подмостков. Он шарил по карманам, разыскивая написанную дома шпаргалку, не нашел ее, виновато оглянулся, а затем махнул рукой и, как-то сразу подтянувшись и повеселев, начал говорить.

К удивлению Аси, он совсем не запинался и не сму-щался. Он говорил о счастье свободно работать и тво-рить, о том, как быстро нарастает мощь Советского Союза — вернейшего оплота мира во всем мире, и что делают они — Саша и его товарищи — для мирного процветания родины.
Саше Воловику долго хлопали, а он совсем освоился на сцене и вместе со всеми ритмично хлопал в ладоши и кричал:
— Ми-ру мир! Ми-ру мир!
И Ася тоже хлопала и кричала, влюбленно наблюдая за Сашей.
Потом Саша вернулся на место и сел, наступив на свою шляпу, глазами разыскал Асю и улыбнулся ей. Ася отчаянно жестикулировала, пытаясь знаками объяс-нить ему, что он придавил ногой шляпу, а он никак не мог понять, чего она хочет, и так откровенно изображал свое недоумение, что и в президиуме и в публике обра-тили на них внимание. Чешский рабочий, сидевший ря-дом с Воловиком, первым сообразил, в чем дело, и, ко всеобщему удовольствию, поднял шляпу, почистил ее рукавом и передал Воловику, дружески подмигнув Асе.
Ася была очень довольна переменами в их жизни, но Саша, как нарочно, с каждым днем становился все за-думчивее и словно не в духе. Спросишь его: ты устал? — скажет: нет, что ты, Ася, совсем не устал! — Может, не-доволен чем-нибудь? — Уверяет, что всем доволен. А вид какой-то смутный.
Заметив ее беспокойство, он старался держаться ве-селей. Он ничего не хотел скрывать от нее, просто он сам еще толком не разобрался, что его тяготит.
Как раз в эти дни душевной сумятицы подоспела по-ездка в Краснознаменку. Заводы, изготовлявшие для нового промышленного района машины, станки и всяче-ское оборудование, посылали в Краснознаменку деле-гацию — познакомиться со строительством и подписать социалистический договор. От «Красного турбостроите-ля» в делегацию включили Александра Воловика.
После предотъездной беготни, сборов и волнующего прощания с Асей Воловик очутился в вагоне скорого поезда в обществе шести незнакомых знакомцев. Пред-седатель делегации, конструктор Евграфов, чье имя не-разрывно связывалось с наиболее крупными и техниче-ски интересными типами генераторов, еще на перроне наскоро познакомил делегатов между собою. Воловик и тогда с интересом отметил известные в городе фами-лии — Боков, Горелов, Сойкин... однако в толчее проводов никого не разглядел и не запомнил в лицо.
К огорчению Воловика, кроме прославленого масте-ра скоростных плавок Бокова и совсем юного бригадира Вити Сойкина, в его купе оказался четвертый пассажир, не принадлежащий к делегации, да к тому же еще жен-щина! Эту женщину Воловик приметил на перроне, — вытирая покрасневшие глаза, она говорила провожав-шей ее старушке:
— Ну, ничего, ничего... Ты ему оладьи пеки, он лю-бит. И кофе заваривай покрепче...
Когда поезд тронулся, женщина закурила папиросу и надолго затихла в коридоре у окна.
— Жаль, что не все свои, — шепнул Боков, выклады-вая из чемодана на столик кульки со съестными при-пасами.
— Кто хочет яблочков, товарищи? — предложил Сойкин, вытаскивая яблоки, которые были распиханы у него по всем карманам.
Воловик вспомнил о пирожках, испеченных ему на дорогу Асей. Пирожки изрядно подгорели, хотя Воло-вик убеждал Асю, что они только подрумянились и что он как раз любит румяные корки. Но удобно ли угощать незнакомых людей такими пирожками?
— Что ж, начнем знакомиться, — предложил Боков. Он был старше всех в делегации. Заслуженный ста-левар, чье имя прогремело еще в дни войны, а теперь по-стоянно мелькало на страницах газет, Боков вел все плавки скоростными методами и давал отличное каче-ство. Турбинщики знали и ценили «боковские» отливки.
Самым молодым в делегации был Витя Сойкин. Во-ловик приглядывался к нему с любопытством, так как знал, что Сойкин третий месяц держит общегородское первенство в соревновании комсомольско-молодежных бригад и что именно его мечтает обогнать Николай Пакулин. Сойкин выглядел смышленым, быстрым и весе-лым — из тех заводских пареньков, что и не хотя стано-вятся вожаками.
— У нас ваш соперник работает — Коля Пакулин, — сказал, ему Воловик.
Витя Сойкин насторожился, потом беспечно засме-ялся:

— Пусть старается, для того и соревнование.
И всем своим видом выразил задорную уверенность, что никто его не обгонит.
Заглянул Евграфов, пригласил всех троих в соседнее купе, где разместились остальные делегаты. Воловику было особенно интересно познакомиться с Гореловым, бывшим начальником турбинного цеха: Саша слышал про него всякое — и хорошее, и плохое; с тех пор как Горелов добился больших успехов на станкостроительном заводе, турбинщики, почему-либо рассердившись на Любимова, поговаривали — будь на его месте Горелов, все пошло бы иначе.
Горелов показался ему мрачноватым, колючим. Больше помалкивал, отвечал односложно, а сам зорко на всех посматривал, и чаще всего — на Воловика. Но не заговорил с ним. Витю Сойкина отрядили похлопотать о чае, все развернули свои кульки с домашней снедью, пошутили — по пирожкам Воловика сразу видно, что хозяйка у него молодая. Не прошло и получаса, как всякая скованность исчезла.
Евграфов незаметно, но упорно заставлял каждого рассказать о себе. Пришлось и Воловику говорить о своем изобретении. Он уже привык к этому, но тут было неловко — чего уж без деловой надобности хвастать!
— А вы не стесняйтесь, раз умно придумали, — сказал Боков. — Нам же интересно!
И, выслушав, уважительно спросил:
— А теперь над чем работаете, Александр Василье-вич?
Воловик ясно ощутил — в этой компании само собою разумеется, что человек, добившись одного успеха, ставит себе новую задачу. Боков вместе с учеными работает над созданием особенно прочной и жароустойчивой стали. Горелов занимается сокращением цикла производства станка. И так — каждый.
— Начал помаленьку думать насчет механизации одной работенки, — смущенно ответил Воловик, прибегая к таким необычным для него словам, как «помаленьку» и «работенка», чтобы умалить значение начатого труда. Он с досадой вспомнил, что весь этот месяц работал в комплексной бригаде от случая к случаю, только тогда, когда собирались все вместе. Решение, найденное Шикиным, не очень ему нравилось, но всерьез подумать, сосредоточиться, «покрутить» новое изобретение не удавалось.
— Какой именно? — заинтересовался Горелов.
Воловик объяснил — Горелов-то должен помнить, что за косые стыки и какая с ними волынка при обработке! Объясняя, он поглядел на Горелова и удивился — перед ним сидел как будто совсем другой человек.
— Очень интересно! — воскликнул Горелов. — А ведь сколько мы маялись с этими стыками! Да и со снятием навалов тоже! И как же это у вас получается? Специальный станок? Такого ведь нет, заказывать надо?
Заинтересовались и другие: ну-ка, объясните, как то у вас задумано?
Воловик чертил в блокноте, показывал руками — всем нравилось, а его не покидала ощущение, что где-то рядом, близко лежит еще не найденное, лучшее решение.
Когда очередь дошла до Вити Сойкина, Витя с простодушным удовольствием рассказал об успехах своей бригады, а потом его как бы понесло — Витя стал перечислять, куда его выбрали, куда посылали выступать, кто и где о нем писал, какие организации — от научно-технических обществ до клубов художественной интеллигенции — почтили его приглашениями и членством.
— Да, известность вещь такая, — проговорил Евграфов и отвел взгляд.
Все молчали. Только Витя, уже путаясь и чувствуя нарастающую неловкость, еще припоминал какие-то президиумы, где он сидел, артистов и писателей, с которыми его знакомили... Потом и он смолк.
— И ведь нужно все это, — первым нарушил молча-ние Горелов, не глядя на Витю, — и выступать, и в гости к артистам, к писателям ездить. Кому же рабочий класс представлять? лодырям? отсталым? Надо ездить, и самим это интересно, самих поднимает! Только, видимо, есть тут какая-то грань.
— Сам не заметишь, как закачало, — сказал Боков. — И туда тебя и сюда... ну и пошло — глаза раз-бегаются, нос кверху...
— Тут ведь еще совпадение какое! — заговорил Ев-графов. — Слава-то у нас по заслугам приходит — то есть как раз тогда, когда и сам человек собою доволен.

Воловик взволнованно слушал. Знал ли кто-нибудь, как важен для него этот разговор?
— Ну и верно: будь доволен, это ж хорошо!? — зая-вил Боков, посмеиваясь — Тут, по-моему, главное — головы не терять и от дела не отрываться… Что чело-век без своего дела? Мотылек-однодневка!
Витя молчал и помешивал ложкой в стакане так, что чай завивался воронкой.
А разговор уже устремился вперед, к цели путеше-ствия, к незнакомой еще Краснознаменке. И сразу закружился вокруг Евграфова — не потому, что он был главой делегации, а потому, что он больше всех знал.
Евграфов говорил скупо, не стараясь увлечь собе-седников, заботясь лишь о точности. Речь зашла о сплошной электрификации страны и о создании единой высоковольтной сети. Евграфов говорил об этом как о технической задаче, и только. Но все равно было очень интересно. Шутка сказать, в такой громаднейшей стра-не — единое электрическое хозяйство, как бы одной ру-кой направляемое. Тысячи станций, тысячи турбин — паровых и водяных, и все они помогают друг другу. Когда весенний подъем воды в реках позволяет гидро-станциям работать на полную мощность — линии пере-дач понесут избыточный ток за тысячи километров туда, где он нужен, облегчая работу паровых станций, а по-том, в свою очередь, паровые станции придут на по-мощь. Все края страны будут как бы сцеплены вместе этими мощными проводами, несущими через поля и ле-са ток высокого напряжения.
— Помните закон о пятилетнем плане в части элект-рификации? — напомнил глуховатый голос Евграфова и тут же очень точно пересказал нужные строки закона: — «Форсировать восстановление и строительство электростанций, с тем чтобы рост мощностей опережал восста-новление и развитие других отраслей». Вот отсюда и масштабы. С восстановлением, как вы знаете, законче-но. А строительство — оно с каждым днем расширяется.
Женщина, все еще стоявшая в коридоре у окна — Воловик время от времени с удивлением оглядывал ее одинокую, застывшую фигуру, — вдруг решительно шаг-нула к двери купе и как-то жалобно спросила:
— Можно к вам на огонек, товарищи?
Все поспешно сдвинулись, освобождая ей место.
— Захандрила я. А тут такой интересный разговор. Вы уж простите, я прислушивалась.
Боков выбрал самое гладкое и румяное яблоко, об-тер его носовым платком и протянул нежданной гостье:
— Угощайтесь. И поделитесь, если не секрет, с чего вам взгрустнулось? Или поневоле уезжаете?
Она надкусила яблоко, усмехнулась:
— Даже не знаю, как объяснить. Еду по большой охоте, сама добивалась, чтоб послали. А уезжать не хотелось. В нашей профессии таких противоречий много.
И она рассказала: нарочно подогнала командировку в Ленинград так, чтоб встретиться с мужем, когда он приедет на две-три недели из Бухтармы, а мужу при-шлось задержаться из-за ранней весны, встреча не со-стоялась. Обидней всего, что он приедет дней через пять.
— А повременить с отъездом никак нельзя было? — осведомился Боков и раскрыл перед ней коробку ле-денцов.
— Что вы, меня вся партия ждет! — сказала она и со вздохом сунула в рот леденец, — Слыхали вы о про-екте Большой Волги? Проект уже в правительстве, изы-скания ведутся напряженно, сроки предельные.
— А вы чем же именно заняты там?
— А я начальник инженерно-геологической партии. По изысканию строительных материалов. Знаете, мест-ные пески, камень, известь, гравий... Для одних только бетонных работ сколько всего нужно!
Она понизила голос:
— Это будут такие грандиозные стройки, товарищи! Судя по всему, даже Днепрострой рядом с ними может показаться маленьким.
— Днепрострой — маленьким? — воскликнул Воло-вик. В его памяти встала километровая плотина, замк-нувшая Днепр от одного берега до другого.
Женщина улыбнулась:
— Судя по размаху работ, по заданиям, которые мы получили... Потребность в материалах планируется та-кая... ну, прямо астрономические цифры! Да и не толь-ко на Волге. Мои

товарищи ведут изыскания на Днепре, ниже по течению, от Запорожья до Херсона. Там, види-мо, предполагается строить второй Днепрогэс, соединен-ный с оросительной системой. У них тоже такие цифры, такие цифры!..
Теперь, когда она оживилась, стало видно, что она гораздо моложе, чем показалось сначала. Может быть, немногим старше Аси.
— Меня хотели оставить в управлении, — знаете, как мужчины рассуждают? Если что-нибудь интересное, все им, все им! Я такой шум подняла... А в общем, ко-нечно, жизнь у нас цыганская, кочевая, — неожиданно закончила она, вздыхая. — Иногда по месяцу из рези-новых сапог не вылезаешь.
— А муж у вас, простите, тоже цыганской профес-сии? — осведомился Боков.
— Еще хуже, чем я! — с удовольствием откликну-лась она. — Он работает в Перспективном бюро.
Название всем понравилось: Перспективное!
— Бюро перспективного проектирования гидростанций, — уточнил Евграфов. — Так?
— Да, да, они вечно мотаются по берегам рек то на Севере, то в Сибири, то в Средней Азии. Ищут места, где можно строить, выясняют грунты и прочее. Скоро ли там будут строить — это уж не их дело. Их дело — наметить створы, где удобно. Вот на Днепре пять ство-ров намечено — Горностаевский, Каховский, Казацкий... и еще каких-то два, забыла уже. Там тоже муж рабо-тал, то есть тогда еще он был не муж, но все равно... Сколько рек они изучили! Я даже названий таких раньше не слыхала — Непопадиха, Кума и Кундозерка, Хариузовка, Кайраккум... Когда мы соберемся компа-нией, геологи и гидротехники из разных партий, иногда кажется — ни одной речки не осталось, где бы наши не лазили да не бурили.
В эту ночь, лежа на верхней полке, Саша Воловик долго не засыпал, да и не хотел засыпать. Внизу, на-искосок от него, спала начальница геологической пар-тии, — завтра она сойдет на большой станции и, навер-но, никогда больше не повстречается. Он поглядывал на ее лицо, слабо освещенное голубым светом ночника, и старался представить себе, как сложилась бы его жизнь, будь у него жена вот такая — работник, товарищ... Когда-то он решал, что только на такой и женится. Но разве часто получается в жизни так, как задумаешь? И разве он мог полюбить кого-нибудь другого, когда есть Ася?
Сегодняшняя беседа растревожила его. «Что-то у меня неладно, — думал он, еще сам не понимая, что именно. — Станок я вытянул, а что-то упустил... Вон какие люди тут собрались! Ну, Витя — мальчишка. А я где-то посредине между Витей и остальными. Иногда мне казалось, будто я выдаю себя за кого-то другого, более достойного... Хорошо сказал Евграфов о славе. Конечно, я доволен, что станок изобрел. Так ведь когда это было! А теперь живу — день за днем, самотеком. И с этими стыками — расхвастался, а что сделал? Ку-старничаю, носом вниз...»
Уже засыпая, он с улыбкой вспомнил Асино требова-ние, чтобы на ночь он обязательно думал о ней, но и Асе он мысленно повторил: «Что-то у меня неладно...»

6

Каждое утро, проскользнув по цеху мимо знакомых людей, Валя торопливо поднималась на свою «голубят-ню», и эти восемь часов напряженнейшего труда были для нее теперь самыми легкими.
Мотаясь в вышине в своей подрагивающей кабине, Валя невольно отмечала перемену в темпе работ, пото-му что никто так ярко не чувствует изменения темпов, как крановщицы.
Бывало, и поскучаешь, и зевнешь от нечего делать, и, свесившись через борт кабины, понаблюдаешь, куда по-шел начальник цеха, с кем пококетничала подружка, на кого накричал Гусаков. А тут началось такое, что и выбившуюся прядку волос некогда заправить под пла-ток. Кран все чаще и чаще вызывают то в один конец цеха, то в другой — подать отливку, перенести тяжелую деталь с одного станка на другой, со станка на сборку, со сборки на стенд. Когда-то знала: если доставила ци-линдр на «чистовую» к карусельщикам, раньше, как на

пятый день, туда не позовут. Теперь прежние подсчеты только сбивают с толку — Ерохин отправил цилиндр в начале третьего дня, нижние части корпуса турбины уже переехали на стенд, предвещая начало сборки вто-рой турбины, и, что совсем уж удивительно, по цеху путе-шествуют тяжелые детали третьей турбины и даже чет-вертой...
Во время такой горячей работы нельзя думать ни о чем другом. А Вале как раз и хотелось — не думать, совсем не думать.
И все-таки от мыслей не спастись... Приближаешь-ся к стенду — Гаршин стоит там, ждет деталь, которую ты подаешь. Иногда и в другом конце цеха вдруг мельк-нет его плечистая фигура в синей робе. А то и нет его нигде, и не думаешь о нем, но оглянешь знакомый цех, увидишь знакомых людей — и вдруг поймешь, что все это уже не нужно и с тобою случилась беда, после ко-торой на всех смотришь ожесточенно и недоверчиво.
Если б можно было с кем-нибудь поделиться этим, было бы легче. Но странный и жестокий поступок Гаршина подорвал ее доверие ко всем людям вообще, вы-звал у нее злобу и мнительность.
Она не была наивна, ее отрочество было тяжелым и полным испытаний: война, блокада, утрата всех близ-ких, эвакуация по ладожскому льду среди изнуренных голодом, отчаявшихся людей, больница, детский дом... Она перенесла много бед, но именно беды научили ее ценить человеческую доброту и заботу — хорошие люди выхаживали ее в ярославской больнице, растили ее в дет-ском доме и привезли обратно в Ленинград, хорошие люди приняли ее в цехе, дали ей квалификацию, обогрели ее дружеской лаской.
Она поверила, что все тяжелое осталось позади. Впе-реди мерещилось только счастье.
И оно, казалось, пришло. Гаршин обратил на нее внимание и в первый же вечер, в непривычной и пуга-ющей Валю обстановке ресторана, объяснился с нею и добился ее признания. Как ей было весело и хорошо с ним! Какие чудесные вечера они проводили вместе, как они смеялись, когда он провожал ее домой и они про-бирались в темноте, с сотнями смешных предосторож-ностей, чтобы не наткнуться на незадачливого поклонника — Аркадия Ступина. Они поднимались по ступеням, прижимаясь друг к другу и невольно замедляя ша-ги на узкой лесенке, ведущей на самый верхний этаж. Там они стояли долго-долго, пока кто-нибудь не спуги-вал их. С каждым днем становилось все невозможнее расстаться с ним, да и зачем? Она любила его, а когда он целовал ее, она так верила в его любовь! Но она боялась соседей, и нему, видимо, тоже неудобно было, и Гаршин все нетерпеливей говорил о каком-то уезжаю-щем товарище, о ключе от пустой квартиры... «Тогда придешь?» — «Приду». Накануне вечеринки у директо-ра Гаршин провожал товарища. «Прямо с вечеринки — удерем в н а ш у квартиру?» — «Удерем».
Все, что произошло потом, было так непонятно и оскорбительно, что Валя не могла думать об этом без дрожи. Жгучий стыд охватывал ее, когда она вспомина-ла свое обещание, которым он грубо и необъяснимо пре-небрег!
Украдкой наблюдая за Гаршиным, она видела, что он ходит притихший и мрачный, что вспышки шумной веселости, свойственной ему, бывают у него все реже. Что томило его? Любил ли он когда-то давно директор-скую жену? Влюбился ли с первого взгляда теперь? Нет, директорская жена говорила ему «ты», они встре-чались раньше, что-то было между ними… Но, значит, она, Валя, не занимала в жизни Гаршина никакого ме-ста; значит, он совсем не любил ее, если мог так, сразу, начисто забыть о ней? Что же это такое? Как же он должен был презирать ее, если мог, не любя, нашепты-вать такие слова, если мог целовать ее и упрашивать ее прийти?
В течение целого вечера, забыв гордость, Валя попа-далась ему на глаза, сталкивалась с ним в дверях... он не замечал ее, проходил мимо, глядя поверх ее головы... Уж лучше б он соблазнил и бросил!
Ее отчаяние усугублялось тем, что окружающие дога-дывались о ее несчастье.
Если неподалеку оказывался Гаршин, на нее устрем-лялись любопытные взгляды. Девушки из инструмен-тального склада хихикали за ее спиной. Что они дума-ли? Никто ни о чем не спрашивал ее, и от этого ей каза-лось, что сплетня захлестнула петлей ее жизнь, и она не знала, как разрубить петлю.
Был в цехе человек, по-своему старавшийся помочь ей, — старик Гусаков. Поймав Валю в пролете, он с жалостью сказал:

— На себя не похожа стала, доченька. Не таись от старика. Если тебя кто обидел, я тому голову сверну.
Как всегда, от него пахло водкой и махоркой, но Вале хотелось уткнуться лицом в его грудь, обтянутую засаленной рубахой, и выплакаться. Сдержав это детское желание, она через силу улыбнулась:
— Да что вы, Иван Иванович! Нездоровится мне. Вот и все.
И убежала, глотая слезы.
Она старалась убедить себя, что Гаршин ветреный и дурной человек, недостойный того, чтобы его любили и из-за него страдали. Но она продолжала любить его и страдать из-за него, она принимала вину на себя и терзалась предположениями, что Гаршин счел ее легко-мысленной и слишком доступной, что его оттолкнула легкость, с какою она поехала с ним в ресторан, с ка-кою она позволила целовать себя и дала то обещание.
Оторвавшись от товарищей, от работы в техкабинете, от драмкружка, Валя осталась совсем одна. Только Ар-кадий Ступин как тень ходил за нею, но тень эта раз-дражала ее и усиливала ее отчаяние.
Как он объяснял себе ее горе? Что он подозревал? И почему не отвернулся от нее? Или он надеется, что такая — она обрадуется его любви и уже не захочет оттолкнуть его? Или он мечтает, что настанет его черед и он отплатит ей за все мучения?
Только дома, закрывшись в своей комнатке, выходя-щей окном на крышу, Валя обретала горькое спокой-ствие. Спокойствие было хуже отчаяния, потому что означало отрешенность от всего, что прежде заполняло жизнь.
Аркадий не мог подчиниться приказанию Валя и продолжал издали провожать ее и маяться вечерами возле ее дома, но он был далек от надежд, которые она ему приписывала. Он уже ни на что не рассчитывал и ничего не хотел для себя, он терзался страхом, что Ва-ля с отчаяния заболеет или что-нибудь сделает с собою. И еще его душил гнев против людей, стоявших ближе к ней, чем он, и теперь равнодушно отошедших в сто-ронку. Неужели Никитин, Пакулин и другие комсомоль-цы не видят, что их товарищ в беде? Неужели Валерий Владимирович, всегда хваливший Валю, так легко при-мирился с ее уходом из студии?
В воскресное утро, промаявшись несколько часов возле ее дома, он вдруг сообразил, что ни вчера после работы, ни сегодня она не выходила даже в булочную.
Нужно что-то делать, делать немедленно! Но что именно? Он был бессилен придумать что-либо и решил поговорить напрямик с Николаем, — в конце концов, Ни-колай ее друг, они оба в комсомольском бюро.
Он помчался к Пакулиным.
Всю дорогу он повторял упреки, которые обрушит на Николая. Всех учит, как жить и что делать, а самому наплевать на чужое горе! Эгоист, зазнайка, только о своей славе думает!
Он позвонил у двери, как будто дом горел, — неот-рывно, изо всех сил нажимая кнопку звонка. Он начал бы колотить в дверь, если бы она не открылась быстро.
Виктор открыл ее, держа в руке столярную пилу.
— А, Ступин! — удивленно, но равнодушно привет-ствовал он товарища по бригаде. — Ты к Николаю?
Николая не оказалось дома, он вышел за покупка-ми. Маленькая кухня, в которую Аркадий вошел, была так аккуратно прибрана, что Аркадий, растеряв запал гнева, принялся тщательно вытирать ноги о влажный половичок.
Худенькая пожилая женщина в пенсне вошла в кух-ню и, увидав незнакомого, вежливо пригласила в ком-нату. Комната была еще чище и уютнее кухни, а книга в руках хозяйки совсем смутила Аркадия. Он сел у са-мой двери, вытянувшись и покашливая.
Узнав, что гость — член пакулинской бригады, мать сняла пенсне и ласково оглядела незнакомого юношу:
— Заниматься пришли?
— Нет, я по делу, по срочному.
На столе поверх клеенки была постлана газета, на ней лежали учебники и тетрадки с надписями на оберт-ках: «В. Пакулин, I курс». А через полуоткрытую дверь Аркадий видел часть соседней маленькой комнатки — книжную полку, столик, заваленный книжками и тетра-дями, подоконник с рулонами чертежей.
— А вы где учитесь?

— Я готовлюсь поступать с осени.
Он записал в свой «план жизни» обязательство учиться, но еще не начинал готовиться и в душе не был уверен в том, что поступит. Для техникума у него не хватало знаний, а идти в вечернюю школу, в седьмой класс, казалось обидно — садиться за одну парту с мальчишками и два года быть школяром, прежде чем сравняешься с Витькой Пакулиным! А Витька к тому времени небось и до вуза доберется! Но сейчас он отве-тил так потому, что это было понятнее матери, у которой оба сына учатся.
— А что ж вы раньше не собрались? — поинтересо-валась мать. — Лет-то вам, наверно, побольше, чем Ко-ле. Или имеете образование?
— Николай в семье живет, ему легче, — неохотно ответил Аркадий и отвернулся, не желая продолжать разговор. Но мать добродушно спросила, почему он раньше никогда не бывал у Николая, — если в общежи-тии неуютно, приходил бы к товарищу, в семью, она всегда рада друзьям сына.
— К нам многие ходят, — сказала она и после дол-гого, но какого-то необременительного молчания задум-чиво сказала: — Да, так вот и двигается жизнь.
И Аркадий вдруг с болью подумал, что не ему и не Николаю, а вот этой матери надо бы поговорить с Ва-лей.
Пришел Николай. Мать взяла у него покупки и ушла в кухню, прикрыв за собою дверь. Николай вопроситель-но смотрел на Аркадия — приход товарища был не-кстати.
— Можно с тобой в открытую говорить? — удручен-но спросил Аркадий. — Мне очень нужно.
— Можно, конечно, — подавляя недовольство, сказал Николай. — Здесь... или пойдем походим?
— Давай походим.
Они вышли из дому и переулком между корпусами заводского жилого городка направились к раскинувше-муся за ним пустырю.
Кое-где среди старых фундаментов уже вымахнули и потянулись к солнышку молодые березки с нежными бе-лыми стволами-прутиками и первыми веточками, на ко-торых распускались почки.
Подбрасывая ногами попадающиеся на пути щепки и обломки кирпича, молодые люди прошли до середины пустыря и, не сговариваясь, сели на кирпичную кладку.
— Ты, наверно, удивишься, — предупредил Аркадий.
Николай качнул головой и отвел глаза, чтобы не смущать товарища.
— Я не комсомолец. — сказал Аркадий. — Это вы должны заботиться, если человек один. И вообще... А вот видишь, случилось такое дело… и черт его знает, почему я вижу, а вы не видите. Или, если уж совсем в открытую говорить... я люблю ее. Ты не смейся, Нико-лай.
— Чего ж тут смеяться, — сказал Николай и покрас-нел. — Это со всеми случается. Я не смеюсь.
Затем они помолчали. Наконец Николай напомнил:
— Ну, ну...
— Это о Вале. Она же ваш член бюро, и вообще.
Николай встрепенулся:
— А что ты знаешь?
— А ты?
Николай задумчиво смотрел в сторону, затем тихо спросил:
— Значит, ты ее очень любишь?
И тогда Аркадий заговорил — так, как он говорил сам с собою однажды ночью, задыхаясь от переполняв-шего его чувства и не умея ни скрывать, ни умалчивать ни о чем. Да, любит, любит до потери себя, хотя она попросту не замечает его, не подпускает его к себе, чтобы он помог ей или отомстил за нее.
— Ну как же ты отомстишь? — чуть улыбнулся Ни-колай. — В морду дашь, что ли, или вызовешь на ду-эль, как в девятнадцатом веке?
— Дам в морду хотя бы!
— Этим не поможешь. Тут есть только одно средст-во, как я понимаю. Это и в литературе... Левин и Кит-ти... И вообще я знаю такие случаи. Помочь — это за-ставить ее забыть, стать для нее лучше, нужнее, чем тот. Я и сам...
Он осекся, затем решительно докончил:

— Я и сам влюблен в одну девушку. А она не обра-щает внимания. Так ведь один путь — не надоедать же ей! — один путь: заслужить внимание, стать достойным. Разве неверно?
Аркадий с отчаянием вскричал:
— Валя-то несчастна! Ее обидели... может быть, очень жестоко обидели! Я все время боюсь, как бы она чего с собой не сделала!
— Она тебе ничего не говорила... что у них про-изошло?
— Мне!!
Снова помолчали.
— Ну и... они совсем не встречаются? Не говорят? Он и не подходит к ней?
— Кто?!
— Ну, Гаршин.
— Гаршин?!
Николай пожалел, что назвал это имя. Но кто мог думать, что Аркадий не знает!
Аркадий заметался, как в горячке. Лицо его и шея налились кровью.
— Гаршин! — прохрипел он. — Так это Гаршин... Гаршин!
— Я думал, ты знаешь.
— И еще инженер! Начальник! Ну, погоди...
— Ты, Аркадий, того... не безумствуй, — предостерег Николай, испуганный этим приступом гнева. — Есть другие средства.
— Какие?
Большой, с крутыми плечами, обтянутыми курткой, со сжатыми в кулаки огромными ручищами — Аркадий стоял перед Николаем и коротко, сильно дышал.
— Ты смотри, Аркаша, — повторил Николай. — Это тебе не пушкинские времена. И не в старой деревне — на кулаках решать.
Аркадий упрямо пригнул голову:
— А как? Ты скажи.
Николай сам не знал как. Все, что подсказывала память, в данном случае не годилось. Поговорить с Гаршиным напрямик? Но Гаршин ему не ровня, он просто пошлет его к черту. Поднять на партбюро вопрос о не-этичном поступке коммуниста Гаршина? Но что ска-жешь? Что Валя Зимина была давно влюблена в инже-нера Гаршина, а он не обращал на нее внимания, а по-том соблаговолил заметить ее, и несколько дней Валя ходила сама не своя от счастья?.. А потом что-то вдруг надломилось, и на вечеринке турбинщиков Гаршин да-же не подошел к Вале? Как тут судить со стороны, что у них произошло?
— Мы же ничего толком не знаем, — сказал Николай с досадой. — Бить — тоже надо знать, за что.
Аркадий впервые до конца ощутил тяжесть Валиного молчания, ее горя, загнанного внутрь. Вот и Николай ничего не знает. И с подружкой своей, Ксаной, Валя давно не встречалась; тоже, видимо, не призналась ей ни в чем. Может быть, дома у нее есть родные, подруги, мать?
— Живет она одна, у нее вся семья погибла в вой-ну, — сказал Николай, своими путями пришедший к тем же мыслям.
— А из дому она и не выходит.
Николай внимательно поглядел на Аркадия — вот до чего дошло у парня! А тот даже не смутился, выдав себя, — ему было все равно.
— В конце концов, дело именно в ней, — сказал Ни-колай. — Морду набить проще всего. Но разве Вале этим поможешь?
Аркадий зрительно представил себе, как он подхо-дит к Гаршину и бьет его с размаху по лицу. Даже во-ображаемый удар доставил ему острое удовлетворение. Но тут же он понял, что весь цех всполошится и весь цех узнает, за что Аркадий избил Гаршина. Печальная история Вали Зиминой будет обсуждаться по всем зако-улкам, обрастая подробностями, как всякая сплетня.
— Да, это не годится, — признал Аркадий, и пре-лесть мести померкла.
Через минуту, горько понурясь, он спросил:
— Так что же делать?
Они долго молча сидели рядом на кирпичах.
— Подлость это! — вдруг с горячностью воскликнул Николай. — Прямо подлость получилась! Ведь понима-ли, что случилось с нею что-то, и отступили — пусть мол, переживет, придет в себя. А тут, может, вовремя доброе слово сказать...

— А студия? Она Джесси играла, а ушла — и никто пальцем не шевельнул.
— А ты? — в упор спросил Николай.
— Что я? Да я...
— Вот, вот! — зло подхватил Николай. — Все мы так! Почему я, да как я, вдруг что-то подумают! А ты бы поднял вопрос на студии, с режиссером поговорил бы! Почему же не ты? Если человек любит, он, по-моему, всему свету не побоится сказать: люблю, берегу, защи-щаю!
— Я же и виноват?
Аркадия оскорбило это нежданное обвинение, — ведь именно он первым забил тревогу! И в то же время обвинение было справедливо. Он стеснялся говорить о Вале с членами студиии, с режиссером.
На следующую репетицию он пришел пораньше и отозвал режиссера.
— Вы вот что, Валерий Владимирович, — сказал он, втянув голову в плечи и мрачно, исподлобья глядя ему в лицо. — Хвалить Валю Зимину вы хвалили, захваливали даже... А какого ж черта теперь отмахнулись? Ушел себе человек — и ладно. Заменили. А почему ушел? Что у человека на душе? Вы ж человеческой душой занимаетесь — психологические состояния, прав-да жизни и все такое... а тут мимо прошли?
Валерий Владимирович изумленно слушал эту стра-стную речь, склонив набок седеющую голову и наблю-дая, как порыв чувства преображает лицо молодого че-ловека. Первым побуждением режиссера было оправ-даться. Но он был впечатлителен и тут же отбросил недостойное желание выглядеть правым.
— Спасибо, мой друг. Подтолкнули и пристыдили! — сказал он и, склонный к внешним проявлениям самых непосредственных движений души, добавил, картинно разводя руками: — Ведь думал, хотел разузнать, пойти к ней, вернуть! А не сделал... захлестнуло, завертело — человек-то и потерялся!
Аркадий по-прежнему исподлобья и все более недо-брожелательно разглядывал режиссера. Тот вдруг ко-зырьком приставил пальцы ко лбу и забормотал:
— Погодите, погодите... Это находка, мой друг! Вот так, именно так вы должны стоять и смотреть, когда слушаете Макферсона! Ну-ка, ну-ка, попробуйте сказать эти ваши слова... как это у вас...
Аркадий резко переменил позу:
— Я с вами о Зиминой. Без нее я все равно играть не стану.
Валерий Владимирович схватил Аркадия за руки, энергически потянул к дивану, заставил сесть рядом и сразу стал простым, естественным.
— Вы правы, Аркаша, — сказал он. — Что мне нужно сделать, по-вашему, и как повидать, ее? Пойти к ней домой? Или в цех? Что с нею случилось, вы знаете?
Они решили, что Валерий Владимирович приедет завтра к концу рабочего дня в комсомольский комитет завода, попросит вызвать Зимину и поговорит с нею о том, что без нее постановка провалится, что нехорошо подводить коллектив студии перед премьерой.
Аркадий видел, как Валя прошла в комитет. Он сло-нялся по двору и волновался — сумеет ли Валерий Владимирович душевно поговорить с нею, не оттолкнет ли ее этими своими словами и жестами. Когда режис-сер и Валя вышли вместе и направились к проходной, Аркадий метнулся в глубь двора, чтобы не быть заме-ченным.
На очередной репетиции Валя репетировала как всегда и с особою доверчивой ласковостью в голосе об-ращалась к режиссеру, так что сомнения Аркадия рас-сеялись. Аркадий не мог знать, что именно шумное и неприкрытое проявление участия и заинтересованности в ее судьбе неожиданно подействовало на Валю больше, чем сдержанные расспросы Николая и Ксаны Белковской. Из гордости отвергнув искренние попытки дру-зей вызвать ее на откровенность, она вдруг без сопротивления, не сдерживая слез, призналась чужому, се-деющему актеру, что она разочаровалась в людях, увидела, что нельзя доверять им, и теперь не знает, как жить. А Валерий Владимирович охотно подтвердил: «Да, мы, мужики, народ подлый, с нами надо держать ухо востро», и тут же вскользь заметил, что не все ведь таковы, есть и чудесные ребята — может быть, Валя не умеет разобраться, кто стоит любви, а кто не стоит. Валя растерялась оттого, что Валерий Владимирович извлек из ее признания больше, чем она хотела расска-зать ему, а он продолжал говорить: один молодой че-ловек даже обругал его за равнодушие к судьбе Ва-ли, — значит, есть у нее настоящие друзья? Зачем же преувеличивать! Не лучше ли присмотреться к окружа-ющим и больше не ошибаться? Валя улыбнулась сквозь слезы и

попробовала опять заговорить о том, что дело в разочаровании, в утрате доверия, но Валерий Влади-мирович замахал руками, засмеялся и обнял Валю, а затем начал ей рассказывать всякие жизненные исто-рии про любовь несчастную и счастливую, про ошибки и про то, как важно найти «золото в душе» вместо того золота, которое порой обманно блестит, но оказывается стекляшкой. В этих рассказах прошло больше часу, и за этот час Валино горе как-то потускнело. Валерий Владимирович спохватился, что ему пора в театр, пригласил Валю на спектакль. Валя поехала с ним и уже по дороге, успокоенная и повеселевшая, обещала прийти на репетицию.

Обрадованный возвращением Вали в студию, Арка-дий попробовал заговорить с нею, но Валя поспешно отошла от него и в ее лице появилось исчезнувшее было выражение горькой решимости никого к себе не под-пускать. Впрочем, во время репетиции, когда он по ходу пьесы смотрел ей в глаза, она улыбнулась ему совсем не по-актерски, а робко и благодарно.

После репетиции Валерий Владимирович подозвал Аркадия.

— Я сделал все, что мог, — прошептал он заговор-щицки. — Вы видите, она пришла. Но у нее было боль-шое разочарование, и тут дело ваше... всех ее друзей... поддержать, подкрепить, развлечь...

Сбившись с естественного тона, он докончил с пафо-сом:

— Вы благородный юноша, Ступин, душа у вас кра-сивая, и пусть Валя увидит эту благородную красоту! Не затворяйте душу, Аркадий.

Аркадий буркнул:

— Ладно.

И побежал догонять Валю.

Она вошла в автобус одной из первых, а он оказал-ся в конце длинной очереди и вскочил в машину последним. Когда ему удалось протиснуться вперед, Валя сидела у окна, зябко съежившись и прикрыв глаза. Арка-дий не посмел окликнуть ее. У Аларчина моста он со-скочил первым и подал Вале руку, чтобы помочь ей сойти с высокой ступеньки. Она воспользовалась его помощью и быстро пошла к дому.

Он шагал рядом, попробовал заговорить с нею. Она резко повернулась к нему и злобно сказала:

— Не надо, Аркадий. Я уже говорила — не надо! Вы меня раздражаете и мучите, поняли? Я ошиблась, и никто мне тут не поможет. Я знаю, вы все думаете бог знает что, вам кажется, что меня кто-то обидел или обманул, и я потому и несчастна. А меня никто не оби-дел. Я сама ошиблась и сама себя обидела, и теперь расплачиваюсь, и буду расплачиваться сама. Одна. А вы, Аркадий, забудьте меня. Совсем. Вот и все.

И, выпалив это, она по привычке ушла, не дожида-ясь ответа.

Он остался на мосту, огорченный и все-таки счастли-вый. Был в ее объяснении мучительный, но радостный смысл, да и самый факт объяснения его обрадовал: она захотела что-то опровергнуть, в чем-то убедить его, — значит, ей не совсем безразлично, что он думает и чувствует! И хотя она ясно и резко потребовала, чтобы он оставил ее и забыл о ней, он впервые не поверил ей. Он не вспомнил слов Валерия Владимировича — нет, они показались ему смешными и старомодными. Не вспомнил он и дружеских советов Николая. Одно он запомнил крепко — надо действовать, никому не пере-доверяя и ни на кого не рассчитывая, действовать так, как подсказывают ум и сердце. А ум и сердце его воз-мужали в эти тяжелые недели. И, глядя вслед Вале, он сумел понять, что она уходит не только от него — от себя самой.

И так просто оказалось узнать у дворника номер ее квартиры, взлететь на верхний этаж, под самую кры-шу, где лестница суживалась и круто поднималась к узкой двери, возле которой торчал старинный колоколь-чик, облезлый от долгого употребления. Он дернул ко-локольчик, кто-то открыл ему и равнодушно указал — четвертая дверь налево.

Он рванул дверь и остановился — из сумерек вечер-ней улицы он неожиданно перенесся как бы прямо в небо, горящее золотом заката. Широкое окно, занимаю-щее всю переднюю стену узенькой комнаты, открывало бесконечную глубину неба, и последние солнечные лучи пронизывали комнату, затопив ее вольным слепящим светом.

В этом слепящем свете он не сразу нашел Валю. Она стояла на коленях у изголовья кровати, уткнувшись ли-цом в подушку.

— Валя! — крикнул он отчаянно громко, как будто она была очень далеко от него. — Валя!

И опустился на пол рядом с нею, разжимая ее паль-цы, пытающиеся прикрыть мокрое от слез лицо.

— Не надо, не надо, — твердила она, отталкивая его.
Он обнял ее и силою поднял, поставил на ноги и не отпустил, а тряхнул за плечи и быстро, решительно заговорил:
— Я никуда от тебя не уйду, Валя, это бессмыслен-но, я тебя люблю и не могу оставить тебя, когда тебе плохо...
— Жалеешь? — выкрикнула она, от гнева сразу пе-рестав плакать.
Уже не боясь ее, он сказал:
— Да. Жалею, Валя. И тебя и себя. И пойми ты- — не уйду. И врать тебе не буду, потому что все знаю и понимаю, и тебе надо забыть эту твою ошибку, а не растравлять себя. И я тебе помогу, потому что некуда мне от тебя идти. Жить без тебя не могу, что хочешь делай! — не могу.
Отпрянув, она спросила злым шепотом:
— А это ты знаешь — что я люблю его? Ненавижу, презираю, а люблю. Это ты знаешь?
— Зачем ты мне говоришь это?
— Чтобы ты знал. Все знал. И понял, как это невоз-можно, чего ты хочешь. Чтобы ты ушел!
Побледнев, он отошел от нее, распахнул окно, оку-нул голову в поток свежего весеннего воздуха, и этот свежий, пронизанный солнцем поток сказал ему, вопреки всему только что услышанному, что быть у нее и с нею — счастье, и она не спорила бы так страстно, если бы он был совсем не нужен ей, и не надо обижать-ся, а надо ей помочь, потому что нового она ничего не открыла ему, а то, что она открыла, — уже прошлое.
Он вернулся к ней, более уверенный, чем когда бы то ни было:
— А ты очень хочешь, чтобы я ушел? Правду скажи. Полную правду. Тогда я уйду. Только совсем пол-ную правду.
— Может быть, и не хочу, — еле слышно сказала Валя. — Потому что ты хороший. Но ведь я ничем не могу тебе ответить, Аркадий.
— А я и не прошу! — вскричал он. — Год, один год не гони меня, Валя! Чтоб я мог приходить к тебе ино-гда... провожать тебя... позаботиться о тебе. Я даже о любви тебе говорить не буду! Дружить со мной ты мо-жешь? Книжки читать, погулять сходим, на Острова, на лодке... на лыжах кататься... Может быть, за год ты и полюбишь? Не зарекайся, Валя! Может быть, и по-любишь!
— Странный ты человек. Удивительный человек.
Лицо ее менялось на его глазах. Закат угасал, слепящие лучи покинули комнату, а лицо ее светлело, свет-лело...

7

Приближались весенние экзамены, и Николай вернулся домой с твердым намерением заниматься. Виктор что-то выпиливал в кухне, и Николай упрекнул его:
— Нахватаешь троек, тогда припомнишь свои иг-рушки!
Обычно Виктор огрызался на замечания, но в этот раз он только повел плечами и из-под насупленных бро-вей взглядом показал на притворенную дверь в комнату, потом на вешалку. На вешалке висело хорошо знакомое кожаное потер-тое пальто.
За дверью стояла тишина. — Зачем? — шепотом спросил Николай. Виктор снова повел плечами и, отвернувшись от брата, от кожаного пальто и от всего на свете, возобно-вил работу.
Скрежетание пилы о неподатливую фанеру было единственным звуком в квартире. Николай приотворил дверь в комнату. Мать сидела в своем кресле у окна и вязала. Губы ее слегка шевелились, — она про себя считала петли.
Отец сидел у стола, положив на клеенку тяжелые, с набухшими венами руки и низко опустив голову. Должно быть, он крепко задумался, потому что не сразу уви-дал Николая.
— Вот и хорошо, что вернулся, Николенька, — ров-ным голосом сказала мать. — Отец хотел видеть тебя.
Отец поднял голову. На его постаревшем лице по-явилась странная, робкая улыбка:

— Здравствуй, Коля.
Николай ответил чуть слышно:
— Здравствуй.
Они смотрели друг на друга. Мать снова считала петли, слышался ее шепот, то и дело заглушаемый скре-жетом пилы за стеной.
— Слежу за тобой и радуюсь,— сказал отец. И кив-нул на стул: — Садись.
Николай сел.
С первой минуты, когда он увидел низко склоненную голову и тяжелые руки отца, Николаю хотелось бро-ситься к нему и прижаться лицом к этим родным рукам. Если бы здесь не было матери, он, наверно, так и сде-лал бы. Но спокойствие матери было для него важнее всего, а ее молчаливая сдержанность, эти ее шепчущие губы и напряженные пальцы, быстро двигающие спица-ми, лучше слов сказали ему, как мучителен для нее приход отца и как она боится встречи отца со старшим сыном.
— Мало тут моей заслуги, что выросли вы оба на-стоящими людьми, — продолжал отец. — Но не всегда бывает жизнь проста, Коля. И не всегда складывается как надо... Я не оправдываюсь. Я очень перед вами виноват.
Последние слова дались ему трудно, он не любил каяться.
Мать спокойно сказала:
— Не надо об этом, Петр Петрович. Себя мучить и нас мучить. Что пережито, то пережито.
— Для меня ничего еще не пережито, — сказал отец. — Знай я тогда, что все так обернется, я бы уда-вился скорее, чем пойти на такую муку... Вон Витюшка: встретил дичком и — за пилу. Пилит и пилит, как по нервам. О тебе, Коля, почти каждый день слышу — все хорошее. И радостно — ведь сын! — и больно.
Мать легко поднялась и подошла к двери:
— Перестань пилить, Витя, и поди сюда.
Виктор стал под притолокой, всем своим видом пока-зывая, что он только подчиняется матери, а по доброй воле ни за что бы не пришел. Мать хотела ввести его в комнату, но он сердито уклонился. Тогда она сама шагнула к отцу, печально изучая постаревшее лицо когда-то такого родного, привычного, а теперь уже чужого человека:
— Чего же ты хочешь, Петр Петрович? С чем при-шел?
Отец грустно усмехнулся:
— Ишь как тебе легко спрашивать! Вы передо мною правы, а я перед вами виноват. Вас трое — семья. А я должен, как вор, тайком на сыновей смотреть.
— Вас тоже трое. Тоже семья.
Щеки ее вспыхнули, а губы совсем побелели. На виске сильно пульсировала жилка.
Николай крепко обнял мать за плечи — ему каза-лось, что она вот-вот упадет, и тихо сказал отцу:
— К чему этот разговор, отец? Не мы от тебя ушли — ты от нас ушел. Да, нас трое. Семья. И маме нельзя волноваться, у нее сердце. Видеть хочешь? Не уходил бы. Своя у тебя семья. Четыре года не вспоминал. Зачем же вдруг? Оттого, что на заводе о нас заговори-ли, а тебе неловко на вопросы отвечать?
У отца кровь бросилась в лицо, запрыгали губы. Он долго не отвечал, потом с усилием проговорил:
— В молодости, сын, легко быть жестоким. Пожи-вешь — поймешь.
Оглядел Николая и застывшего в дверях младшего сына:
— Что ж, насильно мил не будешь... Прости меня, Тоня. Видно, и впрямь не надо было.
И пошел в кухню, натянул пальто, долго не попадал ногами в галоши.
Мать прошла за ним, ласково сказала:
— Бог с тобой, Петр Петрович. Я на тебя не сер-жусь и ни в чем не виню. А дети, сам понимаешь... Не вини их. Тебе тяжело, а ведь им и потяжелее было.
Отец взял ее руку, подержал, низко склонился и по-целовал.
Дверь уже захлопнулась за ним, а мать все стояла и смотрела на свою руку.
На вешалке сиротливо висел забытый отцом шарф.
Николай схватил шарф, через три ступеньки сбе-жал по лестнице, отчаянно крикнул:
— Папа!

Он с разбегу остановился перед отцом и вдруг ока-зался в его обнимающих сильных руках, почувствовал щекой холодок шершавой кожи, вдохнул ее душный запах.
— Папа! — повторил он задыхаясь и, подняв голову, увидел совсем близко взволнованное лицо отца и его глаза с радужными блестками слез.
Они постояли так, приникнув друг к другу, молча. Отец первым отстранился и крепко стиснул руку сына.
— Тяжело, Коля, и непоправимо, — сказал он. — Не приду я больше. Сам вижу, маме тяжело, и вас будо-ражу, да и сам... Растешь ты, сын. Полюбишь. А может, и уже любишь кого-нибудь. Старше станешь — поймешь, что такое женщина, которую полюбил. А только скажу тебе, Николай: даже если случится с тобою когда-нибудь такое, как у меня, — не ломай семью. Сча-стья все равно не будет. А будет — так с горем пополам.
Николай спросил тихо, со страстным волнением:
— Ты ее очень любил, папа? Ту женщину?
— И люблю, — твердо сказал отец. — Но горько это все получилось. И ваша мама для меня родная, — сколь-ко прожито вместе! И вы оба мне родные. И никто не заменит отцу сыновей.
Он не поцеловал Николая, а только на секунду при-жался морщинистым, колючим лицом к его свежей, гладкой щеке и, не надев шарфа, а зажав его в кулаке, не оглядываясь, спустился по последним ступеням и вы-шел во двор.
Николай медленно поднимался домой, стараясь унять волнение до встречи с матерью. Поняла она или не поняла, почему он побежал за отцом? Обидно ей это, или она и вправду простила отца?
Мать накрывала на стол к обеду. Не поднимая глаз, ровным голосом сказала:
— Мойте руки, мальчики, и садитесь.
Она была бледнее обычного, но спокойна и даже как будто удовлетворена — может быть, она и ждала этого разговора все четыре года?
Они обедали молча, каждый думал свою думу.
— Настаивать я ни на чем не хочу, — сказала мать, вставая и стопкой собирая тарелки. — Но ведь все-таки он вам отец. И чуждаться его нечего. Сходите к нему как-нибудь.
Виктор весь вскинулся, упрямо поджал губы:
— Туда? Нет уж, уволь! Я не пойду.
Николай промолчал.
— Туда не пойдешь — в цех зайди, — настаивала мать. — Что он, дурной человек? Преступник? Нельзя так, Витюша. Виноват он перед нами, но ведь повинил-ся! Как же отца не пожалеть!
— Так не уходил бы! — выкрикнул Виктор. — Чего ж спустя четыре года жалости искать!
— Молчи, дурень, — со злобой сказал Николай.
Виктор еще больше насупился и бочком, ни на кого не глядя, вышел.
Помнит ли он отца? — думал Николай. — Любит ли? Пожалуй, детские воспоминания давно выветрились, и слишком он был мал перед войною, тогда он больше нуждался в матери, да и много ли ему приходилось видеть отца! Вечером, когда отец приходил с завода или с учебы, Витька уже спал, а по выходным дням отец все, бывало, таскал с собою Николая — и погулять, и в кино, и на демонстрации, а Витьку оставлял матери- — мал еще, устанет. А после войны обида и гнев совсем вытеснили сыновнюю любовь. Зато мать он любит очень нежно и даже ревниво — чудила! Если мать приласкает Николая, он и к брату ревнует, весь вспыхнет и разо-злится!
— Я бы очень хотела, Николенька, — сказала мать, — чтобы вы с отцом помирились.
— Почему?
Ему все еще было стыдно перед нею за порыв люб-ви, толкнувший его вслед за отцом.
— А потому, что ему и так нелегко.
Она снова уселась в кресло и взяла вязанье, но не вязала, а задумчиво смотрела на свою руку — может быть, вспоминала, как отец сегодня, впервые в жизни, поцеловал эту руку?
Сколько помнил Николай, никогда отец не заботил-ся о матери, не ухаживал за нею, — наоборот, она неутомимо ухаживала за ним и за детьми, ничего не тре-бовала для себя, во всем подчинялась отцу. Он и в эва-куацию отправил их, не советуясь с нею. Николай пом-нил, как пришел отец и сказал: «Поедете с эшелоном, я сегодня записал вас, незачем вам тут мучиться». Мать пробовала возразить, но отец прикрикнул, что вопрос уже решен, и начал обсуждать с

нею, что ей брать с собою, как одеть в дорогу сыновей да как быть с квар-тирой. А ведь потом, в эвакуации, она проявила столь-ко энергии и самостоятельности! И там, и здесь, в Ле-нинграде, все любили советоваться с нею, прибегали к ее помощи, уважали ее и любили. Скуповата она и на откровенность и на ласку, а всем с нею тепло и как то особенно хорошо.
Она сидела задумавшись, а Николай по-новому изу-чал ее милый, до мелочей знакомый, родной облик — как бы не своими, а чужими, отцовскими глазами. И не понимал, как мог отец не разглядеть этого ласкового света, что излучался от всего существа матери? Как мог он променять ее на кого бы то ни было?
Но вдруг он вспомнил слезы в глазах отца и твер-дый мужской ответ: «И люблю». Вспомнил горькие сло-ва: «Старше станешь — поймешь, что такое женщина, которую полюбил». И он в смущении задумался о вели-кой тайне любви.
— Коленька, — позвала мать. — Коля, ты поговори с Витей.
Он даже вздрогнул, возвращаясь к действительности.
— Хорошо, мама, если ты хочешь. Что у нас выйдет с отцом, не знаю. Сторониться его я не буду. А зашто-пать то, что порвалось, сама знаешь...
Мать и не улыбалась как будто, а в ее голосе слы-шалась улыбка:
— Счастливой я стала теперь, Николенька. Пони-маешь? К старости, нежданно-негаданно, счастлива. И лишнего горя не хочу. Ни для кого.
Он растроганно обнял ее, поцеловал в ровную ниточ-ку пробора, стремглав бросился к себе, сел к столу, ут-кнул лицо в сложенные руки, заглотнул подступившие слезы. Как все сложно в жизни! Как трудно быть пра-вым!..
Мать прислушалась к тишине за одной дверью, к тишине за другой дверью и прошла в кухню. Виктор не пилил больше, — пила висела на гвозде там, где ей по-лагалось висеть, а Виктор сидел в своем углу, разло-жив перед собой выпиленные из фанеры дощечки, и смотрел прямо в стенку.
Мать взъерошила его волосы, пригладила их и ска-зала:
— Надо быть добрым, сынок. Виктор перехватил ее руку.
— Надо быть принципиальным, по-моему, — сказал он ломающимся голосом. — И ты меня не уговаривай. Я не женщина, чтобы размякнуть от жалобных слов.
Она засмеялась и поцеловала его. Смех у нее был мягкий, грудной; сыновья очень любили, когда она сме-ялась. Виктор повеселел, подтянул поближе свои до-щечки и начал объяснять матери, какой он делает ящик с перемычками — для инструментов, гвоздей и разных мелких деталей, чтобы его больше не ругали за беспо-рядок.
Одобрив его затею, мать вернулась в комнату, при-двинула к креслу настольную лампу, надела пенсне и раскрыла книгу в том месте, где была заложена спица.
Ей нужно было успокоиться и отвлечься, и поэтому она некоторое время прилежно, не отрываясь, читала.
Она пристрастилась к чтению недавно, вскоре после того как ушла с работы. Весь день она была одна. Кни-ги рождали мысли о жизни, об отношениях между людь-ми, о самой себе и о сыновьях. Домашние дела не ме-шали ей думать так, как она никогда до того не умела: сопоставляя разные явления жизни, подтверждая или отвергая укоренившиеся понятия, заново оценивая лю-дей и события. Она безусловно верила в подлинность всего, что рассказывалось в книгах, и герои книг были для нее живыми, реально существовавшими людьми.
Так же, как она иногда плакала над своей бедой или бедой подруги, она охотно плакала над книгами. Поплачет, а потом улыбнется, — от слез полегчало. В книгах она всегда находила свое.
Больше всего она любила книги о современной жиз-ни, — они помогали ей понять и самое себя и сыновей. То, что она вложила в своих мальчиков, — а вложила она дущу и совесть, — дополнялось очень многим, до чего она и не додумалась бы, чего она сама не пони-мала. И она искала и часто находила в книгах то, что вело, вдохновляло и направляло ее сыновей, сравнива-ла их с полюбившимися ей героями и думала, думала — как направить мальчиков и все ли она сделала для них, что могла сделать?
Книги, в которых рассказывалось о простых женщи-нах, ставших большими работниками и знатными людь-ми, будоражили ее и расстраивали. Она примеривала по их жизни собственную незадачливую жизнь, вдумы-валась — что помогло им стать тем, чем они стали, спрашивала

себя: а я не могла бы так? — и с удивлением понимала: могла бы. Только сама пропустила, проморгала свою жизнь!
Сегодня она была так утомлена, что читала бездум-но, погружаясь в мир чужих переживаний и находя об-легчение в чужом волнении, которое скоро перестало быть чужим, так как она, Антонина Пакулина, была уже не самой собою, а девушкой, охваченной тревогой и страстью, девушкой, встретившей своего любимого под дождем у ветхой заброшенной часовенки, над полураз-валившимся колодцем.
Она читала:
«Я могу вам сказать… хотите?.. отчего вы меня здесь застали. Знаете ли, куда я шла? — Инсаров с изумлением посмотрел на Елену. — Я шла к вам. — Ко мне? — Елена закрыла лицо. — Вы хотели заставить ме-ня сказать, что я вас люблю, — прошептала она, — вот... я сказала. — Елена! — вскрикнул Инсаров».
Она читала слова любви, какой никогда не знала сама, слова, звучавшие как присяга перед боем: «Где ты будешь, там я буду... Знаю, все знаю. Я тебя люб-лю...» И ей казалось, что это она готова идти на борь-бу, на лишения и опасности, даже на унижения, и это ее голову ласково приподнял Инсаров, в ее глаза по-смотрел и ей сказал: «Так здравствуй же, моя жена перед людьми и перед богом».
Это было так хорошо, что ей страшно стало читать дальше, она предчувствовала несчастный конец.
Отложив книгу, она сняла пенсне, вздохнула и, оглядевшись, вдруг припомнила все, что так взволновало ее сегодня, усмехнулась и сказала себе, что никакого горя ведь нет уже, и очень странно, как это никто не понимает, что горе давно изжито и любовь тоже — при-ходил сегодня человек, ставший давно чужим. Почему думают люди — и сыновья, и подруги, и Гусаков, — что она все еще страдает, что она обрадовалась бы, если бы тот человек вернулся?
Она знала, что когда-то любила его, но сердце ее давно забыло эту любовь. Когда это было? Дворцовая площадь, запруженная толпами людей и сотнями крас-ных плакатов, колеблющихся в скользящих лучах про-жекторов. И крупный снег, падающий, падающий, пада-ющий с темного неба на плакаты, на плечи и шапки людей, на разгоряченные лица. Веселая карусель сне-жинок, струйками летящих на свету, и в этом призрач-ном свете, с тающими на лице снежинками — Петя Пакулин: он пятится перед строем, взмахивает руками, как дирижер, отбивает руками такт, и сотня голосов выкри-кивает хором: «Мы на го-ре всем буржуям ми-ро-вой по-жар раз-ду-ем!» Петя скороговоркой добавляет, блестящими глазами глядя на девушку Тоню, идущую в первом ряду: «Мировой пожар горит, буржуазия дрро-жит!» И все звонко и озорно подхватывают: «Апчхи!» — и хохочут. А Петя уже взял девушку под руку и шеп-чет: «Убежим отсюда вдвоем, хорошо?» И тот же Петя Пакулин в новом костюме, гладко причесанный, стоит перед ее мамой и нескладно делает предложение: «...в общем, пожениться... с вашей Тоней...», а Тоня под-слушивает у двери, дрожа от страха.
Потом события и годы спутывались. Да и много ли было событий в этой долгой жизни, называемой «заму-жество»? Рождение Николеньки, потом рождение Витюшки, дифтерит, выдвижение Петра Петровича масте-ром, потом старшим мастером, корь, переезд на новую квартиру в заводской дом, скарлатина у соседей и страх, как бы не заболели ее мальчики, Петр Петрович поступил в вечерний техникум, Петр Петрович вступил в партию... Вот, кажется, и все события ее жизни до войны. «Тонечка, это ты — жена?»; «Женушка, неужели ты сама испекла такое чудо?», «Тоня, ко мне завтра придут товарищи, напеки чего-нибудь получше!», «Обед готов, Тоня? Мне некогда», «Мать, обедать давай!..» Обед, уборка, стирка, штопка, уход за детьми, утренние хлопоты — мужа отправить на завод, детей — в школу, опять обед, опять стирка — круг ее жизни замкнулся, и ее уже все чаще называли «мамаша» или «тетя Тоня», и соседи хвалили: «Хорошо живете, муж непьющий, по-ложительный, и в квартире у вас аккуратно, — справно живете».
А человеком она себя почувствовала только в горь-кие дни, среди тревог и бедствий войны, — человеком со своим голосом и со своей волей.
С чувством гордости возвращалась она в родной дом — справилась одна, выходила и подняла мальчи-ков, заслужила от мужа и похвалу и благодарность. Да не услышала ни похвалы, ни благодарности.
Как он оскорбил ее тогда! Даже прийти объясниться с нею, ответить самому за то, что случилось, не нашел нужным.

Глазами, помутившимися от гнева и от обиды, смот-рела она на Лизу Баскакову, и ничего тогда не разгля-дела в ней, только обидчицу и разлучницу. «Если бы я в голод своим хлебом не спасла его, все равно его у вас не было бы!» — крикнула тогда Лиза. И еще крикнула: «У нас дочь!»
Случись это перед войною — истаяла бы от горя и стыда. А тут силы нашлись и гордости хватило — сама стала главой семьи, с детьми вместе наново создала и дом и семью. Обида подсказывала — отнять сыновей у от-ца, наказать оскорбителя презрением сыновей. Так и вышло. Но удовлетворение не пришло. Чем больше она общалась с людьми, читала и раз-мышляла, тем меньше ее занимала эта месть.
Постепенно, по крохам собирала она сведения о со-試пернице, и настал день, когда она поняла — не соперни-ца ей Лиза; там — совсем другое, чего никогда не было у нее, никогда не было у Петра Пакулина.
Старый друг Иван Иванович Гусаков долго укло-нялся от тяжелого разговора. Однажды она напрямик потребовала:
— Скажите мне, Иван Иванович, правду. Мне легче будет.
И он сказал правду. Осуждал он и Петра, и Ли-зу — «перед детьми должны были остановиться, на не-счастье детей свое счастье не строят!» — но когда заго-ворил о Лизе, сквозь осуждение ее и сквозь сочувствие к горю своей собеседницы пробилось невольное восхи-щение. Хорошая, боевая и справедливая женщина! И в блокаду не только одного полюбившегося ей мужика — в заводском стационаре десятки людей выходила, спас-ла, «от смерти вырвала», самого Гусакова так же, как многих других. Пусть плохо, страшно, тяжко — духу не теряла, рук не опускала и еще других подбадри-вала. Первые фронтовые бригады по ремонту танков — это ее да Кати Смолкиной инициатива.
— А с Петром как у них вышло — не знаю, — раз-думчиво докончил Гусаков. — Видел я, что не сразу и не просто все сделалось. То тянутся друг к дружке, то убе-гают один от другого. То Петр мрачнее тучи ходит — и нарочно из цеха ни ногой, то Лиза к подружкам в обще-житии прибьется — и не выманишь. А потом завертело. Да и то сказать, Антонинушка Сергеевна, смерть тогда по пятам ходила, до мирной жизни — как до звезд дале-ко. Это понять надо. Кто беды наглотался, тот и до радости жаден.
Много позднее Антонина Сергеевна попала на обще-заводское собрание по пересмотру коллективного дого-вора. Сидела она как на иголках, — торопилась домой, — слушала невнимательно, да и не все понимала, о чем говорили. Председатель сказал:
— Слово имеет стахановка лопаточного цеха Баска-кова.
Лиза была старше, чем показалась Антонине Серге-евне в первую встречу. Красивой она тоже не была, но оживление очень красило ее. Лиза с первых слов нача-ла резко критиковать заводоуправление «и лично ди-ректора». Так она и говорила, задорно оглядываясь на Немирова и, видимо, не желая, чтобы ее упреки раство-рились в пространстве, адресованные большому и безли-кому «аппарату».
— Ох, и режет! — восхищались в зале.
Как ни была предубеждена Антонина Сергеевна, она не могла не заметить, что Лиза говорит и умно и спра-ведливо. А Лиза уже перешла к внутрицеховым делам и обрушилась на руководство своего цеха за то, что оно боится новшеств.
— Что думают начальник цеха и старший мастер? Когда ни спросишь, отмалчиваются да успокаивают — не торопитесь, всему свое время, вопрос подрабатывает-ся. А мы говорим: не выйдет отмалчиваться да раздумы-вать, когда лопатки сегодня тормозят выпуск турбин!
Многие улыбались: ишь ты, Лиза, и до мужа добра-лась, не пожалела!
Уходя с собрания, Антонина Сергеевна снова увиде-ла Лизу около Петра Петровича; окруженные товари-щами, они оживленно спорили, и оба, видимо, были до-вольны.
Смиряя боль, она старалась понять, что же такое случилось и почему. Она придирчиво пересматривала свою жизнь с Петром — перелистывала ее, как книгу, и с грустью видела, что книга скучная, все страницы по-хожи одна на другую. А ведь начиналась жизнь хорошо, интересно. Была и работа, и комсомольские споры, и бурные демонстрации протеста против какой-то угрозы Чемберлена, когда свистели и выкрикивали: «Лорду — в морду! Лорду — в морду!», и физкультурный парад, и катанье на лодках, и любовь с мечтами о том, что бу-дут они жить лучше и дружнее всех, никогда не ссорить-ся и не разлучаться. Что ж, и не ссорились, и не разлу-чались, да только воли оказались не две, а одна. Поче-му? У самой ли такой характер

оказался, или не было в жизни большого, настоящего интереса? Теперь она понимала, что быстро увяла душа, замкнулась в своем маленьком мирке и мужу не стала ни другом, ни това-рищем, ни даже возлюбленной, а только хозяйкой дома, стряпухой, прачкой да нянькой его детей. Первые годы он еще звал: «Пойдем погуляем, Тоня», но у нее оказы-валось — то тесто поставлено, то белье замочено, то по-лы неделю не мыты. Придут в воскресенье товарищи — звать в кино, она предложит: «Идите, иди, Петюша, я пирожки задумала, к обеду возвращайтесь». Так и при-вык он: дома чисто, уютно, пироги испечены, рубашки наглажены — и все. Скучно ему стало дома? Наверное, скучно. Последние годы он и не бывал дома. Правда, занят был, учился, общественной работой увлекался, не гулял, но домой приходил как гость. С детьми поигра-ет — да и спать. Отстала она от всего, что занимало его, ни посоветовать не могла, ни обсудить вместе с ним.

Может, потому он и не мог расстаться с Лизой, хотя, конечно, и мучился и жалел семью. Все так. Но если Петру хотелось, чтобы жена была ему другом и сорат-ником, почему он ни разу за столько лет не попытался поговорить с нею об этом? Разве она не поняла бы, не откликнулась всей душой? Мать с детства учила ее, что женщина должна быть образцовой хозяйкой, и она на-училась и готовить, и шить, и гладить, и поддерживать в доме щегольскую чистоту, и сама всегда была опрят-на, ровна, ласкова и с мужем, и с детьми. А большая жизнь прошла стороной — может, потому, что очень ра-но вышла замуж? Уйдя с работы после рождения Николеньки, она рассталась и с комсомолом. Думала она тогда об этом? Да, не раз думала. Собиралась сходить в комитет комсомола узнать, как же ей теперь быть, но не собралась. А потом вспомнила, что если не уплатишь взносы за три месяца, механически выбываешь. Схвати-ла свой билет — пятый месяц пошел. Так и кончилась ее комсомольская жизнь. Если бы к ней, молодой мате-ри, зашел кто-нибудь из комсомольцев, поговорил с нею, научил... Если бы Петр поинтересовался, посоветовал, предложил: «Иди в комитет, я пока побуду с ребен-ком»...

«Да что ты на других валишь? — останавливала се-бя Антонина Сергеевна. — Самой нужно было думать. Самой понимать. Вот Лиза не оторвалась же, а у нее тоже ребенок! Она еще других научит...»

Но ведь люди бывают разные?

Обиднее всего было то, что Антонина Сергееана по-нимала — изменилась она в войну, по-иному жила бы с мужем. Не пришлось. Поздно это все открылось ей — и жизнь прожита, и муж ушел, и здоровье утрачено, — к старости поняла, как надо жить...

8

Когда ленинградцев везли по Краснознаменску от недостроенного вокзала к гостинице, Саше Воловику казалось, что фантастическая машина времени перенес-ла его в годы детства, на площадку Днепростроя. Мужчины и женщины в комбинезонах и брезентовых сапогах перекликались громкими голосами людей, при-выкших разговаривать на вольном воздухе среди шума работ. Паровозы-«кукушки» тащили по разбегающимся во все стороны путям платформы с камнем, бревнами, песком. На фасадах строящихся корпусов кумачовые, выцветшие от солнца и вылинявшие от дождей плака-ты призывали: «Помните, к 1 июля мы обязались...», «Строители! От вас зависит...» Штабеля кирпичей, гру-ды щебня, проплывающие в воздухе бадьи с бетоном и сплотки досок, лязг, шипение и грохот сотен машин, роющих землю, поднимающих грузы, дробящих камень, укатывающих гудрон, отсасывающих и накачивающих воду... и над всем этим шумом все время раздающиеся памятные звуки — тарахтенье грузовиков и подпрыги-вающих на них грузов. Все было с детства знакомо, так и чудилось — вот-вот из кабины одного из грузовиков выглянет отец и крикнет: «Опять ты, Сашка, под колеса норовишь? А ну, геть до дому!»

Автомобиль выехал на широкое шоссе и помчался по нему. По бокам разворачивались и кончались карти-ны большого заводского строительства со всеми при-вычными его принадлежностями — складами, контора-ми, мастерскими, парками машин. И только

заканчи-валась одна такая стройка, как начиналась другая, и сопровождавший делегатов представитель горкома пар-тии коротко сообщал:
— Машиностроительный… Алюминьстрой... Трак-торный...
А машина летела по гудронированной магистрали, обгоняя вереницы тяжелых грузовиков и желтых пас-сажирских автобусов.
— Наше Садовое кольцо. Как в Москве, а?
Делегатам уже казалось, что сменяющим одна дру-гую стройкам нет ни конца, ни края, когда представи-тель горкома улыбнулся и крикнул шоферу:
— Ладно, Женя, хватит на первый раз! Сворачивай к центру.
Машина послушно свернула в боковую улицу. И поч-ти сразу с двух сторон потянулись аккуратные домики, окруженные садами в яблоневом цвету. Потом появи-лись дома побольше, городского типа, то и дело мель-кали надписи — универмаг, кинотеатр, кафе, «Детский мир»... И вот машина вылетела на широкую и длин-ную улицу с многоэтажными домами.
— Наш Невский проспект.
В гостинице, перенаселенной так, как это бывает только на больших стройках, где волей-неволей разме-щают всех, кого надо, делегацию поместили в одну ком-нату, куда кое-как впихнули еще три раскладушки. Не успели приезжие помыться и перекусить, как пришли знакомиться местные работники, по-соседски забежали навестить земляков ленинградские проектировщики, за ними — ленинградские архитекторы. Все расселись на стульях, на койках и на скрипучих раскладушках, по-шел общий разговор обо всем сразу, во время которого на Воловика навалилось множество новых сведений и новых проблем — инженерных, градостроительных, ком-мунальных.
В полночь погас свет.
— Это уж всегда! На ночь жилой сектор отклю-чается, ничего не поделаешь. Давайте нам поскорее тур-бины для новой станции!
Гости расходились в потемках, натыкаясь на рас-кладушки.
Воловик подошел к окну и увидел раскинувшуюся до горизонта картину строительства, которой ночь при-давала особую внушительность и таинственность. Среди мрака, поглотившего жилые кварталы, места работ обозначались яркими пучками света. Как гигантские колодезные «журавли», там поднимались и опускались стрелы подъемных кранов. Световым пунктиром рисова-лись дороги, иногда пунктир прерывался, и на бьющем сзади свету уличных фонарей выступали темные короб-ки больших зданий — еще без крыш, с просветами окон-ных проемов. Далеко за ними, словно звездный дождь, сыпались синеватые искры электросварки, бегло осве-щая вознесенные высоко над землей переплеты метал-лических ферм.
Тишина стояла за окном, только неподалеку тяжело ухало что-то — «баба», вбивающая сваи, или паровой молот? Да с пролегающей за углом гостиницы дороги почти без перерывов доносились все те же знакомые с детства звуки — тяжелое тарахтенье нагруженных ма-шин и беспечное дребезжанье порожних.
С утра начался осмотр строек. Сперва Воловик с непосредственным любопытством глядел и слушал, по-том спохватился — да что ж это я, ведь придется обо всем рассказать, отчитаться! Тогда он начал торопливо записывать все, что мелькало перед ним, все, что им сообщали. Писать стоя, на ходу, было трудно. Воловик спешил, буквы прыгали. Когда он вечером попробовал разобраться в своих записях, многое не разобрал, а кое-что успел забыть. Вот записано — 220 т. Что это такое? К чему относится? Кто его знает!
Пять дней пробыла делегация в Краснознаменном районе, и все пять дней были до предела загружены поездками, собраниями, встречами, беседами. Одно впе-чатление сменялось другим, еще более ярким, на них наслаивались новые… и о каждом Воловик думал: «Вот это я обязательно расскажу своим!» Он удивлялся, что Боков ничего не записывает:
— Да как же ты дома отчитаешься?
— Так и отчитаюсь, — улыбнулся Боков. — Посижу вечерок, подумаю — оно и определится.
Записная книжка Горелова вызывала у Воловика почтительную зависть — на одной страничке умещалось все основное, что нельзя было доверить памяти, и это основное было записано так сжато и точно, что и Воло-вику было понятно без объяснений, что к чему отно-сится.
В час отъезда, прощаясь с многочисленными новы-ми друзьями, Воловик с горечью думал о том, что эти пять дней были только первым беглым знакомством, что только сейчас надо бы

начать настоящее, основа-тельное ознакомление по порядку со всем интересным, что ему приоткрылось. Но перрон с провожающими остался позади, перед глазами раскручивалась в обратном по-рядке кинематографическая лента строительных пейза-жей, потом лента оборвалась, поезд нырнул в густой лес — прощай, Краснознаменка!

Утомленные делегаты мало разговаривали, много спали. Воловик лежал на верхней полке и спокойно пе-ребирал свои впечатления, убеждаясь в том, что много-численные цифры и фамилии, записанные им, вряд ли понадобятся, а из всей груды впечатлений само собой выделяется то главное, что он обязательно расскажет.

Ганна Поруценко... Он увидел ее впервые на верхних ступеньках металлической лесенки, на опалубке будущей колонны. Очевидно, она приняла проходившую группу людей за начальников, потому что стремительно скатилась по лесенке и побежала к ним, сердито крича:

— Опять току нет, чтоб они все провалились, бисовы дети! Три часа вибраторы стоят — это что, не вопиющее безобразие?!

До странности похожая на Сашину мать, в таком же комбинезоне из холстины и брезентовых, выше колен, сапожках, которые и у нее и у Сашиной матери почему-то выглядели щегольскими, она была красива со свои-ми карими, сверкающими глазами и гневным лицом. И она, конечно, понимала это.

Увидав блокнот в руках Саши, она набросилась на него:

— Пишете? Так вот и напишите похлеще, чтоб они завертелись! Мыслимое ли дело — техника стоять будет, а я — пляши на бетоне, як в девятнадцатом веке!

Инженер, сопровождавший делегацию, с улыбкой объяснил ей, кто такой Воловик, и познакомил их.

— Наша знатная бетонщица — Ганна Поруценко.

— Больно вы сердитая, землячка, — сказал Воловик.

— Будешь тут сердитая, — уже добродушно буркну-ла Ганна и вдруг снова распалилась, сообразив, откуда появился этот делегат: — Так это вы и есть, от кого турбины? Что ж, скоро мы вот так маяться перестанем?

Позднее Воловик слышал более подробные рассказы о том, как остро не хватает электроэнергии и как все здесь зависит от досрочного пуска новой станции, — но первое впечатление не забылось.

Остап Поруценко, муж Ганны. Бригадир гранитчи-ков. Медлительный человек с ленивыми повадками, вы-полняющий со своей бригадой не меньше трех норм в день. Воловик познакомился с ним в здании будущей электростанции. Первый вопрос, который задал Остап, был не о турбинах, не о сроках их сдачи... Нет, он потянул делегатов на какое-то место в глубине машин-ного зала, видимо давно им облюбованное, и спросил:

— Ну как? Красиво?

Да, отсюда этот высоченный зал, сложенный брига-дой Остапа из местного зеленоватого мрамора, поражал не только своими размерами, но и нежной, весенней красой. Оттого, что за широкими окнами станции под-нимался густой, нетронутый лес, а над ним сияло солн-це, искрясь на молодой глянцевитой листве, зеленова-тый мрамор с белыми прожилками был особенно хо-рош, и все здание казалось воздушным. Остап глядел на него зачарованно, — художник на дело рук своих...

Воловик ревниво подумал о турбинах и мысленно перенес их сюда. Припомнил легкие, обтекаемые формы цилиндров, красивые изгибы широких труб и точеные колонки «минаретов», мягкий серебристо-серый цвет, в который окрашена первая турбина, — и с облегчением ре-шил: они не испортят, они дополнят красоту зала. И об этом нужно обязательно сказать в цехе.

Представляя себе, как он будет рассказывать това-рищам о Краснознаменске, Воловик знал, что он должен ответить на один вопрос, занимавший и его и всех, — как это вышло, что все стройки завершаются раньше, чем намечалось?

Остап сказал улыбаясь:

— Так ведь каждому хочется скорее увидеть, как оно будет.

Инженеры отвечали:

— Намного повысилась техническая оснащенность.

За пять дней делегаты перевидали множество ма-шин и механизмов, о каких прежде и не слыхали. Витя Сойкин вникал в особенности каждой машины, залезал на места водителей, щупал все рычаги и кнопки, дотош-но расспрашивая, что к чему и как все устроено.
Воловика это тоже занимало, но раздумывал он о другом: он чувствовал, что изменились методы строи-тельства, что нынешние стройки очень отличаются от того, что он наблюдал в детстве.
— В чем тут корень? — объяснил Саше один из про-рабов. — Корень тут — ведущий механизм. Всю органи-зацию подгоняй к мощности ведущего механизма. Сколько, положим, поднимет кирпича кран — столько и поставь каменщиков, чтоб поспевали и чтоб работать было удобно. Или, скажем, экскаватор — по нему рав-няйся, чтоб техника не простаивала.
Однажды делегатов повезли смотреть новую улицу. Улицы еще не было — только проложена была отмен-ная дорога (Воловик уже приметил — здесь все дороги хороши, нет ухабистых временных подъездов, на кото-рых отец, бывало, ломал машину и набивал себе на го-лове шишки!). По обе стороны дороги колышками обо-значались участки, и два экскаватора, переходя с участ-ка на участок, рыли котлованы под фундаменты. Работа шла скоростным методом, потоком: одна бригада уло-жит фундамент и переходит дальше, а на ее место всту-пает другая; грузовики подвозят крупные блоки, краны поднимают и ставят блоки, строители соединяют их. Ко-гда эта бригада переходит дальше, ей на смену по оче-реди приходят штукатуры, кровельщики, стекольщики, маляры...
Двухквартирные домики вырастали один за другим. А потом появлялись канавокопатели и тракторы, весь участок вспахивался — под сад перед домом, под ого-род за домом; грузовики подвозили саженцы, садовод раскидывал на крыле грузовика план и командовал, что куда сажать, садовники с будущими жильцами сажали, разделывали клумбы, намечали дорожки. Приезжал ка-ток — трамбовал дорожки, а за ним новая бригада подвозила столбы и готовые секции забора, а также — что особенно понравилось Воловику — готовые мостки с перилами и скамеечкой, которые тут же перекидыва-лись с дороги к калиткам.
— Строительная индустрия, — услыхал Воловик в одном из разговоров, и это слово — индустрия — как-то вдруг открыло ему, что его детство совпало с детством советского строительного дела, а нынешние методы стройки похожи на виденные им в детстве не больше, чем он сам похож теперь на того мальчонку, что бегал когда-то по ухабистым дорогам возле Днепра.
Воловик тогда же записал в блокнот: «Строители заимствовали у промышленности методы и технику, те-перь нам надо подтянуться, чтоб поспеть за темпами новых строек».
В Краснознаменске все делегаты «заболели» новой техникой. Началось это, когда их провели по светлым, будто прозрачным корпусам машиностроительного заво-да, где уже начался монтаж оборудования, и начальник стройки сказал, останавливаясь посреди громадного цеха:
— Здесь будут работать всего десять человек, об-служивая две автоматические поточные линии.
Часом позднее, в кабинете главного инженера, деле-гатов ознакомили с проектом будущего завода. Никто из них еще не видал заводов с такой полной механиза-цией всех процессов. Горелов выпускал из своего цеха ряд станков для этого завода, но и он только теперь понял их место в общем процессе, и он впервые охватил целое.
А главный инженер деловито объяснил:
— Так ведь наши заводы — это уже техническая база коммунизма.
И все примолкли, как бы вглядываясь в недалекое, почти осязаемое будущее.
Особенно пленил делегатов тракторный завод. Его цехи располагались в березовой роще, и строители тща-тельно заботились, чтоб ни одно лишнее дерево не было срублено. В окна цехов врывался запах леса.
Уезжая оттуда, Воловик все оглядывался на стек-лянные крыши, поблескивающие на солнце среди маку-шек берез, и снова вставал перед его глазами высочен-ный зал из зеленоватого мрамора с прожилками, а за широкими окнами — нетронутый лес. Только ли оттого они связывались воедино, что тут и там природа?
Уже в вагоне, спокойно обдумывая все виденное, Во-ловик понял, что — нет! — не только поэтому. А вот о красоте, о том, чтоб легко и радостно жилось и рабо-талось, стали много заботиться. И, может быть, тут близость коммунизма еще сильнее сказывается, чем в технике новых заводов?

Покачивался вагон, мелькали за окном горы, леса, поля, снова леса, снова поля... Мелькали города, отме-чая этапы пути — все ближе, ближе к Ленинграду. В середине пути настроение делегатов как-то сразу пере-ломилось, мысли оторвались от Краснознаменска и уст-ремились домой — что там, как? Опять все собирались в одном купе, подолгу чаевничали и допоздна беседо-вали.
В последние сутки пути близко сошлись Воловик и Горелов. Как-то вечером они очутились рядом в кори-доре у окна, и Воловик неожиданно признался:
— Странное у меня чувство — будто вернусь к себе на завод, и как-то по-новому все увижу. Понимаете, будто глаза зорче, или поумнел, что ли?
— Я — так определенно поумнел, — без улыбки отве-тил Горелов. — Это бывает, очевидно, если что-нибудь перетряхнет как следует. Вот и когда меня с турбинного цеха сняли...
Он исподлобья глянул на собеседника:
— Вспоминают там меня, или уже позабыли?
— Помнят, — сказал Воловик.
— Ну и что ж — ругают, наверно?
— Да нет, Владимир Петрович, говорят всякое, но больше хорошего. Ваши успехи у нас известны.
Ему было неловко говорить об этом с Гореловым — человек по минутной слабости откровенничает, а потом, должно быть, пожалеет. Кто ему Воловик? Случайный попутчик, встретились и расстались...
— Я сделал тогда ряд непростительных ошибок, — тихо говорил Горелов. — Знаете, Александр Васильевич, есть такая страшная штука — сила инерции. В физике у нее свое место, но не о том речь. А вот в психологии человека это страшная штука, очень страшная. Вы изобретатель, должны знать: очень плохо, когда она овладеет твоей мыслью. Все новое возникает наперекор ей. А со мной вышло так, что подчинило. За много лет ко всему в цехе притерпелся, привык. Шел привычным путем. А только если б дали мне самому исправить — исправил бы.
— У нас тоже так говорят.
— Да? — обрадованно воскликнул Горелов. — Что ж, теперь жалеть поздно. Я уже станкостроитель. А только занятно: иногда во сне приснится, что рабо-таю — знаете, как бывает? — чего-то добиваюсь, что-то тороплюсь сделать... так вот: всегда снится, будто в турбинном ....
Воловик не знал, чем тут можно помочь, что отве-тить. Он помолчал и заговорил о том, что занимало его самого:
— Вот вы сказали — сила привычки, сила инерции. Я еще с тем своим станком начал понимать — надо ото-рваться от привычного. А сейчас мне совсем ясно стало. И к этим косым стыкам я вернусь по-иному. Но как? Сейчас я думаю — может, решение совсем не в обработ-ке, а в самой форме отливки? Может, это конструкто-рам надо задуматься и найти новое решение?
— Может быть, — почему-то недовольно сказал Го-релов. — Только знаете, Александр Васильевич, отры-ваться нужно целиком, самому, не беспокоясь ни о чем — старый-то опыт никуда от вас не денется. Мне, знаете, очень помогло, когда я на «Станкостроителе» цех принял, что привычки не было. И вам так надо — зажмуриться и наново вообразить: вот передо мной две отливки, четыре косых стыка, надо, чтоб они идеально сошлись. А ну-ка, пересмотрим все станки, все режу-щие инструменты, все способы...
На следующее утро они вместе обсуждали разные возможности, чертили на чем придется только им двоим понятные наброски. Горелову очень хотелось подсказать что-либо, и Воловику, помнившему ночное признание бывшего начальника турбинного цеха, хотелось, чтоб Горелов подсказал... Но они так и расстались, ничего не надумав.
— До свиданья, Александр Васильевич. Верю — придумаете.
Это было сказано уже на вокзале, наспех, — Ася, запыхавшаяся, радостная, бежала по перрону, вглядываясь в окна вагонов, увидала мужа, с разбегу бро-силась к нему, прижалась, вздохнула:
— Как тебя долго не было!
Весь вечер Ася заставляла его рассказывать о поезд-ке, слушала, потом переставала слушать и гладила его руку, его волосы, будто не веря, что это действительно он, ее Саша, — тут, рядом, вернулся.
За ужином он взял свою «игрушку», как называла Ася модельку диафрагмы. Покрутил ее и уверенно по-ставил стоймя, вместо того чтобы положить набок, как всегда делалось.

— Вот уже новая возможность, — сказал он Асе. — Смотри! Если половинку поставить на попа, торчком... а где-то вот тут поместить скоростную головку... Нет, правда, Ася! Ты только посмотри! Этот стык обработал, потом повернул диафрагму на сто восемьдесят граду-сов и в том же самом положении обрабатываешь второй стык.
Он говорил так уверенно, как будто давно при-думал это и теперь только объясняет Асе.
— Что это дает нам? Одинаковое положение стыков. По отношению друг к другу. И по отношению к скорост-ной головке. Значит, углы совпадут? Так, Ася?
Ася смотрела на него во все глаза:
— Это ты в дороге придумал, Саша?
— Сейчас, Ася, сейчас! И, кажется, удачно, — спо-койно сказал он. — Погоди, погоди, радоваться рано. Тут еще все проверить надо. Углы, глубина резания. И на чем вращать? Это ведь тебе не моделька — взял на столе и покрутил. Тут еще все, все топорщиться будет.
Через несколько минут он предложил:
— Может, сходим к Полозову? На минутку?
Он сам удивился, что так спокоен. Ничего похожего на то возбуждение, которое он испытал два месяца на-зад, когда нашел решение для станка. А между тем он прекрасно понимал, что простой жест, каким он поста-вил диафрагму на попа, открыл перед ними совер-шенно новые пути. Обрабатывал ли стыки продольно-строгальный станок, возились ли с ними слесаря — ди-афрагма всегда лежала на боку, как половина баранки, и вокруг этой лежащей половины мысль беспомощно крутилась, всегда спотыкаясь все о ту же неизменную закавыку — стыки срезаны в противоположные стороны, глядят врозь. А вот теперь диафрагма поставлена торч-ком, как молодой месяц, рожками вверх, и стоит только развернуть ее вокруг самой себя, по очереди подводя стыки под резец или скоростную фрезерную головку... Интересно, что скажет Полозов?
Ася покорно надела пальто, но вид у нее был не-счастный.
— А знаешь, Ася, никуда мы не пойдем. Или пой-дем просто погулять, хочешь?
— Ой, правда?
— Ну конечно, правда.
Когда они вышли на улицу, Ася прижалась к мужу и тихонько сказала:
— А все-таки, может, пойдем? На минутку?
— Не стоит, Ася. Тут не минутка нужна. Завтра успеется.
Эта уступка не была тяжела ему. Нет. Ему было очень хорошо шагать рядом с Асей по вечерним улицам и думать, спокойно и свободно думать об этой половин-ке, стоящей торчком, как молодой месяц рожками вверх. Бывает так с месяцем? Кажется, бывает. А мо-жет, и нет — обычно месяц висит боком, на одном рож-ке. Ну и черт с ним. А в этой идее есть толк. Жаль, что нельзя рассказать о ней Горелову. «Сила инерции». Оторваться от привычного. Зажмуриться — и все нано-во...
— Ты обдумываешь, Саша?
— Да нет, я так... немножко.
— Думай, думай, я не мешаю.

9

Яков Воробьев был расстроен. На заседании парт-бюро произошло крупное столкновение с Любимовым, после чего Любимов подал в партком заявление о не-возможности работать «в таких условиях» и ставил во-прос напрямик — или я, или Воробьев.
Ожидая разговора с Диденко, Воробьев снова и сно-ва перебирал в памяти все, что он сделал за последние недели после выборов, свои успехи и промахи.
Партбюро начало работать энергично. Поначалу все шло хорошо. Расставив силы, взяли под повседневный контроль ход выполнения краснознаменского заказа. Отливки с металлургического завода по-прежнему запаздывали, и Воробьев предложил послать туда

деле-гацию рядовых коммунистов турбинного цеха. Предпо-лагалось, что делегаты пройдут по цехам и поговорят с рабочими, но они добрались и до Саганского.
— Ты только подумай, Яков Андреич! — рассказы-вали они, вернувшись. — Прошли мы по цехам — ни од-ного плаката о Краснознаменске, о сроках! Ну, мы да-вай свои выставлять, — хорошо, что заготовили! Как на-бежал народ! Шумят, волнуются. Обидно, конечно, — свои организации проспали, а из чужой подгонять при-шли! Секретарю их, Брянцеву, так досталось, что нам даже неловко стало. Хороший там народ, боевой. Рас-храбрились мы и — к Саганскому. Толстяк такой, ла-сковый, обходительный, папиросы «Герцеговина Флор» пустил по рукам... А между прочим, хитрющий дядя! Все надеялся общими словами отделаться. Мы, конеч-но, улыбаемся, папиросы курим, а свое твердим — да-вайте договор на соревнование, иначе обратимся через газету.
Как всегда, когда меняется руководство, к новому секретарю ходило много посетителей — кто просто хотел познакомиться, кто искал совета или помощи, а кое-кто шел в надежде, что новый секретарь разрешит то, в чем справедливо отказал прежний. Случалось, приходит коммунист с жалобой на какую-то обиду или непорядок, просит «заняться», «разобраться».
— Ну, а ты сам как думаешь? Ты что предлага-ешь? — спрашивал Воробьев.
— Да я не знаю... Я вас прошу. Пусть бюро решит...
— Бюро решит, когда нужно будет. А ты сам обду-май все дело в целом, партийно обдумай, посоветуйся с товарищами, кто к этому делу близок. И приходите с четкими предложениями; кто и в чем виноват да что надо сделать.
Не было случая, чтоб человек, получив такое пору-чение, не выполнил его — иногда хорошо, иногда пло-хо, но всегда со старанием.
Радовала Воробьева и развивающаяся дружба с учёными.
На заводском техническом совете возникла идея проверить технологичность конструкций или, проще го-воря, продумать работу конструкторов, с тем чтоб не было лишней производственной канители, которой при желании можно избежать. Работники двух кафедр — технологии и паровых турбин — вместе с заводскими инженерами создали комплексную бригаду. Бригада обрастала помощниками из рабочих и мастеров. Аня Карцева воспользовалась тем, что в цехе бывают науч-ные работники, и устраивала в техническом кабинете их доклады и консультации для изобретателей и рацио-нализаторов. Профессор Карелин заинтересовался до-ской «Придумай и предложи!» Тут же наметил, кого из научных работников прикрепить в помощь заводским. Заодно поворчал, что кабинет беден, обещал подбро-сить наглядных пособий и пригласил к себе Карцеву. Завязались у него и какие-то отношения с Воловиком.
Все это было хорошо, и Воробьев не собирался пре-уменьшать успехи. Но в последнее время он чувствовал, что множество дел, обступающих его с самого утра, захлестывает, не дает систематически заниматься глав-ным, — а ведь именно за это ругали на собрании старое партбюро!
Каждый день случалось что-нибудь новое: поссори-лись два мастера, и пришлось разбираться, кто прав, а потом мирить их. Автокарщица на минуту отлучилась, а Кешка Степанов кликнул приятелей: «Давай прока-чу!» — и разогнал автокар по пролету, причем сильно подшиб шедшую впереди женщину. Воробьев отправил работницу в медпункт, потом долго отчитывал мальчи-шек. Любимов уже решил уволить Кешку, когда при-шла в слезах Евдокия Павловна, и Воробьеву пришлось выслушать ее жалобы и просьбы, а затем пойти с нею к Любимову. В день партийной учебы у карусельщика Ерохина увезли жену в родильный дом, и Ерохин, бес-помощно кусая прыгающие губы, тихо объяснял:
— Я, конечно, понимаю, я занятие постараюсь про-вести, но понимаешь, у меня что-то путается в голове. Главное, у нее ведь первые роды, и она была ранена, у нее прострелено легкое, так что я очень боюсь...
Телефон родильного дома был беспрерывно занят, Воробьев больше часу дозванивался туда и попутно убеждал Ерохина, что старое ранение не может оказать влияния на роды, хотя, в сущности, не имел об этом ни малейшего представления.
Так пролетали дни за днями. Диденко успокаивал:
— Что сотня дел на дню — это, брат, наша судьба. Большое и малое — все к нам стекается. А ты не нерв-ничай, за все сам не хватайся, у тебя же целое парт-бюро! Отбери главное и вытягивай.
Легко сказать — отбери и вытягивай! И что же все-таки главное? Досрочный выпуок турбин?

Казалось бы, так. Но именно тут и возник конфликт с Любимовым, вместо дружных усилий вышла ссора, недопустимая и вредная для дела.
И вот он вызван к Диденко, и парторг держит в ру-ках заявление начальника цеха...
Но, против ожиданий Воробьева, Диденко сразу сло-жил и разорвал на куски листок с заявлением.
— Говорил я с Любимовым и убедил взять заявле-ние обратно, — сказал он. — Как видишь, за тебя пора-ботал и уладил. А тебе скажу, Яков Андреевич: бывает, нужно и на конфликт пойти, если других средств воз-действия не хватает. Но разве ты использовал другие средства воздействия? Ссоришься как маленький!
Воробьев ответил запальчиво:
— Но я тоже человек! И если он уперся как бык...
— Нет, ты не просто человек, — прервал Диденко. — Ты человек с особыми, труднейшими обязанностями. Думал ты об этом, когда допускал всю эту грызню?
— Он же неправ! — вскричал Воробьев.
— Конечно. Ну а ты — во всем прав?
— По-моему — да!
— И в поведении на бюро — во всем прав?
— Вы бы тоже не выдержали на моем месте, — про-говорил Воробьев и вздохнул: какие бы ни были обя-занности, всякому терпению есть предел!
На заседании партбюро проверяли выполнение наказов коммунистов. Вспомнили, как Пакулин и другие требовали, чтобы работы по краснознаменским турби-нам были включены в план завода с новыми сроками. Казалось бы, что тут возражать? Начальник цеха за-интересован в этом больше всех. Но Любимов сердито возразил:
— Позвольте, позвольте! Что значит — добиться об-щезаводского планирования по обязательствам? Комсомольцы могут горячиться, на то они и комсомольцы, но мы-то должны рассуждать государственно! Перевыпол-нение плана — дело энтузиазма. Это черта социализ-ма... кто же будет возражать! Но добровольные обя-зательства общественности вводить в план предприятия как обязательные?! Это же нелепость!
Катя Смолкина вскочила и широко развела руками:
— Убейте меня, не понимаю! А что же у нас пред-приятие — не социалистическое, что ли? И что же это за обязательства, которые необязательны?
Но Любимов уперся: не пойду к директору с такой чепухой, не допущу такого решения. Спор продолжался долго, голоса повысились, все устали, сбились с делово-го тона, и Воробьев потерял нить руководства заседани-ем. Был момент, когда он потерял и власть над собою.
Карцева напомнила:
— Собрание решило этот спор, Георгий Семенович, вы напрасно об этом забываете!
— Собрание нигде не записало такого решения, — раздраженно ответил Любимов.
И тогда Воробьев стукнул кулаком по столу:
— Да черт возьми, неужели вы не поняли до сих пор, что оно записано даже в итогах голосования! В бюллетенях записано! В том, как вас чуть-чуть не про-валили!
Любимов переменился в лице, сквозь зубы сказал:
— Если так, делайте что считаете нужным.
И потом уже не открывал рта до конца заседания. А наутро понес в партком заявление.
— Ну хорошо, допустим, я был резок, — сказал Во-робьев, внутренне продолжая злиться. — Но как мне с ним работать, если он гнет свое, ни с чем не считаясь?
— А ты его научи считаться, — сказал Диденко. — На то ты и партийный руководитель.
— Не знаю, — буркнул Воробьев. — Видимо, я очень плохой руководитель. Пока со стороны смотрел — все ясно было. А как сам взялся — между пальцев потекло. И никак не найду стержня, вокруг чего все бы верте-лось... Работаю с утра до вечера, а воз ни с места.
— Уж и ни с места, — с улыбкой сказал Диденко. — Знаешь, Яков Андреич, что тебе нужно? Отдохнуть, успокоиться, погулять вечерок — вот и все! Гляди, как похудел с тех пор, как начальством стал! А ну, пошли вместе, пройдемся до трамвайного кольца, подышим.
Они вышли в безветренную тишину весеннего вече-ра, и оба разом изумленно огляделись и глубоко вдох-нули теплый воздух. Небо было ясно, только два легких облачка бежали по нему, и одно будто догоняло другое, но никак не могло догнать. Молодые клены, посажен-ные у ворот завода несколько дней назад, выделялись в неярком свете вечера каждой веточкой,

каждым лист-ком, и видно было, как на одних листочки свернулись и вяло поникли, а на других уже воспрянули и бойко распрямили свои зеленые ладошки.
Диденко, вопреки обыкновению, шагал медленно. Воробьеву не хотелось заговаривать с ним. Вечерняя благодать пробудила в нем мысли о Груне, и ему стало грустно, — встречаться им становилось все труднее, по-тому что теперь он был на виду, а короткие встречи в цехе, на людях раздражали обоих, вызывая взаимные упреки и обиды. Боясь огорчить ее, он никогда не по-зволял себе высказаться до конца, но разве ее клятва не изменять памяти мужа и жить только ради дочки не превратилась в формальность, в ложь? В конце кон-цов, Груня цепляется за свою клятву только потому, что боится оскорбить Ефима Кузьмича, боится разбить ореол почтительного восхищения, который окружает ее в цехе. Когда-то это было прекрасно, а стало фальшиво. Воробьеву не хотелось думать о Груне плохо, а мысли приходили злые, обидные, и ему было жаль, что они непрошено лезут в голову... А вечер так хорош, и так славно было бы зайти к ней сейчас, ничего не опаса-ясь, и позвать: белые ночи, Груня, пойдем, побродим!
— Ты женат? — неожиданно спросил Диденко.
Воробьев отрицательно мотнул головой, а про себя подумал: знает!
— Почему?
Воробьев молча пожал плечами.
— Ты парень молодой, ладный, женщины тебя лю-бят, наверно. Ну и ты их... так? В молодости это хо-рошо. А жена — друг и помощник — еще лучше. Устой-чивость в жизни дает.
Диденко помедлил и добавил:
— Впрочем, в этом ты и сам разберешься.
Воробьев так и не вымолвил ни слова. Диденко неспроста затеял этот разговор, — наверное, что-нибудь прослышал. Судачат о нем и Груне на заводе? Возмож-но. Ведь вот недавно, когда Воробьев узнал, что слу-чилась какая-то беда с Валей Зиминой и обвиняют в этом Гаршина, он решил поговорить в открытую с Гаршиным. Тот пришел мрачным, без обычных шуточек (таким он и ходил последнее время, что было всеми за-мечено). Но на вопросы Воробьева Гаршин рассмеялся и дерзко ответил: «Я прямо в толк не возьму — цех у нас или монастырь? Два раза проводил девушку, и уже в грешники попал! А кто и впрямь грешен, те судят!» Он подмигнул, искоса наблюдая, как смутился Воробь-ев. Намек ясен. И нет ничего мудреного, что слухи до-шли до Диденко. Признаться ему? Посоветоваться?
Только что Воробьев собрался с духом, чтоб при-знаться и посоветоваться, как Диденко заговорил сам, и как будто уже о другом:
— Есть у Маркса такая мысль, что революция необ-ходима не только потому, что нельзя никаким иным спо-собом свергнуть господствующий класс, но и потому, что свергающий класс только в революции может очи-ститься от всей мерзости старого общества и стать спо-собным создать новое. Понимаешь? Ломая старое, очи-щаемся сами. И строим с тем, что у нас есть, из того, что у нас есть. Тебе, твоему поколению уже легче. Три десятилетия советского строя. Народ уже воспитан в социализме. Но ведь и старья еще немало? Мы гово-рим — пережитки. У одного их побольше, у другого по-меньше, у третьего, кажись, и вовсе нет старья в душе. А копни его насчет материальных дел или, скажем, в отношении к женщине — и, пожалуйста, вылезло!
Воробьев искал внутреннего смысла этого рассуж-дения — к чему Диденко ведет? Или все о том же — мне в упрек?
Они шли по проспекту, давно миновав трамвайное кольцо. В легких сумерках впереди возникали освещен-ные указатели трамвайных и автобусных остановок, приближались и, померцав сбоку, отодвигались назад. Диденко шел дальше размеренным шагом и молчал.
— Вот так и с Любимовым, — вдруг сказал он. — Кто он такой? Грубо говоря — пределыцик. Человек формально-математического мышления: три станка за столько-то часов могут дать столько-то, а для того, чтобы дать в два раза больше, нужно шесть станков. Арифметическая задача для третьего класса! Станки он знает здорово, а человека у станка — не понимает. Тур-бину он чует, как мало кто, а вот как нужно работать в эпоху перехода к коммунизму — не чует. Не чует, ну что ты будешь делать! Я уж ему сегодня толковал, тол-ковал, — соглашается, а вижу — все мимо.
— Так какой же он тогда, к черту, руководитель! — со злостью воскликнул Воробьев.
— Ему и трудно, — спокойно ответил Диденко. — И с ним трудно. А отметать его все-таки нельзя. Куда же ты его денешь? Я б его не назначал начальником цеха, но это уж дело

прошлое... или будущее. А пар-тийная задача, куда ты его ни поставь, одна и та же! И ты на него погляди вот с той точки зрения Маркса, понимаешь? И возьми от него все, на что он способен, и чисти помаленьку и осторожненько, день за днем. Ничего, что у него образования больше, и старше он, и опытнее. Зато у тебя больше партийности.
— А знаете что, Николай Гаврилович? — оживляясь, сказал Воробьев. — Я с такой точки зрения не смот-рел... а ведь это интересно — переломить! Даже захо-телось...
— Работать с людьми вообще интересно, — отклик-нулся Диденко. И после паузы спросил: — Так что же ты считаешь главным в своей работе?
Воробьев подумал и ответил:
— Сделать так, чтобы выпустить к октябрю четыре турбины.
— А как? Вот ты спрашивал о стержне. Так в чем он, по-твоему, — стержень?
— Не знаю, — честно признался Воробьев. — А в чем, Николай Гаврилович?
— По-моему, стержень — массово-политическая ра-бота.
— Стержень всего?
— Ага, — подтвердил Диденко и совсем замедлил шаги, чтоб удобнее было говорить. — Да, друже, именно она. От нее — все. Вот у тебя много разных людей, ко-торых ты должен вести на досрочное выполнение плана, а вообще-то говоря — к коммунизму. Так? И у каждого, кроме завода, кроме производства, есть свое: один го-нится за заработком, у другого жена хворает, третий обиделся на мастера и хочет ему досадить. Тот готовится к экзаменам, другой — болельщик футбола и готов с работы удрать, лишь бы увидеть, как «Зенит» побьет «Динамо» или, на беду, «Динамо» всыплет «Зениту»... А твоя задача — так охватить их всех влиянием партии, чтобы все эти разные люди делали сообща общее дело, и притом с душой, как можно лучше.
Он вдруг засмеялся:
— Иного хорошего парня выберут руководителем, и — откуда что берется! — он уже говорит не как все, а особым каким-то натужным голосом, будто на пло-щади. Или, наоборот, этаким приглушенным «руково-дящим» голосом, до того многозначительным, что пона-чалу думаешь — он невесть какие умные истины изре-кает! А вслушаешься — один туман. Слово должно быть ясным, простым и до конца правдивым. Это ты запомни, Яков: надо говорить людям правду, одну правду, даже если она горькая. Народ все поймет, если объяснишь, что плохо и как исправить. Кто начинает привирать, недостатки замазывать, красивыми словами суть дела затемнять — тех народ не уважает, не любит. И за та-кими не пойдет.
Диденко сам себе возразил:
— А ведь нет! И за таким пойдет иной раз, если такой пустозвон от имени партии говорит. Понимаешь? Тем и велика наша с тобою ответственность, что доверие народа к партии громадное, к голосу коммуниста народ прислушивается, И досадует, если от имени партии с ним говорят неумно, или общими словами, или не всю правду. Вот об этом, Яков, всегда помни. И свой актив учи.
— А что, Николай Гаврилович, вы и у меня замети-ли эту самую склонность... к «руководящему» голосу?
— Нет, Яков Андреич, пока бог миловал. И рабо-тать ты начал хорошо. Боевое у вас бюро. Только из-за деревьев лесу иногда не видите. И получается — ближ-няя цель видна, о ближней цели все уши прожужжали, а главную цель, перспективу — упустили. Это и есть — слабость партийно-политической работы. Ведь если че-ловек чувствует большой смысл и радость — именно радость! — своего труда, он и работает совсем иначе. Ты Михаила Ивановича Калинина читал? Есть у него один золотой совет партийному работнику — празднично работать в обыкновенной будничной обстановке. Чуешь? Празднично!
— Празднично... — задумчиво повторил Воробьев. — Я об этом думал не раз — за всеми делами не растерять бы мне веселости. Вот этой самой радости, о которой вы говорите. Ведь можно людей повести за собой пото-му, что нужно, а можно и так, чтоб захотелось. Если разобраться, в самом трудном деле всегда радостный смысл есть. С той же Краснознаменной, — вы бы виде-ли, как у нас слушали Воловика, когда он о своей по-ездке рассказывал! Была и радость и праздничность.
— Вот, вот, Яков! — подхватил Диденко. — А то ведь есть у нас еще такие сухари, что только и бубнят: мы должны, вы должны, наш долг... Между прочим, все правильно: должны! Поскольку за большую цель взялись и всему человечеству дорогу протаптываем — долг у нас

огромнейший и самый ответственный. И по-нимать его нужно. Но ведь это не только долг, но и гордость, и счастье наше, и, если хочешь, веселье для души! Так вот и донеси все это до каждого человека — он горы сдвинет!
Диденко сжал локоть Воробьева и заглянул ему в лицо:
— Увлекательно это, Яша! Очень увлекательно — до каждого отдельного человека доходить. Даже до такого, как ваш Торжуев. У нас иногда думают: народ, коллектив — как нечто абстрактное, однородное. Собрание с аплодисментами — это народ. А на улице молодежь ху-лиганит, в трамвае люди переругались, после получки пьянка… это так, «кто-то». А ведь это тоже народ. И часто — тот же народ!
Несколько минут они шли молча, каждый по-своему думая о том же.
— Ты заметь вот что, — снова заговорил Диденко. — Коллектив у нас мудрее и выше отдельного человека. Коллектив у нас — вровень с временем идет, сам его двигает. А отдельные люди — кто вровень, а кто пони-же, на цыпочки вставать приходится. А кое-кто в сто-ронке отсиживается, здоровье бережет да своими де-лишками занят. А только ждать-то мы не можем! Мы ж не за стихийность, мы — организаторы, творцы. Зна-чит, умей видеть в массе отдельную душу — и доберись до нее. Вот тогда ты и будешь настоящий партийный работник!
Воробьев слушал его и видел перед собою сотни лю-дей, знакомых и незнакомых, в цехе и за пределами завода, в комнатах заводского общежития и в кварти-рах, где он никогда не был, на стадионе и в пивной, в театре и в толчее магазинов; мечущихся у подъезда ро-дильного дома, как Ерохин, и мрачно наблюдающих издали за любимой девушкой, как Ступин; в библиоте-ке и на улице; полных надежд и планов, как Саша Во-ловик, и еще ни к чему не приросших сердцем, как Кеш-ка Степанов...
Свет от проходящих навстречу автомобилей сколь-зил по серьезному лицу Воробьева.
— Это потруднее, чем поладить с Любимовым, — сказал он.
— Так ты ж не один, — буднично возразил Диденко и вдруг предложил: — Давай-ка до дому, ведь ночь уже!
Побежал и ловко вскочил на подножку подходивше-го к остановке трамвая.
— Тебе не на этот? — крикнул он с подножки. — Ну, будь здоров!

10

Чем яснее становилось Воробьеву все связанное с его новой работой, тем мучительней и запутанней каза-лись ему отношения с Груней, осложненные явным не-доброжелательством Ефима Кузьмича.
Можно было допустить, что на первых порах старик обиделся из-за Фетисова. Но, в конце концов, Воробьев не был виноват в происшедшем на собрании, да и Ефим Кузьмич всегда относился к Воробьеву с симпатией, считал его своим учеником. Почему же теперь Ефим Кузьмич не только не помогает ему, но и упорно избе-гает даже обычного, простого разговора?
Воробьев заметил, что любопытные взгляды устрем-ляются на него, как только он появляется на участке Клементьева, и понимал, что такое любопытство не де-лает чести ни ему, ни Ефиму Кузьмичу.
Однажды, разозлившись, он сказал Клементьеву: — Нам с вами объясниться надо, Ефим Кузьмич.
Клементьев насмешливо и презрительно хмыкнул, Воробьев не повторил предложения, повернулся и ушел.
На следующий день во время краткого и нерадост-ного свидания Груня испуганно расспрашивала:
— Ты что, поспорил со стариком? Лютует он против тебя —ужас!
— За что? — гневно спросил Воробьев.
Груня уловила его гнев и ахнула:
— Яшенька, не ссорьтесь! Не могу я промеж двух огней... Родной ты мой, не дерзи, не перечь ему, уважь старика!

Как ни любил он Груню, как ни хотел уступить ей, но тут вспылил:
— Да что мы, в детском саду? Игрушку не подели-ли? За что он злится, не понимаю. Что же мне, ему в угоду с секретарей уйти? Ковриком ему под ноги сте-литься?
— Ох, не то, Яшенька, не то...
— А что?
— Не знаю. Злой стал — ну только что не бросается! А собралась я сегодня уходить, таким взглядом прово-дил, что — верь не верь! — спиной почувствовала. Буд-то железом каленым прижег.
— Да что я, прокаженный для него? Или он тебя с собой в могилу забрать хочет? Не пойму я что-то.
Груня не ответила, пригорюнилась. И вдруг знако-мая Воробьеву шалая улыбка появилась на ее лице, она порывисто обняла Воробьева и горячо зашептала:
— Не надо, ну, не надо думать об этом! Все равно люблю и любить буду, ты только молчи. Молчи. Сама все улажу. А ты об этом не думай.
Но он не мог надеяться на то, что Груня сама ула-дит. Не верил он, что вся злоба старика — из-за Груни. С чего бы?
Клементьев ни разу не заходил в партбюро с тех пор, как сдал дела Воробьеву. Но вот выдали получку за месяц, почти все коммунисты внесли членские взно-сы, а Ефим Кузьмич медлил, и в ведомости пустая стро-ка против его фамилии выделялась одинокой белой полоской.
Воробьев выжидал. Ясно было, что старик прекрас-но помнит свою обязанность, да не может преодолеть характера. Ничего, пусть помается. Прийти все равно придется.
Однажды к вечеру Ефим Кузьмич угрюмо и реши-тельно вошел в комнату партбюро, расстегнул ватник и вытащил из внутреннего кармана кожаный футляр с партбилетом.
— Садитесь, Ефим Кузьмич, — как можно приветли-вей предложил Воробьев.
Не отвечая и не вступая в разговор, Ефим Кузьмич назвал сумму своего заработка и выложил на стол деньги.
Воробьев старательно, не торопясь, сделал записи в ведомости и в партийном билете, дал Клементьеву рас-писаться в ведомости, поставил печать в билете и, не отдавая его, а с силой прижав к столу тяжелым прес-сом, сказал:
— Вы, Ефим Кузьмич, отмалчиваться хотите? А я не хочу и не могу.
Клементьев побагровел и отвел взгляд:
— Что ж. Говори. Послушаю.
От этого презрительного ответа Воробьеву стало не по себе. Он уже не ждал ничего хорошего от предстоя-щего объяснения. Хотелось сказать что-нибудь резкое и навсегда прекратить отношения. Но делать это нельзя было.
— Хорошо, — через силу произнес он, подавляя раз-дражение. — Для пользы дела поговорю первым.
Ефим Кузьмич пробурчал:
— Ну, ну. Твоя власть.
— Власть? — переспросил Воробьев. — Зря вы так толкуете, Ефим Кузьмич. Партия мне доверила руковод-ство, а не власть. Я этой чести не искал, но раз уж мне доверили — ценю ее. И склоками марать не буду.
— Ну, ну, — с издевкой повторил Клементьев.
— Ефим Кузьмич! — дрогнувшим голосом восклик-нул Воробьев. — Я вас привык уважать. Я учился у вас! Я хочу советоваться с вами, как со старшим, а не ссо-риться. Не знаю, за что вы на меня так взъелись, но я не могу, не хочу, да и права не имею... Я обязан выяс-нить... За что?! Так как старик молчал, он с горечью добавил: — Вы же сами просили отпустить вас, Ефим Кузь-мич. А я на ваше место не набивался.
У старика даже дыхание перехватило:
— Ах, ты... Что ж я, по-твоему, «место» жалею? Да как ты смеешь! Это ж я не знаю что! Это ж...
Кто-то приотворил дверь, собираясь войти, но тут же поспешно прикрыл ее. Клементьев заметил это и мах-нул рукой, словно теперь ему было уже безразлично.
— Советоваться хочешь? — сквозь зубы сказал он. — А ты бы раньше советовался. Не со мной, так с совестью своей. Лучше было бы.

Воробьев побледнел. И не от оскорбления, а потому, что в этот миг понял: старик знает про него и Груню, не прощает этого и ненавидит его за это, и сейчас правда будет сказана до точки. Распаленный гневом, старик придет домой и накричит на Груню, наговорит бог знает чего, а Груня поплачет, быть может долго поплачет, но в конце концов уступит старику, поклянется не изменять памяти мужа, не изменять дочке...
И вдруг чувство протеста поднялось на смену отчая-нию. Собственно говоря, почему может старик требо-вать от вдовы своего сына такого самоотречения? Что за бред?
— Подождите, Ефим Кузьмич, — резко сказал он. — Вы о личном?
— Личное? — закричал старик. — Нет голубчик, тут за личным не скроешься! Подлость в личной жизни — это дело общественное! Партийное! И не будь тут дру-гой человек замешан, я бы тебя при всех опозорил! Я бы тебя на собрании отвел, как последнего сукиного сына и развратника! Я бы...
Задыхаясь от гнева и волнения, он схватился за грудь и грузно опустился на стул.
— Ефим Кузьмич, — почти шепотом сказал Воробь-ев. — Вы об этом так говорить не смейте. Себя я марать не дам, а уж Груню — отцу родному не позволю... Лю-бовь это, Ефим Кузьмич. Любовь. И подлости тут никакой нет.
Клементьев поднял лицо, ставшее землисто-серым и совсем старческим.
— Любовь, говоришь? — Он насмешливо сморщился и покачал головой. — Нет, Воробьев. Конечно, всякий мужик про любовь болтает, когда женщину обхаживает. Может быть, я стар и молодым не пример, но для меня любовь — человеческое чувство, человеческое, а не скотское. Ответственное. Душевное... А кто одних удоволь-ствий ищет, а ответственности прячется...
— Я прячусь?! — вскричал Воробьев.
Удивление и возмущение Воробьева были так искренни, что Ефим Кузьмич впервые повернулся к не-му с желанием понять.
— А как же не прячешься? Ребенка побоку, честь женскую побоку. Думаешь, не знаю?
Как ни был расстроен Воробьев, он засмеялся, обо-шел вокруг стола и положил руки на ссутулившиеся плечи старика:
— Так помогите мне жениться, Ефим Кузьмич. Я и сам измаялся. Сам больше не могу.
— Погоди, погоди, — бормотал Ефим Кузьмич, снизу вверх растерянно глядя на Воробьева. — Я что-то не пойму. Да почему же это у вас?
У Воробьева вдруг ослабели ноги, он утомленно опу-стился на стул напротив старика, взял руки Ефима Кузьмича в свои и начал тихо говорить.
Кто-то снова сунулся в комнату, но, увидав совер-шенно неожиданную и явно личную беседу старого и нового секретарей, почему-то взявшихся за руки, как дети, — еще поспешней, чем раньше, прикрыл дверь.
— Д-да, — протянул Ефим Кузьмич, подпер голову рукою и задумался — поникший, мрачный. Воробьев с тревогой смотрел на него и молча ждал. А Ефим Кузьмич будто и забыл о нем, все думал и думал... Несколько месяцев подряд, ревниво наблюдая за Груней и стараясь понять, кто тот мерзавец, что тиш-ком обольстил ее, Ефим Кузьмич убеждал себя в том, что оберегает Груню, жалеет Груню, — ведь побалуется прохвост и бросит ее. Разве так поступают, если хотят жениться?.. Когда догадался, что человек этот — Во-робьев, бывший его любимый ученик, возненавидел и Воробьева. Не жалел слов, чтоб очернить его в глазах Груни. Подметив, что несколько дней Груня не уходит из дому, приглядывался — не грустна ли? Может, и бросил уже?
И вот все обернулось по-иному. «Помогите жениться, Ефим Кузьмич...»
Сидит перед ним Яков Воробьев, сидит и терпеливо ждет. Ответ ясен, а не вымолвишь. Стоит вымолвить это единственно возможное слово — и войдет этот хоро-ший человек в твой дом, войдет хозяином, сядет на тот самый стул, на котором сидел Кирилл, ляжет на ту же кровать и обнимет женщину, которую любил Кирилл. А Галочка! Галочке он будет — отчим. Чужой человек, которому наплевать на эту девочку, он не нянчил ее, когда она лежала в пеленках, когда ползала по полу в смешных фланелевых «ползунках»... он не томился страхом, когда она болела... он и не увидит, какая она ласковая и лукавая девчонка, самая лучшая на свете... Что она ему? Девочка как девочка, лишний рот и лиш-няя забота. Будет шуметь — прикрикнет. Ослушается — накажет. Попробует увязаться за матерью, когда пой-дут гулять в воскресный день, — с досадой скажет: не надо Галочку, на что нам она?
— У Груни — ребенок, — с усилием сказал он, не поднимая глаз.

— Знаю, Ефим Кузьмич.
И снова молчали оба, и, еще сильнее ссутулившись, думал Ефим Кузьмич о том, что против жизни не по-прешь, и кто его знает, долог ли его век, а Груне — жить, и если сердце идет наперекор уму, видно, сердце надо смирять... да и что тут скажешь? Как помешаешь?
Он поднялся, все так же не глядя на Воробьева, взял из-под пресса свой партийный билет, запрятал его в потайной карман, долго возился, застегивая карман английской булавкой.
— Жена моя, покойница, все, бывало, говорила: ка-кие вы ни есть умные, а женщину никогда до конца не поймете! — с кривой улыбкой сказал он. И впервые по-глядел прямо в глаза Воробьеву: — Что ж, Яков. Тут не мне решать — Груне.
И пошел к двери — мужественно подняв голову, очень прямо и твердо ступая.

11

Весть о том, что Воробьев женится на Груне Кле-ментьевой, быстро разнеслась по цеху, и Воробьев це-лый день принимал поздравления и с блаженно-счаст-ливым лицом кивал в ответ на обычное «с тебя причи-тается».
К станку Груни тоже то и дело подходили подруги и товарищи, и все радовались за нее, поздравляли, и никто, видимо, даже мысленно не осуждал ее.
Поздним вечером того дня, когда Воробьев объяс-нился с Ефимом Кузьмичом, Груня смело, не таясь, прибежала к Воробьеву и упала к нему на грудь, смеясь и плача. Она ругала себя и тут же требовала, чтобы он поклялся, что не ругает ее, пересказывала свой разговор со свекром. Прижимаясь к Воробьеву, она принималась мечтать о том, как они теперь будут жить, снова смея-лась и плакала, и вообще вела себя как сумасшедшая. Отказавшись остаться у него, она передала ему пригла-шение Ефима Кузьмича прийти в субботу к восьми ча-сам, чтобы отпраздновать помолвку и все обсудить.
Шел восьмой час, когда Воробьев, наскоро переодев-шись, зашел в универмаг. Он купил новый галстук и здесь же у зеркала повязал его, выбрал колечко для Груни и в самом легкомысленном настроении подошел к прилавку детского отдела универмага. И тут совер-шенно растерялся.
На прилавке заманчивой цепочкой лежали погре-мушки — кошачьи головки, попугаи и металлические колокольчики. За ними, поблескивая алюминиевыми фа-рами, в ряд стояли машины, легковые и грузовые, лиму-зины обтекаемой формы и тупоносые тягачи с прицепа-ми, красный мотоцикл с кареткой и с металлическим мотоциклистом, сросшимся с машиной устремленной вперед фигурой. Под арками из цветных кубиков отды-хали две птички на широких лапах и зеленая лягушка с выпученными глазами и с таким выражением, будто она на минуточку присела и вот-вот поскачет. И у пти-чек и у лягушки торчали в боках заводные ключи.
На полках большие куклы, распахнув голубые гла-за, стояли в коробках. Клоун в красном колпаке сидел верхом на слоне, у которого мерно покачивался хобот, полосатый тигр смотрел на обезьянку, висящую в оран-жевом обруче. Большие пестрые мячи, волшебные фо-нари, детские велосипеды — трехколесные и двухколес-ные, голубые самокаты с алыми колесами, свисающий с потолка парашютист под зонтом-парашютом...
Из всей этой массы игрушек надо было выбрать один, самый подходящий, завораживающий подарок для маленькой незнакомой девочки. Холодком по сердцу прошла мысль, что девочка — чужая, непонятная, а должна стать родной.
Он видел эту девочку всего три раза. Однажды они условились встретиться с Груней в воскресенье днем в парке. Галочка с двумя другими девочками прыгала через скакалку. Они прыгали по очереди: две крутили скакалку сперва в одну сторону, потом в другую, а третья прыгала и визжала. Потом Галочка прыгала одна, выделывая всякие фокусы: поворачивалась во-круг себя во время прыжка, прыгала боком и назад, как-то по-особому перекручивала скакалку. Воробьев смотрел и не мог понять, как это она умудряется.
Вторично он видел ее вечером, на пустыре, когда Груня вывела дочку погулять. Галочка лезла к матери с болтовней, раздражавшей Воробьева, сердито коси-лась на приставшего к ним дядю,

просилась домой. В руках у нее был тряпочный заяц, но заяц не занимал ее, она тащила его за ухо и пыталась всучить матери.
Третий раз он мельком видел ее в тот вечер, когда заходил с Воловиком к Ефиму Кузьмичу.
— Сколько стоит вон та кукла? — робко спросил Воробьев.
Кукла была роскошная, с закрывающимися глазами, но на нее у Воробьева уже не хватило денег. Продав-щица наметанным взглядом определила его неопытность и стала предлагать ему то одно, то другое, завела мото-циклиста, и лошадку с тележкой, и слона, который то-пал по стеклу, переваливаясь с боку на бок.
— А сколько стоит плита? — спросил он, заметив нарядную кафельную плиту.
Плита стоила дешево, и к ней продавщица приложи-ла еще лист картона с пришитыми к нему маленькими кастрюльками и сковородками и второй лист — со сто-ловой посудой. Она уверяла, что для девочки это чудес-ный, занимательный подарок.
Обрадованный, что выбор сделан, он расплатился, получил аккуратно перевязанный пакет и заспешил к Клементьевым.
Он заранее готовился сразу, ничего не говоря, на-деть на палец Груни колечко, и ему почему-то казалось, что она бросится к нему на грудь так же, как в про-шлую встречу, с тем же шалым выражением на сияющем лице.
Она сама открыла ему, но не обняла, а только креп-ко стиснула его руку и движением губ показала ему, что мысленно целует его. Она улыбалась, но Воробьев видел, что она чем-то взволнована и огорчена, хотя и пытается скрыть это. Колечко было уже зажато в левой руке, Воробьев надел его на палец Груни, Груня про-сияла и тотчас виновато оглянулась.
В дверях комнаты стояла Галочка и строго, не ми-гая, смотрела на них.
— Здравствуй, Галочка, — сказал Воробьев и протя-нул пакет. — Погляди-ка, что я тебе принес.
Галочка покраснела, но не двинулась с места. Во-робьев увидел в этом только детскую застенчивость, но Груня нетерпеливо нахмурилась и неестественно весе-лым голосом позвала ее:
— Иди же, доченька, взгляни, что тут такое.
И, прощупывая игрушки сквозь оберточную бумагу, воскликнула:
— Ого! Что-то острое! И большое! Интересно, что это принес дядя Яша?
Галочка сделала несколько шагов к матери и снова остановилась. Видимо, сложная работа, происходившая в ее душе, пересиливала любопытство.
— Я проговорилась при ней... она знает... — шеп-нула Груня и пошла в комнату, увлекая за собою дочку.
Когда Воробьев снял пальто и вошел за ними, Га-лочка уже оторвала от листа кастрюльку и поставила на плиту, ее пальчики уцепились за терку.
— Морковку тереть, — сказала она, оглянулась на подошедшего Воробьева, что-то вспомнила и оставила терку на листе.
— Скажи спасибо и поцелуй дядю Яшу, — подска-зала Груня.
— Спасибо, — сказала Галочка и отвернулась.
Груня мигнула Воробьеву и пошла в кухню. Галоч-ка устремилась за ней, но Воробьев перехватил ее, при-влек к себе и, страдая за себя, за нее и за Груню, че-рез силу сказал:
— Давай дружить, Галочка. Я люблю твою маму, и твоего дедушку, и тебя. Я хочу, чтобы мы жили весело и дружно.
Галочка быстро глянула ему в лицо, потупилась и промолчала. Пальцы ее теребили край передничка. Она не поверила тому, что он очень любит ее, потому что он не знал ее, так же как она не знала его, и ему не за что было любить ее; не поверив этому, она не поверила и всему остальному. Весь этот разговор был для нее мучителен. Она знала, что бывают у детей неродные папы, но она не хотела иметь неродного папу, она ревно-вала мать и негодовала на то, что в их милый, такой привычный и хороший дом въедет чужой человек, вооб-ражающий, что все ему обрадуются. С детской наблюда-тельностью она давно подметила, что между дедушкой и мамой что-то происходит, а однажды вечером ее разбу-дили громкие голоса, и плач мамы, и мамин странный смех пополам со слезами. Теперь она понимала, из-за чего все это было. Она ничего не могла изменить, раз даже дедушка не мог, но тем более не могла полюбить этого чужого человека. Подумаешь, игрушек принес! Лучше бы не надо никаких игрушек...
— Ты свою маму любишь, Галочка? Она покраснела до слез и промолчала.

— Маме трудно и скучно одной, Галочка. Мы с то-бой будем беречь ее и любить. Хорошо?
— Хорошо, — послушно ответила она. Она не верила в то, что маме трудно и скучно с нею и с дедушкой. Трудно и скучно было вторжение чужого человека. Но она знала, что говорить этого не нужно.
Воробьев чувствовал ее сопротивление, был уязвлен им, но всеми силами стремился поладить с девочкой, которая должна была стать его дочерью:
— Будем друзьями, Галочка?
— Будем.
— Я тебе буду покупать игрушки. И коньки куплю к зиме. Ты умеешь кататься на коньках?
— Я не люблю на коньках.
— А на санках любишь?
— У меня есть санки.
— Станет теплее — поедем на лодке кататься. И в театр пойдем. В кукольный. Ты была в кукольном театре?
Галочка помотала головой:
— Дедушка говорит, что там ин-фек-ция. Дифтерит и корь.
Воробьев растерялся от неожиданности, а Галочка добавила с нескрываемой злобой:
— И скарлатина.
Затем новая мысль пришла ей в голову:
— А если я заболею, мама и деда меня в больницу не отдадут, — сказала она скороговоркой, поблескивая глазами. — Двери заклеют обоями, как у Жоржика, и всех, кроме мамы, выселят!
Она вывернулась из его рук и забилась в свой уго-лок, схватив первые попавшиеся под руку игрушки и перебирая их, чтобы показать, что она занята.
Воробьев понял ход ее мыслей, и открытое недобро-желательство ребенка глубоко оскорбило его. Груня бес-печно сказала: «Ничего, привыкнет!» Но ведь этот чело-вечек прямо с ненавистью смотрит на него. Разве тут поможешь игрушками?
Пришел Ефим Кузьмич — неестественно веселый и говорливый, с завернутой в газету бутылкой. Груня за-хлопотала с ужином, улыбаясь Воробьеву и недовольно поглядывая на дочь, упорно не прикасавшуюся к прине-сенным Воробьевым игрушкам. При виде нахохлившей-ся девочки тень грусти проходила по сияющему лицу Груни — и тут же исчезала. Всем существом рвалась Груня к веселым хлопотам нового устройства жизни. И детское сопротивление, царапая душу, не могло раз-веять ее радости.
Галочка поужинала первою, одна, ни на кого не глядела и на дедушкины заигрывания не отвечала. Па-радный бант на ее голове печально качался. Когда Ефим Кузьмич поставил на стол вино и конфеты, она отказалась от конфет.
Груня увела ее спать.
И вдруг из-за стены донеслись горькие детские всхлипывания, уговаривающий голос Груни, снова всхлипывания...
Воробьев вскочил, подошел к двери, вернулся к сто-лу. На нем лица не было.
— Разве так делают? — сокрушенно пробормотал Ефим Кузьмич, отворачиваясь от Воробьева. — Надо было исподволь, понемножку.
Всхлипывания стихли. Груня вышла с заплаканны-ми глазами, виновато улыбнулась Воробьеву, попробовала держаться весело, как ни в чем не бывало. Но Воробьев отвел ее ласкающую руку и, прежде чем она поняла, что он задумал, решительно шагнул в соседнюю комнату и плотно прикрыл за собою дверь.
Маленькая настольная лампа была заставлена кни-гой. В полумраке на белой подушке виднелась головка Гали с поблескивающими, настороженными глазами.
— Вот что, Галя, — сказал Воробьев, садясь на стул рядом с кроватью. — Я вижу, ты не хочешь меня, не хо-чешь, чтобы мама была счастлива и весела. Так?
Галя не ответила, только испуганно, со стоном пере-вела дыхание.
— Если ты не хочешь маме счастья — значит, ты маму не любишь.
Галя хотела что-то сказать, но не сказала. Воробьев подождал и заговорил снова:
— У тебя был папа. Очень хороший папа. Его уби-ли фашисты. Мы все помним его и уважаем, и ты долж-на помнить его и гордиться им, как и все мы. Но его нет. А мама давно живет одна, ей трудно и грустно.
— А я? — пролепетала Галочка. — Мы с ней вместе.

— Она работает, она учится, твоя мама. Кто помо-жет ей? С кем она посоветуется? С тобой — так ты еще мала. С дедушкой — так он уже старенький. А мама молодая, веселая, ей хочется иметь друга, понимаешь?
Галочка по-прежнему молчала, и он закончил:
— Ты уже не маленькая, Галя, можешь подумать, понять и решить. Верно? И потом скажи маме. Не хочу я переезжать против твоего желания.
Он поднялся, но она шевельнула рукой, как бы удерживая его, и, наклонившись, он увидел на ее по-бледневшем личике выражение взрослого страдания. Перед ним был человек, пусть еще маленький, наивный, но человек со своей любовью и привязанностями, со своими вкусами и запросами, не к игрушкам — к жизни. И от этого маленького ошеломленного человека он тре-бовал немедленного ответа, вместо того чтобы завоевать его постепенно, силой любви и жизненного опыта!
Он склонился, погладил ее мягкие скользкие волос-ки, поцеловал ее в мокрый глаз и шепнул изменившим-ся от волнения голосом:
— Все будет хорошо, глупышка ты маленькая.
Она протяжно всхлипнула и зажмурилась, чтобы удер-жать слезы. Ей очень хотелось громко заплакать и сказать: «Ладно уж, переезжайте», — в эту последнюю ми-нуту она поверила его изменившемуся голосу больше, чем всем его словам.
Груня и Ефим Кузьмич подслушивали у двери. Ко-гда он скрипнул стулом, вставая, они отошли от двери и сели к столу, робея оттого, что Воробьев должен был сейчас вернуться к ним и они не знали, что сказать ему.
Воробьев вошел, щурясь на свет после темноты спальни. Он утомленно сел к столу, отряхнулся и жа-лобно попросил:
— Покорми нас, Груня. И давайте выпьем за семью. За нашу семью.
Ефим Кузьмич чокнулся с ним, залпом выпил:
— Прямой ты человек, Яков.
— А вы думали — косой? — неуклюже сострил Во-робьев.
Груня засмеялась. Она была спокойнее всех. Как только Воробьев пришел и сел вот тут, рядом с нею, к ней вернулось безмятежное и торжественное ощущение счастья. Она беспечно откидывала в сторону все, что могло помешать. Руки ее, хозяйничая на столе, так и норовили коснуться руки Воробьева, его крутого плеча, мимолетной лаской задеть его короткие, спутавшиеся волосы.
— А это ты любишь? Горчицы хочешь? Или пер-цу? — придвигая ему то одно, то другое, предлагала она и присматривалась — что он любит, как он ест, перчит ли, солит ли, — она еще так мало знала о нем!
А Воробьев ел что придется, рассеянно солил и пер-чил, поскольку ему придвигали солонку или перечницу, чокался с Ефимом Кузьмичом и пил, так как Ефим Кузьмич подливал ему вина и тянулся к нему рюмкой. И думал о счастье, к которому он долго стремился и которое неожиданно пришло — и оказалось совсем не таким, каким виделось из отдаления, а трудным, с но-выми обязанностями и новой ответственностью. Это был обман — что оно уже есть, что оно добыто. Пока была только женщина, любимая и готовая вместе с ним созда-вать его, хотя и она вряд ли понимала, что это долго-жданное счастье нужно создать и что создать его не-просто.

12

Домик Ефима Кузьмича одиноко торчал на краю большого пустыря, образовавшегося там, где прежде теснилось много таких же деревянных домиков с палисадничками и огородными грядками, с водоразборными колонками, у которых по-деревенски сходились с ведра-ми хозяйки. Этот уголок старой городской окраины был снесен войной. Пустырь «обжила» молодежь — воткну-ла самодельные ворота для футбола, протянула между деревьями волейбольные сетки, расчистила место для игры в рюхи.
Немиров и Диденко стояли посреди пустыря, по-хо-зяйски оглядываясь.

— Кузьмича-то потревожат?
— Пока нет, но по плану там спортивные площадки.
— Что ж, — сказал Немиров, с сожалением огляды-вая домик, — прижился он в нем, конечно, но домишко-то ветхий, да и нелепо будет выглядеть. Дадим старику лучшую квартиру на выбор, верно?
— Им и кстати. Семья-то в рост пошла.
— Красавицу отхватил твой Воробьев!
— А он и сам неплох.
Напротив домика Клементьевых, по другую сторону пустыря, высились так называемые «новые дома» — от-строенные перед войной жилые корпуса завода. Захо-дящее солнце играло в их стеклах и теплым, розовым светом оживляло стены, но Григорий Петрович оглядел их без удовольствия.
— До чего ж неинтересно построили! И как только приняли такой проект? Я б этого архитектора с завода вытолкал в шею!
Он прикинул в уме, при ком из его предшественни-ков строились эти дома, мысленно обругал виновника. Сразу видно, не было у человека ни размаха, ни увле-чения... небось только метры подсчитывал, много ли комнат выйдет, да поторапливал строителей, чтоб ско-рее сдавали, — с недоделками так с недоделками. Нет, теперь все будет иначе. Архитекторы сразу оживились, когда увидели, что у заказчика есть размах. А «подряд-чики» скисли. Ишь ведь, без лифтов хотели строить! Холодильные шкафы пробовали «замять», как лишнюю выдумку!
— Только знаешь что, Николай Гаврилович? Давай твердо держаться — никаких ордеров на комнаты, ника-кой перегрузки! Каждому — квартиру. Отдельную, со всеми удобствами. Ванная, холодильный шкаф, газовая кухня, телефон... Здорово это я про телефоны вспом-нил?
Он улыбнулся:
— А знаешь, почему вспомнил? Заехал я вчера в гастроном, смотрю, стоит наш мастер из кузницы, Во-ронков, возле автомата и этак умильно кого-то в театр приглашает. Меня прямо ударило — в новом-то проекте опять телефонизация не предусмотрена? Нет, думаю, врешь, не пройдет! Если я строю для своих людей до-ма, то уж это будут дома! И бегать к автомату свида-ния назначать не придется — ложись на диван, трубку к уху, и говори, пока не надоест.
Диденко усмехнулся, отметив про себя — «я строю» и «для своих людей», но промолчал. Как бы там ни было, есть у Григория Петровича и смелость мысли, и государственный подход к делу! Каждый раз, когда рас-сердишься на него или заметишь его ошибку, которую пропустить нельзя, — каждый раз директор в чем-то другом окажется и сильней, и решительней, поразит такой организаторской талантливостью, что невольно забудешь его промахи. С того дня, когда Григорий Пет-рович решил поставить новый регулятор на первой тур-бине, Диденко испытывал к нему восторженное чувство, близкое к влюбленности, и видел, что и весь заводской коллектив оценил смелое решение директора. Вот и се-годня: как ни нужны заводу новые дома, как ни кажет-ся порою, что важнее всего — побольше жилой площа-ди, пусть без лифтов, холодильных шкафов и телефонов, лишь бы поскорее! — нет, не допустил этого Немиров, все совещание повернул по-своему.
Понравилось Диденко и желание директора сразу после заседания поехать сюда — пройтись по тому ме-сту, где в будущем году вырастут дома, окруженные зеленью, пройтись и зримо представить себе, как оно тут получится.
— Хорошо! Только вот эти коробки дело портят.
— Ничего, еще послужат! — откликнулся Диденко. — Городок турбостроителей! Когда все соединится зелены-ми массивами, старые дома вольются в ансамбль!
Сказав это, он сам удивился, что впервые, вопреки сложившейся на заводе привычке, назвал эти дома «ста-рыми». А ведь скоро это новое определение приживется!
— Давай-ка пройдемся малость, — предложил Ди-денко.
Они вышли на проспект. Немиров отпустил машину. Пройдя немного, оба оглянулись. Неприглядён был пустырь, но разве они видели пустырь? Перед их глаза-ми стояли новые дома с балконами, с широкими окнами, за которыми белеют занавески и приманчиво загорают-ся сотни огней.
— Первого начнут подвозить, — сказал Немиров. — Я с них глаз не спущу, пока не развернут работы на полный ход.
— Пока не построят, — поправил Диденко.

— Это уж само собой! — весело согласился Неми-ров. — У меня не помешкаешь! А ну, Николай Гаврило-вич, пошли ко мне, спрыснем хорошее начало, чтоб дальше не засохло, а? Может, и Клава уже дома. Твою Катюшу вызвоним. Поболтаем, отдохнем.
Клавы дома не было, Григорий Петрович сразу при-нялся звонить ей. Как всегда по вечерам, найти ее было трудно: в плановом отделе нет, говорят — наверно, в ди-рекции; в дирекции советуют позвонить в партком; в парткоме отвечают — только что была, может быть у главного инженера, а там сообщают — да, забегала, но уже ушла.
— Очень она занята сейчас, — с сердцем бросив трубку, объяснил Григорий Петрович. — Я и не вижу ее совсем.
— Да, они там воюют вовсю, — подтвердил Диден-ко. — Молодцы! Брянцев крутится, как на горячей ско-вороде, а они все подпекают, все подпекают!
Немиров повеселел — конечно, Клава просто занята. Хотелось расспросить, в чем там дело, но неловко пока-зывать Диденко, что Клава ничего толком не рассказы-вает. Интересно, как там чувствует себя толстяк?
А Диденко в свою очередь взялся за телефон. Неж-ная и насмешливая улыбка проступила в его лице еще до того, как он дозвонился. Что-то она сейчас делает, Катя-Катюша?
Вчера вечером он застал Катю в слезах. Лежит на кровати и плачет навзрыд. Стал допытываться, из-за чего, — разрыдалась еще пуще. Оказывается, «прорабо-тали на педсовете». «Хвалили, хвалили, и вдруг… — она всхлипнула, — «слишком увлекается иллюстративными материала-ми»! — Всхлип. — «Ищет дешевой популярности у ре-бят...» — Всхлип. — «Заинтересовать умеет, а конкрет-ного знания географических сведений не добивается...»
Диденко пробовал утешить и успокоить, робко вы-сказал мысль, что, может быть, какая-то доля истины в этой критике есть.
«Ну и что? Даже если есть? — выкрикнула Катя и снова громко всхлипнула. — Мне-то от этого не легче?! При всем коллективе...»
Он вздумал напомить ей, как она сама посмеива-лась над ним, когда он расстраивался, и предлагала «поскулить вместе», но Катя оттолкнула его и сквозь слезы крикнула:
«Так ты партийный работник! Что ты нас сравнива-ешь? Ты привык, ты других учишь самокритике, ты обязан воспринимать ее... а я не могу, не могу, не мо-гу, когда при всех!..»
Катя отозвалась веселым, но не домашним, а тем другим голосом, каким говорила в школе.
— Катюша, я у Немировых. Приезжай и ты!
— Хорошо, Коля, только немного погодя, у меня тут товарищи зашли.
— Эбро — Тахо — Гвадалквивир?
— Ага!
Значит, ее подружки-географы сбежались обсуждать вчерашний педсовет. Диденко дразнит их учениче-ской скороговоркой: «Сена — Луара — Рона — Гарона — Эбро — Тахо — Гвадалквивир!» Легко себе представить, как сейчас от них достается всем инспекторам и заву-чам! У Кати принцип: ребят надо увлечь, тогда знания сами уложатся в голове. Диденко тоже уверен, что ре-бят надо увлечь, он гордится Катиной популярностью среди школьников и склонен заочно признать завуча н всех инспекторов сухарями.
— Что ж, подождем, пока наши работяги присоеди-нятся, — сказал Диденко, уселся в кресло и на миг при-крыл глаза.
Подошел час отдыха — и сразу навалилась уста-лость, и хочется беспечно поболтать о разных разностях с милым человеком, настраивающим сейчас радиоприемник, с талантливым, умным человеком, кото-рый так нравится Диденко... и забыть, что это он сде-лал ошибку, разрастающуюся из-за его упорства, и пора поговорить с ним начистоту, пока ошибка не зашла слишком далеко.
Григорий Петрович поймал в эфире музыку и усел-ся напротив Диденко в другое кресло. У обоих было сегодня приподнятое настроение — добились-таки уско-рения строительства новых домов! А Немирову радост-нее стало оттого, что Клава, видимо, действительно крепко занята на заводе и только потому так поздно возвращается.
— Саганского тоже подпекают? — как бы между прочим справился Немиров. И засмеялся: — Если «меч-те самолюбивого директора» жарко, то должно пере-пасть и самому директору?
— Да уж это как полагается! — с улыбкой сказал Диденко. — Так что не мечтай, Григорий Петрович, о покладистом парторге. С покладистым хлопот не обе-решься!
— Так это смотря какой директор, я думаю.

— Что ж, Саганский директор неплохой, только ра-ботать с ним мне не хотелось бы. Заметил, до чего он хитер и изворотлив? Никогда прямо не скажет — да или нет, все вокруг да около крутит...
— Я, значит, лучше?
Вопрос шутливый, но ответ ожидается с интересом. Уже давно не было между ними крупных разногласий, но и полного ладу не было, а в последнее время наме-тились такие вопросы, что приходилось ходить вокруг них будто вокруг взрывчатки — того и гляди сдетонирует.
Диденко из-под опущенных век зорко вгляделся в настороженное лицо директора и серьезно ответил:
— Не знаю.
Помолчал и повторил:
— Не знаю.
И вдруг, выпрямившись в кресле и сразу взбодрив-шись, пылко заговорил:
— Давай начистоту, Григорий Петрович! Чего ты тянешь и виляешь с планированием? Почему? Думаешь я не вижу и не понимаю, что ты хитришь, недоговари-ваешь и наводишь тень на плетень? Вижу. Понимаю!
Григорий Петрович весь подобрался, но ответил ми-ролюбиво:
— Ну вот тебе раз! «Виляешь, хитришь». Сразу формулировочки! — И пожестче: — Хочешь делать очер-тя голову? А я не хочу и не буду. Я директор, я эти вопросы решаю, и я отвечать буду!
— Ты решаешь, Григорий Петрович, твою власть никто не колеблет. Но отвечаешь не ты один. И заинте-ресован в турбинах не только ты. Очертя голову никто делать не хочет. Но делать-то нужно!
Сдержав раздражение, Немиров ответил еще миро-любивее:
— А то как же? Каширину поручено подработать. На парткоме ведь я не отказывался? Только надо проду-мать, найти формы. Вот и все. Зачем же сразу обост-рять?
Он подошел к приемнику и пустил музыку погром-че. Передавалась опера, и опера хорошо знакомая, но не вспомнить было какая. Вслушиваясь в переплетаю-щиеся голоса певцов, Григорий Петрович старался уяс-нить для самого себя: почему он так не хочет этого внутризаводского стахановского планирования? В це-хах волнуются, требуют. Конечно, оно удобнее — рас-планировать работы по всем четырем турбинам, а зна-чит — и всю работу завода, потому что одно связано с другим. Но это значит написать черным по белому: четыре турбины к 1 октября. Вторую — к 1 июля, третью — к 15 августа и так далее. А могу я дать га-рантию, что ни с одной не запоздаю? Не может разве случиться, что первые две дам в срок, а вторые две не-много задержу? А тут — хомут на шею.
— Что это такое, не узнаешь, Николай Гаврилович?
— «Князь Игорь», — проворчал Диденко, подошел и решительно приглушил музыку, так что она еле-еле ак-компанировала его голосу. — Послушай, Григорий Пет-рович! Мы с тобой не дети. Единое планирование нуж-но! На парткоме об этом говорили достаточно резко, так? Решение принято: «Поставить вопрос перед дирек-цией о необходимости...» Так? И ты, единоначаль-ник, решающий эти вопросы, ты не протестовал, ты голосовал вместе со всеми, только оговорочку сделал: надо, мол, подработать, продумать... Но с того парткома десять дней прошло, а воз ни с места. Каширин и не ше-велится. А ты делаешь вид, будто никакого решения и не было. Что, не так?
Немиров натянуто улыбнулся:
— Экой ты, право... торопыга! Я дал Каширину указания. Продумаем, найдем формы...
— Формы, формы! — раздраженно вскричал Диден-ко. — Формы находятся тогда, когда люди хотят найти их! А ты — хочешь? Ты отмахиваешься от всякого раз-говора о планировании, и отмахиваешься потому, что ввести досрочное обязательство в план — значит отре-зать все пути к отступлению. Вот в чем дело, Григорий Петрович, и не будем друг друга обманывать.
Теперь они стояли друг против друга, оба разозлен-ные и возбужденные.
— Первый раз слышу, чтоб меня пытались обвинить в нерешительности, — насмешливо сказал Немиров. — В жесткости, в чрезмерной требовательности — обвиня-ли. Что действую рискованно и слишком круто — обви-няли. Всякое бывало, а вот такого, как сейчас, слы-шать еще не доводилось.

— И я бы хотел, чтоб ни сейчас, ни потом не при-шлось этого повторять, — не уступая, сказал Диденко.
— Черт возьми! — крикнул Немиров и взмахнул ру-кой. Был бы поближе стол, стукнул бы так, что черниль-ницы подскочили бы. — Черт возьми! Неужели ты не знаешь, что я делаю все, решительно все для досрочно-го выпуска? Что я днем и ночью над этим работаю? Что для меня эти турбины — дело чести?
Диденко ответил непривычно тихо:
— Я! Я! Разве только в тебе дело? Почему ты не веришь коллективу, Григорий Петрович? Или ты всерь-ез думаешь, что ты один — своей энергией и властью — можешь вытянуть такое дело?
— Могу, если мне мешать не будут! — запальчиво крикнул Немиров.
Повернувшись спиной к Диденко, он снова крута-нул радио. В комнату ворвался залихватский голос:

Я бы знал, как жить!
Я б не стал тужить!

Черта с два, попробуй жить не тужить, когда над душой нависают... Что, работать он не умеет? Не знает без них, что нужно?.. Может быть, Брянцев и плох, потому что размазня. Но вот такого парторга, как Ди-денко, только толстяку Саганскому пожелать можно — враз скинет килограмм десять. И что теперь делать? Хочется разругаться, но тогда им вместе уже не рабо-тать. Кому-то надо уходить. В такой напряженный для завода момент?..
— Знаешь, Николай Гаврилович, давай не ссориться. Я человек нетрусливый. Ответственности не боюсь. Ес-ли сомневаешься, припомни, кто принял решение о заме-не регулятора на первой турбине? Даже Котельников не решался предлагать. Тебе и в голову не приходило. А я решил!
— Твое решение весь завод оценил, Григорий Петро-вич. И райком и горком. Или ты не чувствуешь, как те-бя народ уважает за это решение? А вот с планирова-нием трусишь. И народ это тоже чувствует.
— Или ему внушают это, — сквозь зубы сказал Не-миров.
— Я, что ли? Договаривай уж до конца!
Немиров промолчал. Прошелся по кабинету, погля-дел в окно на сумеречную улицу. Какая-то женщина быстро приближалась по улице. Клава? Нет, не Кла-ва. И что же такое происходит? Ведь это ссора, ссора, которую нельзя было допускать. Как это отразится те-перь на дальнейших делах? В четверг общезаводское пар-тийное собрание. Надо докладывать о выполнении оргтехплана. Диденко, конечно, проведет «подготовку», чтобы дать бой. Втянет Раскатова... Может быть, уехать в среду в Москву, а доклад перепоручить Алексееву?
За спиной Немирова то длинно, то коротко шесть раз пророкотал диск телефона. Куда это он звонит?
— Катюша? Ты еще не выехала? Так ты уж и не выезжай, я сам еду домой.
Звякнул аппарат. А ведь собирались «спрыснуть» на-чало стройки, посидеть по-семейному. Нехорошо полу-чилось.
Диденко двинул креслом, прошелся за спиною Неми-рова. Что-то скажет напоследок? Так и есть, он тоже вспомнил о четверге:
— Так вот, Григорий Петрович! Ссориться нам с тобой ни к чему. Но в четверг — собрание; ты промол-чишь — все равно народ скажет.
Немиров ответил примирительно:
— Только давай не обострять, Николай Гаврилович. Все это непросто, очень непросто... Тут семь раз отме-рить нужно. И почему ты вдруг сорвался?
— Да поздно уже.
Они простились дружелюбно, подавляя недоволь-ство друг другом.
— В кои веки зашел, и то не сидится. Ну что ты, право?
— Что ж поделаешь? Только присели вдвоем — уже и сцепились. Ну, будь здоров!

— Будь здоров.
Закрыв за парторгом дверь, Григорий Петрович рас-пахнул окно, чтоб проветрить кабинет до прихода Кла-вы, — здорово накурили. Ворвался холодный ветер. Как быстро похолодало! А Клава… Что надела Клава ут-ром?
— Елизавета Петровна, Клава пальто взяла?
— Ой, наверно, нет!
Они с тещей сошлись в передней, — так и есть, паль-то висит себе на вешалке! Взять его и пойти ей на-встречу?..
Он стоял в нерешительности, боясь, что разминется с Клавой. И вдруг увидел торчащий из кармана уголок конверта. Быстро оглянулся — тут ли Елизавета Пет-ровна, вытащил конверт. Письмо было адресовано не на дом, а на завод. Почерк витиеватый, с росчерками, какие делают только бездельники! Конверт не распеча-тан. Наверно, сунула в карман, чтобы прочитать дома... и забыла? или не удалось уединиться?
Хотелось разорвать конверт и немедленно прочитать письмо. От кого оно — Григорий Петрович не сомневал-ся. Да и видел он, недавно видел в турбинном на какой-то записке Гаршина эти нахальные росчерки...
Заставив себя засунуть нераспечатанный конверт об-ратно, Григорий Петрович закрыл окно, откуда тянуло пронизывающим холодом, присел на подоконник и гру-стно задумался. Значит, Гаршин не оставил ее в покое... Пишет. Не на дом, а на завод! А Клава даже не распе-чатала? И все-таки это ее волнует. А придет — и дома какая-то натянутость. Разладилось все...
Он вернулся мыслью к ссоре с Диденко, к ссоре, ко-торую нельзя было допускать. Одно к одному. Или он и в самом деле растерял прежнюю уверенность и сме-лость?
Все в нем сопротивляется этому внутризаводскому планированию по обязательствам. Почему? Та самая «лазейка», что когда-то померещилась ему и была им же самим отвергнута? Да, спланировать — тут уж и вправду отступать нельзя. Потому Любимов и хотел — «без точных сроков, без шумихи». Но то Любимов. А я... разве я собираюсь отступать? Вздор!.. А Клавы все нет. Что можно делать на заводе до десяти часов?.. Вспомнит ли она про письмо, когда придет, и что сде-лает — прочтет при нем? унесет к себе? Спросить ее пря-мо: «Клава, тут у тебя забытое письмо, смотри-ка, от кого оно? Такой дурацкий почерк...» Скажет она, что от Гаршина?.. А может, она сейчас с Гаршиным?..
И вдруг он увидел Клаву. Увидел уже очень далеко, в конце улицы. Но что это с нею? Идет медленно-мед-ленно, опустив голову, в такой задумчивости, что, ка-жется, и не видит, куда идет. И холода не чувствует, а ведь в одном костюмчике!
Он побежал навстречу Клаве, схватив ее пальто, прижав его так, чтобы не выпало проклятое письмо.
А Клава шла и как раз об этом письме и думала. Она не забыла о нем, она не хотела его читать. И не разорвала только потому, что, когда ей вручили его, кругом были люди. Значит, ему мало того, что он пы-тается звонить ей по телефону, теперь он решился еще и писать... «Вторично я вас не потеряю, — сказал он по телефону. — Я пойду напролом!» Она сказала: «Нет!» — и повесила трубку. И с того дня он или звонит, или подкарауливает ее около завода, а вот теперь еще и пишет. «Напролом»? В тот вечер, во время вальса, он сказал, что вся жизнь пошла кувырком оттого, что потерял ее. Мог быть лучше, умнее, настойчивей. До-биться большего. «Теперь я понимаю, что жил эгоис-том...» Так он говорил. А затем — напролом. То есть опять-таки — эгоистично, думая только о себе... Любит он, или просто задето самолюбие?.. Кажется, любит. И мне приятно, что так. Приятно, потому что после той оскорбительной истории все время будто мешало что-то. Теперь все зависит от меня. Я решаю. Свободно...
Немиров подбежал к ней, на ходу раскрывая пальто, чтобы сразу надеть на нее.
— Ой, Гриша.
Она так обрадовалась этому родному заботливому человеку, вдруг возникшему перед нею. Дала ему заку-тать себя, дала взять под руку. Другую руку сунула в карман, нащупала конверт. Поравнявшись с урной, спо-койно вынула письмо, разорвала и бросила в урну об-рывки.
— Это что за письмо? — шутливым тоном спросил Немиров, стараясь унять волнение.
— Ненужное, — сказала Клава. И, помолчав, вздох-нула: — И устала же я...
— От поклонника?
Она покосилась лукаво:
— Разве лучше, Гриша, если на твою жену никто и смотреть не хочет?

И заговорила о другом.
Ужинать она не стала, только с наслаждением пила чай — крепкий, обжигающий рот. А лицо бледное, очень усталое.
— Все с Брянцевым воюете?
Она вскинула глаза, чуть улыбнулась:
— Это между прочим. Очень много работы сейчас. Гриша, как у вас решается вопрос о планировании краснознаменских турбин?
Этого еще не хватало!
— Больше тебе не о чем со мной говорить? — оби-женно воскликнул он. — Я тебя жду весь вечер, я тебя вижу меньше, чем любая ваша уборщица, и, пожалуй-ста, единственная тема!
Он ждал, что Клава возразит, или пошутит, или ска-жет что-нибудь ласковое, — она умела одним простым словом обогреть душу. И ведь должна же Клава пони-мать, что он помнит об этом письме, что письмо волнует его!
Клава, видимо, оскорбилась, отвела взгляд и сказа-ла:
— Да нет, это я так, между прочим. Я и сама слиш-ком устала.
Зевнула, ушла в спальню, прикрыла дверь. Он не посмел войти за нею, а когда вошел, она уже лежала в постели, свернувшись калачиком, закрыв глаза. Он по-стоял около и тихо отошел.
Разладилось...
Стараясь приободриться, он нарочно припомнил дневное заседание, листы ватмана с тщательно вычер-ченными фасадами будущих домов, которые он про себя назвал «немировскими»; неприглядный пустырь, где он мысленно уже возвел дома и сады, за которые его дол-го будут поминать добрым словом; приподнятое, счаст-ливое настроение, какое у него было там, на пустыре...
Настроение не возродилось, только показалось, что все это было очень давно.

13

Аня Карцева проснулась от ощушения неблагополу-чия. В комнате стоял рассветный полумрак. И тишина была такая, какая бывает только ранним утром в вос-кресенье, — ни хлопанья дверей, ни беготни торопящихся в школу ребят. Но как только она подумала об этом, тишину нарушил громкий тяжелый стон.
В халате, в туфлях на босу ногу она выскочила в коридор.
Дверь в комнату Любимовых была открыта. Аня решила, что у Георгия Семеновича опять сердечный при-падок, но в это время услыхала взволнованный голос Гусакова, вызывающего «скорую помощь».
— Потише, ради бога, — сонным голосом просила его Алла Глебовна. — Георгий Семенович спит, потише!
— Евдокия помирает, — сказал Иван Иванович, вый-дя в коридор и наткнувшись на Аню.
У Степановых горел свет. Дети сидели в постелях, испуганно глядя на мать. Евдокия Павловна металась по кровати и время от времени надрывно стонала. Ху-денькая фигурка в нижней рубахе, заправленной в брю-ки, стояла на коленях возле кровати.
— Мамочка... ну, мамочка... сейчас доктор при-едет... ну что ты?.. Мамочка!..
Аня узнала Кешку.
— Что с вами, Евдокия Павловна?
— Ой, помираю, Анна Михайловна, золотце, поми-раю. Детей не оставьте! Ведь одних покидаю... Ох, мо-чи нет!
Кешка стиснул ее влажную руку.
— Ты поправишься, мама. И все будет в порядке, слышишь?
Мать устало прикрыла глаза, прошептала:
— Если бы я могла на тебя надеяться, Кеша!
— Можешь, мама, — твердо сказал Кешка и запла-кал.

Приехала «скорая помощь». Евдокию Павловну по-ложили на носилки. Кешка провожал ее до машины, как был, босиком и в одной рубахе.
Аня успокоила и уложила младших детей. Вернулся Кешка, залез под одеяло и сказал Ане:
— Вы идите, Анна Михайловна. Спите. Спасибо вам.
И натянул одеяло на голову.
У Ани закоченели ноги, и она долго не могла со-греться, а потом крепко уснула и проснулась поздно — солнце уже стояло высоко, квартира была полна звуков дневной жизни.
Когда она зашла к Степановым, все трое мальчиков были умыты, одеты и сидели вокруг дымящегося котел-ка картошки.
— Куда кожуру бросаешь? — покрикивал на брать-ев Кешка. — Тарелки нету? Ты в солонку пальцами не лазь, возьми сколько нужно и макай.
Без стука вошел Иван Иванович, одобрительно за-глянул в котелок, но почему-то рассердился, увидав Карцеву.
— Ты проверь, Кеша, уроки у них готовы или нет, — приказал он и обратился к Ане: — У меня до вас дело есть, Анна Михайловна. Пойдем?
В ее комнате он ворчливо сказал:
— Уважаю, Анна Михайловна, женское доброе серд-це и все такое... Но не мешайтесь к ним. Прошу. Не мешайтесь.
— То есть как? Иван Иванович! Евдокия Павловна просила, дети одни. Как это не мешаться?
Ей показалось, что он пьян, и Иван Иванович, видимо, понял это:
— Думаешь, старый пьянчуга не в своем уме? Трезв я как стеклышко, Анна Михайловна. Хочешь, дыхну? А только смерть не люблю всякую филантропию. Вот и Алла Глебовна — фыркала на Евдокию, фыркала, а тут со вчерашним супом разбежалась! Я ее завернул обратно — обойдутся без ее супа, свой наварят. Ты мо-лодая, а я помню, были такие дамские общества при-зрения, через «и» писались, а все равно — презрение!
— Тут это совершенно ни при чем, — резко возрази-ла Аня. — Есть товарищеская помощь, естественная и необходимая. Евдокия Павловна — наша работница, со-седка, Кешка — тоже наш парень. Да и, в конце концов, просто по-человечески...
— А вот я по-человечески и говорю: оставь! — со-всем уже сердито перебил Иван Иванович. — Ты, доро-гая, историю с автокаром знаешь? Как этот «наш па-рень» женщину подшиб? Любимов уж и приказ составил об увольнении, Евдокия цельный час плакала перед ним и выпрашивала последнее снисхождение. Знаешь?
— Знаю.
— А если знаешь, так пойми: может быть, сейчас Кешке как раз и выпала возможность человеком стать. Слыхала, как он с матерью прощался? То-то! Вот и дай ему выкрутиться самому, да о братишках позабо-титься, да обед сварить, да деньги рассчитать, чтоб хва-тило, да поплакать втихомолку, если невмоготу станет. Дай!
— А если им есть будет нечего?
— Не бойсь. Не помрут. Хулиганить он во как умел. Сумеет и выход найти. Надо будет — и помогут им. Аванс можно схлопотать — до получки, Анна Михайлов-на, до получки! И пусть он увидит, что значит малень-кая получка вместо большой! А я его еще и отругаю, носом ткну: гляди, лодырь, до чего ты себя довел!
— Хорошо, — сказала Аня. — Но если он малышей заморит?
— Присмотрю, Анна Михайловна, присмотрю. И вам доложу. А вы, поскольку учениками занимаетесь, в цехе его к делу пристройте. Это лучшая помощь. А что труд-новато ребятишкам придется — наука будет. Не помрут, а матерью дорожить научатся. Наука жизни, Анна Ми-хайловна, штука весьма убедительная. Убедительная, зубодробительная, а вообще — пользительная. Что? Не-верно?
В этот день Аня была приглашена к профессору на пельмени. Она вышла пораньше, чтобы пройтись пеш-ком, и на лестнице повстречала Кешку. Кешка нес сет-ку с картошкой и свеклой. Он печально улыбнулся Ане, пропустил ее мимо, а потом, когда она спустилась эта-жом ниже, окликнул и сбежал к ней.
— Анна Михайловна... я...
— Ну что? — строго спросила она.
— Видите, как получилось, — проговорил Кешка, пригнув голову и закручивая на пальце сетку. — Может, мне и нет теперь доверия. Но я вам обещаю... Поставь-те меня на станок!

Аня обрадовалась про себя, но так же строго ска-зала:
— Это будет очень трудно сделать, Кеша. После истории с автокаром.
— А вы попросите. Вам поверят. На четвертом уча-стке остаться.
— Попробую, — сказала Аня. — Но если снова что-нибудь неладное выйдет? Последнее снисхождение те-бе сделали, Степанов, не ради тебя — ради матери. Кро-ме самого себя тебе рассчитывать не на кого.
— А я и не рассчитываю! — заносчиво отрезал Кешка.
Аня шла пешком по многолюдным улицам и бульва-рам, заполненным детьми всех возрастов, и думала о том, как и к кому подступиться завтра, чтобы испол-нить просьбу Кешки. Мастера и бригадиры даже слы-шать о нем не хотят. Назаров согласился было, но пос-ле истории с автокаром, когда Кешка увлек за собою двух его учеников, категорически заявил: «Не возьму! Он мне и других перепортит».
Она поверила Кешке — еще раз поверила. Но пове-рят ли другие?
Она вышла к своему любимому месту в городе — к Марсову полю. Как здесь чувствовалась весна! С ут-ра до вечера ничем не затемняемые кусты и деревья щедро зеленели тем ярким и нежным цветом, какой бы-вает только в первые недели весны. От чернозема, куч-ками сваленного на клумбах, сильно и остро пахло перегноем. Садовники перекапывали клумбы и высажива-ли в пахучую, мокрую землю еще не разросшиеся кустики ранних цветов.
У гранитной ограды братской могилы жертв рево-люции она остановилась и прочитала одну за другою все надписи. Она читала их еще первоклассницей, по складам, с изумлением вдумываясь в смысл высеченных в граните слов: «К сонму великих, ушедших от жиз-ни во имя жизни расцвета». «Вы войну повели и с честию пали за то, чтоб богатство, власть и познанье стали бы жребием общим»... Она не все поняла тогда, но поняла, что это прекрасно. И сколько раз она ни бы-вала здесь потом, она каждый раз перечитывала все во-семь надписей, и каждый раз они словно омывали душу.
Она задержалась около надписи, всегда особенно волновавшей ее: «Не жертвы — герои лежат под этой могилой. Не горе, а зависть рождает судьба ваша в сердцах благодарных потомков. В красные страшные дни славно вы жили и умирали прекрасно».
Когда-то здесь, у этой гранитной глыбы, она сказа-ла двум закадычным подругам: «Девочки, так и надо жить, правда?» Тогда ей мерещились подвиги — кто знает какие, — подвиги воли, мужества, отваги. И вот прошла всю войну, а подвигов не совершила. Делала свое дело, не давала воли страху, умела терпеть — и все. Зависть к подвигу? Нет, не зависть. а только жить бы так, чтобы всегда останавливаться здесь без стыда!
Она поднялась на Кировский мост и порази-лась тому, что опять все кругом кажется иным, не та-ким, как запомнилось, — а уж она ли не знала здесь каждый изгиб реки, каждую крышу на дальнем берегу!
День был яркий и тихий. Солнце укрылось за облач-ной дымкой, и его скрытый, но сильный свет равномер-но и отчетливо освещал и зеленовато-серые камни Пет-ропавловских бастионов, и матовый шпиль, и две рост-ральные колонны, выступающие на фоне строгого зда-ния Военно-Морского музея и старинных домов Василь-евского острова; в этом обнажающем свете, не дающем ни блеска, ни теней, особенно легки и четки казались арки мостов, переброшенных через Неву, и ее разлета-ющиеся голубые рукава, и видны были маленькие вол-ны, омывающие серый корпус знаменитой «Авроры» воз-ле Нахимовского училища, и далеко-далеко, вдоль всей Выборгской стороны — десятки заводских не дымящих сегодня труб, как бы впечатанных в ярко-белое небо.
Аня прошла памятное место у решетки и тихонько рассмеялась — вспомнился ледоход, ветреная ночь, объ-яснение с Гаршиным. Впрочем, она тут же и поморщи-лась оттого, что может встретить его сегодня у профессора. Вчера Любимов спросил ее при Гаршине, идет ли она к Михаилу Петровичу, а Гаршин сказал:
— Зайду и я, пожалуй. Давно не был у старика, он уж и то обижается...
Только бы он не вздумал действительно прийти!
Она завернула за угол, уже торопясь, так как было без пяти четыре, и прямо налетела на Воловика:
— Откуда вы, Александр Васильевич?
— Оттуда, куда и вы спешите, — сказал Воловик; видно было, что он сегодня в счастливом, возбужденном настроении. — Меня тоже на пельмени оставляли, да не могу, Ася ждет. Ох и

старик! — тотчас начал он расска-зывать. — Видите, какой пакетище уношу? Три книжки да три журнала, везде закладки сунул и карандашом отметил, что прочесть. А если вы, говорит, молодец, как я предполагаю, то вы и многое другое там прочитаете. И чтоб не откладывать! Даю вам неделю сроку!
Так как Аня не успела прочитать новые статьи, ре-комендованные ей недавно Михаилом Петровичем, она не без робости позвонила у солидной, обитой клеенкой двери. Дверь открыл сам Михаил Петрович.
— Раздевайтесь, проходите ко мне и посмотрите, что я вам отобрал для вашего кабинета, — оживленно говорил он. — А я — пельмени лепить.
— Вы?!
— Обязательно! Люблю, понимаю в них толк и од-ним женщинам не доверяю.
— А можно мне помочь?
— Ни в коем случае. Идите, и скучайте в обществе знакомого молодого человека.
На вешалке висело пальто с насаженной на ставший дыбом воротник серой кепкой. На ком она их видела? Неужели Гаршин так-таки и пришел?
Профессор провел ее в кабинет. Она с порога огля-делась и густо покраснела. На краешке дивана, бочком, подобрав длинные ноги и втянув голову в плечи, в позе неудобной и несвойственной ему, сидел Алексей Поло-зов и смущенно улыбался ей навстречу.
— Ну и прекрасно, — сказал профессор, — Алексей Алексеевич мне уже сообщил, что вы оба члены парт-бюро, так что у вас найдутся общие темы.
И он пошел на кухню, где жена и домашняя работ-ница в четыре руки лепили пельмени. Он не стал помогать им, а только с удовольствием пересчитал пель-мени.
— По пятьдесят штук на человеко-единицу, — сказал он. — По-сибирски — маловато, по гостям — хва-тит за глаза. Как ты думаешь, Поля? — обратился он к жене серьезным тоном, хотя глаза его смеялись. — Зо-ву в гости двух инженеров. Первый приходит, узнает от меня, что будет второй, сообщает мне, что они вместе в партбюро, и при этом густо краснеет! А потом прихо-дит второй инженер, видит первого и тоже краснеет. Что это значит?
— Они, должно быть, поссорились в своем партбю-ро, — с улыбкой ответила Полина Степановна и стрях-нула с пальцев мучную пыль. — Миша, подверни мне рукава, помоюсь и — к столу!
В профессорском кабинете было тихо. Алексей по-прежнему сидел в неудобной и несвойственной ему по-зе на краешке дивана и, по-видимому, совсем не соби-рался заговорить и не испытывал от молчания ни ма-лейшей неловкости. Он разглядывал Аню, все еще сто-явшую у двери. На ней было праздничное легкое платье коричнево-золотистого цвета с более светлыми золоти-стыми цветами и листьями, оно падало большими труб-чатыми складками, чуть колеблясь у ног, просвечива-ющих сквозь чулки. Алексей очень внимательно раз-глядел все это, хотя позднее, когда остался один, не мог вспомнить, как она была одета, помнил только впечат-ление праздничности, легкости, какое она произвела на него.
Аня рассердилась на себя за то, что покраснела, и постаралась принять независимо-недоступный вид, но из этого ничего не получилось. Она поняла, почему он молчит, сидя в такой на редкость неудобной позе, и по-няла скрытую насмешку профессора — как же он был неуклюж, милый человек, и как хорошо, что он сму-тился!
Молчание затянулось, и чем дольше оно длилось, тем труднее было заговорить прежним, товарищеским языком. И с точки зрения вчерашних обычных отноше-ний никак нельзя было объяснить, почему она не по-дошла к нему и не протянула ему руки, как принято между товарищами, и почему он не встал ей навстречу, как того требует вежливость.
Он поднялся наконец, с удовольствием распрямив ноги, и остановился перед нею, склонив набок голову и разглядывая ее быстро меняющееся лицо.
— Вы сегодня такая, что я даже не знаю, как с ва-ми обращаться, — сказал он со своей обычной, чуть на-смешливой интонацией.
— Как с членом партбюро, — быстро ответила Аня и засмеялась. — Я не знала, что вы будете здесь.
— Я и сам не знал. Мы зашли с Воловиком по по-воду механизации сборки, — вы знаете, — а Михаил Пет-рович оставил — и никаких! Ну, я особенно и не сопро-тивлялся.
— Отчего? — с веселым вызовом спросила Аня.
Он не поддержал этого тона:

— Из-за того, что мне с ним очень интересно. Какой знающий и живой человек! И сколько у него книг, кото-рых я даже не видал!
Они оба занялись рассматриванием книг, начав с разных концов уставленной книжными полками стены и постепенно приближаясь друг к другу.
— Как вы догадались, что из-за вас? — вдруг спро-сил Алексей, внимательно разглядывая корешки.
Она не знала, что ответить, и уткнулась в книгу.
Расстояние между ними медленно сокращалось. Оста-валось не больше метра, когда Алексей решительно шаг-нул к ней и потянул к себе ее руки.
— Хватит вам в книги смотреть, — сказал он. — Ска-жите мне лучше что-нибудь хорошее.
— О чем?
— Обо мне. Или о себе. Или о нас.
— Я нахожу, что вы самый славный из членов парт-бюро.
— Вы скупая. Если бы вы меня спросили, я бы взял другие масштабы.
Он держал ее руку в своей и старательно сгибал и разгибал ее пальцы, так старательно, как будто ему очень важно было узнать, хорошо ли они гнутся. Оба одновременно отскочили друг от друга и уткнули носы в книжные полки, услыхав за дверью громкий голос про-фессора:
— Гости-то мои поди соскучились. Сейчас я их при-веду!
— Какое у вас тут богатство собрано, — не своим голосом сказал Алексей и наугад схватил одну из книг.
Книга оказалась интересными редким изданием, и он продолжал уже спокойнее: — Я ее как-то нашел у бу-киниста, но она дорого стоила и у меня не хватило де-нег. А когда я прибежал снова, ее уже, конечно, продали.
— Настоящие книжники покупают редкие книги слу-чайно и дешево, — с живостью откликнулся профессор. — Надо знать, где и что искать.
И он начал показывать книги, которыми гордился, сообщая о каждой, как нашел ее и за сколько купил. Чтобы похвастаться интересным изданием, он то про-ворно вскакивал на особую скамеечку, которую ловко передвигал ногой вдоль полок, то приседал на корточ-ки и, начав рассказывать, забывал подняться.
Стоять над ним было неловко, и Аня попросту опу-скалась на пол рядом с ним и через его плечо разгля-дывала книги. Трубчатые складки ее платья разлета-лись при этом золотистым шатром, из-под которого выглядывали острые каблучки. Алексей, стоя рядом, смотрел только на Аню, и голос профессора будто про-валивался куда-то, а что он рассказывал, Алексей и не слышал.
Маленькая седая женщина появилась в дверях и со вздохом сказала:
— Ну, ясно. На полу! — и протянула руку Алек-сею. — Здравствуйте. Здороваюсь с вами первым, пото-му что вы еще не на четвереньках и, следовательно, спо-собны заметить мое присутствие. Я — Полина Степанов-на, жена этого библиофила. А вы — инженер Полозов, бывший ученик Михаила Петровича?
Она вошла в такую минуту, когда все будто прова-лилось куда-то, и Алексей с трудом справился с собой, чтобы поздороваться.
— Почему бывший? — воскликнул Михаил Петро-вич, вскакивая и помогая Ане подняться. — Мои уче-ники остаются, моими учениками до тех пор, пока не начнут сами меня учить. А этот еще не начал.
И он подхватил под руки Аню и Полозова:
— В столовую, друзья, в столовую, пока не перева-рились пельмени!
За обедом Аня с удовольствием заметила, что Алек-сей, сидевший вначале смущенно и мешковато, посте-пенно освоился, непринужденно участвовал в разговоре и даже вновь обрел свою чуть насмешливую интона-цию, которая нравилась Ане. Занятый своими мыслями, он надолго забывал об Ане, и это тоже нравилось ей, потому что он был именно таким, и никаким другим она не хотела его видеть.
После пельменей на столе появился электрический кофейник. Полина Степановна тут же намолола кофе и заварила его. По всем ее движениям угадывалось, что приготовление кофе в этом доме является неким торжественным ритуалом. Михаил Петрович вниматель-но следил за бурлением пара под стеклянным колпач-ком и выдернул вилку из штепселя без всякого сигнала

от хозяйки, а хозяйка придвинула к кофейнику чашки и, выжидая, чтобы кипение улеглось, первою нарушила установившееся за столом молчание, обратясь к Алек-сею:
— Михаил Петрович говорил мне, что после инсти-тута предлагал вам аспирантуру, а вы отказались. Вы теперь не жалеете?
— Очень редко, — подумав, честно признался Поло-зов. — Бывает, авральщина захлестнет, так что света не взвидишь, — ну и вздохнешь по возможности спокойно учиться, читать, двигаться вперед. Но, по-видимому, я по своим данным больше практик, производственник. Так что не жалею.
Аня смотрела на него во все глаза. Сколько раз бы-вал в цехе профессор, сколько раз говорили о нем при Полозове, — никогда Алексей не рассказывал, что учил-ся у него и даже был приглашен в аспирантуру.
— Разве вы не считаете практику на заводе полез-ной и необходимой? — спросила она у профессора. — Решение Гаршина ведь вы одобрили?
Профессор пожал плечами:
— Ученый обязан знать практику, но не всякий ин-женер обязан стать ученым. Витя Гаршин — превосход-ный парень, мы с Полиной Степановной к нему неравно-душны, — сказал он с улыбкой. — Но я бы никогда не принял его в аспиранты, и когда он после войны явил-ся восстанавливаться в аспирантуру, я ему так напря-мик и отрезал: «Зачем тратить время? Не выйдет из вас ученого, данные не те, охота не та. Наука — это непрерывное усилие. Способны вы на непрерывное уси-лие? Нет. А если только за научной степенью гнаться да за кандидатской ставкой — не стоит. Да и заслужить их тоже нелегко».
Аня метнула смешливый взгляд на Полозова, но Алексей спокойно прихлебывал горячий кофе, то ли за-думавшись о чем-то, то ли просто не интересуясь раз-говором.
— Но ведь вы сами хвалили его талантливость, Ми-хаил Петрович?
— Я и сейчас не отпираюсь. Талантлив. Но резуль-тат в любом деле, Анна Михайловна, дает сочетание таланта с трудоспособностью. И с упорным — даже, порою, неприятным, несимпатичным, но упорным харак-тером.
Он посмотрел на жену, пригорюнившуюся над чаш-кой кофе, и заключил:
— Впрочем, мы Витеньку любим. Будем подталки-вать и, как говорится, в переплет возьмем, если пона-добится, — верно, Полинушка?
Полина Степановна усиленно кивала седой головой. Она всем сердцем привязалась к Вите Гаршину, когда-то написавшему им о гибели сына такие сердечные и нужные слова. Она цеплялась за этого единственного свидетеля последних дней незнакомой им фронтовой жизни Васи и ценила возможность хоть изредка пого-ворить о сыне с человеком, который у этой проклятой пограничной речонки Шешупы принял его последние слова. Она знала, что и муж дорожит Витей Гаршиным по той же причине.
— Он ведь славный, — робко сказала Полина Сте-пановна.
— Конечно, славный, — подхватил профессор, под-нялся из-за стола и поцеловал жену в седые волосы. — Спасибо, хозяюшка. Мы пойдем в кабинет, побол-таем.
Ане очень хотелось сказать хозяйке на прощанье что-нибудь хорошее, но она ничего не могла придумать и обрадовалась, что Алексей говорит как раз то, что нуж-но, и что он сегодня добр даже к Гаршину.
— Это замечательно, что вы не отмахиваетесь за-просто от человека, — сказал Алексей. — Мы часто и по-нимаем, да не умеем, вот и разбрасываемся людьми.
— Но раз вы поняли — значит, научитесь, — с улыб-кой сказала Полина Степановна.
Аня и Алексей столкнулись в дверях кабинета, пока профессор пробирался к выключателю, чтобы зажечь свет. Их плечи на минуту соприкоснулись, и, прежде чем отодвинуться, Аня всем существом ощутила — он рядом.

Оттого, что она и он должны были вместе пойти на концерт, в ходе ее жизни ничего не изменилось. Утром она с такою же торопливостью собиралась на завод, в труде и заботах проходил день, набегали мелкие, буд-ничные неприятности — то одна, то другая. Но отблеск праздничности ложился на все, что она делала.
С Полозовым она виделась ежедневно, часто по мно-гу раз в день, и в то же время как бы не виделась со-всем, потому что этот привычный, постоянно встречаю-щийся ей Полозов был мало похож на того Алексея, который неуклюже сидел на краешке дивана и молча, смотрел на нее. Этот Полозов спорил с нею на бюро, проверял, как идут занятия по техническому минимуму, даже сердился на нее, когда она повесила плакат так, что он мешал работе кранов. Тот Алексей вел ее домой, осторожно выбирая дорогу, чтобы ей не было больно шагать по булыжникам, и у афиши Филармонии робко предложил ей пойти на концерт, а когда она сказала, что билеты, наверное, распроданы, почти сердито за-явил, что это не ее забота. И тот Алексей явно не хо-тел вмешиваться в дела другого, потому что в цехе ни разу не заговорил с нею о концерте, а билеты появи-лись у нее на столе в конверте без какой-нибудь запис-ки — два билета на хоры.
Она понятия не имела о том, знает ли он ее адрес и где рассчитывает встретиться с нею перед концертом, но верила, что все сложится как нельзя лучше, так же как все ее дела в эти дни.
Самым трудным делом было устройство Кешки Сте-панова.
Она начала с бригады Пакулина. Николай замахал руками:
— Что вы, что вы, Анна Михайловна! Мы ж на об-щегородское первенство вытягиваем!
— Степанова только в наказание навязать можно, — усмехнулся Федя, — а мы, кажется, не заслужили.
Аня вдруг вспомнила рассказ Ефима Кузьмича: го-да четыре назад ученик Федька Слюсарев был застиг-нут на мостовом кране, под самой крышей, куда он по-лез ловить голубей, залетавших в разбитые окна, и он плакал, прижимая к себе голубя, засунутого под руба-ху, и ни за что не хотел расстаться с ним, так что Ефим Кузьмич сжалился и позволил ему пристроить голубя в своей конторке до конца смены.
— Я не понимаю, ребята, ведь вы сами были когда-то не лучше Кешки, — возмущенно сказала Аня. — Разве можно так отмахиваться от парня?
— Ну, знаете, мы свое сделали, — недовольно бурк-нул Николай и отвернулся.
Аня ущла от него с чувством горечи — вот тебе и лучшая молодежная бригада!
С помощью Гусакова Аня начала атаку на Ефима Кузьмича, и старик, кряхтя, сдался. Утром в день кон-церта она сама провела Кешку под кумачовым плака-том: «Храните честь стахановского участка! Давайте продукцию только отличного качества!» Кумач отбро-сил на побледневшие щеки Кешки розовый отсвет.
— Одумался? — сурово спросил Ефим Кузьмич. — Хорошо. Поставлю тебя на обдирку. Оправдаешь себя — в бригаду включу. В лучшую. Понял? А теперь пойдем.
Кто-то бросил им вслед:
— Опять нам Кешку навязали!
Работница, которую недавно подшибло автокаром, всплеснула руками:
— Что ты скажешь! Снова тут как тут!
Кешка втянул голову в плечи и молчал, хотя ему очень хотелось огрызнуться.
В конце дня Аня как бы невзначай прошла по чет-вертому участку. Среди станков, украшенных красными стахановскими флажками, станок Кешки выделялся тем, что на нем не было флажка, и тем, что он не рабо-тал. Возле Кешки стоял Ефим Кузьмич, насупив брови. У Ани сердце екнуло при мысли, что Кешка сломал ста-нок. Но она тут же увидела, что станок не сломан, а Кешка, под руководством мастера, чистит его и приво-дит в тот щегольской вид, который, по словам Ефима Кузьмича, «сам не допустит плохой работы».
Аня издали вгляделась в лицо Кешки, — оно вы-ражало старание и упрямую решимость со всем спра-виться.
Это последнее впечатление дополняло ее радость, когда она спешила домой. Она ждала, что вот-вот при-дет Алексей, но вместо него появилась Алла Глебовна:
— Вас из цеха разыскивают. Может, сказать, что вас нет дома?
— Нет, нет, что вы! — почти закричала Аня. В трубке прозвучал знакомый голос:
— Это я. И не из цеха, а из автомата возле вашего дома. Спускайтесь, если готовы, я вас жду внизу.

Аня ответила как можно более деловито:
— Хорошо. Сейчас приду.
— В кои-то веки выбрались домой пораньше, и то помешали, — посочувствовала Алла Глебовна. — Наде-юсь, ничего неприятного?
— Кажется, нет, — сказала Аня и уже на лестнице рассмеялась.
Алексей стоял у парадной.
— Отчего вы не поднялись ко мне?
— Не хотел встретиться с вами на глазах у вашей Глебовны, Игоревны или как ее там. Я так и представ-лял себе, что вы выбежите вот такая. Ну, здравствуйте.
А он был совсем не такой, каким представляла его себе Аня, сбегая по лестнице. Не было ни застенчивой неуклюжести, которая показалась ей такой милой в прошлое воскресенье, ни обычной суховатой сдержанно-сти, под которой чувствовался привычно обуздываемый нетерпеливый характер. Алексей будто раскрылся ей навстречу. Так бывает, когда после долгой зимы рас-пахнешь окно, — все вокруг сразу станет неузнаваемым, полным света и воздуха, и руки раздвигают как можно шире оконные створки, чтобы впустить побольше солн-ца и ветра. В его простом обращении к ней маленькое и забавное «ну» звучало как вздох облегчения, как сло-во «дождался».
Казалось, он сейчас же, немедленно скажет ей то, на что еще трудно ответить. И Аня, скрывая смущение, то-ропливо заговорила о самой простой и объяснимой ра-дости этого дня — своей удаче с Кешкой. Он выслушал и сказал: — Ну и бог с ним.
Через минуту, идя рядом с нею к автобусу, он по-просил:
— Лучше уж расскажите мне что-нибудь об этих двух симфониях.
Рассказать словами музыку? Объяснить ее? Иногда в программе давалось краткое изложение темы и содер-жания какой-либо симфонии, но Аня ловила себя на том, что изложение мешает ей. Она знала, что в Четвер-той симфонии Чайковского проходит мелодия русской песни «Во поле березонька стояла», что в Седьмой Шо-стаковича повторяющаяся тупая, деревянная мелодия выражает поступь фашистских армий, что тема Девя-той Бетховена — «через страдание к радости». Но она знала и то, что важнее просто хорошо слушать — музы-ка все скажет сама. Слушая, каждый воспринимает ее по-своему и даже одну и ту же вещь — каждый раз по-новому. Но ведь и природу каждый видит и чувствует по-иному, и в разное время шум моря или гудение вет-ра пробуждают то тихое раздумье, то порыв к новому, то грусть, то веселый подъем духа. Знатоки музыки следят, наверное, за развитием мелодических тем, за мастерством инструментовки, за тем, как разные голоса, сочетаясь, создают сложное целое, что, кажется, назы-вается контрапунктом. Аня принадлежала к числу лю-дей, принимающих и природу и музыку без раздумий, одним сердцем.
— Объяснить я не умею, да и не нужно, — сказала она. — Постарайтесь забыть все, закройте глаза и слу-шайте. Музыка вас сама настроит и сама вернет к ка-ким-то вашим мыслям и чувствам, что-то вам расскажет, в чем-то убедит. Вот это и будет ее содержание.
— Это, кажется, идеалистическое, даже субъектив-но-идеалистическое толкование музыки, — шутливо опре-делил Алексей. — Но я попробую. А если она мне и вам скажет разные вещи?
— А вдруг она скажет обоим то же самое?
— Так как мы не идеалисты, Аня, она обязана ска-зать обоим то же самое. И я этого очень хочу... А вы?
— Смотря что, — уклончиво ответила она, но глаза ее сказали: «И я».
После этого полушутливого, важного для обоих раз-говора они стояли рядышком в автобусе, и обоим не хотелось кончать молчаливое путешествие. Но в узкой раздевалке у входа на хоры Аню захватило настроение взволнованного ожидания, какое всегда чувствуется в Филармонии перед особенно хорошим концертом.
— Мое любимое место! — воскликнула Аня: их ме-ста оказались между пятой и четвертой колонной. Она покосилась на своего спутника и с удивлением поняла, что ей совершенно неважно, полюбит Алексей музыку или не полюбит, поймет или не поймет. Если это не его область, пусть не поймет и не почувствует, пусть думает во время концерта не о музыке, а о ней, об Ане. И пусть останется самим собой. Какой он есть, таким пусть и будет!
А Полозов с любопытством оглядывал зал — весь белый, окруженный сияющими колоннами, за которыми по широким проходам прогуливаются сотни людей. Во-семь огромных люстр заливали зал ярким светом, свет дробился в хрустальных подвесках, вспыхивал над сце-ной в

серебристых трубках органа. Сверкающая белиз-на благородно сочеталась с красным бархатом кресел и диванов. Все люди казались нарядными и красивыми.

Алексей украдкой взглянул на Аню — оживление очень шло ей, яркий свет люстр отражался в ее глазах. Но близость, возникшая в начале их встречи, исчезла. Здесь у нее свой мир, непонятный ему. Здесь она что-то вспоминает, переживает, в чем-то убеждается. С кем и когда она тут бывала? С кем связана для нее музыка, которую надо слушать, закрыв глаза и все отбросив? Все — значит и его, Алексея, тоже. Почему он самона-деянно решил, что вечер у профессора запомнился ей так же, как ему? Всю неделю она ни разу не загово-рила с ним, не сделала ни одной попытки повидаться с ним вне завода. Сегодня она выбежала такая праздничная, — но почему ей не быть праздничной в час отдыха, перед хорошим концертом? И как она мигом перевела разговор на Кешку, когда он был готов ска-зать, что всю неделю ждал встречи!

Эти мысли порождали в душе сумятицу, а он не любил сумятицы и, как всегда, решительно отстранил бесплодные сомнения. Она тут, рядом. И впереди — два отделения концерта, один антракт и путь домой.

Оркестранты рассаживались по местам. Алексей с интересом наблюдал, как они готовились к своей рабо-те — поправляли пюпитры, протирали смычки, пристраивали на плечо кусочки сукна там, где ложится скрипка, тихо пробовали инструменты. Он не знал на-званий некоторых инструментов и спросил Аню. Аня улыбнулась ему, ответила и сразу оборвала разговор — из боковой двери через оркестр шагал к своему пульту дирижер.

Дирижер был очень высок, худощав, с узким нерв-ным лицом и светлыми волосами, откинутыми назад. Длинные руки он тоже откинул назад, дирижерская па-лочка казалась продолжением его пальцев. Он взошел на помост, сдержанно поклонился в ответ на рукоплескания и повернулся лицом к оркестру, легким движением вы-звав мгновенную, почти трепетную тишину.

В первом отделении исполнялась Пятая симфония Шостаковича. Алексей слышал, что Шостакович труден для новичка, но тем интереснее было проследить за тем, как вступят в строй инструменты и голоса их, такие разные, сольются в единое сложное целое. Как бы ни была отлична работа музыкантов от той работы, кото-рую знал и понимал Алексей, музыканты готовились к большой, коллективной, хорошо слаженной работе, и Алексею хотелось понять ее.

Он вздрогнул от первых звуков, хотя и ждал начала. Они возникли как зов, с большой силой обращенный прямо к нему. Зов повторился. И сразу за этими зова-ми полились мягкие певучие звуки, перебиваемые почти скрежещущими всхлипами. Он забыл совет Ани — за-крыть глаза и слушать, он с увлечением следил за тем, как по мановению длинных пальцев дирижера звуки и сочетания звуков рождались, нарастали, обрывались, возникали вновь, сцеплялись и распадались, сменяясь новыми. В этом сложном многоголосии он улавливал смятенный, противоречивый, но крепко организованный строй. Ему слышался как бы спор, решающий что-то самое важное. Глухо, на басах, на чем-то настаивали струнные, и сдавленно, тоже на басах, возражал рояль. Но тут полным голосом вмешались все скрипки, вио-лончели и контрабасы, а за ними и другие инструменты, их утверждающий подъемный хор напомнил Алексею марш. Казалось, этим маршем спор уже решен, но опять возникла нежная и неторопливая мелодия — раздумье, прерываемое легкими восклицаниями, которые звонко падали, подобно каплям. Капли напомнили о чем-то, а скрипки пропели в ответ свое и затихли, и в тишину опять упали чистые-чистые звуки, которые не то спра-шивали, не то удивленно подтверждали, что бывает в жизни и так...

В коротком перерыве между частями Алексей пере-вел дыхание и на секунду сжал Анину руку в запястье — он был благодарен ей за то, что она подтолкнула его к этому захватывающему и новому восприятию. Он сам не знал, нравится ему симфония или не нравится, пони-мает он ее или нет, — настолько испытанное им было ново и настолько оно было глубже того, что называют удовольствием.

А звуки уже снова повели сложный разговор. Чем больше вслушивался Алексей, тем полнее его захваты-вало многоголосое развитие музыки, тем увлеченнее он следил за тем, как отдельные инструменты и группы ин-струментов будто переговариваются на своем вырази-тельном языке и как организующая мысль ведет эти голоса, объединяет их мелодией и подводит к большому решению. Да, ему было ясно — спор, мысль, близость решения.

Понимают ли это другие? Не отрываясь от движения музыки, он выхватывал из рядов внимательных слуша-телей то одно лицо, то другое. Седая женщина вся вы-тянулась вперед... юноша с нотами на коленях — он смотрит в ноты, и рука его непрерывно двигается, по-вторяя движения дирижера... девушка сидит, откинув-шись назад и закрыв глаза, будто спит, а губы ее шеве-лятся...
В последней части Алексей на какую-то минуту уло-вил картину — ликование огромной, пестрой толпы. В ликование врывались резкие, предупреждающие зву-ки. Но картина только мелькнула, снова раздались про-никновенные голоса, под сурдинку, почти шепотом что-то говорившие, и вдруг поднялся один ясный, полный уверенности голос.
— Решение! — пригнувшись к Ане, шепнул Алексей.
— Что?
Могло ли быть, что она воспринимала как-то по-ино-му, не слышала спора об очень важном, не слышала этого убежденного голоса?
— Ну, вот этот голос...
Она пристально посмотрела на него и положила легкую ладонь на его стиснутые в кулак пальцы. Так они и прослушали нарастающую бурю финала, бурю торже-ствующую и грозную, с ударами медных тарелок, с тяж-ким грохотом барабана и мощными аккордами рояля на фоне захлебнувшихся одной нотой скрипок.
Конец. Ему не хотелось говорить и очень хотелось курить.
— Вы пойдете со мной, Аня?
Они спустились по лестнице. Он закурил и продол-жал думать о чем-то своем. Стараясь понять его настро-ение, она не мешала ему, хотя было слегка обидно сознавать, что он совсем забыл о ней.
— Если у тебя все ясно в душе, — неожиданно заго-ворил он, — то музыка, наверно, все взбаламутит, раз-ворошит, а потом опять приведет — или не приведет — к ясности. — И добавил со своей обычной насмешливо-стью: — Хорошая гимнастика для чувств.
— Никогда не воспринимала музыку с такой точки зрения.
Он не настаивал.
— Может, это потому, что я новичок.
Аня стояла у стены, задумчиво глядя перед собою, и лицо у нее было точно такое, каким он его впервые по-настоящему увидел в один тяжелый для него вечер. Если бы он мог, он сейчас обнял бы Аню и подержал ее так — близко, очень нежно, ничего не говоря. Стоять с нею на людях было почти невыносимо, и он спросил, нельзя ли выйти на улицу.
Они вышли и глотнули свежего воздуха, но прогу-ляться не решились, чтобы не опоздать на Пятую Чай-ковского. Ради этой симфонии Алексей и пошел на концерт, так как любил оперы Чайковского; но сейчас его почти пугало ожидавшее его новое напряжение чувств. Охотнее всего он пошел бы бродить по ночному городу. Но как лишить Аню долгожданного удоволь-ствия? И вдруг она скажет: идите! — а сама останется? Расставаться с нею он совсем не хотел. Он сейчас обожал ее за то, что она не тяготится молчанием и не задала ему ни одного стандартного вопроса.
Они уже вернулись на свои места, когда он спросил, как бы продолжая разговор:
— А есть хоть одна симфония, целиком посвящен-ная радости?
— Девятая Бетховена — через страдание к радости. Финал очень светлый.
— А целиком?
— Есть торжественные увертюры… Не знаю, Але-ша. Целиком, кажется, нет. И, наверное, не может быть.
— Почему?
Она поняла, что у него есть свой ответ на вопрос, но ему хочется услышать, что скажет она.
— Да потому, что счастье не было бы счастьем, если бы стоило протянуть руку — и вот оно.
— Хотеть — искать — добиваться — осуществить. Такова формула?
Она кивнула головой и после паузы добавила:
— Достичь — и увидеть впереди новую цель.
Он усмехнулся:
— Ну, а в старости хотя бы... может наступить уми-ротворение, что ли?
— Не знаю, — сказала Аня. — Я в нее не верю.

Он придвинулся к ней, потому что шум зала заглу-шал голоса, и вдруг увидел совсем близко ее полуот-крытые в улыбке губы... Он поспешно отвернулся.
Музыка хлынула сразу, широким потоком. Поток был плавен, чист и стремителен. Две мелодии струи-лись в нем, и одна тоже звучала как вопрос — томи-тельный вопрос о самом сокровенном. Может быть, му-зыка всегда как бы вопрошает душу? Вторая мелодия показалась Алексею просветленно-печальной. Ответ?.. Они развивались рядом, как разговор человека с самим собою. Мятущаяся душа искала ответа и не соглаша-лась с тем единственным выходом, который находила, и снова томительно вопрошала: ну, как же? ну, что же? — и весь оркестр откликался, на чем-то настаивая, что-то нежно и упорно разъясняя, и мелодия ответа лилась все шире, глубже и напряженней, как будто все силы души и сознания поднялись, чтобы понять, решить и примириться с решением.
Алексей подчинился увлекающему его потоку. Где-то стороной, мельком прошла мысль о том, что симфония, очевидно, воспроизводит самый процесс чувствования и мышления, а вывод, утверждение — ее конечные ноты, ее финал. Тоже стороной, мельком подумалось о том, что многоголосая сложность раскрыта у Чайковского с предельной ясностью и потому каждый звук идет к сердцу. Каждый звук шел к сердцу. Все, что волновало его, тревожило и радовало, осталось с ним. И с ним была Аня — близкая, как никогда. Эта музыка была очень вместительна. Напрягая и обостряя чувства, она не от-страняла ничего того, что составляло жизнь человека, но все раскрыла и все насытила: желания — новой си-лой, сомнения — болью, радость — беззаветностью, лю-бовь — нежным и сильным светом.
Алексей забыл следить за тем, как рождалась музы-ка в слаженной работе оркестра. Он смотрел на оркестр, но не видел его. Он просто жил очень напряженно, всей душой. Раскрывались тайники, в которые он никогда не заглядывал. Вот под тихий напев скрипок зазвучала осторожная жалоба — рассказ о самом глубоком, тро-гающем, мучающем, нет — мучавшем раньше, и Алек-сей заново пережил долгую бесплодную любовь, и годы суровой сдержанности после нее, и затаенную, страст-ную мечту о счастье, которое придет... Да разве это так мучило и занимало меня, удивился он. И понял: да, мучило, и сейчас мучит — сбудется ли? А рассказ-жа-лоба продолжается, и с упреком, с недоверием останав-ливают его басы: да ведь не так это! — и снова проры-ваются светлые, обнадеживающие ноты: ничего, не томись, оно сбудется! — и мятежные взрывы страсти: ско-ро ли? — и все затопляет поток основной мелодии, но эта мелодия — сама жизнь — тоже выросла, возмужа-ла, обогатилась мудростью и знанием... Решение?
— Вальс, — шепнула Аня.
Он узнал этот вальс, он не раз слышал его по радио. Теперь, вплетенный в симфонию, он влился в поток чув-ствования и мышления. Человеческая душа с ее вопро-сом о самом главном, с ее осторожной жалобой присут-ствовала и тут, но жизнь словно кружила ее, лаская, уговаривая и втягивая в свой круговорот.
Вальс кончился, и в минутной тишине Алексей ска-зал себе: «Не хочу!»
Аня обернулась и спросила одними губами: — Чего?
Значит, он говорил вслух?
А музыка вновь поднялась и хлынула еще более ши-роко и мощно. Преломленная и окрепшая, основная ме-лодия достигла теперь высшей точки подъема, и так ясно звучало в ней утверждение, что Алексей понял: скоро конец. Ничто не забыто и не снято, говорила она, но все понято и все решено; вот истинное решение, вот путь, вот свет. У тебя может быть другой путь и другой свет, но только твердое решение дает просветленную яс-ность и утишает боль, и нет уже смятения, и растет, ра-стет и ширится прекрасная, жизнеутверждающая сила, и в ее победе — преодоление и утверждение всего.
Несколько минут спустя Аня и Алексей вышли в про-хладу весенней ночи. Алексей взял Аню за руку и потя-нул в тенистый сквер на площади Искусств. Под деревь-ями было почти темно, только в просветах между лист-вой мерцало светлое небо.
Они сели на скамейку. Он попросил:
— Сядьте поближе, хорошо? И дайте руку.
Где-то в пространстве, слышная только им двоим, еще звучала музыка. Рядом, у подъезда Филармонии, быстро редела толпа, затихали вдали шаги и голоса. Возникла, зашумела на сотни ладов и постепенно рас-таяла другая толпа — у Малого оперного театра. Из-редка проносились мимо автомобили, сверкнув на пово-роте фарами и отбрасывая на песок дорожки тусклые пятна

света. Волны музыки, слышные только двоим, перекатывались через шумы города. Потом и они затих-ли, как море при полном безветрии, и стали слышны гулкие удары сердца.
— Я, кажется, очень полюбил вас, Аня.
Она только чуть повернула к нему лицо, когда он обнял ее и еще неуверенно, бережно притянул к себе.

15

Выдвигая пешку на правом фланге, Иван Иванович сказал с неодобрением и даже обидой:
— Опять Валю с Аркашкой повстречал. До чего быстро утешилась!
Ефим Кузьмич закрыл своей пешкой дорогу против-нику и немного погодя возразил:
— Ничего мы не знаем. В женском сердце разоб-раться — это, брат, вроде как в глухом лесу ночью дорогу искать.
Иван Иванович передвинул другую пешку, открывая путь своему слону, и вздохнул:
— Хорошая она девушка. Аркашка против нее — тьфу...
Любопытство томило Гусакова уже несколько дней, и он спросил как бы невзначай:
— Чего он к тебе приходил? Советоваться, что ли?
Ефим Кузьмич не ответил, пристально разглядывая расположение фигур на доске и взвешивая, какую ка-верзу готовит Иван Иванович. Была у Гусака привычка затеять интересный разговор и под шумок перехитрить противника.
Ефим Кузьмич укрепил пешку на левом фланге и только тогда заговорил о том, что интересовало обоих:
— Не люблю я быстро о людях судить. Ну что ты знаешь об Аркадии? Чего ты приговор объявляешь, ког-да человеку двадцать четыре года? Год назад я бы за него полушки не дал, а сейчас… Вот пришел он, то да се, а я вижу — изныло у парня сердце. Спрашиваю — жениться не думаешь? А он: «Скорее топиться придется, Ефим Кузьмич». Видишь, как дело-то оборачивается?
— Ну-ну, — поторопил Гусаков, а сам с невинным видом перевел слона на свободную диагональ.
— Ну-ну, — насмешливо повторил Ефим Кузьмич, имея в виду нехитрый замысел противника.— Так вот, говорит, я ее утешил, а она душу из меня вынула… Да... Неправда, говорю, Аркаша. Душа в тебе только сейчас и обнаружилась. А если с непривычки горяча — вынь, обдуй и положи обратно. Засмеялся, а у самого чуть не слезы в глазах. Да как, говорит, Ефим Кузьмич, как же обдуть? Вы шутите, а мне не до смеха. Я гово-рю: не шучу я, а радуюсь. Был парень — одна видимость, а стал — человек.
— Шах королю!
— Да не пугай ты, Иваныч, не пугай! Мы конем прикроемся, и все! Так вот, говорю: от любви, парень, не помирают. Если бы от любви помирали, хоронить не поспевали бы, и жить было бы некому. Любовь — она такая, что или крылья за спиной, или на стенку ле-зешь, а год, два пройдут — и сам над собой улыбнешь-ся: вот сумасшедший был! Полюбит тебя Валя или не полюбит, говорю, а человек ты теперь — сам по себе, ну и двигай дальше!
Ефим Кузьмич сделал ход и, оглядев изменившуюся ситуацию на доске, добавил:
— А между прочим, парень стоящий. И я бы на ме-сте Вали призадумался... Ну, Иваныч, ешь мою пешку, бог с ней! Хорошего аппетиту!
Иван Иванович, как всегда, без размышлений раз-менял пешки на левом фланге и вдруг сообразил, что этим он открыл дорогу ладье противника и что Ефим Кузьмич предусмотрительно обеспечил ладье надежную защиту.
— Фу ты, дьявол! — рассердился Иван Иванович и задумался, зажав в кулаке слона, которого некуда было поставить.
Ефим Кузьмич откинулся в кресле и закурил. Он был очень доволен и тем, как повернулась игра, и смя-тением своего друга, и тем, что в квартире стояла мир-ная тишина. Ведь вот по-разному бывает в доме тихо: одно дело, если все разбежались из дому и даже Галоч-ка на

улице,— тогда тишина скучная, немного тревож-ная, и хочется, чтобы скорее все собрались; перед заму-жеством Груни бывало и так, что семья в сборе, а тиши-на гнетет, ладу в доме нет; другое дело теперь — тихо в доме потому, что Яша готовится к докладу, а Груня шьет, — ничего не скажешь, хорошо они живут, Груня прямо расцвела после долгого вдовства, и всего-то ей те-перь хочется: и гулять, и наряжаться, и мужа лелеять! Такое теперь выражение лица у Груни, что бы она ни де-лала, будто лучше этого дела нет на свете, даже когда посуду моет, даже когда кастрюли чистит. Ну, а Галоч-ка... где она и что делает?
Ефим Кузьмич встал и заглянул в столовую. Груня подняла голову и улыбнулась Ефиму Кузьмичу так, будто для нее было наслаждением увидеть его морщи-нистую, усатую физиономию. А ведь сколько месяцев глаза отводила, сквозь зубы отвечала, в дом входила как в тюрьму, а убегала из него — как виноватая, укры-вая платком лицо... А сейчас стала вроде блаженной. Обидно бывает, и хочется иногда попрекнуть ее, да язык не поворачивается. Только одно позволил себе Ефим Кузьмич — незадолго до свадьбы молча снял со стены в ее комнате портрет сына и унес к себе. Груня увидала — побелела вся, но ни слова не возразила. Ночью услышал — плачет. А наутро встала — будто ни-чего и не было... Э-эх, жизнь ты, жизнь!
Пройдя через столовую, Ефим Кузьмич как бы невзначай заглянул в комнату, где жили теперь Груня с Яшей. Яша сидел за столом и делал выписки из книги.
Галочка играла на полу с собакой. Злая к чужим, Ра-ция с первого дня признала Галочку своей и позволяла ей садиться на спину, дергать за уши и даже впрягать себя в тачку.
Воробьев обернулся и похлопал ладонью по раскры-той тетради.
— Я, как подготовлюсь, прочитаю вам, хорошо?
На общие темы им всего проще беседовать, тут не-вольно забывается, что все-таки Воробьев чужой и что сам Ефим Кузьмич нынче уже не свекор для Груни, а так себе — в чужой семье сбоку припека.
— Давай, конечно.
Ефим Кузьмич хотел было расспросить, как Яков строит доклад, но вдруг заподозрил, что Иван Ивано-вич пока переставит или втихомолку снимет фигуру, — ради выигрыша Гусак и сплутовать способен, это за ним водится издавна.
И Ефим Кузьмич заспешил к себе, придирчиво про-верил положение на доске и даже пересчитал выбывшие из игры фигуры — нет, пока все в порядке.
— Не больше года думай, Иван Иваныч, не больше года! — насмешливо напомнил он, усаживаясь.
Сквозь приоткрытые двери Груня слышала шуточки стариков в одной комнате и шепоток Галочки да поскри-пывание стула в другой. Ее пальцы быстро и ловко про-дергивали иглу сквозь край узкой складочки, в то время как все ее мысли были прикованы к соседней комнате, где занимался Яша. Яша дома, дома, дома, это его дом, он приходит сюда домой, он занимается дома, дома ему лучше, чем где бы то ни было... Об этом можно было думать без конца, на разные лады повторяя одно слово. «Ты когда придешь домой?» — спрашивала Гру-ня в цехе. «Я буду готовиться дома», — говорил Яша то-варищам. Они оба еще не привыкли к этому слову и повторяли его как можно чаще.
Подруги, качая головой, упрекали Груню:
— Ох, избалуешь на свою голову! Пусть он за то-бой ухаживает. Чего ты перед ним стелешься?
Груня беспечно смеялась:
— А до чего ж это сладко — баловать своего человека! Я его поначалу так намучила, что до конца жизни хватит!
Подруги убеждали: сперва всем сладко, а потом, не успеешь оглянуться, муженек уже не благодарит, а тре-бует, не просит, а покрикивает; мужа с первого дня на-до в руки забирать, иначе — наплачешься!
— А он у меня в руках, — отвечала Груня с шалой улыбкой. — Обниму его крепко-накрепко — вот и в ру-ках, и вырываться не хочет!
Как объяснить им, что не может быть у них ни раз-молвок, ни привычной супружеской скуки, что у них — любовь, какой, наверно, и не было еще на свете. Никому не понять, как им хорошо вместе и как они подошли друг к другу, Бывает, что любят сильнее? Нет. И рань-ше любила его, страдала и любила, но были они — каж-дый сам по себе, и мучили друг друга, и всякие сомне-ния надумывали, а все потому, что им надо было вместе быть, всегда вместе, две жизни — как одна. А теперь да-же дух замирает, даже голова кружится, до того хоро-шо с ним.

Так думала Груня, ногтем разглаживая наметанные складочки и прислушиваясь, как поскрипывает Яшин стул. Вот Яша потянулся за чем-то — за книгой, навер-но. Вот он уселся поудобнее, чтобы писать. Не мешает ли ему Галочка? Нет, она совсем тихо бормочет себе под нос. И хорошо, что она — там.
А Галочка бормотала прямо в настороженное ухо Рации:
— Ты только зарычишь — они и разбегутся. Кусать не надо, все-таки жалко их, а ты рычи, рычи...
Ей нравилось играть в этой комнате, говорить только шепотом, потому что все-таки неловко мешать человеку, но иногда и пошуметь, испытывая его терпение — рас-сердится он или нет? Если бы он рассердился и прогнал ее, можно было бы обидеться и почувствовать себя не-счастной. Но ей нравилось, что он не сердился и не прогонял ее, и особенно нравилось, что он играет на аккордеоне и что у него — собака. У взрослых всегда свои дела, и когда говоришь с ними, они отвечают невпо-пад, лишь бы отвязаться от тебя, а с собакой и поиграть можно и побегать взапуски на пустыре. И ни один маль-чишка не тронет, если с нею Рация. «Рация, возьми!» — и Рация ка-ак схватит за штаны! Пусть-ка теперь сунется Митька черномазый отнимать у нее мяч! И ак-кордеон — здорово! Научиться бы играть на нем... Она уже пробовала, когда никого не было дома, но у нее не получалось музыки, а только писк и гул, а потом она еле-еле сумела запихнуть его обратно в футляр. А у дяди Яши получается красиво — то жалостно, то весело, хоть танцуй. Просить его она не хочет, но — если бы он играл почаще! И чего он все сидит над книжками? А мама стала веселая и добрая и гораздо больше быва-ет дома... Ладно уж, пусть он здесь, так спокойней. И совсем неплохо, что ее перевели спать к дедушке в комнату. Мама скажет: «Спи, доченька», — и потушит свет, и дверь закроет. А дедушка и не тушит, и сам тут же сидит, иногда поворчит: «Закрой глаза, глазастая! А то уйду», — но не уходит, а еще и сказку расскажет...
Раздался звонок. Кто-то пришел в гости. Галочка узнала голос тети Аси, той самой, с которой надо быть ласковой, потому что у нее умерла дочка.
— Я у тебя посижу, Грунечка, можно? Саша по-ехал в Дом техники, а мне одной скучно. Он за мной сюда зайдет, ничего?
— Ну конечно, — сказала Груня. — А у тебя что-то случилось, Ася, да? Хорошее?
— Да, да, только об этом потом, Грунечка, — сказа-ла Ася, краснея и косясь на Галочку. — Здравствуй, Га-лочка.
Воловики были новые знакомые, появившиеся в до-ме вместе с дядей Яшей, и Галочка не торопилась по-любить их. Но дядя Саша очень смешно называл ее Га-лушкой и обещал съесть, когда придет «не после обе-да», а тетю Асю, непохожую на тетю, было жалко, и она Галочке нравилась. Галочка отлично поняла, что сегодня у тети Аси есть какой-то секрет, но тем более не собиралась никуда уходить. Она поздоровалась и устроилась в сторонке, чтоб о ней позабыли.
Ася рассказывала о том, что Саша поехал в Дом тех-ники делать доклад о своем станке, а ее с собою не взял, потому что при ней он будет больше волноваться. Галочка не понимала, чего тут волноваться: сколько она себя помнила, дедушка делал доклады, и мама делала доклад, только он назывался отчет профорга. И теперь дядя Яша готовился к докладу. И даже Митька черно-мазый однажды хвастал, что делает доклад в кружке юннатов, — правда, Галочка ему не поверила, потому что никогда не стала бы слушать такого дурня.
— К Саше доцента прикрепили, — рассказывала Ася, и вид у нее был как у девчонки, которая расхва-сталась. — По воскресеньям он ходит к профессору на консультацию. А дома все читает, читает! Книги ему сам профессор дает!
О секрете не было сказано ни слова, но Груня вдруг спросила с таинственным видом:
— Ася, я правильно догадываюсь, да?
— Да, да, да, Грунечка, только молчи, — прошепта-ла Ася, — это еще совсем не наверное, я пока никому ни слова...
Галочка от досады дернула Рацию за хвост. Что бы это могло быть и почему нужно молчать?
— Рация, гулять! — сердито позвала она, и Рация, забыв обиду, ринулась к двери.
Оставшись одни, женщины оживленно заговорили, то и дело снижая голоса до шепота, чтобы не мешать Яше, и то и дело забывая об этом и нарушая тишину болтовней и смехом.

Воробьев слышал их голоса и смех, но они не меша-ли ему. Хорошо работалось, когда рядом была Груня, — вот она прошла по комнате легкими шагами, вот звяк-нули ножницы, стукнула и покатилась оброненная ка-тушка, скрипнула дверца буфета.
Все последние недели он ощушал себя на подъеме. Силы напряжены, но горизонт все шире, а когда уста-ешь, даже очень сильно устаешь, — усталость здоровая, хорошая. Ощущение это порождалось тем, что он посте-пенно входил во вкус своей новой работы. Мелких не-поладок, трудностей и суеты по-прежнему хватало, но работать стало легче. Люди, до сих пор стоявшие в сто-роне от общественных дел, становились активистами, а порой оказывалось, что и нужно для этого не так уж много — только заметить человека, оказать ему внима-ние, привлечь, поощрить! Но были и трудные случаи, которые требовали продуманного, психологического под-хода.
Одним из таких «случаев» был Торжуев. После ус-пеха Ерохина Торжуев ходил мрачнее тучи, с неделю притворялся равнодушным, а потом все-таки перенял у Ерохина и метод крепления, и новые резцы, приналег на выработку и стал день ото дня повышать ее. О том, что происходит у него в доме, говорил весь цех: Тор-жуев поссорился с «божьим старичком» и отделился от него. Белянкин не разговаривал ни с ним, ни с доче-рью, а в цехе стал еще тише и все жаловался на здо-ровье да на годы. К концу месяца Торжуев выполнил около двух норм, а в следующем месяце, оставив дале-ко позади Ерохина и Лукичева, выполнил норму на три-ста пятьдесят процентов. Качество он давал, как всегда, отличное, а если кто-либо подходил поглядеть, какими методами он добивается успеха, злился и покрикивал:
— Проходи, проходи, не в театре!
Настал день, когда в цехе появился плакат: «Привет стахановцу С. М. Торжуеву!» Торжуев стоял перед пла-катом и грыз мундштук трубки. Воробьев нарочно подо-шел и остановился рядом.
Торжуев повернулся к нему и сказал с наглой ух-мылочкой:
— А все-таки пришлось тебе меня на стенку вешать!
— А мне приятно уважать тебя, Семен Матвее-вич, — сказал Воробьев. — Виси себе на здоровье хоть круглый год.
Наглая ухмылочка, которую Торжуев силился удер-жать, превратилась в тусклую, виноватую улыбку.
— Захочу и буду, — хрипло сказал он и пошел прочь — нарочно вразвалку, грызя мундштук и вызы-вающе поглядывая на встречных.
Воробьев смотрел вслед и думал, что на ближайшем профсоюзном собрании обязательно предложит выбрать Торжуева в президиум, пусть посидит перед народом да поразмыслит... Всю дрянь из него нескоро вытрясешь, но вытрясти можно. А Ерохин сказал на партгруппе: «Хорошо, что Торжуев за ум взялся, только на первом месте я его не оставлю... политически не могу оста-вить!»
Это очень занимало Воробьева, но все ж главным для него был сейчас спор с Любимовым — непрекра-щающийся, молчаливый спор. С того дня как Любимов взял назад свое заявление, между ними установились сдержанно-вежливые отношения. Любимов не избегал разговоров с Воробьевым, даже подчеркнуто советовал-ся с ним, но всем своим видом показывал, что снисхо-дит до этого только в интересах дела, — пусть ссорятся те, у кого есть время. В эти дни Любимов прояв-лял свою власть чаще, чем когда бы то ни было, и сно-ва взял в свои руки повседневное руководство цехом, но Воробьев остро чувствовал, что руководит он не так, как надо, что спор, начавшийся в партбюро, должен быть доведен до конца.
В том ли все дело, чтобы новые сроки обязательно ввести в план?
Чем больше раздумывал Воробьев, тем яснее он по-нимал, что не только в этом дело. Как руководить про-изводством в новых условиях, когда творчество стало делом коллектива, а не только талантливых одиночек? По-старому будто бы и нельзя? Иные нужны методы, иные отношения начальников и подчиненных. Если кол-лектив творчески решает важную задачу, он не может делать это самотеком, он вправе требовать, чтоб ему помогли руководители, чтоб они это дело организовали, спланировали и обеспечили.
В этом была суть спора. И этой сути Любимов не по-нимал. Только ли он один?..
Как бы там ни было, на партийном собрании все решится. Вопрос назрел, и в своем докладе директор должен будет дать на него прямой ответ. А если он сам этого не сделает, — собрание заставит.

Воробьев понимал — именно ему, в содокладе о ра-боте коммунистов-турбинщиков надо будет задать тон прениям. И он тщательно готовился к предстоящему от-крытому спору.
С уважением и волнением перебирал он брошюры, фотографии и записные книжки, заполненные стара-тельным почерком Ефима Кузьмича. Старик бережно хранил их под ключом, завернутыми в чистую, но уже пожелтевшую бумагу, и только на днях допустил до них Воробьева. Все эти материалы Ефим Кузьмич при-вез с первого Всесоюзного совещания стахановцев. Про-исходило совещание тогда, когда Воробьев еще бегал в школу, — в ноябре 1935 года; Ефим Кузьмич был на совещании делегатом. Совещание собралось через три... нет, через два с половиной месяца после рекорда Ста-ханова. Да, 30 августа Стаханов вырубил 102 тонны вместо 7 тонн по норме. Через три дня Дюканов выру-бил 115 тонн, 19 сентября кузнец Бусыгин ставит свой рекорд в кузнице, а Кривонос на железной дороге...
А 14 ноября в Кремле собираются стахановцы со всех концов страны. И Сталин говорит, что стахановское дви-жение — наиболее жизненное и непреодолимое движе-ние современности. Он обращается к горсточке первых стахановцев, — зал полон, но это все-таки не больше, чем горсточка среди миллионов людей, еще очень дале-ких от нового движения. Он говорит — и отчетливо видит, что завтра поднимутся новые тысячи и сотни тысяч лю-дей... Он видит не только тех, кто тогда, в 1935 году, ставил новаторам палки в колеса, но и тех, кто и сего-дня порой мешает Воробьеву, Воловику, Смолкиной, По-лозову и многим другим.
— Ой, как хорошо! — звонко вскрикнула за дверью Ася Воловик.
— Правда? — радостно спросила Груня.
Воробьев прислушался. Ему было интересно, что хо-рошо и что радует Груню, — какой бы ни был пустяк, он переставал быть пустяком оттого, что занимает ее. Через стенку доносилось постукиванье каблучков — Гру-ня вертится перед зеркалом, примеряя новую блузку.
— Как тебе идет, Грунечка! Ну так идет, так идет!
— А знаешь, что человеку идет больше всего, Ася? — вдруг звучно откликнулась Груня. — Счастье! Человеку идет быть счастливым. Тогда он и красив и хо-рош.
«Как это верно!» — изумленно подумал Воробьев. Мысль Груни была сродни тому, что навеяло на него чтение, — давнее совещание и пленило его именно ощу-щением счастья — большого народного счастья.
Потом в наладившуюся, все более радостную жизнь ворвалась война. В конце концов, за то и шла кро-вавая борьба — быть на земле счастью или не быть. Отстояли. Быть ему! Быть! И сейчас — разве не для то-го же мы торопимся, трудимся с таким напряжением, сжимаем все сроки?.. Как будто бы и наваливаем сами на себя новые трудности, а ведь разобраться, так все потому же — для себя, для всего народа.
Человеку идет счастье... Спроси сейчас Груню, в чем ее счастье? Она скажет — вон оно там, в соседней комнате. Спроси меня, скажу — Груня. Но только ли в этом наше счастье? Раньше в романах писали: укрылись от всего света и счастливы вдвоем. А нам даже дико подумать об этом. Ни я, ни Груня ни от чего другого не откажемся. Наоборот, сейчас, когда мы вдвоем, нам все стало еще нужней, еще интересней, и сил как будто прибавилось.
Он вспомнил Груню такой, какой увидел ее впервые. Фрезеровщица Клементьева завоевала первенство по цеху, и Воробьев пошел знакомиться с нею, но долго не смел приблизиться. Груня работала, и лицо у нее было сосредоточенное, ясное и необыкновенно красивое. И ее движения были спокойны, ловки и необыкновенно красивы своей точно-стью и плавностью. В такт движениям Груня слегка шевелила полными, румяными губами, словно шепотом управляла станком: «Вот так! А теперь, милый, вот так! Еще немножко! Хорошо!»
Воробьев был тогда членом цехового комитета, ему было поручено руководить распространением стаханов-ского опыта. Собравшись с духом, он подошел к Груне и попросил ее побеседовать с молодыми работницами.
Груня вздернула губу и спросила, блеснув глазами: «А я что ж, по-вашему, старая?»
Воробьев смутился, но все-таки нашел ответ: «На-оборот. Я думаю — молодой на молодых повлиять лег-че».
Груня захотела посмотреть, кого ей придется учить, и возле каждой работницы постояла, присматриваясь. Воробьев ходил с нею и тоже смотрел на работниц, а еще больше — на Груню. «Фрезеровщицы неплохие, но еще не понимают, что к чему, — сказала Груня, закончив осмотр. — Учить бу-ду, если вы их сами приведете и тут же постоите. Для дисциплины. А то какой я им учитель? — Она лукаво усмехнулась: — К тому же при вас гораздо интересней!»

Много позднее Груня призналась, что давно замети-ла Воробьева и сердилась: другие глаза пялят, а этот ходит-ходит мимо и даже не посмотрит... Поведение Груни показалось Воробьеву озорным и вызывающим. Но когда он привел к ее станку учениц, Груня встрети-ла их робко, даже растерянно. «Спасай, милый, — умо-лял ее взгляд, — сам задумал такое мученье — теперь выручай!» От волнения она и слова сказать не сумела. Воробьеву пришлось самому рассказать молодым фре-зеровщицам о работе Клементьевой. Пока он говорил, Груня справилась с собой и затем неожиданно хорошо, обстоятельно и продуманно объяснила девушкам все, что им следовало узнать и понять.

Перебирая эти милые подробности первого друже-ского сближения с Груней, Воробьев припомнил, что и другие стахановцы в первые минуты робели, но скоро подавляли смущение и учили людей непринужденно и умно. Да и что удивительного? Груня кончила семи-летку. Никитин и Пакулин — студенты техникума. На-заров кончил двухгодичные курсы мастеров социалисти-ческого труда. Ерохин учится в вечернем вузе... Все они привыкли читать газеты и книги, вести записи и конспекты в кружках, выступать на собраниях...

«Так и руководить-то ими надо по-новому, — вос-кликнул Воробьев, мысленно возобновляя спор с Люби-мовым. — Я вас спрашивал о стиле управления и орга-низации труда. Я вас спрошу снова, порезче. Я вас за-ставлю все договорить до конца!»

Он встал и размялся несколькими сильными взмаха-ми рук. Ему было очень весело от предвкушения зло-го и решительного разговора. Он чувствовал себя воору-женным, голова его была ясна, он знал, чего хочет, и знал, что прав.

Выйдя в столовую, он потряс руку Аси, обнял Гру-ню, позвал стариков, оторвав их от четвертой партии в шахматы, вышел во двор, чтобы кликнуть Галочку и Рацию. Рация выскочила откуда-то из-за угла и с раз-бегу бросилась на него, радостно лая. А за нею выеха-ла Галочка на плечах Воловика.

— Ох, Яша! — воскликнул Воловик, спуская на землю девочку и глубоко дыша. Он был возбужден и даже, кажется, немного пьян.

— Ну как? — вглядываясь в него, спросил Воро-бьев. — Вижу, хвалили?

Воловик отмахнулся, как-то странно улыбаясь:

— И хвалили и критиковали. Не в том дело, Яша. А вот простор, понимаешь, простор чувствую... Рычаг этот, которым землю перевернуть... Ну, ты не слушай, я болтаю, я немного не в себе.

— Дернул малость?

Воловик виновато улыбнулся и обычной своей неук-люжей походкой пошел к дому, вежливо пропуская впе-ред Галочку, и по его походке, по застенчивой улыбке и каким-то трудно уловимым, но ясным приметам Во-робьев понял, что Воловик и не пил ничего, а готов вы-дать себя за подвыпившего человека, потому что он без-удержно счастлив и горд, и стыдится этого, и не знает, как пронести среди людей эту полную чашу счастья, не расплескав ее и никому ее не навязывая.

Воробьев остался на месте, растроганно усмехаясь. Взволнованность друга была понятна — еще бы, делать доклад ученым, инженерам, изобретателям всего горо-да, будто ты не рядовой рабочий, а заправский лектор! Но ведь это и есть то самое, о чем он только что чи-тал, думал, о чем он будет говорить завтра! Научно это называется — «культурно-технический рост рабочего класса». Практически — это значит, что руководить та-кими людьми, как Саша, нужно совсем по-иному, что ломка старых привычек и норм продолжается и будет усиливаться с каждым днем. И наша задача — помочь ломке, ускорить ее... Хватит ли сил?

Нет, этот вопрос даже ставить нечего. Я чувствую в себе силу, и Саша ее чувствует, — а разве мы с Сашей одиночки? Нас же много! Справимся!

Полной грудью вдохнув посвежевший к вечеру воз-дух, Воробьев взбежал на крыльцо и еще в дверях услы-хал, как Саша Воловик возбужденно рассказывает:

— Кончил я, а вопросов — целая куча! Записки, за-писки, всю кафедру завалили. Взял я их, думаю: дер-жись, Саша, раз лектором стал! Ну и ответил. Кажет-ся, без конфуза.

Шофера возле машины не было, и Немиров с остер-венением нажал клаксон. Весь двор заполнился тягу-чим, унылым гудением. Не отрывая пальца от клаксо-на, Григорий Петрович с досадой вспомнил, что Костя — коммунист — и, следовательно, присутствовал на собрании. Какая может быть дисциплина, если на массо-вом собрании говорят про руководителя черт знает что! Конечно, Костя сейчас зубоскалит с приятелями: «А знатно всыпали моему!..» И, уж конечно, хохотал без удержу во время этой оскорбительной сцены с Кашириным (экий идиот!) и уж наверняка вместе со всеми голосовал за дерзкую резолюцию, за многозначительный пункт: «Считать неправильной и демобилизующей прак-тику внутризаводского планирования без учета приня-тых социалистических обязательств...»
— Может быть, мне сесть за баранку, а вы будете заводом управлять? — с сердцем сказал Немиров прибе-жавшему на гудки шоферу.
Костя молча вывел машину на проспект.
— За Клавдией Васильевной заедем?
— Не созвонился я с ней, — буркнул Немиров. — Да она уж, наверно, дома.
— У них тоже собрание сегодня, — напомнил Костя.
Это маленькое «тоже» усилило раздражение Григо-рия Петровича. Он не знал, что там произошло сегодня, на партийном собрании металлургического, но знал, что Клава и ее единомышленники именно сегодня дают бой своему Брянцеву, которого Диденко назвал «мечтой са-молюбивого директора». По-видимому, Клава поднима-ла там и вопросы планирования, — недаром она увлек-лась идеей, что плановик может быть новатором!
Он попробовал представить себе Клаву на трибуне большого собрания, но не мог, только видел ее лицо — почему-то разгоряченное, азартное, как летом на волей-больной площадке... А память уже подсунула ему все ту же сцену с Кашириным, которая уязвила Немирова больше всего, что произошло на этом длинном и мучи-тельном для него собрании. Когда ругают — плохо, но когда хохочут над тобой!.. А тут хохотали. Кто его тя-нул за язык, этого розовощекого, прилизанного дурака?!
— Стахановское планирование особых результатов не даст, — так он заявил и, подчеркнуто: — А в случае чего поставит нас в неловкое положение...
Собрание зашумело, а новая звезда, без которой те-перь ни один президиум не обходится, Воловик, подтя-нул к себе микрофон и гаркнул на весь зал:
— Услужливый медведь опаснее врага. Слушайте, люди добрые, вот она вся как есть — истинная мотивировочка!
Какой тут поднялся хохот! Немирову пришлось вы-жать улыбку, потому что смотрели на него, целили в не-го. Как смылся с трибуны Кашнрин, никто и не заме-тил...
Клава презирает Каширина: ничтожество. А с чем она сама выступила? Не поделилась, не посоветовалась.
А что, если...
Сегодня перед собранием, во время тяжелого спора, Диденко не нашел ничего лучше, как сказать:
— Вы бы хоть к мнению своей жены прислушались, она занимает куда более прогрессивную позицию, чем вы!
Немиров ответил не очень умной резкостью. Еще не хватало, чтоб Клаву припутали к их разногласиям! И чтобы Клава оказалась в одном лагере с теми, кто ему житья не дает!
После собрания к Немирову подошел Раскатов.
— На этом пути у вас успеха не будет, Григорий Петрович, — сказал он. — Советую подумать. И при-смотритесь к опыту других, хотя бы к инициативе ме-таллургов... вы ведь с ними связаны?
...Клавы дома не было.
Елизавета Петровна спросонок ежилась, накрывая стол к ужину, удивленно спросила:
— А Клава?
В последние дни она вместе с зятем настояла на сво-ем. Григорий Петрович отвозил Клаву на работу и вече-рами заезжал за нею. Сегодня он впервые не подумал об этом.
Не отвечая, Немиров закрылся в кабинете и некото-рое время стоял посреди комнаты, мысленно подводя итог происшедшему. Итог был невеселый. После такой публичной

проработки вырисовывались два выхода — или уступить, подчиниться, то есть признать себя не-правым, а значит — каяться как мальчишка... чтобы Диденко торжествовал и потом докладывал, что вот, мол, «у хозяйственного руководства были промахи, во-время нами замеченные и выправленные благодаря раз-витию критики и самокритики...» и так далее и тому подобное. Или же бороться, немедленно ехать в Моск-ву, заручиться поддержкой министра, а может, и про-мышленного отдела ЦК. Ну, а если не получишь под-держки?
Нет, все это не годилось.
Его томила мысль, что завтра с утра надо встре-чаться со множеством людей, которые сегодня голосо-вали против него. Только так он и расценивал этот дерзкий пункт, — против него. Единогласно, при четырех воздержавшихся. Один из четырех — он сам. Вто-рой Каширин. А ещё кто? От злости он не стал смот-реть — кто. Может быть, Любимов? Черт бы его подрал, этого трусливого лицемера! Наедине возражал самым яростным образом: «Это же петля!», «никто с нас голо-ву не снимет, если мы задержим турбины, а что будет, если мы нашумим с этим стахановским планом — и про-валим?» А на собрании и рта не раскрыл, хотя кому-кому, но уж начальнику турбинного цеха следовало вы-сказать свое мнение!
...Григория Петровича душила обида, когда он вспо-минал людей, выступавших против него. Этот сталевар из фасоннолитейного! «Дирекция нервы бережет...» Ефим Кузьмич! Старик, который всегда видел от директора только уважение и внимание! И вдруг вытащил какую-то цитату из речи Орджоникидзе — дескать, дело будет в срок, а директора может и не быть... И этот его зятек Воробьев: «Товарищи начальники, вы же превра-тили министерский, государственный план из основы на-шего движения в тормоз, в помеху!..» И заносчивый инженерик Полозов, посмевший назвать слова директо-ра «резиновой формулировкой»...
Нет, надо ехать в Москву, завтра же — в Москву! Как держаться в Москве, что сказать и о чем говорить не стоит, это обдумается в пути. А ехать надо. Пусть покрутятся недельку без директора, пусть поймут... Критиковать они все мастера, а вот работать!..
И он со злорадством припомнил замеченный им на днях беспорядок на инструментальном складе турбин-ного цеха. Ну погодите, голубчики!
Чтобы сорвать на ком-нибудь злость, он позвонил на завод. Турбинный цех долго не отвечал, и Григорий Петрович уже мысленно обругал и Полозова, и Люби-мова — уехали спать, а ночная смена не обеспечена ру-ководством, никто даже не отвечает, — порядочки!
Он уже хотел швырнуть трубку, когда цех отклик-нулся:
— Полозов слушает.
— Долго ждать приходится, чтоб узнать, что в цехе!
— Дежурный диспетчер у своего аппарата, вас не-правильно соединили, — сказал Полозов. — Смена рабо-тает, Григорий Петрович. Первые узлы к утру поступят на стенд.
Стараясь сдержать раздражение, Григорий Петро-вич задал несколько деловых вопросов и напоследок доставил себе удовольствие — отругал Полозова за бес-порядок на инструментальном складе. Пусть почувст-вует, что директор все-таки директор!
— Слушаюсь, — спокойным и, как показалось Немирову, иронически-послушным голосом ответил Поло-зов. — С утра приму меры.
Позвонив еще в несколько цехов и по каждому цеху найдя повод сделать резкое замечание, Немиров разря-дил раздражение и уже бесстрастно принял решение бороться и победить — здесь ли, в Москве ли, как удастся. Не на такого напали, чтобы вытянул руки по швам!
Он позвонил на квартиру Каширину и, оборвав на полуслове его жалкие оправдания, приказал подгото-вить с утра материалы, которые могут понадобиться в Москве.
— Завтра едете? — обрадовался Кашнрин.
— Завтра, если позволят дела, — сухо ответил Не-миров и, не прощаясь, повесил трубку.
Шел двенадцатый час, а Клавы все не было.
Конечно, не надо было отпускать машину, не прове-рив, дома ли Клава. Она всегда ворчит, зачем он го-няет ради нее машину, но вдруг она все же обидится, что он забыл позвонить? Не рассказывать же ей, какую баню ему сегодня устроили!
Он неохотно, на всякий случай, позвонил Саганскому — может, тот случайно забрел в свой кабинет, у них зал собраний рядом, при заводоуправлении.
— Борис Иванович? — любезнейшим тоном спросил Немиров, услыхав знакомый голос. — Нижайшее по-чтение! Немиров говорит. Как жизнь?

— А ну ее к черту! — неожиданно злым тенорком отозвался Саганский. — Опять у вас что-нибудь горит?
— У меня? Ничего. Не вовремя я, что ли, Борис Иванович? Так ты скажи. Я, понимаешь, жену потерял. Не видал, у вас она или ушла домой?
— Ах, жену! — ядовито протянул Саганский. — Ты бы ее дома держал, жену, тогда и не терялась бы. Сей-час пошлю узнать.
Должно быть, он швырнул трубку на стол, так она треснула. Слышно было, как он громко приказал «разыскать эту самую… Клавдию Васильевну». Потом он проворчал в трубку:
— Говорят здесь еще, сейчас найдут. Подъедешь за нею? Или мне прикажешь отправить ее?
— Я, понимаешь, машину отпустил, — со вздохом сказал Немиров. — А ты что такой мрачный?
Не отвечая, Саганский поговорил с кем-то и сооб-щил:
— Явилась твоя Клавдия Васильевна. Но моих уха-живаний принимать не хочет, поедет трамваем.
До Немирова смутно донесся смех Клавы. Трубка щелкнула, разъединив аппараты.
Занятно: что там произошло? Видно, и Саганскому перепало, и у него не так уж все оказалось хорошо, как он любит изображать!
Повеселев от этого предположения, Григорий Петро-вич успокоил тещу, что Клава возвращается, и вышел из дому — встречать.
Погода портилась, небо затягивало тучами, редкие одиночные капли предвещали надвигающийся дождь. Где-то вдали слабо погромыхивал гром.
Было удивительно приятно ждать Клаву на трамвайной остановке, подобно юнцу, встречающему свою девушку. И не хотелось больше томиться мыслями о се-годняшней неприятности — черт с ней, мало ли что бы-вает в жизни, все, наверное, утрясется. А не утрясет-ся — будет еще время об этом подумать. Вот как хоро-шо сейчас на воздухе! Капли крупные, редкие, теплые! И воздух теплый, совсем летний. Только бы Клава успела проскочить до большого дождя...
«Нелепо, что мы совсем не бываем на воздухе, — думал он, вглядываясь в набегающие издали огоньки трамваев. — Так и состаришься в директорском кресле, поседеешь до времени от всяких неприятностей, нажи-вешь пузо, как Саганский... Ходить бы с Клавой по ве-черам гулять! Ей это просто необходимо — воздух».
Трамваи подходили и уходили, а Клавы все не было. Где и почему она задержалась? Ведь уже десять раз можно было доехать! До того как увидеть ее, он услы-хал ее смех. Она шла пешком, шла не одна, и смеялась от всей души, даже сгибалась от смеха, повисая на ру-ке своего спутника — высокого, широкоплечего. Гаршин?! Значит, подкараулил у завода... а она не только не прогнала, а еще согласилась пойти с ним пеш-ком? Стиснув зубы, Немиров решительно шагнул на-встречу и в ту же минуту увидел, что это не Гаршин.
— Вот так так! — обрадованно закричал Григорий Петрович. — Нежный муж встречает, а она с кавалером под ручку!
Клава высвободила свою руку из руки спутника:
— Знакомься. Наш главный технолог, Олег Яков-левич. Мы пошли пешком, чтобы проветриться. Ну и баня сегодня была!
— То-то Саганский злой как черт.
— Еще бы! — сказал Олег Яковлевич и переглянул-ся с Клавой. — Клавдия Васильевна такого жару дала ему!
Клава снова расхохоталась:
— А тут еще ты звонишь!
И ласково попрощалась с технологом.
— Я к вам зайду с утра насчет К-семнадцатого,— пообещала она.
Что это такое — К-семнадцатый? Немиров не знал. И что связывает ее с этим Олегом Яковлевичем? Поче-му он увязался провожать ее? Поднимаясь по лестни-це вслед за Клавой, глядя на ее тонкую шею, чуть при-крытую светлыми, еще не отросшими после болезни куд-рями, он вдруг сказал себе: «Надо ребенка. Обязатель-но ребенка. Пока нет детей, это не семья».
— До чего же я голодна! — воскликнула Клава, не-брежно сбрасывая пальто на руки мужа и взбивая во-лосы, примятые беретом.

В ней появилось сегодня что-то совсем новое. Ни те-ни усталости, глаза горят, губы беспричинно улыбают-ся. Побежала мыться — в ванной что-то напевает. Села за стол — и набросилась на еду, чего давно не бывало.
— Так что же у вас там вышло? — спросил он, когда Клава уже неторопливо прихлебывала чай, похрустывая бубликом.
— Что вышло? — переспросила Клава. — Победа! Полная победа по всем линиям!
Она торжествующе улыбнулась, и эта улыбка и эти ее слова вдруг показались Немирову неприятными, пу-гающе-чужими. Никогда еще она не была так далека от него, как в эту минуту.
Но торжествующее выражение уже сменилось застенчивым и милым, которое знал и любил Немиров.
— Ох, Гриша, это все так... В общем, понимаешь, если рассказывать, то придется хвастать. И мне ужасно хочется похвастать перед тобой. Ничего?
— Даже хорошо, если есть чем, — сказал он, внут-ренне сжимаясь, потому что не мог не вспомнить о том, что сам потерпел поражение.
— Конечно, тут не я одна, — сказала Клава. — Со-всем не я одна! Тут Олег Яковлевич много помог и Его-ров, наш главный инженер, ты ведь знаешь его? И на-чальник мартенов Злобин, тот был у нас ударной силой! И наш знатный сталевар Боков, он член парткома и, по секрету скажу, намечается на место Брянцева, — с Брянцевым вопрос уже предрешен, это дело дней...
— Так весь ваш бой разве не из-за Брянцева?
Клава снисходительно усмехнулась и махнула ру-кой — из-за Брянцева не стоило бы столько воевать!
— Так вот, слушай! Вообще-то все дело началось с этих краснознаменских отливок... Я уже тогда заду-малась... помнишь, когда вы с Диденко приезжали? Но-ваторство — это, конечно, немножко сильно сказано, но в общем получилось нечто вроде. Ведь известно — план надо доводить до каждого рабочего, по всем технико-экономическим показателям, верно? А тут краснознаменский вызов, досрочное выполнение... И ведь мы бо-ремся за право называться сплошь стахановским пред-приятием! Вот я и задумала — стахановский план.
Григорий Петрович торопливо налил себе чаю и на-чал рассеянно накладывать сахар — ложку за ложкой. Клава отвела его руку от сахарницы:
— Гриша, ты сироп делаешь?
Чай действительно оказался приторно сладок, Гри-горий Петрович поморщился и отодвинул стакан. Глядя мимо Клавы, напомнил:
— Ты рассказывала...
— Да, да. Так вот, я предложила ввести стаханов-ское планирование, и мы задумались — ведь что такое перевыполнение планов? Если за счет дополнительного снабжения, так тут лимиты и прочее. А если сэконо-мить? Как раз в это же время Олег Яковлевич, Злобин и Боков выступили с инициативой пересмотра всей тех-нологии для экономии металла… понимаешь? Если б ты знал, какой интересный получился план! Но у нас поднялась такая борьба! Брянцев, как всегда, испугал-ся — уж очень обязывает! Саганский вслед за ним на-чал крутить да отнекиваться. За счет экономии метал-ла! — ты же понимаешь, как четко работать нужно! А мы настаиваем — именно за счет экономии! Ну, сего-дня на собрании все и вылилось!
— Ну, и...
— Ну и победили! — воскликнула Клава и рассмея-лась, видимо вспомнив что-то. — Ты бы поглядел на Саганского! Всыпали ему как следует, он погорячился, на-дулся, а ведь против коллектива не пойдешь? Да и ясно ведь, что стахановский план дает такие преимущест-ва... В конце он вторично слово взял, даже покаялся: «Я не сразу оценил новаторскую инициативу Клавдии Васильевны»... «энтузиазм коллектива будет порукой тому, что наше сплошь стахановское предприятие»... ну и все как полагается!
— М-да... — пробормотал Григорий Петрович и за-курил папиросу. Вот этого они и хотели — чтоб дирек-тор Немиров вышел, покаялся, сделал все «как пола-гается», а потом будут посмеиваться! Ну нет, я не Саганский, со мной так не выйдет!
— Фу! — отмахнулась Клава, разгоняя дым. — Опять ты куришь!
— Извини. — Он отвел руку с папиросой, хотел про-молчать, но раздражение прорвалось злыми, путаными словами: — Конечно, ты торжествуешь... что ж, ведь не тебе потом отвечать! А только эта очередная шуми-ха... Не понимаю, почему возражал Саганский! Саган-ский

должен был первым ухватиться! Он это любит... Стахановский план, сплошь стахановское предприятие, Красное знамя министерства... А все — парад! Никогда я не поверю, чтоб у вас все до единого рабочие давали стахановскую выработку!
— А я этого и не говорю, — тоже раздражаясь, ска-зала Клава. — Но три месяца назад рабочих, не выпол-няющих норму, было шестьдесят человек. В прошлом месяце их было двадцать три. Сегодня — девять.
Помолчав, она тихо закончила:
— А все остальное, что ты наговорил, — несправед-ливо и нехорошо. Ты просто завидуешь.
— Уж не Саганскому ли? — воскликнул Немиров. — Вот уж кому я завидую меньше всего, особенно сегодня! Вряд ли от вашей победы ему поздоровится!
Клава встала, красная от возмущения.
— Я вижу, вы все из одного теста — хозяйственни-ки! Саганский — тот хоть прислушивается! А ты просто недооцениваешь вопросы экономики и планирования, это я тебе всегда говорила! И твое ничтожество Каширин... он тебе подходит, потому что он смотрит тебе в глаза и ни на какую инициативу неспособен! Вы все боитесь связаться с трудным планом, а в результате выезжаете на авральщине, на сверхурочных! Думаешь, не знаю!
— От кого же ты это знаешь? — уже не сдержива-ясь, крикнул Немиров. — Уж не от своего ли Гаршина?
Он сразу пожалел об этих сорвавшихся с языка словах.
Клава грустно взглянула ему в лицо, повернулась и, уходя, плотно прикрыла за собою дверь.
Когда он нерешительно вошел за нею в спальню и попробовал заговорить, Клава утомленно сказала:
— Уже поздно, и я очень хочу спать.
Они редко ссорились, обоим было трудно засыпать не помирившись, но и делать первый шаг не хотелось.
Григорий Петрович только было собрался загово-рить, когда Клава, решившись, сделала то же и миролю-биво спросила:
— А что у тебя?
Григорий Петрович вздрогнул, притворно зевнул и ответил как бы сквозь сон:
— У меня? Все в порядке.

Часть четвертая

1

Никто не провожал Немирова, когда он уезжал из Москвы после трех суматошных и тяжелых дней. Бесе-да с министром кончилась в начале десятого, после нее Григорию Петровичу не хотелось ни с кем встречать-ся. Он заехал в гостиницу, без охоты поужинал в рес-торанном зале, где раздражало чужое веселье и тан-цующие пары, мелькавшие перед самым его носом. Под-нялся к себе в номер, не зная, чем бы занять время. Как всегда, после большого душевного напряжения хо-телось спать, но спать уже нельзя было. Он засунул в чемодан умывальные принадлежности, пижаму и книж-ки стихов, купленные для Клавы, — на этом закончи-лись сборы. Когда он не торопясь приехал на вокзал, до отхода поезда оставалось тридцать пять минут.
Проводник международного вагона радушно привет-ствовал знакомого пассажира:
— Раненько сегодня...
— Домой тороплюсь, — пошутил Григорий Петро-вич, стараясь скрыть дурное настроение.

Московские приятели ждали его сегодня вечером, и теперь Немиров понимал, что поспешное бегство от них будет воспринято как результат неудачи у министра. Хуже всего, что они не ошибутся.
А впрочем, какая ж это неудача? Итог поездки более чем хорош! Решение о механизации заготовительных цехов состоится в этом месяце, все доказано и дого-ворено. Вопросы снабжения режущими инструментами разрешены блестяще, указания даны, в Ленинграде останется только реализовать их. Наконец, новые стан-ки...
Встреча с Волгиным в Москве произошла случайно, так же как она могла произойти в Ленинграде. Волгин сообщил, что «Горелов землю роет — не ради ли старого пристрастия к турбинщикам?» и новые станки будут сданы в самом начале июля.
«Как видите, что обещаем — делаем», — сказал Вол-гин.
Заслуги Немирова тут не было, участие Горелова в этом деле по-прежнему уязвляло, но тем не менее по-лучение станков — крупное подспорье. И новость о стан-ках естественно входит в общий хороший итог поездки.
Итак, все удалось, как было задумано, — нажать, до-биться, приехать с блестящими результатами, еще раз поразить всех своей энергией и умением решать вопро-сы крупно, кардинально. Все вышло именно так. И ес-ли бы не эта последняя беседа с министром... ну зачем было поднимать разговор о «попытке подрыва автори-тета», об «организованной проработке»? Все равно тол-ку не вышло, а противный осадок остался.
Пассажиров в вагоне маловато. Хорошо бы остаться в купе одному, основательно выспаться, а завтра при-ехать на завод и так «завернуть» дело, чтобы все сразу почувствовали — хозяин!
Уют купе напомнил о Клаве. Немирову всегда каза-лось заманчивым поехать с нею вдвоем в Москву, они много раз уславливались об этом, но всякий раз что-нибудь мешало. А в этот раз они и расстались не поми-рившись. Когда он позвонил ей и сказал, что через час уезжает, Клава помолчала и суховато спросила: «Надол-го?» А потом пожелала успеха. Ему показалось, что она сию минуту повесит трубку, он почти крикнул: «Клава!» Она спросила: «Что?» И они так и не сказали друг дру-гу ничего, что покончило бы с нелепой вечерней ссорой. А сейчас ему томительно захотелось видеть Клаву. Вот бы она оказалась тут! Посадить бы ее в уголок дивана и смотреть, как она чуть покачивается в такт движению поезда.
Он оставил гореть одну настольную лампу, расстег-нул пиджак, устроился поудобней и от нечего делать достал книжки стихов. Он любил слушать, как читает Клава, но сам не умел читать стихи и, стараясь отвлечься от назойливых мыслей, попробовал юношескую игру: раскрыть книгу и наугад ткнуть пальцем в какие-нибудь строки — что выпадет? Выпало:

Над улицей тихой,
Большой и безлюдной,
Вздымался рассвет
Государственных будней...

Строки ему понравились, но дальше стихотворение уводило в сторону от возникших у него мыслей, и он вернулся к понравившимся ему строкам. «Рассвет госу-дарственных будней...» Да, будни... Будни труднее бед. В беду — напряжение всех сил, упорство, в празд-ник — подъем духа, а тут — день за днем, одна забота погоняет другую, удача напоминает о том, что еще не достигнуто, — так вот и крутишься. И может быть, все-го важнее не забывать, что будни — государственные, то есть не терять масштаба? Правильно, а вот попро-буй-ка!
Он раскрыл еще одну книжку и снова ткнул паль-цем — что выпадет? Попался какой-то пейзаж. Раскрыл в другом месте:

Мальчишка плачет, если он побит,
Он маленький, он слез еще не прячет,

Большой мужчина плачет от обид —
Не дай вам бог увидеть, как он плачет.

Стало страшно. Игра, чепуха, а сердце сжалось. За-вод? Клава? Фу, какой вздор. Плакать — он еще, слава богу, не плакал никогда. А все дело в том, Григорий Петрович, что ты сам себя обманываешь, а тебя все-таки крепко щелкнули по носу!
Уже не загадывая, он перелистывал сборники, но на-вязчивые мысли лезли в голову, и перед глазами мель-тешили, как бы впечатанные между стихотворными строками, слова, услышанные им сегодня:
«А вы попробуйте, отвлекитесь от амбиции и посмот-рите на себя со стороны. Может, кое-что представится по-иному? Знаю я Диденко, слава богу, не первый год. Еще монтажником помню. Чтобы Диденко начал раз-водить склоку?.. подрывать ваш авторитет?.. Брось-те, Григорий Петрович. Ошибки надо исправлять, а нер-вы — лечить».

...Коси, коса, пока роса,
Роса долой — и мы домой…

Взгляд у министра был проницательный и холодный. Министр не терпел «психологии», это все знали, кто ра-ботал с ним. Пришел по делу — и говори о деле. Вот об инструментальной базе — это дело, инструмент дей-ствительно нужен; выхлопочем, обеспечим. Средства на механизацию заготовительных цехов подкинуть досроч-но — тоже дело, поможем. А насчет амбиции, авторите-та, взаимоотношений — об этом дома говорить надо, с женой, на досуге.
Ну, а если именно дома, с женой, об этом не заго-воришь? Строки стихов вдруг пробились к его со-знанию, он снова, как бы впервые, прочитал их и не-сколько раз повторил, плененный их звучной простотой:

В саду косил он под окном
Траву с росою белой...
Коси, коса, пока роса,
Роса долой — и мы домой.

Пахучий, мокрый от росы луг возник в памяти — луг из забытого раннего детства. Знобящий холодок ут-ра, острый запах стебля, размятого на ладони, свист отцовской косы... Было это или не было? Он не по-мнил своего отца, не помнил своего детства до той поры, когда очутился в городе у дяди. Мать осталась в па-мяти лишь смутным воспоминанием. Сам по себе, вне обстановки родительского дома, помнился коврик с пе-тушками над кроватью да еще подпрыгивающий на крашеном полу кубарь. И вот теперь этот луг и свист отцовской — не чьей-нибудь, а именно отцовской тонкой косы...
Он почувствовал себя обиженным, очень одиноким в этом пустом, сверкающем вагоне.
«Да что это я? Какая-то сиротская грусть напала!»
Григорий Петрович отложил книгу и хотел было выйти на перрон, на люди, но в эту минуту жизнь са-ма ворвалась в вагон. Мимо двери купе проплыли два чемодана на плече носильщика и третий — в руке, мельк-нуло миловидное женское лицо под черной шляпкой, похожей на цилиндр, генеральские погоны, еще одна шляпка — зеленая, затем еще погоны, штатские пиджаки и шляпы, букеты цветов, коробка с тортом. Головка в цилиндре заглянула в купе

Немирова, самоуверенный взгляд небрежно окинул раскрытый чемодан, самого Немирова и брошенные на диван книги.
— Да, но нижнее место занято!
Немиров подобрал ноги и подтянулся, стараясь незаметно изменить свою слишком домашнюю позу. Мо-лодая женщина заметила это, еще раз изучающе огля-дела его и спросила:
— Простите, вы не согласитесь уступить нижнее место генералу?
В тот же миг две руки взяли ее за плечи и вме-сто нее показался сам генерал:
— Ну что ты вздумала, Леля! Извините нас за шум, сосед, мы прямо с именин, можно сказать — с ба-ла на корабль.
Из коридора прозвенел тот же голос:
— Как хочешь, милый. Но мы с Лёкой распола-гаемся вместе и будем болтать всю ночь!
— А я буду спать как сурок, — сказал генерал и отступил, пропуская носильщика с желтым чемоданом.
Затем вся компания повалила на перрон. Неми-ров вышел покурить у открытого окна и наблюдал, как толпа провожающих шумно прощалась с двумя молоды-ми женщинами. Генерал стоял чуть в стороне с прово-жавшим его полковником и слегка утомленно, но доб-родушно наблюдал веселую прощальную суету.
Поезд уже тронулся, когда генерал и его спут-ницы прошли мимо Немирова в соседнее купе.
— Ну, болтайте, сороки, а я пошел отдыхать, — сказал генерал и шагнул в купе к Немирову. Его ши-рокое, простодушное лицо и крупная седая голова, вен-чающая большое, грузное тело, понравились Немирову.
— Если хотите, я буду спать наверху, — предло-жил Григорий Петрович. — Я старый физкультурник.
— А я тоже старый физкультурник, — сказал генерал и опустился в кресло напротив Немирова. — Что ж, давайте знакомиться.
Они назвались. Генерал слыхал о директоре Немирове и теперь удивился его молодости.
Проводник принес крепкого чая. Генерал выта-щил из желтого чемодана флягу с коньяком и два вдви-гающихся один в другой стаканчика. Чокнулись и выпили. Взрыв смеха донесся через стенку. Генерал при-слушался и улыбнулся удивленно, как бы признаваясь в собственной странной слабости.
— Воевать не так устаешь, как в этих, знаете ли, развлечениях, — сказал он. — Прямо голова кругом. Вот взял с собой в Москву — проветриться. И, знаете, попал в переделку! А сегодня Леля именинница, так с утра праздновать начали. Еле-еле увез. Подругу при-хватили с собой погостить, а то бы и не увезти. В общем, знаете, попал в женские ручки...
Он потеребил щеку и спросил:
— Женаты?
— Да. Но моя жена — почти товарищ по оружию. И Григорий Петрович начал рассказывать о Клаве. В середине рассказа вдруг вспомнил последнюю ссору и неласковый голос, каким она попрощалась с ним. Он вздохнул и подставил стаканчик.
— Давайте уж по второму — за наших жен.
Генерал охотно поддержал тост, потом задум-чиво сказал:
— Да, жены... Моя первая жена была врачом. В вой-ну— военным врачом. Погибла уже под конец, на Дунае. Потерял ее — думал, никогда не женюсь... А вот...
И, помолчав, пожал плечами.
Новый взрыв смеха раздался за стеною.
Генерал снова прислушался, и выражение неж-ности прошло по его лицу, а затем набежала какая-то тень.
— Товарищ по оружию, как вы сказали, это большое счастье, — проговорил он, видимо высказывая давнюю, хорошо продуманную мысль. — И пусть вас не пугает, что занята очень, что вам уделяет меньше времени, чем хотелось бы, что хозяйство не на высоте. Жена-товарищ... да вы, друг мой, сами не знаете, как это много!
Он залпом выпил полуостывший чай, потеребил щеку и начал расспрашивать собеседника о заводе. Вид-но было, что ему стыдно своей откровенности и хочется уйти от слишком интимной темы.
На первый общий вопрос генерала — как идут дела на заводе? — Григорий Петрович ответил обычны-ми, ничего не говорящими словами:

— Крутимся помаленьку.
Но уже через минуту с увлечением рассказывал о своем заводе и старался проанализировать все то, что характерно для нынешнего дня советской промышленности.
— Я начал работать учеником, так что прошел все ступени... Промышленность меняла свое лицо у ме-ня на глазах, и я менялся вместе с ней. Возьмите мой завод. Первоклассный завод! Но это уже вчерашний день нашей индустрии. Новые строятся по другому принципу. Завтрашний день индустрии — автоматические поточные линии, высокая совершенная техника, где рабочий — наладчик, оператор, техник-электрик в белом халате, обслуживающий зал машин. Как на электро-станциях, видели? А роль директора — роль старшего, если хотите, наладчика, организатора высокоорганизованного образцового механизма.
— Вроде командира дивизии или корпуса, — сказал генерал. — Сложное техническое хозяйство, ты-сячи людей... Хотя, наверно, это формальное сходство?
— Пожалуй, нет. Суть та же, — сказал Немиров. — Но в армии проще, там строгая дисциплина ес-тественнее и бесспорнее… А ведь руководить вообще нельзя, без дистанции.
Он поморщился, вспомнив недавнее собрание. Попро-буй-ка руководить, когда массовое собрание критикует каждый твой шаг и всем до всего есть дело!
— Разве? — с сомнением сказал генерал. — По со-вести, я и в армии не сторонник этой самой дистанции. Конечно, от солдата до генерала — расстояние большое. Но, ей-богу, сила власти — малая сила перед силищей подлинного авторитета командира и общего сознания бойцов. А что такое авторитет? Тут много всего соеди-няется... но, как мне кажется, непременно — умение прислушиваться и к офицерам и к солдатам, ощущать их настроение, их волю...
— Все это так... — Немиров усмехнулся и махнул рукой. — Конечно, так и есть. Но у нас это все... В об-щем, иной раз, знаете, устаешь от критики и самокри-тики.
Они оба засмеялись. Генерал налил коньяку и под-нял стаканчик.
— Что ж, выпьем за этот беспощадный закон наше-го движения, — с улыбкой сказал он, — Любить критику, наверно, невозможно, но без нее мы, должно быть, ча-ще ломали бы себе головы. Верно?
— Выпьем за то, чтобы она была разумна, — про-бурчал Немиров и опрокинул стаканчик. Он помрачнел, припомнив все обиды, перенесенные за последние дни, и разговор с министром, насмешливо отчитавшим его. Легко рассуждать генералу, ему бы в такой переплет попасть, что бы он тогда сказал?
— Переменим тему, а? — предложил он. — Я как раз весь в синяках от критики и самокритики, так что...
— Переменим! — охотно поддержал генерал и дру-жески положил руку на колено Немирова.
— Синяки, бывает, саднят и чешутся, я знаю. А может, если от-влечься от обиды...
И, не докончив мысль, он спросил о рентабельно-сти — много ли нового в жизнь завода внесла борьба за рентабельность.
Григорий Петрович обрадовался новой теме, — она была одним из его «коньков».
— Рентабельность — это переворот! — воскликнул он. — Я не буду вас утомлять подробностями, но это тот рычаг, которым можно и нужно перевернуть всю систему управления, добиться четкой, совершенной ор-ганизации.
Он запнулся, потому что вдруг вспомнил, что на со-брании кто-то с пылом требовал этой самой высокой организации. Ах да, Воробьев! И еще он говорил о но-вом стиле руководства. Второй раз при директоре Во-робьев требовал этого нового стиля. Как он себе пред-ставляет его? Немиров хорошо знал, чего он сам доби-вается, говоря о высокой организации. Оперативность всех звеньев заводского механизма. Соответствие всей технической базы растущим производственным задачам. Слаженность работы кооперированных заводов, чтобы их взаимные обязательства выполнялись с предельной точ-ностью. Вот это он и называл высокой организацией. А новый стиль — это что-то неясное. Беллетристика, раз-говорчики…
— А я ведь вам сейчас завидую, — сказал генерал, вздыхая. — Конечно, очень почетно стоять на страже своей родины. Я военной профессией не тягощусь. Вся жизнь ей отдана. А раз себя вложил — как не любить? Люблю. Но иногда задумаешься: не будь этих проклятых капиталистических блоков, военной опасности, не-обходимости держать военные силы наготове — кем бы я был? Вся страна строит, творит. А что бы мог делать я? Накопил организаторского опыта, умения руково-дить людьми — двинуть бы все это в созидательный

труд!.. Ваше дело замечательно тем, что вы видите че-ловека в его самом прекрасном проявлении — в труде, в делании, как говорил Горький.
— В делании? — повторил Немиров. Слово порази-ло его выразительностью.
— А вы в самом центре этого делания, — с живо-стью продолжал генерал. — То, что мы знаем теоре-тически что ли, вы повседневно видите, ощупываете, направляете. Скажите, очень изменился рабочий класс за эти годы? Я имею в виду один из основных призна-ков коммунизма — ощутим ли уже процесс стирания граней между физическим и умственным трудом?
— Ощутим ли?.. — пробормотал Григорий Петро-вич. Он, конечно, не раз говорил об этом признаке ком-мунизма, говорил в речах, в докладах, так же как еще до войны рассказывал о нем своим слушателям в по-литшколах. Но сейчас он, пожалуй, впервые попытался определить, как же проявляется этот признак в хорошо знакомых ему передовых рабочих и в той общей массе их — коллективе, о котором он не раз говорил: «Моему народу только скажи», «с нашим народом все провер-нем!» Очень ли изменился рабочий класс за последние годы?
— Да вот вам примеры, — заговорил он, раздумы-вая вслух. — Выступал у нас на днях лекальщик Ав-деев. Как лекальщик это новатор природный, я бы ска-зал — он просто не умеет работать механически. Цехо-вой технолог — его первый друг, и я уж не знаю, кто кого больше учит. А выступил он на собрании — чест-ное слово, не всякий начальник цеха сумеет предъявить такой счет и заводу, и министерству, и ученым! Одной из целей моей поездки в Москву были его деловые пред-ложения — очень своевременные, очень полезные! Или еще: есть у нас слесарь Воловик. Мне даже всыпали однажды на партбюро турбинного цеха, что не даем простора творчеству Саши Воловика...
Он рассказывал о настойчивости изобретателя и его товарищей, невольно хвастая перед генералрм своими заводскими людьми, и вдруг опять на минуту запнулся, потому что мелькнула сторонняя мысль: а ведь именно эти самые люди, которыми я сейчас хвастаю, выступа-ли против меня на партийном собрании! Призадумаешь-ся тут.. .
— Воловик делал недавно доклад в Доме техни-ки, — продолжал он. — Он и его молодой помощник Ни-китин все время покупают книги, подбирают себе тех-нические библиотечки. Показатель это? Думаю, что да.
В его памяти всплыл облик комсомольского брига-дира Коли... Кости... нет, Коли Пакулина, и афиша с объявлением, что Пакулин делает доклад в молодеж-ном общежитии: «Моральный облик молодого человека эпохи построения коммунизма». Немирову вдруг захо-телось узнать, что именно говорил в своем докладе этот Коля и что он думает о нем, о Немирове, и о новом стиле, которого требует Воробьев.
— Вы спрашиваете — ощутим ли процесс? Вот возь-мите оргтехплан, — продолжал Немиров. — Что за шту-ка, спросите вы? По существу — план коллективного творчества. Если вдуматься, впервые в истории на заво-де — не в научно-исследовательском институте, а на за-воде — весь коллектив или, во всяком случае, значи-тельная часть коллектива решает, куда направить твор-ческую мысль, что и как усовершенствовать, что меха-низировать. У нас по заводу в составлении оргтехпланов участвовало свыше полутора тысяч рабочих. Рацио-нализаторских предложений подано только с момента его составления четыреста семьдесят. Ощутим процесс?
— Да, да! — подхватил генерал. — Но до чего же у нас невнятно пишут об этом! Или я проглядел? Ведь это ж, оказывается, ласточка коммунистического завтра!
— Вот именно, — увлекаясь, подтвердил Немиров и сам удивился тому, как это прекрасно и как новы для него сейчас эти мысли. — И, знаете ли, этот процесс ставит перед нами, руководителями, совершенно новые задачи. Стиль руководства усложняется и, пожалуй, меняется. Да, меняется! — повторил он больше для са-мого себя, чем для себеседника. — Ты, хозяйственник, становишься как бы главой не только производственно-го, но и творческого организма. Твой коллектив — все меньше исполнители, все больше — соавторы конструк-торов, технологов, инженеров...
— Я над этим никогда не задумывался, — сказал ге-нерал. — Но тут, очевидно, можно до какой-то степени прощупать стиль отношений в коммунистическом произ-водстве. Верно? Там все будет законченнее, полнее, но развитие идет именно по этому пути? Очень, очень инте-ресно. Счастливый вы человек!
Григорий Петрович вскинул на него глаза и сразу опустил их. Оживление его померкло. Он глубоко вздох-нул:

— Трудно, знаете. Вы вот нашли, что я молод. А трудно не устареть, не отстать от движения времени. Запутаешься в неувязках да недоделках, того и гляди — основное прозеваешь.
Он еще раз вздохнул, почувствовав себя усталым и сбитым с толку собственным, только что пережитым увлечением.
— И потом, знаете, как во всяком процессе — есть крайности, помехи, мешающие этому процессу. Хотя они, быть может, им и порождены.
— А именно?
— Понимаете, в период созревания в молодой голо-ве бывают не только смелые и талантливые, но и вздор-ные мысли.
Генерал, смеясь, развел руками:
— Тут уж, видимо, зрелый опыт и ум руководите-лей приходят на помощь!
— Стараемся, — угрюмо сказал Немиров. Грустно усмехаясь, он заново как бы охватил все, о чем только что говорил. Что ж, в общем интересно, мож-но увлечься. Но не преувеличил ли он того, что проис-ходит? Увлекательно почувствовать себя главою твор-ческого коллектива, но ведь основное его время погло-щают другие заботы — задержки заготовок, нехватка инструмента, простои вагонов и прочее, и прочее, и про-чее... Да и разве все рабочие похожи на Воловика или Авдеева?..
— К сожалению, — сказал он, — пока такие люди, как те, о которых я рассказывал, составляют все-таки меньшинство.
— Но меньшинство — определяющее?
— Конечно, поскольку будущее за ними.
— А настоящее?
— То есть?
— Видите ли, мы, военные, иногда говорим: такой-то батальон храбрый, стойкий. Значит ли это, что там все солдаты храбрецы? Нет, конечно. Это значит только, что в батальоне храбрый и талантливый командир, что там есть ядро храбрых, опытных, закаленных солдат. Они определяют лицо батальона, то есть поведут за со-бою остальных, скажем, поднимут под огнем в атаку или удержат рубеж, как бы ни было тяжко.
В умывальной раздались голоса, плеск воды, потом оттуда постучали. Генерал поспешно открыл дверь:
— Кто собирался спать, как сурок? Болтунишка! Молодая женщина с любопытством оглядела Неми-рова, кокетливо сказала обоим мужчинам:
— Спокойной ночи!
И скрылась за дверью.
— И впрямь пора спать, уже третий час…
Немирову казалось, что у него голова распухла от мыслей и на всю ночь хватит разбираться в них, но вме-сто этого он сразу же крепко заснул.
Проснулся он при ярком свете солнечного утра. Ге-нерал, уже умытый и одетый, входил в купе из коридо-ра, внося с собою запах одеколона и табака. В откры-тую дверь за ним ворвался порыв свежего ветра. До Ленинграда оставался час езды.
— Пока вы сладко спали, я подышал у раскрытого окошка, и знаете о чем думал? Думал о том, что если на моем веку отпадет военная опасность — обязательно попрошусь в директора. На какой-нибудь там неболь-шой заводик. Дадут, наверно? Очень вы меня раздраз-нили вчера!
— Гене-ра-ал! — позвали из соседнего куне.
— Сейчас, сейчас, Лелечка!
— Завтра-ка-ать!
Как подобает военному, генерал с утра был в пол-ной форме, и все-таки, когда он направился в соседнее купе, он произвел на Немирова впечатление человека, который только сейчас застегнулся на все пуговицы и подтянул все ремни.
За одиноким чаем Григорий Петрович усмехался — ишь ведь как со стороны кажется заманчиво! «Раз-дразнил»… Но если все, что я с таким увлечением наговорил, — правда, значит я действительно чего-то не-доглядел, недодумал? Хотя, черт возьми, какое это имеет отношение к планированию?
И он всеми помыслами устремился к тому, что ему предстояло сделать сегодня. Были дела приятные — принять меры к реализации всего, чего он добился в Москве. Затем — разговор с

Диденко и, возможно, в райкоме с Раскатовым. Это менее приятно. А может быть, начать с поездки в Смольный, к секретарю гор-кома партии?
Поезд подходил к Ленинграду, пересекая зону мерт-вой земли — места длительных боев Отечественной вой-ны, где все еще виднелись засыпанные, размытые дож-дями блиндажи, зияющие дыры ходов сообщения, рва-ные клочья колючей проволоки. Во всей этой зоне де-ревья были срублены, сожжены, сметены снарядами и бомбами. Но трава росла тут густо и сочно, и множество молоденьких ростков взметнулось рядом с обожженными пнями, и даже на искалеченных, обугленных стволах тут и там пробились зеленые веточки.
Промелькнули за окнами обновленные корпуса Ижорского завода, новые домики колпинского предме-стья, поля и строения пригородного совхоза — и уже пора было закрывать чемоданы да надевать пальто. Ленинград!
— Познакомьтесь, соседушка, с моими щебетуньями! Из-за спины генерала выглядывали обе молодые женщины.
— Жена очень хочет познакомиться с вами. У вас на заводе работает ее приятель, друг детства.
— Алеша Полозов, — сообщила она с гримаской. — Знаете такого?
— Как же, — сказал Григорий Петрович, хотя это имя не доставило ему ни малейшего удовольствия. — Один из наших передовых инженеров.
— Да-а? — протянула Леля, и в ее красивых глазах вспыхнули насмешливые, а может быть и злые огонь-ки. — Он всегда был ужасный паинька!
— Вот уж не думал, — в тон ей ответил Немиров. — На заводе он ужасный забияка!
В памяти ожило собрание, дерзкая речь Полозова, жесткие определения Ефима Кузьмича, самокритика Диденко, каждым словом хлеставшая по нему — по Немирову, но так, что не придерешься... И Григорий Пет-рович, продолжая малозначащий разговор с генералом и его спутницами, принял твердое решение: первым де-лом, не заезжая на завод, созвониться с секретарем гор-кома партии и отправиться в Смольный.

2

Секретарь горкома не принял Немирова, и не при-нял в обидной, хотя и вполне вежливой форме.
— Занят, Григорий Петрович, по горло занят всю неделю, — сказал он. — Давайте в начале следующей, скажем, во вторник с утра. А пока поговорите с Раскатовым, мы с ним и Диденко третьего дня беседовали и наметили, чем и как помочь вам.
«Так... Понятно...» — сказал себе Григорий Петро-вич.
Он приехал на завод злым, но старался выглядеть бодрым и довольным. Деловые итоги поездки он сразу сообщил Алексееву и всем, от кого эта новость должна была распространиться по цехам. Каширина, интересо-вавшегося решением вопроса о планировании, он не при-нял, секретарше приказал сообщить в партком, что ди-ректор вернулся и пошел на производство.
Внутренне настороженный — в цехах он еще ни разу не был после партийного собрания, — Немиров держал-ся в этот день особенно сухо и властно. Но начальники цехов встречали его поздравлениями (весть о его мос-ковских успехах, как он и хотел, уже дошла до них!) и, конечно, его ждали с рядом срочных дел, требующих решения. Никакого недоброжелательства или затаен-ной насмешки он не уловил.
С остротой восприятия, всегда появлявшейся у него после любой, даже недолгой отлучки, Немиров подме-чал все перемены, отчетливо видел, где хорошо, а где плохо. И тут же хвалил, распекал, принимал нужные решения, отдавал приказания. Но где-то внутри продол-жало томить предстоящее объяснение с Раскатовым и Диденко. Для чего они ездили без него в горком? И что там было решено?
Первым человеком, которого он увидел в турбинном цехе, был старик Клементьев. Вспомнив его резкую речь, Григорий Петрович хотел избежать встречи, но Ефим Кузьмич, как ни в чем не бывало, подошел по-здороваться и тут же начал жаловаться на фасоннолитейный цех — опять дефекты литья.

«Помнит ли он о своем выступлении против меня? Во всяком случае, сейчас он надеется, что именно я по-могу, вмешавшись в сложные отношения двух цехов».
— Нет у меня свободных сварщиков! — говорил Ефим Кузьмич с возмущением. — У меня своих дел не переделать, я уж им звонил: их дефекты — пусть они и устраняют! Обещали своего сварщика прислать — а где он? Два дня жду...
Григорий Петрович тут же, из конторки мастера, по-звонил в фасоннолитейный цех.
— Да Григорий Петрович! — взмолился начальник цеха. — Это же литье, а не ювелирная работа! Сколько я работаю в цехе...
— То, что вчера было привычно, сегодня — никуда не годится, — с удовольствием сказал Немиров и под-мигнул Ефиму Кузьмичу. — Давай, давай своего свар-щика. Чтоб немедленно пришел, пока я здесь.
— Вот спасибо, Григорий Петрович, вот спасибо! — повторял Ефим Кузьмич, провожая директора до грани-цы своего участка.
Началась сборка второй турбины, и Григорий Петро-вич поднялся на стенд. Гаршин стоял возле только что установленного цилиндра и что-то втолковывал одному из сборщиков, по привычке пересыпая речь затейливой руганью.
— Товарищ Гаршин! — резко окликнул его Немиров.
Гаршин обернулся и вдруг побледнел, а потом багро-во покраснел. Видно, не знал о возвращении директора? Его смущение было так велико, что он забыл поздоро-ваться. Но почему он так смутился?
— Инженеру пора научиться разговаривать без этих заборных слов, — сказал Немиров, даже не пытаясь скрыть раздражение. — Прошу и требую, чтобы это бы-ло в последний раз!
Обычно он не позволял себе делать замечания руко-водителям при подчиненных, и все это знали. Гаршин дерзко посмотрел в лицо директору.
— Слушаюсь. Просто дурная привычка, — произне-сли его губы, в то время как весь его вид говорил:
«Вот как! Значит, начинаешь сводить со мною личные счеты? Что ж, вынужден стерпеть, поскольку ты началь-ство!»
— Доложите положение на сборке, — отводя глаза, сухо приказал Григорий Петрович.
Подошли Любимов и Полозов, дополнили не очень связный доклад Гаршина. Как всегда были перебои, задержки и осложнения, но Григорий Петрович видел, что ход производства второй турбины выгодно отличает-ся от авральной горячки, сопровождавшей выпуск пер-вой.
— Начинаете выправляться, — скупо похвалил он.
— Даем сто пятнадцать процентов плана, — похва-стал Любимов.
— Да, но по третьей турбине пока недовыпол-няем, — прибавил Полозов.
Немиров потребовал график. Обработка ряда дета-лей третьей турбины вызывала тревогу. Механические участки были пока недогружены, заготовки запазды-вали...
— По плану они поступают даже с превышением, — уточнил Полозов. — Но по новым срокам это нас не устраивает.
Наступила короткая пауза.
Григорий Петрович взялся за телефон и тут же пере-говорил с заготовительными цехами, пытаясь ускорить поступление заготовок. Начальник термического цеха, оправдываясь, а может быть, и желая уколоть дирек-тора, запальчиво сказал:
— Учтите, Григорий Петрович, что мы и так все вре-мя даем сверх плана!
И Григорий Петрович впервые ощутил, что, пожалуй, ему самому — не Диденко, не рабочим, не начальникам цехов, — ему самому было бы удобнее и проще руково-дить, если бы существовал стахановский план, согласо-ванный с новыми сроками, все предусматривающий, все охватывающий...
— Что он говорит? — осведомился Любимов, когда директор рассеянно повесил трубку.
— Оправдывается. Что ж ему еще остается! — про-ворчал Немиров, направляясь к выходу. — Ничего, на-жму как следует — сделает!
Поскользнувшись на забрызганной маслом метал-лической лесенке, он опять раздраженно отчитал Гаршина:
— В каком виде у вас стенд? Грязищу развели — смотреть тошно!
Не успел Григорий Петрович войти в свой кабинет, как позвонил Диденко: приехал Раскатов, не зайдете ли в партком?

— Очень рад, сам хотел поехать к нему, — сказал Немиров. — Но, к сожалению, жду звонка из Москвы. Поэтому прошу ко мне.
Звонка из Москвы он не ждал. Он предвидел, что разговор будет неприятный, а в своем кабинете он чув-ствовал себя увереннеи.
Приветливо встретив Раскатова и Диденко, он с оживлением человека, довольного собою и уверенного в себе, коротко перечислил свои московские успехи, вы-слушал поздравления и сразу повел беседу дальше:
— Я разговаривал с министром и выяснил много ин-тересного о положении краснознаменского строительства. Оно форсируется энергичнее, чем можно было предпо-лагать.
И он рассказал, тонко подчеркивая новизну каждой подробности, какие меры принимаются, чтобы к зиме пустить и полностью снабдить электроэнергией вступа-ющие в строй заводы нового промышленного района. Хо-тя в общих чертах все это было известно и раньше, Григорий Петрович рассказывал так, что выходило — полученные им сведения диктуют новое поведение, тре-буют новых усилий, заставляют многое пересмотреть.
Раскатов и Диденко слушали с интересом. Они пони-мали, что Немиров в этом рассказе обрел «формулу пе-рехода» от своей ошибки к исправлению ее, и дружелюб-но шли ему навстречу: решил человек исправить ошиб-ку, нашел для этого менее болезненный, не ущемляющий самолюбие путь — ну и прекрасно!
Закончив рассказ и чувствуя, что подошел к самому главному и тревожащему, Григорий Петрович нахмурил-ся и сказал:
— У меня пока все. Поскольку вы нашли нужным без меня обсудить дела завода в горкоме, прошу сооб-щить, к чему вы пришли.
Диденко весь вскинулся:
— Зачем же так, Григорий Петрович! Никто вас не обходил. Вы были в Москве. Ждать вашего приезда, при срочности задач, было невозможно. Результат партий-ного собрания...
— Да, да, да! — почти закричал Немиров, теряя свою обычную уравновешенность и сам чувствуя, что поступает вопреки здравому смыслу. — Я не мальчик и прекрасно все понимаю. Именно на следующий день по-сле моего отъезда понадобилось идти в горком и без меня обсуждать заводские дела. Что ж! Расскажите, по крайней мере, что вы решили.
Он отошел к окну и рывком раскрыл его. В комнату ворвался теплый летний ветер, к которому примеши-вался горьковатый запах дыма.
«Кукушка» потянула из ворот литейного цеха плат-формы с отливками. В центре заводской площади са-довницы высаживали на клумбы цветы. Из ворот цеха металлоконструкций выполз грузовик с прицепом, на-груженный массивной фермой для нового крана. По окнам прокатного скользят бледные при дневном свете зарницы — значит, там плывет по воздуху раскаленная болванка.
Григорий Петрович смотрел на знакомую до мелочей, милую сердцу картину с чувством обиды — все это как бы принадлежало ему, направлялось им, все его силы вложены сюда... А вот ведь — без него и, может быть, еще хуже, против него! — пытаются решать дела этого завода, его завода!
Не оборачиваясь, он слушал Раскатова. Да, горком решил помочь. Соберут представителей кооперирован-ных заводов... уточнят сроки по обеспечению турбин и генераторов для Краснознаменки... Все это правильно. Готовится совещание начальников плановых отделов... Так. Ясно.
Раскатов вдруг мягко сказал:
— В начале разговора я надеялся, Григорий Петро-вич, что вы подумали во время поездки, все уяснили се-бе с министром и мы быстро найдем общий язык. За-чем же мелочные обиды, счеты, амбиция?
Немиров повернулся к своим собеседникам. Свет, падающий из окна, подчеркнул его позу — упрямую и самоуверенную.
— Если говорить о деле, — я обещаю и гарантирую вам, что четыре турбины мы дадим в срок! Я этого до-бьюсь — или можете требовать моего снятия, как чело-века, неспособного руководить заводом.
— Превосходно, — сказал Диденко. — Значит, вы дадите приказ о внутризаводском планировании в со-ответствии с новыми сроками?

— Возможно, — со злостью, но уже спокойно отве-тил Немиров. — Я еще не принял решения. Завтра с ут-ра я разберусь с Кашириным и тогда решу.
— А какова точка зрения министра, Григорий Пет-рович? — добродушно спросил Раскатов.
Немиров мог поручиться, что Раскатов знает ее. От-куда? Может быть, министр звонил на завод? Или сек-ретарь горкома сам звонил министру?
— Я не знаю, что известно вам, — сказал он мрачно — Но если вы хотите моей откровенности, — пожа-луйста. Я просил у министра поддержки, потому что со-мневался в возможности успешно руководить людьми в атмосфере проработок, нажима и подрыва моего авто-ритета. Министр нашел, что я слишком мрачно смотрю на вещи. Буду рад, если он окажется прав... если пар-тийная организация начнет реально помогать мне, а не заниматься расшатыванием моего авторитета, как на прошлом собрании.
Диденко сделал протестующий жест, потом тихо спросил:
— А вы не думаете, Григорий Петрович, что ваше желание прислушаться к мнению коллектива не расша-тает, а подымет ваш авторитет?
— И еще знаете что, Григорий Петрович? — подхва-тил Раскатов. — У вас уж очень часто и ярко звучит: я, я, я! Я сделаю, я добьюсь, я дам турбины, я гарантирую. Конечно, вы — единоначальник, ваших прав ни-кто не ущемляет. Но что вы можете сделать один, без коммунистов, без всего коллектива? А ведь вы даже о партийной организации судите с точки зрения своего «я». Помогать мне, мой авторитет! Вам кажется, что коммунисты только и думают о вас, что их задача — по-могать вам, а не вместе с вами выполнять общую задачу. Хотите полную, откровенную правду? Ваш авто-ритет начал колебаться потому, что вы переоценили са-мого себя и противопоставили себя коллективу, как некое всесильное божество: я все могу, со всем справлюсь сам, только слушайтесь и не мешайте!
Григорий Петрович пошарил по карманам в поисках папирос, не нашел их, чертыхнулся.
Раскатов подвинул ему папиросы и сказал:
— Обдумайте все это, Григорий Петрович, по-хоро-шему, спокойненько обдумайте. Вы работник сильный. Но переоценка своей силы иногда превращается в сла-бость. Вспомните, легенду об Антее.
Он встал и уже с улыбкой добавил:
— Ваш приятель Саганский упрямился и злился так, что стены дрожали. А теперь смотрите, как завернул де-ло! Кстати, Саганский уверен, что идея насчет планиро-вания — ваши козни.
Он взглянул на часы.
— Ой-ой-ой, как мы заговорились! Пойдем, Николай Гаврилович, мы ж на пять часов людей вызвали!
Они уже ушли, когда Немиров сообразил, что нужно было просто улыбнуться в ответ на вопрос о планирова-нии и сказать, не придавая этому преувеличенного зна-чения: «Что ж, давайте вводить, если это необходимо, но уж тогда и помогайте покрепче, чтоб потом не оскан-далиться!» Вот и все, что следовало сказать... На кой черт опять осложнять отношения?
Он подошел к телефону и помедлил, положив руку на трубку. Утром ему не удалось дозвониться к жене. У себя ли она сейчас? И что скажет?
Он набрал ее номер, заранее готовясь услышать тот неласковый голос, каким она говорила с ним в день его отъезда, но Клава вскрикнула:
— Ой, Гриша! Как хорошо, что ты приехал!
Они условились, что Григорий Петрович сейчас за-едет за нею и они пообедают дома.
Клава выбежала к машине радостная, в новом лет-нем платье, которого он еще не видал. Села рядом, сбо-ку внимательно оглядела:
— Ну, как у тебя? Что в Москве?
Он рассказал ей все те же деловые итоги поездки. Она порадовалась и тотчас спросила:
— Ну, а на заводе что?
И опять внимательно поглядела. Догадывается? Знает?..
— Началась сборка второй турбины, — ответил Гри-горий Петрович.
Клава вдруг засмеялась и сказала:
— Ну и хорошо. А я без тебя соскучилась.
Они ехали — рука в руке, сидя рядышком позади Кости. Немирову хотелось поцеловать Клаву, но стыд-но было — в зеркальце видны настороженные глаза шо-фера.

Платье у Клавы яркое и очень ей к лицу. И сама она какая-то новая — оживленней, уверенней в себе.
— Ты очень похорошела, Клава, — сказал он. И со-общил как можно более беспечно и шутливо: — Встре-тил сегодня твоего поклонника. И, представь себе, он ужасно смутился, увидав, что я приехал. Уж не назна-чила ли ты сегодня свидания?
— Ему и назначать не нужно, — с гримаской сказа-ла Клава. — Он и так все время попадается на пути.
— А тебе нравится?
Она прищурилась, словно взвешивая, нравится ли, потом с улыбкой, ответила:
— Есть немножко.
За обедом Григорий Петрович начал расспрашивать Клаву о Саганском, о положении дел на заводе. Клава охотно рассказывала, все так же приглядываясь к мужу. Стахановский план уже введен в действие. Саганский развивает огромную энергию для досрочного выполне-ния краснознаменного заказа. На пленуме райкома его приводили в пример...
— Уж и в пример! — иронически протянул Григорий Петрович, подсчитывая в уме, сколько дней выгадал Саганский.
Выйдя на минутку из-за стола, он закрылся в каби-нете и позвонил Каширину. Тоном приказа сообщил ему свое решение ввести внутризаводское планирование в соответствии с новыми сроками.
— Григорий Петрович! — охнув, вскричал Каширин. — Понимаете ли вы, какая ответственность...
— Я-то понимаю, а вот вы еще должны понять, — сказал Немиров. — К утру прошу вас подготовить свои соображения.
Когда он вернулся в столовую, Клава уже вставала из-за стола.
— Чай будем пить у меня, хорошо? — предложила она.
Так они делали, когда хотели побыть вдвоем. Не по-зволяя ему участвовать в хлопотах, она накрыла на стол в своей комнате и ухаживала за мужем так, как обычно ухаживал за нею он. Перебирала книжки, которые он привез ей, начала читать стихи... Вдруг сказала:
— Как странно. Я никак не разберу, в хорошем ты настроении или в плохом.
Он осторожно взял в ладони ее голову и шепнул:
— Когда ты такая — в хорошем...
— Значит, ты всегда в хорошем?
— Последнее время — нет.
Клава спрятала лицо в его руках. Ее ресницы, то поднимаясь, то опускаясь, слегка щекотали его ладони. Помолчав, она вдруг с решимостью подняла голову и заговорила взволнованно, быстро, как будто боясь, что не успеет или позднее не решится все высказать:
— Почему, Гриша? Почему ты скрываешь от меня, как от чужой? Я не всегда такая? Да! Потому что я не-довольна, мне обидно, я иногда глупостей хочу натво-рить потому, что ты со мной обращаешься как с девоч-кой, которую надо поить какао и беречь. А я не девоч-ка! И я люблю тебя не потому, что ты мой муж, ну, понимаешь, мне не то важно, что муж...
Растроганный и немного испуганный, он пробормо-тал с улыбкой:
— Ну вот, уже и отказываешься от меня?
Клава бегло улыбнулась, но сказала с той же горяч-ностью:
— Может быть, и откажусь, если ты будешь как се-годня! Почему ты не скажешь все как есть? Я ведь все могу понять. И посоветовать могу! Разве у тебя есть кто-нибудь ближе меня? А если... если ты виноват, так я и вину твою пойму. А эта твоя поза... Знаешь, когда мы только что поженились, я ведь и правда вери-ла, что ты такой — очень сильный, всегда спокойный, всегда уверенный в себе, почти всемогущий... Я даже побаивалась тебя... правда! А потом поняла, что совсем ты не такой, то есть не всегда такой, а бываешь и сла-бый, или вдруг заупрямишься из амбиции... а передо мной — как в маске! И я больше не хочу так! Зачем? Я же знаю, что у тебя и недостатки, и самолюбие, и эта твоя поза человека, который все может... а все рав-но ты для меня самый хороший, самый близкий, самый мой, как я сама.
— Правда?
Она серьезно кивнула.
— А когда ты скрываешь... ведь я все равно узнаю, и мне горько. Неужели ты думаешь, я бы не поняла, если б ты в чем-то оказался слаб? Мне, может, еще милее...

Он молчал, пристыженный и удивленный. А Клава мягко, но требовательно попросила:
— Расскажи все.
И он начал рассказывать — сперва с трудом, потом все свободнее и откровенней. Он и не знал, что это так отрадно — выложить все, что ты делал и думал, плохое и хорошее, под внимательным взглядом ее глаз.
— А ведь Раскатов прав, — сказала она, когда он смолк. — Ты ведь сам это знаешь. Иначе не рассказал бы?
— Наверно, — согласился он. — Я ж потому и мол-чал, что... да нет, я и раньше понимал, что в чем-то ошибся. Больше того, я давно понимал, что здесь, на за-воде, у меня пошло как-то иначе, хуже, чем на Урале. Могу ли я выправить? Думаю, что могу. Но знаешь... очень трудно даже самому себе признаться в ошибке.
— Как будто ты не можешь все исправить! — пере-била Клава, встала и, обняв его, поцеловала в голову.
Он был очень счастлив в этот вечер. Так счастлив, что позвонил Раскатову и с неуклюжей шутливостью сказал:
— На всякую старуху бывает проруха, Сергей Алек-сандрович. А повинную голову и меч не сечет. Следую-щий раз вы меня хвалить будете. Как Саганского.
— Нет уж, хотелось бы покрепче, чем Саганского, — охотно поддержал шутливый тон Раскатов, и по его го-лосу слышно было, что он тоже очень доволен. — Мы ведь с вами знаем, Григорий Петрович, что наш Саган-ский — старый хвастун...
Потом Немиров лежал на Клавином диванчике и смотрел на ее милое лицо, и слушал ее голос, читающий стихи, но самих стихов не слышал, а думал о своем — о том, что Клава сегодня какая-то новая и что вся исто-рия с Гаршиным, волновавшая его, на самом деле, может, и помогла в чем-то очень важном. Затем он стал представлять себе, что и как он сделает на заводе завт-ра, каким сердитым придет к нему Каширин, как вытя-нется лицо у Любимова и что скажет Диденко. Его по-коробила мысль, что Диденко, Полозов, Воробьев и дру-гие решат, будто они «перевоспитали», «переломили» своего директора. А впрочем, пусть думают что хотят, все равно они скоро убедятся: Немиров сумеет принять и повернуть их инициативу так, что она станет гораздо значительней, Немиров видит дальше и умеет направить лучше, чем кто бы то ни было другой!
Он вдруг усмехнулся — вот это они и называют «яче-ством»? И Клава говорит: «Поза человека, который все может»... Ну, а если я знаю, что у меня есть и орга-низаторский талант, и воля, и умение? Бригадир молодежной бригады, мастер, заместитель начальника, на-чальник цеха, заместитель директора, директор… Без таланта и умения такой путь в десять лет не пробе-жишь! И прибедняться я не собираюсь. Да и зачем бы иначе меня стали перебрасывать с Урала на такой круп-ный завод? Только... на уральском заводе меня люби-ли, и все жалели, когда я уезжал, и никто на меня не обижался, хотя там я тоже был и требователен и вла-стен, а порой и слишком крут. Почему же здесь все сложилось иначе?
Ему очень хотелось признать, что здесь не поняли, не ко двору пришелся. Но, странное дело, — воспоми-нания, которые он привлекал себе на помощь, оборачи-вались новой стороной. Месяцы борьбы с начальником технического отдела Домашевым... Именно тогда и началась слава молодо-го начальника цеха Немирова, задумавшего перевести цех на поток. Какие схватки он выдержал с этим До-машевым, как он упорно настаивал на своем — и у ди-ректора, и на партийных собраниях, и в обкоме партии! Победил... Да, но ведь тогда он боролся совместно с самыми передовыми людьми цеха и завода, совместно с партийной организацией — против человека косного, инертного, трусливого...
Война... Для Немирова война означала — танки. Как можно больше танков и как можно скорее! Напря-жение казалось предельным. И как раз в эти дни умер старый директор, и Немиров принял на себя его обязанности, как офицер, ставший на место убитого в бою командира, — танки, танки, побольше танков! Через не-сколько дней по прямому проводу он услышал голос Сталина: «Сколько сегодня?» Немиров назвал цифру выпуска танков за сутки — прекрасную цифру, стоившую колоссального напряжения. Сталин помолчал и сказал «Мало. Передайте рабочим, что я прошу их увеличить выпуск машин». Немиров ответил: «Увеличим»... Со-зывать общий митинг было некогда, он ходил из цеха в цех и на минутных летучках рассказывал рабочим и инженерам о просьбе Сталина. И люди, которые еще вчера считали, что предел достигнут, отвечали: «Увели-чим!» Тысячи людей стали думать об одном и том же — как, за

счет чего увеличить и без того рекордный вы-пуск танков? Кривая выпуска неуклонно шла вверх. Через несколько месяцев завод был награжден орденом Трудового Красного Знамени, а временно исполняющий обязанности директора Немиров получил орден Ленина и был утвержден директором. На общезаводском ми-тинге Немиров совершенно искренне сказал: «Своей на-градой я обязан самоотверженному патриотизму всего нашего коллектива». Как же вышло, что позднее это стало забываться?

А было так. Назначение на крупный ленинградский завод обрадовало его как большое признание его орга-низаторского таланта. Его предшественник, сдавая дела, дружески подсказывал, с какими трудностями тут при-дется столкнуться. А Немиров слушал пренебрежитель-но, заранее уверенный, что со всем справится, все на-ладит, всего добьется. Предшественник казался ему мяг-котелым, «добреньким». Желая показать, что на заводе появился настоящий хозяин, Немиров начал с крутых административных мер — объявлял приказом выговоры, снимал, перемещал и понижал в должности работников. Одному из снятых им работников он сказал: «У меня нельзя работать так, как вы привыкли». Тогда об этом заговорили на парткоме, правда деликатно, — нового директора старались поддержать. «У меня!» Немиров и на Урале говорил иногда эти слова... Но там он был свой. И люди прощали своему выдвиженцу многое из того, что в новом коллективе стало настораживать и отталкивать. Там, при всей его хватке и самоуверенности он непрерывно учился на ходу — у всех, у кого только можно было, потому что быстрое выдвижение его само-го еще смушало. Польщенный лестным назначением, он приехал сюда с убеждением, что будет учить других. И учил! На первых порах многому научил и всячески поощрял инициативу людей, помогавших ему добиться того, чего он хотел. Но жизнь пошла дальше, чем он на-мечал, и вдруг оказалось, что он сам уже в чем-то сте-сняет, сдерживает рост людей.

Сейчас, слушая голос Клавы и не вникая в смысл того, что она читает, он ощутил все это как тревожную и горькую догадку. «Я стал тормозить что-то новое?» Он быстро взглянул на Клаву, ему казалось, что стоит ей увидеть его лицо — поймет. Но Клава только улыб-нулась ему и спросила:

— Хорошо, да?

— Очень. Почитай еще. Мне нравится слушать тебя. Он вытянулся на диванчике, повернув голову так, чтобы Клава не видела его лица. К счастью, ей и в го-лову не придет... И ни Раскатов, ни Диденко, наверно, не понимают, на чем споткнулся директор! Планирова-ние? Пустяки! Не на нем, так на чем-либо другом ска-залось бы... Если человек остановился, он начинает ме-шать тем, кто идет дальше.

Так что же теперь делать? Клава просила: «Не скры-вай»... Сказать ей? Нет, нет! Никому ни слова. Пока не исправит. Не уверениями, не покаяниями (бить себя в грудь он не станет, этого никто не дождется!), не за-игрыванием с коллективом… Просто — иначе начнет работать. Иначе подходить к людям. Почаще проверять себя....

Он внезапно оторвался от раздумий — Клава пере-стала читать. Она полулежала в кресле, закинув руки за голову, и о чем-то думала. Странная, не то грустная, не то лукавая, улыбка бродила по ее лицу — то тронет полуоткрытые губы, то мелькнет в глазах...

Как всегда, когда Клава задумывалась неизвестно о чем, Григорию Петровичу стало тревожно. О чем она? Что вызывает эту улыбку? Он мысленно повторил все, что она ему сказала сегодня, и понял гораздо больше, чем раньше, потому что тогда был полон своими мы-слями, своими бедами. «Я недовольна, — сказала Кла-ва, — я иногда глупостей хочу натворить потому, что ты со мной обращаешься как с девочкой». Глупостей хочу натворить!.. Ему вспомнилась вечеринка, когда она встретилась с Гаршиным, и ее лицо в тот вечер, и потом — ее слезы и эти ее слова: «Я никогда, никогда не позволю себе...» Что ж, и не позволила? Не позволяет?.. Смирение пушкинской Татьяны — «я другому отдана; я буду век ему верна»... Не хочу этого! Разве мне нужно ее смирение, ее отказ от того, кто ей мил, ради супруже-ской верности?

Он встал, заглянул Клаве в глаза. Она улыбнулась как-то загадочно, вопросительно.

— Клава! — воскликнул он, опускаясь на пол рядом с ее креслом и прижимаясь лицом к ее коленям. — Кла-ва! Я хочу тебе счастья... и себе… настоящего... И я человек сильный, я хочу правды. Если ты...

Она порывисто обняла его:

— И я хочу настоящего. Взрослого. Полного. С то-бой.

Любимов сидел подтянутый, растревоженный непонят-ным настроением директора. А Немиров чувствовал в себе нерастраченный запас сил и тот нервный подъем, который он про себя называл «полезной злостью».
— Точнее, Георгий Семенович, — перебивал он до-клад начальника цеха. — Что значит «на днях»? Какого числа, к какому часу?
Он проверил и раскритиковал всю систему под-готовки производства.
— Пора навести порядок. Почему и вы, и Полозов, и начальники участков суетитесь вокруг одного и того же дела? И почему у вас Гаршин — и технолог и толкач на сборке?
Он тут же составил приказ — Гаршина утвердить на-чальником сборки, освободив от технологического бюро. А начальником бюро назначить…
Григорий Петрович подумал минутку и твердо ска-зал:
— Шикина.
Любимов удивленно развел руками:
— Он неплохой технолог, но... начальником?
— Помните его предложение с косыми стыками? Он творческий человек! А начальствовать — научится, эко дело! Боитесь вы новых людей выдвигать, оттого и топ-четесь на одном месте!
— Григорий Петрович... Но он беспартийный и, знаете ли, какой-то тихий...
— Очень хорошо! — сказал Немиров. — Значит, вы не так уж плохо работали, если у вас подросли такие беспартийные. А что тихий, так я за него некоторых ваших шумных — двоих за одного отдам.
Любимов ждал минуты, чтобы подняться и уйти, от-ложив неспешные вопросы до другого раза, когда ди-ректор будет добрее. Но в это время Григорий Петро-вич сказал:
— Ничего, в ближайшие дни введем единый план и единый график, это вам сильно поможет.
— Григорий Петрович! Вам пришлось...
— Не мне пришлось, а я пришел к выводу, что со-брание было право, а я неправ, — веско объяснил Не-миров. И добавил: — Вам, Георгий Семенович, об этом стоит задуматься. С кем, с кем, а уж с вами я не раз советовался… но ведь советы-то надо давать хорошие!
— Григорий Петрович, — пробормотал Любимов. — Если вы мною недовольны, скажите прямо... я...
— А я и говорю прямо, — перебил Немиров. — Не-доволен, но надеюсь, что вы сумеете выправиться. Только работайте по-настоящему, людям больше простору да-вайте и скидок себе не делайте. Чтоб не подводить боль-ше ни себя, ни меня.
Когда Любимов вышел наконец из кабинета, он у двери столкнулся с Кашириным.
— Ну как? — спросил Каширин, кивая на дверь.
Любимов только рукой махнул — добра не жди!
И Каширин, подтянув живот, неохотно переступил через порог.
Ожидавшие приема прислушивались: сперва тиши-на — это докладывает Каширин. Потом через плотную дверь доносится энергичный и гневный голос директора. Потом снова тишина, и снова — отчетливо слышный вы-крик директора:
— Тогда поезжайте и поучитесь у других, хотя бы у металлургов!
И через минуту — снова:
— Три дня сроку — и все!
Когда раскрасневшийся Каширин вышел, все ожи-давшие были готовы уступить друг другу очередь, но, попав к директору, приятно обманывались: Немиров был весел и внимателен, очень оперативно разрешал сложные вопросы и охотно выслушивал советы.
А Григорий Петрович, ведя эту повседневную свою работу, как бы наново прощупывал, проверял своих по-мощников и каждому внушал одну и ту же мысль: ни-каких отсрочек, никаких отступлений!
Этот день был для него днем открытий.
Еще вчера он был уверен, что сделал и продолжает делать все возможное для досрочного выпуска турбин. Попытка ввести социалистическое обязательство в план потому и смущала его, что она не оставляла лазейки для возможных недоделок, для поправок, а недоделки и связанные с ними поправки в сроках казались неиз-бежными. А вот теперь, когда он умом и сердцем при-знал обязательство непреложным законом, он вдруг уви-дел, что есть недостатки и помехи, зависящие от него, и есть новые, ранее не предусмотренные им способы ускорить производство. Повторялось то, что он уже пере-жил на Урале в дни увеличения выпуска танков.

Разговаривая с людьми, принимая решения, Неми-ров с удовольствием видел, что поворот у него полу-чается убедительный. Было интересно наблюдать рас-терянность одних, изумление других, радость третьих. Восторженное восклицание Диденко: «Ну теперь мы вы-полним наверняка!» — польстило Немирову. Но когда вечером он ненадолго остался один в своем кабинете, он с горечью задумался — на кого же он опирался раньше?
Он сразу отмахнулся от Каширина — буквоед, «чего изволите». Противно было смотреть сегодня утром, как он старался попасть в новый тон! С ним — кончено, на-до искать нового плановика.
Перебирая людей, в которых сегодня разочаровался, Немиров то и дело возвращался мыслью к Любимову. Странно, Любимов начал сливаться в его представле-нии с Домашевым — с тем самым косным, инертным и трусливым Домашевым, с которые он выдержал такой бой на Урале... Да нет, разве Любимов такой? У Лю-бимова — обстоятельность, рассудительность, знания. В нем всегда было что-то особенно располагавшее ди-ректора, что-то находившее отклик в нем самом... Горь-кой догадкой мелкнула мысль: мое второе «я», то, кото-рое я сегодня преодолеваю.
Он вздрогнул от резкого телефонного звонка.
— Григорий Петрович, говорит Гаршин. Разрешите зайти на минуту по личному вопросу?
Немиров замялся, потом неохотно сказал:
— Заходите.
Гаршин вошел крупными, решительными шагами и положил перед директором заявление — результат двух-дневных терзаний. Резкие замечания, полученные им вчера, объединялись для него с коротенькой запиской, лежавшей в его кармане, — первым и последним пись-мецом Клавы. Он не сомневался теперь, что Немиров знает все. Потому и придирается. И, быть может, пото-му и назначает начальником сборки, чтобы в случае чего свалить на него вину за все задержки...
— Вот, Григорий Петрович. Заявление об уходе. По собственному желанию. Так, наверно, проще всего.
И он пошел к двери.
— Виктор Павлович!
Гаршин обернулся.
— Не вижу причин, Виктор Павлович. И не могу со-гласиться. Как раз сегодня мы решили целиком пору-чить вам сборку. Ну зачем вы, право?
— Зачем? — переспросил Гаршин, тяжело опустился в кресло и сказал с эгоистической откровенностью: — Да я-то в какое положение попал? Прямо скажем, иди-отское! И что же мне теперь — терзаться: что вы думае-те, как смотрите? Да и какая мне теперь работа? Вчера дважды отругали меня при рабочих... завтра еще что-нибудь... У меня тоже есть самолюбие.
Стараясь перевести разговор в обычную деловую плоскость, Григорий Петрович сказал с улыбкой:
— И меня, бывает, министр отчитывает, да я не оби-жаюсь. Отчитывать вас, Виктор Павлович, я еще не раз буду, если заслужите. Так же, как других подчиненных. На то я и директор.
Гаршин пристально поглядел на Немирова. и, отводя взгляд, ответил:
— Я б и не обижался. Да тут примешивается посто-роннее... в чем я вам не подчиненный и вы мне не ди-ректор.
Григорий Петрович досадливо поморщился. Он во-обще не терпел и не понимал людей, способных вот так говорить о вещах сокровенных и трудных. К чему это? Пожалуй, проще всего было бы написать сейчас тв верхнем углу заявления короткую резолюцию «Не возражаю», — и все было бы кончено. Но... отпустить инженера, руководящего сборкой, в такое ответственное время? Гаршин, конечно, понимает, что директор не мо-жет на это согласиться! И на этом играет... для чего? Чтобы выпутаться из идиотского положения?
— Вам, наверно, кажется, что я вел себя как под-лец, — вдруг сказал Гаршин. — А я... В общем, о вас я, конечно, не думал... Как и вы не стали бы думать обо мне, попади вы в подобную ситуацию! — с дерзкой усмешкой добавил он. — Но в отношении Клавдии Ва-сильевны...
— Вряд ли уместно об этом говорить, — холодно прервал Немиров,
— А что бы вы сделали на моем месте? — восклик-нул Гаршин и закурил. Пальцы его прыгали. Он затя-нулся жадно и глубоко, так что папироса вспыхнула.

Немирову приходило на ум много резких, уничто-жающих слов. Но он промолчал — Гаршин ему нужен, с Гаршиным предстоит работать.
Притянул к себе заявление, брезгливо сморщился, увидав витиеватые росчерки, написал: «Не вижу основа-ний и возражаю», подписался.
— Вот, Виктор Павлович. И давайте считать, что этого разговора не было и поводов к нему не было.
Помолчав, спросил:
— Вам уже сообщили мой приказ о назначении на-чальником сборки?
— Да.
— Так вот давайте об этом и говорить. Что вам нужно, чтоб обеспечить полный успех?
Он с усилием нашел этот, слишком общий, вопрос. Как-никак такие истории волнуют и мешают... Он с облегчением услышал ответ инженера:
— Простите, Григорий Петрович, к такому разгово-ру сейчас я не готов.
— Хорошо. Подготовьтесь. Скажем, к завтрашнему вечеру.
— Исходить из того, чтобы закончить сборку чет-вертой турбины к первому октября?
— Обязательно.
— Так... — Гаршин поднялся и спросил со своей раздражающей простецкой манерой: — А вы в это дей-ствительно верите?
Немиров тоже встал, ему было неудобно смотреть иа Гаршина снизу вверх. Он все время чувствовал, что перед ним — Гаршин, инженер, имевший странное право говорить с ним не только как с директором. Перед этим человеком его сила должна была быть неоспори-мой.
— Да, Виктор Павлович. И если моя уверенность не оправдается — попрошу отставку.
— В конце сентября? — с прежней дерзкой усмеш-кой спросил Гаршин.
— Думаю, что этого не придется делать ни в конце сентября, ни в октябре, — медленно сказал Немиров. — Потому что к первому октября мы турбины сдадим, че-го бы это ни стоило мне… и вам.
Выдержав паузу, он добавил уже буднично, как ди-ректор подчиненному:
— Идите, Виктор Павлович. Завтра я вас вызову.
— Слушаюсь, — сказал Гаршин.
Когда дверь за ним закрылась, Григорий Петрович опустился в кресло и несколько минут отдыхал, при-крыв глаза. В голове промелькнула мысль — вот уж некстати вся эта история с Клавой! Но тут же он вспо-мнил Клаву такою, какой она была вчера впервые за все время их совместной жизни, и ему захотелось не-медленно увидеть ее снова — увидеть и убедиться, что это правда.
Он небрежно скомкал и бросил в корзину забытое на столе заявление Гаршина и нажал кнопку звонка.
— Машину!

3

Ощущение полноты жизни с особой силой владело Аней в эти дни раннего лета, и непонятная размолвка с Алексеем, огорчая ее, все же не ослабляла, а, пожа-луй, даже усиливала это чудесное ощущение.
Аня поверила Алексею сразу, всем сердцем, в сади-ке возле Филармонии, и потом, когда они шли пешком через весь город, шли медленно, часто останавливаясь на пустынных набережных и в молчаливых переулках, названия которых они старались запомнить, потому что с этими маленькими, затерявшимися среди больших улиц, незнакомыми переулками связались воспоминания о слове, произнесенном одними губами, о поцелуе под су-мрачными сводами старинной арки, о решении, которое не было высказано, но подразумевалось и чувствовалось обоими: мы будем вместе... Белая ночь трепетала над ними своим колдовским светом. Дома и деревья не от-брасывали теней, только под деревьями и в узких пере-улках было чуть темнее, а там, где дома расступались по сторонам канала, возникало блеклое сияние спокой-но текущей

воды. Звуки шагов скрадывались большой и таинственной тишиной. Даже знакомые улицы и на-бережные выглядели новыми и таинственными в этой тишине, в этом странном свете, в этом сонном безлю-дье.
Алексей провел Аню мимо своего дома. Он сделал робкое движение, зовущее ее войти. Она ласково повер-нула его в другую сторону, и они снова пошли вперед, и слишком быстро возник ее дом, ее подъезд, ее лест-ница.
— Ну, спите, — сказал Алексей, разогнув и согнув пальцы ее послушной руки. Он повернулся и пошел прочь, и звуки его удаляющихся шагов не скрадывались, а наполняли тишину отчетливым стуком. Аня послуша-ла, прижала к щеке пальцы, которые он только что ста-рательно разгибал и сгибал. Счастливая, поднялась к себе. Утром — после слишком короткого сна — просну-лась с блаженной мыслью: «Мы сейчас увидимся».
А наутро встретились так, будто и не было вчераш-него вечера, будто и не сказал он тех слов в садике у Филармонии, будто не целовал ее — будто все это только пригрезилось, а вот наяву: два товарища, два инженера, два члена партбюро встретились в цехе, на ходу поздоровались и разошлись. Потом, часом позже, столкнулись у дверей партбюро, глянули друг на друга вопросительно и смущенно, вошли и начали обсуждать с Воробьевым и друг с другом всякие очередные дела. Аня рассказала о выставке «Учителя и ученики», кото-рую она затеяла в техническом кабинете. Полозов одо-брил ее план, а потом начал дополнять его, и Воробьев тоже начал дополнять. Аня шутливо охнула, а Полозов сказал, что совсем не обязательно все делать самой, и упрекнул ее, что она с комсомольцами возится как с младенцами, а работать не приучает. Это было не-справедливо. Аня сердито возразила Полозову. Алек-сей отшутился:
— Критики не любите, дорогой культпроп!
Тут его вызвали в цех, и в этот день они больше не встретились. Аня задержалась на работе допоздна, от-части оттого, что начала готовить выставку, отчасти от-того, что надеялась уйти вместе с Алексеем. Когда она уходила, Алексей был на сборке. Еще несколько дней назад Аня запросто подошла бы к нему, сейчас она от-вела взгляд и торопливо прошла мимо. Он не догнал ее, хотя она шла по двору очень медленно.
Так и потянулись дни: деловые встречи, споры, ино-гда — вопросительный взгляд украдкой, иногда — пожа-тие руки. Однажды ей показалось, что Алексей нарочно ходит мимо технического кабинета и громко говорит с кем-то, чтобы она услыхала его голос. Но Аня была оби-жена тем, что он столько дней не пытался добиться встречи с нею; она не вышла на голос и не подняла головы, когда он прошел мимо приоткрытой двери. Спу-стя полчаса она заторопилась домой, но Алексея уже не было.
Бригада «косых стыков» собиралась то в цехе, то у Воловика, и каждый раз Аня надеялась, что ей удаст-ся уйти вдвоем с Алексеем, но Шикин непременно увя-зывался провожать ее, и они шли втроем — она посере-дине, Алексей и Шикин по бокам. Аня со злости молча-ла, Алексей тоже, а Шикин старался вести разговор, но у него ничего не получалось.
В воскресенье вечером они все-таки встретились — оба захотели погулять перед сном и одновременно ока-зались в маленьком переулке со старинной сводчатой аркой на углу. И вышло так, будто и не прошло боль-ше недели с последней встречи, будто только вчера, влюбленные и притихшие, они ходили тут, целовалась под этой аркой и поняли, что друг без друга им не жить. Было уже поздно, и ночь была не белой, не летней, а почти осенней оттого, что небо заволокло тучами и ве-тер сгибал деревья на набережной и рябил темную во-ду, — в сумерках этой ночи они снова прошли мимо его дома, и Аня спросила, в какой квартире он живет, а Полозов ответил:
— Зачем вам? Вы же не хотите зайти ко мне.
— А вдруг когда-нибудь зайду?
Он пожал плечами, но все-таки назвал номер квар-тиры — 38.
И опять они слишком быстро оказались возле ее дома, и Алексей ушел так же поспешно, как прошлый раз, но шаги его растворились в шуме хлынувшего дож-дя. Аня поднялась к себе, распахнула окно и долго стоя-ла в темноте, радуясь брызгам влаги, освежавшим лицо и руки.
«Почему я не позвала его к себе? — удивлялась она. — Почему я не пошла к нему? Ведь я люблю его».
Если бы она знала, что он живет один, она сейчас побежала бы прямо к тому дому, нашла бы квартиру № 38 и с порога протянула бы ему руки. Настолько не-сомненно было, что они нужны друг другу. Настолько нелепыми казались ей какие бы то ни было условности.

А на следующий день она заметила, что Алексей из-бегает ее. Почему? Что он вообразил? Или... что его оттолкнуло?
На заседании партбюро они всегда сидели рядом, у них были свои излюбленные места по двум сторонам столика, на котором лежали подшивки газет. На оче-редном заседании Алексей сел в другом конце комнаты. Аня несколько раз ловила на себе его задумчивый взгляд, но он сразу отводил глаза и сурово сжимал губы.
А дни были напряженные, перегруженные забота-ми, — цех готовился к сдаче второй турбины и одновре-менно заканчивал новое автоматическое регулирование для первой. В начале июля обе машины предстояло от-править в Краснознаменск на монтаж.
Полозов почти не уходил из цеха. И Аня задержива-лась в цехе с каждым днем все дольше. Вторая и третья смены пополнялись. На днях ожидались новые станки, их надо было с первого дня обеспечить квалифицирован-ными рабочими. Каждый обучающийся был у Ани на учете. Аня волновалась за каждого, кто сдавал пробу на повышение разряда, а когда один из учеников от волнения запорол работу, была расстроена не меньше, чем он сам.
Как ни занимали ее отношения с Алексеем, времени для них просто не оставалось. И только при встречах с ним, по дороге домой и перед тем как заснуть, она с недоумением повторяла: ну что же это? Почему? Горечи не было, в глубине души она ни на минуту не пере-ставала верить в то, что они оба любят и что врозь им не быть. Вот только бы вытянуть эти трудные дни...
Как всегда бывает, и Ане, и ее товарищам по цеху казалось, что именно ближайшие дни — самые ответст-венные и трудные. Забыв о треволнениях, связанных с выпуском первой турбины, думали о том, что вторая дается труднее — и срок короче, и новые станки еще не прибыли, и ряд начатых работ по механизации не за-вершен... С третьей будет несравненно легче.
У Ани была своя мечта — к осени перейти сменным инженером на сборку. Но для того чтобы осуществить мечту, надо было самой себе сказать, что с порученным ей делом она справилась честь честью.
Выставка «Учителя и ученики» стала одним из ее любимых детищ.
Все самые «трудные», ленивые и озорные мальчиш-ки были приспособлены Аней к делу — клеили, краси-ли, выпиливали из фанеры щиты, рисовали заголовки, прикрепляли к щитам образцы изделий, бегали с ее за-писками на склад, к фотографу, машинисткам. Аня по ходу работы проверяла, хороши ли материалы вы-ставки. Вот Кешка, зажав в руке банку с клеем, загля-делся на фотографии и зачитался подписями. Что он чи-тает? Ага, увлекся сообщениями о том, кто из учеников перегнал учителей. Вот невозмутимый Ваня Абрамов, присев на корточки, читает сводку о производительно-сти труда карусельщиков, вместо того чтобы заливать краской буквы заголовка. Очень хорошо, — значит, сводка здесь кстати!
И кто выдумал, что эти мальчишки — «трудные»? Самые обычные мальчишки, требующие воспитания, а главное — живого и понятного дела, причем дела с от-тенком добровольности — «захотел — и стараюсь». С ними нужно обращаться требовательно, весело и обя-зательно с уважением — вот и все.
И еще видела Аня — им необходим коллектив, чувст-во ответственности не перед начальником или мастером, которых можно обмануть, а перед товарищами, которые все видят и все о тебе знают. В бригады их нужно, в хорошие, сплоченные бригады, где каждый отвечает пе-ред всеми!
Об этом она заговорила на комсомольском бюро. Женя Никитин поддержал ее — пусть лучшие бригадиры, такие, как Пакулин, возьмут к себе новичков.
— А первенство отдать другому цеху? — запальчиво спросил Николай. И тут же улыбнулся: — Зачем пре-увеличивать, ребята? Будто кроме Пакулина нет брига-диров? Создать новые бригады, поддержать их — вот и вся проблема!
— Из пакулинцев надо бригадира выдвинуть, — ска-зала Валя. — Там народ вырос, почти любого взять можно. Конечно, после того как они завоюют общегород-ское знамя! — добавила она, заметив протестующее дви-жение Николая.
— Правильно! — сказал Николай. — Тогда сам ре-комендую... хотя бы Аркадия!
Валя покраснела и рассердилась, а рассердившись, высказала то, что в другое время не стала бы говорить:
— Хотя бы и Аркадия! Что ж такого? Вы, пакулинцы, какими-то аристократами стали — вас и тронуть нельзя! Автономная республика!

Женя Никитин прервал начавшийся спор и пред-ложил подумать о создании новых молодежных бригад.
— Хорошо, — сердито согласился Николай. — Толь-ко, как хочешь, против этих кличек я возражаю! Небось когда прорыв и пакулинцы выручают цех, тогда мы не аристократы! Когда подсчитывают, кто по три пятилет-ки сработал, — тоже не аристократы!
Через минуту Валя и Николай мирно болтали, но Аня запомнила этот небольшой спор. Она сама еще не до конца понимала, что ей не нравится в этой лучшей молодежной бригаде завода. Может быть, на нее действовало завистливо-недобро-желательное отношение Кешки и других «неприкаян-ных» к пакулинцам?
Чтобы проверить себя, она заговорила о них с Кеш-кой. Кешка поморщился и пробурчал:
— А мне что? Пусть хватают знамена.
— Так ведь они не хватают, Кеша, а зарабатывают по-стахановски.
— Ну и пусть зарабатывают, я не против.
Заставить Кешку высказаться до конца, когда он не хотел, было невозможно. А Кешка явно не хотел. По-шел бы он в бригаду Пакулина? Кто его знает! За последнее время он работал старательно и как будто не озор-ничал. Мать еще не вернулась из больницы, все домаш-ние дела лежали на Кешке. Иван Иванович осуществ-лял, как он говорил, «общее руководство» над мальчи-ками и по-прежнему оттирал Аню:
— У семи нянек дитё без глазу, Анна Михайловна. А у вас и так хлопот полон рот.
Хлопот действительно хватало. В эти же напряжен-ные для цеха дни кончались занятия в сети партийного просвещения, и Аня ходила по очереди то на один кру-жок, то на другой. Присматривалась к пропагандистам, присматривалась к учащимся.
Разные учились люди — пожилые, много передумав-шие на своем веку, и такие, что впервые задумались о жизни, о ее большом историческом движении. Были люди, давно привыкшие читать, вести конспекты, и та-кие, что впервые брали в руки серьезную книгу, пона-чалу спотыкались на непонятных словах, на отвлечен-ных понятиях, и вдруг, начав понимать прочитанное, с изумлением открывали, что трудные и как будто отвлеченные мысли имеют прямое отношение ко всему, что происходит вокруг, к течению их собственной жизни.
Было интересно приглядываться к людям и прослежи-вать, как новые мысли, входя в сознание, вызывали и но-вые поступки.
Труднее было разобраться в пропагандистах. Они то-же были очень разные — и по возрасту, и по опыту, и по таланту. У каждого были свои приемы, свои методы, и характер у каждого пропагандиста был свой. Одни любили объяснять, доказывать, приводить примеры, но легко сбивались, если слушатели задавали неожидан-ные вопросы, и робели перед заглянувшим на занятие работником парткома или райкома, — случалось, так ро-бели, что и занятие шло кувырком. Другие говорили мало, но умели разжечь спор и подвести самих слушате-лей к правильному решению, а если на занятие прихо-дили посторонние, — проводили его с особым блеском. Одни злоупотребляли цитатами, другие почти не прибе-гали к ним. У одних беседа шла как бы сама по себе, другие по-школьному вызывали слушателей...
Из цеховых пропагандистов Аня выделяла Ерохина, Полозова и конструктора Уралову.
Ерохин принял свой кружок в середине года от не-удачного руководителя, которого Ане пришлось отстра-нить. Кружок совсем было развалился, посещало заня-тия не больше шести-семи человек из двадцати. Ерохин обошел всех записавшихся и каждого попросил, как о личном одолжении, прийти на следующее занятие, «по-тому что, сам понимаешь, иначе у нас ничего не полу-чится!» Вел он занятия немного наивно, но с огромной душевной убежденностью. Если хоть один из слушате-лей плохо усвоил какую-то мысль, он щедро объяснял и развивал ее, пока не убеждался, что все поняли. Если кто-либо пропускал занятие, Ерохин так расстраивал-ся, что виновнику становилось стыдно — вот ведь до чего обидел хорошего человека!
Совсем иначе вел себя Полозов. Впервые прослушав его занятие, Аня огорчилась — ей показалось, что Поло-зов слишком сух и требователен. Он вел кружок повы-шенного типа, изучавший историю партии по первоис-точникам. Занимались у него главным образом мастера, рабочие с большим стажем, служащие — люди, непо-средственно подчиненные ему по работе. Может быть, думала Аня, он не умеет отстраниться от служебного отношения к этим людям? Слушатели ворчали, что они все-таки не студенты, читать по двести страниц к заня-тию им некогда.

— Ладно, вы не маленькие. Партийный актив! — говорил Алексей и стыдил каждого, кто плохо подгото-вился.
Как раз в эти дни Алексей почему-то явно избегал ее, и Ане очень не хотелось идти на его заключительную беседу. Но она преодолела неловкость и пошла. Алек-сей на секунду смутился, и его смущение ее обрадовало. Сидя в сторонке, она слушала, как Алексей придирчи-во проверяет знания своих кружковцев. На прощанье он пожелал им отдохнуть за лето и тут же, посмеиваясь, пообещал с осени быть еще требовательнее, потому что:
— Выросли, поумнели, второй год надо учиться луч-ше, чем первый!
И торопливо ушел в цех.
Слушатели столпились вокруг Ани, им хотелось знать, как она оценила их знания. Аня спросила полу-шутя:
— Может, на будущий год вам руководителя подоб-рее?
Но все одиннадцать человек запротестовали:
— Нет, Полозова!
— Он требует, но зато и объяснить умеет! С нашего брата не требовать — никакого толку не будет!
Слушатели разошлись, а она все сидела, просматри-вая оставленный Полозовым журнал кружка. Может быть, он вернется за журналом? Неужели ему не хочет-ся обсудить с нею, с культпропом, итоги учебного года и, может быть, хоть глазами сказать ей еще что-нибудь?
Ее оторвала от размышлений Уралова, руководитель самого капризного и любопытного кружка, какой только был в цехе. Это была затея Ефима Кузьмича — собрать цеховых старичков в отдельный кружок текущей полити-ки. Ефим Кузьмич понимал, что его самолюбивые сверстники не пойдут «конфузиться» в один кружок с молодыми. Он и руководителя для них подыскал со сто-роны — из партийной организации конструкторского бю-ро. Уралова была молодая, хорошенькая, приветливая, держалась со стариками как выросшая, умненькая доч-ка, которая не учит, а только помогает разобраться в сложных проблемах международной и внутренней поли-тики.
Из всех стариков только один отказался записаться в кружок — Иван Иванович Гусаков.
— Мне моего знания хватает, — огрызался он на своего старинного друга. — И кто меня там учить будет? Что она может понимать, этакая финтифлюшка?
Впрочем, он был одним из аккуратнейших посетите-лей занятий, и Уралова давно привыкла к своему ворч-ливому гостю.
Иван Иванович приходил позже всех, с насмешливой ухмылочкой человека, который все сам понимает, а за-шел из любопытства — поглядеть, как молоденькая жен-щина, курносая и белобрысая, поучает старых чудаков. Усевшись подальше, он утыкался в газету, но слушал очень внимательно. Курносая и белобрысая ему нрави-лась. Она рассказывала понятно и живо, приносила с собою карту мира и сама, ловко вскочив на табурет, прикрепляла ее к стене. Во время беседы она не забыва-ла указать линейкой каждую страну, о которой шла речь, каждый город.
Слушателей она называла по имени-отчеству, а если ей случалось спутать имя или отчество, — краснела и прикусывала кончик розового языка.
Чтобы поставить ее в тупик, Иван Иванович внима-тельно читал газеты и выискивал — о чем бы задать во-прос покаверзнее? Однажды ему удалось это, курносая-белобрысая не сумела ответить. Но она не растерялась, а поморгала ресничками и сказала:
— Очень интересный вопрос задал Иван Иванович. Ответить на него сегодня не берусь. Надо подумать и почитать, чтоб не ошибиться. Если вы в следующий раз зайдете к нам, Иван Иванович, я подробно отвечу. Хо-рошо?
С тех пор он уважал ее. Ему и в голову не приходи-ло, что к списку слушателей давно приписана каранда-шом его фамилия и что курносая-белобрысая, сделав перекличку, молча ставит последнюю «птичку» против фамилии Гусакова.
Аню Карцеву вызвали на последнее занятие потому, что старики не захотели прекращать занятий. Они при-выкли к своей хорошенькой Марье Алексеевне и счита-ли, что нет причин расходиться на лето — не таково сей-час международное положение, да и они, слава те гос-поди, не футболисты!
— Что ж, я очень рада, — сказала Аня. — Если Ма-рья Алексеевна может...

Уралова вздохнула, улыбнулась, и сказала, что она тоже очень рада. Аня понимала, что ей и лестно и не-много обременительно решение стариков, — Уралова иг-рала в теннис и готовилась к соревнованиям.
На итоговом совещании пропагандистов Аня особо отметила успех Ураловой: вот что значит интересная форма занятий! Ей хотелось, чтобы каждый пропаган-дист объединил в себе душевность Ерохина, интересную форму изложения Ураловой с требовательностью Поло-зова. Как ни трудно было говорить об Алексее, Аня все же сказала о том, что пропагандист Полозов бывает слишком сух и придирчив, мало заботится о том, чтобы заинтересовать, увлечь слушателей.
— Разве? — воскликнул он, искренне огорчив-шись — Учту.
Он не обиделся. Аня видела, что он и слушает с ин-тересом и любуется ею. Да, он любовался ею, радовался каждой ее интересной мысли, а когда она запнулась, потеряв нить рассуждения, на его лице отразилось ее собственное замешательство.
Началось обсуждение доклада. Аня слушала высту-павших и в то же время думала: «Какая-то чепуха у нас произошла, и я не допущу ее. Я просто возьму и спро-шу, в чем дело. Ведь близкий он, близкий и нужный... Зачем же вся эта путаница?»
Полозов уже направился к двери, когда она оклик-нула его:
— Алексей Алексеич, останьтесь, если можете, мне нужно поговорить с вами.
Он обернулся с такой стремительной готовностью, как будто в комнате никого не было.
— Я пробегу по цеху и вернусь, — сказал он, заме-тив, что они не одни.
Но в цех он не пошел, а вышел во двор и решил прогуляться по центральной аллее, чтобы не прийти на-зад слишком скоро.
По обеим сторонам аллеи сквозь листву мерцали за-копченные окна цехов, каждый цех грохотал, лязгал и стучал на свой лад. А на аллее было пусто и почти тем-но. Накрапывал теплый дождик, время от времени по лицу ударяли крупные капли, срывавшиеся с листьев.
Зачем она позвала? О чем заговорит? Как? Она се-годня так старательно критиковала меня, а ей и невдо-мек, что стоит ей появиться в комнате, как я станов-люсь сам не свой и весь напрягаюсь, чтоб не сбиться с мысли и не выдать себя... А ей ничего не стоит го-ворить со мной и при мне о партучебе, о косых стыках и о чем угодно. И она ни разу не позвала с собою, ни разу не подошла первая. Взглянешь — чуть улыбнется, пожмешь руку — рука ответит, и только. Я без нее не могу. А она даже зайти не захотела, только сказала: «А вдруг когда-нибудь и зайду». Значит, еще не уве-рена ни в чем? Или считает нужным кокетничать, как и все прочие? Думает, что со мною можно как с Гаршиным? Тем хуже!
Когда он вошел в ее опустевший кабинет и сел, не глядя на нее, испуганный тем, что сейчас все будет ска-зано, Аня тихо воскликнула:
— Вы весь мокрый, Алеша!
Он объяснил:
— Дождь идет.
Посмотрел на нее и вдруг понял, что все, чем он мучился, — выдумки, бредни, они нужны друг другу, и оба не могут врозь.
Она шепотом спросила:
— Алеша... Почему?
Он не знал, как объяснить ей. Должно быть, он чу-дак и выдумщик, и чего-то не умеет, в таких случая люди как-то делают «предложение», что ли... Но ведь она же сама должна понимать!
— Вы сказали: когда-нибудь, — пригнув голову, бы-стро проговорил он. — Значит, вы еще не уверены. Я не привык навязываться.
Она замерла, удивленно приоткрыв рот. И вдруг за-смеялась. Она смеялась, глядя на него сияющими гла-зами, а он сердился — с каждым мгновением все больше сердился на нее за этот смех.
— Может быть, это и смешно, — сказал он. — Но я такой, и другим не буду. Тащить вас замуж насильно я не могу. Вы про меня знаете все. А играть с собою я не...
— Алеша! — вскричала она. — Да разве я... Смех еще дрожал в ее лице.
— Я не знаю, что вы, — мрачно сказал он. — Но я вас предупреждал, что кокетничать со мною не надо. А повторять, уговаривать, просить я не умею. Может быть, женщинам это и нравится, но я не умею.

— А я и не хочу, чтобы вы умели, — сказала Аня. Он сделал движение к ней, потому что больше всего ему хотелось сейчас обнять ее и в поцелуе почувство-вать, что он нужен ей таким, какой он есть. Но в эту минуту дверь распахнулась от пинка ногой — Кешка и Ваня Абрамов, пыхтя втащили в комнату громадный фанерный щит.
— Здравствуйте, Алексей Алексеевич, — они вежливо поклонились заместителю начальника цеха.
— Здравствуйте, — со вздохом ответил Полозов. Аня тоже вздохнула и принялась командовать, куда поставить и как закрепить щит. Алексей с досадой по-думал, что она могла бы попросту отправить их вон, со-всем не обязательно устанавливать щит сегодня.
— Так я пойду, — буркнул он, не трогаясь с места.
Она подошла к нему и тихо сказала под адский стук молотков, вгонявших гвозди в неподатливую стену:
— Нам надо выкроить вечер, Алеша, и поговорить. Не спеша, без помех. Я не могу встречаться с вами толь-ко в цехе.
— И я, — жалобно сказал Алексей.
— Вы сегодня опять до ночи здесь?
Он с горечью махнул рукой — не до ночи, а, пожа-луй, и ночь. Решающие дни монтажа... Любимов, ко-нечно, уйдет, а его просил остаться.
— Ничего, Алеша... Как только схлынет горячка...
Ее теплая рука, задержавшаяся в его руке, дала ко-роткую отраду. Но когда он вышел за дверь, до него дошел смысл ее слов. Когда схлынет горячка. А когда она схлынет, черт бы ее побрал? Так и до осени ждать будешь...
По цеху шел Гаршин. Он понятливо усмехнулся, уви-дав, откуда выходит Полозов, свернул со своего пути и, насвистывая, заложив руки в карманы, прошел мимо Алексея в технический кабинет. Нарочно? Или Аня при-держивает поклонника по лукавой женской склонности к тому, чтобы побольше народу крутилось вокруг?
Избегая всех, кто мог задержать его, Алексей снова вышел на центральную аллею и пошел по ней, со зло-сти ступая по лужам и разбрызгивая жидкую грязь. Ему была непереносима мысль, что Гаршин преспокойно си-дит сейчас возле Ани, а она, наверно, болтает с ним как ни в чем не бывало.
Приняв самый озабоченный вид, Алексей зашел в ближайший цех. Это оказался прокатный цех, толстая, добела раскаленная болванка проплыла в лапах крана мимо Алексея, легла на ленту транспортера и нырнула под валки стана. Алексей вошел в пустую конторку мастера, взял телефонную трубку и потребовал диспет-чера турбинного цеха. Понизив голос, чтобы знакомая девушка-диспетчер не узнала его, он строго сказал:
— Разыщите инженера Карцеву и срочно пошлите в партком к товарищу Диденко. Только немедленно, чтоб сию же минуту шла!
Повесил трубку и, посмеиваясь, пошел подкараули-вать Аню на боковой аллейке, по которой она должна пробежать.
Он издали разглядел ее — спешит, торопливо обходя лужи: у одной, разлившейся во всю ширину дорожки остановилась, потом храбро перескочила.
Он вынырнул из темноты и взял ее под руку.
— Ой, кто это? — воскликнула она, не сразу разгля-дев его в темноте.
— Это я, и я не хочу, ждать, пока схлынет горячка, — сказал Алексей. — Застегните пальто и пойдемте побродим.
— Ох, Алеша... — Она, видимо, обрадовалась, но не знала, как же ей поступить. — Может, зайдем вместе? Понимаете, меня срочно вызывает Диденко...
— Это тоже я, — сказал Алексей, увлекая ее к про-ходной. — Неужели вы думаете, что я буду терпеливо ждать осени, чтобы поговорить с вами без помех?
— Вы? — не сразу поняла Аня. — Звонили — вы? Ей это явно понравилось.
Мелкий дождик накрапывал по-прежнему, но они не замечали его. Они оказались в тихой боковой улочке и стали бродить по ней взад и вперед, взад и вперед.
— Я хочу, чтобы вы знали все и все поняли, — говорил Алексей, не глядя на нее, потому что ее улыбка сби-вала его с толку. — Я уже говорил вам, что я ненавижу женское кокетство и всякую путаницу отношений...
— Но вы же сами запутали! — воскликнула Аня.

— Я не запутал, а... ну, не могу я при всех бегать за вами!
— А я — могу?
— Но если бы вы сказали хоть слово…
— А вы?
Он озадаченно помолчал, потом сказал:
— Значит, опять я неправ? Вот видите, меня не за что любить.
— Вижу.
Это прозвучало так, как если бы она сказала: люб-лю. Он сжал ее руку и продолжал говорить то, что счи-тал нужным обязательно высказать ей:
— Я жил обычной мужской жизнью. Не так, конеч-но, как ваш Гаршин, но, в общем, и не так, как хотелось. Путался, ошибался, сильно обжегся... Это я вам уже говорил, так? Я хочу, чтобы вы все это знали. Потому что к вам, Аня, я отношусь очень серьезно, и если у вас нет такого же серьезного... если вы просто думаете позабавиться... в общем, тогда скажите прямо. Я для это-го не подхожу.
— А я думаю, что вы не относились бы ко мне серьезно... если бы думали, что я просто хочу позаба-виться.
— Может быть...
Он не сразу решился высказать то, что мучило его, потом выпалил, не выбирая слов:
— Тогда на кой же черт вы не отвадите этого ваше-го Гаршина, который все крутится и крутится вокруг вас?
Вместо ответа она изумленно воскликнула:
— Алеша, вы ревнивы?
— А что я, не человек, что ли? — буркнул он, уже стыдясь своего грубого вопроса и косясь на Аню в ожи-дании отповеди.
Аня знала, что ей следовало бы отчитать его, она всегда считала ревность чувством унизительным и не-достойным, но сейчас ей было удивительно приятно, что Полозов, ко всему прочему, еще и ревнует ее.
— Я его отвадила, Алеша, — тихо сказала она. — Он же нарочно злит вас... разве вы не видите? Дога-дывается и дразнит. И неужели мы будем ссориться из-за Гаршина?
Ей было неприятно даже вспоминать об этом челове-ке, к которому ее когда-то тянуло. Перечеркнуть — и все. Но в то же время ее томила мысль, что на откро-венность надо ответить откровенностью и сказать Алек-сею все, как было, иначе навсегда останется чувство ви-новатости. И надо сказать сегодня, сказать до того, как их отношения определились, чтобы потом никогда не возвращаться к прошлому.
Но Алексей уже заговорил сам. Он рассказывал ей о себе, о женщинах, которые ненадолго входили в его жизнь, о той самой Леле, заставившей его возненави-деть легкомыслие и кокетство. Аня слушала его, совер-шенно не ревнуя, ей было все равно, что он чувствовал раньше, до нее, она думала только о том, что сейчас он очень, по-настоящему любит ее, если нуждается в этой исповеди, которая ей не нужна... и еще она дума-ла — сумеет ли он отнестись так же к ее признаниям?
— А в общем — все это уже не существует, — вдруг на полуслове прервал он свой рассказ. — Там, у Филармонии, я вам уже сказал все. Мне казалось, что наши отношения с самого начала исключают всякую игру… всякие там условности и соображения... Мне казалось, что вы должны понять это и пойти со мною, ни о чем не раздумывая. Не поймите меня плохо, Аня. Я уже не разделяю нас в мыслях с того вечера, а когда вы поче-му-то уклоняетесь, ждете, присматриваетесь… Может быть, я чего-то не понимаю, но я действительно не знаю — почему?
Она молча сжала его руку, в которой так удобно ле-жала ее рука. Она была готова сейчас же, немедленно пойти с ним, к нему, в эту неизвестную ей квартиру № 38, куда ей так часто хотелось прибежать, откинув все сомнения.
— Алеша, вам надо возвращаться сегодня в цех? Или вы можете…
Он остановился. Она смутно видела в полумраке его лицо.
— Аня! — сказал он, поняв ее мысль. — Я не могу думать о цехе, о Любимове, обо всем на свете. Вот еще!.. Я могу прийти туда гораздо позже. Сейчас и Лю-бимов там, и этот Гаршин...
Она видела, что он готов откинуть все и в то же вре-мя не может это сделать, что он все равно — не сейчас, так через час или два — спохватится: не имею права...
Чуть не плача, она качнула головой.

Они пошли дальше, и оба заметили, что накрапывает дождик, и промокли ноги, и становится холодно.
— Поймите и вы меня, Алеша, — еле слышно заго-ворила она. — То, что у нас начинается, мне очень дорого. Дорого и свято. Это — вся жизнь. Надолго. И я не хочу размельчить обворовать себя... нас... Я хочу, чтоб это был праздник. Наш большой праздник...
— А для меня уже праздник, — сказал он.
Ей было трудно объяснить свою мысль, потому что она сама почувствовала — и тут, под накрапывающим дождиком, у нее светлый праздник на душе оттого, что он рядом. И все-таки понимала, что права, что отступить не может.
— Мы никогда не сможем отделить одно от друго-го, — сказала она. — Я знаю, что ты не умеешь делить, что для тебя цех — тоже твоя жизнь, кусок души. Мы оба не умеем делить. И когда я стараюсь себе представить нашу жизнь, я знаю, что все там будет сплетено вместе. И хочу этого. Ты понимаешь? Я не хочу, чтобы начало этого большого... наш первый день...
— Понимаю, — сказал он.
Помолчав, он добавил с привычной шутливостью:
— Ну, а если так и не найдется свободного дня до осени?
— А мы найдем его сами, — твердо сказала Аня.
— Пойдемте, провожу, — со вздохом сказал он. — И поплетусь на завод, потому что, действительно, черт их знает, что там натворят без меня.
Они уже подходили к заводским домам, когда она вспомнила, что ничем не ответила на его исповедь и что это нужно сделать сегодня, потом будет гораздо труд-нее.
— Алеша, я хочу сказать вам...
Она повернула назад, в пустынный переулок, и быст-ро, скупо сказала то, что важно было сказать — не пы-таясь ни приукрасить себя, ни оправдать то, что сама не оправдывала.
Алексей молчал, напряженно стиснув губы.
Ей стало страшно, что он не сможет забыть.
— Алеша...
— Не надо, — остановил он ее. — Не надо, Аня. Они снова повернули к ее дому.
— Я вам верю, как самому себе, Аня, — сказал он у ее подъезда. — Вы знаете, единственное, что меня заде-ло...
Она знала — та встреча под Кенигсбергом.
— Так вот, я все понимаю. Я понимаю вас, какая вы тогда были... Мне очень жаль, что я не встретил вас гораздо раньше.
Он взял ее руки, соединил их вместе, подержал их, слегка покачивая, будто баюкая.
— Я вас люблю, — быстро сказал он, отпустил ее руки и почти побежал прочь.

4

Субботний вечер, обычно такой приятный, был ис-порчен. Пропала Галочка.
Час назад Воробьев пошел в баню. Галочка увязалась провожать его и взяла с собою Рацию, — собака придавала ей весу в глазах окрестных мальчишек. Они дошли до бани рядком, мирно беседуя. Эта круглолицая смешливая девчушка все больше нрави-лась Воробьеву, на вопросы товарищей: «Дочка?» —он все охотнее отвечал: «Дочка!» Она ни разу еще не на-звала его папой, но Воробьев слышал, как она однажды угрожала своему врагу Митьке черномазому: «Вот ска-жу папе, он тебя отвалтузит!» Между Воробьевым и Галочкой установился деловой, товарищеский тон, кото-рый нравился обоим.
Дойдя до бани, Воробьев сказал:
— А теперь шагом марш — прямо к дому!
— Хорошо, — кротко ответила Галочка.
Когда Воробьев в самом отличном настроении вер-нулся домой, в доме уже началась паника — Галочка не приходила, и нигде поблизости ее не обнаружили.
— Ничего не могло случиться, — сказал Воробьев, — ведь с ней Рация.

Но это никого не успокоило.
Галочка явилась час спустя, и Воробьев слышал из своей комнаты, как ахнула Груня:
— В каком виде! А руки-то, руки — как у кочегара! И вся мокрая! Где ты болталась, дрянная девчонка?
Рация шумно отряхивалась — тоже, наверное, вся мокрая.
— Я купала Рацию в пруду, — тоненьким голоском ответила Галочка. — И совсем не мокрая, это она меня немножко забрызгала.
Груня и Ефим Кузьмич принялись бранить ее за са-мовольную отлучку и за то, что пошла на пруд, куда ей одной, без взрослых, раз навсегда запрещено ходить.
— А мне дядя Яша разрешил, — сказала Галочка. Упреки оборвались.
В установившейся тишине Воробьев услышал, как Галочка уверенными шажками победительницы прошла в столовую. Он вскочил и рывком открыл дверь:
— Когда я тебе разрешил идти на пруд?
Галочка густо покраснела и опустила глаза. Должно быть, она рассчитывала, что он еще не вернулся из ба-ни. Она стояла посреди комнаты с видом благовоспитан-ной девочки, засунув грязные руки под передник.
— Еще лучше! Врать начала! — сказал Ефим Кузь-мич.
Груня так и застыла в передней с Галочкиным мок-рым пальто в руках.
— Когда я тебе разрешил идти на пруд? — строго повторил Воробьев.
Галочка вскинула на него умоляющий взгляд и про-лепетала:
— Ну ты же мне сказал — беги. И вчера говори-ли, что Рацию надо купать... что она чешется.
— Ты у меня спрашивала разрешения идти на пруд? — отвергая ее немую мольбу о поддержке, еще жестче спросил Воробьев.
Галочка исподлобья оглядела разгневанные лица взрослых, распустила губы и заревела.
Груня знаком показала, чтобы все ушли, — она сама объяснится с дочкой. Но Воробьев решительно отстра-нил ее.
— Не реви! — прикрикнул он на девочку. — Немед-ленно умойся и становись в угол. Любое озорство про-щу, а вранья прощать не буду. Живо, живо!
Он никогда еще не кричал на нее.
Галочка испуганно смолкла, вытерла слезы грязным кулачком и побрела в кухню умываться. Ефим Кузьмич пошел за нею и, помогая ей отмыть грязь, продолжал отчитывать ее. Галочка все всхлипывала и тоненьким голоском оправдывалась, что собаку давно не купали и ночью она так чесалась, что мешала маме спать, и все говорили, что надо выкупать, вот я и пошла, хотя мне совсем и неинтересно...
— Галя, поди сюда! — позвал Воробьев.
Она вошла, раскрасневшаяся от мытья, с упрямым и обиженным видом.
— Иди в спальню, становись в угол и стой, пока я не разрешу выйти!
Она не пошла. Она заревела и попробовала упи-раться, когда Воробьев силой повел ее в угол. Затем она притихла, посапывая носом.
Все были расстроены.
Воробьев сел за стол и развернул газету, но читать не мог. Кто виноват? Один я, и больше никто. Как-то раз Груня поручила Галочке убрать свой столик. Га-лочка баловалась и разбила флакон духов. Духи были мамины любимые, только что купленные. Галочка очень испугалась. Услыхав из кухни звон, Груня спросила, что случилось.
— Ой, Грунечка, я разбил твою «Белую сирень», — сказал Воробьев.
— Ты?!
Она вошла, широко улыбаясь:
— Да разве мне чего-нибудь жалко? Милый ты мой!..
Другой раз он взял на себя вину, когда Галочка, играя с собакой, опрокинула молоко. Ему были прият-ны ее благодарный взгляд и ее ужимки лукавой сообщ-ницы. Она умела через дядю Яшу выпросить себе ка-кую-нибудь поблажку, уговорить повести ее в кино на фильм, который мама считала неподходящим. Она по-степенно привыкла выдвигать его как прикрытие во всех случаях, когда это было ей выгодно: «Дядя Яша сказал… Я спрошу дядю Яшу...» Кто знает, впервые ли она солгала сегодня? А Груня радовалась — все ула-дилось, Галочка полюбила Яшу, в доме счастье и мир. И сам Воробьев радовался вместе с нею, и Ефим Кузь-мич...

— Прости меня, дядя Яша, я больше не буду, — скороговоркой произнесла Галочка за его спиной.
— Надеюсь, что не будешь. Помолчав, она спросила:
— Теперь можно выйти?
— Нет, нельзя. Когда можно будет, я скажу.
Галочка нетерпеливо вздохнула и стала переминать-ся с ноги на ногу, как будто ей уже невмочь стоять. Ин-тересно, что она сейчас думает? Проклинает наказав-шего ее чужого дядю?
На цыпочках вошла Груня, остановилась рядом с ним, ласковой рукой пригладила его волосы:
— Читаешь?
— Нет, Груня. Занимаюсь самокритикой.
У Груни страдальчески скривились губы. Он пони-мал, что Груне и стыдно за дочку, и жаль ее, и страш-но, что наказание восстановит Галочку против него, что домашнее благополучие нарушится. Но какое же это благополучие, если начали портить ребенка!
— Пойдем, Грунечка, походим.
— После бани — ничего? — И шепотом: — Ей пора спать...
Он повернулся к девочке:
— Галя! Сегодня я тебя прощаю. Но если еще раз узнаю, что ты врешь, пеняй на себя. Можешь идти ужи-нать и спать.
Галочка с облегчением выскользнула из комнаты. Когда Груня и Воробьев выходили, Галочка уже болта-ла с дедом как ни в чем не бывало.
— Груня, мы ее балуем. И потакаем ей. Я больше всех.
— Ты только не огорчайся, Яшенька.
— Я не о себе думаю, — о ней. Мы ее портим.
— Яшенька, родной мой, не преувеличивай. Мы же в детстве тоже и озорничали и привирали... а ведь не-плохие выросли!
Они ходили взад и вперед по пустырю, вдоль забо-ра, отгородившего строительную площадку, где должен был вырасти новый дом, и Груня, чтобы развлечь его, припоминала всякие свои шалости и провинности. Во-робьев пытался представить себе Груню маленькой — смешливой девчонкой, которая любила драться с маль-чишками, но вместо Груни получалась Галочка, и эту Галочку нельзя было не простить.
Как раз тогда, когда он совсем успокоился, появи-лась Ася Воловик.
— Ой, как хорошо, что вы здесь, я очень тороп-люсь, — сказала Ася и оглянулась, как будто боялась, что ее догонят и помешают ей сказать то, ради чего она прибежала. — Саша не должен знать, что я у вас была. Он очень рассердится.
Войти в дом Ася отказалась.
— Нет, я здесь скажу... Дело в том... Ну, вся их бригада у нас. Они все недовольны, но делают вид, что ничего. А к ним примазался какой-то соавтор. Понимае-те? Вызывали их к начальнику цеха, там был директор, и парторг, и главный инженер... Я точно не знаю, но им сказали кончать скорей, и директор обещал круп-ную премию, велел подавать... ну, как это называется?
— Рацпредложение, — подсказала Груня.
— Вот, вот! И что-то там с каруселями придумали, и стали обсуждать, и этот самый Гаршин пошел с ними к каруселям и предложил от себя… Есть такое сло-во — индикатор?
— Есть, — сказал Воробьев. — Измерительный при-борчик. А при чем тут индикатор?
— Не знаю. Эта их половинка диафрагмы должна делать поворот, чтоб эти косые стыки обработать, вы ведь знаете, Яков Андреич? Я на модельку Сашину на-гляделась, так тоже понимать начала. Она стоймя стоит на карусели и потом разворачивается. И они все долго думали, как поворот сделать, чтоб точно. Ровно на сто восемьдесят градусов... так я говорю?
— Так. А при чем индикатор?
— А вот Гаршин первый и предложил установить индикатор, чтоб какая-то ось совпадала. И все согласи-лись, Саша говорит, что тут дело ясное, индикатор — хорошо. А Гаршин начал их торопить подавать рацпред-ложение и сам взялся писать его, а потом поставил свою подпись.
— То есть как «поставил подпись»?
— А вот так. Взял и поставил. Саша пожимает пле-чами и говорит: подумаешь, какая разница! Мы не ради премии работаем... А мне кажется, это гадость! А они все разводят руками, пересмеиваются и говорят: ну что ж теперь делать, не скандалить же! А по-моему — скандалить! — выкрикнула Ася. — Скандалить, но безо-бразия не допускать!

Она перевела дух и, снова оглядываясь, шепотом объ-яснила:
— Я им сказала, что бегу в магазин. Они бы ни за что не пустили меня к вам. Саша даже рассердился, когда я сказала, что надо пойти в партбюро или к на-чальнику. А мне... мне Шикина жалко, он очень рас-строился. Саша говорит, он уже год над этими диафраг-мами думает... Да и других с какой стати обижать? Тут не только в премии дело: я-то ведь знаю, кто дей-ствительно работал!
В понедельник утром Воробьев первым делом подо-шел к Воловику, но Саша был очень занят на сборке регулятора, он только отмахнулся:
— Да ну, бог с ним! Есть из-за чего волноваться! Хочет числиться в бригаде — ну и пусть числится.
Зато Шикин был и расстроен и взволнован. Он при-вык подчиняться Гаршину — и потому, что Гаршин долгое время был его начальником, и потому, что сам он был человеком тишайшего характера. Только в послед-нее время он как-то осмелел, — назначение старшим технологом окрылило его.
— Смотрите-ка, тихий-тихий, а в бюро появился на-чальник, — говорили технологи.
Шикин работал без шуму и очень четко. Указания своим подчиненным он давал вежливо, но твердо, и ни-когда не забывал проверить, как они выполнены. В це-хе почувствовали перемену, хвалили Шикина и в глаза и за глаза.
С той ночи, когда он нашел первое решение косых стыков и объяснил его Полозову и Карцевой, стоя по-среди улицы на трамвайных путях, он очень изменился. Для Полозова и Карцевой его решение было просто удачной находкой, для него оно было чудесным откры-тием собственных способностей. Он понял, что «может».
Позднее появился новый, лучший вариант — Волови-ка, появились еще варианты. Но к тому времени члены комплексной бригады сроднились, составляли как бы одно целое, и многие решения рождались в горячих спо-рах, так что потом и не вспомнить было, кто что пред-ложил.
Шикин уже рисовал себе недалекое будущее, когда проект бригады будет закончен, утвержден, внед-рен в производство, когда рабочие будут рассказывать новичкам, какое было прежде мученье с этими косыми стыками... и как теперь стало легко... Думал он и о премии, — отец большой семьи, он всегда нуждался в деньгах и уже подсчитал вместе с женой, как израсхо-довать премию: дочке новое пальто, сынишкам новые костюмчики и ботинки к началу школьной учебы, — удивительно, до чего на них горели и ботинки и штаны, и до чего быстро ребята из всех одежек вырастали!
То, что Гаршин «примазался» к уже готовому, раз-работанному предложению, расстроило Шикина, тем бо-лее что он чувствовал себя виноватым перед бригадой — именно с ним заговорил об этом Гаршин, и именно он, растерявшись, согласился на то, чтобы Гаршин поставил свою подпись.
— Вы понимаете, Яков Андреич, это было так вне-запно, — удрученно рассказывал он, — Ведь сначала Виктора Павловича звали в бригаду, но он не пошел. Сколько у нас собраний было, сколько ночей сидели, сколько вариантов перебрали! И вот уже добрались до главного. Надо оформлять, заканчивать. Григорий Пет-рович начал нас торопить. Ведь станка-то такого нет, его еще заказывать нужно! И вдруг Анна Михайловна предлагает временно приспособить карусельный ста-нок. Алексей Алексеевич поддерживает, даже подробно рисует как: скоростные головки с особыми моторчика-ми. Ну, всем понравилось, Григорий Петрович прика-зывает поскорее додумать все подробности и пода-вать... Мы идем в цех. Прямо у каруселей все обсуж-даем. Виктор Павлович тоже с нами пошел; конечно, участвует в обсуждении, — вопрос тут был, как обеспе-чить разворот...
Шикин начал чертить на обороте старого чертежа. — Наметили мы фиксаторы установить на план-шайбе и на самой станине... Стоечки какие-нибудь в виде столбиков, стоящих точно друг против друга...
Листок бумаги покрывался линиями и пунктирами. Воробьев напряженно вглядывался, стараясь уловить общий замысел. Огромная, быстро вращающаяся метал-лическая площадка каруселей должна была оставаться недвижной, пока скоростные головки обрабатывают один косой стык. Первая головка делает черновую обдирку, вторая «доводит» стык до полной точности. Затем план-шайбу разворачивают на сто восемьдесят градусов, н второй стык сам подходит под скоростные головки.

— Здорово придумали! — сказал Воробьев. — И ведь несложно! Чего доброго, и для краснознаменки поспеет?
— Поспеет, если постараться, — сказал Шикин, и радость удачи на миг осветила его лицо. — Предложение уже подано, прямо главному инженеру. — Радость по-меркла: Шикин вспомнил про пятую подпись.
— Как же это все-таки произошло с Гаршиным? Придумал он что-нибудь ценное, или что?
— Ну, как сказать. Особых предложений не было, а так — участвовал, одобрял. Когда говорили, как заме-рять, чтоб ось точно совпала при развороте, кто-то ска-зал — штихмассами можно замерять, а Виктор Павлович сказал: можно индикаторы установить, на циферблате сразу увидишь любое отклонение. Ну, все согласились... А потом Алексея Алексеевича вызвали в цех. Анна Ми-хайловна побежала проводить занятие, а Виктор Павлович и говорит: «Давайте не откладывать, надо оформлять и подавать, я сам снесу главному инженеру и протолкну побыстрее». Ну, правда, помог. Чертежи-то делал я да наши технологи помогали, а вот записку пи-сать — я, знаете, не мастер насчет формулировок. Это уж Виктор Павлович все изложил, хорошо у него полу-чилось, красиво. Я стал его благодарить от всей брига-ды, а он... Знаете, как Виктор Павлович? Все с шу-точками: я, мол, тоже не чужой, меня в бригаду раньше тебя звали, я только не умею месяцами корпеть, я люб-лю — раз-два, и готово! И вдруг спрашивает! «Подписать, что ли, и мне для крепости? В техническом отделе моего баса боятся, помчится наше рацпредложение по «зеле-ной улице»... И подмахнул: «В. Гаршин».
— А вы что же?
— А я… в том-то и дело, что я растерялся.
— А другие?
— Ну... Воловик, знаете ли, такой, что ему вроде безразлично. Плечами пожал и расписался в самом низу листа. А Алексей Алексеич и Анна Михайловна...
Он смущенно улыбнулся и совсем тихо докончил:
— Они, знаете, куда-то спешили оба. Алексей Алек-сеич только сказал, что бывают такие умельцы — на хо-ду подметки режут. Подписались оба рядышком и ушли.
Полозова и Карцеву Воробьев затянул к себе в парт-бюро.
— Что ж вы это? Вам все равно, так о товарищах подумали бы!
Аня сказала, глядя в сторону:
— Формально возражать канительно — иди доказы-вай, что он только индикатор предложил да записку оформил! А этически…
Ей было мучительно стыдно перед Алексеем, не за Гаршина — за себя.
— Товарищ Гаршин должен решить этот вопрос сам, — резко сказал Алексей. — Никакой кляузы заво-дить с ним мы не будем. Я по крайней мере... Какая-то доля его участия есть. Если он считает ее достаточ-ной, — что ж, дело его.
Когда Любимов узнал о случившемся, он густо по-краснел, даже уши и шея залились краской. Ему было неловко за своего приятеля и неприятно, что получилась такая некрасивая история и ему волей-неволей придется в ней разбираться.
— Странно, странно... — пробормотал он. — Надо все же проверить... Если действительно только индика-тор... Я поговорю...
— Не надо, Георгий Семенович. Я поговорю сам.
Гаршин пришел, как ни в чем не бывало и очень уди-вился, когда Воробьев заговорил с ним об этой его под-писи. А потом рассердился:
— Шумим, шумим — содружество, комплексные бри-гады, взаимная помощь инженеров и стахановцев! А все оборачивается корыстной стороной! Что, премия мне нужна? Да ну ее совсем! Я за деньгами не гонюсь, я помочь хотел, меня Карцева первого в бригаду звала, раньше Шикина и Воловика! Если б я захотел...
— Виктор Павлович, но вы же не захотели. Вы же не работали в бригаде. Даже, помнится, возражали, ко-гда познакомились с первым проектом, что дело это до-рогое и долгое...
— А конечно! — подхватил Гаршин. — Я начальник сборки, меня сроки подпирают, у меня эти диафрагмы вот здесь сидят, — он показал на горло, — я не мо-гу ждать год! А они ведь все равно возились именно с этим проектом — станок заказывать, нечто вроде кару-сели, только попроще, но все равно — волынка! А ког-да на самом совещании зашла речь о временном исполь-зовании карусельного станка... кто это предложил, я не помню...
— Карцева.

— Да? Возможно. Ну, понятно, тут я увлекся, вклю-чился, начал помогать, советовать, разрабатывать. Если хотите знать, — вдруг со злостью сказал он, — то без меня они бы и по сию пору сидели да пыхтели! Я доду-мал, рассчитал, оформил, придал законченность... Я по-шел в технический отдел, пошел к Алексееву... Нажи-маю, требую, тороплю... Кому-то стало завидно? По-жалуйста, могу отойти! Скажите пожалуйста, при мне не возражали, а потом жалко стало!

Воробьев приглядывался к Гаршину и раздумы-вал — что тут правда, а что притворство? За деньгами, возможно, Гаршин и не гонится, во всяком случае не в деньгах тут дело. А в чем же? В том, что комплексные бригады вошли в моду и Гаршину не хочется отстать от других? Отстать не хочется, но и работать не хочет-ся, длительные усилия не в его характере. Ищет легко-го успеха. То, что называется «снимать пенки». А тут как раз представился случай наскоком включиться в бригаду под самый конец, когда главное придумано и можно пошуметь, протолкнуть, а заодно и разделить с другими честь.

— Я только что говорил с Воловиком, — вдруг ска-зал Гаршин, забыв о том, что в начале разговора как будто ничего и не знал о недовольстве членов брига-ды. — Воловик — а он, кстати, реально больше всех при-думал, он действительно талантливый изобретатель! — так вот Воловик даже удивляется, что поднялись такие разговоры! Он совсем не разделяет тех мелких чувств, которые тут проявились! И лучшее доказательство — он мне предлагает работать над новой проблемой по ме-ханизации на сборке!

Как всегда, когда приходилось разбираться в слож-ных взаимоотношениях людей, каждый поворачивал де-ло по-своему, так что нелегко было добраться до исти-ны. Еще полчаса тому назад Воробьеву все казалось ясным. Теперь все запуталось и представало в ином све-те. Неужели правда, что Воловик находит поступок Гаршина естественным, оправданным? Вот ведь Карцевой, видимо, было стыдно за Гаршина... А Полозов говорит: «Пусть решает сам. Какая-то доля есть». Вот еще ис-тория!

— Скажите мне, Виктор Павлович... вот так, совер-шенно конкретно: что именно предложили вы? в чем ваша доля участия?

— Это что — экспертиза? — не отвечая, иронически спросил Гаршин. — Может, еще создать экспертную комиссию для уточнения доли участия всех членов бри-гады?

Воробьев не дал сбить себя с толку:

— Нет, Виктор Павлович. Комиссии не будет. Если вы найдете нужным, вы сами снимете свою подпись так же, как сами ее поставили. Взвесив, есть ли у вас до-статочные основания.

— А конечно, есть основания! — выкрикнул Гаршин, багровея. — Если откинуть дешевое честолюбие и ко-рысть, если думать не о премии, а о самом деле...

— Вы — их! — обвиняете в дешевом честолюбии и корысти?

Гаршин на минуту смешался.

Воробьев вздохнул и с горечью подумал, что вот и тут — внешне как будто все было в порядке. Считался энергичным работником, выговоров не имел, а благо-дарности, случалось, получал. А что у него внутри? Жи-вет себе человек, ходит на партийные собрания, платит взносы, что-то там делает, когда поручишь. В острые споры ввязываться не любит, но в общем человек как человек, даже симпатичный. Многие его любят — с ним весело. А какая ему цена— как оценишь? Вот и сейчас он оправдывается, даже возмущается и обвиняет дру-гих... а по совести, ведь это черт знает что, вот эта его подпись «для крепости»!

Воробьев поднял голову и спросил, в упор глядя на Гаршина:

— Основания, говорите, есть... Ну, а совесть у вас есть?

Он тотчас отвел глаза, потому что неловко было смотреть на Гаршина, на его тщетные попытки сохра-нить обычное выражение веселой самоуверенности.

— Подумайте, Виктор Павлович, как коммунист, и сделайте, что совесть подскажет.

Стул тяжело скрипнул.

Не поднимая глаз, Воробьев слышал, как Гаршин медленно прошел по комнате и прикрыл за собою дверь.

Круг забот Саши Воловика в каждым днем расши-рялся.
После доклада в Доме технической пропаганды у не-го появились новые знакомые — изобретатели с других ваводов. Один из них, двадцатилетний Леня Пенкин, по-разил Воловика яркой талантливостью. Технические вы-думки возникали в его голове одна за другой. Но при этом Леня совершенно не умел сосредоточиться на чем-то главном, усидчиво поработать, довести дело до конца.
— Фантазия у тебя богатая, Леня, но толку от нее мало, — сказал ему Воловик. — Так можно и пустоцве-том остаться!
Должно быть, Леня и сам чувствовал свой недостаток. Он крепко привязался к Воловику и благодарно принимал его советы, но для этого Воловику приходи-лось вникать в совсем новые технические вопросы, и каждый раз он остро ощущал, как не хватает ему зна-ний.
В цехе усиливалась горячка, особенно на сборке. К первому июля турбина должна была пройти испытания. А тут еще стало известно, что из Краснознаменки едет делегация с ответным визитом дружбы, и Воловику бы-ло поручено встречать краснознаменцев и оказывать им дружеское гостеприимство.
И, как нарочно, в эти же дни Воловику пришлось писать статью для газеты. Редактор предложил ему по-мощь литературного сотрудника, но Воловик из гордо-сти отказался — вот еще, он и сам грамотный. Как умеет, так и скажет. Впечатления от поездки в Краснознаменку были свежи, а уж о своем родном заводе мож-но написать хоть десять статей!
Все было ясно и легко укладывалось в план статьи, продуманной Воловиком во время работы. Но когда он дома сел писать, все пошло прахом. Ясные мысли спу-тывались, как только он пробовал записать их. Слова не подчинялись, а тянули куда-то вбок. Перечитывая на-писанное, он видел, что живые и яркие впечатления в его изложении становятся тусклыми. Кроме того, он то и дело спотыкался на правописании.
— Ася! — кричал он. — Как пишется Алюминьстрой, алюминий — одно «л» или два?
— Кажется, одно, — отвечала Ася из кухни, а через минуту кричала: — Ой нет, кажется, два!
Он исписал целую тетрадку. Прочитал Асе, Ася на-шла, что написано очень хорошо.
Редактор тоже нашел, что хорошо, а затем взял красный карандаш и начал прогуливаться им по стра-ничкам тетради. Перечеркнул второе «л» в Алюминьстрое, прибавил одно «н» в слове «напряженный», в «электрификации» поставил букву «и» вместо «о», вы-черкнул несколько «которых» и «потому что», расста-вил вдвое больше точек, чем было, выделил запятыми вводные предложения, приписал красивую концовку...
Саша с затаенной досадой следил за быстрыми дви-жениями красного карандаша.
— Зина, отстукай — и в набор! — сказал редактор, перекидывая тетрадку секретарше, и с удовольствием потер руки. — Превосходный получится подвал!
— Подвал?
Редактор взял номер газеты и показал Саше статью, занимавшую всю нижнюю часть страницы:
— Вот что такое подвал. Ну, Александр Васильевич, спасибо, и не забывайте нас. Лиха беда начало.
Воловик неловко поклонился и ушел, стараясь не глядеть на секретаршу. Нет, в следующий раз он в та-ком виде статью не понесет!
Не успел он вернуться на завод, как к нему подошел Воробьев.
— Гаршин свою подпись снял, — сообщил он.
— Ну и добре, — равнодушно откликнулся Воловик. Вся эта история, поначалу рассердившая его, сейчас уже мало трогала. — А ты что такой довольный? Неуж-то из-за этого?
— Да, из-за этого.
Воробьев знал, что это его победа — одна из тех по-вседневных, никем не замечаемых побед партийного ра-ботника, которую не учтешь в отчете и не расскажешь на собрании.
— А что, Саша, вы с ним вместе думаете заняться механизацией на сборке?
— Ага.
— Бригадой, или как?
Воловик помолчал, чему-то про себя усмехаясь, по-том сказал:

— Да разве в названии дело? Виктор Павлович пред-ложил мне договор... как это теперь называется? — до-говор на творческое содружество. Для механизации ря-да операций на сборке. Ну, а с чего мне отказывать-ся? — Воловик подмигнул: — Начальник же!
Воробьева покоробило:
— Ну и что? При чем здесь начальник?
— Ну как «при чем»? Поможет, обеспечит, нажмет где надо... А что, Яша, ты против?
Воробьев подумал и ответил:
— Нет, я — за! Подписывайте договор, работайте, думайте... как тут возразишь? Гаршин человек способ-ный, энергичный. Очень хорошо, что он захотел мозга-ми пошевелить... Только вот что я тебе скажу, Саша. Как коммунисту, как члену партбюро. Тяни его в ра-боту, требуй с него, как с инженера и с начальника… но шуму раньше времени чтоб не было!
— Ну, знаешь, я не любитель шума.
— А я не о тебе и говорю.
Воробьев ушел. Растревоженный разговором, Воло-вик задумался. Он ли это три месяца тому назад упря-мо и тщетно, вопреки всем, добивался перевода в тур-бинный цех ради «мечты», в которую никто тогда не верил, кроме двух-трех друзей! Он с благодарностью вспоминал Женю Никитина, Воробьева, Полозова, по-веривших в него с самого начала, но не осуждал и тех, кто поначалу отнесся к нему недоверчиво. Мало ли кто чего хочет! Надо доказать, что сумеешь выполнить за-думанное, что ты не мечтатель и не хвастун. Носиться с тобою никто не обязан. Если ты чувствуешь, что за-мысел правилен и ты в силах осуществить его, — умей постоять за себя, добивайся, доказывай! А признание придет, когда добьешься. Вот оно и пришло, широкое и щедрое. Но как непросто стало теперь жить! Раньше жил как хотел. Задумал новый станок — ну и начал ра-ботать над ним. Не захотел бы — никому и в голову не пришло бы требовать! А теперь каждый спрашивает: «Над чем работаете? Какие у вас дальнейшие пла-ны?» Очень многие люди стали интересоваться им, пред-лагать свою помощь. Большинство — совершенно ис-кренне, с открытой душой, но кое-кто и слащаво, фаль-шиво, с затаенной, трусливой мыслишкой: «А кто тебя знает, не поможешь вовремя — еще обвинят, что не под-держал изобретателя!» И вот Гаршин... как разбе-решься, какие у него побуждения? Раньше отмахивался, а теперь — договор на содружество... Но главное не в этом. Главное в том, что теперь стали подпирать со всех сторон — хочешь не хочешь, остановиться на месте нельзя. Высказал мысль, что можно механизировать ряд работ на сборке, и с разных сторон за эту мысль уце-пились Полозов и Шикин, главный технолог завода и главный инженер, Воробьев и Диденко, Гаршин и сле-саря-сборщики. И профессор Карелин зовет к себе, рас-спрашивает, как да что собираюсь делать, дает книги и журналы, а вот теперь пригласил в субботу к себе на дачу. Зачем? «Мы с женой любим гостей...» Пусть так, но о чем заговорит профессор, когда настанет удобный час?
— Александр Васильевич! Александр Васильевич!
Это звала Карцева. Оказывается, приехал писатель писать очерк по заданию московской газеты. Ждет в техническом кабинете.
— Не пойду, Анна Михайловна! — сердито сказал Воловик, вспомнив предупреждение Воробьева «только шуму не поднимать»... Шум, шум! Разве я создаю шум? Теперь вот еще и писатель!
Аня с улыбкой оглядела Воловика, упрямо склонив-шегося к тискам, и строго сказала:
— Это не для вас — для дела нужно, Александр Ва-сильевич. Быстренько кончайте и приходите, человек ждет.
Писатель Воловику сразу и решительно не понравил-ся. Было что-то развязное в приветливом жесте, каким он пригласил Воловика сесть, и в изучающем, почему-то смеющемся взгляде, каким он впился в нахмуренное ли-цо Воловика.
— Вот вы какой, Александр Васильевич Воловик! Ну что ж, давайте беседовать! Говорили вам, для кого и что я буду писать?
— Нет, — угрюмо ответил Воловик. — Сказали, для газеты.
— Буду я о вас писать большой очерк. Тема, если сказать в нескольких словах: рабочий эпохи перехода к коммунизму. Газетный подвал. Знаете, что это такое — подвал?
— Знаю, — усмехнувшись, сказал Воловик. — Но подвал — это слишком много, если обо мне одном. Столько обо мне писать нечего.

Писатель присвистнул, а потом очень серьезно сказал, что нет на свете такого человека, о котором нечего написать. Он помахал вечным пером, попробовал, хоро-шо ли оно пишет, и начал быстро задавать вопрос за вопросом — возраст, рабочий стаж, где и когда учился, кто родители... Скупо отвечая, Воловик с нарастающим раздражением думал, что все это чепуха, разве можно вот так узнать человека, кто бы он ни был?
— Ну вот, — с облегчением сказал писатель, кончив опрос и завинчивая вечное перо. — С подготовкой рабо-чего места покончено. Вы ведь тоже подготавливаете рабочее место, Александр Васильевич, прежде чем на-чать работу?
— Я думал, это и есть самая ваша работа, — про-бормотал Воловик, впервые с любопытством пригляды-ваясь к собеседнику. — Вы же всю биографию записали от папы с мамой и до нынешнего дня.
— Это не биография, друг мой, а ее скелет. Анке-та, которая еще ничего не раскрывает. И тем не менее она нужна, чтобы начать. Записывать всякие сведения по ходу дела скучно, да и мешает. Я ведь тоже человек! Увлекусь, заговорюсь, а потом дома сяду писать — ба-тюшки светы, сколько ж ему лет, этому орлу? — забыл записать!
Он весело улыбнулся.
— В молодости, совсем еще мальчишкой, я начал ра-ботать газетным репортером, писал заметки строк на пять-шесть. И вдруг — повезло! Как раз тогда происхо-дил в Москве съезд колхозников-ударников, и для деле-гатов устроили экскурсию в метро, — а было это еще до открытия метро, перед пуском... Узнали об этом в ре-дакции поздно, очеркистов под рукой не оказалось. От нечего делать схватились за меня — лети, двести строк о метро и о впечатлениях колхозников! Бывали вы в московском метро? Ну, значит, поймете меня. Оша-лел я от восторга, глазею на потолки и стены, на эска-латорах вверх-вниз катаюсь, на ходу придумываю вся-кие красивые слова и сравнения, запоминаю восхищен-ные возгласы колхозников... Ну, вернулся в редакцию, сажусь, пишу. Вдохновенно написал, чувствовал себя прямо поэтом. Несу к редактору. Он читает, а я стою, жду похвал и поздравлений, вижу себя уже не репор-тером — почтенным очеркистом для особо важных зада-ний... А редактор смял мои листки да ка-ак закричит: «Да вы с ума сошли, что ли? Сияющие чертоги! Го-лубые, как небо, своды! Волшебные лестницы! — всяко-го вздору сто пятьдесят строк, а о людях что?.. «Боро-датый колхозник», «пожилая колхозница в шелковой шали», «усатый колхозник».., да вы понимаете, что вы начирикали? Съехались знатные люди страны, осматри-вают свое, народное достояние — а вы мне каких-то оперных пейзан без имени-фамилии суете!»
— Так и не напечатали? — смеясь, спросил Воловик.
— Какое там! Чуть из редакции не вылетел...
Он сунул в кармашек пиджака вечное перо, откинулся на стуле и попросил:
— Расскажите мне немного о себе, Александр Ва-сильевич. Я знаю, что это нелегко, но поймите — нужно! Пример одного подхватывается тысячами.
— Попробую, — смущенно согласился Воловик — А вы спрашивайте, если что...
От неприязни первых минут не осталось и следа. Пе-ред Сашей сидел рабочий человек, другой, очень труд-ной профессии, и этому рабочему человеку нужно бы-ло понять его, Саши Воловика, жизнь и душу.
Он начал было с поступления на завод, но писатель всплеснул руками:
— Милый мой, а Днепрострой? А война? Ну-ка, да-вайте начинайте с детства, с Днепростроя. Это ведь как здорово — человек эпохи коммунизма первые, детские впечатления впитывал на социалистической стройке пер-вой пятилетки!
Оказалось, что и сам писатель побывал в те годы на Днепрострое и видел многое из того, что на всю жизнь врезалось в память Воловика. Был он и на вос-становлении Днепростроя после войны, и в Краснознаменске, и на строительстве Волго-Донского канала, и еще во многих местах.
— Интересная у вас профессия, — позавидовал Во-ловик.
— Не жалуюсь.
Воловику не хотелось возвращаться к прерванному рассказу. Что интересного в его жизни? Да еще для че-ловека, который видел столько увлекательного!
— А знаете, Александр Васильевич, увлекательнее всего — человек.
Воловик посмотрел недоверчиво. Небось слова? Для поощрения?

— Нет, в самом деле! Вот я недавно познакомился с одним инженером. Он разрабатывает интереснейший план поворота сибирских рек, — не слыхали? Могучие реки — Обь, Енисей — без смысла сбрасывают свои во-ды в Ледовитый океан... Так вот — повернуть их на юг, через казахстанские пески, через Аральское море — в Каспий! Интересно? Ого! И сколько там проблем воз-никает! Орошение, изменение климата в огромном рай-оне страны, превращение Аральского моря в пресное...
Ну, прямо фантастика! И вот слушал я его доклад. Та-кой деловитый, неразговорчивый человек, водит указ-кой по картам и схемам, каждую мысль обосновывает цифрами, расчетами, формулами. И в этом для меня было самое интересное — предельная деловитость, ин-женерная сухость в изложении дерзкой мечты, которую за границей уже успели обозвать фантазией сумасшед-шего!.. И знаете, что тут изумительно? Что он не один, мечтатель-фантазер, и что мечта станет явью, что она разрабатывается государственно, как часть общей пер-спективы, и настанет день, когда руководители страны скажут деловито: «Вот теперь можно взяться и за эту задачу», — и все начнет осуществляться. А?
— Да! — подхватил Воловик, вспоминая разговор в вагоне по пути в Краснознаменск. — Я уже слышал о кое-каких громадных стройках. А это... позвольте, как же это задумано?
Он поискал глазами карту, но карты не было.
— Есть там горы? Большой путь пробивать при-дется?
— Через Тургайские ворота, если помните геогра-фию.
Воловик не знал, где находятся Тургайские ворота, и это его огорчило так же, как лишнее «л» и ненаписан-ное второе «н» — там, в давешней статье.
Писатель набросал карандашом на бумаге, покры-вавшей стол: вот Сибирь, вот Казахстан и Аральское море, вот Тургайские ворота, там что-то от 40 до 75 метров грунта прорубать надо для канала... длина его около тысячи километров...
— Ого, тысяча километров! — воскликнул Воловик, но тут же высказал предположение, что можно и тон-нель проложить или использовать для взрывных работ атомную энергию... верно? Да и вообще мало ли сей-час мощной техники!
Писатель объяснял, поддакивал, выслушивал сообра-жения Воловика, увлеченно чертившего на столе кана-лы и тоннели, и наконец рассмеялся:
— Так и есть, Александр Васильевич! Так я и ду-мал — вы той же породы!
— Какой такой породы?
— Советских мечтателей. То есть самых смелых и трезвых мечтателей, какие только бывали на нашей планете.
— А с фантазии всякое дело начинается, — подумав, сказал Воловик.
Затем разговор все же вернулся к простым вопросам жизни и работы и тут стал застревать, спотыкаться. Уже рассказано о станке и о комплексной бригаде по косым стыкам, но писателю этого мало, он пытается «клеща-ми» вытянуть из Воловика рассказ о знакомстве с про-фессором Карелиным, о содружестве с Гаршиным, — а получается нескромность, хвастовство или тот самый преждевременный шум. И о Лене Пенкине — откуда он узнал, что я помогаю Пенкину? Не помогаю, а под-талкиваю как умею — для помощи у самого знаний не хватает...
— Где учитесь, Александр Васильевич?
— Нигде.
— Да как же это? Вот уж на вас не похоже!
Воловик хмуро сказал, что за всем враз не угонишь-ся, почувствовал огорчение собеседника и понял, в чем суть той работы, которую проделал писатель, незаметно, но настойчиво во время их свободной беседы, как будто, бы часто отвлекавшейся в сторону. Писатель пришел, уже зная, каким должен быть его герой, он извлекал из Саши Воловика те черты и свойства, которые характерны для нового типа рабочего. И, видимо, не нашел всего того, что искал.
— Вот видите, — с досадой сказал Воловик. — Я вам не подхожу.
— Разве? — с улыбкой отозвался писатель. — Впро-чем, с учебой вы меня немного подвели. Но ведь в чи-стом виде ничего не найдешь, Александр Васильевич. Коммунизм не в лаборатории выращивается — в жизни. А жизнь — она такая.
В тот вечер Воловик прошел мимо своего дома и углубился в тихие переулки, где он не бывал с той са-мой ночи, два года тому назад, когда метался до рас-света.

Теперь ему тоже нужно было остаться наедине с са-мим собой. Обдумать что-то? Нет, он ничего не обду-мывал, хотя чувствовал близость каких-то новых реше-ний... Скоро в столичной газете появится очерк, мил-лионы людей будут читать, что есть такой передовой рабочий Александр Васильевич Воловик. Что ж, конеч-но, передовой, — не отсталый же! Да, но кое-что будет в очерке обойдено, пропущено — зачем читателям знать, что этот Воловик бросил учиться или что его дого-вор о творческом содружестве с Гаршиным — уступка напористому начальнику, что сам он этого договора не хочет, не верит в него, тут совсем бы другой человек нужен. В очерке промолчать об этом просто... а в жизни как? «Жизнь — она такая»? Вот она торопит, подталкивает, тянет вперед, не спрашивая, что ты мо-жешь и чего не можешь. Карцева говорит — так тяни-тесь, это же хорошо! Конечно, хорошо, кто спорит! Но можно ли совместить все? Есть еще Ася, и ее горе, и ее новая радость, которые в то же время — и его горе, и его радость. Ася становится такой грустной, если Са-ши долго нет, и стоит сказать: «Пойдем погуляем, у ме-ня свободный вечер!» — вся просияет. И это тоже — жизнь! Простая, очень волнующая, родная... «Ты меня не разлюбишь теперь, когда ты стал такой знамени-тый?» — спрашивает Ася.

Он ласково улыбнулся. Нет, где там! Ася стала еще нужней, кусочек своего, привычного тепла среди всего но-вого, что будоражило и требовало усилий. Только на пер-вых порах общественное признание ощущалось им как легкое головокружение, как жар неотпускающих, устремленных на него лучей. Теперь все вошло в колею, но колея-то иная — очень трудная, обязывающая. Сла-ва обернулась требовательностью.

Спустя два дня под вечер Саша Воловик осторожно вел Асю через лес, украдкой поглядывая на нее — луч-ше ли ей? Асю укачало в поезде, едва они отъехали от города; Воловик предлагал вернуться домой, но Ася на-стояла, чтобы ехать дальше, — приглашение профессо-ра польстило ей, она готовилась к поездке всю неделю.

— Смотри, малина! — вдруг вскрикнула Ася и, за-быв о своем недомогании, забралась в кусты дикой ма-лины, царапая руки и отправляя в рот чуть розовеющие, еще не поспевшие ягодки.

— Ася, тебе не повредит?

Месяц тому назад Ася встретила мужа слезами, — глаза ее сияли, а слезы струились по щекам. Саша сперва испугался, а потом бурно обрадовался. И тогда Ася разрыдалась, прижавшись к нему.

— Это не измена... я никогда, никогда не забуду мою доченьку... но я так рада, что у нас будет... я бу-ду так, так беречь его...

С тех пор их жизнь была наполнена ожиданием ре-бенка и сотнями опасений. Ася постоянно советовалась с врачами, ела только то, что велел врач, и послушно гуляла столько времени, сколько предписал врач. Забо-титься о муже она перестала сразу и бесповоротно. Те-перь она требовала, чтобы он ухаживал за нею и жил в постоянной тревоге об ее здоровье. Он пытался на-строить Асю на более спокойный лад, так как был уве-рен, что все происходящее с нею — естественно, но рас-судительные слова сердили и обижали Асю. Если же он пугался за нее, Ася сразу веселела и сама принима-лась успокаивать его.

— Что ты, Саша, ведь это сплошные витамины! — ответила она и теперь, поскольку тревожный вопрос был задан. — И вообще все уже прошло... Подержи-ка вет-ки, я заберусь поглубже...

Тут их и нашел профессор, вышедший с женой на-встречу. Ася для начала прикинулась степенной дамой, но через полчаса уже хохотала, шутила с профессором и даже, кажется, забыла, что ей надо беречься, — после ужина уговорила всех пойти гулять.

Они вышли на берег озера и невольно притихли. Так хорош был вечер, так вольно простиралось над ними большое, неохотно темнеющее небо с бледным рожком месяца, а перед ними вплоть до горизонта лежало спо-койное озеро и над самой водой то тут, то там клочьями висел туман. Два-три огонька проблескивали сквозь ли-ству прибрежных кустов, да с веранды дачи падал столб оранжевого света, выхватывая из легкой мглы кусок песчаного берега, уходящие в воду мостки и смутно вырисовывающийся силуэт вышки для прыжков.

— Благодать какая, — сказал Воловик и, покосив-шись на профессора, как-то вдруг осознал, что независи-мо от того, собирается ли с ним говорить профессор или нет, он сам хочет серьезного разговора и обязательно затеет его, когда будет удобно.

Утром встали рано.

— Купаться, купаться! — торопил профессор, косясь на жену, накрывавшую стол к завтраку.

Они пошли на берег озера. Воздух был свеж, а вода, еще не нагретая солнцем, показалась совсем ледяной, когда Воловик шагнул в нее. Холод ознобом прошел по коже. Не останавливаясь, Воловик быстро пересек при-брежное мелководье, вытянул руки, оттолкнулся от пес-чаного дна ногами, врезался в воду и поплыл. Его ши-рокоплечее, обычно неуклюжее тело будто сузилось, подтянулось и напряглось. Сильными загребающими движениями выбрасывая вперед руки и погружая их почти на одной линии с опущенной к воде головой, он глубоко и сильно дышал, привычно управляя дыханием. Тело ввинчивалось в воду, увеличивая скорость молотя-щими ударами ног. Восхитительно свежая вода струи-лась вдоль его тела, словно он преодолевал быстрое реч-ное течение. Солнце дробилось на поверхности озера и вспыхивало перед глазами в разлетающихся брызгах.
Проплыв ровно столько, сколько нужно было, чтобы размяться, он повернул назад, потому что было неловко уплыть одному слишком далеко. Он увидел на берегу Асю, которая так и не решилась войти в воду, а стояла рядом с Полиной Степановной, следя за мужем из-под ладони. Какой-то человек в плавках стоял на вышке и тоже смотрел из-под ладони. Увидав, что Воловик повер-нул, человек быстро взмахнул руками, бросил свое те-ло вперед и вверх, развел руки и ласточкой полетел вниз. Прыжок был искусен — пловец скользнул в воду, не разбрызгивая ее, только мелкие пузырьки воздуха да разбегающийся круг обозначили место падения.
— Хорошо! — крикнул профессор, вынырнув около Воловика. Солнце сверкало в каплях воды, застрявших на его стриженных ежиком седых волосах и стекавших по покрасневшему, улыбающемуся лицу.
— Здорово вы! — с уважением сказал Воловик.
— Ничего! — с удовольствием ответил Карелин, — он явно гордился своим искусством и был счастлив, что мог показать его гостю. — Поплывем?
Он плыл брассом, не торопясь.
— Кроль уже не для меня, сердце поберечь нуж-но, — объяснил он. — А так — хоть все озеро переплыву. И бросать никак нельзя. Перестану — ну, тогда мне ко-нец. Старость.
Вода стала теплей и потеряла упругость, глаза раз-глядели под ее тонким слоем желтизну песка, колено шаркнуло по дну. Они выбрались на мель, почти цели-ком прикрытую нагретой солнцем водой.
— Полежим, — предложил Карелин.
Он, видимо, был непрочь отдохнуть. Слышно было его учащенное дыхание. Воловик совсем не устал, он сел рядом с профессором, охватив колени руками.
— Сейчас, может, не время, — смущенно проговорил он. — Но знаете, Михаил Петрович, я об одной штуке все время думаю. И хочется расспросить. Вот мне пред-лагают содружество... насчет этой самой механизации сборки, вы знаете. А я чувствую — не то! Не тот чело-век! Мне бы такого ученого, который в этих вопросах сам доискивается... сам душой болеет... Так что вы ска-жете — прилично мне отказаться и самому поискать че-ловека нужного?
— Обидеть боитесь? — скосов глаза на Воловика, спросил Карелин.
— Нет. Просто думаю, не получится ли зазнайство. Такой-де разборчивый, что ему и инженер уже не хо-рош. Впрочем, — добавил он, — и обидеть — тоже при-ятного мало.
— Мало, — согласился Карелии. — Только, знаете ли, есть одна область, где обиды ни при чем. Работа. Наука ли, производство ли — все равно. Если ученик в процессе исследования опровергает научные положения своего учителя, — обидно учителю? А все же ни одного настоя-щего ученого это не остановило...
— Вот я и думаю... — пробормотал Воловик. Немного погодя он спросил:
— У вас в институте... найдется кто-либо из ученых, доцентов или там аспирантов... ну, которому эти вопро-сы механизации самому будут интересны?
— Найдется, — коротко ответил Карелин.
С берега махала рукой и аукала Ася. Воловик раз-думывал, удобно ли предложить профессору плыть об-ратно, отдохнул ли он уже, а Карелин вдруг строго спро-сил:
— Александр Васильевич, почему вы бросили учить-ся?
Вот, значит, о чем он хотел поговорить! Воловик уклончиво ответил:
— Так обстоятельства сложились. Не мог.
— Нельзя позволять обстоятельствам сбивать вас с пути, — жестко сказал Карелин. — Особенно если чув-ствуете, что можете многое сделать. А вы ведь чувствуе-те это.
Воловик промолчал.

— С какого курса вы забросили учебу?
Вопрос был нарочито обидный. Воловик вспомнил ту осень — болезнь Люси, эти жуткие недели, которые прошли как в злом бреду... смерть дочки... отчаяние Аси...
— С четвертого курса техникума, — коротко ответил он.
— Э-эх, Александр Васильевич! Это уж совсем стыд-но — недотянуть!
— Мне не стыдно, — твердо сказал Воловик. — До-тянуть можно было только на эгоизме. Наплевав на дру-гого человека.
Он глянул прямо в глаза профессору:
— Вот тогда было бы стыдно.
Михаил Петрович понимающе кивнул головой и встал. Сухонький, мускулистый, он распрямился, как пружинка, и снизу вверх внимательно оглядел Волови-ка, который стоял перед ним, подняв плечи и неуклюже охватив их скрещенными на груди руками.
— Если так, простите. Очевидно, бывает и так… Что вы намерены делать дальше?
— Не знаю. Может быть, на курсы мастеров... или сам попробую учиться.
— Ни то, ни другое, — почти сердито возразил Каре-лин. — В институт! В институт надо поступать! Учиться всерьез, основательно, на полную силу! Кто вы сейчас? Изобретатель-самоучка! Почему? Есть у нас институты, стипендии, вечерние и заочные отделения, целая система разработана, чтобы все, кому надо, учились. С вашей механизацией вы кое-что придумаете, я верю. И помогут вам. Сведу вас с профессором Савиным, прикрепим к вам ученого мужа и так далее... А высшее образование вам необходимо! Присматриваюсь я к вам... талант на-лицо, а пишете вы, мысль излагаете — коряво! Почему? Как на теорию напоролись — стоп. Куда это годится? Непременно идите в институт. С этой же осени.
Воловик, не отвечая, взвешивал предложение про-фессора. Вот это и есть то самое главное решение?..
Трудно. И все-таки возможно? ..
— Помочь вам подготовиться к экзаменам найдет-ся кому, — добавил Карелин. — А год терять нечего. Сколько мы сосунков обламываем да вытягиваем, чтобы инженеры получились, а тут... И, считая вопрос ясным, предложил:
— А ну, поплыли. Мчитесь вперед, покажите класс. С вышки — умеете?
Воловик ринулся в воду. Прекрасное ощущение силы, ловкости и упругости своего тела, вместе с ощущением душевной ясности, делало его счастливым. Таким счаст-ливым — хоть пой! Не доплыв до берега, он ухватился за перекладину и энергичным движением вскинул свое тело на мостки. Освеженный и довольный, взбежал по ступенькам на верхнюю площадку и на минуту задер-жался на ней, подготавливая тело и нервы к прыжку. Отчаянный выкрик Аси дошел до него в тот самый миг, когда он отвел назад руки, согнул ноги в коленях и на-чал бросок. Удержаться от прыжка он уже не мог и не хотел. Ни с чем не сравнимое, острое и чарующее ощу-щение полета... собранность всего тела, каждой мышцы и каждого нерва... руки вперед, ноги вытянуты в струн-ку до кончиков пальцев...
Он разрезал воду и ушел в глубину, открыл глаза, увидел мерцающий среди водорослей песок и блики солнечного света в потревоженной воде. Сияние утра и дивная свежесть воздуха приветствовали его, когда он вынырнул на поверхность. Но в эту радость ворвался громкий истерический крик.
Увидав вынырнувшего из воды мужа, Ася смолкла, протяжно вздохнула и села на песок.
— Ася, ну что ты! Асенька! Ну разве так можно?.. Он опустился возле нее на колени, мокрый, все еще оживленный и счастливый. Ася всхлипнула, пряча лицо.
— Перестаньте! — крикнула Полина Степановна, дотрагиваясь до ее вздрагивающей спины. — Что это, в самом деле! Как маленькая!
И вполголоса, сердито сказала Воловику:
— Вы бы при ней не прыгали, раз она у вас такая... с нервишками.
Ася вскинула голову и жалобно улыбнулась. — Я думала, ты не умеешь, — прошептала она.
Профессор, выйдя из воды и завернувшись в мохна-тую простыню, стоял поодаль и хмуро следил за Асей. Милая девочка, ничего не скажешь, но, боже ж мой, до чего она не та женщина, какую он хотел бы видеть рядом с этим талантливейшим парнем! Так я и предчув-ствовал, — думал он, ожесточенно растирая кожу, — так я и думал, что ничего в нем не разберешь, пока не увидишь вот этой его трогательной гирьки...

Они пошли к даче. Воловик вел Асю под руку. Не по-вредит ли ей пережитый испуг? Он старался подавить невольное раздражение, но ему было стыдно перед про-фессором и жалко, что испытанное им наслаждение так печально и глупо кончилось.
— Не сердись на меня, Сашенька, — еле слышно проговорила Ася. — Я испугалась, что ты утонешь.
Острая жалость к ней мгновенно вытеснила раздра-жение. Он представил себе, что было бы с Асей, если бы его не стало. Чем она жила бы? За что уцепилась бы в новом горе? Яснее, чем когда бы то ни было, он по-нял, что у Аси нет никого и ничего в жизни, кроме не-го, что она существует при нем, как хрупкое растение, обвившееся вокруг чужого крепкого стебля, — подруби стебель, и оно упадет. Неправильно, неправильно и страшно за нее. Но что тут можно изменить? Как на-учить ее жить иначе? Да и научишь ли?..
Полина Степановна поставила на стол горшок с ды-мящейся рассыпчатой кашей. Профессор наливал в тол-стые фарфоровые кружки молоко.
— Вот лучшая пища на свете, — говорил он, разда-вая кружки. — Ешьте побольше гречневой каши, Асень-ка, и закаляйте нервы. Вашему супругу — путь-дорога большая, вам нужны крепкие ножки, чтобы топать ря-дом.
Ася с безграничной влюбленностью смотрела на му-жа, до нее дошла только одна мысль — профессор ценит его, профессор предсказывает ему большое будущее.
— Ладно уж, — смущенно сказал Воловик, под шуткой скрывая волнение. — Я ее в заплечный мешок посажу. Она легонькая.

6

Последние пять дней июня были рассчитаны по ча-сам и минутам — к ночи тридцатого вторая турбина должна была пройти стендовое испытание, и тогда цех мог рапортовать о выполнении июньского стахановского плана точно в срок.
На сборку стекались последние узлы и детали. По цеху то тут, то там гремел голос Виктора Гаршина; по-сле выговора директора Гаршин ненадолго присмирел, но теперь ему было некогда выбирать выражения, и сно-ва его зычная ругань звучала на участках, и в горячке на нее не обижались, а только посмеивались:
— Включился наш громкоговоритель!
Полозов морщился и при встречах с Гаршиным про-сил сквозь зубы:
— Перестань.
Его раздражала атмосфера «аврала», которую созда-вал начальник сборки. Он гордился тем, что цех вошел в график и в завершающих работах по второй турбине ясно ощущается почти бесперебойный ритм. Сам Поло-зов уже не бегал по участкам, как раньше, и не «нави-сал» над рабочими с просьбой «постарайся, дружище», о чем иронически вспоминал на собрании Коршунов. Зато на оперативных совещаниях начальники участков и мастера боялись колючих замечаний Полозова, а Ба-бинков жаловался друзьям, что Полозов «всей тяжестью навалился» на ПДБ.
С утра до вечера похудевший и утративший свое красноречие Бабинков осипшим тенорком давал сведе-ния наверх — заводскому диспетчеру — и запрашивал сведения снизу — с участков. Держа перед глазами памятку, он названивал снабженцам насчет баббита для третьей и крепежа для второй турбины, выяснял, отгру-жены ли отливки с металлургического завода для чет-вертой, заказаны ли вагоны для отправки первой.
Ничто не шло само собою, ни про одну деталь, мате-риал, инструмент нельзя было сказать, что они катятся как по маслу, но тем приятнее было Бабинкову, что они не застревают. Мысленно он много раз на дню красно-речиво хвастал тем, как он что-то обеспечил, чему-то по-мог, кого-то подстегнул... Но не успевал он открыть рот, чтобы похвастать, — звонил телефон, и опять где-то что-то «горело» или «затирало», и Бабинков начинал на-званивать в цехи, в дирекцию, старшему диспетчеру.

— Это ты, Бабинков? — переспрашивали начальники участков, удивленные его необычной краткостью и дело-витостью.
— Глядите-ка, человеком стал! — с удовольствием отмечал Ефим Кузьмич.
Но Полозов приходил к Бабинкову только проверять и требовать, замечал каждую оплошность, а достижения принимал как должное.
— Знаешь, Леша, — однажды, разозлившись, сказал Бабинков, — если ты думаешь, что я могу стать чем-то вроде автоматического регулятора...
— Ну, что ты! — ответил Полозов, дружески сжимая его пальцы, ухватившиеся за телефонную трубку. — Ни-когда я тебя не унижу таким сравнением: ты же чело-век — значит, гораздо умней и оперативней!
И ушел, посмеиваясь, — он знал, что злость пойдет Бабинкову на пользу, вытесняя склонность к болтовне и уступчивости.
Фактическое руководство цехом в эти решающие дни как-то само сосредоточилось в руках Полозова — долж-но быть, потому, что он был спокойней и уверенней всех.
Любимов вовремя появлялся там, где было нужно, вдумчиво решал вопросы, с которыми к нему обраща-лись, председательствовал на «оперативках» и догова-ривался с директором и главным инженером тогда, ко-гда это требовалось. Из цеха он почти не уходил, но ино-гда закрывался у себя в кабинете и говорил секретар-ше:
— Без крайней надобности — никого!
И секретарша заученно твердила всем, кто хотел пройти к начальнику цеха:
— Говорит с директором по телефону. Зайдите позд-нее.
А Любимов ни с кем не говорил. Прикрыв глаза, он сидел за своим столом и ничего не делал. Это не было ни отдыхом, ни раздумьем, — странная апатия охваты-вала его временами, такая апатия, что ни глядеть на людей, ни выслушивать их, ни решать какие-либо во-просы он не мог. Кабинет становился в такие минуты единственным его прибежищем, где можно ненадолго ото всех укрыться, — даже дома такого прибежища не было, потому что Алла Глебовна тотчас начала бы тре-вожно расспрашивать и строить предположения, что его обидели, обошли, не сумели оценить. Алла Глебовна говорила: «Они тебя заездят», «вы все какие-то ненор-мальные», «я тебя давно прошу — уходи с завода». А он любил завод. Он не представлял себе, как он стал бы жить без повседневных проблем и трудностей произ-водства, без волнующей радости стендовых испытаний... Он помнил каждую турбину, выпущенную им, расстраи-вался, если с нею что-либо случалось, и радовался, если узнавал, что она работает без капризов дольше отпу-щенного ей наукою срока. Он гордился тем, что ему до-верено руководство таким ответственным цехом, и рев-ниво оберегал свое доброе имя. Выговоры сверху и кри-тика снизу делали его несчастным. Он готов был при-знать, что чего-то не понял, что новые требования, предъявляемые руководителю, законны и полезны. Он старался выполнять эти требования, но, должно быть, не умел. А в последнее время он чувствовал, что движе-ние, охватившее цех в связи с обязательством красно-знаменцам, перехлестнуло через него, что оно идет не-зависимо от его воли, так что если бы он заболел или умер — ничто не изменилось бы.
Он не понимал людей, окружавших его. Они радова-лись тому, что его пугало, добивались того, что он пы-тался отстранить как «самоубийство». Они настояли на своем — новые сроки стали законом, и теперь любая за-держка с выпуском турбины означала не только нару-шение социалистического обязательства рабочих, но и срыв цехового и общезаводского плана, то есть неприят-ность для цеха и провал для него, для руководителя! Раздумывая на досуге, он признавал, что такое опасное решение целесообразно с государственной, да и просто с деловой точки зрения, но в глубине души не верил, что новые сроки реальны, и томительно боялся, боялся, боялся...
Сидя взаперти в своем кабинете, он прислушивался к разговорам секретарши с посетителями, и каждый громкий голос пугал его как возможный вестник не-предвиденной беды. «Нервы, нервы!» — тут же успокаи-вал он себя, убедившись, что никаких дурных вестей нет.
Зазвонил телефон.
— Георгий Семенович, к нам приехали дорогие го-сти! — весело сообщил Диденко. — Делегация краснознаменских строек! Они уже побывали на генераторном, говорят — дела там весьма хороши. А что у вас? Идете в графике?
Любимов придвинул к себе график.

— В графике. Сейчас начнется посадка уплотнительной втулки и муфты, затем проточка всего ротора и балансировка. Довольно эффектное зрелище для го-стей, — сказал он, заставляя себя приветливо улыбнуть-ся, хотя гости и не могли видеть его улыбки.
— Чудесно! — воскликнул Диденко. — Товарищи пробудут до первого, чтобы присутствовать на испытании турбины. Сейчас они пойдут по заводу и, конечно, больше всего хотят осмотреть турбинный цех.
— Милости просим, — сказал Любимов.
Он еще не отнял руки от телефона, когда дверь рас-пахнулась и без спроса вошла Карцева. Подойдя вплот-ную к Любимову, она еле слышно проговорила:
— Беда... На уплотнительной втулке... волосовины.
Ефим Кузьмич уже вызвал кран, чтобы отправить втулку на сборку ротора, когда лаборантка заводской лаборатории, снимавшая серную пробу, выпрямилась с листком в руке и вполголоса позвала:
— Ефим Кузьмич!
На листке проступили рыжеватые отпечатки змеевид-ных, рясходящихся линий.
— Волосовины, — шепотом сказала лаборантка. Ефим Кузьмич вынул лупу и склонился над втулкой.
На ее внутренней поверхности темнели тонкие трещин-ки. Должно быть, в термической обработке втулку слиш-ком быстро нагревали или слишком быстро охлаждали, сталь перенапряглась и треснула... и теперь это сталь-ное толстое кольцо, такое мощное и крепкое на вид, ста-ло ненадежным: не выдержать ему страшного напряже-ния предстоящей многолетней работы!
Прибежал Воробьев. Несколько минут он не мог ото-рвать взгляда от змеящихся трещинок, потом твердо сказал те слова, которые было так трудно произнести:
— Брак. Неисправимый.
Вокруг них сразу столпились люди. Лупа переходила из рук в руки. Никто ничего не добавил к словам Воро-бьева. Все было ясно. Брак. Надо заказывать новую втулку. Ротор будет ждать ее. А турбина будет ждать ротора. Все напряжение этих дней уже не нужно. Три-дцатого числа испытания не будет. Стахановский план июня сорван...
Появился Полозов, коротко сказал:
— Дайте-ка лупу!
Он мог бы и не смотреть. Как только ему доложили, что на втулке обнаружены волосовины, мысль его зара-ботала в новом направлении: чем исправить беду побы-стрее. И склонился он над этими роковыми трещинками только для того, чтобы выгадать время, пока в его го-лове сложится решение. Затем он выпрямился и обра-тился к Воробьеву и Ефиму Кузьмичу:
— Втулка для третьей поступила? Пойдемте погля-дим, что там можно сделать.
И они пошли — все трое внешне спокойные — на склад заготовок. Их деловитость разрядила напряжение. Кто-то выругался, кто-то добавил, — каждому хотелось облегчить душу.
Примчался со стенда Гаршин, откуда-то вынырнула Карцева.
— Что вы трясетесь? Позовите Любимова! — крик-нул ей Гаршин, и она послушно побежала за начальни-ком, даже не заметив его грубости.
Перед Любимовым все молча расступились. Был он бледен и шагал как обреченный. Наклонился и долго всматривался в тусклую поверхность металла, в тончай-шую паутинку трещинок.
— Все, — отворачиваясь, произнес он и медленно по-шел обратно.
Гаршин догнал его:
— Георгий Семенович...
Любимов страдальчески сморщился и сказал, мах-нув рукой:
— А тут еще краснознаменцы... Черт их принес! Вы вот что... позвоните Диденко, а то ведь они сейчас придут... Проточку и балансировку ротора обещал им... Отмените.
Любимов говорил как больной. Одна неотвязная мысль преследовала его с той минуты, когда он услышал тяжелую весть. «Я это предвидел, этого боялся, а все равно — срыв плана на мне, отвечать — мне...»
Гаршин вдруг дернул Любимова за рукав, засмеял-ся и воскликнул:
— Ничего не надо отменять!

Пригнувшись к самому уху Любимова, он начал бы-стро и горячо объяснять ему, что и как можно сделать. Рабочие с любопытством наблюдали, как постепенно прояснялось лицо начальника цеха. Наконец Любимов одобрительно кивнул и быстро прошел через цех в свой кабинет, а Гаршин, подмигивая самому себе, направил-ся в тот угол, где, ожидая отправки, стоял на стойках го-товый ротор первой, уже испытанной турбины.
— Вот оно что, — пробормотал кто-то из сборщиков.
— С Гаршиным не пропадешь, — откликнулся второй.
— А что ж? Как говорится — хоть стыдно, да сыт-но.
Еще кто-то вслух подумал:
— Тридцатого не испытать — сорвется весь план...
Молодой сборщик растерянно спросил:
— Это что же теперь делать будут?
Ему не ответили. Хмуро и молчаливо, не сговари-ваясь, все пошли по своим местам.
А вокруг ротора первой турбины началась лихора-дочная суета. Не глядя друг другу в глаза, рабочие вы-свобождали его из креплений. Стропальщики молча опу-тывали ротор стальными тросами. Гаршин поторапли-вал, изредка косясь в ту сторону, откуда вот-вот могли появиться посторонние люди.
Валя вела кран к указанному ей месту, с удивле-нием стараясь понять, что там происходит. Возбужденная, с красными пятнами на щеках, стоя-ла в центральном пролете Аня Карцева. Она тоже коси-лась на ворота и замирала каждый раз, когда калитка открывалась: не краснознаменцы ли? Она поняла, что решили сделать Любимов и Гаршин, и как-то не заду-мывалась, хорошо это или плохо. Она думала только о том, что план — стахановский план, которого они все так добивались! — под угрозой, что будет ужасно, если делегатов Краснознаменска придется встретить такой горькой новостью... что, наверно, потом как-нибудь бы-стро наверстают...
Когда кран поднял и медленно понес через цех мно-готонную махину ротора, поблескивающую отполирован-ными поверхностями вала и массивных колес, Аня мыс-ленно торопила крановщицу: «Ну скорее, Валечка, ми-лая, скорее!» — и дрожала от нетерпения, потому что кран полз медленно и настороженно, с тяжким скреже-том.
Втулка, предназначенная для третьей турбины, была на термической обработке, и Полозов убежал в терми-ческий цех выяснять, когда ее подадут, а заодно отругаться по поводу брака.
Ефим Кузьмич и Воробьев подсчитывали:
— Обработка токарная — двадцать часов, разметка и долбежка пазов — четыре часа, посадка — полтора-два часа, потом насадка муфты... проточка всего рото-ра...
— Как ни крути, а с момента, когда втулку пода-дут, — не меньше тридцати — сорока часов.
Тень от проплывающей над пролетом махины на ми-нуту легла на их и без того сумрачные лица. Оба под-няли головы и проводили взглядом медленно удаляю-щийся ротор.
— Да, так вот... — первым заговорил Ефим Кузь-мич. — Если втулку подадут, ставлю лучших токарей в смены — Назарова, Пакулина...
Воробьев отвел глаза от ротора, плавно покачивав-шегося на гигантском крюке, и неуверенно спросил:
— Может, и мне стать в ночь? А? После Назарова? Я попробую скоростным...
Ему очень хотелось сейчас же, немедленно стать к станку и целиком уйти в привычную, простую, до конца ясную работу. Лишь бы не идти туда, к балансировочно-му станку, где он будет вынужден или вмешаться, или своим молчаливым присутствием одобрить махинацию, придуманную Гаршиным. Он не имеет права отменить распоряжение начальника цеха, но и промолчать тоже не имеет права. И он с тоской представлял себе послед-ствия своего вмешательства. Не ссору с Гаршиным и Любимовым — черт с ними! — не сложное обсуждение их поступка на партбюро, а может быть, и на партко-ме... нет, он представлял себе, как весь завод облетит досадная новость: турбинный не сдаст к первому числу турбину, турбинный в хвосте всех цехов, из-за турбинного сорван стахановский план... Он представлял се-бе, как вот-вот появятся делегаты Краснознаменска, по-сланцы строителей, которым турбинщики дали торже-ственное социалистическое обязательство! — и надо бу-дет сказать им: простите, подводим... Кто бы ни был виноват, а в итоге — спрос с турбинщиков!.. И, нако-нец, он представлял себе унылое настроение товарищей по цеху, когда на доске соревнования они увидят свой турбинный — на последнем месте, на черепахе.

— Закури, Яков, — строго предложил Ефим Кузь-мич, подавляя такие же мысли, и вдруг сказал:
— Гляди, с чем-то Коля бежит.
У Николая Пакулина было оживленное, счастливое лицо, оно бросалось в глаза среди общего уныния.
— Ефим Кузьмич! Яков Андреич! — еще издали за-кричал Николай. — Ведь у нас на обработке другая втулка есть! Для обоймы уплотнения!.. Тоже с третьей турбины!.. Вчера с термического поступила...
Передохнув, он сказал уже спокойнее:
— Мы поглядели по чертежам, высчитали. Если переточить — будет втулка для ротора. Все сходится. И работы там часов на восемнадцать — двадцать! И, главное, сразу приступать можно!..
— А ведь и в самом деле... ох, Коля, умная голо-вушка!
И Ефим Кузьмич с Воробьевым начали подсчитывать, сколько часов тут потребуется, с азартом сжимая и без того короткие сроки обработки и этим как бы оправды-вая то, что они стоят здесь, стоят и не обращают вни-мания на происходящее в нескольких десятках шагов от них.
Тяжелый крюк бережно пронес восемнадцатитонный ротор через цех и осторожно потащил его к станку, на котором происходит балансировка. Гаршин знаками указывал крановщице — влево, еще влево, стоп! Он был весел и очень доволен — до чего ловко придумал! Пока там будут возиться с новой втулкой, мы этот ротор эф-фектно отбалансируем на глазах гостей и прямехонь-ко— на сборку! Даже если б не было этих волосовин, все равно канителиться пришлось бы еще долго, одна проточка ротора — часов десять, раньше утра к балан-сировке не приступили бы! А тут и балансировка — только для виду, для гостей, и экономия во времени — не меньше суток! Испытание можно начать и двадцать девятого… Ого! Досрочно, сверх стахановского плана! Еще, чего доброго, премии заработаем! А потом, после первого числа, без шуму, без гостей закончим и тот ро-тор, и все будет в ажуре!
Посмеиваясь, Гаршин уже двинул пальцем, чтобы начать установку ротора на станок, когда прямо перед ним возник человек с таким разъяренным лицом, что Гаршин не сразу признал в нем Алексея Полозова.
— Прекратить! Нельзя это делать! Стыд! — закри-чал Полозов необычно высоким голосом и яростно за-махал крановщице.
Валя послушалась.
Опускавшийся ротор вздрогнул, остановился и начал медленно покачиваться в воздухе, как бы удивляясь то-му, что происходит внизу.
С минуту Полозов и Гаршин стояли одни. Затем они оказались в кругу зрителей, и с каждой минутой круг становился плотнее. Еще недавно никто как будто не видел и не интересовался, что там такое делают с ротором уже испытанной турбины. А сейчас все, кто только мог оторваться от работы, бежали сюда и про-бивались поближе.
— Ну, в чем дело? — подавляя злость, небрежно спросил Гаршин. — Из-за чего столько пылкости?
— Этого делать нельзя! — повторил Полозов и огля-нулся. Ему хотелось увидеть на лицах окружающих одо-брение и сочувствие, но увидел он, как ему показалось, только любопытство.
— Жульничества я не допущу! — бледнея, сказал он и с надеждой повернулся к начальнику цеха, властно раздвигавшему толпу.
— Что за сборище? — прикрикнул Любимов. — Гудка, кажется, не было. Давайте, давайте по местам!
Как всегда сдержанно-спокойный, но с брезгливо-недовольным выражением на посеревшем лице, Люби-мов обратился к одному Гаршину, как бы не замечая своего заместителя:
— Почему прекращена работа?
— Работу остановил я, — четко сказал Полозов. Гаршин молчал, и Любимову пришлось заметить По-лозова. Он процедил сквозь зубы:
— Пока начальник здесь я, и мои приказания…
— Я прошу вас повторить приказание, — сказал По-лозов. — Я не слышал его, Георгий Семенович.

Эти слова вызвали в толпе упорно не расходившихся рабочих смешки и шепот. Повторить при рабочих прика-зание подменить ротор было неловко, и Любимов, утра-тив власть над собой, закричал визгливо и грубо:
— Прекратите беззаконие вы! Вы! Довольно я тер-пел! Всякий мальчишка будет меня учить!
И, обернувшись к рабочим:
— Разойдись! Работать! Распустились!
Как только он закричал, он сам понял, что становит-ся смешон. Его ужаснули визгливые звуки собственно-го голоса. Сердце будто провалилось куда-то, и на мгно-вение Любимову стало так плохо, что он с надеждой по-думал: «Вот и все... и хорошо... и ничего больше не надо...» Но тут же снова почувствовал нормальное бие-ние сердца, устоял на ногах и понял, что припадка не будет.
Усмехаясь и переглядываясь, рабочие стали неохот-но расходиться. Но даже наиболее послушные немед-ленно повернули назад, к группе начальников, когда раздался прерывающийся голос Анны Карцевой:
— Краснознаменцы пришли!
У входной калитки стояла группа делегатов. Охранница проверяла их пропуска, а Саша Воловик что-то объяснял им, указывая рукой на махину ротора, повис-шую в вышине, — должно быть, зрелище было для го-стей внушительное.
— Ну, что теперь препираться! — миролюбиво ска-зал Гаршин и тронул Полозова за плечо. — Брось, Але-ша! Сейчас покажем балансировку, потом все прочее. Сдадим турбину с этим — и с плеч долой! А тем време-нем тот ротор вытянем. Я сам из цеха не уйду, пока не вытянем... А?
И всем поверилось, что так можно и нужно сделать, что именно так проще всего решить — теперь, когда де-легация уже тут, когда до конца месяца осталось всего пять суток и всякое другое решение вызовет провал плана...
Смятение отразилось на лице Полозова. Он тоже смотрел на группу делегатов, которые шагали вместе с Воловиком прямо сюда.
Аня Карцева кинулась к Полозову, схватила его за руку и с мольбою прошептала:
— Алеша... вы же видите сами... ну, прошу вас... Она бессознательно вложила в этот шепот всю свою нежность. И он понял это. Он мучительно сморщился, выдернул руку и крикнул:
— Совести у вас нет! Кого обманывать? Самих себя?!
Делегаты были все ближе. Рабочие переводили взгляды с Полозова на Любимова, потом на приближав-шихся краснознаменцев и снова — на Любимова: в кон-це концов, он же начальник, ему решать!
— Ах, так?! — багровея, вскричал Любимов. — Хо-рошо же! Командуйте сами, и пусть будет по-вашему. А я... я свой цех позорить не буду!
Втянув голову в плечи, он быстро миновал делега-тов и ушел из цеха, с грохотом захлопнув калитку.
— Ну и расхлебывай сам! — бросил Гаршин, по-спешно отходя.
Вокруг Полозова сразу стало пусто. Только Аня ни-куда не ушла и продолжала смотреть на Полозова, но так испуганно и робко, что не у нее было искать под-держки.
Алексей знаком отдал приказание Вале, кран заскре-жетал и медленно пополз обратно, унося свой тяжело-весный груз. Алексей провел рукой по лицу, весь подтя-нулся и пошел навстречу делегатам.
— Здравствуйте, товарищи! — с усилием сказал он. — Не в добрый час вы к нам пришли... но что де-лать! Производство не игрушка. Всякое бывает.
Воловик начал их знакомить. Алексей, как в тумане, видел дружеские улыбки, рассеянно слушал и тут же за-бывал фамилии. Узнал знакомое имя — Ганна Поруценко, вспомнил рассказы Воловика, на секунду с любопыт-ством вгляделся в ее лицо.
— Так что ж у вас стряслось недоброе? — спросила Ганна.
Не отвечая, Алексей позвал:
— Анна Михайловна!
Карцева рванулась на зов, но Алексей сухо приказал немедленно заказать плакат — обращение к работникам термического цеха, чтоб все знали, какую беду при-нес их брак общему делу выпуска турбины.
— И к утру чтоб плакат был выставлен у проход-ной!

Затем он повел краснознаменцев к брошенной, уже никому не нужной втулке, показал трещинки на метал-ле и объяснил, как они опасны и как недопустим малей-ший брак на такой ответственной машине.
Один из делегатов сочувственно сказал:
— Да, сложное у вас дело.
А Ганна Поруценко совсем по-женски мягко добави-ла:
— Та вы не переживайте... Хто работал, тот знает — во всяком деле заминки случаются.
— Переживай не переживай, — уже с улыбкой ска-зал Полозов, — а сдача турбины дня на два-три задер-жится. Для вас это значения не имеет, а цеху тяжело. Срываем план.
Он чувствовал облегчение оттого, что неприятное объяснение осталось позади, и совершенно не знал, что ему теперь делать с гостями. Но гости и тут догадались: вы уж попросту, по-дружески скажите, если вам сейчас некогда, — мы ж понимаем!
— Мне действительно некогда, — признался Поло-зов, — но свободные люди у нас есть. Виктор Павло-вич! — не без злорадства позвал он. — Знакомьтесь с нашими гостями и проведите их, пожалуйста, по цеху. Покажите, расскажите, с людьми познакомьте.
Гаршин подошел надутый, неохотно начал здоро-ваться.
— Веселей, веселей, Виктор Павлович, — посовето-вал Полозов, — не первая и не последняя у нас замин-ка, что уж нос вешать!
И, передав заботу о гостях Гаршину, пошел зани-маться тем, что сейчас было важнее всего, — втулкой.
Никогда еще он не испытывал такого странного чув-ства, идя по родному цеху, мимо десятков знакомых лю-дей. Он уловил несколько восхищенных взглядов, устремленных на него, — но больше было взглядов угрюмых и недоброжелательных. Те самые люди, что не-давно с насмешкой и осуждением следили за подменой одного ротора другим, что одобрительно перешептыва-лись, когда он попросил Любимова повторить приказа-ние, — те же люди сейчас смотрели на него с досадой. Ну кто тебя просил вмешиваться? — как бы говорили они. — Не ты отвечаешь — не тебе и краснеть. А вот теперь всем нам неприятность, и перед гостями приходит-ся глаза опускать, вместо того чтобы принимать поздра-вления, и по итогам июня мы окажемся на последнем месте. Не мог ты, что ли, уйти на время, если уж ты та-кой принципиальный? Ведь вот Воробьев не вмешался же...
А Воробьев спешил навстречу Полозову. Вид у не-го был пристыженный и решительный. Он сам себе не прощал той скверной минуты, когда не посмел вмешать-ся так, как это сделал Полозов. Теперь он видел, что за ним следят десятки глаз, что всем интересно и важно, как встретятся Полозов и Воробьев. Он подумал даже, что следовало бы громко сказать какие-то веские слова одобрения, которые будут услышаны и, конечно, быст-ро разнесутся по цеху. Но он не умел нарочно приду-мывать подходящие слова и сделал то, что сделал бы и наедине с Полозовым, — крепко пожал его руку и шепнул:
— Молодец.
— Молодцами будем, когда турбину сдадим, — обрадованно сказал Полозов. — Что там со втулкой, Яков Андреич?
— Со втулкой налаживается, Алексей Алексее-вич, — ответил Воробьев, и оба пошли заниматься делом, потому что обоим было сейчас не до рассуждений.

7

Аня Карцева ползала на коленях по холсту, краской заливая буквы: «Термисты! По вашей вине...» — и при-поминала все то же, все то же — она бросилась к Алек-сею с этой нелепой, постыдной просьбой, а он с пре-зрением оттолкнул ее руку и крикнул: «Совести у вас нет!» Как он должен теперь презирать ее — он, который вел себя благородно и честно! Какой ничтожной каза-лась она самой себе, вспоминая, как хорош был Алек-сей — там, у станка, с Гаршиным и Любимовым, и с краснознаменцами, и позднее — с директором.

Немиров пришел в цех улыбающийся, оживленный, еще ничего не зная о случившемся, — должно быть, хотел приветствовать гостей и вместе с ними полюбовать-ся балансировкой ротора.
— Почему мне не доложили? — минуту спустя кри-чал он Полозову. — Где начальник цеха? Немедленно позовите его сюда! Черт знает что, отменили — и в ку-сты!
Алексей сдержанно сказал:
— Георгий Семенович к вам, наверное, и пошел. А командование в цехе передал мне.
Директор фыркнул и начал недоброжелательно и придирчиво расспрашивать, что предпринято для изго-товления новой втулки. Предложение Пакулина, види-мо, обрадовало его, но он был слишком раздосадован, чтобы высказать одобрение чему бы то ни было. В сере-дине разговора он вдруг заметил в дальнем углу цеха непонятную ему возню с ротором первой турбины — ро-тор снова устанавливали на стойки.
— А там что такое?
Гаршин выдвинулся вперед и не без злорадства объ-яснил:
— Георгий Семенович нашел возможным... чтоб избежать срыва плана... временно... Но товарищ Поло-зов воспротивился. Из принципиальных соображений.
Директор промолчал, но всем показалось, что с его губ слетело ругательство. Борьба чувств ясно отража-лась на его лице, и всем было понятно, что это не сулит ничего доброго заместителю начальника цеха. С мину-ту длилось тягостное молчание. Наконец Григорий Пет-рович произнес сдавленным от злости голосом:
— Обманывать государство никому не позволено, и заместитель начальника цеха поступил правильно.
Он с ненавистью взглянул на Полозова и приказал:
— Разыщите и приведите ко мне Любимова!
Не обращая больше внимания ни на Полозова, ни на Гаршина, он направился к гостям и дружеским жестом пригласил их вместе продолжить осмотр цеха.
Гаршин ринулся за директором и гостями, а Полозов постоял, кусая губы, и побрел к телефону.
Вспоминая, каким одиноким он выглядел в ту мину-ту, Аня не понимала, как она могла остаться в сторо-не, почему она тогда не побежала за ним следом, не сказала: ты прав! Не сказала: люблю больше, чем ко-гда бы то ни было! Если можешь — прости.
Она вздрогнула, услыхав шаги. Неужели Алексей?
Но это был Диденко.
Аня встала, чтобы он мог прочитать текст обраще-ния.
— Сама придумала? — спросил Диденко, одобрив текст.
— Да. Полозов велел выставить к утру.
— Что ж, правильно... — Он вздохнул и каранда-шом поправил неровно начерченную букву. — Д-да, — проговорил он, — вот как получилось... Значит, если бы не Полозов, вы все так и пошли бы на жульничество?
— Не знаю, как все. Я, Николай Гаврилович, во вся-ком случае виновата и смягчать свою вину не хочу. Сго-ряча я даже не подумала, жульничество это или просто... Ну, не хотелось этого, провала, ведь теперь цех…
Диденко взял кисть, обмакнул ее в банку с краской и ловко выкрасил одну букву.
— Д-да, — снова протянул он. — Завтра термисты с утра зашевелятся. Пожалуй, брака от них вы больше не получите. А как думаешь, товарищ Карцева, если бы ротор сегодня подменили — могли бы пристыдить тер-мистов таким плакатом? Зато как оживились бы все те, кто непрочь прикинуть процентик выполнения да кто хлопочет о своей славе больше, чем о деле!
Аня отобрала у него кисть, так как кисть повисла в воздухе и краска капала на холст. Заливая букву, она сказала:
— Я ведь понимаю, Николай Гаврилович.
И немного погодя спросила:
— Полозов в цехе?
— Полозова я домой отправил. В порядке партий-ной дисциплины. Со втулкой все работы налажены. Ефим Кузьмич присмотрит. А Полозову теперь покру-титься придется немало. Любимов-то слег.
— Слег?!

— Ага. Звонили ему, жена говорит — сердце. Зна-ешь, есть такой хороший способ уйти от ответственно-сти: в кроватку и полотенце на голову — умираю! А по-моему, — с гневом добавил Диденко, — по-моему, если что случилось и ты виноват или, наоборот, прав, но не признан, — сперва додерись, исправь, ответь, а потом и в кроватку можно.
Через минуту он сказал:
— Ну, я пошел. А ты, товарищ культпроп, поду-май и с народом поговори, не стесняйся поговорить от-кровенно, как есть. Нервничают сегодня люди. Между прочим, и на Полозова косятся. Потому что обидно — цех-то в прорыве! А только злость пройдет, страсти осты-нут— и останется уважение и, если хочешь, даже призна-тельность. Как думаешь, что говорили бы потом в цехе? После того как турбину сдали, гостей проводили? Ска-зали бы — не социалистическое обязательство, а очко-втирательство! Коммунисты о новом отношении к тру-ду да к государству болтают, а сами вон что де-лают! Правильно? То-то! И еще представь себе, о чем шипел бы такой гусь, как Белянкин, как похохатывал бы Торжуев. И как бы товарищ Карцева завтра объясни-ла с точки зрения коммунистической морали эту махи-нацию с ротором комсомольцам, молодежи, вашему зна-менитому Кешке Степанову хотя бы? А? Ну, будь здо-рова!
К ночи она закончила плакат, проследила за тем, как рабочие установили его на самом видном месте у проходной, и побрела домой. Войдя в прихожую, она со злобой услыхала спорящие голоса Любимовых, — ну, конечно, никакого припадка, просто решил отвертеться от неприятной ответственности!
— А я тебе говорю — они под тебя подкапываются, и твой Полозов в первую очередь! — говорила Алла Гле-бовна без обычной певучести в голосе. — Ты наивен! Ты не понимаешь, — если бы Полозов был на твоем месте, он и не подумал бы возражать! А тут выскочил, чтоб тебе шпильку вставить!
— Перестань, Алла. Ну перестань, бога ради, — раз-драженно и устало просил Любимов.
— Нет! — вскрикнула Алла Глебовна. — Не пере-стану, потому что ты интеллигентский тюфяк! Сколько раз прошу — уходи на преподавательскую работу, пока Юрий Осипович может это устроить! Пока тебя не съели!.. Тебе нужен отдых, спокойствие, ты на себя не похож. В институте...
— Много ты понимаешь! — вдруг закричал Люби-мов. — В институте, в институте! В институтах теперь, знаешь, тоже новые песни.
Аня усмехнулась и громко хлопнула дверью, напоми-ная соседям, что они не одни в квартире. Окно в ее комнате было открыто, и теплый, но све-жий воздух струился ей навстречу. Аня высунулась в ок-но и среди тысяч ночных огней, среди тысяч освещенных и темных человеческих жилищ ясно увидела одно, не-видное глазу, — комнату в квартире 38, где один, рас-строенный и угрюмый, сидит Алексей. Алексей, без ко-торого еще вчера казалось — ей не жить. Алексей, чью любовь она сегодня, быть может, умертвила, потому что не поняла, не поддержала, потому что вложила всю нежность в просьбу поступить неблагородно, нечест-но… Как же это случилось? Как она могла? «Совести у вас нет»... С каким презрением он оттолкнул ее ру-ку!..
Воспоминание доставляло физическую боль. И от этого не уйти. Только одно было возможно и необходи-мо — немедленно увидеть его, признаться, что виновата, и услышать все, что он захочет сказать ей. Если ко-нец — пусть сразу.
Не взглянув в зеркало, не сменив рабочего платья, она снова вышла из дому и почти бежала всю дорогу до знакомого дома в переулке. Разыскала номер 38 на табличке у входа, взбежала по лестнице, позвонила. Она ждала, что Алексей откроет сам и холодно спросит: «Вы? Зачем?» Открыла незнакомая женщина в халате, с удивлением и любопытством оглядела Аню.
— Мне к товарищу Полозову. С завода. Очень сроч-но. Он не спит?
— Нет, наверное. Только что выходил, — неохотно ответила женщина и указала, куда идти.
Забыв постучать, Аня толкнула дверь и вошла. Во-шла, прикрыла за собою дверь и прижалась к ней спи-ной, не зная, что же еще делать, раз она добежала до цели и Алексей — вот он. Не расстроенный, не угрюмый. Сидит в голубой футболке над стаканом чаю и ест бул-ку с колбасой. Глаза его широко раскрылись от удивле-ния.
— Аня, вы? — воскликнул он наконец, торопливо про-глатывая булку. Не понять было, доволен он или раз-досадован неожиданным вторжением.

В комнате было только два стула, на одном из них навалены книги, бумаги, два мятых галстука и пиджак. Алексей смахнул все это на кровать и неуклюже вы-ставил стул на середину комнаты — для гостьи. Комната была большая и неуютная, с чересчур яркой лампой без абажура — холостяцкое жилье человека, мало бы-вающего дома. На рабочем столе, среди книг и беспоря-дочно наваленных бумаг и чертежей, почему-то стоял глобус, повернутый к Ане голубизной Тихого океана.
— Да вы садитесь, Аня. Чаю хотите?
Она ожидала всего, кроме этого неуклюжего и мило-го гостеприимства. Как будто ничего не произошло. Как будто он не крикнул ей тех слов, не оттолкнул ее с таким презрением несколько часов тому назад.
— Я пришла... Я должна вам сказать, Алеша. Мне ужасно стыдно, что я...
— Вы об этом? Да ну, что там, Аня! Впрочем, я рад, что вы пришли хотя бы из-за этого. Но у меня та-кой ералаш. Это потому, что не бывал дома, а дворни-чиха больна… Чаю налить?
— Нет!
Ей хотелось и смеяться и плакать одновременно. Если бы он сердился на нее, она не чувствовала бы се-бя такой виноватой. Если бы он обнял ее, она все за-была бы. Но он смешно суетился, пытаясь наскоро на-вести порядок на столе, — бумаги разлетались, книги падали. Махнув рукой, он оставил все как есть и расте-рянно сел напротив нее.
— Это такая гадость, что все надулись, — сказала Аня. — Я не могла не прийти и не сказать вам, что мне — стыдно за себя и за всех. Я думала, вы расстроены...
— А чего же мне расстраиваться? — удивился он. — Я же прав!
Она не знала, что еще сказать ему и что ей теперь делать.
— Зачем у вас глобус?
— А почему ему не быть? Он от мамы остался. Я люблю крутить его.
Он крутанул глобус, тот со скрипом дважды обер-нулся вокруг оси и снова застыл, показывая Ане лазур-но-голубой океан с точками островов и пересекающими-ся пунктирными линиями основных транспортных пу-тей.
— Иногда увидишь какое-нибудь название — и до того оно тебя будоражит! Остров Три-ни-дад. Я его со-всем не представляю себе. Мимо него не проходит ни один из соблазнительных рейсов; Монтевидео—Марсель, 21 день; Генуя — Буэнос-Айрес, 19 дней. Он даже ни-чей, по глобусу. И почему их два? Вон там, повыше, другой Тринидад, английский. В самом центре скреще-ния морских путей — на Каракас, на Панамский канал, на Марсель, на Пернамбуко, на саму Огненную Землю! Впрочем, сейчас оба Тринидада, наверно, американские.
Он улыбнулся Ане и предложил так, как будто это может сбыться завтра:
— Давайте как-нибудь поедем путешествовать?
— Давайте, — сказала Аня. И додумала вслух: — Как странно, что я не поняла этого раньше. Ну, конеч-но, вы совсем не расстроились, и у вас прекрасный аппе-тит, и спать вы будете, как младенец.
— Я вам все-таки налью чаю, ладно? Я и в самом деле голоден, а мне одному неловко.
Он включил электрический чайник и начал шарить на полках.
— Где-то у меня второй стакан. Вы не смейтесь, я бываю отличным хозяином, я только подзапустил все за последнее время.
Он нашел стакан и подозрительно осмотрел его на свет. Аня отобрала стакан, сполоснула, поискала поло-тенце, засмеялась:
— Бог с вами, наливайте так. Моя бабушка всегда говорила, что нет ничего чище воды.
— Я не знал, что вы придете, Аня. Я бы пригото-вился.
Он быстро глянул на нее и тотчас отвел взгляд.
— Аня, но это будет скоро... по-настоящему?
Она молча кивнула, и он увидел это, хотя и не смот-рел как будто в ее сторону. Оба медленно отхлебывали чай.
— А если говорить совсем правду, — вдруг сказал он, — то поначалу я действительно расстроился. И оби-делся.
Он встал, решительно надел пиджак и потянул Аню за руки.
— Значит, вы одобрили?
— Да.
— Очень?..

Их губы встретились, и на долгие мгновения все, что занимало и волновало их, перестало существовать.
— А теперь пошли, — рывком отстраняясь, сказал Полозов. — Я вас провожу. Уже второй час, а мне надо в цех к шести. И черт его знает, что еще выкинет Люби-мов. Были вы дома? Видели его? Закатит, чего доброго, болезнь на неделю, вот и крутись за него.
— Так вы не провожайте. Ложитесь.
— Немножко-то можно?
Они вышли на улицу. Ночь была светлей, чем ка-залось из освещенной комнаты, — даже не ночь, а ран-нее-раннее утро. И этой удивительной белой ночи, по-хожей на утро, не было никакого дела до того, когда надо вставать двум людям, заблудившимся в знакомом переулке, и надо ли им вообще спать. И до здравого смысла ей не было никакого дела — она была беззвуч-на и все-таки умудрилась нашептывать им, что расста-ваться нельзя, что расставаться жаль и, может быть, прекраснее уже не будет ночи.
— Вернемся, Аня.
— Нет. И ты иди. У тебя завтра такой день.
Они опять оказались под старинными сводами на уг-лу переулка, где было сумрачно и тихо и терялось пред-ставление о времени.
— Аня, вернемся.
— Нет!
— Почему?
— Потому, что я не могу сегодня, когда я шла к те-бе признаваться... когда смотрела на тебя, как винова-тая, снизу вверх...
— Ты все еще помнишь? И хочешь наоборот — смотреть сверху вниз?
— Не шути. Это серьезно.
— Мы, наверно, будем много ссориться, по-смешно-му и страшно серьезно.
— Наверно.
— Скорее бы, Аня. Я буду уступчив до предела воз-можного. Только не теперь... Когда ты придешь, Аня?
— В субботу.
— Ой, как долго!
— Алеша! За эти дни тебе надо сдать машину.
— Знаешь, машина и ты для меня совсем не одно и то же.
— Очень рада, но машину-то сдавать тебе!
— Ну, беги. Я не пойду дальше. Ничего?
Алеша, эта арка — самое славное место во всем городе.
— Мы здесь прибьем мемориальную доску в день золотой свадьбы. Золотая — это сколько?
— Кажется, пятьдесят. Или двадцать пять. Не знаю.
— Слышишь, Аня, где-то бьют часы. Два.
— Я побегу. Пусти меня.
— Ты не боишься одна?
— Нет.
Она оторвалась от него и пошла быстро, не огляды-ваясь. И не прямо домой, а переулками — на набереж-ную канала, туда, где над водою свешивали свои поник-шие ветви старые ивы. Кто-то легко вскрикнул на другом берегу канала. Шепот и смех долетали до слуха Ани. «Потонет» — «Не потонет!» — «Плывет…»
Белый бумажный кораблик, или птица, или, быть мо-жет, оброненный белый цветок скользил по тусклой, почти бесцветной воде, важно поворачиваясь и выплы-вая на середину канала, где чуть поблескивали струи более сильного течения.
— В субботу, — вслух сказала Аня и на минуту при-крыла глаза, таким ярким, жданным и все же неожи-данным представилось ей ее счастье. Открыв глаза, она сразу нашла белый кораблик — он победно плыл, пока-чиваясь на уносившей его струе. А те двое, плечо к пле-чу, следили за ним, перегибаясь через решетку. «В суб-боту...»

— На большом посту и маленькая ошибка становит-ся крупной.
Это сказал Немиров. Сказал, отхлебнул кофе и по-глядел на Диденко:
— А Любимов совершил к тому же не маленькую ошибку. И даже не одну, а две.
Диденко вопросительно вскинул глаза — две?
— Да, две. Когда руководитель, совершив ошибку, «заболевает», чтобы не расплачиваться за нее, он сам себе отрезает путь к ее исправлению.
В директорской столовой было пусто. Только из-за стен доносился далекий, никогда не затихающий рокот большого завода да из соседней комнаты чуть просачи-валась музыка, передаваемая по радио, — буфетчица приглушила ее, чтобы не мешать важному разговору. А что разговор важный, она поняла с первой минуты, ко-гда Диденко, поздоровавшись с директором, что-то спро-сил, а Григорий Петрович вдруг с яростью закричал: «Сниму, и пусть проваливает!»
Потом голоса стали мирными и задумчивыми. Буфет-чица подала две яичницы и два кофе, ушла в буфетную и прикрыла дверь.
Диденко допил кофе и закурил.
— Что ж, в период освоения Любимов был неплох, — сказал он. — Даже хорош. Качество, технологическую дисциплину, отработку процесса — это он вытянул. Зна-ний и опыта у него не отнимешь. Но как только пере-шли к новому этапу — к развороту производства, к пер-спективе большого увеличения программы... Кто тут нужен? Человек прогрессивный, не закоснелый в старых традициях... Человек, я бы сказал, с новой точкой зре-ния.
Он внимательно посмотрел на директора и подска-зал:
— Пожалуй, лучше Полозова не найдешь?
Григорий Петрович промолчал, только чуть дрогнули и сжались губы. Встал, прошелся по комнате и делови-то заговорил о том, что надо хорошо обдумать, чтобы не сделать новой ошибки, пусть пока Полозов заканчивает вторую турбину, присмотримся к нему... кандидатуры могут найтись и посильнее... для турбинного не жаль снять лучшего начальника из другого цеха — например, из инструментального...
— Да! — горячо воскликнул он. — Из любого цеха перекину в турбинный! Надо только взвесить, кто луч-ше всех!
За его горячностью скрывалось желание уйти от об-суждения кандидатуры Полозова, и Диденко уловил это.
— В цехе доверяют Полозову, — осторожно дока-зывал он. — История с ротором очень повысила его ав-торитет. Знаешь, такие вещи рождают настоящее уваже-ние — не служебное, не формальное, а вот такое… че-ловеческое, что ли.
Да, — коротко согласился Немиров. И заговорил о другом.
Они вместе вышли из столовой, на лестнице расста-лись. Уже отойдя, Диденко быстро повернулся к дирек-тору:
— А Любимова куда?
Немиров сделал презрительный и гневный жест:
— На все четыре стороны!
Этот человек, которого он так долго защищал и от-стаивал, вызывал у него теперь приступы ярости. Он как бы воплощал в себе все то, от чего Немиров старал-ся освободиться. А когда Любимов, наделав глупостей с этим ротором, к тому же еще спрятался от ответствен-ности, — Григорий Петрович как бы перечеркнул его и потерял к нему всякий интерес.
— Смотри сам, — пожевав губами, сказал Диден-ко. — Как бы не повторить истории с Гореловым.
И пошел вниз, не ожидая ответа.
Григорий Петрович вошел в свой кабинет — и тут почувствовал, что не знает, как поступить, а повседнев-ная жизнь будет требовать от него определенности. Он сказал секретарше, что вернется через три часа, и велел Косте ехать куда глаза глядят.
Костя понятливо кивнул и на предельной скорости погнал машину за город.
Опустив до отказа стекло, Григорий Петрович вды-хал теплый ветер, бивший в лицо, и старался начисто отсечь все деловые мысли. Это придет позднее. Надо проветриться. Так когда-то

советовал его первый учи-тель на директорском пути, умный и по-хорошему иро-нический человек, знавший многое такое, что только еще открывается Немирову теперь и сколько лет будет от-крываться еще?
«Чем острее момент, тем меньше надо торопиться, — говорил он, — наше дело такое: решил — и тысячи лю-дей почувствовали на себе, хорошо ли, плохо ли. Если возникли перед тобой всякие закавыки, одна важнее и неотложнее другой, — уезжай. Уезжай куда глаза гля-дят — в лес, в поле, домой, смотря по сезону. Провет-рись, подумай на свободе и со стороны погляди, так ли все, как оно тебе представляется. С совестью своей по-говори — без скидок, один на один! Удивительное дело, до чего иногда все при этом меняется! Казалось хорошо, а тут даже пот прошибет — ох, нехорошо, ох, не-верно!»
Промелькнули последние каменные дома и домишки предместий, машина вышла на просторы болотистой равнины, прорезанной белой полосой шоссе. Сбоку блес-нула вода — голубая, недвижная, спокойно подступив-шая к низкому берегу с перевернутыми на песке лодка-ми и развешанными для просущки рыбачьими сетями. В машину ворвался запах рыбы и морской травы.
— В воскресенье с Татьяной на рыбалку поедем, — сказал Костя и покосился на директора — размышляет он или просто отдыхает?
Григорий Петрович охотно поддержал разговор. Ему самому захотелось на рыбалку — короткий сон у костра, возня с наживкой, с удочками, неподвижное ожидание клева на пустынном берегу или, еще лучше, на заливе в лодке... утренний, пробирающий до костей холодок... восхитительный запах сваренной на костре ухи... Так представлялась ему рыбалка, на которой он никогда не был.
Они мчались через дачные поселки, и Григорию Пет-ровичу стало жалко, что он не живет на даче, и он стал представлять себе, как он спешит на дачу и у калитки его встречает Клава в ярком летнем платье, а на зеле-ной лужайке стоит коляска, прикрытая марлей, а под марлей спит очень маленький человечек... Сердце заще-мило, но он тут же с надеждой подумал: будет! будет и это...
Они спустились к Сестрорецкому парку, останови-лись. Григорий Петрович предоставил Косте отдыхать и быстрой походкой куда-то спешащего человека напра-вился в глубь парка.
Огромные дубы, посаженные еще в петровские времена, раскидывали над ним свои разла-пистые ветви. Под ногами шуршали потемневшие про-шлогодние листья, клонилась сочная новая травка. Там, где сквозь листву пробивалось солнце, травка была так трогательно-нежно зелена, что Немиров обходил солнеч-ные пятна, чтобы не наступить на нее.
Он вышел к берегу залива. Волн не было, только у самого берега вода чуть колыхалась, и солнце отблески-вало на ней. Все кругом было пронизано светом и небы-вало чудесно.
Григорий Петрович сел на один из прибрежных валунов, сказал себе, что ему очень хорошо, и затем от-дался мыслям — свободно текущим, никем не подгоня-емым. Тут было много мыслей о заводе, потому что за-вод врос в его жизнь, и о самом себе, о своих удачах, ошибках и намерениях, о людях, чью судьбу он должен был сегодня решить, и о том, как другие отнесутся к его решениям, то есть, в конечном счете, к нему само-му... и об этом отношении к нему, потому что он уже познал и радость признания, и едкую горечь разлада, и ту простую истину, что без ощущения единства с кол-лективом нельзя работать, мучительно жить.
Он не торопился пересматривать сложившиеся в го-лове решения, но они сами собою отпадали, заменялись иными, лучшими, потом эти лучшие решения вызывали в душе сумятицу чувств и борьбу, и он с насмешливой улыбкой спрашивал себя: а ну-ка, по совести, в чем тут дело, если заглянуть в самый корень? И — удивительное дело! — мелкие, сторонние побуждения стали отпадать как шелуха, а самые трудные решения оказались лег-кими. И, как только он принял их, чудесное ощущение внутренней освобожденности и ясности пришло к Немирову.
Он поднялся, быстрым шагом прошелся вдоль бере-га, потом разыскал в песке несколько плоских камешков и начал кидать их над самой водой, считая, сколько раз они коснутся воды и рикошетом отскочат...
— Теперь — полным ходом обратно! — сказал он Косте, вернувшись к машине.
В тот же день он позвонил Любимову.
— Он болен. Лежит, — сказала Алла Глебовна.

— Передайте ему, что звонил Немиров. Если он на-стоящий работник, а не барышня с нервами, пусть при-едет ко мне через час, — весело шевеля бровью, сказал Немиров. — Я его жду от семи до восьми.
Растерявшаяся Алла Глебовна пробормотала:
— Ой, Григорий Петрович, я его спрошу, может ой по-дойдет к телефону... Одну минуточку!.. Гога, Гога! — позвала она. — Иди скорее!
— Не надо, пусть приезжает на завод, — сказал Григорий Петрович и повесил трубку.
Без четверти семь секретарша доложила, что Люби-мов в приемной.
— В семь — просите, — сказал Немиров и позвонил в турбинный цех.
Телефонистка долго разыскивала Полозова по раз-ным цеховым телефонам.
— Как дела, Алексей Алексеевич?
Полозов коротко доложил, что последние приготовле-ния заканчиваются, пар под испытание начнут подавать завтра в двадцать два часа. Он пригласил директора на испытание второй турбины.
— Приду, — сказал Немиров. И многозначительно добавил: — А потом приглашу вас к себе.
Любимов вошел бледный, но Григорий Петрович от-лично видел, что он совершенно здоров, разве что дей-ствительно разыгрались нервы.
— Что ж, Георгий Семенович, после этой непригляд-ной истории вам придется с цехом расстаться, — жестко сказал Немиров. — Наверно, вы сами пришли к тому же выводу во время вашей болезни? Иначе, должно быть, и не болели бы.
Не находя нужным откликаться на иронический на-мек, Любимов ответил внушительно и даже вызывающе:
— Я действительно санкционировал временную за-мену ротора. Но я пытался спасти этим не только свою репутацию, Григорий Петрович, но и вашу! И, в част-ности, спасти от провала тот стахановский план, который вы нашли возможным ввести.
Вот как! Любимов не только не сдается, а еще и ата-кует? Может, вспомнил, как однажды в прокатном цехе «вытянули» месячный план за счет наиболее легких сор-тов проката, а директор посмотрел на это сквозь паль-цы? Тогда казалось — эко дело, немного схитрили, зато доброе имя сберегли... а где границы между «немного» и «много»? И в том ли доброе имя, чтоб видимость была благополучная ?
— Знаете, Георгий Семенович, была минута, когда и мне показалась соблазнительной эта ваша очковтира-тельская затея. Уж больно легко... Да только руково-дить людьми потом трудно. Вы пройдитесь-ка теперь по турбинному цеху, послушайте, что рабочие говорят. В первый день на Полозова косились от досады, а те-перь — герой дня! А насчет вас и Гаршина... Впрочем, пока, пожалуй, вам лучше туда и не ходить. Во всяком случае, от этой необходимости я вас решил избавить!
Любимов поник в кресле. Его готовность побороть-ся за себя иссякла, а может быть, он все-таки не ждал такого крутого решения. Григорий Петрович смотрел на него и с жалостью и с раздражением, — он презирал людей слабых.
— Я сегодня много думал о вас, Георгий Семенович. История с ротором — толчок, но не причина. Не скрою, первым моим побуждением было снять вас к черту и предоставить вам самому найти дело себе по силам. И не сделал я этого только потому... что делю с вами от-ветственность за вашу плохую работу. Понимаете вы, почему она оказалась плохой?
Так как Любимов не ответил, он продолжал сам:
— Не поняли нового этапа. Людей сплотить — не умеете. Дать каждому проявить свои силы — тоже не умеете, а без этого руководитель — не руководитель, а административная единица. Человек вы знающий, но расти перестали, а значит — и вкус к новому утратили и, по существу, тормозили инициативу подчиненных. В трудные минуты — пасовали. Задумайтесь-ка, почему, так случилось, что вы возложили надежды на махина-цию с ротором, в то время как рядовые люди разыска-ли по собственной инициативе втулку для обоймы уплотнения...
— Переточили? — вскрикнул Любимов.
— Переточили, — сердито подтвердил Григорий Пет-рович, с удивлением приглядываясь к Любимову: зна-чит, он так и просидел, закрывшись дома ото всех, даже от соседей? Не позвонил, не спросил, не волновался о сроках — а только о себе? Да как же это возможно?! И об этом человеке я мог думать, что в нем есть что-то от моего второго «я»? Бр-р, как нехорошо...

На миг он запнулся, потому что собственное реше-ние насчет вот этого инженера показалось слишком добрым. Может, правильней было первое побуждение — послать к черту? Но нет, побуждения надо проверять разумом, так подсказывает опыт.
— Принимая решение, я старался исходить только из интересов завода, — морщась, сказал Немиров. — То есть дать вам такую работу, где найдут применение ва-ши знания и опыт.
На унылом лице Любимова мелькнула робкая на-дежда.
— С понедельника можете принять новую долж-ность — помощника главного инженера по турбинному производству.
Любимов смотрел напряженно, стараясь понять, что это сулит ему.
— В дела турбинного цеха попрошу вас пока не вме-шиваться.
Любимов побледнел, но не произнес ни слова.
— Вам поручается круг вопросов, связанных с ге-неральной реконструкцией цеха и переходом на серий-ное производство. Для этого вам надо будет...
Он сделал паузу, разглядывая оживившееся лицо Любимова, и медленно докончил:
— Свои ошибки до конца понять. И отбросить. Здесь у вас подчиненных производственников не будет, но с людьми вы должны научиться работать именно здесь. Привлекая их к разработке всего нового. Учась у них. И еще — перешагнуть через личную обиду и че-рез самого себя, через эту самую свою бесхребетность, страхи и дипломатические болезни.
Он встал, давая понять, что разговор окончен.
— Вот так, Георгий Семенович, — сказал он, — по-езжайте домой, доболейте свое, а с понедельника — за работу. Да с таким напором, какого вам до сих пор не хватало.
Любимов встал и, волнуясь, заговорил необычно роб-ким, умоляющим голосом:
— Григорий Петрович. Я вам обещаю... Я вам очень благодарен за доверие... Но я вас прошу... Раз-решите сейчас вернуться в цех и эти последние сутки... до сдачи турбины...
— Нет! — отрезал Немиров. — Испытание проведут без вас. Те, кто его подготовил. И вообще вам пока не надо бывать в цехе. Отдохните друг от друга.
На лице Любимова отразилось такое страдание, что Григорий Петрович подобрел к бывшему начальнику цеха — видно, ему и впрямь очень горько отстраниться от производства! Что ж ему мешало эти дни позвонить и поинтересоваться ходом дел — амбиция? стыд? мелоч-ное желание досадить Полозову: ну-ка, выкручивайся без меня?
— Считайте это наказанием, Георгий Семенович. Со-гласитесь, оно могло быть и покрепче.
Любимов знал, что пора уходить, но никак не мог за-ставить себя уйти, не задав томившего его вопроса:
— Григорий Петрович... кого вы назначаете началь-ником цеха?
Немиров с удовольствием ответил:
— Полозова.
— Полозова? — воскликнул Любимов.
Они встретились взглядами.
— Разве вы считаете, что это не деловая кандида-тура?
Любимов опустил глаза. Молчание было долгим, но директору хотелось дождаться ответа, а Любимову было очень нелегко ответить — нелегко после только что про-исшедшего разговора.
— Нет, кандидатура неплохая, — сказал наконец Любимов.
— Вот и я так рассудил. Ну, до свиданья, Георгий Семенович.
— До свиданья, Григорий Петрович. Спасибо.
Когда дверь за ним закрылась, Немиров усмехнул-ся — значит, кое-что уже «дошло»? — и пробормотал, мысленно охватывая все, что связывалось для него с Любимовым:
— Именно так! Именно так!

9

В пятницу ночью успешно закончилось испытание второй турбины, а в субботу утром Алексея Полозова вызвали к директору. Он забежал к Ане, взял ее руки в свои и спросил:

— Если предложат, — соглашаться?
Никогда еще не видала она Алексея таким возбуж-денным, подтянутым и напряженным.
— Соглашаться, — сказала она.
— Не сорвусь?
— Нет.
— Веришь?
— Ты этого хочешь, Алеша, А раз хочешь — спра-вишься.
— Да, хочу!
Он отстранился, не выпуская ее рук.
— Да, хочу! — повторил он. — Хочу, потому что ви-жу, что и как делать. Знаю, что в цехе поддержат и по-могут. И верю, что смогу.
Он вдруг рассмеялся:
— А может, это все ерунда? Очередная головомойка или начальственная накачка, чтоб не забыл о том, что начальство бдит?
— Ну, беги. Я к тебе зайду узнать.
— Аня… Ты помнишь, какой сегодня день?
— Помню.
— Он же действительно может быть самым лучшим днем, да?
Алексей ушел — возбужденный, целиком захвачен-ный своими надеждами и планами, а она села на под-оконник, проводила его глазами — не бежит только по-тому, что неудобно! — и загрустила. Она так ждала вот этого дня! Когда она возвращалась домой, комната ка-залась ей уже чужой — как в гостинице. Чемоданы уложены, сунуть в один из них халат и полотенце — и уйти не оглядываясь... в ту нелепую, неуютную комнату с глобусом, где жизнь начнется сначала... И вот этот день — это и есть ее день?! Алексей все-таки помнит, что сегодня — суббота. И жадно хочет всего сразу?..
Она повторила про себя: он же действительно может быть самым лучшим днем. Ну нет! Нет, Алеша, нет! Мой день будет только моим днем!
Алексей замедлил шаги лишь у самого здания заво-доуправления. По лестнице он поднимался совсем мед-ленно, собираясь с мыслями. У него не было сомнений, для чего его вызывает Немиров. Уже третий день на за-воде знали, что директор решил снять Любимова, и передавали слова Диденко: «Бывает, что работник еще тут, но сам в себя не верит. Не мы снимаем — он сам себя снял». Что ж удивительного, если на его место вы-двинут человека, принявшего ответственность в трудный час?
С той минуты, когда Любимов покинул цех, оставив Полозова наедине с краснознаменцами и с десятками забот и неприятностей, Алексей фактически принял на себя руководство цехом. Он отдавал приказания, по-тому что их нужно было отдать, и планировал работу на ближайшие дни, потому что никто другой не мог этого сделать.
Утром позвонила Алла Глебовна: Георгий Семенович заболел и получил бюллетень, так что на сдачу второй турбины не придет. Разозлившись, Алексей подумал о том, что дело не только в сдаче второй турбины, что промедление и неразбериха тяжело отразятся на выпус-ке следующих машин, а Любимов и без того недостаточ-но занимался ими... Он позвонил директору:
— Григорий Петрович, товарищ Любимов на бюл-летене. Прошу разрешения принимать все нужные меры по всему ходу работ без оглядки на то, когда выздо-ровеет начальник цеха и что он скажет.
— А разве вы такого права не имеете как замести-тель? — спросил Немиров. — Какие такие особые меры вы собираетесь принимать, что вам нужно специальное благословение?
— Мне нужно знать, что я отвечаю и не обязан огля-дываться, — настаивал Полозов. — Иначе буду просить назначить другого ответственного руководителя. В цехе такое положение, что нельзя ни медлить, ни выжидать.
Немиров умел говорить добродушно, даже наивно, когда ему это было выгодно:
— Так действуйте, Алексей Алексеевич, благослов-ляю.
Впрочем, несколько часов спустя он пришел в цех вместе с главным инженером и подробно вникал во все дела, стараясь не упустить ни одного из самочинных действий, задуманных заместителем начальника. И Не-миров и Алексеев одобрили действия Полозова, и на прощанье Григорий Петрович сказал, обращаясь к Алек-сееву:

— Да, Дмитрий Иванович, в медицине есть такое средство — переливание крови. Иногда помогает лучше лекарств.
— И хирургия есть, — шутливо ответил Алексеев. — Тоже полезная штука.
Больше ничего сказано не было, но все эти дни, ра-ботая с утра до ночи, Алексей улавливал приметы и на-меки, все более утверждавшие его в мысли, что Люби-мова снимут, а его назначат. И если раньше он никогда не думал об этом, теперь мысль о возможном назначении вызывала у него подъем духа и лихорадочное не-терпение. Он знал, что ему будет трудно, но хотел са-мостоятельности и ответственности.

Директор ждал его:
— Садитесь, Алексей Алексеевич. Приказ подпи-сан. Любимова снимаю. Вас назначаю. Принимайте ко-мандование.
Полозов не удивился и как будто не обрадовался. Чуть покраснел и сказал:
— Хорошо. — Помолчав, добавил: — Благодарю за доверие и постараюсь справиться.
— Должны справиться, — сказал Григорий Петро-вич. И признался: — Не сразу я на это решился...
Полозов вскинул смеющийся, даже дерзкий взгляд:
— Ошибаться хирургу не полагается?
— Безусловно! — протянул Григорий Петрович и ве-село пошевелил бровью. Одну минуту они глядели друг на друга — два задиры, два упрямца, не любящие идти на уступки.
— И все-таки мне было жаль снимать Любимова, — сказал Немиров. — Вы знаете почему?
— Знаю. И сам жалею, что при его знаниях и опыте у него такие, а не другие свойства... свойства лично-сти, что ли. Можно узнать, куда вы его назначаете?
— Работать с ним вам придется по-прежнему.
— Помощником главного инженера по турбинному производству?
— Отгадали. Именно так.
Полозов вздохнул и сказал:
— Что ж! На вашем месте я поступил бы точно так же.
Немиров улыбнулся:
— А я бы на вашем месте, Алексей Алексеевич, сей-час землю рыл, чтоб справиться и сделать цех образ-цовым.
— А я и буду... землю рыть.
— Вы — будете, — подтвердил Григорий Петрович. С неожиданной симпатией смотрел директор на молодого инженера, так часто раздражавшего его, бо-ровшегося с ним и победившего. Он чуял в Полозове зрелую и настойчивую силу — качество, которое он ценил и в себе, и в других. Бывает, что коса найдет на камень, и тогда искры сыплются? Что ж, было и это. А сейчас я даю этой силе и простор и направление... и от меня зависит, как сложатся отношения дальше. Не сумею быть сильней — ничего у нас не выйдет. Но я же сумею!
— Вы понимаете, Алексей Алексеевич, чего вам не хватает и в чем у вас будут трудности?
— Понимаю, Григорий Петрович. Но я не собираюсь останавливаться. Опыт и знания не приходят сами.
— Да, но кроме них есть еще важнейшее качество руководителя — умение охватывать целое и не терять-ся в частностях. Видеть под ногами и не упускать пер-спективы. Это качество надо в себе развивать. Задатки к тому у вас есть, судя по вашим последним мерам, кото-рые я одобрил.
— Это были меры заместителя, — твердо сказал Алексей. — Приняв назначение, Григорий Петрович, я ими не ограничусь.
— Я в этом не сомневался. И знаю, что на днях вы придете ко мне с целой программой. Не ошибся?
— Не ошиблись.
— Ясна вам основная задача... так сказать, основа программы?
— Ясна, — не задумываясь, ответил Алексей. — Качество и ритмичность.
— Качество и ритмичность, — с удовлетворением по-вторил Григорий Петрович. — Что ж. Правильно. Это определяет все.
На этом первый разговор можно было кончить, и ди-ректор сделал бы это с любым другим работником. Но перед ним сидел Полозов, недавно жестко критиковав-ший его, Полозов, который обвинял его в неумении руко-водить по-новому... И Григорий Петрович чувствовал,

что он не может, никак не может обойти молчанием не-давнее столкновение, что он откровенностью и прямо-той должен взять верх, «победить победителя».
— Никаких наставлений я вам сейчас давать не буду. По работе, — сказал он. — А вот по сути руковод-ства — скажу.
Полозов ждал с интересом — и потому, что такой со-вет был нужен ему, и потому, что он исходил от Немирова.
А Немиров говорил неторопливо, раздумчиво, как бы по ходу разговора осознавая и впервые формулируя не только для собеседника, но и для самого себя свой опыт и свои ошибки:
— Когда сменяешь руководителя, которого считаешь плохим, — всегда веришь, что будешь гораздо лучше. И это правильное чувство. Но бойтесь подчиниться ему. Подумайте лучше, чем был сильнее ваш предшествен-ник и чему нужно у него поучиться. На первых порах все к вам будут хороши, промахи вам простят, где тя-жело — подсобят. И вам может показаться, что все у вас идет здорово, со всем управляетесь. А потом прохо-дит месяц, другой, третий. Скидок вам уже не делают, отношения вошли в обычную колею, а кое с кем испор-тились, потому что, стоя во главе, всем не угодишь и кому-нибудь обязательно на мозоль наступишь. Ко-гда-то вы тоже критиковали, требовали, искали новых путей; теперь вам кажется, что все в порядке, а если и не в порядке, — так вы сами знаете, что надо делать. А люди, окружающие вас, не успокоились, по-прежнему критикуют, требуют — уже не вместе с вами, а от вас, иногда и против вас. Точь-в-точь как вы против меня или против Любимова.
Алексей вспыхнул, но промолчал.
— Не поддавайтесь соблазну думать, что все знаете и сделаете сами. Уверяю вас, не успеешь оглядеться на своем посту да раскритиковать своего предшественника, как вас самого тоже начнут критиковать, и не менее ост-ро и требовательно. Я вас не уговариваю любить кри-тику — сам этому не научился! А считаться, признавать ее, извлекать из нее день за днем пищу для дела — сове-тую.
— Сейчас мне кажется, что это легко, — сказал Алексей, — но, должно быть, это действительно трудно?
— Очень трудно, а порой и обидно.
В противовес печальному признанию, Григорий Пет-рович лукаво подмигнул и спросил:
— Что, призадумались? Не так сладко руководство, как казалось?
— Я не думал, что оно сладко, Григорий Петрович. Мне просто хочется попробовать силы и выполнить то, что я хотел, но не мог сделать при Любимове.
— И чудесно! Пробуйте. Добивайтесь. Но запомните еще один совет...
Он встал и прошелся по кабинету, поглядывая в ок-на на знакомые и всегда интересные картины заводского быта: бледные при свете дня отсветы пламени иг-рают на стеклах литейного цеха; грузовик с тонкими прутьями металла выезжает из прокатного; паровоз, гу-дя, втягивает в заводские ворота платформы с тяжелы-ми ящиками...
— Станки пришли! — воскликнул он и обнял за пле-чи подскочившего к окну Полозова. — Вот тебе, това-рищ начальник цеха, лучший подарок для начала рабо-ты. Станки!..
Зазвонил телефон.
— Да. Пришли, пришли, сам уже в окно увидел! Вызовите ко мне главного механика и пригласите Дмит-рия Ивановича. А станки — к турбинному.
Григорий Петрович опустил трубку и блаженно улыбнулся.
— Как раз угадали — в субботу! Сутки — наши, устанавливай да налаживай!
Полозов все еще стоял у окна, только повернулся лицом к директору, и лицо его выражало непонятное смятение. Прежде чем Григорий Петрович успел спро-сить, что взволновало нового начальника цеха, тот уже справился с собою и деловито сказал:
— Да, как раз угадали! Сегодня же начнем уста-новку... Вы говорили, Григорий Петрович, и не докон-чили — еще один совет.
— Ах да.
Немиров снова прошелся по кабинету. Видно, эту мысль ему было нелегко высказать.
— Производство и управление людьми — штука сложная. Иногда тебе будет казаться, что ты упустил какую-то нить, что обстоятельства мотают тебя туда-сюда, как тростинку ветром. И тебе будет страшно, что авторитет твой качается, что ты теряешь власть над со-бытиями. Боже тебя упаси латать свой авторитет при-казами и нагоняями. Властностью прикрывать слабость. Боже тебя упаси!

Полозов опустил глаза, чтобы не смущать человека, говорившего для самого себя в такой же мере, как и для своего слушателя.
— Только тогда, когда идешь к людям, веришь им,их инициативе, их возможностям... только тогда, когда думаешь о самом деле и забываешь о непререкаемости своего авторитета, о дистанции между тобой и подчинен-ными, о властности и прочем начальственном оформле-нии, — только тогда и уважение придет, и авторитет, и настоящая власть.
Он увидел на лице Полозова то самое выражение за-интересованности и доверия, которое хотел увидеть, и дружески закончил:
— Вот и все для начала, Алексей Алексеевич. Об-думаете свою программу — продолжим разговор.
Аня зашла к нему во второй половине дня, когда ей стало уже невмоготу сидеть одной, не видеть его, не знать, какой он сейчас. Весть о назначении Полозова уже облетела весь цех. Уже несколько человек повто-рили Ане слова нового начальника: качество и ритмич-ность — вот главное, чего я буду добиваться. Уже се-кретарша позвонила Ане, что в понедельник утром со-зывается совещание всего командного состава цеха и товарищ Полозов просит всех продумать свои замеча-ния и пожелания. Аня уже видела, как выгружали с платформ новые станки, порадовалась им и испугалась, потому что прекрасно понимала, что их установка нач-нется сегодня же.
Когда она зашла в кабинет, там было немало наро-ду, и все выглядели оживленными, довольными. Алек-сей говорил по телефону. Он украдкой улыбнулся Ане, продолжая слушать собеседника, потом весело сказал:
— Если хотеть, все можно сделать. А ведь мы хотим?
Он повесил трубку и, снова быстро глянув на Аню, начал отпускать одного за другим всех, кто ждал его приказания или совета. Дела были мелкие, повседнев-ные, но люди задавали вопросы как-то по-особенному, и Алексей отвечал радостно, находчиво, четко, и голос его звучал по-иному, чем обычно.
Приглядываясь к нему и прислушиваясь к звукам его голоса, Аня с горечью подумала: я впервые вижу его по-настоящему счастливым.
Вдруг она услыхала слова, заставившие ее насто.ро-житься:
— Сегодня вечером? Нет, сегодня не могу. В поне-дельник после совещания.
Значит, он все же старается высвободить вечер?
Но потом позвонил главный механик, и по ответам Полозова Аня поняла, что подготовка фундаментов для новых станков начнется сразу после конца дневной смены и к утру понедельника все станки должны быть опробованы.
Заметив, что Аня хочет уйти, Алексей спокойно ска-зал ей:
— Если вы не торопитесь, Анна Михайловна, подо-ждите немного, пока я разберусь с более срочными де-лами.
В нем появилась новая уверенность, голос стал твер-же, движения свободней. И Ане на минуту стало очень жаль прежнего, мрачноватого и немного неуклюжего Полозова.
Неужели назначение так важно для него?
Чувствуя себя покинутой, лишившейся самого доро-гого человека, она уселась в уголке кабинета, для виду вытащила записную книжку и карандаш, начала рисо-вать какую-то чепуху, — а сама слушала и наблюдала. Ей нравилось, как работал Полозов. Не командует, но тверд. Охотно советуется, но и себя заставляет слушать. Весел, доволен и не пытается скрыть это, а просто де-лится своим настроением со всеми, так что люди уходят из кабинета уверенными.
Он как бы совсем не замечал Аню, но в удобную ми-нуту, когда никто не мог увидеть этого, сразу посмотрел в ее сторону и так радостно улыбнулся ей, что Аня буд-то в душу ему заглянула — и поняла, что дело не в са-мом назначении, не в честолюбии или властолюбии, а был он до сих пор скован, его энергия не находила полного и свободного применения, а от этого были и не-удовлетворенность, и мрачность, и неуклюжесть. Ей за-хотелось подойти к нему и шепнуть: рада за тебя и гото-ва простить тебе, что сегодня ты весь, целиком захвачен своей новой работой и возможностями, которые перед тобою открылись....
Она быстро набросала несколько ласковых слов на листке и положила листок перед ним:
— Вот, Алексей Алексеевич, сведения, которые вы просили.
Он взял листок так, чтобы никто не мог заглянуть в него, но прочитал не сразу, — Аня видела, как он словно собирал все мускулы лица, чтобы спокойно про-читать любые слова — нежные

или злые, любую но-вость— хорошую или плохую. Наконец прочитал, чуть улыбнулся и сказал будничным голосом:
— Выдумка очень хорошая. Мне она не приходила в голову. Но вы все-таки подождите еще немного, ладно?
Она так и не дождалась, ее вызвали в цех. Он сам зашел к ней уже в конце дня — торжествующий, сияю-щий, от порога сообщил:
— Ну, Аня, я раскидал всех, как борец! Часам к де-вяти...
Не поднимая глаз, Аня спросила:
— Что?
Он немного растерялся:
— Аня, сегодня суббота, и я ни за что...
У Ани был грустный и решительный вид, когда она сказала:
— Нет. Нет, Алеша. Я тебя прошу. Наша суббота откладывается до следующей.
— Аня! Почему?
— Так будет лучше. Не сердись.
Все еще не веря, что это серьезно, он спросил:
— Ты меня разлюбила, Аня?
Ей очень хотелось заплакать, она ответила дрожащи-ми губами:
— Кажется, нет. Только я уже говорила тебе... Лю-бить — значит беречь свою любовь. От суеты. От доса-ды. От всего, что портит...
— А я никому не позволю портить!
— И я. Поэтому — отложим.
— Но почему?
— А потому... — Она прикрыла глаза и выпалила, почти не переводя дыхания, все доводы, которые подби-рала с утра: — Потому, что я не хочу делить тебя с це-хом в такой день, потому что я не могу существовать для тебя где-то между установкой станков и планами новой работы, потому что я сама буду презирать на-чальника, который ушел из цеха, когда устанавливают новые станки, потому что тебе нужно сегодня и завтра спокойно обдумать, что и как делать, потому что...
Она остановилась на полуслове, поняв, что новых «потому что» у нее нет, а из всех высказанных важно для нее только одно: «Не буду я тебя делить ни с це-хом, ни с кем бы то ни было!»
Он и понимал ее и не хотел согласиться, а потому думал, что она как-то усложняет все. Да, ему трудно вырваться и подготовиться к ее приходу так, как заду-мано, не удастся — правда, дворничиха с утра скоблит и моет, все будет чисто и аккуратно, но вот устроить что-нибудь праздничное... Аня вчера сказала: «Завтра я приду к тебе в гости, понимаешь? И ты меня будешь принимать как хозяин». Он посмеялся: «А в воскресенье начнешь забирать меня в руки как хозяйка?» Она отве-тила — да. Он готов был подчиниться этому ее капри-зу... Но что же делать, если все так сошлось, и кто знает, скоро ли он будет — этот день, когда ничто не по-мешает?
И в то же время где-то в глубине души он был до-волен, потому что сегодня было уж слишком трудно вырваться, и сотни дел лезли в голову, и нужно было спокойно обдумать, что и как делать.
Он выглянул в коридор, чтобы убедиться, что никого нет поблизости, обнял Аню и на миг прижался лицом к ее плечу:
— Ох, Аня, если бы ты знала, как мне сейчас...
— И мне...
— А может быть, ты просто очень мало любишь?
— Нет, не значит. Нет...
— Тебе хоть жаль меня?
— Нет. Мне гораздо труднее…
— Тебе?!
— Ну, обоим одинаково.
Она улыбнулась и отстранила его, потому что где-то поблизости хлопнула дверь, раздались голоса. Да и все равно она не сказала бы ему о своем новом открытии — что он человек, неспособный ничему отдаваться наполови-ну, что сегодня для него главное — простор,

открывшийся его энергии, и она не знает, дождется ли дня, когда по-чувствует, что самое главное для него — она. И что она еще больше любит его за это. И что ей все же больно.
— Скажи лучше, Алеша, чем мне помочь тебе в эти дни? — отстранив горькие размышления, спросила она и, утешая, погладила его стиснутый кулак.
— Не знаю, — буркнул он. — У меня сейчас ни од-ной мысли в голове... Разве что ты придумаешь за меня что-нибудь очень умное и толковое?
— Постараюсь. Может, у тебя есть какое-нибудь по-ручение для инженера Карцевой?
Он сердито мотнул головой, потом вдруг сказал де-ловым тоном:
— Да, есть! И очень важное. Завтра днем — ска-жем, в три часа — назначь мне свидание. Где хочешь — на углу, на пляже, на пятой скамейке от входа в парк, у телефонной будки, под часами или где там еще пола-гается. Два часа прогулки и сумасшедшего ничегонеде-лания на природе, на ветерке и на людях.
— Хорошо. Чтобы не метаться возле пятой скамей-ки, пока ты возишься с установкой станков, в три часа на пустыре, напротив моего окна. Увижу тебя — и выйду.
— Но если я буду болтать на цеховые темы и хва-стать, какой я гениальный начальник, заткни мне рот... А к шести я вернусь в цех. И если я вдруг начну уве-рять, что мне не нужно туда идти, что я договорился с механиком и мы можем провести вместе весь вечер, — гони, гони к черту! Ладно?
— Прогоню. К черту.
— Только все-таки не очень уж, чтобы я понял, что это делается по моей просьбе, ладно?
— Ладно.
— А если в следующую субботу меня назначат ми-нистром или с неба свалятся уже не станки, а полный комплект турбинных деталей... ну, в общем, ни на какие новые отсрочки я уже не соглашусь.
— Да. Да. Иди, Алеша. Тебя, наверно, уже ищут. Иди.
Он ответил шепотом:
— До завтра... мой лучший-лучший друг.
Он проводил ее через цех до выхода, несмотря на ее возражения.
— Пусть смотрят и судачат сколько хотят! — ска-зал он с вызовом. — Если я им пожертвовал этот день...
А потом она шла одна по улицам, только тут до кон-ца поняв, что все это — правда, шла и глотала слезы, иногда улыбалась, вспоминая те его слова, которые были особенно отрадны, и снова глотала слезы, потому что ничего уже нельзя было изменить.

10

Он появился на пустыре без десяти три, с сосредото-ченным видом ревизора, осматривающего строительную площадку. Пощупал доски, зачем-то взял в руки и оглядел со всех сторон кирпич из штабеля, потрогал, ботинком камень, привезенный для фундамента.
Аня сбежала вниз сама не своя от радости, а он сказал, не здороваясь:
— Когда вы вчера ушли, я чуть не послал всех к черту и уже в полночь чуть не побежал к вам... Вот бы ахнула ваша Глебовна-Игоревна, если б я ворвался к вам ночью!
Они долго решали и никак не могли решить, куда поехать и где будет лучше, потому что им было хоро-шо и здесь, среди досок и штабелей кирпича. Когда они приехали на Острова, шел уже пятый час. Они сели на траву возле пруда и, почти на разговаривая, наблюдали, как прыгают с вышки пловцы, затем уже наспех по-обедали в ресторанчике-поплавке. Оба уверяли, что есть не хотят, но выяснилось, что хотят и что все кажется удивительно вкусным. В свой район они вернулись в по-ловине седьмого, так что Аня сразу стала гнать Алексея на завод, но он пошел проводить ее, потом она его. Наконец, обнаружив, что уже восемь часов (ведь только что было половина седьмого!), Алексей на ходу вскочил в трамвай и махал Ане кепкой с площадки, пока трамвай не ушел так далеко, что не увидеть.

Аня стояла на тротуаре, прижав ладони к щекам, и повторяла себе, что она счастливая, счастливая, самая счастливая на свете. Хотелось сказать об этом кому-нибудь, все равно кому. Ей попался на глаза постовой милиционер. Интересно, какое лицо было бы у него, если бы гражданка вверенного ему квартала подошла с таким сообщением?

До ночи она сидела у окна, ничего не делая и не желая делать. Пыталась придумать что-нибудь «очень умное» для Алексея, для завтрашнего совещания, но мы-сли скользили в сторону от дел, к самому Алексею — успеет ли он хорошо подготовиться? Может ли он сей-час спокойно обдумывать дела? Какое у него будет завтра лицо, какой голос и очень ли он будет волно-ваться?..

Могла ли она предположить, что Алексей проведет свое первое совещание так, как он его провел!

Оно длилось всего час с небольшим, но, когда Аня вернулась с совещания в технический кабинет, у нее мелкой дрожью дрожали колени, так она переволнова-лась.

Алексей сразу «взял быка за рога». Он произвел в цехе ряд дельных перестановок и выдвинул к руковод-ству много новых людей. Но кроме того — и это было самым главным — он разделил весь командный состав цеха на три смены, причем все должны были на ходу передавать смену своим ответственным сменщикам. Оставаться на производстве после сдачи смены запре-щалось.

Алексей прочитал свой приказ четким, веселым го-лосом. Затем он оглядел застывшие, растерянные лица присутствующих, раскрыл блокнот и сказал:

— Я проверил в учебном комбинате и в библиоте-ке, кто где учится и все ли успевают читать — не только техническую литературу, но и художественную. У нас есть великолепные примеры серьезной работы товари-щей над своим развитием, например Бобров, Шикин и ряд других. Но общая картина меня огорчила. Доло-жить вам результаты проверки?

Кое-кто откликнулся: просим! Но многие заворчали, что незачем, сейчас не до того, и так ясно. Алексей все-таки доложил, бросая многозначитель-ные взгляды на тех, кто нигде не учился и ничего не читал. Собравшиеся оживились, пересмеивались, под-талкивали друг друга, некоторые ворчали вполголоса.

— Я никого не виню, товарищи, — сказал Алексей, пряча в стол блокнот. — Хотя многое зависит от самого человека. Я просто прошу товарищей задуматься — не отстают ли они? Как я выяснил, многие рабочие цеха уже обогнали в учебе и общем развитии кое-кого из ко-мандиров... Заставить пойти на учебу или в библиоте-ку я не могу, но предупреждаю, что интересоваться этим время от времени буду и в зависимости от этого бу-ду аттестовать того или иного работника. Условия для учебы вам теперь созданы.

Вот тут и разразился скандал, из-за которого у Ани начали дрожать колени.

Первым взбунтрвался старик Гусаков. Поначалу ему польстило, что его выдвинули начальником участка, но затем его разозлило сообщение, что Иван Иванович не знает дороги в библиотеку, хотя в кое-какие другие ме-ста наведывается слишком часто (тут раздался смех), что ни на какие курсы его не затащишь и даже обяза-тельные для мастеров лекции по экономике производ-ства он посещает через два раза на третий.

Гусаков встал и, гордо приосанившись, громогласно заявил, что новая метла, конечно, чисто метет, но как бы она вместе с мусором и нужное не вымела.

— «Анну Каренину» я, правда, не читал, виноват! Но на турбинах работаю три десятка лет с гаком. И, на-верно, до смерти работать буду — в этом ли цехе, ли-бо на другом заводе, — а буду! Отдыхать да гулять, ко-нечно, дело хорошее, за заботу о нас Алексею Алексеичу нижайший поклон. А только сурьезный мастер или начальник участка сам не пойдет из цеха, когда есть важная работа, и слабенькому сменщику не доверит — себе дороже чужие ошибки исправлять. Я, например, не уйду, хоть каким приказом пугай — не уйду!

Он сел, но вслед за ним заговорили другие. И все о том же. Один за другим выступали мастера и началь-ники, до сих пор руководившие работами, заставляя краснеть и бледнеть вновь назначенных. Все чаще по-вторялись вызывающие слова — не уйду! Честно гово-рю — не смогу уйти! Хоть штрафуй, а дело не брошу!

Это был прямой бунт против приказа нового началь-ника цеха, и Алексей понимал это, но стоял за своим столом как будто спокойный и даже с мальчишеским, озорным выражением на лице. Аня любовалась его выдержкой в боялась, что этой выдержки не хватит. Какой выход он найдет? Осущест-вимо ли сейчас, в такое горячее время, правильное, но слишком поспешно

вводимое новшество, придуманное Алексеем? Почему он не посоветовался с нею вчера, он, сказавший, что она его лучший-лучший друг? И почему она сама болтала с ним о всяких милых пустяках, вме-сто того чтобы помочь ему на первых порах не наделать ошибок?
Она вздрогнула, услыхав резкий голос Алексея:
— То, что здесь говорилось, — попытка прямого неподчинения приказу. Эта попытка еще раз убеждает меня в том, что приказ своевременный и необходимый. Поскольку командиры производства, с делом и без дела суетясь по цеху с утра до ночи, не успели даже проду-мать значение и важность дисциплины.
Наступила тяжелая тишина.
Полозов стоял и ждал.
Молчавший до тех пор Ефим Кузьмич попросил сло-ва, и по тому, как Алексей всем корпусом повернулся к нему, Аня поняла, что он очень надеется на поддержку старика Клементьева и заранее радуется ей. Но Ефим Кузьмич сказал тихо, огорченно:
— Напрасно вы так говорите, Алексей Алексеевич. Понимаем мы все. И рады бы подчиниться — нам же на пользу. Так ведь не выйдет это! Вот вы назначили моим сменщиком Боброва Сашу. Кто же говорит, не-плохой работник. Но, пусть он на меня не обижается, — зеленый еще! Как я на него свое кровное дело покину? На цельных восемь часов одного управляться оставлю?
Бобров покраснел чуть не до слез. Алексей тоже покраснел, но быстро справился с со-бою и так же резко возразил:
— Как же так, Ефим Кузьмич? Бобров уже два года ходит в ваших помощниках, а к самостоятельности вы его не приучили? Вы привели в пример Боброва, — так вот и поговорим, товарищи, о Боброве и людях вроде него. Что он, неспособный или неграмотный человек? Нет, и способный, и с образованием — техникум кончает, формуляр библиотечный весь исписан, еженедельно кни-ги меняет. Так ли были подготовлены многие из вас, ко-гда руководить производством начали?
Он сжал кулак и рубанул им воздух:
— Привычка у нас образовалась — на испытанных выезжать! Плохо, лениво учим новых командиров про-изводства. Самостоятельности не даем, доверить боимся, за все хватаемся сами, — без меня, мол, и турбину не собрать! Уж если такой человек, как Ефим Кузьмич, вырастивший сотни учеников, сам все время продол-жающий учиться... уж если и он заразился этой при-вычкой!..
Ефим Кузьмич слушал внимательно, затем негромко вставил:
— Не знаю. Может, и так. Но ведь машины какие...
— С этой косностью надо кончать! — продолжал По-лозов все тем же резким голосом. — Даю вам неделю сроку для введения в курс дел новых сменных началь-ников и мастеров. Сам распределю, кто кого будет ин-структировать и обучать. Да и в каждой смене есть старшие, ответственные люди, у которых хватит зна-ний и опыта помочь и посоветовать, если понадобится. Понятно, товарищи? Неделя сроку. Через неделю — за-стану не в свою смену — наложу взыскание как за не-подчинение приказу.
Гаршин приподнялся и не без ехидства спросил:
— К сборке, я надеюсь, это не относится?
— Наоборот, Виктор Павлович, полностью относит-ся. И к вам особенно, вы у нас особый любитель ав-ралов и штурмовщины.
— Вот как? — дерзко сказал Гаршин. — Хорошо. Подчиняюсь. Но тогда прошу снять с меня ответствен-ность за сборку.
Опять наступила тишина. И в этой тишине Полозов спокойно сказал секретарше:
— Записывайте приказ: «Снять Гаршина Виктора Павловича с должности начальника сборки, перевести на должность заместителя. Начальником сборки утвер-дить... — Он окинул взглядом присутствующих, не на-шел никого, на кого можно возложить эту ответствен-ность, и вдруг звучным мальчишеским голосом продик-товал: — утвердить Полозова Алексея Алексеевича».
Кто-то охнул, кто-то привстал от удивления, легкий смех прошел по комнате и оборвался.
— Может, еще кто-нибудь отказывается? — спросил Полозов.
Гусаков возмущенно проворчал:
— Ишь какой скорый!.. Так вот, Алексей Алексеич, я самый первый отказался, снимай и меня!

— Придется, если ответственности испугались, — тем же мальчишеским голосом сказал Алексей и про-диктовал перепуганной секретарше: — «Гусакова Ивана Ивановича с поста начальника участка снять, перевести в заместители. Исполняющим обязанности начальника участка утвердить... — Он снова поискал глазами, кого бы, и совсем уже вызывающе докончил: — Утвердить По-лозова Алексея Алексеевича».
В комнате поднялся глухой шум. Люди перегляды-вались, пожимали плечами: да что это, совещание или спектакль?.. озорство?.. Один из начальников участка уже нарочно, под общий смешок, присоединился к Гар-шину и Гусакову, и Алексей снова продиктовал — снять, перевести в заместители, назначить Полозова.
Начальник четвертого участка Скворцов, которому сегодня больше всех попало за то, что он не учится, смущенно поднял руку:
— Я, видимо, не справлюсь, Алексей Алексеевич. Не сумею по-вашему руководить. Снимайте.
Он любил Алексея, а сейчас не понимал его выход-ки и страдал и за него и за себя.
— И сниму, — с веселой злостью подхватил Алек-сей. — Всех, кто боится ответственности и хочет по ста-ринке крутиться, всех переведу на должности и на окла-ды заместителей. А вашу ответственность приму на се-бя. И через месяц вы сами увидите, что работать ста-нет легче и проще, что порядку больше, а суеты мень-ше. Сами придете и попросите восстановить вас... то есть вернуть вам честь отвечать за свою работу... — Алексей вздохнул и прибавил: — Что ж, восстановлю с охотой! А экономию по зарплате, поскольку за совме-стительство я получать не собираюсь... экономию по-прошу разрешения использовать на дополнительное пре-мирование лучших работников... — И без паузы: — С этим все, товарищи. Следующий вопрос...
Аня была рада, что забралась в уголок, позади всех, так что никто не видит ее взволнованного и несчастного лица. Зачем Алексей так обострил все? Ведь зарвался, переоценил свою силу, а всех оттолкнул, восстановил против себя. Аня разыскала глазами Воробьева, кото-рый вначале слушал Полозова с явным одобрением, — вот и Воробьев задумался, и вид у него недоуменный и невеселый...
При угрюмом молчании всех собравшихся, очень одинокий за своим столом председателя, Алексей начал говорить о графике работ и о тех мерах, которые он считает нужным принять, чтобы обеспечить полную рит-мичность производства. Еще позавчера все радовались первому заявлению нового начальника о борьбе за ритм и качество... а сейчас те же люди слушали хмуро и недоброжелательно, с обидным недоверием.
Полозов спросил, у кого какие претензии и пожелания.
Никто не просил слова — демонстративно отмалчива-лись.
Полозов подвигал напряженными скулами и тихо сказал:
— Зря, товарищи, не подготовились. Я ведь просил подумать и высказаться... Так никто не хочет? Ладно. Тогда перейдем к определению задач наших отделов.
Он начал с планово-диспетчерского отдела, с Бабинкова. То, что он требовал от него, было настолько пра-вильно и для всех важно, настолько отвечало потребно-стям участков и бригад, что начальники участков и мас-тера сразу оживились, обрадовались. Кто-то подал реп-лику... потом второй, третий... Алексей подхватывал все ценные мысли, тут же развивал, уточнял. Не только Аня — все почувствовали, что он хорошо продумал всю организацию работ в цехе и хорошо подготовился к се-годняшнему разговору. Но Аня думала еще — когда же он успел? Как он много успел за эти сутки!
— В заключение у меня к вам личная просьба, това-рищ Бабинков, — с улыбкой закончил Алексей. — Пере-ключите вы, пожалуйста, всю свою недюжинную ора-торскую энергию... на деловую!
Все дружно и облегченно рассмеялись.
Алексей, тоже с облегчением, оглядел подобревшие лица своих товарищей и провел ладонью по лицу таким усталым движением, что Аня поняла — этот час стоил ему громадного напряжения сил. Уже не думая об окру-жающих, Аня выдвинулась вперед и с нежностью улыб-нулась ему, стараясь подбодрить его и обнадежить, что все уладится. Но Алексей упорно не смотрел в ее сторо-ну, не заметил ее усилий и неожиданно сказал особенно сухим и властным голосом:
— Теперь — о техническом кабинете. Этот наш отдел я считаю важнейшим, основным отделом, от которого во многом зависит техническая культура производства и технический прогресс. Однако этот наш отдел работает пока плохо, кустарно!

Аня выпрямилась и побледнела. Расширенными гла-зами смотрела она на Алексея: что же это такое? по-чему? за что?
По-прежнему не глядя в ее сторону, Алексей наме-тил, что и как надо сделать, чтобы кабинет работал по-настоящему. Все это было умно и верно. Аня узнавала и свои мысли, которыми делилась в разное время с Алек-сеем, и свои требования, которые она тщетно предъяв-ляла Любимову. План кабинета должен определяться запросами производства, должен быть связан с рекон-струкцией цеха и ростом производительности труда... Ну конечно! Этого я и хотела... но за что же упрекать меня, когда до сих пор с этим не считались, я билась в одиночку и ты это прекрасно знаешь!
— Есть у товарищей замечания и предложения?
Да, есть. Теперь всем хотелось выступить, чтобы за-гладить недавнюю молчаливую демонстрацию. Почти у каждого было что сказать. Аня слушала: быстрее рас-пространять передовые методы... обучение молодежи... побольше комплексных бригад... Что бы там ни говорил Алексей, а ее работа уже дала плоды, люди поверили в нее и многого от нее ждут.
Ей хотелось переглянуться с Алексеем, но он сидел и что-то старательно писал, рвал, снова писал.
— И у меня есть претензии к вам! — сказала Аня, вставая.
Алексей впервые взглянул на нее с интересом и одо-брением.
Попросив слова, Аня хотела пожестче отвести неза-служенный упрек Алексея, но в последнюю минуту раз-думала и сказала другое:
— Я не собираюсь снимать с себя ответственность и не боюсь ответственности. Я даже готова признать, что работала плохо и уж во всяком случае — что правда, то правда! — кустарно. Но — одна — я невольно кустарни-чаю. А поэтому требую...
Она излагала свои требования громко, решительно, сердясь, что Алексей что-то пишет, вместо того чтобы слушать ее. Она без стеснений обвиняла руководителей цеха, участков, отделов:
— Ко мне прибегают, когда нужна скорая помощь, а продумать свои запросы и включить в мой план зара-нее — не хотят, не умеют. А может, суета мешала — та самая, с которой некоторым товарищам расстаться жал-ко? Меня зовут всякий раз, когда ученик что-нибудь на-творил, как будто я им нянька, — а сколько раз я тре-бовала, чтобы учеников направили в хорошие, даже в лучшие бригады?
Раздался скептический голос:
— В лучшие? Этак лучшие быстро станут худшими!
Насмешливо блеснув глазами, Аня громко заметила:
— Видимо, товарищ Полозов прав — воспитывать кадры у нас не умеют и не очень хотят!
И села, довольная своим ответом и тем, что ненавяз-чиво, как бы между прочим, поддержала Алексея. Хоть и сердита на него... но об этом она ему успеет сказать!
К ее удивлению, Алексей свернул трубочкой бумагу, на которой писал, и передал сидевшим поблизости от него:
— Карцевой передайте. Пока не забыл, Анна Михай-ловна, список, который вы просили.
Записка по рукам пришла к Ане.
«Не сердись. Я боялся быть пристрастным, а вышло наоборот. Это потому, что я совершенно не могу тебя видеть».
Аня не сразу поняла чудесный смысл последних слов этой нелепой записки.
А совещание продолжалось, теперь уже в добром со-гласии, — обычный разговор хорошо понимающих друг друга людей, только председательствовал человек, энер-гично направлявший этот разговор по нужному пути. Манера Полозова вести совещание нравилась. Люди са-ми не заметили, как переломилось их настроение, как отошло назад недавнее раздражение. Теперь охотно да-вали советы, охотно шутили и смеялись любому остро-умному слову и летучей шутке, которые так украшают деловые беседы и на которые так щедры русские люди. Но то один, то другой из участников совещания вдруг задумывался, мрачнел, вспоминая, что приказ о пониже-нии в должности продиктован, записан и лежит у Поло-зова под рукой... Как сказать о нем рабочим в цехе? Как объяснить дома жене? Насмешек будет много, а зарабо-ток уменьшится... и стыда-то, стыда сколько!
— Итак, товарищи, договорились по всем пунк-там? — сказал Полозов, заканчивая совещание. — Все, что требует приказа, будет сегодня же оформлено. Кста-ти, один приказ у нас уже подготовлен…

Он взял у секретарши черновик приказа, про себя прочитал его, помолчал и вдруг дружески улыбнулся всем:
— Подписывать?.. Или, может быть, обойдемся по-хорошему?
Гусаков встал и широким жестом протяиул Полозо-ву руку:
— Куда ни шло, попробуем по-твоему. Эко ты нас в оборот взял, Алексей Алексеевич! Ха-а-рактерный чело-век! Пересилил-таки.
— Возражений нет? — спросил Алексей, складывая злополучный листок. По-мальчишески подмигнул, разо-рвал листок пополам, потом еще и еще.

11

Николай Пакулин жил в том состоянии душевного подъема, когда все удается и все кажется достижимым.
Экзамены в техникуме были сданы без единой трой-ки, после экзаменов поехали на Кировские острова на праздник белых ночей, там были Ксана с Валей и Ар-кадий Ступин, и вышло так, что Николай стал четвер-тым в этой компании и они катались вместе на лодке. Конечно, разговор шел общий, но, когда выехали на взморье, Ксана начала вспоминать описание белой но-чи у Пушкина; ни Валя, ни Аркадий не знали его на-изусть, а Николай знал, и они с Ксаной на память чи-тали его — Ксана строчку и Николай строчку... Потом Николай греб и смотрел на Ксану, а Ксана сидела на руле и слегка улыбалась ему. Но еще лучше было то, что они опоздали на последний трамвай и шли пешком через весь город. Аркадий пошел проводить Валю, а Николай проводил Ксану, и у ее дома они еще немного постояли и поговорили. О чем? Ни о чем особенно, но все получалось как-то складно и ласково, и уже в по-следнюю минуту, когда заспанный дворник открывал парадную, Ксана протянула руку и не торопилась от-нять ее, и сказала, опустив глаза:
— Спасибо, Коля. До свидания.
Спасибо?! Она его благодарила! Николай думал, что после того, как он завоюет общегородское первенство, он подойдет к ней и предложит. «Ксана, в Петергофе пущены нее фонтаны, съездим вместе в воскресенье». Может быть, она и согласится?
В прошлом месяце он уже почти догнал в общегород-ском соревновании Витю Сойкина, а теперь они с Фе-дей придумали новые оправки и пока давали выработку выше, чем бригада Сойкина. Николай познако-мился со своим главным соперником и с тех пор вдвойне мечтал о победе, — уж очень Сойкин самоуверен... Ни-чего, придется ему отдать знамя!
Вдохновляло Николая и общее приподнятое настро-ение, царившее в цехе с тех пор, как Полозов стал на-чальником.
В первые же дни Полозов собрал у себя бригадиров и лучших стахановцев. Он советовался с ними и выдви-нул перед ними задачу:
— Превратить цех в сплошь стахановский!
На этом же совещании был создан постоянный ста-хановский совет, и Николая выбрали членом его.
В цехе много говорили о переменах, которые ввел новый начальник.
Теперь начальники смен и мастера сдавали и при-нимали смену, как в армии сдают и принимают дежур-ства. Было известно, что всем им предложено учиться, что Полозов проверял, читают ли они книги, и какие. Рас-сказ о забавной истории, происшедшей на совещании командиров производства, облетел весь цех — и понра-вился.
Нравилось и то, что Полозов смело выдвигает новых людей. Женю Никитина назначил начальником инстру-ментального хозяйства, Сашу Воловика сделал сменным мастером на сборке, Валю Зимину перевел с крана в планово-диспетчерское бюро дежурным диспетчером...
Николай видел, что многие дела в цехе пошли быст-рее. На его участке не хватало подъемной стрелы. О стреле неизменно заговаривали на производственных совещаниях, на партгруппе, на оперативках. Полозов до-говорился с цехом металлоконструкций, некоторые ра-боты взялся сделать у себя в цехе — и стрелу установи-ли под шутки и рукоплескания рабочих:

— Вот что значит — захотеть!
— Удалой долго не думает!
Попадались, конечно, и маловеры. Старый Гусаков сказал Николаю, насмешливо дергая губой так, что его сивые усы подпрыгивали:
— И чего вы все с ума посходили? Горяченький-то скоро надрывается. Я этих новых метел на своем веку знаешь сколько видал?
— Теперь все от нас зависит, — горячо возразил Ни-колай. — Мы должны поддержать Полозова, а он нас всегда поддержит.
— Ну-ну! Поддерживай, милок, старайся, — сказал Гусаков. — Авось твоя помощь все решит. А я, пони-маешь, в библиотеку пойду, — ему, вишь, не спится, пока Гусаков не приучится романы читать...
У нового начальника цеха был обычай — как бы он ни был занят, первый час проводить на производстве. В этот ранний час любой рабочий мог поговорить с ним; он сам, своими глазами видел начало нового трудового дня с сегодняшними отличиями и затруднениями.
Однажды утром Полозов подошел к Николаю и на-чал расспрашивать его о членах бригады. Интересовали его наиболее трудные ребята, с которыми Николаю при-шлось повозиться. Ответы Николая он слушал внима-тельно и как-то задумчиво, словно что-то взвешивал или решал.
— Вам для чего, Алексей Алексеевич? Для статьи?
На заводе поговаривали, что пора о пакулинцах на-писать в газете, и Николай ждал этого — за последние недели нарастающих успехов он познал возбуждающий вкус славы.
— Нет, Коля, не для статьи, — неопределенно отве-тил Полозов и спросил, какого мнения Николай о бри-гаде Назарова.
Эта недавно возникшая молодежная бригада уже начала «наступать на пятки» пакулинцам, и кое-кто подшучивал: «Смотри, Коля, обгонят тебя назаровцы!» Николай только головой качал: нет, далеко им до это-го! Он и сейчас ответил со снисходительной улыбкой:
— Неплохая бригада. Но с теми ребятами еще рабо-тать и работать!
— А ведь показатели у них хороши?
— Что ж такого, — сказал Николай, — бригадир хо-рош, вот и тянет.
Полозов что-то промычал и пошел дальше с тем же задумчивым видом. А в середине дня Николая вызвали в кабинет начальника.
В кабинете, кроме Полозова, сидели Карцева и Ефим Кузьмич. Все трое обернулись к Николаю с особенным выражением интереса и ожидания.
— Садись, герой, — сказал Полозов. — Как думаешь, товарищ Пакулин, кто из твоих ребят способен само-стоятельно работать?

Николай замялся. Ясно было, что кого-либо из пакулинцев хотят выдвинуть бригадиром в другую, новую бригаду. Решение естественное и заслуженное... но
-
от-пускать никого не хочется.

— Не знаю, — уклончиво ответил он. — Ребята все хорошие. Но они из бригады не пойдут.
— А все-таки — кого бы ты порекомендовал? Николай медлил — ему было жалко любого. Да и в новых бригадах кто будет? Кешки да Петьки? Вытя-нуть такую бригаду — ох, маята!
— Ну что же, Коля? Или нет таких? — поторопила Карцева.
— Как нет! — самолюбиво откликнулся Николай. — Тот же Аркадий Ступин. Или Слюсарев. Ребята способ-ные, выросшие. Аркадий уж на что был трудный парень, а теперь прямо молодец! Он меня подменял, когда я сдавал экзамены. Ефим Кузьмич скажет — энергичный был бригадир. А Федя Слюсарев, сами знаете, парень с головой. Рационализатор.
Полозов, улыбаясь, вынул из стола листок бумаги с тремя фамилиями: Пакулин, Слюсарев, Ступин.
— Что, знаю кадры?
Затем он заговорил другим, многозначительным то-ном:
— Большим кораблям — большое плавание. С поне-дельника, Коля, мы твою бригаду разделим. Участок бу-дет работать в три смены с полной нагрузкой. Вашу бри-гаду мы разобьем на три части, по три-четыре человека в группе, и к каждой группе присоединим

новичков. Вот список этой молодежи. «Решайте сами, как разделиться и кого из молодежи в какую группу добавить. Пакулинцы должны стать ядром новых бригад, вожаками и вос-питателями молодых рабочих. Вот приказ.
Он протянул Николаю уже отпечатанный и подпи-санный приказ.
— Дело твоей чести, Коля. Твоей и твоих ребят. На-до справиться.
Николай тупо глядел в список, открывавшийся фами-лией Степанова Иннокентия. Взял приказ, так же тупо, не понимая, прочитал его. Исподлобья огляделся — все смотрели на него, а он не любил проявлять свои чув-ства.
— Это уже приказ? — выговорил он как можно спо-койнее. — Хорошо. Я под-го-тов-люсь. За оставшиеся дни.
И пошел к двери.
Его остановил голос Карцевой:
— Коля, вы недовольны?
Николай резко повернулся к ней. Его поразило чудо-вищное предположение, что он мог быть доволен тем, как грубо разрушается дело его рук, его сердца, его во-ли. Но показать себя слабым, жалким в минуту не-счастья — нет, этого он не мог допустить! Он заставил себя усмехнуться.
— Недоволен? Нет, что вы! — воскликнул он голо-сом жестким и, как ему казалось, ироническим, а на са-мом деле дрожавшим от слез. — Мы ведь не ждали награды, а вот— получили. Неожиданно. Награду. Спа-сибо.
И он выбежал из кабинета, заметался в коридорчи-ке и наконец выскочил на запущенную запасную лест-ницу, в темный, пыльный угол, где никто не увидит его слез.
На лестнице пахло сыростью. Потревоженная паути-на коснулась его щеки, и Николай гадливо отдернул го-лову, тщательно вытер глаза и щеку платком. Пережи-вать обиду в таком грязном углу было унизительно, а ко всему унижающему его достоинство Николай был чувствителен.
Шагая по цеху на свой участок, он старался быть не-возмутимым и гордым, поэтому его удивил вопрос по-встречавшейся ему Вали:
— Ты что, Коля, заболел?
На последних комсомольских перевыборах Валю избрали секретарем цеховой комсомольской организации, и с тех пор она считала, что отвечает за все, включая настроение и температуру каждого комсомольца.
— Ну вот, выдумала! — недовольно буркнул Нико-лай, отмахнулся от Вали и пошел дальше.
Возле группы станков висел новенький плакат. Круп-ный заголовок сообщал: «Бригада Назарова взяла обя-зательства...»
Николай остановился, осененный мрачной догадкой Ну, конечно, Назарову расчищают путь к победе! Неда-ром Полозов сегодня расспрашивал... И Карцева давно опекает эту бригаду, и Ефим Кузьмич.
Николай подошел к Назарову и спросил, коснется ли его бригады разделение по сменам.
— Что ты! — удивился Назаров. — Такую бригаду гробить?!
— Вот я и думаю, — злобно бросил Николай, отходя.
Только в конце рабочего дня он решился сообщить новость своим товарищам.
— Тю-у! — присвистнул Аркадий Ступин и в сердцах остановил станок, не докончив обработку детали. — А говорили — уж Полозов-то нас поддержит! — Впрочем, узнав, что его выдвигают бригадиром одной из трех бри-гад, он заметно оживился и уже не так возмущался при-казом.
Зато Федя Слюсарев был вне себя от гнева:
— Накануне общегородской победы! Как раз тогда, когда у нас все шансы!.. Ну, знаешь, это просто голо-вотяпство! И даже похуже! Небось своего Назарова не тронули!
Пакулин прикрикнул на него:
— При чем тут свой или не свой! Глупости гово-ришь!
Ребята закричали:
— А тогда почему назаровцев оставили? Их берегут, а нас на затычку? А комсомол что смотрел? Пойдем в комитет, пусть требует отмены!
Узнав новость, Валя Зимина сама прибежала к ним. Ее окружили и оглушили — все разом что-то кричали, так что она ничего не могла понять кроме того, что все возбуждены и не хотят делить бригаду. Дав парням на-кричаться, она подняла руки и властно сказала:
— А ну, спокойненько.

И когда парни притихли, неодобрительно покачала головой:
— Да что вы, ребята? Сперва кричать, а потом ду-мать? Что ж, по-вашему, цех — сам по себе стаханов-ским станет? Сколько мы бились с этой молодежью, сколько говорили — надо их взять в хорошие руки! Вот вы и есть хорошие руки. По-моему, вам доверили.
Парни снова загалдели все сразу — спасибо за такое доверие, обойдемся без него, очень-то надо!
Только Аркадий Ступин не принимал участия в об-щем возмущении, а стоял в сторонке, прислушиваясь да раздумывая. «Растил, растил, сколько души ему отдал, а он и не жалеет бригаду!» — с горечью подумал Нико-лай.
Федя Слюсарев наступал на Валю:
— А слава бригады побоку? Или назаровцы вам за-воюют общегородское первенство?
Валя ахнула. Об этом-то она совсем забыла! Ведь и она надеялась и в заводском комитете комсомола на-деялись, что пакулинцы завоюют знамя горкома комсо-мола. Как же теперь? Действительно, неладно вышло.
— Знаете, ребята, я схожу посоветоваться в коми-тет, — честно призналась она. — Руководство цеха, по-моему, решило на пользу дела, но вот с первенством по-лучается обидно.
— «На пользу дела, но обидно», — передразнил Слю-сарев. — Нет, мы уж сами пойдем, а то с твоей мощной поддержкой и в комитете растеряются!
Ребята повалили в комитет, только Аркадий не по-шел — то ли потому, что не комсомолец, то ли потому, что приказ его устраивал. Николай пошел было, да с пути свернул обратно — вот еще, ходить табуном во гла-ве с Валей, которая будет и за и против, и так и этак... Или она обрадовалась выдвижению Аркадия и хочет поддержать его? А, пусть поддерживает! Я сам не ма-ленький, пойду к Воробьеву!
Воробьев принимал членские взносы. Ведомости, пе-чать, разменные деньги были разложены перед ним на столе, а у самого Воробьева был вид напряженно-оза-боченный и тревожный, как всегда, когда он занимался этим кропотливым делом.
— Взносы платить? — спросил он Николая.
— Взносы у меня уплачены, — угрюмо напомнил Николай.
Воробьев на секунду оторвался от ведомости, огля-дел Пакулина, что-то, видимо, припомнил и сказал:
— Садись. Я скоро освобожусь. Поостынь пока. Когда дверь за последним из плательщиков закры-лась, он дружески обратился к Николаю:
— Ну что, Коля, нелегко?
Николай сердито, а потому сбивчиво выпалил все, что волновало и возмущало его, даже обиду на то, что его бригаду разбивают, а Назарова не тронули.
— А почему? Как ты думаешь?
— Что ж, новой бригаде честь и место! — язвительно сказал Николай.
Он сам понял, как глупо и нехорошо звучит его от-вет, но отбирать слова уже не мог, — в конце концов, все ребята так думают, и сам Назаров удивился: «Что ты, такую бригаду гробить!» А что ж, бригаду Пакулина можно гробить, и никому до нее дела нет?
— А черт с ней, я беспокоюсь не о назаровской, а о своей бригаде. Это несправедливо. Это бесхозяйствен-но — уничтожить лучшую бригаду цеха!
— Лучшую? — переспросил Воробьев. — Да, так мы считали. А похоже, что ошиблись.
— Вот как!
— Да, вот так. Растили коммунистов, а вырастили чистоплюев, эгоистов... Э-эх, Пакулин! — с досадой воскликнул он и долго удивленно, даже грустно разгля-дывал Николая. Затем отвернулся, начал складывать в несгораемый ящик ведомости и деньги, не глядя сказал:
— Ну, вот что, Коля. Разговор у нас выйдет нехоро-ший. А я в тебя все же верю. Иди-ка отсюда да пораз-мысли сначала сам. Ты кандидат партии. Вот с этой точки зрения и погляди на самого себя. И еще представь себе, будто твой кандидатский стаж истек и завтра те-бе подавать в члены партии. С чем приходишь? Чем богат?
— По-моему, вы сами меня хвалили, и не раз!
— А это случается. Сперва хвалишь, а потом и ру-гать приходится. В общем, Пакулин, спорить с тобой я сейчас не буду. Рано. Подумай сначала сам.
— И вы подумайте, какое дело гробите! — уходя, бросил Николай, чтобы оставить последнее слово за со-бой.

Впервые он шел по заводу, стараясь ни с кем не встречаться, и впервые покинул его с облегчением.
Увидав сына, Антонина Сергеевна сразу поняла, что с ним приключилась какая-то беда, а по тому, как он быстро, пригнув голову, прошел мимо нее в свою комна-ту, догадалась, что беда — большая. С тактом, отличав-шим ее, она не пошла за сыном, а дала ему побыть одному. Спустя полчаса тревожного ожидания она как ни в чем не бывало позвала его обедать.
— Сейчас, — откликнулся он, но не вышел.
Тогда она вошла к нему. Николай сидел на под-оконнике, обхватив руками колени и уперев ноги в гряз-ных ботинках в оконную раму,
— Николенька? — вопросительно произнесла мать, касаясь его плеча.
— Ох, мама! — сказал он и на миг прижался к ней, как в детстве, когда заболевал или случалось с ним пло-хое. Как отрадно было почувствовать неиссякающее теп-ло ее сочувствия!
— Прикрыли мою бригаду, мама. Разбили. Совсем.
— За что же? — вскрикнула мать, бледнея. Он молча пожал плечами.
— Постой, Николенька... Да ведь только вчера… Как же так? Ведь только вчера вас хвалили, и в совет этот тебя выбрали... Да как же они могли?..
Ему стало стыдно волновать ее. Конечно, она думает, что он провинился в чем-нибудь, что это наказание.
— Ты не так поняла, мама. Это не за что-нибудь. Просто глупость. Из одной хорошей бригады хотят сде-лать три плохих. Со всего цеха всю шпану под метелку и — к нам! Мы, видишь ли, аристократы!
— Вы — аристократы? Я что-то не пойму, Коля.
— Никто не понимает.
Пронзительный звонок заставил мать вздрогнуть. В квартиру с шумом ворвался Виктор.
— Ни черта не вышло! — закричал он брату, швы-ряя кепку на обеденный стол. — В комитете нам целую проповедь закатили! Но и мы свое высказали, не по-стеснялись! Такое свинство, такое свинство! За всю на-шу работу...
— Витя, повесь кепку на место и вытри ноги, — сказала мать.
Поперечная морщинка перерезала ее лоб.
Пока Виктор мылся, мать стояла рядом и понемнож-ку выспрашивала о случившемся, стараясь понять, как же это Алексей Алексеевич, такой хороший человек, мог поступить несправедливо.
— Не разобрался он, вот и все! — ворчал Виктор. — Назаровцам сейчас путь расчищают, а нам просто завидуют ребята, что мы впереди, вот и наговорили ему всего...
— Кто это сказал тебе?
— Да что у меня — головы своей нет?
— Помылся? Иди обедать, — помолчав, строго ска-зала.мать. — Да вытри лоб, мокрый же!
Пообедали молча. Мать привычно хозяйничала за столом, только уголки ее губ подрагивали да глаза вни-мательно вглядывались в нахмуренные лица сыновей.
— А ведь вы, по-моему, неправы, мальчики, — осторожно заговорила она, налив всем чаю. И уверен-но подтвердила: — Неправы!
Сыновья с удивлением повернули к ней головы. Ни-колай нахмурился еще больше, такая же, как у матери, поперечная морщинка появилась на лбу.
— Все глупы, все нехороши, одни вы умные. Да нешто так можно? — миролюбиво, но твердо продолжала мать. — Никогда я не поверю, чтобы Алексей Алексеич во вред вам придумал бы. Может, вы чего-то не поняли? Он же сколько помогал вам!
— Не будем об этом говорить, мама, — раздражен-но сказал Николай. — Я же вижу — вся моя работа на-смарку: налаживал, налаживал, на общегородское зна-мя тянули, Сойкина обгонять начали, и вдруг — бац, рубанули сплеча, да на три части! Начинай все с нача-ла, а славу — другим!
Антонина Сергеевна совсем тихо спросила:
— А слава — твоя?
— Ох, мама, оставь, — мне и так тошно.
— Слава, спрашиваю, твоя?
Николай передернул плечами:
— Нашей бригады, а чья же? Что ты, не понимаешь разве? Ты и ребят наших знаешь. Работали, сил не жа-лели. Почему же не наша слава?

— Нам ее не по блату дали, за дело! — вставил Вик-тор.
Мать примирительно сказала:
— А может, вы с этими тремя бригадами еще боль-шей славы добьетесь? Может, и новых ребят обучите, и знамени добьетесь... если постараетесь как следует?
— Как же, с Кешкой Степановым заработаешь зна-мя! — запальчиво перебил Виктор, уцепившись за воз-можность перевести неприятный разговор с общих рассуждений на частный случай, где он чувствовал себя уве-ренней. — Что ты, в самом деле, не знаешь эту шантра-пу? Что касается меня, то я в одну бригаду с Кешкой не пойду, спасибо!
И вдруг мать, покраснев, крикнула:
— Пойдешь!
Сыновья испуганно покосились на нее.
— Да что ты сегодня взъелась, мама? — недовольно сказал Николай. — И все-то не так, и во всем мы не правы...
— А потому и взъелась, что не так, и неправы! — тяжело и коротко дыша от волнения, сказала мать. — Знаю я Кешу Степанова. И мать его, Евдокию Павлов-ну, знаю. Без отца троих поднимает. Ну, не совладать ей, женщине, с таким озорником. Разбаловался он, дури в голове много. Так кому же, как не вам, обломать это-го Кешку, матери помочь да государству человека вы-растить?
Краска гнева отхлынула от её щек, и теперь ее лицо было бледно, и рука невольно взялась за грудь, как бы придерживая и успокаивая сердце.
— Славу у вас, видишь, отнимают... А может, Алек-сею Алексеевичу не так нужно, чтоб одна ваша брига-да в небеса занеслась, а нужно, чтоб каждый Кешка вроде вас работал? Сами-то вы какими на завод при-шли — забыли? Болванки от шестеренки отличить не могли! Кто вас, мальчишек, в этакие-то годы до боль-шой квалификации довел? Что у вас есть — все от цеха, от завода, от добрых людей... И слава ваша — тоже...
— Да я же не отрицаю... — пробовал вставить Николай.
Мать только рукой повела — не сбивай с мысли!
— Вот вы учитесь. Хорошо учитесь, характера хва-тает. И я горжусь. А кто вам эту возможность дал? При заводе школы да техникумы открыли, чтобы вам зря времени не терять и подметки не стаптывать, чтобы вас, недоучек, в интеллигенцию вывести. А вы еще смеете обижаться! Загордились вы, вот что! Все взяли, все по-лучили — а отдавать кто будет? Да если бы меня или тебя спервоначалу так отпихивал бы каждый, как вы Кешку, — разве мы могли бы вот так... как теперь... Кто мы были четыре года назад? — И она шепотом, со страстной тоской ответила: — Брошенные. Ни себе, ни людям не нужные... вот кто!
Она отошла, села в свое кресло у окна, махнула сы-новьям — уйдите, оставьте, дайте успокоиться.
Тихо стало в квартире.
Витька, посапывая носом, ушел в кухню, разобрал велосипедную втулку и начал промывать в керосине ее части, однако то и дело как бы ненароком заглядывал в комнату — мать сидела с книгой, но, кажется, не чи-тала.
Николай лежал грудью на подоконнике и даже не пытался чем-нибудь заняться. Только прислушивался — что там мама? Но и о ней, и о Полозове, и о Воробьеве он думал с обидой. Пусть даже они правы, пусть! Но почему они не понимают, как ему тяжело?
Мать сама вошла к нему, легкой рукой обняла за плечи, произнесла одно коротенькое слово:
— Ну?
Он чуть повел плечами, высвобождаясь, исподлобья взглянул:
— Что?
Ее рука соскользнула с плеч, ласково прошлась по волосам:
— Когда ты неправ, Николенька, у тебя всегда та-кой вид делается, — бука.
Улыбнулась, щекой прижалась к его упрямо отодви-гающейся голове:
— Я ведь все понимаю, Коля. Но ты уж переступи... что ж делать?
Было поздно, мать и брат давно уснули, когда Нико-лай тихонько вышел из дому. Он присел на ступеньку парадной. Все было огромно вокруг — и возвышающие-ся по бокам громады домов без единого огонька в окнах, и серый небосвод, упирающийся на горизонте в туман-ные очертания дальних крыш и подцвеченный там блек-лыми красками догорающей вечерней зари.

Николай смотрел, как гаснут краски, — желтая ста-новится совсем белесой, а лиловая сереет, и вот уже все погасло, и серые тона неба, домов, асфальта сгустились почти до черных. Пушкинские полчаса. Там, на взморье, Ксана вполголоса читала: «Одна заря сменить другую...», а Николай подхватывал: «Спешит, дав ночи полчаса…»
Лучше бы и не вспоминать ее сегодня! Далекой-далекой представилась Ксана — не дотя-нуться, не дозваться, да и посмеешь ли теперь, когда опять увидел себя ниже ее и хуже! Противно вспом-нить: еще вчера самоуверенно думал, что почти срав-нялся с нею, что вот еще взять городское знамя, и не стыдно подойти к ней, как равный к равной, чувствуя себя достойным ее. У-у-у, да разве в этом дело!..
В памяти промелькнули ее слова, сказанные в тот день, когда она зашла к нему: «Бывает так, что созна-тельно отказываешься от себя, от выбранного своего пути — ради общего дела...» Валя потом рассказывала, что Ксана плакала навзрыд, когда ее сняли с мастеров и перевели на комсомольскую работу. Плакала? На-взрыд? Он пробовал представить себе Ксану плачущей навзрыд — и не мог. Но ему было легче оттого, что он знал об этой ее слабости.
Да, но она-то подчинилась! — ради общего дела, как она сказала. Поплакала наедине с подружкой — и сде-лала так, как нужно. А я? Надо было уйти, пережить самому, подумать.... А я, болван, сразу ребят взбала-мутил, к Воробьеву побежал, даже маму втянул...
На комсомольском комитете, конечно, заговорят об этом: «Пакулина-то хвалили, хвалили, а каким он себя проявил эгоистом и честолюбцем!» И Ксана услышит... Что она скажет? Что подумает? «А это случается. Спер-ва хвалишь, а потом и ругать приходится», — так ска-зал Воробьев.
Воспоминание о разговоре с Воробьевым прямо обо-жгло его. Он до зримости ясно представил себе цеховое партийное собрание и себя — на трибуне. Кандидата, желающего вступить в члены партии. Он будто слышал вопросы, обращенные к нему, — холодно-вежливые во-просы, на «вы», как к чужому:
— Почему вы протестовали против разделения бри-гады и отказались принять на выучку молодых рабо-чих?
— Правда ли, что вы по-обывательски решили, что вашу бригаду расформировали, расчищая путь назаровцам?
— Может ли коммунист и даже просто передовой советский человек уклоняться от общественного дела ради личной славы и выгоды?
Перед ним возникали лица его товарищей по партий-ной организации, лица, доброжелательно улыбавшиеся ему несколько месяцев тому назад, когда его принимали в кандидаты. И воображение придавало им теперь вы-ражение отчужденности, разочарования, досады, пре-зрения.
Да как же это случилось с ним?
Конечно, ничего непоправимого еще нет. Все можно исправить. Завтра же он поговорит с ребятами...
И вдруг его обожгла новая мысль — он же виноват именно перед своими ребятами! Растил, воспитывал, гордился ими, а когда им поручили трудное дело, в ко-тором только и проявится по-настоящему все, чем они богаты, — не поддержал, не вдохновил, а сам пошел на поводу мелкой обиды и раздражения. Вот тебе и аван-гардная роль единственного коммуниста в бригаде!
Где-то поблизости хлопнула дверь, девичий голос воскликнул:
— Ой, уже рассвело!
Две девушки, гулко стуча каблучками, прошли мимо Николая, оглядели его, одна задорно спросила:
— Что, не пришла?
И обе со смехом заспешили дальше.
Да, пушкинские полчаса кончились. Сияние новой зари оживило край неба, бросив отсвет на длинное, уз-кое облако пепельного цвета, тянувшееся над горизонтом подобно лодке без гребцов. Громады домов, и ступени парадной, на которых притулился Николай, и молодые деревца вдоль тротуара будто просияли — нежный, еле уловимый свет скользнул по ним, и стали видимы чуткие к свету стекла на серых фасадах, и каждый листок на каждом дереве, и меловые полоски «классов», нарисо-ванные детьми на асфальте, и круглый плоский каме-шек, покоящийся внутри мелового квадрата.

Нежная красота рассвета коснулась души Николая, и тем горше показалось ему все, что запутало и омрачи-ло его жизнь. Он готов был безжалостно осудить себя — эгоист, зазнайка, «болен центропупизмом», как го-ворит Женя Никитин. Но все в нем восставало против таких обвинений. Не чувствовал он себя закоренелым эгоистом, для которого собственный пуп дороже всего.

Недавно, готовясь к докладу в молодежном обще-житии, Николай спросил Воробьева: что такое гармо-ния?

— Я теорию музыки не изучал, — ответил Воробь-ев. — Но, как я понимаю, это вот что: связь, сочетание звуков. Созвучность. А ты почему заинтересовался?

— Да так, хочу понять. Говорят, при коммунизме будет гармонический человек. Значит, все в лад, все со-звучно?

Теперь он нарочно рисовал себе разные обстоятель-ства, когда личные чувства и общественный долг всту-пают в противоречие: вот начинается война, надвину-лась опасность — нет, он идет в бой и ведет за собою других! Ксана согласилась поехать в Петергоф, а мас-тер просит: очень срочный заказ, поработай сверхуроч-но, — и он работает, ставит рекорд скоростной обработ-ки, а потом спешит к Ксане, усталый и счастливый, и рассказывает... Да что же это за дурь напала на него сегодня? И если бы хоть кто-нибудь сказал ему, что тут дело именно в этом — в умении подчинить личное об-щему!

— А вот возьму и все три бригады вытащу! — сказал он себе, изо всей силы потянулся и встал, потому что в победном нарастании света уже наступало утро.

Источник света был еще за горизонтом, но узкое, не-давно пепельное облако, похожее на лодку без гребцов, плыло теперь как бы по морю огня, и огненные языки лизали борта лодки. А потом облако разорвалось, и уже не лодка, а три огромные, синие, с пунцовыми краями бабочки затрепетали над вздымающимся пламенем, и ветер понес их в сторону, словно оберегая их нежные крылья.

Из-за дальних крыш выполз краешек солнца.

12

Проводив сыновей на выпускной вечер в техникум, Антонина Сергеевна постояла в нерешительности, так как ей очень хотелось сесть в кресло и почитать, хотя управдом еще утром просил ее обязательно прийти на собрание жильцов дома, потому что иначе «не будет кворума».

Наш народ знаете какой? — уныло повторял он. — Наш народ не вытянешь из квартир. А будет де-путат — неудобно. Уж вы меня не подводите!

Дом был большой, густо населенный, но собралось всего человек пятьдесят, главным образом домашние хозяйки.

Управдом с безнадежным видом объяснил, что боль-ше и не собрать, народ все занятый, рабочий. Он толко-во, но уныло доложил о том, как идет летний ремонт, а после него жизнерадостная толстушка Жарова, пред-седатель комиссии содействия, сбивчиво, но бойко рас-сказала о работе комиссии.

Антонина Сергеевна добросовестно слушала и докла-ды и выступления жильцов, стараясь по выступлениям установить, кто из активистов дома поэнергичнее, за ко-го стоит голосовать в члены новой комиссии. Многие резко критиковали комиссию и ее председателя, и Анто-нина Сергеевна огорчилась: конечно, Жарова — болтуш-ка и плохой организатор, но ведь у нее муж и четверо детей, и все-таки она старалась, за что же обижать ее?

Антонина Сергеевна уже надеялась, что прения кон-чаются, когда председатель собрания с некоторой тор-жественностью объявил, что слово предоставляется де-путату горсовета товарищу Белковской.

Ксана Белковская! Никогда не говорили мать и сын об этой девушке, однажды заглянувшей к нему на ча-сок, никогда не упоминал Николай ее имени, но с того воскресенья мать все время

помнила о ней. И понима-ла, почему газетная вырезка с групповой фотографией, где в центре сидит комсорг цеха Белковская, вот уже год хранится у сына в ящике письменного стола.
С испугом и любопытством смотрела Антонина Сер-геевна, как из середины маленького зала поднялась де-вушка в скромном, темном костюме, с темными косами, уложенными вокруг головы. Среди пожилых женщин, окружавших ее, Ксана показалась гораздо моло-же, чем в то воскресенье, — почти девочка. Но девочка держалась уверенно, вышла вперед твердой, деловой походкой, остановилась у стола президиума в свобод-ной позе человека, привыкшего выступать на людях, и за-говорила смело и даже, пожалуй, резко.
Антонина Сергеевна сама не могла бы объяснить, по-чему она испугалась, поняв, что будет говорить Ксана, но ей было страшно, что девушка не так скажет, не так поведет себя, и в то же время хотелось, чтобы девушка оказалась не так хороша и умна, как это кажется сыну.
Начало ее речи еще больше испугало и уязвило Ан-тонину Сергеевну, — сколько высокомерия в этой девоч-ке! Ксана была недовольна тем, как благоустраивается домохозяйство, она осудила комиссию содействия за не-расторопность и попустительство во время ремонта.
— Я сегодня облазила все ваши крыши и обошла все лестницы, — сказала Ксана и начала подробно перечис-лять крупные и мелкие недочеты ремонта.
Антонине Сергеевне, да и всем присутствующим, по-нравилось, что девушка все осмотрела сама, но разве нельзя было говорить то же самое помягче?.. Ох, нет, не та это девушка, что нужна Николаю, не та! И ничего у них не выйдет, где уж...
Но как раз тогда, когда Антонина Сергеевна утверди-лась в своем мнении, что девушка не та, Ксана покон-чила с критикой и доверчиво улыбнулась.
— Ведь жалко, товарищи! — с искренним огорче-нием сказала она. — Дом хороший, большой, живут в нем рабочие, они на производстве чудеса творят. Как же можно не сделать все-все возможное для того, чтобы жилось им лучше? Ведь вот сейчас, летом, человек при-ходит с работы, пообедает и сидит дома. А разве пло-хо было бы выйти во двор, где плещется фонтан, окру-женный цветами? Сесть на скамеечку под деревьями, под кустами сирени или черемухи? Побеседовать с дру-зьями за садовым столиком, поиграть в шашки или в «козла»?
Она говорила с воодушевлением, и ей кивали в от-вет, улыбались, кричали «правильно!». И скучное собра-ние перестало быть скучным, даже на унылом лице управдома стыдливо проблескивала мечтательность.
— А ребятишки? — продолжала Ксана. — Говорят, они весь день орут под окнами и выбивают стекла мя-чами. Да разве трудно расчистить для них площадку, поставить качели, турники, для маленьких устроить за-городки с песком? Все это легко сделать, была бы охо-та, было бы старание. Денег нет? Неверно. Большие день-ги отпускаются на благоустройство, на озеленение, на детские площадки. А многое и средств не потребует, са-мим сделать можно, своими силами. Надо только приложить руки. Ваш дом можно сделать лучшим домом в городе.
Она оглядела собравшихся и почти с мольбой закон-чила:
— Давайте и сделаем его самым лучшим. Правда, давайте!
Ей горячо хлопали, а она присела на кончик скамьи возле стола и застенчиво улыбалась, и не было в ней никакого высокомерия, но угадывался настойчивый ха-рактер и убежденность в том, что работать надо только отлично и что требовать отличной работы надо ото всех.
Антонина Сергеевна следила за каждым движением девушки и волновалась оттого, что начались выборы, — теперь ей хотелось быть избранной. Если бы не стыд, она сама вызвалась бы поработать в комиссии, прило-жить руки к благоустройству, — она так ясно предста-вила себе и фонтан, и детскую площадку, и стариков, отдыхающих вечерком под кустами сирени. Но ее не вы-брали, и Антонина Сергеевна уже направилась к выходу, утешая себя тем, что в комиссии не оберешься хлопот и неприятностей, когда снова поднялась Ксана Белков-ская.
Ксана сообщила, что осенью предполагается прове-сти очень большие посадки деревьев и кустов, так что работы будет много, и уже сейчас можно разбить во дворе клумбы, поставить скамейки, вместе с молоде-жью и ребятишками начать расчистку площадки на пус-тыре. Ксана считала, что не стоит все дела наваливать на комиссию, и просила выбрать особую группу актива по озеленению.
Антонина Сергеевна задержалась у двери. Ксана за-метила ее милое, удивительно знакомое лицо и прочла в нем желание принять участие в новом деле. Она на-клонилась и шепотом переговорила с председателем. Председатель одною из первых назвал фамилию Пакулиной.
Ксана покраснела, виновато улыбнулась и издали поклонилась Антонине Сергеевне.

Антонина Сергеевна приветливо, но сдержанно отве-тила на поклон.
Они бы так и ограничились этим, если бы Ксана поднимаясь со скамьи, не вскрикнула с явной досадой оттого, что зацепилась чулком о гвоздь.
Управдом сконфуженно ругал какого-то Абросимо-ва, который «некачественно ремонтировал» скамьи, и обещал завтра же пробрать его «с перцем». Ксане от этого не было легче. Чулки были тонкие, дорогие, и де-вушке, видимо, было очень жаль их.
Антонина Сергеевна подошла и осмотрела поврежде-ние — дырочка была небольшая, но от нее уже потяну-лась вниз белая дорожка.
— Пойдемте ко мне, Ксаночка, — сказала Антонина Сергеевна. — Заштопаем так, что и видно не будет.
Ксана смутилась:
— Что вы! Зачем же я буду затруднять вас?
Она уже справилась с досадой, послюнила палец и приложила его к концу белой дорожки.
— Если послюнить, петля дальше не побежит. До дому дойду, ничего!,
— Чулки уж очень хорошие, жалко, — посочувство-вала Антонина Сергеевна и решительно взяла девушку за руку. — Пошли, пошли. И никого вы не стесните, мальчики на выпускном вечере, я одна дома.
Ксана сразу перестала сопротивляться. Шла она осторожно, видимо боясь, что петля все-таки «побежит». Они молча поднялись по лестнице и вошли в квартиру.
— Как у вас хорошо! — сказала Ксана, когда они усе-лись около настольной лампы, ярко озарявшей стол и погружавшей уютную, чисто прибранную комнату в мягкий полумрак.
— Давайте чулок, — потребовала Антонина Сергеев-на и надела пенсне.
— Ой нет, я сама!
— Нет уж, не спорьте. Со мною и сыновья не спорят, а гостье и подавно не полагается. Ксана покорно сняла чулок.
— Какие у вас ножки маленькие. А когда вы идете, кажется, что ноги у вас сильные и крепкие.
— А они и есть сильные. Я спортом много занима-лась — легкой атлетикой, бегом, греблей.
— Почему — занимались? А сейчас?
— Сейчас тоже, но меньше. Не успеваю.
— Вот и Коля не успевает.
За столом воцарилось молчание. Ксана следила за тем, как тонкая игла аккуратно затягивает дырочку шел-ковой паутинкой.
— Как вы хорошо штопаете. Мне бы так не суметь.
— Вы, наверно, с мамой живете?
— У меня нет мамы. Уже давно.
Антонина Сергеевна опустила руки с работой, сня-ла пенсне:
— Как же вы…
— Я в детском доме росла.
— Господи! А какая умница выросла!
Ксана опустила глаза. Положительно, в ней нет ни-какого высокомерия. И можно поручиться, что она смущена оттого, что перед нею мать Николая Пакулина.
— Сколько вам лет, Ксаночка? Это ничего, что я вас так называю?
— Ой, я очень рада. Мне двадцать.
— И моему Николаю столько же. Какая теперь мо-лодежь развитая! В двадцать лет бригадиры, депута-ты, — никогда такого не было.
Ксана явно хотела что-то сказать или спросить, но удержалась.
— Вы слыхали, Ксаночка, что у Коли бригаду на три разделили?
— Да, мне говорили. Ему, наверное, очень грустно было?
— Так ведь что поделаешь — надо!
— Надо-то надо, но ведь жалко… Я бы, наверное, в отчаянии была.
— Да?
— А как же? Впрочем, ваш Коля такой...
— Какой?
— Выдержанный очень, сознательный. И с харак-тером. Он, наверно, всегда собой владеет. Я так не умею.

Антонина Сергеевна промолчала, только улыбнулась. Девушка все больше и больше нравилась ей.
— Хорошо, что вы это понимаете, — снова принима-ясь за работу, заговорила она, — девушки часто судят по внешности, пленяются манерами, ловкостью, умением поухаживать и себя показать. Они думают, что если мо-лодой человек скромный и серьезный, то на него и смот-реть не стоит.
Снова воцарилось за столом молчание. Антонина Сергеевна поднимала петлю и, казалось, была всецело по-глощена работой. Ксана сидела, поджав под себя голую ногу, и все порывалась что-то спросить, но не решалась.
— Коля сделал доклад в общежитии? — спросила она, хотя это был совсем не тот вопрос, который вер-телся на языке.
— В общежитии? Кажется, нет. Хотя... Какой-то доклад он делал на днях. Он очень занят сейчас с эти-ми тремя бригадами.
— Почему тремя?
— Ну как же? Он хочет, чтобы все три стали таки-ми, какой была одна.
— Вот молодец!
— Да, он хороший... Не потому, что я мать. Я много вижу молодежи и могу сравнивать. Он действительно очень хороший.
— Я знаю, — сказала Ксана.
Они внимательно посмотрели друг другу в глаза, — каждая хотела что-то прочитать в глазах другой, что-то такое, о чем не спросишь.
Близко хлопнула дверь, раздались шаги. Ксана вся подобралась, прислушалась — нет, шаги затихли, это не сюда. Антонина Сергеевна заканчивала работу, от всей ее позы, от ее быстрых, искусных пальцев, от ее скло-ненной гладкой головы с проблесками седины веяло ма-теринским теплом.
— Вы говорите — депутат, — вдруг быстро сказала Ксана. — Да, я депутат, даже, кажется, самый молодой из всех. Это, конечно, почетно и ответственно. Но вы себе не представляете, как это трудно!
— Много работы?
— Я не о том. Я о личной жизни. Разве я не такая же девушка, как все, оттого, что меня выбрали? Разве я живу какой-то другой жизнью? А некоторые почему-то думают, что я какая-то не такая, как все, и со мной не как с другими, и, скажем, пригласить меня просто по-танцевать... А ведь мне тоже хочется танцевать!
Последние слова прозвучали обиженно.
— А если молодым людям кажется, что они вас не-достойны? — не поднимая глаз от работы, тихо сказала Антонина Сергеевна. — Ведь вы и в самом деле не со-всем обыкновенная девушка, вы умница, вы работник, вас старые люди уважают, не то что молодые. Как же перед вами не робеть? А если молодой человек еще и влюблен...
Ксана вспыхнула. Лоб, уши, даже шея ее порозовели.
Она была рада, что Антонина Сергеевна не смотрит на нее.
— Но ведь не может девушка сама пригласить кого хочет? — еле слышно сказала она.
Антонина Сергеевна перекусила нитку и подала Ксане чулок, лукаво усмехнулась:
— Разве девушки не умеют заговорить первыми так, чтобы получилось, будто первым заговорил он?
У Ксаны широко распахнулись глаза. Распахнулись и просияли.
— У меня же нет никакого опыта, — пробормотала она.
— Но ведь есть и молодые люди, у которых его нет?
Ксана натянула чулок, всунула ногу в туфлю и по-рывисто обняла Антонину Сергеевну:
— Такое спасибо вам... такое спасибо!
— Не стоит, Ксаночка. — За этакую малость! — отве-тила Антонина Сергеевна, как бы совсем не понимая, за что ее благодарят. — Я люблю штопать, и мы так слав-но поговорили с вами.

Комнатка комсомольского бюро помещалась во вто-ром этаже пристройки и окном выходила прямо в цех, так что равномерный рокот машин, шипение, скрежет и лязг обрабатываемого металла заглушали здесь голоса, а передвигающийся под крышей кран порою отбрасывал в комнату свою скользящую тень.
Кран как бы напоминал о себе и упрекал Валю Зи-мину: «Я-то тружусь по-прежнему, а ты где?» Вот уже несколько дней прошло, как Валю перевели с крана в ПДБ к Бабинкову — дежурным диспетчером. Так было удобнее вести комсомольскую работу. Воро-бьев шутливо сказал:
— Какая может быть связь с массами, если секре-тарь комсомола весь день на недосягаемой высоте?
Валя понимала, что он прав, но ей было жаль рас-ставаться с краном, она привыкла к своей кабинке, к громоздкому и послушному гиганту, таскавшему по ма-новению ее руки многотонные тяжести, она любила па-нораму цеха, открывавшуюся ей с высоты. В ПДБ весь день волновались то из-за одного, то из-за другого, не-прерывно трезвонили телефоны, и приходилось, хочешь или не хочешь, по нескольку раз в день разговаривать с начальником сборки Гаршиным.
Когда Валя впервые, зажмурив глаза, позвонила ему, чтобы проверить, поступила ли на сборку партия лопа-ток, Гаршин еще не знал, что она работает в ПДБ, и с любопытством спросил:
— А кто говорит?
— Дежурный диспетчер, — строго ответила Валя. — Получили вы три набора лопаток?
— Получили, товарищ дежурный с очаровательным голосом, — сказал Гаршин. — Можно узнать ваше имя?
— Валентина Федоровна, — еще строже сказала Валя и повесила трубку.
В тот же день Гаршин узнал, кто такая Валентина Федоровна, попробовал установить мир и назвал ее Ва-лечкой, но Валя сухо поправила:
— Меня зовут Валентина Федоровна, — и опять по-весила трубку.
Два дня спустя он остановил ее в садике возле цеха, покорно и добродушно назвав ее Валентиной Федоров-ной.
— Я давно хотел сказать вам, Валентина Федоров-на. Вы не сердитесь. Мне было очень тяжело, и я не-вольно обидел вас. Если бы вы знали...
— А зачем мне знать? — твердо возразила Валя, хотя сердце ее колотилось так, что, казалось, по всему са-дику слышно. — Что бы ни было, я рада. Это спасло меня от ошибки.
Круто повернувшись, она ушла. Со стороны можно было понять, что девушка щелкнула по носу бывшего поклонника, и только одна Валя знала, каких усилий стоило ей так поступить.
Теперь она сидела в комнатке комсомольского бюро, заново переживала свое торжество над Гаршиным, с удивлением понимала, что былого трепетного, всепро-щающего чувства к нему уже нет... и смотрела на Арка-дия Ступина, стараясь разобраться, что же это такое — отношения, связавшие ее с этим парнем, не похожим на других.
Аркадий, Николай Пакулин и Федя Слюсарев сиде-ли за столом и делили бригаду. Николай заранее составил списки трех бригад. Валя видела эти списки и счи-тала, что все учтено и предусмотрено, остается только принять и выполнить. Но Аркадий и Федя почему-то ожесточенно возражали, голоса их повышались до кри-ка, лица краснели, так что казалось — все трое вот-вот перессорятся насмерть.
Шум, доносившийся из цеха, мешал Вале расслы-шать, в чем дело. До нее доходили лишь обрывки фраз:
— А я говорю — несправедливо и неправильно! — Это крикнул Федя.
— Если я бригадир, так я и хочу... — Это — Арка-дий.
— Играть — так на равных! — Это — снова Арка-дий.
Николай возражал рассудительно и чуть насмешли-во, но в ответ опять вскрикивал Федя:
— Несогласен!
И Аркадий, презрительным движением отбрасывая списки, перекрывал шумы цеха раскатистым:
— Отказываюсь, вот и все!
Валя вспоминала робкую тень, когда-то маячившую возле Аларчина моста и подстерегавшую ее на останов-ках, у ворот, в Доме культуры — везде, куда бы она ни пошла. Она вспоминала

вечер, когда он без спросу во-рвался к ней, не только в ее комнату — в ее жизнь и душу он тогда ворвался без спросу. Она перебирала в памяти все, что было после того вечера. И удивлялась, что вот он сидит тут, не оглядываясь на нее и, возмож-но, не думая о ней, и что он самый близкий ее друг, а отношения их так запутаны, что невозможно разо-браться, и уж совсем невозможно предсказать — чем все кончится.
Самым странным было то, что он в точности держал слово, данное в тот вечер. Он никогда ни прямо, ни на-меком не говорил о своей любви. Тогда, перед уходом, он сорвал листок календаря и спрятал его в карман, а ей сказал:
— Вот, Валя. В этот самый день через год ты мне сама скажешь, что найдешь нужным. Скажешь: нет! — и это будет конец нашему знакомству. Запомнишь число?
Она кивнула, но он оторвал следующий листок, сунул ей в руки и пошутил:
— Даю тебе скидку еще на сутки.
С тех пор он запросто приходил к ней домой, с по-лучки приносил пирожные или конфеты, иногда цветы. Однажды он починил ей треснувшую раму.
Соседки любопытствовали:
— Жених, Валечка? Смущаясь, она отвечала:
— Ой, сама не знаю.
Они катались на лодке и гуляли на Островах, дваж-ды ездили за город, один раз ночевали в деревне у даль-ней родственницы Аркадия, причем взяли лодку и уплыли по озеру так далеко, что вернулись к трем часам ночи; хозяйка не без воркотни пустила Валю в дом, а Ар-кадий устроился на сеновале и потом хвастал, что там было чудесно. Аркадий читал те же книги, что читала она, а порой и сам приносил ей новую интересную кни-гу. Они вместе волновались перед премьерой «Русского вопроса», и оба с успехом сыграли свои роли, хотя Ва-ля посмеивалась, что ярославский добрый молодец все-таки выглядывал из-под шкуры истинного американца, на что Аркадий отвечал, что пожившей, усталой жен-щины из нее тоже не получилось.
Все это было хорошо, но они часто ссорились, а за последнее время почти не бывало у них встреч без спо-ров и раздражения. Они препирались из-за книг и из-за погоды, из-за того, кому грести и где ехать — в душ-ном вагоне или на площадке, продуваемой сквозняком. Иногда он вздыхал, что второй такой спорщицы нет во всем свете. Правда, он тоже был не из покладистых, но после каждого спора становился задумчив и печален.
Спохватившись, она давала себе слово не раздра-жаться и затихала. Она не узнавала себя и жалела Ар-кадия. Но что было делать, если у нее все кипело внут-ри, если ей хотелось, чтобы он говорил как раз тогда, когда он молчал, если он брал ее под руку в то время, как ей это мешало, и забывал предложить ей руку то-гда, когда нужно было. Ее злило, что в цехе он держал-ся в стороне от нее, как посторонний, а потом злило, если он при всех подходил к ней. Она скучала без него и раздражалась в его присутствии. Ей казалось, что жизнь приговорила ее к Аркадию до того, как она сама его выбрала, и она всем существом сопротивлялась. Она была почти уверена, что в назначенный срок скажет «нет!», и в то же время пугалась мысли, что он уйдет.
А с недавних пор Аркадий сам отдалился от нее. Приходил он реже, и если они расставались во вторник, он заговаривал с нею не о завтрашнем вечере, а спра-шивал, не пойдет ли она с ним в кино в субботу.
Присматриваясь к нему в эти все более редкие встре-чи, она открывала в нем черты характера, не замечен-ные ею прежде. Он был упорен и очень настойчив. Он растрачивал зря свое время и силу молодецкую, пока не находил им применения, но, когда у него появилась цель, он шел к ней напролом. Он был восприимчив и умел взять от окружающих его людей все, что они спо-собны дать ему, — у одного знания, у другого опыт, у третьего дружескую поддержку. Должно быть, он был беззаветен в дружбе так же, как в любви, но вряд ли был добр и чуток и к товарищу и к женщине, если по-терял к ним интерес, если они ему уже не нужны.
Вот и сейчас — он спорил с Николаем, и Николая это явно задевало. И Федя Слюсарев спорил, распа-ляясь все больше. Оба, видимо, уже забыли, сколько возился с ними Пакулин!
Валя подошла к раскричавшимся бригадирам:
— Вы что, ребята, добро поделить не можете?
— Погоди, Валя, и так у каждого свое мнение, не хватает еще четвертого, — с досадой сказал Николай.

— А по-моему, в любом случае голос Пакулина — решающий, — сурово сказала Валя. — Он вам бригадир, ему и решать. В чем у вас заминка?
— А мне благодеяний не нужно! — воскликнул Ар-кадий. — Сам справлюсь!
Оказалось, что обоих новых бригадиров задело «само-пожертвование» Николая: в бригады товарищей он наметил перевести своих наиболее опытных рабочих, а из новичков всех худших, в том числе и Кешку Степано-ва, забрал к себе. Николай считал такое решение спра-ведливым, потому что у него больше опыта. Он не мог понять, почему Кешку, еще вчера пугавшего всех, сего-дня хотят заполучить к себе и Федя и Аркадий. Валя тоже не понимала этого.
— Пойдет он все-таки ко мне, — заявил Аркадий и даже кулаком пристукнул. — Ты помнишь историю с кражей? У меня он набезобразничал, я с ним тогда не справился. А теперь справлюсь. Тут, Коля, дело чести, не спорь.
— А Витьку тебе зачем? — мрачно спросил Нико-лай. — Витька — мой брат. Если я его себе оставляю, так потому, что и присмотрю, и одна смена, да и ква-лификации у него меньше, чем у Гаврилова.
— Вот и бери Гаврилова, он у тебя опорой будет.
Федя поддержал Аркадия:
— Ты, Коля, в святые не лезь. Что, в самом-то деле? Нам по четыре человека из пакулинцев, себе — троих. Нам — лучших, себе — похуже. Ты нас не жалей, мы не бедненькие.
Аркадий встал, расправил широкие плечи, задорно посмотрел в лицо Николаю:
— Если уж разбили нашу бригаду, дали каждому са-мостоятельность, сказали: действуйте! — так будем со-ревноваться честно, без скидок!
— Разбили бригаду, а не дружбу, — возразил Нико-лай. И тихо, с горечью спросил: — А может, и дружбу?
Аркадий шагнул к нему и стиснул его плечо:
— А дружба сейчас в том, чтобы не мешать друг другу. И никто ее у нас не разобьет, Коля.
— Убери лапищу-то, — высвобождая плечо, любов-но сказал Николай. — Вот самостоятельные выросли, помехи боятся! Ладно, ребята, давайте решать, и будем соревноваться. Держитесь!
И уже покорно придвинул к себе списки:
— Значит, Кешку к Ступину, Гаврилова — ко мне. А Витьку ты обязательно хочешь?
Аркадий, поколебавшись, виновато сообщил:
— Витька сам просится ко мне.
— Вот что!
Николай поднялся с места:
— Ну-ка, ребята, составьте списки без меня, как вам хочется, а потом втроем утвердим. Не сидеть же тут до ночи!
Он прошелся по комнатке, выглянул в цех. Под са-мым окном стояли железнодорожные платформы, и кран опускал на одну из них обвитый стропами громадный красный ящик. Старший из стропалей, дядя Вася, стоял на второй платформе и движениями пальцев давал вы-разительные указания крановщице. Ящик грузно лег на место. Стропали мигом окружили его, снимая стропы, а маляр с ведерком краски и кистью уже спешил намалевать на ящике адрес.
Кран качнул огромным крюком и пополз обратно — за следующим ящиком.
Вторая турбина отправлялась в дальний путь.
«Ребята еще и не понимают, как им будет труд-но, — тревожно и насмешливо думал Николай. — Ведь на организацию срока не будет, надо сразу давать план, досрочно — по третьей, досрочно — по четвертой, а там новое задание — какое оно будет? Какое бы ни было, легкого ждать нечего. А ребятам лишь бы самостоятель-ней да форсу побольше. Вот и Витька убегает от меня к Аркадию — независимости ищет, надоело под братом в мальчишках ходить. Или я и вправду слишком опекал их? Нет, что за чепуха! Просто самолюбие у них... Что ж, дружки вы мои неверные, если так, держитесь, я вам не уступлю!»
Федя и Аркадий по-прежнему спорили и договари-вались, договаривались и вновь начинали спорить у него за спиной.
Маленький, худощавый, вечно озабоченный Федя Слюсарев дольше всех не хотел примириться с делением бригады. Но как только Николаю удалось доказать ему правильность такого деления, Федя всеми помыслами устремился в будущее, к успехам своей бригады, и ревниво следил за каждым шагом Николая и Аркадия. Он томился страхом, что у него не хватит

организатор-ских и педагогических способностей, потому что пре-красно понимал, какая трудная работа ему предстоит.
Аркадий не томился и не волновался. С той минуты, когда он впервые услыхал о приказе Полозова, его охва-тило радостное нетерпение. Рамки пакулинской бригады были для него тесны: напористая сила бурлила в нем и требовала применения. Еще не начав работать, он уже твердо верил в успех и с нетерпением ждал понедель-ника, когда впервые соберет бригаду и острым слов-цом, дружеской шуткой и командирским внушением во-бьет в мозги всех этих пареньков, что ступинцы должны прославиться не меньше, чем славились пакулинцы, и что из трех новых бригад именно ступинская должна победить.
Валя снова подошла к новым бригадирам, глазами показала на задумавшегося у окна Николая, шепнула:
— Нехорошо, ребята.
Аркадий взял ее за локти и силой усадил.
— Нет, хорошо, — вполголоса сказал он. — Николай привык с нами как с младенцами. А мы взрослые.
Она улыбнулась, и Аркадий на миг забыл и о бри-гаде, и о Николае, и обо всех своих планах. Ему было очень трудно разжать пальцы.
Федя встал и отошел к Николаю — может быть, по-тому, что на него подействовал Валин упрек, а может быть, понял, что здесь он лишний.
Валя испуганно приоткрыла рот и пошевелила лок-тями, стараясь освободиться.
— Аркаша... — пролепетала она.
Аркадий опомнился, выпустил ее локти и отвер-нулся.
— Я к тебе зайду в субботу вечером, — сказал он. Что-то сообразил, вздохнул, поправился:
— Нет, в воскресенье утром. Хорошо? И окликнул товарищей:
— Ребята, давайте ставить точку, надоело!
Валя отошла, все еще взволнованная. Она думала: «Почему он переложил встречу с субботы на воскресенье? Чем он занят до воскресенья? Почему это так: он любит меня и зависит от одного моего слова, а все-таки я чув-ствую, что он сильнее меня?»
Три друга уже без споров закончили деление бри-гад. Федя предложил:
— Пойдемте, ребята, ради такого случая выпьем по рюмочке. По расстанной. Посидим, поболтаем...
— Нет, — твердо сказал Аркадий. — Мне пора.
Он боялся пить — не по его характеру было ограни-читься одной рюмкой, за одной потянется и вторая, и третья, а там уже и море по колено — гуляй до утра.
— Ты куда? — спросил Николай.
— Так, дело есть, — уклончиво ответил Аркадий.
Лучшему другу не признался бы он, что вот уже ме-сяц сидит допоздна над учебниками, сидит как прокля-тый, воюя с премудростями грамматики и физики, буб-ня под нос теоремы и сатанея от алгебраических задач. Лучшему другу не мог он признаться, что кончил он все-го шесть классов, а в техникуме сказал — семилетку, только утеряно свидетельство, и директор предложил ему прийти экзаменоваться, на что он беспечно согласился. Как он рыскал по магазинам, раздобывая учеб-ники, как он отчаивался в первые дни занятий, убедив-шись, что и программу шестого класса забыл начисто, а в учебниках седьмого класса для него что ни страни-ца — то китайская грамота! Благоразумие нашептывало: «Откажись, пойди в вечернюю школу в седьмой класс, тебе же не осилить всю эту дребедень за два месяца!» Он гневно отбросил и благоразумие и лень. Вот еще! Не станет он терять год, не будет он сидеть в седьмом классе рядом со всякой мелкотой. Некогда ему терять годы, и так — верзила двадцати четырех лет! Когда же он попадет в вуз? Когда станет инженером? Нет, не на такого напали! Он выдолбит все эти теоремы, формулы и правила за два месяца или сам себе скажет, что он тряпка и болван!
Иногда он пугался — а вдруг Валя тем временем от-выкнет от него, заведет себе новых друзей? Он подавлял сомнения. Если она не полюбит, тут уж ничего не сде-лаешь, а если ей суждено полюбить его, пусть поймет, что он мужчина, а не слюнтяй.
Иногда, глядя на нее, он хотел признаться ей, какую тяжесть на себя взвалил, и сказать: «Это все ради те-бя, Валя!» Но он молчал. Вот еще, искать сочувствия! Да и все ли — ради нее? Когда-то любовь к ней дей-ствительно подтолкнула его на новый жизненный курс, но если...

если настанет тот черный день и Валя ска-жет: «Нет, Аркаша, не полюбила», — что же, разве курс его жизни изменится?
Думая иногда о том, что черный день может настать, он заранее сжимал кулаки и рисовал себе, что он будет делать. Ох, и пойдет же дым столбом! Все, что день за днем откладывается на случай Валиного «да!» — все по-катится колесом в одну кассу, сутки — так сутки, трое суток — так трое, пей-гуляй и ни о чем не вспоминай!
Но в эти отчаянные мысли теперь вплетались трез-вые напоминания: а как же бригада? Что же, я ее кину и пойду завивать горе веревочкой? Э-эх, попал ты, Ар-каша, в клещи! Отгулял, довольно.
В то время, когда три бригадира совещались в ком-натке комсомольского бюро, внизу, возле платформ с тя-желыми ящиками, укрывшими части второй турбины, встретились Виктор Пакулин и Кешка.
Виктор ждал брата. Он некоторое время постоял у двери и послушал спор о составе бригад. Подслушивать было стыдно и неудобно, по коридору ходили люди, и Виктор спустился в цех поглазеть на отправку турбины.
Кешка слонялся по цеху потому, что знал о сове-щании бригадиров и тревожился — в какую бригаду его определят. Приказ Полозова пробудил в нем честолю-бивые мечты. Он видел себя солидным, квалифициро-ванным токарем, членом знаменитой бригады: вот он идет по аллее в компании своих товарищей, начисто от-мытый под душем, в синем с искрой костюме, и люди пялят на него глаза — на важного, высокого, красивого. Иным он себя и не представлял — высоким и красивым, хотя был он пока малорослым пареньком в засаленной куртке, который, что бы ни делал, умудрялся немедлен-но выпачкать нос и щеки. Увидав Пакулина-младшего, Кешка сделал вид, что разглядывает работу маляра, раз-машисто писавшего адрес на ящике, медленно прибли-зился к Виктору и остановился рядом.
Виктор покосился на него, помолчал и равнодушно сообщил:
— Там из-за тебя сыр-бор загорелся.
Кешка тоже помолчал и с мрачной усмешкой спросил:
— Ни один не берет?
— Наоборот, — ответил Виктор. И, выждав для ин-тереса, пояснил: — Ни один не отдает другим.
Кешка презрительно скривился:
— Чем же это я им так пондравился?
Он был взволнован и всеми силами старался скрыть это.
Виктор не торопился отвечать. Он зевнул, поднял с полу виток металлической стружки, переломил его и острым краем отрезал нитку, болтавшуюся на месте оборванной пуговицы.
— А кто их разберет, — наконец сказал он. — Ефим Кузьмич, наверно, хвалил тебя. Считают, наверно, что ты посамостоятельнее других. Ты на четвертый разряд сдал?
— Давно, — небрежно ответил Кешка, хотя сдавал он на прошлой неделе.
— Норму выполняешь?
— За ту неделю сто три процента как будто или сто четыре. Не помню.
Виктор прекрасно знал, как обстоят дела у Кешки, но нарочно дал ему пофорсить, потому что у него было свое мнение о воспитательных приемах, и он был уверен, что сумеет воздействовать на Кешку куда лучше, чем Николай или Федя.
— Каждому бригадиру хочется к себе взять такого, чтобы толк получился, — сказал он.
Кешка спросил как бы между прочим:
— А ты куда?
— К Аркадию, наверно.
— У брата не остаешься?
— Чего ж нам друг другу мешать!
Кешка тихонько вздохнул. Ему хотелось попасть в одну бригаду с Виктором; теперь он видел, что Вить-ка — парень как парень, совсем не задавака. Но разве возьмет его Аркадий?
— Ты в комсомол вступил? — спросил Виктор, и вид у него был такой, будто он и не слыхал никогда о мно-гочисленных провинностях Кешки.
После долгого и тяжелого молчания Кешка сказал:
— Вот поработаю в бригаде, тогда...

Виктор одобрительно кивнул и, считая воспитатель-ную часть разговора на сегодня исчерпанной, заговорил о велосипедах. Ему очень хотелось завести гоночный ве-лосипед, для чего он решил продать свой старый.
— Если купить на рынке раму и колеса, такой ве-лосипед отгрохать можно, не хуже покупного. И обой-дется от силы в триста рублей. Кое-что я и сам выто-чу. А уж пригнать да наладить — это я умею.
Они оба не заметили, как подошел Аркадий Ступин. Аркадий обнял их сзади за плечи и стукнул головами друг о друга.
— Ну, хлопцы, держитесь! — весело сказал он. — С понедельника оба ко мне, а тогда — будьте здоро-вы! — пощады не ждите. Через три месяца — общецехо-вое первенство, на меньшее не согласен!

14

В этот день Гаршин пришел на завод в своем луч-шем костюме, а в зале совещаний при дирекции появил-ся одним из первых, еще до того, как начали съезжать-ся приглашенные. Любимов был уже там — сидел в сторонке, просмат-ривая материалы к докладу. Гаршин подошел, поздо-ровался.
— Привет, Виктор Павлович! — с широкой улыбкой сказал Любимов.
Они не ссорились, но в последнее время между ними уже не было прежней дружбы, и нарочитая вежливость прикрывала явное охлаждение. Началось с той прокля-той подписи, — Гаршин и сам не мог понять теперь, за-чем нелегкая дернула его примазываться к чужому про-екту! Щепетильность Любимова была покороблена, он несколько дней и в глаза не смотрел. Потом, кажется, забыл. А тут подвернулась история с ротором. Гаршин с усмешкой отметил про себя, что, когда дело дошло до собственных интересов, Любимов откинул щепетиль-ность, даже поблагодарил за спасительную выдумку. Но, верный себе, сказал: «Так вы действуйте!» — и укрылся в кабинете: «Я не я, и лошадь не моя!» Если бы ему не позвонили, что краснознаменцы уже напра-вились в цех, Любимов и дальше предоставил бы Гаршину выкручиваться самому. Впрочем, что толку было в его приходе! Сдрейфил перед Полозовым — и снова в кусты. Удрал из цеха, как мальчишка из чужого сада. А Гаршина оставил на расправу. И вышло, что именно Гаршину пришлось выслушать при всех насмешливый вопрос Диденко: «Это что же у вас получается — со-весть под подошву, стыд под каблук? Вам бы фокусни-ком выступать!»
Диденко говорил громко, его слова сразу облетели весь цех, и это было хуже выговора. Кто-кто, а Гаршин знал убийственную силу острого слова.
С тех пор Гаршин и Любимов не разговаривали, только подчеркнуто вежливо здоровались при встречах. Однако сегодня Гаршину было необходимо перего-ворить с Любимовым, и он спросил, преодолевая нелов-кость:
— Кто намечается от завода в проектную группу, не слыхали?
— Дмитрий Иванович пошел согласовать с дирек-тором, — вполголоса ответил Любимов, — я со своей стороны предложил и вас и Полозова.
Гаршин поморщился. Что значит — «и вас и Полозо-ва»? Как-никак он один из авторов докладной записки, ставить его на одну доску с Полозовым просто неле-по. Может быть, Любимов хочет оттереть его от участия в проектировании?
Но в это время Любимов еще тише сказал:
— Вы, по-моему, наверняка попадете... Хотя Диден-ко, кажется, возражал.
— А доводы какие?
— Считает, что вы и Полозов слишком заняты на производстве.
Любимов снова погрузился в свои материалы, а Гар-шин пошел поближе к двери, чтоб встречать приходя-щих и перекинуться словом со всеми, с кем нужно.

Зал совещаний быстро заполнялся. Прибыли пред-ставители проектной организации. Группами приходили цеховые инженеры и стахановцы. Ждали профессоров Карелина и Савина.
Появился Диденко — сияющий, еще более подвиж-ной, чем обычно. Гаршину было неловко подойти к не-му, но он крутился поблизости и слышал, как парторг сказал проектировщикам:
— Не знаю, как для вас, а для завода сегодня — большой день, очень большой!
Несколько дней назад Немирова, Диденко и Котельникова срочно вызвали в Москву. Вернулись они воз-бужденными и несколько ошеломленными грандиозно-стью новых задач. В текущем году заводу поручалось изготовить еще две турбины типа краснознаменских. Правительство значительно расширило программу выпуска турбин на будущий год, а конструкторскому бюро поручило проектирование новых мощных турбин сверхвысокого давления, тех самых, о которых давно мечтал Котельников. Были отпущены средства на модер-низацию и расширение турбинного цеха и обслуживаю-щих его цехов.
По заводу передавались подробности разговоров, происходивших в Москве. Министр якобы сказал Немирову, посмеиваясь:
— Видите, как мы на вас навалились! И главное, са-ми вы в этом виноваты. Я, грешным делом, боялся, что вы Краснознаменку подведете, а потом смотрю — и Краснознаменку не подводят, да еще на готовой турби-не по своей охоте регулятор меняют. Значит, сильны! Значит, можно вам дать задачу и покрупнее.
Повторяли и другие слова министра:
— Завод начинает третью реконструкцию. В первые пятилетки он изменился до неузнаваемости, по сущест-ву — только название да славные традиции остались не-изменными. После войны вы тоже не просто восстано-вили завод, а возродились на новой технической основе. Теперь перестройка должна быть шире, смелее и новее, чем когда бы то ни было. Завод вступит в коммунизм таким, каким вы его в ближайшие год, два, три перекон-струируете. Поэтому придайте делу настоящий размах, привлеките новаторскую мысль, не бойтесь помечтать — откинуть лишнее всегда можно, а проект должен быть вдохновенным.
— Так он и сказал — вдохновенным? — переспраши-вали люди. И, вернувшись к повседневной работе, еще долго раздумывали над услышанным.
Нынешний «большой день» был днем встречи завод-ских руководителей инженеров и передовых рабочих с работниками организации, которой поручено составле-ние проекта реконструкции производства. Докладная за-писка Любимова и Гаршина об основах реконструкции была перепечатана и разложена по столам для озна-комления. Записка и вступительный доклад Любимова должны были послужить основой для широкого обсуж-дения всех проблем предстоящей работы.
Гаршин возлагал на это совещание большие надеж-ды. Последнее время его преследовали неудачи, одна неприятность следовала за другою, его положение на за-воде заколебалось. Он говорил себе: надо выпутаться изо всей этой ерунды, решительным рывком выпутаться во что бы то ни стало!
Сперва он ухватился за Воловика. Договор о содру-жестве с изобретателем, выдвинутым на государствен-ную премию... Газетные статьи. Фотографы. Киносъем-ки. В каждом докладе упоминание рядом двух фами-лий — Воловик и Гаршин... Все уже пошло на лад, Во-ловик как будто согласился — и вдруг:
— Вы не обижайтесь, Виктор Павлович. Я не про-тив, но, мне кажется, тут нашего с вами сотрудничества мало. Вы ведь больше практик. А мне бы хотелось свя-заться с учеными, работающими в этой области. Может, создадим бригаду — конечно, с вашим участием.
Гаршин старался понять, что произошло. Слава богу, он не дурак, чтобы принять все за чистую монету. Отговорили Воловика? Переманили? Может ли быть, что профессор Карелин тоже отговаривал? Он, называ-ющий Гаршина своим другом! Впрочем, как бы там ни было, а коптеть вместе с целой компанией в брига-де — тощища, да и много ли в итоге будет толку?
А тут подоспела новость об ускорении реконструкции цеха. Снова заговорили о записке Любимова — Гарши-на. Для разработки проекта завод выделяет нескольких своих инженеров. Попасть в эту группу... заговорить во весь голос с конструкторами, с учеными консультан-тами, закинуть словечко о переходе в институт, взять тему для диссертации... Момент подходящий. Сегодня будет профессор Савин, Михаил Петрович обещал по-знакомить их... а предстоящая реконструкция должна обеспечить внимательное отношение ученых к инженеру-практику, пожелавшему разработать такую тему в виде диссертации...

Увидав Карелина, входящего вместе с высоким, сухо-щавым человеком средних лет, Гаршин устремился к ним навстречу.
— Анатолий Сергеевич, вот это мой молодой друг — инженер Гаршин, о котором я вам говорил.
— Очень приятно. Савин.
Савин оказался человеком той породы, что сразу сбивала Гаршина с толку. Сдержанный до сухости, очень серьезный, до жути немногословный... как подой-ти к такому, о чем говорить? Ни пошутить, ни посмеять-ся, ни поболтать на посторонние темы для первого зна-комства. Впрочем, Савин, видимо, знал, что принадлежит к числу нелегких собеседников, и старался быть любез-ным. Рекомендуя Гаршина, Михаил Петрович шутливо пожаловался:
— Вот, учил-учил, а он переметнулся к технологам.
— Жизнь подтолкнула, Михаил Петрович, — сказал Гаршин и многозначительно улыбнулся Савину — мол, мы-то с вами понимаем, что сейчас технология — цари-ца производства и заниматься нужно именно ею.
— Итак, ваши намерения? — спросил Савин.
Он держал в руке свернутый в трубку экземпляр докладной записки, и это придало Гаршину уверенности. Похлопав пальцами по бумажной трубке, он объ-яснил, что много поработал над планом реконструкции турбинного производства, увлекся возникающими тут технологическими проблемами и хотел бы посвятить свои силы… Конечно, кое-кому может показаться, что такая тема диссертации слишком обща и практична, но жизнь показывает, что именно эти проблемы нужда-ются в научной разработке, что они-то и являются са-мыми актуальными и важными.
Он начал путаться в словах, не получая отклика, но в это время Савин сказал:
— Совершенно с вами согласен. Организация про-изводства является предметом научного творчества и за-ключает в себе много интересных вопросов для работы исследователя. Но об этом мы поговорим после совеща-ния.
Он слегка поклонился и направился к своему месту. Гаршин с удовольствием видел, как он углубился в чте-ние докладной записки, что-то подчеркнул карандашом, в другом месте что-то написал сбоку.
Из всех присутствующих Гаршина больше всего пу-гали представители проектной организации, — конечно, они попытаются умалить значение плана, предложен-ного заводскими практиками, и доказать, что только они одни понимают, как надо реконструировать производ-ство!
Гаршин видел, что и Любимов боится их. Начав свое сообщение, Георгий Семенович непрерывно отвешивал поклоны в их сторону и с самым скромным видом назы-вал докладную записку не иначе, как «предварительные наметки», «некоторые первоначальные соображения», «этот беглый эскиз, я бы назвал — первый черновик» и так далее, одно определение деликатнее другого. Гар-шин жалел, что третьего дня, узнав о предстоящем об-суждении, не потребовал себе слова как один из авто-ров, — надо бы выступить сразу после этого деликат-нейшего простофили и взять более уверенный тон!
Однако, вопреки ожиданиям Гаршина, проектиров-щики очень почтительно отзывались о докладной запи-ске, находили в ней интересные мысли, которые могут лечь в основу... послужить отправной точкой... ока-зать неоценимую помощь... Они просили присутствую-щих тут инженеров и стахановцев подвергнуть план детальному и придирчивому разбору, чтобы требования и пожелания производственников выявились наиболее полно.
И план был разобран и раскритикован так, что Гар-шину временами казалось — ничего-то от него не оста-нется, одни рожки да ножки. Теперь он радовался, что не выскочил вперед, не потребовал слова, пусть Люби-мов отдувается сам! Потом он разозлился до того, что еле удержался от ядовитых реплик: его «тишайший» пре-емник Шикин неожиданно выступил с большой, хорошо подготовленной речью, в которой сопоставил план Лю-бимова — Гаршина с достижениями рационализатор-ской мысли и доказал, что предложения, цеховых рацио-нализаторов и изобретателей во многом обогнали твор-ческую мысль авторов плана. Шикин говорил скромно, каждое слово подтверждал конкретными ссылками, воз-разить ему по существу было нечего. Тогда Гаршин разозлился на самого себя — ведь еще на перевыборном собрании Воробьев говорил, что план во многом уста-рел! Э-эх, надо было прислущаться, покопаться в рацио-нализаторских предложениях и сегодня, взяв слово первым, самому

дополнить план, ссылаясь на те же ма-териалы, но используя их куда ярче и острее, чем эта ти-хоня Шикин! Козырнуть ими можно было!
В конце совещания выступил профессор Савин. У Гар-шина заколотилось сердце, когда Савин расправил свернутый в трубку план. Но профессор не останавли-вался на недостатках плана, а только отметил, что он является «первой робкой попыткой модернизировать производство турбин». Одобрив эту попытку, Савин за-говорил о новейших достижениях технологии машино-строения, которые должны быть полностью учтены про-ектировщиками. Речь его была суха, но слушали ее увлеченно. Гаршин тоже слушал, с досадой признава-ясь, что не следил за новинками техники, многое знает только понаслышке, а кое-что слышит впервые. Уловил это Савин по докладной записке или нет? Подойти к не-му после совещания или лучше не подходить?..
Подводя итоги обсуждению, директор сообщил, что для участия в разработке проекта реконструкции вы-деляется группа инженеров завода. Главный инженер... главный технолог... два инженера из технического от-дела… Любимов...
— Гаршина мы не трогаем, так же как и Полозо-ва, — пояснил он, — им турбины выпускать, своих забот хватает. Но к обсуждению проекта на всех стадиях мы их, конечно, привлечем. Так же, как и других товари-щей.
Вот и все.
Теперь оставалась одна, последняя зацепка — Савин, Заручиться его поддержкой и консультацией... попасть в заочную аспирантуру...
После совещания Гаршин снова подошел к Михаилу Петровичу и Савину.
— Да, значит, вы хотели... — начал Савин, морщась от старания вспомнить, чего именно хотел стоящий перед ним инженер.
Гаршин не помог ему. Он боялся повторить свои до-воды, они уже не казались ему убедительными.
— Вспомнил. Проблемы организации производства, верно?
Гаршин кивнул. Михаил Петрович стоял рядом с ни-ми, прислушиваясь, но не вступая в разговор.
— Видите ли, товарищ Гаршин, — нехотя начал Са-вин, видимо недовольный тем, что ему приходится в пер-вый же день появления на заводе вести не очень прият-ный разговор с одним из заводских работников. — Ви-дите ли, пока ваша докладная записка не выходит за рамки известного. Даже, как видите, не охватывает то-го, что уже применяется. Это, в сущности, дельная по-пытка некоторого обобщения имеющегося опыта в рам-ках исполнения своих обязанностей. Не больше.
Гаршин покраснел и насупился, ему было тошно от этого разговора, лучше бы не затевать его.
— Ваше желание взяться за серьезную научную работу можно только приветствовать, — силясь быть дружелюбным, продолжал Савин. — Но зачем вам зада-ваться такими необъятными целями? Возьмите локаль-ную тему в той области, где вы как инженер чувствуе-те себя сильнее. Потрудитесь год, два, исследуйте ее детально, внесите в нее собственную мысль, найдите оригинальное решение. И тогда — милости просим.
Гаршин так и не открыл рта, а Савин уже протянул ему руку:
— Найдете нужным посоветоваться — я к вашим услугам.
Гаршин хотел подойти к Любимову, но Любимов бе-седовал с представителями проектной организации, и там же стоял Полозов, непринужденно участвуя в раз-говоре. Полозов, очевидно, совсем не чувствовал себя оттертым от интересного дела.
— Проводите меня до машины, Витя, — попросил Михаил Петрович.
Гаршин подчинился, хотя ему не хотелось ни прово-жать профессора, ни говорить с ним, ни даже смотреть на него. Надежды лопнули, содействие Михаила Петро-вича не помогло, да и разве это содействие? — сказал: «Мой молодой друг» — и отошел в сторонку. К черту и его, и Савина, и всю эту волынку!
— Вы на лыжах ходите? — спросил Михаил Петро-вич.
Вопрос был так неожидан и нелеп в середине лета, что Гаршин только покосился на профессора — в уме ли он?
— Есть такие лыжники, — не дождавшись ответа, сказал Михаил Петрович. — Пойдешь с ними куда-ни-будь в лес, в горы, а они все норовят по чужому следу. Я зову — пойдемте напрямик, а они: «Что вы, Михаил Петрович, тут целина, а вон там есть хорошая лыж-ня...»

Они подошли к машине, Гаршин предупредительно, хотя и с затаенным бешенством, распахнул дверцу. Но профессор, придерживая дверцу рукой, невозмутимо продолжал:
— Конечно, можно и по накатанному следу побе-гать, оно удобнее. Но в любом деле надо для себя опре-делить — хочешь ли ты скользить по разведанному и проложенному другими пути, или...
— Понятно, — не очень вежливо прервал Гаршин. — Мораль сей басни мне ясна.
Профессор вгляделся в его раздраженное, мрачное лицо, взял его за локоть:
— Не злитесь, Витя. Если бы я был уверен в том, что вы наберетесь мужества сказать это самому себе, я бы не стал прибегать к басням.
Он залез в машину и уже оттуда, пригнувшись к дверце, предложил Гаршину подвезти его домой.
— Спасибо. Предпочитаю на собственных ногах, — ответил Гаршин.
Он шел по проспекту, понурив голову и жуя мунд-штук потухшей папиросы. Осколок кирпича попался ему под ноги, он пнул его носком ботинка. Осколок, подпры-гивая, проскакал по тротуару и лег на краю. Гаршин снова пнул его со всей силой. Если бы он мог, он од-ним пинком отправил бы к черту на рога и себя самого, и Михаила Петровича с его лыжней, и Савина с его ло-кальной темой.
Что-то надо делать с собой. Чего от него хотят? Чтобы он стал работягой и скромником? Просиживал брюки? Жил одними турбинами, как Полозов?.. Да нет, не одними турбинами живет Полозов, и Михаил Петро-вич прожил жизнь, наверно, так, что дай бог! Тьфу, до чего мутно на душе!
Он выпил водки у киоска, потом у другого выпил пива. Хотелось пойти куда-нибудь, к кому-нибудь, кто ждет, кто любит, кто может выслушать и посочувство-вать. Но к кому? Выпить — сотни приятелей найдутся. Стоит мигнуть — мало ли женщин ринется навстречу? А вот сейчас — к кому пойдешь?..
Один человек мог стать для него всем — домом, со-вестью, отрадой. Потерял. И к этому не надо даже при-трагиваться мыслью. Отрезано. «Мне было очень горько когда-то, но потом я поняла истинную ценность всего, и человек, которого я полюбила...», «Чем больше и щедрее человек отдает, тем он становится богаче. А кто печется только о себе, кажется мне бедняком. Вы по-нимаете ли, что можно думать о ком-нибудь, кроме себя?» «Я вам запрещаю писать и звонить...» От этого телефоны стали как мины, дотронешься до трубки — взо-рвется. Нет, об этом не надо думать, совсем не надо ду-мать, прикасаться к этому нельзя. «Я вам запрещаю...»
Так что же делать? Работать помаленьку, жениться на какой-нибудь кроткой, влюбленной девушке, которая будет лелеять и сочувствовать, жалеть и восхищаться, считая, что лучше ее мужа нет человека в мире? На Вале хотя бы. Наивная глупышка с восторженным, за-мирающим личиком. «Не Валя, а Валентина Федоров-на» — ишь ты! А если прийти и сказать: люблю, выхо-ди замуж, — обрадуется и выйдет… «Оно избавило меня от ошибки». Искренне ли она тогда сказала — или для острастки, из гордости? Все-таки нехорошо с нею получилось, нехорошо!
Он выпил еще пива в киоске возле заводского жило-го городка. Свернуть налево, пройти два корпуса и пу-стырь, — и можно постучаться в знакомую квартиру. Любимов еще на заводе. Алла Глебовна разахается, заулыбается, выскочит в соседнюю комнату, чтобы напуд-рить нос и подкрасить губы. Но на кой дьявол ему это нужно?
Или пройти мимо нее и постучаться к Ане? «Аня, мне чертовски кисло, можно мне вытряхнуть душу и вместе с вами отобрать: что там — мусор, а что — при-годится?» Она — товарищ, она скажет: «Давайте тря-сите».
Ну да, а завтра все узнает Полозов! Весь свет ви-дит, куда у них идет дело; только им двоим кажется, что они здорово скрывают свои отношения. Ну что ж... совет да любовь! Интересно, что думает об мне Поло-зов? И что он посоветовал бы, если б поговорить с ним начистоту? Только, бог знает почему, никогда у меня не выходит дружеская откровенность с мужчинами. Отто-го, что женщины отзывчивее и готовы все понять и при-нять? Или оттого, что я нравлюсь женщинам и поэтому перед ними не стыдно обнажать душу? А только разве я перед ними когда-нибудь обнажал душу?
Молодая женщина вышла из продовольственного ма-газина и пошла по улице в нескольких шагах впереди Гаршина. Он загляделся на ее ноги, когда она спуска-лась по ступенькам, —

стройные, красивые ноги. Потом он окинул ее всю оценивающим взглядом, и ему понра-вилась ее гибкая спина, ее гладкая прическа, ее поход-ка, ее простое, облегающее фигуру платье.
Он прибавил шагу, чтобы заглянуть женщине в лицо.
— Аня! — закричал он, расхохотавшись. — Вы мне здорово понравились со спины!
— Вы можете снова отстать, Виктор, чтобы не раз-очаровываться, — сказала Аня.
Ее лицо тоже понравилось ему, — она похорошела за последнее время.
Она прижимала к себе маленький кулек, до стран-ности маленький.
— Держу пари, что вы купили сто грамм леден-цов, — сказал он и взял ее под руку. — Можно?
— Можно, — сказала Аня, позволяя ему вести себя и чуть отстраняя локоть, как делают женщины, когда спутник им совершенно безразличен. — А пари вы про-играете. Это горох.
— Горох?
— Да. Сто грамм.
— На кой вам черт сто грамм гороху?
— Черт здесь ни при чем. На пуговицы.
— Хо-хо! «Дайте мне сто грамм гороху на платье» — так? Куда вам столько пуговиц?
— Пуговиц мне нужно двадцать, но не все горошин-ки хорошей формы. Их обтягивают шелком, и получают-ся круглые пуговки того же цвета, что и платье.
— А платье какого цвета?
Она засмеялась.
— Вам это очень важно? Белое шелковое. Юбка по-кроя клеш, верх гладкий, по фигуре. Вырез маленький. Застежка на спине. Что вы еще хотите узнать?
Было истинным отдыхом говорить с нею о пустяках.
— Если застежка на спине, Анечка, нужен подруч-ный, чтобы застегивать эти горошины.
— Да, — твердо сказала Аня.
— Понятно.
Она свернула налево, в боковую улочку, к своему дому. Сейчас она скажет: «До свидания, Виктор», — и уйдет обтягивать горошины белым шелком.
— Аня!
— Что?
— Мне здорово кисло сейчас, Аня. Можете вы по-тратить на меня немного времени?
— Могу.
Она остановилась. Видимо, соображала, как лучше поступить — звать ли его к себе или беседовать где-либо в другом месте.
— Зайдемте в парк. Заодно подышим воздухом.
Значит, сообразила, что звать к себе рискованно — вдруг засидится.
— В парк так в парк. Давайте ваш горох, положу в карман. Карман не дырявый, если рассыплется — со-берем.
Они прошли в парк и сели на одну из первых скамеек. На юру. Такую скамью может выбрать только женщи-на, которая торопится уйти от неинтересного спутника.
Впрочем, как только он заговорил, Аня заинтересован-но повернула к нему лицо.
Если бы он перед тем не выпил, он никогда не стал бы так откровенничать. Он горячо, путано и самолюби-во рассказал ей, что с ним произошло и как глупо все сложилось. Из этого путаного рассказа Аня уловила только, что он один, что надежда на покровительство Михаила Петровича не оправдалась и что Гаршин не-много пьян — ровно настолько, чтобы не притворяться беспечным счастливчиком.
— Ну, что вы скажете? — спросил он, докончив свою жалобу.
— Мне кажется, Витя, что вам надо определиться.
— То есть?
— Определить, кем вы хотите быть. Если вас тя-нет наука — не научное звание и жалованье, а научная работа, — возьмите интересную локальную тему, как со-ветует Савин, и работайте. И опять-таки определите, в какой области вам хочется работать. Действительно ли вас интересует именно технология? Или вам казалось, что в этой модной теме легче добиться успеха?
Не отвечая, он передернул губами и подсказал:
— А если не тянет наука?
— Тогда скажите себе, что вы будете развиваться как инженер, производственник. И сделайте выводы.

— Какие?
— А такие, Витя, что... Не сердитесь, но вы же та-лантливый и живой человек, — это не только мое мне-ние, Михаил Петрович говорит то же самое, — а рабо-таете вы на сорок процентов, амортизации боитесь, что ли?
Он все-таки рассердился:
— Ну, знаете ли, Аня! Может быть, когда вы перей-дете наконец из своего детдома на производство, вы ока-жетесь лучшим инженером, допускаю, но на обеих тур-бинах я крутился как белка в колесе, и...
— Не будем говорить обо мне. Но ваш преемник Шикин, маленький, тихий практик, работает лучше вас, потому что дает все сто процентов, понимаете? Целиком! А вы — нет. И люди это понимают.
— Так. Ну, валяйте, выкладывайте сразу все, что вы обо мне думаете.
Она слегка улыбнулась:
— Вы и сейчас уверены, что все о вас думают и ва-ши переживания всем интересны и важны. И что вам должны сочувствовать. Хотя никто, кроме вас, тут не ви-новат, и вы достаточно умны и самостоятельны, чтобы самому выбраться на свою собственную лыжню, — если захотите.
— Значит — эгоцентрист?
— Есть немного.
— Еще что?
— Однажды я вам сказала, Витя, что вы добрый. Помните, в истории с Кешкой? И Полина Степановна считает, что вы добрый.
— А я злой?
— Нет, вы добрый, если ненароком заметите чужую беду. Только чаще не замечаете.
Помолчав, он мрачно сказал:
— Валяйте до конца. Все.
— Ох, Витя, я совсем не готовилась к подробному анализу вашей личности, и зачем вам это нужно?
Она повернула руку так, чтобы незаметно взглянуть на часы. Исповедь Гаршина была на редкость нежста-ти. Новое платье должно быть дошито к субботе — так задумано, — а ей осталось самое канительное — обтя-нуть и пришить пуговицы и сделать петельки. Времени так мало, и вот уже девятый час...
Гаршин заметил ее осторожное движение.
— Вы правы, Аня, — сказал он, вставая. — Я и за-был, что платье для женщины дороже человека, разве что за исключением того единственного человека, ради которого это платье шьется и горошины обтягиваются. Пойдемте, я вас доведу и донесу ваш горох.
Она не нашла нужным возразить хотя бы из вежли-вости. Это было почти оскорбительно. Он не взял ее под руку, а она шла легкой походкой, всегда пленяв-шей его, и думала о чем-то своем. И шла до невежли-вости быстро. Была минута, когда Гаршину хотелось вышвырнуть вон ее нелепый горох и уйти не прощаясь.
Но как раз в эту минуту Аня придержала шаг и вни-мательно вгляделась в его лицо со стиснутыми от зло-сти челюстями. До нее как-то вдруг дошло, что Гар-шину сейчас действительно всерьез плохо, что ему, ви-димо, очень нужно поговорить с кем-нибудь по душам.
И, какой бы он ни был, как бы она ни относилась к нему, отказать ему в этом нельзя.
— Мне кажется, вы сейчас на распутье, Витя, — за-говорила она, не глядя на него, чтобы не смущать Гар-шина и чтобы хватило духу все высказать, — и это бо-лее серьезно, чем выбор — наука или производство. Я не знаю, задумывались вы раньше или нет. Если и заду-мывались, то, наверно, легко убеждали себя, что все — вздор. Так вот, не позволяйте себе поверить, что все — вздор. И эта ваша подпись, и история с ротором, и Са-вин... Ведь не тянет вас к науке, Витя, не тянет! И в цехе...
— Ну, знаете! — вскричал Гаршин. — Столько, сколь-ко делаю я...
— Ну и что? — перебила Аня. — Кто вы такой в це-хе? Толкач! Незаменимый в авральной работе толкач! Почему вас перевели из технологического бюро, где нужно думать, искать, внедрять новое, — на сборку? По-тому что в период аврала надо было нажимать, тол-кать... Но это все меньше и меньше будет нужно.
Они уже подошли к ее подъезду.

Она взяла его за руку с дружеской сердечностью, и не ее была вина, если в эту минуту она показалась ему более далекой, чем когда бы то ни было:
— Поймите, Виктор... Мне очень хочется, чтобы вы поняли... Когда требуешь много от себя, от других, от жизни... ну, тогда и приходит настоящее. Говорят: жить по большому счету. Я не берусь объяснять, как это. Тут, наверно, дело в самом отношении... Помните наш разговор в кавказском кабачке? В отношении к своей работе, к любви, и к людям вообще, и к будуще-му — к своему же собственному будущему...
Улыбнувшись ему, она добавила:
— Вы только не внушайте себе, что все — вздор! Ладно?
— Ладно. Держите ваш горох.
— Не просыпался?
— Сейчас пошарю. Вот две горошины.
— До свидания, Витя.
— До свидания.
Он медленно пошел обратно, на проспект. Вот ведь ерунда какая… вот ерунда!.. «Не позволяйте себе по-верить, что все — вздор»... Ну, а что же тогда?
Веселая гурьба девушек шла навстречу. Не обратив на него никакого внимания, прошли мимо. Он вскинул голову, расправил плечи, приосанился. Еще не хватало — брести побитой собакой, поджав хвост!
Он пошел, стараясь держаться молодец молодцом. Но мускулы лица подводили. Чуть забудешься — они как-то опадают, вянут, немеют, словно чужие. Веки на-висают над глазами, углы рта опускаются, щеки мор-щатся... Он сам чувствовал необычную обрюзглость своего лица, встряхивался, напрягал мускулы и снова шагал молодец молодцом навстречу взглядам прохожих.

15

Новость стала известна в цехе с утра: накануне ве-чером Белянкина арестовали. Уголовный розыск рас-крыл шайку бывших кустарей, расхищавших кожи в ар-тели «Модельная обувь» и из-под полы торговавших обувью из ворованной кожи. Белянкин, прикрываясь званием рабочего, был ее активным участником.
Вместо Белянкина в утреннюю смену вышел Торжуев. Коротко сказал мастеру: «Отработаю сколько нужно, чтоб цилиндр не задержать», — и пошел к своей карусели, исподлобья озираясь. Когда Ерохин, работав-ший на соседней карусели, попробовал заговорить с ним, Торжуев злобно огрызнулся: — Да иди ты... без тебя тошно! Но дневное задание, как всегда, перевыполнил. К концу дня Торжуев явно заволновался, зорко по-глядывал вокруг, предупредительно поворачивался ли-цом к проходившим мимо начальникам: не попросят ли его, Торжуева, выручить цех и отработать вторую смену.
Но к началу смены Ефим Кузьмич подвел к торжуевской карусели нового рабочего, из расточников, кото-рых в последнее время обучали второй профессии — ка-русельщика. Торжуев знал, что их обучают, видел, что Ерохин что-то объяснял им на своей карусели… Но кто мог думать, что одного из них решатся поставить на самостоятельную работу?
Молча уступив место новичку, Торжуев угрюмо спросил, в какую смену выйти завтра. Ефим Кузьмич подумал и сказал — в утреннюю. Еще подумал и доба-вил:
— Ты не косись на людей, Семен Матвеевич. Рань-ше не думал, так теперь задумайся. Без людей не про-живешь.
Торжуев впервые поглядел ему в лицо и процедил:
— Я свое дело, кажется, и так сполняю. Подсчитай, сколько сработал. А думать... чего мне думать?
И пошел в душевую.

Он редко пользовался душем, но сегодня очень не хотелось возвращаться к заплаканной жене и к детям, особенно к детям. Вчера вечером, когда уводили Белян-кина, дома была только младшая — Ирочка. Увидав ее ошеломленное лицо, Торжуев закричал на нее: «Чего глаза таращишь? Иди спать!»
Дочка не ушла. Она смотрела на отца с немым во-просом: «Ну, а ты, отец, знал, что кожи ворованные? Ты, отец, разве мог не знать?..»
Торжуев отвернулся и ушел к себе, лег в постель, прикрикнув на жену, чтобы замолчала, не надрывала душу. Однако спать он не мог. Слушал, как причитает в кухне жена, как что-то говорит прерывающимся голо-сом Ирочка. Потом вернулись со студенческой вечерин-ки сыновья, Юрка с порога оживленно заговорил... и вдруг наступила напряженная, очень долгая тишина, всхлипнула мать, Василий крикнул: «Сколько раз гово-рили — прекратить лавочку!» И яростно хлопнул две-рью... Убежал на улицу?..
Юрка зашел в комнату и требовательно позвал: «Отец! Отец!»
Торжуев притворился, что спит. Сын постоял, раздра-женно вздохнул и ушел. Торжуев долго прислушивался к доносящимся из-за стены голосам детей и жены, потом заснул.
Проснулся на рассвете. Вспомнил все, что случилось вчера. С досадой припомнил, что одним из понятых был рабочий турбинного цеха, сосед по дому, — значит, на заводе сегодня же узнают. Торжуев старался предста-вить себе, как примут новость в цехе — кто как посмот-рит, кто что скажет. Жалеть Василия Степановича ни-кто не будет. А как отнесутся теперь к нему самому, к Торжуеву?
Почему-то больше всех непрошено лез в память Ерохин, с его приветливой улыбкой и неизменным дружелю-бием. Ерохин, который на днях догнал по выработке Торжуева, который уже осмелел настолько, что учит но-вичков особенностям обработки турбинных деталей! А давно ли он доверчиво слушал издевательски путаные объяснения Белянкина, да и самого Торжуева тоже! Хотелось отмахнуться от него — христосик! — но слово уже не выражало истинных чувств Торжуева. Какой там христосик, когда твердо гнет свое и вот-вот обго-нит Торжуева, а то и вовсе вытеснит из цеха...
Лежа в постели, Торжуев с горечью признал, что прежнего положения в цехе он уже не занимает. И не займет. Что там ни говори, новички приходят грамот-ные, с семилеткой да со всяких курсов. То, что Торжуев постигал медленно, год за годом накапливая опыт, — им по книжкам и на занятиях становится понятно в не-сколько недель. От грамотности они и ухватистей — с лету улавливают что к чему. А теперь, когда старик за-сыпался с этими кожами да сандалетами... что им Тор-жуев, бывший «туз», белянкинский подпевала, зятек проворовавшегося спекулянта!.. Подозрительная лич-ность — не замешан ли сам? Работать умеет, дает стаха-новскую выработку — ладно, признаём. Но и обойтись без него можно, никто не заплачет.
Эти горькие мысли и погнали Торжуева на работу в утреннюю смену. Пусть видят, что он человек созна-тельный, не допустит задержки в обработке срочных деталей. Может, и попросят отработать вечер? Покло-нятся еще разок?
Не попросили. Не поклонились.
В душевой было много молодежи. Крутятся под струями воды, брызгаются, хохочут, перекликаются из кабины в кабину, озорничают. Веселые. А что им не быть веселыми?..
— Ну-ка, пусти, хватит тебе намываться, — буркнул Торжуев, грубо отстраняя паренька, уже давно стояв-шего под душем и, видимо, не желавшего прервать удо-вольствие.
Паренек возмушенно оглянулся, готовый сказать рез-кость, но узнал Торжуева и, махнув рукой, торопливо отошел к скамье, где лежала его одежда. В этом невольном движении Торжуев прочитал: «Эх, сказал бы, да не стоит с тобою связываться…»
Став под душ, Торжуев злобно и завистливо разглядывал паренька, уже одевшегося и теперь повязывавшего перед зеркалом галстук. Пиджак висел тут же, надетый на деревянную распялку. Эта распялка особенно взволновала Торжуева. Ишь чистюли, франтики, в цех распялки приносят!.. Он признал в пареньке младшего Пакулина, Витьку. И новая, горькая мысль пронзила его: ведь без отца вырос парень, такая же безотцовщина, каким был и сам Торжуев в те давние уже годы, когда приехал на заработки в город. А вон как у парня жизнь сложилась. Так же, как мой Юрка да Василий,— куда захочет, туда и пойдёт. Вздумает завтра в инженеры или доктора — что ж, и станет! Откроется в нем музыкальный талант, как у моей Ирочки, — и тут помехи не будет. Конечно, пианино он не купит, как я купил для дочки, но

ведь Ирочкины подруги и напрокат полу-чают, играют не хуже моей. А я в их возрасте и слова такого — пианистка — не слыхал... Время другое бы-ло? Да, время. Но и тогда по-разному жизнь складыва-лась у людей; иные мои одногодки из таких же бедняц-ких семей — теперь уважаемые работники. А Василий Степанович внушал: «Кто ты есть? Безотцовщина, голь перекатная! Держись за меня — в люди выведу!»
Душ не освежил, не привел мыслей в порядок. Вый-дя из цеха, Торжуев привычно дошел до проходной, но тут остановился, затем побрел обратно, к цеху. У цеха опять постоял, повернул к проходной и снова не решил-ся уйти с завода. Никогда еще он не вел себя так неуве-ренно, как сегодня.
Воробьев уже собирался уходить и запирал сейф с партийными документами, когда в приоткрывшуюся дверь робко шагнул Торжуев.
Воробьев подождал, не заговорит ли посетитель пер-вым, но не дождался и суховато сказал:
— Садитесь, Семен Матвеевич.
Торжуев сел, помолчал и с трудом выговорил:
— Уж знаете, наверно?
— Знаю, — сказал Воробьев и сел напротив Торжуе-ва. — Ну, а ты, Семен Матвеевич... ты — знал?
Торжуев испуганно дернулся, быстро ответил: нет!
Воробьев смотрел в упор, пристально и недоверчиво.
— Догадывался, конечно, — хрипло проговорил Тор-жуев, и жалкая усмешка появилась на его губах. — Догадывался, но не допытывался, ни к чему было. Да и скрытный он человек, разве признался бы?.. Все шито-крыто. Маклачил чего-то... так разве я над ним хо-зяин? С первого дня, как выписал меня из деревни, сам надо мной хозяином стоял.
Воробьев насмешливо сощурился и вскользь заметил:
— Тебе никак за сорок. Советский рабочий. С чего бы вдруг хозяина над собой держать?
Торжуев насупился, долго молчал, потом заговорил возбужденно и сбивчиво, с выражением тяжелого и непривычного раздумья на лице:
— Разве же я оправдываюсь? Не ты меня допытывать вызвал, Яков Андреич, я сам пришел... За сорок, да! Дети взрослые, комсомольцы… И у каждого тот же вопрос в глазах... Понимаю. А что делать? Может, если б начать сызнова, да с пониманием... Что я тогда понимал? Я вот сегодня Витьке Пакулину позавидовал. Тоже ведь безотцовщина! А я... Взяли бедного родича в сапожные подмастерья, в город, на хлеба — кланялся и благодарил. От фининспектора сколько прятался, в по-гребе пыли наглотался! Потом Белянкин на завод по-дался, опять меня в обучение взял — я опять кланялся. В семью взяли — опять спасибо! Кто я был? Голь пере-катная...
— Ну, какая ж голь перекатная в советское вре-мя? — вставил Воробьев. — Сам не понимал, так в це-хе мало ли умных товарищей? Помогли бы разобраться, если б хотел.
— Ну да, ну да, — согласился Торжуев и с тупым от-чаянием уставился в стенку. — Теперь-то я разби-раюсь...
Нет, видимо, и теперь разобраться было трудно. Во-робьев не понял хода мысли, заставившего Торжуева распрямиться и сказать с заносчивой гордостью:
— Да что мне старик? Я за него не в ответе! И так полжизни заел. Разве я теперь плохо работаю или тор-гуюсь? Погляди выработку. Стахановец! Сам ты меня на доску вешал. Значит, осознаю?
Воробьев показал головой.
— Хочешь говорить — так давай напрямки, Семен Матвеевич. Не первый у нас разговор, и не первый день я тебя знаю. И сознание тут ни при чем. Из амбиции, Семен Матвеевич, из амбиции ты и выработки добился и стахановцем стал — вот, мол, нате, могу и так! Что я, не понимаю? Или, думаешь, люди в цехе не понимают?
— Вот что! — воскликнул Торжуев и растерянно оглянулся, будто искал опоры. — Что ж, Яков Андреич, видно, зря пришел. Ни к чему весь разговор.
Он хотел встать и уйти, но не мог заставить себя. И с облегчением услышал спокойный ответ Воробьева:
— Почему же зря? Разговор как раз вовремя, Семен Матвеевич. Жить-то хочешь? Детям ответ давать при-дется? Жизнь-то поворачивать надо?

Торжуев безнадежно повел плечами, потом вскинул на Воробьева мучительно напряженный взгляд:
— А как? Как?..

16

Субботний день уже кончался, когда Алексей По-лозов вызвал Аню по внутрицеховому телефону. Голос его звучал напряженно:
— Анну Михайловну Карцеву добивается по город-скому какой-то товарищ. Говорит — товарищ по армии.
— По армии? — воскликнула Аня. — Бегу!
И тут же поняла, кто это, и на минуту остановилась у двери, не зная, что же теперь делать и как отказать-ся от встречи.
Алексей внимательно взглянул на нее, когда она во-шла, и передал ей трубку. Бухгалтер прочно обосновал-ся рядом с ним, разложив на столе склеенные листы от-четов.
— Я слушаю, — сказала Аня в трубку и услыхала знакомый голос, обрадовалась этому голосу и растеря-лась, потому что поняла, как невозможны и нелепы все предлоги, только что выдуманные ею.
— Володя, ты? Откуда ты и куда?
Она произнесла первые попавшиеся слова, чтобы сказать хоть что-нибудь.
Алексей склонился над отчетом. По его сугубо со-средоточенному виду понятно было, что он прислуши-вается к каждому слову, к каждой интонации ее голоса. Догадался он, что это Ельцов?
— Я здесь проездом, и на один день, — сказал Ель-цов. — Сегодня «Стрелой» уезжаю в Москву. Я тебя увижу, Аня?
— Господи, почему же только на один день, — про-бормотала Аня. — Кто же так приезжает? У меня сего-дня как раз... просто не знаю, что и делать...
— Мне совершенно необходимо тебя увидеть, Аня. Совершенно необходимо. Иначе невозможно.
Аня подумала — надо бы прямо сказать ему: сего-дня я выхожу замуж. Так было бы проще всего. И, мо-жет быть, всего милосердней. Но тут же она поняла, что никогда не скажет этого — пусть их неудавшаяся любовь забыта ею, но нельзя забыть трудные годы, про-веденные вместе, нельзя забыть, что Ельцов прошел ря-дом с нею войну, оберегая ее как мог, и всегда был ей другом — преданным, сдержанным, все понимающим.
— Сейчас соображу, — сказала Аня. — Конечно, мы должны увидеться.
Алексей перевернул страницу отчета и совсем при-гнулся над ним. Аня видела его склоненный затылок с ложбинкой посередине и пальцы, крутившие карандаш. Поймет ли он?..
— Это Ельцов, — тихо сообщила она, вспомнила о бухгалтере и решительно сказала, опуская телефон-ную трубку: — Алексей Алексеевич. Приехал мой фрон-товой товарищ. Он сегодня уезжает. А в девять часов у меня заседание, которое я не могу пропустить, что бы ни было. Вы не возражаете, если я до заседания отлу-чусь?
Бухгалтер равнодушно ждал. Разговор его не касал-ся. И он не видел причин, почему Карцева, проводящая в цехе целые вечера, не может отлучиться на два часа даже без разрешения начальника цеха.
— Конечно, Анна Михайловна, — сказал Полозов. — Раз вам нужно. Да и рабочий день кончается.
Он улыбнулся ей украдкой от бухгалтера.
— Я знаю, — сказала Аня обрадованно, потому что он понял и не рассердился. — Я просто хотела напом-нить, что в девять у меня заседание. Очень важное.
— Вы только не опоздайте, с этим вашим фронтовым товарищем! — предупредил Алексей и снова доверчиво улыбнулся ей.

— Володя, я все устроила. У меня есть время до восьми, — в трубку сказала Аня и скорчила шутливую гримасу над головой бухгалтера. — Где мы встретимся?
— Назначайте, товарищ начальник, — сказал Ель-цов.
Она поехала к нему в гостиницу, потому что позвать его к себе было невозможно, да и в своей комнате она уже не чувствовала себя дома, — дом ее там, в большой комнате с глобусом, куда она пойдет сегодня, чтобы остаться навсегда.
Ельцов встретил ее в вестибюле гостиницы. Загля-нул ей в глаза:
— Аня... ты довольна?
— Да!
— О! как ты это сказала!
Чуть поддерживая ее под локоть, он повел ее в свой номер. Они сели в кресла друг напротив друга, разде-ленные массивным круглым столом. На столе стояла ва-за с фруктами, тарелка вишен и бутылка легкого вина. Ельцов ждал ее; она чувствовала, что он очень волно-вался и хотел хорошо принять ее.
«Алексей никогда не сумел бы, не догадался бы так подготовить встречу», — подумала Аня, вспоминая ком-нату с чересчур яркой лампочкой без абажура, колба-су в бумаге на столе, заваленном пыльными книгами, неумелое гостеприимство Полозова. И ей томительно захотелось скорее очутиться в той комнате, возле того угловатого и милого человека, самого необходимого из всех.
— Ты так и не ушел из армии?
— Нет, не ушел и уже, наверно, не уйду.
— Но ты же хотел...
— Хотел, когда еще надеялся уехать не один.
Он снова внимательно посмотрел Ане в глаза, стара-ясь прочитать в них что-то, и сказал, отводя взгляд:
— Каждый ищет дела, которое захватило бы цели-ком. А в случае, подобном моему, и заменило все.
Она знала и ценила эту его манеру говорить четко и без эмоций, чуть посмеиваясь над собою. Как в тума-не припомнилось прощанье с ним, собственные мягкие, утешающие слова: «Мы же не навеки расстаемся, Во-лодя... разлука проверит все». Она и тогда знала, что возврата нет. А он — надеялся?
Ей было стыдно, что она невольно внесла столько го-ря в жизнь этого человека, она говорила себе — он чу-десный, умный, красивый, у него куча всяких достоинств, с ним любая женщина будет счастлива и покойна. По-чему же я не полюбила его тогда, когда еще не знала Алексея? Чувствовала, что где-то есть другой, незабот-ливый и неумелый, с трудным характером и ни на кого не похожий?
— Володя, — сказала она, — у тебя еще будет все. Все. Я уверена.
— Спасибо, Аня, на добром слове.
— Это так и будет.
— Наверно. Самые сильные чувства, говорят, про-ходят.
— Да?
До чего все сходилось к Алексею! Может ли быть, что все проходит и эта неуемная тяга к другому чело-веку тоже пройдет? Ей очень нужно было поскорее уви-деть его и убедиться в том, что это не так, что их лю-бовь не пройдет.
— Нет, нет, Володя, — сказала она, увидав, что Ель-цов хочет откупорить вино. — Вина не надо. А вишни чудесные.
— Это наша последняя встреча, Аня. Ты не хочешь чокнуться со мною хотя бы в память тех лет?
— Один бокал, Володя. Больше я не буду.
— Ты мне скажешь, что у тебя сегодня вечером? Или не спрашивать? — После молчания он предло-жил: — Я тебе очищу грушу, хорошо?
— Хорошо.
Груша была сочная и таяла во рту.
— Чем ты занят сейчас, Володя?
— Техникой, Аня. Новой изумительной техникой.

Совсем по-женски, со страстным желанием услышать утешительный ответ, она быстро спросила:
— Новой войны не будет, нет?
— Для того работаем. На том стоим.
— Ты уже полковник. Давно?
Он усмехнулся:
— Мы расстались, Аня, шесть месяцев назад.
— Да, правда. Всего шесть месяцев.
Ее поразила мысль, что шесть месяцев вместили так много. Казалось, бесконечно давно это было — поезд, пересекающий страну с востока на запад... растрево-женная переменой жизни, одинокая женщина ехала к пепелищу своей юности, не зная, что ее ждет...
— Расскажи мне о себе, Аня. У тебя такой удовлет-воренный вид.
Аня начала рассказывать, чтобы заполнить время до половины восьмого, когда она поднимется и уйдет. Как ей хотелось, чтобы время шло быстрей! И вместе с тем она ясно сознавала, что Ельцов очень дорог ей, что ей жаль расставаться с ним и потом, позднее, она не раз пожалеет о том, что встреча была слишком ко-ротка.
— Ты мне дашь свой адрес, Володя? Мне не хотелось бы терять тебя из виду.
— А мне кажется, Аня, что мне следует обязательно потерять тебя из виду.
— Это очень несправедливо устроено в жизни, Во-лодя. Женщины теряют самых хороших друзей толь-ко потому, что имели несчастье родиться женщинами.
— Тут уж ничего не поделаешь.
— Да, но жалко.
— Я себе представлял еще час назад — вдруг я уви-жу тебя и пойму, что ты... В общем, розовые мечты, ко-торые не сбылись. Очистить еще грушу?
— Да, я сегодня не обедала.
— Может быть, мы успеем...
— Нет, нет. Через двадцать минут мне надо идти.
— Там, куда ты идешь, тебя накормят, надеюсь?
— Ох, не знаю! — воскликнула она и блаженно улыбнулась, вспомнив все то же неуклюжее гостепри-имство Алексея. Может же быть, что человек так ну-жен и так люб!
Ельцов отвез ее домой на такси. По дороге они пере-бирали фронтовые воспоминания, дальневосточных дру-зей. Ельцов был оживлен и ровен.
— Прощайте, Аня, — сказал он возле ее подъез-да. — Постараемся охранить вас.
Она приподнялась на цыпочках и поцеловала его.
Оказавшись у себя в комнате, она на минуту при-села на подоконник, проводила глазами заворачиваю-щее за угол такси и тряхнула головой, словно это мог-ло помочь ей освободиться от ощущения невольной же-стокости, совершенной ею. Итак, целый кусок жизни окончательно ушел в прошлое. А то, что сегодня начи-нается... что оно принесет ей? Может ли быть, что все проходит?
Она лихорадочно заторопилась. Приняла душ, улы-баясь синим язычкам газового пламени, — в девять ча-сов я его увижу! Оделась, оглаживая пальцем каждую вещь, — в девять часов я его увижу! Осторожно влезла в узкое, мягко шелестящее платье, холодком приникшее к плечам, — в девять часов я его увижу!
Подойдя к зеркалу, она оглядела себя не своими — его глазами, — какою он меня увидит? Оттого, что она глядела его глазами, она увидела себя такою, какой и была в эту минуту — красивой, любимой, рвущейся к счастью.
Оглядела комнату как чужую, не позволив ни од-ному воспоминанию набросить тень на свою радость.
Она сейчас уйдет отсюда. Уйдет навсегда. В боль-шую неуютную комнату с глобусом на столе, где нет ничего, что нужно для уюта, и есть все, что нужно для счастья.
Усмехнувшись, сунула на дно сумочки футляр с зуб-ной щеткой.
Когда она выходила, ее остановила Алла Глебовна. Алле Глебовне нужно было рассмотреть ее платье и узнать, у какой портнихи оно сшито.
— Само сшилось, само! — крикнула Аня и, невежли-во рассмеявшись, выскочила за дверь.
Было без одной минуты девять, когда Аня издали оглядела пустой мостик через канал, на котором Алек-сей должен был встретить ее. На мостике не было ни души. И кругом никого не

было, только мальчишка с удочкой стоял у решетки и следил за поплавком, плава-ющим на розовой воде.
— Ты, конечно, хотела, чтобы я торчал у всех на глазах на середине моста?
Откуда он появился, не понять было. Но он был именно таким, каким ей хотелось увидеть его и каким она все-таки совсем не ждала его — в белой рубашке с отложным воротом, свежевыбритый, с таким светом в глазах, что не оторвать взгляда. В руке, заведенной за спину, он держал, цветами вниз, большой букет. Стряхнув оберточную бумагу, маскировавшую цветы, он поспешно сунул букет ей в руки. Аня с радостью отметила, что это не был аккуратный и безвкусный бу-кет, какие делают уличные продавщицы, лишая цветы их непосредственной, свободной прелести. Алексей вру-чил ей рассыпающуюся охапку маков, ромашек и еще каких-то необыкновенных, незнакомых Ане цветов с нежным и сильным ароматом..
— Что это?
— Почем я знаю. Они тебе подходят.
Они пошли рядом, иногда касаясь плечами. Задержа-лись под ивами, свесившими ветви через решетку. Здесь они долго стояли как-то ночью. Здесь Аня одна следила за белым корабликом, сулившим ей вот этот день.
Они прошли переулком и зашли под старинные сво-ды арки на углу.
— На мемориальной доске будет выбита сегодняш-няя дата. Да?
— Да.
Лестница, по которой она с отчаянием взбегала в ту ночь, оказалась совсем не такой, какой запомнилась. В стеклянный фонарь сверху падал веселый розовый свет, и чем выше они поднимались, тем сильнее и радост-нее был этот свет.
— Аня!
Он поцеловал ее у двери с табличкой 38. Несколько лепестков мака упали на площадку.
— Пусть. Я бы набросал их по всему пути, если бы не боялся, что кто-нибудь другой наступит на них раньше тебя.
Они еще задержались у двери. Было так хорошо, что не хотелось ничего менять.
— Аня, совсем?
Он вынул из кармана маленький ключ.
— Открой.
Она всунула ключ в щель замка и открыла дверь. Когда она вынула его, Алексей вложил ключ в ее су-мочку.
— Я заказал его для тебя.
Передняя и коридор тоже оказались совсем не та-кими, какими она увидела их в ту ночь. Она распах-нула знакомую дверь, уже готовая к тому, что и комна-та будет совсем другой. Комната была другой. Мебель была та же, даже глобус по-прежнему голубел простором Тихого океана, но самый дух комнаты изменился — комната ждала ее, Аню. Слишком яркая лампочка укрылась матовым стеклянным шаром. Глобус пере-брался на книжную полку, стол был накрыт белой ска-тертью, на скатерти расставлены неумело, но старатель-но все вкусные вещи, какие мог разыскать на прилавках мужской неопытный взгляд. Закатный луч преломлялся в стекле двух бокалов, стоявших рядком у бутылки шампанского, и в воде, предусмотрительно налитой в большую банку для цветов.
— Я очень боялся, что солнце уйдет до того, как я приведу тебя, — сказал Алексей, отгибая проволоку на горлышке бутылки. — Так было задумано, чтоб солнце. Я ужасно боялся, что ты опоздаешь... — И, после пау-зы: — Я боялся, что ты вдруг пожалеешь.
— Я никогда не пожалею!
Они помолчали, глядя друг на друга, потом он ска-зал со своей шутливой интонацией:
— Подводить итоги будем через двадцать пять лет, или когда там золотая свадьба, ты говорила? Если пробка не выстрелит в потолок, это будет с ее стороны безобразием.
Пробка выстрелила.
Пена на шампанском опадала, золотистые пузырьки резво бежали вверх.
Аня взяла бокал и потянулась чокнуться с Алек-сеем.
— Погоди, я должен сказать за что. За то, что ты меня научила понимать, что это должен быть праздник, и беречь его, и... ну, в общем, за тебя, Аня!
— За нас, Алеша.
— А я уже не отделяю. Они выпили до дна, стоя.

— Почему я должен сидеть где-то за тридевять зе-мель от тебя? Я сяду рядом, можно? И ты должна есть, — это все куплено для тебя, я ужасно старался. Когда я пошел, я вдруг понял, что совсем не знаю, что ты любишь.
Ей хотелось сказать: тебя. Она не стыдилась ска-зать это, но она была так взволнована, что слова не выговаривались.
— Смотри, Аня, этот луч подбирается к тебе. Я так и представлял себе, что посажу тебя вот тут и солнце будет до тебя добираться.
Они не заметили, дотянулось ли солнце до опустевшего стула и как оно ушло из комнаты.

— Знаешь, Алеша, у меня такое чувство, будто нет ничего-ничего, кроме тебя, меня и этой комнаты.
— С тех пор как здесь водрузился этот твой шкаф, комната стала неузнаваемо солидной. Видно, что здесь живут почтенные супруги, верно?
Они потратили половину воскресного дня на то, чтобы перевезти Анины вещи и устроиться. Алексей от-давался этому делу со всем пылом, заботился о том, чтобы у Ани был свой рабочий стол и чтобы свет из окна падал правильно, мечтал обменять их комнаты на отдельную квартиру в новом доме... Аня беспечно улы-балась, ей казалось, что ничего не нужно и все удобно, раз Алексей тут, с нею.
— Знаешь, мне очень странно, что завтра утром я приду в цех — и те же люди, те же разговоры, все та-кое же, как всегда.
— А оно будет не такое. Мне сейчас кажется, что все мне будет легко, все будет удаваться.
— Алеша... говорят, самые сильные чувства про-ходят. Ты в это веришь?
— А, что они все понимают!
Она легко поверила, — ничего не понимают. Разве она сама понимала еще вчера, какою может быть лю-бовь? И какою может быть настоящая близость, когда, как бы ни были различны два человека, мысли их текут вместе, сливаются, дополняют одна другую, и не вспомнить, кто о чем подумал первый и чья мысль ста-ла общей?
Их речи были отрывисты, вольно перескакивали с одного на другое и все же связны, потому что охваты-вали весь мир их чувств и интересов. Вся их жизнь бы-ла тут, вместе с ними, все заботы, вне которых они се-бя не мыслили; только заботы стали прекрасны и лег-ки оттого, что ощущались двоими и делились на двоих. И Аня порой сама заговаривала о том, что неделю на-зад хотела начисто забыть в день своего праздника, потому что все это было — Алексей, его жизнь, его уси-лия и мечты.
Приготавливая к утру свое рабочее платье, Аня за-думалась над ним. За эти сутки так переменились ее отношения с Алексеем и она сама так переменилась, — как прийти к людям такой же, как всегда, входить в кабинет начальника цеха как чужая... как укрыть от людских глаз, что ты счастлива?
— А мы завтра же всем скажем, — поняв ее мысли, заявил Алексей.
Ее обрадовало это, но потом пришли сомнения — он начальник, они вместе работают...
— Неудобно будет?
— Неудобно только тем, у кого совесть нечиста.
В середине ночи им показалось, что они обязатель-но проспят.
— Давай совсем не спать.
— Давай.
Она проснулась как от толчка, — совсем не потому, что пора было вставать, нет, — во сне она все вспомнила и испугалась, что это только приснилось.
Это не приснилось. Ясный свет раннего, погожего утра вливался в комнату — в ее новую комнату, где ей жить и беречь свое счастье. Через час надо вставать к обычному трудовому дню, — только какой же обычный их первый общий день! Она осторожно повернула голо-ву и увидела Алексея — спокойно спящего человека, слегка улыбающегося сжатыми губами. Она на миг при-льнула щекой к его захолодевшему плечу и сразу ото-двинулась, потому что ей захотелось разбудить его и жалко было прервать его сон.

Расчетную книжку, раскрытую на последнем плате-же, Кешка положил на подушку, — пусть мать придет и сама увидит. Он ничего не скажет ей — вот еще, хва-стать! — она и так поймет, что значит такая получка. У него раньше и половины не бывало!
Засунув в авоську чистое белье, туфли и на всякий случай теплый платок, он вприпрыжку спустился по лестнице, но во дворе подтянулся, расправил плечи и пошел неторопливо, слегка вразвалку, как ходят взрос-лые парни, которым наплевать на окружающих.
До двух оставалось около часу. Он зашел в магазин и купил барбарисок, одну заложил за щеку, остальные старательно завернул и спрятал в карман — к чаю, пусть увидит, как у него поставлено хозяйство. Пусть спросит ребят, кормил ли он их. Что они ему до смерти надоели, это другое дело. Вернется мать — он и смот-реть на них не захочет. Дышать легче, когда подумаешь, что завтра уже не надо бежать в магазин, варить суп, чистить картошку, мыть посуду и отчитывать братишек то за одно, то за другое. Но сегодня обед готов, и непло-хой обед: он бухнул в кастрюлю целый килограмм мяса и две связки корешков, — знай наших!
На площадке между двумя домами ребята играли в футбол. По-настоящему играли, честь честью. Парни в обеих командах были рослые, только один из напада-ющих у левых был маленький, но, видно, очень лов-кий — ишь как здорово обводит!
Кешка растолкал мелкоту, теснившуюся по краю по-ля, и мигом оценил обстановку. Команда слева силь-нее, у нее могучий вратарь. И нападение у них сильное. Кроме маленького, еще вон тот парень в голубой фут-болке...
Парень ударил так, что мяч чуть не прорвал сетку. Вот это удар! Пушечный удар!
Кешку пленил и удар и сам парень — видать, си-лен! — и его футболка, ярко-голубая, с белым воротни-ком и шнуровкой на груди. А почему бы из следующей получки не купить себе такую же? Надо прицениться. Ботинки он купил, и как раз вовремя, старые уже и чи-нить не брались. Купил бутсы, — это, конечно, не ахти что, зато бутсы прочнее, и удобно играть в футбол. А к осени он купит настоящие ботинки, желтые, как у Арка-дия. Очень свободно, пойдет и купит. Точно такие же. Хороший парень Аркадий! Силач, красавец. И бригадир толковый. Покрикивать любит, это уж ничего не ска-жешь. Николай Пакулин — тот поспокойней и повежли-вей. А чья возьмёт — еще видно будет! Как сказал вчера Аркадий? «Держись орлом, Кешка, первыми в цехе бу-дем!» И очень свободно: подналяжем и выйдем на пер-вое место. Навеки, что ли Пакулин первенство захватил? У него теперь и ребята похуже. Когда-то отмахи-вался, как от чумного, от Кешки Степанова, а теперь Сеньку взял... Ну какой толк может быть от Сеньки?
А здорово будет выйти на первое место...
Может статься, придет день, и Полозов скажет: а по-чему Иннокентия Степанова не выдвигают? Давайте-ка его бригадиром образцовой молодежной. Почему бы нет? Аркадий обещает к зиме на пятый разряд подтя-нуть. Он заявил: четвертого разряда у нас быть не должно, и без среднего образования тоже быть не должно. Вот насчет вечерней школы — это он зря. Опять сидеть за партой и бубнить всякую тощищу. В равнобедренном треугольнике биссектриса угла при вершине... пестики, тычинки... однодольные и двудоль-ные... изложение-переложение о Муму и глухонемом Герасиме... Государство Урарту, Иван Калита, Пуни-ческие войны... Ой, скукота! Аркадий говорит: от этого никуда не уйдешь, Кеша, что нужно, то нужно, давай без лишних разговоров.
Забор, заклеенный афишами, привлек внимание Кеш-ки. В Саду отдыха музыкальная комедия — бог с ней! Концерт лауреатов международного конкурса — бог с ним! «Таланты и поклонники» — бог с ними! Цирк — вот это да! Кио. Кио. Кио. Фамилия, что ли? Вот бы по-смотреть, что это такое! А почему бы и не посмотреть? За квартиру он заплатил. За электричество тоже. Счетоводша из домоуправления сказала: молодец, Степанов, сразу видно — хозяин! Мать, наверное, растрогается и сама предложит: сходи в кино или в цирк. В кино денег не надо. В Дом культуры всегда можно проскользнуть через черный ход, навстречу выходящей публике. Про-тивно, что надо прятаться и перебегать с места на ме-сто, пока не потушат свет. А шикарно было бы купить в кассе билет и спокойно усесться где-нибудь в двена-дцатом ряду. Билетерша, та, с длинным носом, конечно, немедленно подскочит: «Мальчик, опять ты здесь? Твой билет!» — «Во-первых, не мальчик, а гражданин; во-вто-рых,

вот билет; а в-третьих, нечего тыкать, мы с вами детей не крестили». — «Извините, товарищ, сидите, по-жалуйста, я обозналась...»
Мотокросс... Здорово! У Павки Гуляева мотоцикл. Пых-пых-пых — весь район слышит, когда он едет. Ско-пить бы денег и купить мотоцикл. Ух, сила! В отпуск — туристский поход на мотоциклах. Нет, на мото-цикл не скопить. А вот на велосипед — можно. Откла-дывать на сберкнижку с каждой получки… Неужели ж я не сумею собрать? Как Витька Пакулин…
Матч на первенство...
«Зенит» — «Динамо».
Когда? В среду. Ну, это он попросту выклянчит у мате-ри. Такой интересный матч! Полцеха сбежится. И к то-му же — на новом стадионе! «Мама, вот тебе вся получ-ка. Что я истратил — смотри сама, все записано, мо-жешь проверить. А мне нужно в среду на матч, вся наша бригада идет, и весь месяц, сама понимаешь, я с этими ребятами как нянька...»
Три девчонки шли навстречу. Под ручку, в цвета-стых сарафанах, и у всех — купальники на плече. Где они купались, интересно знать? В Неве или на Остро-вах? Все три — тонконогие и вертлявые, идут и вроде как приплясывают на каждом шагу. Две так себе, а в середке девчонка глазастая, как лягушка, и волосы, как пух, разлетаются во все стороны, нарочно, должно быть, не причесывается, чтобы все видели, как они разлетают-ся, желтые-прежелтые...
Девчонки заметили его внимание и прыснули со сме-ху. У глазастой глаза так и засверкали, а сама скри-вила губы — мол, совсем-то мне неинтересно, смотришь ты на меня или не смотришь.
Покраснев, Кешка пошел прямо на них, не сворачи-вая, и они не посторонились тоже. Он врезался в их це-почку, раскидал их руки и прошел, не глядя на них.
— Вот невежа! — вскрикнула одна из них.
— Но, но, потише! — кинул назад Кешка. — Цацы!
Ему очень хотелось оглянуться на ту, глазастую. Во-ображала! Он отошел довольно далеко, прежде чем по-зволил себе оглянуться. Три девчонки опять сцепились под ручки и удалялись, пружиня на каблучках тонкими ножками. Вот чудачки, не идут, а приплясывают. На таких-то каблучищах! Цацы и есть.
Больница была уже совсем близко, ожидание томи-тельной и неизбежной канители вытеснило мысли о трех девчонках. Неужели опять придется подниматься в па-лату? Кешка часто приходил справляться о здоровье матери, но терпеть не мог навещать ее. Было что-то стыдное в том, как его обряжали в белый халат с бол-тающимися тесемками, как разворачивали его скромные гостинцы, проверяя, не принес ли он чего-нибудь недо-зволенного. И совсем уж стыдно было пробираться че-рез огромную палату к дальней койке, где лежала мать. Женщины со всех коек пялили на него глаза, а потом встревали в разговор с глупыми вопросами: «Сынок? А с кем же он остался? Неужто с малышами сам управ-ляется?» Но больше всего Кешка не любил ходить в боль-ницу из-за томительного чувства жалости и нежности, какое возбуждала в нем мать. Выглядела она здесь сов-сем не так, как дома. Да и не разглядывал он ее дома; обычно бочком проскальзывал мимо, пока она не на-шла повода для воркотни или не надумала послать его за чем-нибудь. И была она там или притупленно-молчаливой, утомленной, или раздражительной и придир-чивой. Теперь она стала какая-то блаженная, гладкая, кроткая, и, о чем ни заговори, плакала. Увидав Кешку, она норовила при всех обнять и поцеловать его, без конца расспрашивала о малышах и обязательно всучи-вала ему пакетик со всякой снедью, сбереженной от зав-трака и обеда, — кусок пирога, вареные яички, масло. Она не верила, что они сыты, и упрашивала Кешку при-вести хоть разок младших. Однажды он привел их, предварительно отмыв щеткой с мылом так, что они ревмя-ревели. Пуговицы он заставил их пришить все до одной, кричал на них, что на фронте солдаты приши-вают сами и вообще он не нанимался к ним в няньки. Мать сразу приметила, какие они невероятно чистые и аккуратные, заставила их рассказать, как все было, смеялась и опять всплакнула. И, конечно, все больные впутались в разговор, и даже санитарки подошли по-вздыхать. Делать им больше нечего. Бабы! Вот Карцева — та не стала бы реветь чуть что. Кар-цева, конечно, тоже женщина, но все-таки чувствуется, что фронтовик, офицер. И Катя Смолкина не стала бы ахать, та скорее отлает так, что будь здоров!
В больничной раздевалке было пусто. Толстая гарде-робщица в белом халате дремала у своей загородки.
— За Степановой, на выписку, — робея, сказал ей Кешка.

— Сынок? — поинтересовалась, зевая, гардеробщица, неохотно поднялась, задрала голову к лестнице и неожиданно зычным голосом крикнула в пролет: — Ма-ня-а! За Степано-во-ой пришли-и!
Мать вышла нескоро. Сперва она мелькнула на лест-нице в голубом халате и спадающих тапочках. Сопро-вождавшая ее санитарка взяла у Кешки авоську с ве-щами и куда-то увела мать боковым коридором. Они очень долго возились там. Мать вышла одетою уже во все свое, она даже шерстяным платком повязалась, хо-тя на улице теплынь.
— И лучше, а то продует с непривычки! — одобри-ла гардеробщица. — А какой сынок у вас хороший. Са-мостоятельный.
Мать, быстро взглянув на Кешку, твердо сказала:
— Да.
И взяла Кешку под руку.
Теперь, когда она была на ногах и одета как всегда, она показалась Кешке располневшей и отдохнувшей. Лицо у нее стало гладкое и белое, глаза ясные, добрые, рука тоже белая, мягкая и ласковая. Рука эта сжала и погладила Кешкины пальцы.
— Замаялся без меня, Кеша?
— Ну, чего там... А ты потолстела, мам.
— Отоспалась я, сынок. И меня все витаминами пич-кали. Глюкозу иголкой вливали. Доктор говорил: заез-дилась, матушка, совсем заездилась. Пользуйся слу-чаем — отдыхай!
— Ну и правильно, — солидно сказал Кешка. Его поразило это слово в устах доктора: заездилась. А ведь и впрямь она ни сна, ни покою не знала. Что такое по-сле работы хозяйничать да за детьми следить, это он теперь узнал. А ведь она еще и мыла, и стирала, и об-шивала всех. Кешке впервые пришло в голову, что она могла бы быть не такой раздражительной и сварливой, если бы снять с нее хоть немного забот и огорчений. Мало ли он сам доставлял ей неприятностей!
— Уж как меня выхаживали, как заботились, — медленно шагая рядом с сыном, хвастала Евдокия Пав-ловна. — Если б я только не тревожилась, как вы там без меня... Сплю-сплю, и вдруг как подбросит меня: дети!
— Не одних ведь оставила! Слава богу, не мален-кий.
— Ох, Кеша!
— Да чего в самом деле! Ну, пойдем быстрее. Или трудно?
Ему было стыдно идти с нею под руку. Все смотрят и думают: кто такие? Почему она держит его, как ма-менькиного сына? Когда попадались встречные, он на-рочно повышал голос и говорил про больницу или спра-шивал мать, не кружится ли у нее голова.
— Будто ты — и не ты! — удивлялась Евдокия Пав-ловна.
Уже у самого дома она обессилела и присела во дворе на скамью. И сразу набежали соседки, кто с рас-спросами, кто с рассказами.
— Ты посиди, отдохни, — сказал Кешка и помчался домой — только бы не слушать, о чем судачат женщи-ны. Он ничего не имел против, чтобы они посудачили о нем. Впервые в жизни он не боялся этого. Но стоять и слушать — нет уж, спасибо!
Братишки были дома, притихшие и чистые, — ухо-дя, Кешка строго-настрого приказал им помыться и одеться «по форме № 1». Гусаков тоже был тут.
— Не отпустили? — всполошился он, увидав, что Кешка один.
Чувствуя себя главным человеком в доме и никого не боясь, даже Гусакова, Кешка повесил кепку, снял пиджак, скомандовал малышам:
— А ну во двор, встречать маму! И только потом объяснил:
— Оставил ее внизу. Пусть подышит воздухом.
— Да как же одну-то? Дойдет ли?
— Зачем одну? Бабья там набежала целая толпа, — снисходительно проронил Кешка. — Неужто я буду их болтовню слушать? Мне своих дел не переделать.
И взял кастрюлю с супом — подогреть к обеду.

Расставив локти, чтобы уберечь Груню от толчков, Воробьев кое-как впихнул ее и Галочку в трамвай, а сам повис на подножке среди парней, вскочивших в послед-нюю минуту.
Заполненные людьми трамваи, автобусы и троллейбусы нескончаемыми вереницами шли в одном направлении, словно весь Ленинград двинулся в этот час на Крестовский остров. Обратно трамваи бежали налег-ке, почти не задерживаясь на безлюдных остановках, а троллейбусы и автобусы надсадно гудели, раздвигая толпы встречных пешеходов, для которых тротуары ста-ли тесны.
Поглядывая на раскрасневшееся от жары, улы-бающееся лицо Груни, Воробьев с досадой думал о том, что в другое время эта поездка на новый стадион радо-вала бы его так же, как Груню и Галочку, а сегодня пришлась на редкость некстати. Больше всего ему хо-телось остаться дома, посидеть одному. А тут трясись через весь город в этакой тесноте! На каждой останов-ке народу все прибавляется, Воробьева уже протолкну-ли в вагон, в знойную духотищу, которую не разгоняет и ветерок, веющий из раскрытых окон.
Наконец-то! Приехали. Вытерли распаренные лица, влились вместе с мощным людским потоком в молодой Приморский парк Победы — и сразу попали будто в дру-гой край, в другой климат: так здесь зелено, душисто и свежо, такая нарядная ширь открылась глазам, так легко шагается по просторной аллее. Эта ширь создана словно нарочно для того, чтобы по пути люди успели сбросить свои повседневные заботы, подставить лицо солнышку, подышать полной грудью. Все здесь молодо: цветы толь-ко что высажены, деревья и кусты глядят подростками. И скамьи, и вазы, и киоски с водами, и раскинутые под открытым небом ресторанчики — все новенькое, только что установленное.
Тремя потоками от примыкающих к парку площадей стремились люди к стадиону имени Кирова — новой любви и гордости ленинградцев. Любители футбола рас-творялись среди тысяч людей, очень далеких от спортив-ных страстей и пришедших сюда, подобно Воробьеву, Груне и Галочке, погулять, развлечься, полюбоваться, внимательно осмотреть свое новое достояние.
Стадион был действительно хорош.
Гигантский вал высотою в многоэтажный дом окру-жал спортивное поле. Вал был намыт из песка, подня-того со дна залива могучими землесосами. Воробьев давно читал об этом, но сейчас ему как-то не верилось, что здесь еще недавно лежал низкий, топкий остров, где росла скудная трава да дикий кустарник. Теперь все требовало определений: «громадное», «высоченное», «широчайшее».
Центральная площадь свободно принимала все три потока, которые сливались тут в одну лавину, огибая красный квадрат из гвоздик, в середине которого Киров радостно взирал с постамента на клубящееся вокруг людское море. Широкие ступени, перемежающиеся про-сторными площадками, вели на вершину вала, где раз-вевались, пощелкивая о древко, короткие ярко-алые флаги. Фонтаны и спадающие вдоль лестниц каскады воды насыщали воздух свежестью и сиянием мельчайших брызг. В эту влажную свежесть вплетались ароматы цветов из мраморных ваз и спускающихся между каска-дами клумб, похожих на многоцветные ковры, брошен-ные ради праздника на ступени.
От центральной лестницы широчайшие террасы в не-сколько ярусов окаймляли весь наружный склон. Со-единяя террасы и помогая незаметно вобрать стотысяч-ную толпу, по склонам взбегали десятки лестниц, и каж-дая из них, не будь главной, центральной, казалась бы и широка и прекрасна. Множество передвижных ресто-ранчиков, лотков, тележек с водами и мороженым было рассеяно по террасам, их трепыхающиеся на ветру по-лосатые тенты напоминали о близости моря. Вот оно рядом, оглянись же как следует, посмотри! — вот оно, вечно дышащее, искрящееся, посылающее тебе запах со-ли, водорослей и нагретой солнцем воды.
Сколько тут было людей — все останавливались на террасах, чтобы как бы впервые увидеть море, подсту-пившее к самому городу. Замыкая основание стадиона голубым кольцом, оно расстилалось вокруг, растворяя в солнечном мареве очертания далеких берегов и поднимая на горизонте, будто прямо из своих глубин, круглый купол старинного собора на невидимом острове.
— Дядя Яша, это все-все построили? — спросила Га-лочка, застыв у края террасы.

— Да, — рассеянно ответил Воробьев.
Новые впечатления приглушили, но не разогнали его дурное настроение. Мысли то и дело возвращались к утреннему заседанию. В общем у Воробьева не было возражений против речи Диденко, нет, все так, перед за-водом встали новые задачи — значит, работа партийной организации должна подняться на новую ступень. С этой точки зрения проверим, как у нас обстоит дело с борь-бой за ритмичность производства... за качество... с расстановкой и обучением кадров... с партийно-полити-ческой работой... Слушая Диденко, Воробьев мыслен-но проверял и свою работу, видел в ней всякие недоче-ты и недоделки, делал себе заметки на память... И вдруг Диденко, совершенно неожиданно, впервые за три месяца работы Воробьева, обрушился на него с до-вольно-таки резкой критикой. Правда, он сделал оговор-ку, что берет в пример ведущую, хорошо работающую парторганизацию, и с улыбкой добавил: «Ругаю впрок, чтобы не зазнались!» Но затем начал разбирать все, что делалось в цехе, и нашел недочеты даже в том, что, каза-лось бы, требовало похвалы. Секретари других цехов по-глядывали: ну вот, и до Воробьева дошла очередь, не все ему в «новых кадрах» ходить! И совсем уж досадно, что тут присутствовал Фетисов, тот самый, которого тогда провалили. Он теперь секретарь в другом цехе. Хороший человек, толковый, но все же при нем выслушивать кри-тику было особенно неприятно.
— Все переживаешь, Яков? Брось!
Ефим Кузьмич положил руку на его плечо. Вид у старика благостный, и у подошедшего с ним Гусакова — тоже. Они приехали в заводском автобусе, успели осмот-реться, погулять, выпили пивка за столиком под тре-пыхающимся тентом — по бутылке на душу.
— Пошли, пошли! — торопил Гусаков. — Народи-щу-то прет видимо-невидимо! Пока еще протолкаемся да найдем свои места.
— Места сами нас найдут, — пошутил Воробьев, си-лясь покончить с дурным настроением. — Как услыши-те, что турбинщики шумят, — тут и наши места.
Они разыскали свой сектор. С высоты верхней тер-расы, широким проспектом пролегавшей по вершине ва-ла, перед ними раскрылась глубокая голубая чаша. На дне ее распростерлось ярко-зеленое поле, окруженное кирпично-красными беговыми дорожками. От верхнего края и до низа этой чаши были ступенями расположены скамьи, которые сейчас быстро заполнялись.
— Яков Андреич! Ефим Кузьмич! Сюда!
Молодежь толпилась в центре сектора, возле самых хороших, облюбованных знатоками мест, откуда видно лучше всего. Валя Зимина царила там как хозяйка, принимающая гостей, — это она ездила с Аркадием за-купать билеты для цеха.
— Галдеж-то подняли, вроде сорок! — для порядка поворчал Гусаков. — Здесь надо культурненько, цени-те, какую красоту для вас построили!
— Ценим, — сказала Валя. — Но ведь мы и сами строили, Иван Иванович! Сколько воскресников мы тут отработали всем комсомолом!
— Много вы наработали, воображаю, — сказал Гуса-ков, усаживаясь на скамью и с удовлетворением, огля-дывая стадион. Ему было приятно, что свои, цеховые ребята приложили тут руки.
— Столько народу, а давки нет! — восхищалась Гру-ня, стоя в проходе рядом с мужем и не торопясь садить-ся: ей и полюбоваться хотелось, и самой покрасоваться на виду: люди заглядывались на нее, и ей радостно было чувствовать, что все мысленно признают: и сама краси-ва, и муж ей под стать, и дочь картинка, — бывают же такие удачные семьи!
Голубая чаша стала пестрой от множества людей. Свободные места выделялись одиночными светлыми пятнами, а по проходам все еще струились пестрые ру-чейки, и по верхней террасе спешили сотни людей, и по аллеям, уже не глядя по сторонам, бежали запоздавшие, а десятки машин все подкатывали к стадиону.
Одна из последних машин задержалась. Сперва из нее высунулась короткая, увесистая нога, потом пока-зался объемистый живот, а затем выполз и весь Саганский. Выполз кряхтя, перевел дух и начал вытягивать из автомобиля свою не менее тучную супругу. Милицио-нер так и застыл с поднятой рукой в белой перчатке, то-ропясь отправить замешкавшуюся машину и понимая, что в данном случае поспешность невозможна. За нею остановилась длинная синяя машина с новой, еще непри-вычной глазу стремительной линией развернутых крыль-ев. Из нее ловко выпрыгнули Немиров и Клава.

Оказавшись лицом к лицу, Саганский и Немиров изысканно вежливо поздоровались и выжидательно по-глядели друг на друга. Сегодня утром они отчаянно по-ругались по телефону в связи со сроком платежа за досрочно сданные отливки. Саганский чувствовал себя правым и не собирался уступать, на его благодушном, красном от жары лице проступило выражение упрямства. Немиров понимал, что его позиция по вопросу о платеже весьма уязвима, он уже распорядился (не сообщая о том Саганскому) перевести нужную сумму на счет металлур-гического завода, но был сердит на Саганского за ска-занные утром излишне резкие слова, — и это тоже про-мелькнуло в его глазах и настороженной улыбке. Но Са-ганский, подавив злость, премило сказал, провожая взглядом удаляющийся новый «зим»:
— Хорош!
Он знал, что доставит Немирову удовольствие.
— Да ведь и мы с вами не плохи, Борис Ивано-вич, — сказал Немиров.
Они понимающе переглянулись — сколько им еще предстоит работать вместе, а значит, и ссориться и ру-гаться! — и дружно заторопились вверх по лестнице.
Немиров был равнодушен к футболу, но любил эти шумные сборища, где всегда встретишь множество зна-комых людей, где иной раз случится как бы между про-чим договориться о каком-нибудь деле с человеком, которого иначе не так-то просто повидать. Кроме того, он любил смотреть, как ведет себя во время матча Клава.
С той минуты, когда мяч, крутясь, взлетал над цен-тром поля и кто-либо из игроков, опередив других, силь-ным ударом посылал его на половину поля противни-ка, — с этой минуты Клава, приоткрыв розовый рот и вытянувшись вперед, не видела ничего, кроме переле-тающего от ноги к ноге мяча. Заговаривать с нею было бесполезно — она не слышала. Если игра приближалась к воротам «Зенита», она хватала за руку мужа, а ино-гда, не замечая, что делает, и незнакомого соседа. Мяч в сетке противника приводил ее в веселое неистовство. Она вскакивала, хлопала в ладоши, кричала что-то не-разборчивое и оглядывалась на мужа, призывая его ра-доваться вместе с нею. Если он забывал хлопать, она сердилась.
В первой половине игры обе команды забили по мя-чу. В перерыве на террасах, куда люди выходили раз-мяться, горячо обсуждали интересные моменты игры, спорили, у кого крепче защита и напористей нападение, чей вратарь сильней и хорош ли тренер. Строили предположения, кто выиграет; заключали сотни пари — на пол-литра, на пару пива и просто так, ради удовольствия оказаться правым.
Оставив Груню и Галочку на местах, Воробьев оди-ноко бродил в толпе. Ему так и не удалось отвлечься от своих невеселых мыслей. Хотелось уехать домой, но как лишить развлечения Груню с Галочкой? Они так мечтали побывать тут! Он чуть не столкнулся с Диденко. Шагая с компанией райкомовских работников, Диденко горячо доказывал им, что сыгранность нападающих у ди-намовцев выше, потому что...
Воробьев свернул в сторону, чтобы не встретиться с ним. Три месяца хвалил, поддерживал, и вот, ни с то-го ни с сего, сразу раскритиковал вдрызг, а потом как ни в чем не бывало разглагольствует о футболе. Новые задачи! Да. Еще на ступеньку выше? Да. Но зачем бы-ло так наваливаться при всем народе?..
Навстречу вынырнули из толпы Ерохин с женой. Ерохин сияет.
— Как хорошо, правда?
Воробьев догадывается, почему у Ерохина такое чу-десное настроение, — нелегко ему далась победа, но вот уже три дня Ерохин идет впереди Торжуева.
Однако у Ерохина на уме совсем другое.
— Мы сейчас убегаем, — радостно сообщает он. — У нас ведь Мишутка соседке оставлен, его кормить по-ра, мы очень следим, чтоб по часам, — это очень важ-но для здоровья! Зато он каждые две недели по пять-сот грамм прибавляет...
Жена — по-матерински располневшая молодая жен-щина — снисходительно улыбается. Шрам ранения пере-секает ее миловидное лицо, но шрам как-то не портит ее, а только вызывает уважение и сочувствие.
— Ну вот, расхвастался! Побежим, пора!
Они спускаются по лестнице, а Воробьев глядит им вслед, — у него такое ощущение, будто он прикоснулся к чему-то очень хорошему.
Он возвращается на место немного успокоенным.

Смотрит с любопытством, но без увлечения. Пасовки, перебежки, удары... игра у ворот динамовцев... игра у ворот «Зенита»... Три игрока упали, мяч у четверто-го, защитник выбивает из-под ноги противника мяч и отправляет его подальше от своих ворот... Ну чего тут так кричать? Красные майки бегут на свою половину поля, мяч у ворот «Зенита», на трибунах стон и крик, даже Груня тихонько вскрикивает... Голубой бьет в верхний угол ворот, вратарь совершает почти немысли-мый прыжок, берет мяч и падает вместе с ним...
— А-а-а! — кричат на трибунах. Сто тысяч людей рукоплещут.
Воробьев хлопает и говорит, покачивая головой:
— Да, это прыжок... Здорово он!
Борьба продолжается в нарастающем темпе. Юркий игрок в голубой майке с семеркой на спине не отпускает мяч и не дает играть красной защите. Трибуны неистов-ствуют. Воробьеву интересно, как это он умудряется всех перехитрить, всех обвести. А вокруг стоит крик, многие вскакивают. Вратарь танцует на полусогнутых ногах, мяч перехватили у голубой семерки, несколько игроков сбились в кучу, кто-то кого-то толкнул или уда-рил, свисток судьи...
Судья назначает штрафной удар в ворота «Зенита». На трибунах начинается буря.
Гусаков вставляет два пальца в рот, пронзительно свистит, потом кричит во всю мощь своего голоса:
— Судью до-лой! Судью до-лой!
Его выкрик подхватывают Витя Пакулин, Кешка и другие цеховые паренька, сидящие в ряд, — впрочем, они уже не сидят, они вскочили, яростно стучат ногами и кричат так, что их лица побагровели от натуги.
Воробьев посмеивается, но и его немного тревожит этот штрафной удар.
Судья не обращает ни малейшего внимания на шум. Динамовец бьет, вратарь «Зенита» снова в прекрасном броске перехватывает мяч, трибуны бурно рукоплещут, а игра продолжается своим чередом.
Красные майки переводят игру к воротам динамов-цев, один игрок как будто бы собирается передать мяч другому — и вдруг сильно и точно издалека посылает мяч в ворога.
— Молодец! — выкрикивает Воробьев и хлопает в ладоши.
Он ликует вместе со всеми, когда на стороне ленин-градской команды поворачивается круглый щиток и еди-ница заменяется цифрой 2.
А борьба завязалась вновь, голубые торопятся скви-тать счет — до конца игры осталось одиннадцать минут.
Воробьев крякает от досады, когда игра снова перекидывается к воротам «Зенита». Он свистит, когда за-щитник, неумело отбив мяч, посылает его под ноги ди-намовцу. Потом замирает вместе со всеми, потому что напряженная борьба за мяч идет в опасной близости от ворот.
Удар!
Вратарь прыгает за мячом, но сила удара такова, что ему не удается удержать мяч, и тот влетает в ворота. Трибуны ахают и скорбно замолкают.
Счет —2:2.
До конца игры осталось восемь с половиной минут. Теперь Воробьев целиком захвачен азартом борьбы. Темп игры нарастает. Обе команды стремятся уйти от ничьей. С трибун несутся выкрики:
— Давай, Коля, жми! А ну, ребята, не плошай!
Игра у ворот «Динамо», нападающие подбираются все ближе... вот мяч у красного...
— Бей! — кричит Воробьев.
Нет, не использовал возможности, замешкался... мяч отбит к центру поля... голубые стремительно бегут туда и ведут мяч на другую половину...
Трибуны стонут.
Бьет гонг — до конца игры осталось пять минут.
И под звуки гонга голубая семерка делает неожидан-ный точный удар в верхний угол ворот — вратарь бро-сается в воздух, но даже этот искусный бросок не спа-сает положения.
Мяч в сетке.
Счет — 2:3.
На трибунах, уже не стонут, а трагически молчат. Теперь динамовцы не торопятся, часто отправляют мяч за боковую черту и медлят выбрасывать его.
— Эй ты, пошевеливайся, тепа! — кричит Кешка.

— Время тянут, дьяволы! — стонет Гусаков и, при-ставив ладони ко рту, кричит: — Ребята, не сдавай!
Красные яростно атакуют, но голубые опять отправ-ляют мяч за черту, и, как ни спешат подать мяч де-журящие у края поля мальчишки, до конца игры оста-лось полторы минуты.
Судья уже следит за секундомером.
Мяч с силой пущен в ворота «Динамо», но ударяется о штангу и отскакивает обратно, на трибунах рев до-сады, мяч ушел на середину поля — осталось двадцать девять секунд, — красные превосходно обходят голу-бых и уверенно ведут атаку на ворота.
— Бей! Бей! — вместе со всеми кричит Воробьев. Вот мяч у красного, тот уже отвел ногу для удара. Свисток судьи. Конец.
Общий вздох. Звуки марша, воспринимаемые как по-зывные всеми болельщиками страны, заглушают вор-котню знатоков, осуждающих и судью, и свою любимую команду, и тренера.
— Значит, мы проиграли, дядя Яша? — недоуменно бормочет Галочка.
— А все-таки это здорово увлекательно, все на све-те забываешь! — говорит Воробьев, поднимаясь вместе с семьей на верхнюю террасу.
Тенью проходит воспоминание о чем-то неприятном, волновавшем его до того, как он окунулся в этот свое-образный, всепоглощающий мир спортивных страстей. Ах да, критика Диденко!.. Но теперь Воробьев чувст-вует себя настолько освеженным, что происшедшее утром уже не кажется таким обидным. Подумаешь, недотрога! Три месяца ходил в опекаемых новичках — видно, хва-тит? Сколько раз тот же Диденко учил меня на ошибках других... почему бы теперь не поучить других на ошиб-ках Воробьева?..
— Яков Андреич! Воробьев! — кричит кто-то, проби-ваясь к нему сквозь толпу.
Это Диденко. Лоб его влажен, глаза горят. Он со всем пылом переживал игру, и сейчас ему необходимо высказаться. Проигрыш «Зенита» задел его, по актив-ности натуры он не просто огорчается, а ищет действия.
— Надо подкрутить профсоюзы и комитет по делам физкультуры! — говорит он. — Неужто нельзя найти но-вых игроков и кое-кого заменить?!
Воробьев молчит. Что-то мешает ему говорить с Ди-денко так же охотно, с открытой душой, как говорил прежде. Но Диденко, не обращая внимания на его на-хмуренный вид, подхватывает Воробьева под руку и вместе с ним подходит к Груне, остановившейся в сто-ронке рядом со стариками:
— О-о, и старая гвардия тут! Что, отцы, всыпали нашим?.. Ну, пойдемте выпьем чего-нибудь, пока тол-па схлынет. Горло пересохло, аж дерет.
— Кричали небось? — с лаской замечает Ефим Кузьмич.
— А то нет! Покричишь, когда такое творится.
По пути они прихватывают Немировых и Саганского с женой. Клава неохотно идет за мужем, она рас-строена проигрышем, и ведь последняя атака так хоро-шо развивалась, кто знает, если бы еще двадцать се-кунд...
Посмеиваясь, Григорий Петрович командует в пере-движном ресторанчике, сдвигая столики и заказывая кому пиво, кому лимонад, кому мороженое.
С моря тянет прохладой, надвигаются сумерки, но здесь, на высоте, еще светло, и от закатного нежного света все вокруг еще красивей, чем днем, и особенно приятно сидеть дружеским кружком за сдвинутыми сто-ликами, на ветерке, несущем запахи моря и цветов.
А болельщики все не унимаются. Гусаков уверяет Клаву, что штрафной был неправильно назначен, он прекрасно видел...
Ефиму Кузьмичу надоела воркотня приятеля:
— Ну что ты привязался, Иван Иванович? Вот уж истинно — гусак! Шипишь и шипишь! Кто играет, тот и проигрывает, что ж делать? Чем придираться со сто-роны, вспомни, великий городошник, как ты сам три ра-за подряд продул в рюхи этому… ну, как его? Вот па-мять-то! Ну, верзила такой, еще в кузнице работал... Ануфриев, вспомнил! Как ты вызвал его на смертный бой да и продул три подряд, а?
— Я?!
— Ты, конечно, а кто же?
— Я продул Ануфриеву? — притворно удивляется Гусаков. — Да когда это было?
— А как раз перед самой войной. Перед первой ми-ровой, империалистической, вот когда!
Клава хохочет и сквозь смех тихонько повторяет:

— Перед первой... империалистической... ох, не могу!
Всем становится весело, проигрыш «Зенита» забы-вается. Кто-то замечает Воловика с Асей и Полозова с Аней Карцевой, прогуливающихся по нижней террасе. Их окликают, подзывают.
— Кто выиграл? — безмятежно спрашивает Воловик. Тут только все замечают, что у этой четверки и воло-сы мокрые и купальные костюмы в руках.
— Мы были на пляже, а потом зашли стадион погля-деть, — спокойно объясняет Полозов.
Стулья сдвигают еще ближе.
— Не знаете, кто выиграл, и не знайте, я вам докла-дывать не обязан! — шутливо говорит Диденко. — Но вот пусть Григорий Петрович скажет, разве допустимо, что-бы начальники цехов женились, не докладывая началь-ству? И замотали свадьбу?!
— Ничего, не отвертится! Алексей Алексеевич, рас-кошеливайся!—обрадованно кричит Гусаков и вырази-тельно сигналит буфетчице.
Буфетчица подает бутылки и рюмки. Ставит на стол тарелки с бутербродами.
Пьют за молодых. Гусаков кричит:
— Горько, горько!
Аня смеется, краснеет и оглядывается: людей все еще много, как тут целоваться у всех на виду?
— Аня, ведь все свои! — говорит Алексей, сильной рукой обнимает ее за плечи и целует в губы.
— Теперь можно и по второй, — с облегчением за-являет Гусаков.
Разговор за сдвинутыми столиками становится все оживленней и бессвязней. Саганский и Немиров, при-тиснутые друг к другу, спорят о чем-то своем, спокой-ная, рассудительная речь Немирова перебивается воз-бужденным тенорком Саганского:
— ... если разобраться по существу, то эти самые оборотные средства...
— ...Доверь мне распоряжаться деньгами, так я...
Саганский уже немного пьян, а может быть, притво-ряется подвыпившим, чтобы вести себя вольготнее.
— Борис Иванович, постыдись, Борис Иванович, — громко шепчет ему жена.
Гусаков вдруг привстает и кричит:
— Валечка! Валя!
Неподалеку от них Аркадий Ступин угощает Валю Зи-мину лимонадом.
— Ну, чего кричишь? — упрекает Ефим Кузьмич. — Давно не видал, что ли? Оставь их...
Гусаков с досадой хмурится и тянется за бутылкой, но Ефим Кузьмич и тут перехватывает его руку:
— Довольно, Иван Иванович. Я тебя домой тащить не буду, не жди.
Воробьев горячо убеждает Диденко:
— Принять человека — поработать с ним нужно, подготовить! А разве мы не работаем? Вот Шикин. Сколько времени не замечали человека, а какой работ-ник оказался, когда дали ему развернуться!
Рядом Ася, горделиво вздернув носик, рассказывает Ане Карцевой:
— Я его еле вытащила! Он каждый вечер занимает-ся. Профессор взял с меня слово, что я буду следить и помогать. Профессор говорит, что при таких выдаю-щихся способностях...
Галочка стоит у колен Воробьева и медленно выли-зывает мороженое из вафельного стаканчика.
Терраса опустела. Теперь только редкие пары и груп-пки не спеша проходят мимо, останавливаясь, чтобы в последний раз поглядеть на уже сумрачное, вечернее море. Купола, встающего из воды, не видно, а там, где был купол, поблескивает яркий огонек.
— Дядя Яша, что это блестит и гаснет, блестит и гаснет?
— Маяк, — не оборачиваясь, говорит Воробьев.
Откуда он может знать, если он даже не обернулся? И все-то он знает, дядя Яша!
Немиров, схватив Диденко за руку, полушутя, полу-серьезно просит:
— Ну, ты нам открой свой секрет, не таи, Николай Гаврилович! Или ты действительно любишь критику, или ты артист, а?
Он поясняет Саганскому:
— Понимаешь, Борис Иванович, как его ни крити-куй, будто с гуся вода! Не переживает — и все!
Диденко смеется:

— Ох, Григорий Петрович, боюсь — узнаешь мой секрет, и сладу с тобой не будет.
— Значит, не переживаете? — настаивает Саганский, изумленно разглядывая человека, спокойно принимаю-щего критику.
— Жаль, моей жены тут нет, — смешливо щурясь, говорит Диденко. — Она бы вам рассказала… А что радуюсь я критике, так ведь ежели она развертывается вовсю — значит, и я молодец! А если люди смотрят, глаза зажмуривши, как коты, — значит, жирком оброс-ли. А тогда, выходит, я вдвойне плох! Да и самому ведь помогает, если подскажут — где недоделал, где не-додумал!
И обращается прямо к Воробьеву:
— Верно, Яков Андреич?
Минуту они испытующе смотрят друг другу в гла-за, потом Воробьев с улыбкой говорит:
— Так-то оно так…

Буфетчица нетерпеливо топчется вокруг засидевшей-ся компании — все уже разошлись, ресторанчики сво-рачиваются, работяги грузовики снуют взад и вперед, увозя тысячи ящиков с пустыми бутылками, перевер-нутые лотки, голубые тележки из-под мороженого.
На террасе совсем пусто. Только одна маленькая группа приближается, четко вырисовываясь на фоне за-катного неба, — двое юношей и девушка. Все трое идут медленно, поодаль друг от друга.
— Да ведь это Коля! — приглядевшись, вскрикивает Ефим Кузьмич. — Коля! Пакулин!
Николай не расслышал зова, а девушка покосилась в сторону шумной компании и тотчас отвернулась.
— Ну чего кричишь? Чего кричишь? — в свою оче-редь попрекает приятеля Гусаков. — Ходят — и пусть ходят... Эко право! — И тут же сам кричит: — Женя! Никитин!
Женя Никитин торопливо и даже обрадованно поки-дает Николая и Ксану, охотно подходит к столику и пристраивается на один стул с Сашей Воловиком.
Ефим Кузьмич смотрит вслед удаляющейся паре и виновато бормочет:
— А-а... Ну, пусть. Я ведь так.
От вечернего холодка и от мороженого Галочка озябла. Она прижалась к теплому боку дяди Яши, дя-дя Яша понял и прикрыл ее полой пиджака. Так очень уютно, но глаза почему-то не хотят больше смотреть, они сами прикрываются. Голоса звучат то очень дале-ко, то совсем близко и громко. Чужой толстый дядя вдруг страшно заволновался:
— При таких параметрах, вы себе представляете, какой нужен металл?
Через минуту он уже радуется:
— Это такая интересная задача! Такая задача!
Малознакомый Галочке Полозов, тот, которого за-ставили целоваться, с увлечением подтверждает:
— Да, таких сложных и увлекательных задач мы еще не решали. И чисто технических, конструкторских, и производственных!
Глаза Галочки опять смыкаются, голоса звучат да-леко, и снова возникает перед нею ярко-зеленое поле и упругий мяч, летящий в угол ворот, и фигура в черном, прыгающая на перехват мяча вверх и вбок...
— Детские игрушки! — вдруг отчетливо и громко звучит в ее ушах.
Она открывает глаза.
— Да, да, — счастливо улыбаясь, говорит Поло-зов.— Все, что мы делали до сих пор, — это детские иг-рушки по сравнению с тем, что нам предстоит!..
Галочка понимает, что игрушки здесь ни при чем. Но все выглядят довольными и взволнованными, и она не может понять почему.
— Дядя Яша, — шепотом спрашивает она, дергая Воробьева за полу пиджака. — Дядя Яша, чего они ра-дуются?
— Что? — переспрашивает Воробьев, но тут же по-нимает суть ее вопроса, оглядывает лица товарищей, смеется и отвечает:
— Да, наверно, оттого, Галочка, что нам снова будет очень нелегко.
Галочка понимающе кивает головой, — она уже успела узнать, что трудное всегда интересно.